

МАРКСИСТСКО-
ЛЕНИНСКАЯ
ТЕОРИЯ
ИСТОРИЧЕСКОГО
ПРОЦЕССА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

МАРКСИСТСКО- ЛЕНИНСКАЯ ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС:
ЦЕЛОСТНОСТЬ, ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ,
ФОРМАЦИОННЫЕ СТУПЕНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1983

Монография представляет собой вторую часть коллективного труда «Марксистско-ленинская теория исторического процесса». В соответствии с логикой теоретического воспроизведения исторического процесса через восхождение познания от абстрактного к конкретному в ней рассматриваются целостность исторического процесса, его единство и многообразие, формационные ступени. В труде обобщаются достижения советской общественной науки, дается критика буржуазных и ревизионистских концепций.

Редакционная коллегия:

академик Ф. В. КОНСТАНТИНОВ
(руководитель авторского коллектива),
доктор философских наук Ю. К. ПЛЕТНИКОВ
(ответственный редактор),

члены редколлегии:

доктора философских наук Л. П. БУЕВА,
В. В. ДЕНИСОВ, Ю. Е. ЕРЕМИН, А. К. УЛЕДОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Коллективный труд «Марксистско-ленинская теория исторического процесса» представляет собой системную разработку проблематики исторического материализма. Принцип материального единства мира, составляющий научную предпосылку материалистического решения основного вопроса философии, обосновывается применительно к общественной жизни путем всестороннего исследования человеческой деятельности как способа существования и развития исторической действительности, генезиса материальных общественных отношений. Органическое соединение принципа материального единства мира с принципом развития, логическим эквивалентом которого является восхождение познания от абстрактного к конкретному, позволяет содержательно рассмотреть теоретическую систему исторического материализма, органически включить в нее все его современные проблемы.

Будучи единственно возможным способом существования и развития исторической действительности, человеческая деятельность становится и «естественным» началом теоретического воспроизведения исторического процесса. Вместе с тем со всей определенностью надо подчеркнуть и другое: взятая сама по себе, деятельность людей — отнюдь не разгадка всех тайн исторического процесса. Материалистическое понимание истории начинается тогда, когда в развитии общества найдено то, что не зависит от сознания и воли людей, когда практическая (материально-производственная) деятельность людей становится ключом к пониманию природы материальных общественных отношений.

В соответствии с общей логикой нашего труда в первой ее части, опубликованной в конце 1981 г., теоретическое воспроизведение исторического процесса начинается с рассмотрения простейших характеристик целостности исторической действительности. Исследуется диалектика субъектов и объектов деятельности, истоки формирования общественных отношений, их система, соотношение общественных отношений и общения. Выяснение всеобщих начал и моментов деятельности, включая социальный детерминизм, общественные законы, потребности и интересы, ценности и оценки, цели, средства и условия, историческую необходимость и свободу, открывает путь для всестороннего анализа общественно-исторической практики как неразрывного единства практической деятельности и общественных отношений, а также источников и движущих сил исторического процесса. Специальный раздел посвящается рассмотрению материальной основы исторического процесса: общественного производства и его видов, диалектики производительных сил и производственных отношений, производства и потребления, разделения и кооперации труда. Завершается первая часть труда исследованием первичного и вторичного в историческом процессе, прежде всего взаимодействия общественного бытия и общественного сознания. Под углом зрения первич-

ного и вторичного проводится анализ и диалектики экономического базиса и надстройки.

Предлагаемая читателю вторая часть книги «Марксистско-ленинская теория исторического процесса», как и первая, начинается с целостной характеристики исторической действительности. Но отражение этой целостности представлено более глубоким сущностным уровнем социального познания. Исследование охватывает собой рассмотрение социальных систем, основополагающее место среди которых занимает общественно-экономическая формация, диалектику сфер общественной жизни, социально-исторических общностей людей, социальных ячеек общества, общества и личности, культуры, образа жизни, социального управления. Специальные разделы труда посвящаются раскрытию единства и многообразия форм исторического процесса и анализу исторического процесса в виде процесса развития и смены общественно-экономических формаций. Заключительный раздел, названный «От предыстории к подлинной истории человечества», подводит итоги теоретического воспроизведения исторического процесса, проведенного в первой и второй частях труда. Подлинная история человечества характеризуется как процесс формирования и развития коммунистической цивилизации.

Авторский коллектив и редакционная коллегия искренне признательны рецензентам докторам философских наук, профессорам Г. С. Арефьевой, Л. М. Архангельскому, В. И. Разину, пожелания и замечания которых сыграли важную роль в подготовке окончательного варианта рукописи.

* * *

Авторский коллектив второй части. Предисловие — Ю. К. Плетников. Раздел первый: глава 1 — В. А. Кутырев (3), Е. Н. Лысманкин (1, 2, 3), Ю. К. Плетников (1, 4); глава 2 — В. С. Барулин (1, 2), М. В. Лашина (2); глава 3 — Ю. Е. Еремин (1), М. В. Иордан (2, 3), В. В. Платковский (2), В. М. Семенов (3), А. Г. Харчев (5), А. С. Фриш (4); глава 4 — Л. П. Буюева (1, 2), В. Б. Власова (3), А. В. Разин (4), Ю. К. Плетников (1); глава 5 — В. М. Межуев; глава 6 — В. И. Толстых; глава 7 — Т. В. Керимова. Раздел второй: глава 1 — В. И. Мишин; глава 2 — С. И. Гончарук (2), М. А. Селезнев (1), Б. П. Скворцов (2); глава 3 — В. И. Куценко (2), Ю. К. Плетников (1); глава 4 — А. С. Айзикович. Раздел третий: глава 1 — Л. В. Данилова (1, 2, 3), Ю. Е. Еремин, А. С. Айзикович (5), В. Н. Шевченко (4); глава 2 — С. И. Гончарук (2, 3), Ю. Е. Еремин (3), Л. В. Данилова (1), Б. П. Скворцов (1, 2), Ю. К. Плетников (2); глава 3 — А. С. Айзикович (1, 2, 3), В. В. Денисов (2), Ю. К. Плетников (1); Раздел четвертый: глава 1 — Г. Г. Водолазов (3), В. М. Межуев (1, 2); глава 2 — А. С. Айзикович (1), М. П. Мчедлов (2).

Научно-вспомогательная работа и составление предметного и именного указателя — Т. Я. Кордюкова, В. В. Платковский.

ЦЕЛОСТНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Глава 1

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ФОРМАЦИЯ

1. Категория общественно-экономической формации. Критерии членения исторического процесса

Категория общественно-экономической формации обозначает исторически определенную ступень общественного развития, исторический тип конкретного общества, общественного устройства. Ее формирование соподчинено с разработкой материалистического понимания истории. Теоретический же результат принадлежит к разряду таких фундаментальных достижений человеческой мысли, которые превращают соответствующие знания в подлинную науку.

Материалистический подход позволил различить в истории определяющее и определяемое, глубинное и поверхностное. Он сделал возможным выделение объективной основы истории, открыл путь к членению исторического процесса и исследованию его законов. Материализм стал предпосылкой, обоснованием формационной теории и конкретных знаний об историческом процессе, полученных с ее помощью. Каждый исторический тип общества предстал живым, находящимся в развитии организмом, а история — закономерным процессом смены общественных форм, утративших свое прогрессивное значение, новыми формами, создающими более широкие возможности для развития материального производства, общественной жизни в целом. Моя точка зрения состоит в том, писал К. Маркс, что «я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественноисторический процесс...»¹. Общество «не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами»².

Только с позиции теории общественно-экономической формации можно осмыслить исторические факты, разобраться в особенностях этапов исторического процесса, исторических эпохах, общественном развитии регионов и отдельных стран. Формационная теория помогает осмыслить взаимодействие структурных элементов общества, его уровней, сторон, сфер. Особую ценность она

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 10.

² Там же.

имеет для анализа современности, ибо позволяет выяснить не только основное содержание современной эпохи, но и пути общественного прогресса тех народов, развитие которых по тем или иным причинам было заторможено в прошлые эпохи. Раскрывая объективную логику исторического процесса и сущность конкретных исторических типов общественного устройства, она создает возможности со всей глубиной понять важнейшие черты общественной жизни и в прошлом и в наши дни. Отсюда методологическое значение этой теории для всей системы общественных наук. Не случаен поэтому тот интерес, который проявляют к ней общественеды, представители самых разных отраслей знания.

Теория общественно-экономической формации разрабатывалась классиками марксизма-ленинизма на основе исследования всей человеческой истории, особенно истории буржуазного общества. Ее совершенствование и развитие открывали все новые горизонты более основательного решения и такой сложной научной проблемы, как выработка критериев членения исторического процесса, выделения его важнейших ступеней.

Проблема определения основных ступеней всемирной истории и ее периодизации возникла задолго до марксизма. Ее решение являлось насущной потребностью развития всех отраслей общественного знания. Если взглянуть на эту проблему исторически, то применительно к эпохе восходящей буржуазии можно нарисовать следующую картину. Сначала в основу членения исторического процесса были положены далекие от исторической реальности основания — библейско-евангельские легенды, начиная от сотворения мира. Затем история делилась на четыре периода, связанных с существованием «4-х великих империй» — ассирийско-вавилонской, медяно-персидской, греко-македонской и римской. Позже исторический процесс дифференцировался по эпохам — «эпоха древности», «эпоха средневековья», «эпоха нового и новейшего времени». Древняя эпоха продолжалась по этой схеме до крушения античной цивилизации, после чего наступало средневековье. Рубежом между средневековой и новой историей признавалось падение Византии (1453 г.). В дальнейшем такие рубежи были сдвинуты в буржуазной историографии на более позднее время. В рассматриваемом подходе к периодизации истории еще нет представления о качественно своеобразных этапах общественного развития, поэтому и рубежи между подобного рода традиционными эпохами устанавливались достаточно произвольно и столь же произвольно переносились³.

В буржуазной философии истории зародилось стремление найти и более глубокое основание членения исторического процесса. Подобные поиски характерны для представителей классической немецкой философии, которые пытались обнаружить качественные сдвиги в развитии общества. Вместе с тем в силу идеалистического понимания истории они искали эти сдвиги лишь в сфере сознания. Так, Кант внутреннее основание этапов истории видел в движении общества к нравственной автономии личности.

На пути к цели своей земной жизни, согласно Фихте, человеческий род проходит пять эпох, различающихся уровнем самосознания индивидов, фиксированного в степени развития человеческого разума. Соответственно выделялись эпохи: инстинкт разума, господство авторитета разума, освобождение от господства авторитета разума, наука разума и искусство разума. Последние эпохи в отличие от первых двух, когда разум еще слеп, характеризуются как эпохи зрячего господства разума³.

Попытки делить исторический процесс в зависимости от качественных изменений в уровне нравственного «совершенства» общества или в степени зрелости разума человеческого рода носили по сути дела внеисторический, умозрительный характер. Этапы в развитии нравственной автономии личности, или эпохи, различающиеся степенью зрелости разума человеческого рода, невозможно было совместить с реальным историческим процессом. Предложенные основания членения слишком неопределенны и расплывчаты. Однако сама постановка вопроса о том, что исторические этапы развития общества могут различаться не только хронологически, но и по существу оказалась плодотворной. Такой подход в дальнейшем был развит Гегелем, который за основу деления истории принял «дух народа».

С помощью категории «дух народа» Гегель пытался нащупать пути к конкретно-историческому анализу общественных форм и их эволюции. «Дух народа», в его интерпретации, был определенным по отношению к исторической ступени своего развития и обнаруживал себя в качественно особых формах государства, конституции, нравственной жизни, религии, искусства, науки. Таким образом, Гегель стремился показать, что в основе каждой ступени истории лежит собственный принцип. Познание «духа народа» осуществляется в его системе через анализ фактов самой истории, а понимание «духа народа» в конкретно-историческом выражении представляется основанием членения истории по признакам более глубоким, чем удаленность от современной для историка эпохи. Диалектический подход к истории позволил выделить качественно определенные ее этапы, которые Гегель связывал с уровнем самопознания обществом идеи свободы. Исходя из указанных посылок, он выделял восточный период в качестве исходного пункта исторического процесса, античный период и завершение истории связывал с германским периодом, полагая конституционную прусскую монархию предельным случаем в познании человечеством идеи свободы, а следовательно, и финалом истории.

Современник Гегеля Сен-Симон разграничивал исторические эпохи по характеру философских воззрений. Он выделял три основные стадии общественного развития — теологическую, метафизическую и позитивную. Различия между историческими

³ См.: *Илюшечкин В. П.* Традиционные эпохи и общественные формации. — Филос. науки, 1980. № 5.

⁴ См.: *Фишер К.* История новой философии. СПб., 1909. т. 6, с. 583—584,

эпохами соотносились им также с юридической деятельностью, суть которой выражалась в смягчении правовых норм, оформляющих эксплуатацию трудящихся. Так, эксплуатация рабов постепенно сменилась менее жесткой, основанной на крепостном праве, крепостное право — юридическими нормами эксплуатации свободного наемного труда. Сен-Симон писал, что переход «от феодальной и теологической системы к промышленной и научной» связан с уничтожением «феодальной юстиции и установлением менее притеснительного и более организованного правосудия»⁵. С этих позиций Сен-Симон, ограпичиваясь масштабами Европейского континента, определял древнюю эпоху как стадию господства рабовладельческой формы эксплуатации, средние века — крепостнической, а эпоху нового времени — эксплуатации наемного труда⁶.

В стремлении общественной мысли найти качественные особенности этапов человеческой истории заключается важная предпосылка формационной теории. Однако сама такая теория позволила по-новому, на принципиально ином, научном фундаменте осмыслить своеобразие и последовательность этапов исторического развития. Новый подход опирался на разные основания членения исторического процесса, которые уточнялись по мере углубления материалистического понимания истории, формирования теории общественно-экономической формации. Прежде чем рассмотреть эти основания, отметим, что первоначально К. Маркс не употреблял термин «формация» в его категориальном значении⁷. Он пользовался понятием «общество», которое было привычным для современного ему обществознания. В то же время в данное понятие вкладывалось уже иное, соответствующее материалистическому пониманию истории, содержание.

К. Маркс употреблял термин «общество» по крайней мере в двух смыслах: во-первых, общество трактовалось им как материальное образование, обособившееся от природы и соотносимое с ней, как человеческое общество, человечество и, во-вторых, — как конкретное, индивидуальное общество, «социальный организм»⁸ в единстве его общих, особенных и единичных признаков (древнеримское общество, французское общество и т. п.) и отдельный регион (например, восточное общество).

Нас в данном случае интересует первое значение понятия общества. Здесь также можно выделить два аспекта. Один, когда общество анализируется безотносительно к конкретно-историческому этапу его развития, в виде родового понятия — общества, «какова бы ни была его форма»⁹. Такая теоретическая абстракция необходима, поскольку она помогает понять сущностные характеристики общества, исследовать его материальную основу, уровни, стороны и др. Другой, когда в характеристику общества включается признак историзма, образуется понятие, по содержанию аналогичное тому, что позже стали именовать общественно-экономической формацией, т. е. понятие человеческого общества на определенном этапе его развития — античное (рабовладельческое), феодальное, буржуазное. Поскольку терминологическое

оснащение теории общественно-экономической формации складывалось постепенно и отставало от разработки содержания теории, постольку термин «общество» в указанном значении слова достаточно широко употреблялся и до создания адекватной терминологии и параллельно с ней.

Термин «формация», по общему признанию, был воспринят К. Марксом из геологической науки, где им обозначалось напластование геологических отложений определенного периода, которое представляло собой исторически сложившееся образование в земной коре. Применяв данный термин в обществознании, К. Маркс вложил в него новое содержание, хотя элемент аналогии при этом сохранился. Сходство между «формацией» в виде категории геологической науки и «формацией» в виде категории исторического материализма в том, что в обоих случаях речь идет о возникающих и изменяющихся образованиях.

Впервые в контексте обществознания категория «формация» была употреблена К. Марксом в 1852 г. в книге «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Анализируя политические процессы становления и развития буржуазного общества, К. Маркс обращал внимание на особенность формирования идей, отражающих коренные интересы нового эксплуататорского класса. Вначале эти идеи рядились идеологами буржуазии в форму, характерную для общественного сознания рабовладения и феодализма. Но так было лишь до утверждения буржуазных отношений. Как только «новая общественная формация,— отмечал К. Маркс,— сложилась, исчезли допотопные гиганты и с ними вся воскресшая из мертвых римская старина...»¹⁰. Нельзя не отметить и то, что термин «формация» употреблялся им в разных сочетаниях: «общественная экономическая формация», «экономическая формация», «общественная формация».

Важные шаги в определении критериев членения истории были сделаны К. Марксом еще в работе «К критике гегелевской философии права». В качестве таких критериев выдвигалось соотношение гражданского общества и государства. Под этим углом зрения различались древность, средние века, новое время и демократия будущего. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» история представлялась в виде процесса зарождения, движения и отмирания исторических форм отчуждения труда.

⁵ Антология мировой философии: В 4-х т. М., 1971, т. 3, с. 512—513.

⁶ См.: Изложение учения Сен-Симона. М., 1961, с. 255.

⁷ О некатегориальном использовании термина «формация» в ранних работах К. Маркса см.: Попов В. Г. У истоков идеи общественно-экономической формации К. Маркса.— Филос. науки, 1982, № 5.

⁸ См.: Семенов Ю. И. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки.— Вопр. истории, 1966, № 8; Плетников Ю. К. О природе социальной формы движения. М., 1971; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973; и др.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 402.

¹⁰ Там же, т. 8, с. 120.

Опираясь на данный критерий, К. Маркс выделял доклассовое, классовое и бесклассовое (коммунистическое) общества.

В «Немецкой идеологии», где материалистическое понимание истории обретает зримые черты и определенность, К. Маркс и Ф. Энгельс за основу членения исторического процесса взяли формы собственности, которые выражают различные ступени в развитии разделения труда¹¹. Соответственно были выявлены четыре господствовавших в историческом процессе форм собственности: племенная, античная (общинная и государственная), феодальная и буржуазная. Обосновывалась также неизбежность коммунистического общества. Несколько позже, в «Наемном труде и капитале», подчеркивая экономический аспект отношений собственности, его неотделимость от производственных отношений, К. Маркс писал: «Античное общество, феодальное общество, буржуазное общество представляют собой такие совокупности производственных отношений, из которых каждая вместе с тем знаменует собой особую ступень в историческом развитии человечества»¹². Наконец, в предисловии к книге «К критике политической экономии» К. Маркс, формулируя суть материалистического понимания истории, выделял еще один критерий членения исторического процесса — способ производства материальной жизни. В качестве прогрессивных ступеней общественного развития он называл — азиатский, античный, феодальный и современный ему буржуазный способы производства¹³.

В работах К. Маркса и Ф. Энгельса можно встретить и другие подходы к научному членению исторического процесса. Так, в «Капитале» в качестве основания для разграничения экономических формаций выделяется «та форма, в которой... прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя, из рабочего...»¹⁴. Этим, продолжал К. Маркс, отличается, например, «общество, основанное на рабстве, от общества наемного труда»¹⁵. Эпохи общественного строя, по его мысли, можно также различать по особому характеру и способу соединения работника (рабочей силы) и средств производства¹⁶.

Перечисленные критерии членения исторического процесса одноплановы по своей сути, ибо все они позволяют выделять конкретно-исторические типы устройства общественной жизни. При чем наиболее общий и фундаментальный характер имеет здесь способ производства материальной жизни. В. И. Ленин, исследуя вопрос о критериях формационного развития, особое значение придавал производственным отношениям, типам (формам) собственности, т. е. той стороне общественного способа производства, которая выражает общественные отношения между людьми. В методологическом плане данный критерий имеет то преимущество, что позволяет определять формационную принадлежность отдельных обществ, еще не обладающих всеми необходимыми типологическими чертами. Дело в том, что общество нового исторического типа начинает формироваться на материально-технической базе предшествующего этапа развития. Такая ситуация наи-

более наглядно обнаруживает себя в ходе становления капитализма и социализма. Адекватная материально-техническая база свойственна данным типам организации общественной жизни. складывается на зрелых ступенях развития капиталистической и коммунистической общественно-экономических формаций. Именно поэтому, хотя способ производства можно считать более полным и фундаментальным критерием членения исторического процесса, относительную самостоятельность и особую методологическую эффективность приобретают в качестве критерия производственные отношения и в первую очередь исторические типы (формы) собственности на средства производства.

Итак, общественный способ производства и производственные отношения в виде его стороны лежат в основе формационных ступеней исторического процесса и соответственно формационных типов конкретного общества. К. Маркс выделял рабовладельческое (античное), феодальное, буржуазное, коммунистическое общества. Он обращал внимание также на азиатский способ производства, а после работ Г. Маурера, Х. Банкрофта и особенно Л. Моргана в качестве исходного пункта развития человеческого общества называл архаическую формацию общинного типа. Определенной конкретизацией рассматриваемого основания членения исторического процесса выступает общественный способ соединения работника со средствами производства, а в условиях господства частной собственности — и форма «выжимания» прибавочного труда.

Анализируя через противопоставление общей и частной собственности специфические черты соединения работника со средствами производства, К. Маркс разделял докоммунистическую ступень исторического процесса на «первичную» и «вторичную» формации. «Земледельческая община,— замечал он,— будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой ко вторичной формации, т. е. переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности»¹⁷.

При сопоставлении исторических типов производственных отношений обнаруживаются обобщающие характеристики и в способах соединения в единое целое самих общественных индивидов, и в природе их социальной. В соответствии с этим К. Маркс различал отношения личной и вещной зависимости людей и отношения свободной индивидуальности, основанные на универсальном развитии индивидов. Исходя из такого основания, он выделял докапиталистические общества (отношения личной зависимости), капиталистическое общество (отношения вещной зависимости) и

¹¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 20—23.

¹² Там же, т. 6, с. 442.

¹³ См.: Там же, т. 13, с. 7.

¹⁴ Там же, т. 23, с. 229.

¹⁵ Там же, с. 229.

¹⁶ См.: Там же, т. 24, с. 43—44.

¹⁷ Там же, т. 19, с. 419.

коммунистическое общество (свободная индивидуальность)¹⁸. Наконец, самым обобщенным, генеральным делением исторического процесса является его дифференциация на предысторию и подлинную историю, начало которой открывает социализм как первая (низшая) фаза коммунистической общественно-экономической формации¹⁹.

Выяснение оснований членения исторического процесса убедительно доказывает, что К. Маркс употреблял термин «формация» далеко не однозначно. В предисловии «К критике политической экономии» такая смысловая неоднозначность термина присутствует в одном и том же фрагменте текста. «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства,— отмечал К. Маркс,— можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества»²⁰.

Не касаясь комментариев приведенных положений в марксистской литературе²¹, подчеркнем другое. В первом случае термин «формация» имеет, по нашему мнению, смысл «вторичной формации», включая такую историческую форму ее становления, как земледельческая (азиатская) община, во втором — этапа общественного развития, связанного с исторически конкретным способом производства. К. Маркс считал неудобным представление одним термином двух или нескольких понятий, в то же время он отмечал, что избежать этого полностью ни одной отрасли науки не удавалось²². Вся проблема заключается здесь в том, чтобы не отождествлять и не подменять разные по своему содержанию понятия. Фундаментальным для теории общественно-экономической формации является именно второе значение термина. Категория общественно-экономической формации отражает такие ступени исторического процесса, которые характеризуются своим особым способом производства, своим историческим типом производственных отношений и организации общественной жизни в целом. Она выделяет и фиксирует в историческом процессе то, что превращает его ступени в общественные системы, отличные от всех других образований исторической действительности.

Создание «Капитала» означало всесторонний анализ одной подобной ступени — капиталистической общественно-экономической формации. К. Маркс открыл законы ее возникновения, функционирования и гибели. Определение капитализма как конкретно-исторического типа организации общественной жизни и распространение данного подхода на прошлое и будущее человечества

позволило выделить и другие формационные ступени исторического процесса, соответствующие им конкретно-исторические типы организации общественной жизни. Что же касается иных оснований членения исторического процесса, то они производны от формационного. Но это не означает, будто в методологическом отношении подобные основания малоэффективны. Напротив, К. Маркс с успехом применял их при сравнении доклассового общества и классового, капиталистического и докапиталистических обществ, коммунистической формации и классовых и доклассовой общественно-экономических формаций. Такое сравнение было необходимо для решения главной познавательной задачи — обоснования исторической неизбежности перехода человечества к социализму и коммунизму. Именно поэтому центральной проблемой теории общественно-экономической формации стало исследование конкретно-исторического типа организации общественной жизни.

Теория общественно-экономической формации — противоположность абстрактному, внеисторическому пониманию общества. Существовавшие в буржуазном общественнознании представления об «обществе вообще» ни в коей мере не объясняли, да и не могли объяснить действительный исторический процесс. Поэтому, образно говоря, они «возникали и лопались, как мыльные пузыри»²³. Гигантский шаг вперед, сделанный К. Марксом, заключался в том, что он отбросил «рассуждения об обществе и прогрессе вообще и зато дал *научный анализ одного общества и одного прогресса — капиталистического*»²⁴. Все это отнюдь не означало, будто К. Маркс отказался от общего понятия общества. Вопрос формулировался иначе: начинать с общего понятия общества, пока не были открыты и изучены подлинные основы общественной жизни, означает начинать не с начала, а с конца. Именно поэтому на место бессодержательных рассуждений об обществе вообще «было поставлено *исследование определенных форм устройства общества*»²⁵.

Такой подход оказался в высшей степени плодотворным. Он позволил определить категорию общественно-экономической формации и доказать, что в самой исторической действительности развитие общественно-экономической формации есть естественно-исторический процесс. «Теперь — со времени появления «Капитала» — материалистическое понимание истории, — резюмировал В. И. Ленин, — уже не гипотеза, а научно доказанное положение...»²⁶

¹⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 100—101.

¹⁹ См.: Там же, т. 13, с. 8.

²⁰ Там же, с. 7—8.

²¹ См.: Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. М., 1975, с. 122—123; Теория общественно-экономической формации. М., 1983, с. 38—40.

²² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 228.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 142.

²⁴ Там же, с. 143.

²⁵ Там же, с. 430.

²⁶ Там же, с. 139—140.

Вывод о неизбежности социалистического переустройства общества — итог теоретического анализа капиталистической формации. «Бьет час капиталистической частной собственности,— писал К. Маркс, рассматривая вопрос об исторической тенденции развития капитализма.— Экспроприаторов экспроприируют»²⁷. Именно стремление опровергнуть этот вывод — ведущая идеологическая установка бжуазных социально-философских концепций.

Исторический материализм объявляется, например, английским философом-неопозитивистом К. Поппером²⁸ неким «историзмом» — «историческим пророчеством», «усиленным догматизмом» и т. п., — заменяющим якобы историческую реальность схемой, заранее предопределяющей общественное развитие от первобытного строя через классовое общество к коммунистической эре. Считая утопической задачу преобразования общественного строя, Поппер призывает к «социальной инженерии» (социальному проектированию частного характера), совершенствованию, обновлению отжившего свой век капитализма. Тем же целям служат в конечном счете и технологические концепции человеческой истории (теории «стадий роста», «стадий индустриализма», «волн цивилизации»²⁹ и т. п.), пытающиеся представить капиталистические отношения «естественными отношениями» жизнедеятельности людей.

Однако реальности современной эпохи властно врываются в умы трезво мыслящих бжуазных ученых. В этом отношении поучительны, в частности, итоги исследования истории известным английским обществоведом А. Дж. Тойнби. Созданная им концепция «локальных цивилизаций» явно направлена против марксистско-ленинской теории исторического процесса³⁰. Трактую «локальные цивилизации» в виде устойчивых общностей людей, связанных в определенных географических границах прежде всего духовным (в конечном счете религиозным) началом, он выводит единство истории за скобки действительной истории, предопределяя ее Законом Бога, который представляется самой свободой под другим, более озаренным именем³¹. Вместе с тем в последние годы своей жизни А. Дж. Тойнби не мог не отметить факт становления всемирной цивилизации. В этом процессе, считал он, «западная форма общества может выжить, если будет существенно ограничена частная собственность на средства производства...»³². При всех оговорках применительно к духовной сфере он высказывался даже за своеобразный «социализм» на экономическом уровне³³.

Рассмотрение исторического процесса в качестве процесса развития и смены общественно-экономических формаций составляет, по определению В. И. Ленина, один из краеугольных камней исторического материализма, «путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса»³⁴. Познавательная и методологическая ценность теории общественно-экономической формации в полной мере подтверждена всем ходом развития об-

щественных наук. Но и сама формационная теория не стоит на месте. На основе изучения современной общественно-исторической практики, а также фактического материала, накопленного общественнознанием, особенно исторической наукой, она обогащается новыми положениями и выводами.

2. Формационная теория и реальный исторический процесс

Будучи живым, творческим учением, формационная теория имеет и свои «трудности роста» — дискуссионные вопросы, активно обсуждаемые в научной литературе. Одним из таких вопросов является вопрос о категориальном статусе самого понятия общественно-экономической формации. Если историки считают крайне важным рассматривать общественно-экономическую (социально-экономическую) формацию в виде категории собственной науки, не выдвигая возражений против понимания формации в виде категории исторического материализма, то в политической экономии высказываются мнения, будто данная категория выступает только категорией политической экономии. Ее содержание ограничивается исключительно системой необходимых производственных отношений³⁵. В подобной трактовке формация становится всего-навсего экономическим базисом по отношению к самой себе.

Попытка свести формацию к производственным отношениям явно сужает значение этой категории, а главное она превращается в бесполезный дубликат уже существующего в науке понятия экономического базиса. От такого подхода мало чем отличается и стремление отождествить общественно-экономическую формацию со способом производства. Подобные взгляды высказывались еще в 30-е годы в ходе дискуссии об «азиатском способе производства»³⁶. Они вновь стали предметом обсуждения и в пе-

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 773.

²⁸ См.: Popper K. The Poverty of Historicism. 2 nd ed. L., 1960, p. 42, 64.

²⁹ См.: Rostow W. The Stages of Economic Growth. N. Y., 1970, p. 145; Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. N. Y., 1973, p. 11; Toffler A. The Third Wave. N. Y., 1980, p. 20, 26—62.

³⁰ «... Не вызывает сомнений,— пишет Ю. Н. Семенов,— что имплицитно понятие „цивилизация“ противостоит у него понятию общественно-экономической формации, служит как бы для ее подмены и даже отмены» (Семенов Ю. Н. Социальная философия А. Тойнби: Критический очерк. М., 1980, с. 47).

³¹ См.: Toynbee A. J. A study of history. Abridgement by D. C. Somerwell. L., 1957, vol. 2, p. 286—300.

³² Fürs Gaswerk sterben.— Spiegel, 1972, N 50, S. 156.

³³ См.: Toynbee — Ykeda dialogue. Man himself must choose. Tokyo, 1976, p. 101.

³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 58.

³⁵ См.: Усенко В. Г. Политическая экономия и управление производством. Л., 1975, с. 96.

³⁶ См.: Ефимов А. Концепция экономической формации у Маркса и Энгельса и их взгляды на структуру восточных обществ.— Историк-марксист, 1930, № 16, с. 129; Солец И. Прения по докладу А. Ефимова.— Там же, с. 146.

риод аналогичной дискуссии 60-х годов³⁷. Помимо крайней точки зрения, когда отстаивается представление об общественно-экономической формации исключительно как экономической категории, в научной литературе существуют и компромиссные решения. Некоторые авторы склоняются к тому, что категория общественно-экономической формации использовалась в работах основоположников марксизма-ленинизма в разных смысловых значениях. Иногда она выражала экономическую структуру общества (совокупность производственных отношений) и, следовательно, имела политэкономический смысл, в других случаях понималась также и в качестве социально-философской категории³⁸.

На первый взгляд указанная точка зрения может показаться привлекательной, ибо сразу снимает один из существенных вопросов, по поводу которого ведутся споры. Однако это только на первый взгляд. Несмотря на все заверения сторонников рассматриваемой концепции, остается недоказанной причастность классиков марксизма-ленинизма к подобного рода пониманию категории формации. Приводимые выдержки из классических работ нельзя считать прямым подтверждением данного вывода. Но суть дела даже не в этом. Никто из сторонников двоякого толкования понятия формации не показал его необходимости в теоретическом и методологическом планах. Более того, на наш взгляд, гораздо проще обосновать существенные недостатки «дуалистического» подхода.

Стоит отметить, что стремление свести содержание формации или к общественному способу производства или к экономическим отношениям логически связано с попыткой плюралистической интерпретации смыслового значения термина «формация». Так, в известной дискуссии об «азиатском способе производства», проведенной французскими марксистами³⁹, высказывались мнения, ведущие к отождествлению общественно-экономической формации со способом производства. Политические, идеологические и другие надстроечные явления исключались из ее содержания. Такое ограничение компонентов общественно-экономической формации послужило основанием для образования целого «семейства» весьма спорных понятий. В числе таковых выделялись экономическая формация, общественная формация, политическая формация. Все это объективно вело к предложениям изучать человеческое общество по частям. Необходимость же категории, отражающей целостность общественной жизни, по существу отрицалась⁴⁰.

Учитывая теоретические и методологические трудности, которые возникают перед обществознанием в связи с обозначением термином «формация» разных по содержанию явлений, большинство советских философов склоняются к однозначному толкованию общественно-экономической формации как категории исторического материализма. Подобное понимание проблемы отнюдь не снимает того факта, что в произведениях К. Маркса и Ф. Энгельса можно обнаружить разные аспекты и оттенки значения данно-

го термина. Именно это обстоятельство и пытаются, в частности, использовать в качестве теоретического аргумента сторонники истолкования общественно-экономической формации как экономической категории. Однако к такому выводу можно прийти, если ограничить научный анализ лишь отдельными работами К. Маркса и Ф. Энгельса, преимущественно ранними, или фрагментами, изолированными от контекста в других произведениях. Короче говоря, подобный вывод является, на наш взгляд, результатом одностороннего подхода к оценке высказываний классиков марксизма-ленинизма.

В философской литературе неоднократно предпринимались попытки объяснить неоднозначность термина «формация» в произведениях К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. М. С. Джунусов, например, объяснял это тем, что представление о формации и ее структуре у К. Маркса и Ф. Энгельса складывалось постепенно. По его мнению, в «Немецкой идеологии» прослеживаются лишь отдельные признаки этого понятия, перечисляются исторические типы (формы) собственности. В работе К. Маркса «Наемный труд и капитал» структура общества представляется более конкретно в виде совокупности производственных, экономических отношений. В произведении «К критике политической экономии» наряду с экономической выделяются социальная, политическая и духовная сферы общественной жизни. Наконец, в «Капитале» наиболее полно формулируются все компоненты, составляющие систему общественно-экономической формации³⁷.

Предлагаемый подход, когда предпринимается попытка рассмотреть воззрения К. Маркса и Ф. Энгельса по одному из центральных вопросов их теории, опираясь не на отдельные произведения, цитаты или фрагменты, а на все их философское наследие в целом, несомненно, правомерен. В данном случае формационная теория и ее категориальный аппарат анализируются в процессе их становления и развития. Анализ теоретических положений в генетическом ключе отвечает требованиям диалектического метода. Другим важным способом, позволяющим выяснить

³⁷ «В широком смысле Маркс понимал под „способом производства“ общественную формацию» (Никифоров В. Н. Концепция азиатского способа производства и современная советская историография.— В кн.: Общее и особенное в историческом развитии стран Востока: Материалы дискуссии. М., 1966, с. 41).

³⁸ См.: Федорова А. Т. Общественно-экономическая формация. М., 1959, с. 11.

³⁹ См.: Le Pense, 1971, N 159.

⁴⁰ Этот взгляд, высказанный Р. Галиссо, однако, не был господствующим, хотя он и нашел сторонников. В дискуссии английских марксистов «О стадиях социального развития», прошедшей несколько ранее (кроме английских ученых в ней принимали участие марксисты из ГДР), совсем не нашлось сторонников отождествления формации со способом производства или производственными отношениями. См.: On stages of social development.— Marxism today, 1962, 1965, 1969.

⁴¹ См.: Джунусов М. С. Общественно-экономическая формация как категория исторического материализма.— В кн.: Категории исторического материализма. Фрунзе, 1959, сб. 1, с. 13—14.

категориальный статус фундаментальных понятий в рамках социально-философской теории, является определение их места в общей системе категорий исторического материализма.

Учитывая высказанные методологические установки, возвратимся к позиции авторов, сводящих общественно-экономическую формацию к производственным отношениям. В этой связи нельзя обойти молчанием наиболее веский аргумент тех, кто настаивает на ее сугубо экономической природе. Выдвигаемый аргумент сводится к ссылке на высказывание В. И. Ленина. В нем подчеркивается, что К. Маркс установил «понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений ...»⁴². Приведенное положение часто считается достаточным для идентификации взглядов тех, кто сводит содержание формации к производственным отношениям, с позицией классиков марксизма-ленинизма.

Однако подобное основание не покажется достаточным, если взять не отдельные фрагменты произведений В. И. Ленина, а суть его теоретических позиций. Выступая против субъективистской социологии народников, В. И. Ленин раскрывал главное завоевание марксизма в философской науке об обществе — материалистическое понимание истории. Поэтому, ставя вопрос об общественно-экономической формации, он выдвигал на первый план экономическую структуру общества, с открытием базисной роли которой в системе общественной жизни и связано материалистическое понимание истории. Но такое открытие В. И. Ленин рассматривал в качестве исходного пункта теории общественно-экономической формации. «Материализм,— отмечал он,— дал вполне объективный критерий, выделив *производственные отношения*, как структуру общества, и дав возможность применить к этим отношениям тот общенаучный критерий повторяемости, применимость которого к социологии отрицали субъективисты». И далее: «...анализ материальных общественных отношений сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие *общественной формации*»⁴³.

Остановливаясь на исследовании К. Марксом капитализма, В. И. Ленин обращал внимание на то, что главным был здесь анализ системы товарного хозяйства, производственных отношений капитализма. На почве такого анализа К. Маркс, по словам В. И. Ленина, разработал экономическую теорию капитализма. Когда же В. И. Ленин раскрывал понимание К. Марксом системы капиталистической формации, он специально подчеркивал и другое: объясняя строение и развитие общественной формации исключительно производственными отношениями, К. Маркс «тем не менее везде и постоянно прослеживал соответствующие этим производственным отношениям надстройки, облекал скелет плотью и кровью»⁴⁴. И чтобы не оставалось никакого сомнения в том, каким образом К. Маркс представлял себе систему капиталистической формации, В. И. Ленин продолжал: в «Капитале»

автор показал читателю «всю капиталистическую общественную формацию как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями»⁴⁵.

Представляется, что приведенные положения В. И. Ленина не оставляют сомнения в том, как классики марксизма-ленинизма понимали содержание категории общественно-экономической формации. И вместе с тем есть еще одно обстоятельство, заслуживающее внимания. В научной литературе, о чем уже шла речь, высказывалось предложение употреблять термин «формация» в двух смыслах: как экономическую категорию и как категорию исторического материализма. К этой точке зрения стоит возвратиться, ибо ее пытаются подтвердить тем, что В. И. Ленин, раскрывая теорию формаций, употребляет два термина: «общественная формация» и «общественно-экономическая формация». Причем термин «общественно-экономическая формация» у него нередко связывается с производственными отношениями, а термин «общественная формация» — с сущностным рассмотрением общественной жизни в целом.

Однако использование В. И. Лениным двух указанных терминов вряд ли можно с достаточной долей достоверности толковать в виде признания им двух разнопорядковых категорий. На наш взгляд, он не проводил различия между содержанием понятий «общественная формация» и «общественно-экономическая формация». Действительно, в ряде случаев В. И. Ленин определял понятие общественно-экономической формации через совокупность производственных отношений, вместе с тем он придавал такой же смысл и понятию общественной формации, трактовал то и другое понятие как синонимы⁴⁶. Совокупность производственных отношений всегда рассматривалась им в качестве первичной, определяющей структуры формации.

В научной литературе, начиная с 50-х годов, общественно-экономическая формация характеризовалась как целостная общественно-историческая система, представляющая собой исторически определенную ступень развития общества. Можно считать, что такой взгляд на формацию признан подавляющим большинством философов в нашей стране. Об этом свидетельствуют публикации последних лет. Такая точка зрения принимается исследователями и в других социалистических странах⁴⁷. Причем важно помнить,

⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 139.

⁴³ Там же, с. 137.

⁴⁴ Там же, с. 139.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ См.: Там же, с. 138, 139.

⁴⁷ См., например: Ганюцкий С. Общественно-экономическая формация и мирное сосуществование. М., 1964, с. 87.

что речь здесь идет о человеческом обществе, человечестве. Общественно-экономическая формация — исторически определенная ступень развития не отдельной страны или региона, а всемирной истории. Поэтому категория общественно-экономической формации не охватывает своим содержанием всего многообразия явлений и событий развития конкретного, индивидуального общества. Она обозначает только существенные характеристики такого общества (социального организма), его исторический тип — принадлежность к определенной ступени всемирно-исторического процесса. Исследования показывают, что классики марксизма-ленинизма понимали под капиталистической формацией, например, сущностно-общие черты, свойственные всем отдельным капиталистическим странам. Капиталистическая общественно-экономическая формация трактовалась ими как предельно развитая система капиталистических отношений. Возникает и более общий вопрос о соотношении формационной теории и истории.

Поставленный вопрос глубоко философский по самой своей сути. В этом плане типичная черта всех господствующих до наших дней в буржуазном общественном сознании концепций исторического процесса состоит в отрыве теории от жизни. Теория и ее понятийный аппарат рассматриваются, в частности, не в виде отражения действительности, а в виде набора субъективных приемов, пригодных для упорядочения потока эмпирических данных. Понятия выступают здесь в качестве субъективного конструкта, выработанного учеными для удобства систематизации фактического материала. Классическим примером такого рода толкования роли понятий может служить «теория идеальных типов» М. Вебера.

Среди марксистских обществоведов, разумеется, нет сторонников подобных субъективно-идеалистических концепций. Однако предостеречь от аналогичных ошибок необходимо, ибо они могут возникнуть невольно из-за абсолютизации правильного теоретического положения об относительной самостоятельности понятий в процессе познания. Стоит только преувеличить эту относительную самостоятельность, как откроется своеобразная «лазейка» для различного рода гносеологических просчетов.

Существует, однако, и другая крайность. Иногда исследователи преувеличивают момент гносеологического совпадения содержания понятий с отражаемой действительностью. При таком подходе общественно-экономическая формация ничем не отличается от конкретного общества, процесс же смены формаций отождествляется со всем историческим многообразием общественного развития. Исходя из этого некоторые исследователи пытались обязательно обнаружить классические формационные типы без каких-либо «примесей» в отдельных регионах и странах в тот или иной период их истории. Но «чистых» явлений ни в природе, ни в обществе нет и быть не может. Этому учит диалектика, показывающая, что само понятие «чистота» есть некоторая узость, однобокость человеческого познания, не охватывающая предмет до конца во всей его сложности. «На свете, — писал В. И. Ленин, —

нет и быть не может «чистого» капитализма, а всегда есть *при- меси* то феодализма, то мелочности, то еще чего-нибудь»⁴⁸. Поскольку полного гносеологического совпадения содержания понятия с отражаемой действительностью быть не может, постольку в рассматриваемой ситуации приходилось либо подгонять факты под схему, огрублять исторический процесс, либо выражать неудовлетворенность самой теорией.

Научная теория исторического процесса адекватно отображает исторический процесс. Однако это правильное положение должно быть еще и правильно понято. Адекватное отражение общественной жизни в теории означает точное выражение ее сущности, а не всего многообразия исторических фактов. Раскрывая природу логического, Ф. Энгельс писал, что оно есть «не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс»⁴⁹. Именно теоретическое «исправление» исторической действительности и означает более глубокое ее познание, хотя достигается оно за счет отвлечения от многообразных форм проявления существенного и типичного в реальной истории. Поэтому при «расхождении» теории с жизнью, прежде чем высказывать неудовлетворенность определенными теоретическими положениями, необходимо ясно представлять, в чем состоит специфика теоретического отражения действительности, чего можно ждать от теории в познании общественной жизни и какова методология ее применения в ходе получения конкретного знания.

С признания того, что в учении об общественно-экономической формации отражается сущность исторического процесса и каждого из качественно особых этапов его развития, начинается понимание этого учения как теории. Изучение производственных отношений, которые оказались одинаковыми в странах, достигших примерно равного уровня развития производительных сил, и позволило обнаружить повторяемость в истории и таким путем, отметим еще раз, выработать понятие *общественной формации*⁵⁰. Все это, по мысли В. И. Ленина, и стало переходом от описания общественных явлений к их строго научному анализу, «выделяющему, скажем для примера, то, что отличает одну ка-

⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 242. Нельзя не вспомнить слова Ф. Энгельса: «Разве феодализм когда-либо соответствовал своему понятию? Возникший в Западнофранкском королевстве, развитый дальше в Нормандии норвежскими завоевателями, усовершенствованный французскими норманнами в Англии и Южной Италии, он больше всего приблизился к своему понятию в эфемерном Иерусалимском королевстве, которое оставило после себя в «Иерусалимских ассизах» наиболее классическое выражение феодального порядка» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 39, с. 356).

⁴⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 497.

⁵⁰ «...Категория общественно-экономической формации, выражающая ступени всемирно-исторического процесса, рассматривается нередко в качестве абстракции формально-логической, т. е. как категория, выведен-

питалистическую страну от другой, и исследующему то, что обще всем им»⁵¹.

Чтобы добиться такого результата, простого сравнения отдельных, конкретных обществ недостаточно. Необходимо было обратиться к одному из них, достигшему наивысшей точки своего развития⁵². Опираясь на данный логический прием, К. Маркс создал абстракцию капитализма, фиксирующую сущностно-общие черты разных капиталистических обществ, изучая преимущественно общественные условия английской капиталистической действительности — самого развитого в то время буржуазного общества. Выбор Англии, следовательно, был далеко не случаен. Новая стадия развития, в которую Англия вступила с открытием калифорнийского и австралийского золота, и огромный материал по истории политической экономии, собранный в Британском музее, делал Лондон, по словам К. Маркса, удобным наблюдательным пунктом изучения буржуазного общества⁵³. В этом смысле категория капиталистической общественно-экономической формации обозначала идеальный капиталистический строй — «идеальный», разумеется, лишь в плане наиболее полного развития данных общественных отношений, т. е. отношений домонополистического капитализма.

Для понимания характера применения принципа идеализации в создании теоретического образа капиталистического общества большое значение имеет ленинское прочтение К. Маркса. Замечания В. И. Ленина свидетельствуют о глубочайшем его проникновении как в существо марксизма, так и в механизм теоретического анализа исторического процесса. Отмечая, что в «Капитале» К. Маркс раскрывает «идеал капиталистического производства», он, в частности, писал: «Теория капитала предполагает, что рабочий получает полную стоимость своей рабочей силы. Это — идеал капитализма, но отнюдь не его действительность. Теория ренты предполагает, что все земледельческое население вполне раскололось на землевладельцев, капиталистов и наемных рабочих. Это — идеал капитализма, но отнюдь не его действительность. Теория реализации предполагает пропорциональное распределение производства. Это — идеал капитализма, но отнюдь не его действительность»⁵⁴. В отличие от идеализированной модели в реально существующем капиталистическом обществе пена рабочей силы отклоняется от ее стоимости. В сельском хозяйстве помимо землевладельцев, капиталистов и наемных рабочих есть еще широкий слой крестьян, мелких товаропроизводителей или мелких буржуа. Только в предельном случае капитализм до конца разлагает мелких производителей. Однако именно дифференциация общества на капиталистов и наемных рабочих выражает самую глубокую сущность капиталистического способа производства.

Наряду с типологическим аспектом построения теории общественно-экономической формации, когда исторический тип общества рассматривается в предельно развитой форме, существует

еще и другой не менее важный подход. Есть все основания считать такой подход генетическим, ибо он касается становления, развития и отмирания исторически определенной общественной формы. Речь идет о периодах, фазах, ступенях, которые проходит общественно-экономическая формация, сохраняя свою качественную определенность по отношению к другим формационным типам общества. Так, в виде предпосылки становления капиталистической формы производства К. Маркс выделяет производство товаров, а товарную форму продукта труда рассматривает как «клеточку» буржуазного общества, обнаруживающую все его противоречия. При определенных условиях мелкотоварное производство превращается в экономическую основу формирования капитализма. В. И. Ленин указывал, что в условиях возникновения капитализма мелкотоварный уклад является его «резервом». «Разложение крестьянства,— писал он,— показывает нам *самые глубокие* противоречия капитализма в самом процессе их *возникновения* и дальнейшего роста *»⁵⁵.

Генетический анализ капиталистической общественно-экономической формации позволяет сделать вывод, что эта формация (как, впрочем, и любая другая докоммунистическая формация) пачинает свое движение с неразвитых форм, проходя через развитые, вступает затем в полосу увядания и гибели. Вместе с тем генетический взгляд на общественно-экономическую формацию не ограничивается только анализом развития каждой формации в отдельности. Все общественно-экономические формации — ступени развертывания всемирной истории. Производительные силы, составляющие внутреннюю непрерывную, связующую нить человеческой истории, выступают основой общественного прогресса. Сам же прогресс осуществляется через качественное изменение общественных форм, в рамках которых люди производят необходимые материальные средства жизни. Каждая общественно-экономическая формация становится в генетическом аспекте такой ступенью исторического процесса, которая так или иначе детерминирует дальнейшее движение человечества.

ная путем простого суммирования процессов на их локально-историческом уровне как некое среднееарифметическое эмпирических обществ.

Между тем в этой категории в каждом конкретном случае выражен внутренний принцип движения общества на данной стадии его развития. Она суть высшее содержательное единство, скрытое за внешним многообразием форм стадияльно близких обществ» (*Барг М. А. Учение об общественно-экономических формациях и конкретный анализ исторического процесса.*— В кн.: *Очерки методологии познания социальных явлений.* М., 1970, с. 253).

⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 137.

⁵² См.: *Розенталь М. М. Диалектика «Капитала» К. Маркса.* М., 1967, с. 393.

⁵³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 13, с. 8.

⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 80.

* Это полностью относится и к мелкотоварному ремесленному производству в городе.— *Авт.*

⁵⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 188.

Наряду с понятием общественно-экономической формаций в научной, особенно исторической, литературе часто используется и понятие исторической эпохи. Для выяснения целостности и системного характера формационного развития важно уточнить их соотношение, имея в виду и то, что даже одними и теми же авторами по данному вопросу подчас высказываются противоречивые суждения. Исторические эпохи квалифицируют, например, как периоды в развитии общественно-экономических формаций и одновременно формации определяются как этапы исторической эпохи⁵⁶. Вместе с тем исходные позиции определены в философской литературе достаточно ясно. В частности, справедливо отмечается, что понятие общественно-экономической формации характеризует ведущие тенденции определенной ступени общественного развития, тогда как понятие «исторической эпохи» более конкретно выражает многообразие процессов, совершающихся в данное время на данном этапе истории»⁵⁷.

В философской литературе утвердился вывод о разноуровневой природе рассматриваемых понятий. Категория общественно-экономической формации, на что уже обращалось внимание, фиксирует достигнутую ступень развития всемирной истории и соответственно исторический тип отдельного общества, его сущностные черты. Категория же исторической эпохи — определенный отрезок реальной истории в единстве сущностно-общего, особенного и единичного. Историческая эпоха охватывает собой все многообразие сосуществующих социальных организмов различных исторических типов, их многоукладность, переплетение и взаимодействие. «Эпоха потому и называется эпохой, — отмечал В. И. Ленин, — что она обнимает сумму разнообразных явлений и войн, как типичных, так и нетипичных, как больших, так и малых, как свойственных передовым, так и свойственных отсталым странам»⁵⁸.

Исторические эпохи — это всегда качественно особые периоды в истории. Сущность эпохи составляет исторический тип общественных отношений, которые определяют ее основное содержание. Они характеризуют формационную принадлежность эпохи, ее формационный тип. Так выделяются: эпоха рабовладения, эпоха феодализма и т. д. Поскольку каждая формация развивается и в ходе этого развития дифференцируется на отдельные этапы, постольку содержание эпохи не остается неизменным. В этом смысле эпоха определенного формационного типа разделяется на периоды, которые, в свою очередь, также обозначаются термином «эпоха» («эпоха домонополистического капитализма», «эпоха империализма» и др.). Понятие эпохи может фиксировать и переходное состояние всемирной истории. Таковой, например, выступает современная историческая эпоха.

В документах КПСС и международных Совещаний коммунистических и рабочих партий дан научный анализ современной эпохи. Ее основное содержание составляет переход от капитализма к социализму. Но он осуществляется не сам по себе, а во вза-

имодействии со странами, находящимися на более низкой стадии общественного развития. На эти страны все большее влияние оказывают глубинные тенденции исторического процесса, порождая такое явление наших дней, как социалистическую ориентацию — историческое развитие отставших стран, минуя капитализм.

Будучи конкретным периодом всемирной истории, историческая эпоха неотделима от определенного формационного развития. Вместе с тем формационное развитие не исчерпывает и в принципе не может исчерпать всего богатства исторической эпохи. Адекватность теории общественно-экономической формации реальному историческому процессу — отнюдь не зеркальное его отражение. Она достигается иным путем — методом восхождения от абстрактного к конкретному. Только так можно получить теоретически осмысленные конкретные знания о реальном историческом процессе во всем многообразии его проявлений. Поэтому создание теории общественно-экономической формации классики марксизма-ленинизма не считали самоцелью. Социально-философские категории в отрыве от реальной истории не имеют научной ценности. Их значение в том, что они — ступеньки познания исторической действительности, позволяющие систематизировать и обобщать фактические данные. Причем «трудности,— по словам К. Маркса и Ф. Энгельса,— только тогда и начинаются, когда приступают к рассмотрению и упорядочению материала — относится ли он к минувшей эпохе или к современности,— когда принимаются за его действительное изображение»⁵⁸.

3. Формация как исторически развивающаяся система

В противоположность умозрительным конструкциям исторического процесса теория общественно-экономической формации исходит из его действительного единства, восходящей направленности системной организации. Основные понятия системного подхода не только применимы к исследованию истории, но и сами формировались в ходе ее изучения. Марксизму внутренне присущ взгляд на общество как на сложную исторически развивающуюся целостную систему⁶⁰. Этот взгляд противостоял различ-

⁵⁸ См.: Еневич Ф. Ф. Общественно-экономические формации как ступени общественного прогресса. Киев, 1967, с. 6.

⁵⁷ Основы марксистско-ленинской философии. М., 1971, с. 287.

⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 86—87.

⁵⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 26.

⁶⁰ См.: Маркарян Э. С. Метод анализа социальной системы.— В кн.: Социология и идеология. М., 1969; Андреев И. Л. Системно-генетический анализ и проблема смены формаций.— Вopr. философии, 1972, № 4; Афанасьев В. Г. О системном подходе в социальном познании.— Вopr. философии, 1973, № 6; Он же. Системность и общество. М., 1980; Барг М. А. Проблемы социальной истории. М., 1973; Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973; Кузьмин В. П.

ным механистическим подходам, когда философ, по замечанию В. И. Ленина, чисто метафизически рассматривает общественные отношения в виде некоего простого механического агрегата тех или других явлений, когда «ему чужд, говоря языком Маркса, диалектический метод, обязывающий смотреть на общество, как на живой организм в его функционировании и развитии»⁶¹.

В настоящее время среди философов, социологов, экономистов и других обществоведов, пожалуй, вовсе не найти авторов, которые трактовали бы общество в виде простого скопления индивидов и не уподобляли бы его некоторой органичной целостной системе. Это положение стало само собой разумеющимся. Вопрос заключается теперь в том, как понимать эту целостность. Здесь — центр рассматриваемой проблемы и центр противостояния марксизма-ленинизма ее идеалистическим интерпретациям. Важно также подчеркнуть, что изучение общества в качестве системы в методологическом отношении достигло «стадии системности». В науке возникли соответствующие средства изучения таких сложных целостностей, какими выступают общественные системы.

Хотя понятия системы, структуры, элемента являются общими для всех наук, в различных отраслях знания они истолковываются неодинаково. Это обусловлено прежде всего природой предмета изучения и при содержательном анализе в какой-то мере неизбежно. Отсюда вытекает также, что рассмотрение общественно-экономической формации как развивающейся целостности необходимо предварить хотя бы кратким воспроизведением понятийного аппарата системно-исторического подхода. Причем в данном случае берется наиболее общий уровень системности, соответствующий сущностному и всемирно-историческому характеру формационной теории.

Раскрывая общее понимание системы, В. П. Кузьмин рассматривает ее в виде определенного множества «взаимосвязанных элементов, образующих устойчивое единство и целостность, обладающих интегральными свойствами и закономерностями»⁶². Элементами или системами могут быть предметы, связи, отношения, стороны, состояния, уровни развития и т. п., т. е. исходные единицы любой природы, образующие данную систему. Целостность множества выступает показателем степени их взаимообусловленности. Она носит исторический характер, осуществляясь в процессе возникновения и упрочения связей между элементами. Каждый элемент, в свою очередь, может быть рассмотрен как отдельная система, а в более общей целостности — как ее подсистема. Представление множества в качестве системы достигается уже на уровне практико-эмпирической деятельности с объектами. Оно лежит в основе абстрагирующей деятельности субъекта по выявлению структуры системы. Любая целостность имеет особый интегрирующий фактор, который носит системообразующий характер для остальных единиц множества. Объект фактически невозможно представить системно, не выявив такого фактора,

Проводя аналогии между обществом и биологическим организмом, домарксистские философы признавали системность того и другого. Вместе с тем это было своего рода квазисистемное уподобление. Эти философы не осознавали и не могли до конца осознать специфику общественно-исторической системы. Хотя эмпирически отличие общества от других систем вполне ясно — общество состоит из людей, сформулировать это отличие теоретически невозможно без выявления действительной основы человеческой жизнедеятельности. Необходимо было выработать конкретно-историческое понятие общественной целостности. Вычленив в качестве системообразующего фактора общественной жизни производственные отношения, К. Маркс (на что уже обращалось внимание) выделил общественно-экономическую формацию как исторический тип общества и, по словам В. И. Ленина, впервые поставил обществознание на научную почву. Без категории общественно-экономической формации системное понимание общества не было содержательным, оно находилось на уровне формальных аналогий с биологическими системами и человеческим организмом.

Правда, в немарксистской философии и социологии также есть теории, которые рассматривают общество в виде реально существующей системы. Считая интегрирующим фактором явления сферу сознания, такие концепции определяют ее по типу культуры, моральных ценностей, по господствующим религиозным воззрениям и т. п. Иначе как идеалистической подобную интерпретацию системности общественной жизни назвать нельзя. Другая попытка системного толкования общественного развития, предпринятая в недавнее время, заключается в характеристике общественных систем по материально-техническим показателям.

Теория стадий экономического роста, концепции индустриального и постиндустриального общества были призваны заменить учение К. Маркса об общественном развитии как прогрессивном естественноисторическом процессе смены общественно-экономических формаций. Принципиальная несостоятельность технологических теорий, берущих в качестве системообразующих факторов не отношения между людьми, а их отношение к природе или, точнее, технику и технологию, заключается в редукционизме, вульгарной материализации исторического процесса, что убедительно показано в марксистской литературе⁶³.

Теоретически конкретное в этом аспекте понятие общественной системы, каким является категория общественно-экономиче-

Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1976, 1980; Краснов В. М. К понятию общества как социальной системы. — Филос. науки, 1977, № 2; и др.

⁶¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 192.

⁶² Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1980, с. 11.

⁶³ См.: Борьба идей в современном мире. Современный капитализм: противоречия и доктрины. М., 1976, т. 2; и др.

ской формации, позволило с последовательно научных позиций разрешить проблему соотношения общего и отдельного в развитии общества, преодолеть эмпирическую ограниченность, когда общество трактуется в виде совокупности индивидов, и абстрактность, когда оно представляется (пусть даже системно) вне реального исторического развития. Обусловленность производственными отношениями — характерная черта любой стадии исторического процесса, будь то рабовладение или феодализм, капитализм или коммунизм. Но производственные отношения — всегда отношения определенного исторического типа. Именно поэтому и общественные системы выступают как конкретно-исторические.

Рассматривать не всю историю сразу, т. е. выделять временные ступени, отрезки, периоды, довольно естественно для познания исторической действительности. Суть диалектико-материалистического подхода состоит здесь в другом: общество берется не как чисто логическая абстракция или квазисистема и не как идеальная или технологическая целостность, а как система, самую глубокую сущность которой составляет совокупность производственных отношений. Применительно к всемирной истории в целом материалистически понятая общественная система — это общественно-экономическая формация. По замечанию В. Г. Афанасьева, она «есть наиболее общая, универсальная форма целостности, системности общества»⁶⁴.

Выражая материалистическое, подлинно системное, историческое понимание общественного развития, теория общественно-экономической формации играет принципиальную роль в марксистско-ленинском общественном знании. Через формационную теорию принципы диалектики, т. е. общей теории развития, особенно рельефно, наглядно становятся имманентной чертой исторического материализма. Важно подчеркнуть и то, что, выделяя материальные основы общественной жизни в качестве ее детерминирующего начала, исторический материализм не сводит их к вещному выражению, к предметности.

Конечно, существование человеческого общества невозможно без людей. Преобразованная природа, средства производства и непродизводительного личного и группового (коллективного) потребления также являются его составными компонентами. Общество, подчеркивал К. Маркс, — «продукт взаимодействия людей»⁶⁵. В то же время, по известному и хорошо обоснованному им положению, общество состоит не из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых они находятся друг к другу⁶⁶. Только такой подход позволяет проводить его действительно научный анализ.

Любые образования общественной системы, допустим деньги, функционируют как вещи, которые обладают объемом, весом, другими физическими свойствами. Капитал — совокупность денег, орудий труда, оборудования и т. д. Деньги, капиталы можно видеть, осязать, перемещать в пространстве, подобно всем иным предметам. Их можно описать языком наблюдения. Однако еще

в полемике с П.-Ж. Прудоном К. Маркс доказывал, что деньги не вещь, а отношение между людьми. Капитал — также общественные отношения. Социальность вещей чувственно не воспринимается и не описывается языком наблюдения. Для ее обнаружения нужна сила абстракции, способность видеть глубинные связи. Доказательство данного положения совершило переворот в политической экономии XIX в., методологическое же его значение выходит далеко за ее пределы. Оно стало крупнейшим открытием в общественном знании, помогая уяснить смысл и таких понятий, как система, элемент, структура.

Анализируя труды классиков буржуазной политической экономии, К. Маркс показал различие эмпирического и теоретического подходов к рассмотрению явлений. В частности, он писал о методе А. Смита: «Сам Смит с большой наивностью движется в постоянном противоречии. С одной стороны, он прослеживает внутреннюю связь экономических категорий, или скрытую структуру буржуазной экономической системы. С другой стороны, он ставит рядом с этим связь, как она дана видимым образом в явлениях конкуренции и как она, стало быть, представляется чуждому науке наблюдателю ... Оба эти способа понимания, из которых один проникает во внутреннюю связь буржуазной системы, так сказать в ее физиологию, а другой только описывает, каталогизирует, рассказывает и подводит под схематизирующие определения понятий то, что внешне проявляется в жизненном процессе, в том виде, в каком оно проявляется и выступает наружу, — оба эти способа понимания у Смита не только преспокойно уживаются один подле другого, но... и постоянно друг другу противоречат»⁶⁷.

Проникновение в скрытую структуру буржуазной экономической системы К. Маркс называет эзотерическим способом исследования, а описание явлений, как они даны в непосредственном наблюдении, — экзотерическим. Те и другие приемы эмпирического (экзотерического) и теоретического (эзотерического) исследования нужны и находят широкое применение в общественных науках. Важнейшим условием их эффективности служит знание о границах действия каждого, умение различать и связывать их так, чтобы они дополняли друг друга. Изучение состава, строения, сторон, сфер и тому подобной общественной жизни, т. е. морфологии общественной системы, выступая задачей эмпирических исследований, служит необходимым предварительным условием анализа ее сущности, хотя уже здесь, в свою очередь, используются и определенные теоретические концепции. Наряду с эмпирическим знанием существует и теоретически осмысленное знание об обществе, которое выступает итогом его научного познания.

⁶⁴ Афанасьев В. Г. Системность и общество, с. 256.

⁶⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 402.

⁶⁶ См.: Там же, т. 46, ч. 1, с. 214.

⁶⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 177.

Принципиальное значение для дальнейшей разработки теории общественно-экономической формации имеет постановка проблемы: правомерно ли распространение положения о примате производственных отношений в общественной структуре на все стадии истории человечества или оно относится только к капитализму? ⁶⁸ Другими словами, все ли исторические типы общества можно считать общественно-экономическими формациями?

В исторической литературе иногда встречаются попытки поместить в основание докапиталистических типов общества как целостной системы личностные, ценностно-культурные, политические и тому подобные отношения. Подобные взгляды высказывались в связи с дискуссией об азиатском способе производства. Причем утверждалось, будто на такой вывод наталкивают открытые в последние десятилетия новые исторические факты. Факты, о которых идет речь, действительно новые, однако сам вывод далеко не нов. На подобное объяснение докапиталистических этапов общественного развития обращал внимание еще К. Маркс. Он писал: «Прежде всего удивительно, что находится еще человек, который может предположить, что эти ходячие фразы о средних веках и античном мире остались хоть кому-нибудь неизвестными. Ясно, во всяком случае, что средние века не могли жить католицизмом, а античный мир — политикой. Наоборот, тот способ, каким в эти эпохи добывались средства к жизни, объясняет, почему в одном случае главную роль играла политика, в другом — католицизм» ⁶⁹.

Мы не собираемся оспаривать положения о том, что новые факты могут потребовать нового теоретического подхода. Ведь факты в своей совокупности вещь упрямая. Исторический материализм как методология отраслевых общественных наук (в том числе исторической) не может навязывать им своего решения. Его задача в другом: прояснить ситуацию, помочь осмыслить новые факты, и, если окажется, что они противоречат теории, предположить иные способы их рассмотрения, в том числе через совершенствование самой теории. Вместе с тем думается, что оснований для отказа от применения материалистического понимания истории к анализу докапиталистических обществ и замене его системой, определяемой факторами внепроизводственной сферы, нет.

Исторический материализм имеет достаточные концептуальные возможности для всестороннего учета специфики докапиталистического развития. Речь идет о том, чтобы в полной мере принимать во внимание различие формаций как систем по уровню целостности и, сравнивая докапиталистические системы с капиталистической, выявить их отличие по данному признаку. При таком подходе исчезает необходимость структурной «подгонки» докапиталистических обществ под капитализм, методологическая установка полнее отражает особенности объекта изучения. Разные исторические типы общественных систем обладают разной «плотностью» связей структурных элементов. По уровню своей

целостности докапиталистические формации в этом плане на ранг ниже капитализма. Феодальное производство, например, функционирует в виде относительно замкнутых хозяйственных единиц. Их связь в лучшем случае обеспечивается производными — вторичными или даже третичными — экономическими отношениями. Организационное разделение труда существует здесь исключительно в рамках отдельного хозяйства или его вовсе нет. Продукт изготавливается одним человеком, в то время как в развитом капиталистическом хозяйстве в его производстве прямо или косвенно участвуют чуть ли не все предприятия страны.

Целостность докапиталистической системы антагонистических общественных отношений обеспечивалась прежде всего единством территории. Причем территория в данном случае отнюдь не изолированное от общественного производства некое абстрактное географическое пространство. Земледелие и пастбищное скотоводство были в докапиталистическую эпоху развития классового общества главным занятием населения, земля — основной производительной силой и, следовательно, основным богатством. Обладание территорией означало тогда обладание непосредственной производительной силой, включая людей, живущих на ней. Поэтому территориальное единство, связанное отношениями людей по поводу земли, становилось по своей сути своеобразным выражением производственных отношений. Они-то и определяли все стороны функционирования и развития докапиталистического классового общества. Другое дело, что поддержание территориальной целостности общественной жизни в условиях отсутствия единого рынка осуществлялось деятельностью государства, церкви, словом, внеэкономическими мерами, которые, в свою очередь, буквально диктовались экономической реальностью.

Рассмотрение исторического уровня целостности общественных систем позволяет, не отказываясь от положения об обусловленности организации общества его экономической структурой, видеть различную форму воздействия этой структуры на всю систему, избегая тем самым подгонки одних обществ под другие. Уровень системной целостности общества так же историчен, как и его тип. На современном этапе дальнейшей разработки формационной теории анализу общественных систем по степени их целостности должно уделяться не меньше внимания, чем классификации по типам структуры. Подобная задача не может решаться вне связи с социально-философским и социологическим знанием. Но очевидно и то, что разработка конкретной типологии отдельных обществ — прежде всего дело самой исторической науки.

Различение общественно-экономических формаций по уровням организационной целостности теряет почву, когда общественная система понимается плюралистически, когда она рассматривается

⁶⁸ См.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968, с. 47,

⁶⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 92,

не в связи с самой действительностью, а всего лишь как чистый «концепт», конструируемый исследователем. На подобной методологической основе обычно строят свою аргументацию противники материалистического объяснения истории. Они либо отвергают категорию общественно-экономической формации вообще, либо отрицают ее соответствие с исторической реальностью, считая лишь способом анализа, удобным в некоторых случаях. В этом плане показательна книга Б. Хиндесса и П. Херста «Способ производства и социальная формация: самокритика докапиталистических способов производства»⁷⁰.

В рассматриваемой публикации авторы отказываются от большинства тех представлений о формации, которые они разделяли раньше в связи с изучением докапиталистических способов производства. Категория формации представляется ими идеологически превратным отражением истории. Политика, утверждают они, постоянно создает проблемы для теоретиков, мышление которых должно быть воплощением различных ценностей, средством калькуляции решений. Категория формации — всего лишь одно из таких средств. Отвергая ее понимание в виде единства реальных структурных уровней (экономического, политического и др.), они предлагают отказаться и от признания целостности общества, обсуждения его предметного состава, выяснения связи между элементами структуры. Общественная наука, в их интерпретации, должна стать чем-то вроде социологического психоанализа. Главная идея, к которой в конце концов приходят авторы, — это отрицание эпистемологии и гносеологии, что не вписывается не только в марксизм, но и в традиции рационального познания вообще.

Материалистическая теория исторического процесса, представляющая его развертывание как естественноисторический процесс развития и смены общественно-экономических формаций, не предполагает какого-то автоматического действия общественных законов. Она исходит из преобразовательной деятельности субъектов, без которой объективные тенденции так и оставались бы тенденциями. Социальная детерминация не исключает действия субъективного фактора, который проявляется особенно ярко при рассмотрении перехода от одной формации к другой. Такой переход происходит в результате постепенного накопления противоречий между изменившимся характером элементов и всей функциональной целостностью системы. Ясно, что ей предшествует кризис, «структурное напряжение», возникающее из-за ее несоответствия степени развития элементов.

Ломка старой и создание новой структуры является выражением человеческого творчества, его свободы, а «совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как *революционная практика*»⁷¹. В сменяющие друг друга исторические эпохи субъективным фактором революции выступали преобразующие действия разных классов. Но во всех случаях перехода к новой

формации есть некоторые общие закономерности, связанные с системностью общественной жизни. Будучи системообразующим моментом, общественные производственные отношения определяют собой другие компоненты общественной системы. Одна из подсистем целого, управляя им, в известном смысле делает его своей частью. Для органичной системы специфично именно функциональное деление на части. Отдельные функции целого локализируются в подсистемах, и при их выполнении система подчиняется одной из таких подсистем.

Если производственные отношения являются определяющими в общественно-экономической формации, то в самих производственных отношениях таким компонентом выступает форма собственности на средства производства. Она, на что уже обращалось внимание в первой части исследования, — сущность производственных отношений. Кто владеет средствами производства, тот контролирует социальное управление. В конечном счете он в классовом обществе владеет и политической властью, аппаратом государства, т. е. тем ядром (подсистемой), в которой сконцентрирована управляющая деятельность общества. Политика — такая функциональная подсистема, которая в определенных условиях подчиняет себе целое, первенствует над экономикой. В изменении детерминирующей подсистемы лежит ключ к изменению целого. Политическая революция разрывает круг стихийного воспроизведения объективной взаимозависимости структурных элементов и тем самым создает предпосылки коренного преобразования производственных отношений.

Основная тенденция в разработке проблем системности формационного развития выражается в уточнении представлений о его составе, характере общественных связей и взаимодействиях. Уже упоминалась попытка ограничить структуру формации производственными отношениями. Ставился вопрос о ее характеристике как единства базиса, надстройки и некоторых других компонентов, например семьи. Позже представление о структурных образованиях формации существенно расширилось. В этом плане можно обратить внимание на исследование В. Г. Афанасьева, в котором предприняты важные шаги по классификации и соподчинению структурных элементов формации с позиций системного анализа ⁷².

Весьма плодотворной представляется идея классифицировать структурные элементы общественно-экономической формации в аспекте ее различных срезов: по видам общественных отношений, сферам общественной жизни и др. Вместе с тем существуют и такие комплексные общественные явления, которые под особым углом зрения непосредственно выражают формационную целост-

⁷⁰ См.: Hindess B., Herst P. Mode of production and social formation: An auto-critique of pre-capitalist modes of production. L., 1977.

⁷¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 2.

⁷² См.: Афанасьев В. Г. Системность и общество, с. 269—270.

ность исторического процесса. К таким общественным образованиям можно отнести культуру, образ жизни, управление. Проблемы перечисленных характеристик целостности формационного развития станут в дальнейшем предметом нашего специального анализа. Сейчас же обратимся к уже сформулированному вопросу, касающемуся общественной структуры.

4. Общественная структура

В философской литературе структура обычно определяется как способ связи и взаимодействия элементов системного образования⁷³. Но связи необходимо предполагают стороны (элементы), которые известным образом соединяются (соотносятся) друг с другом. Поэтому структуру можно представить и через совокупность связей элементов, и через совокупность самих элементов, взятых в качестве сторон этих связей.

Сложность и многоплановость общественной жизни обуславливает собой сложность и многоплановость структурных срезов общественно-экономической формации. В зависимости от содержания, специфических средств и результатов человеческой деятельности складываются сферы общественной жизни — экономическая, социальная, политическая, духовная⁷⁴, по другим основаниям — материального производства, воспроизводства людей как общественных существ, духовного производства, общественного управления и коммуникации⁷⁵. Хотя в научной литературе нет общепризнанного определения данного понятия и выделение сфер, как мы видим, проводится по различным основаниям, речь всегда идет об относительно самостоятельной стороне, области жизнедеятельности людей. Общественная структура выступает при таком подходе в виде способа связи сфер общественной жизни. Ее исследование позволяет раскрыть целостность исторической действительности под углом зрения определяющей роли способа производства материальной жизни. Вместе с тем сущность общества составляют не его сферы, к рассмотрению которых мы специально вернемся в следующей главе, не связи между ними, а общественные отношения — общественная форма деятельности людей. Если в качестве структурных элементов выделять субъекты общественной жизни и соответственно связей — общественные отношения, то налицо другой, более глубокий, сущностный срез общественной структуры. Структуру общественно-экономической формации представляет в данном случае совокупность всех общественных отношений, которые сводятся к экономическим, производственным общественным отношениям в широком смысле слова как своему экономическому базису.

В конечном счете все общественные отношения — отношения между людьми. Многообразие же этих отношений обусловлено не просто многообразием человеческой деятельности, но и общественным положением индивидов, их принадлежностью к

социально-историческим общностям и устойчивым объединениям людей. Социально-исторические общности, примыкающие к ним по своей природе, точнее, способу возникновения в истории, социальные ячейки общества, а также устойчивые объединения людей становятся в историческом процессе такими структурными элементами (субъектами), которые представляют собой как бы центры, средоточие, концентрацию структурных связей, структурные же связи — своеобразными «полями» этих структурных элементов. Главную роль в формировании и функционировании общественных отношений классового общества всегда играют классовые общности. Производственные (экономические), политические, правовые и в значительной степени прочие общественные отношения такого общества в определенном аспекте суть отношения между классами.

В зависимости от социально-исторических общностей людей и социальных ячеек в современном мире различаются классовый, национальный (в многонациональной стране) и семейный строй, или, иначе, системы (подсистемы) общества, которое, в свою очередь, в качестве системы всегда выражает, по замечанию В. С. Семенова, «целостность общественных явлений в совокупности, во-первых, его структуры, составляющих его элементов, и, во-вторых, его развития, динамики, „жизни“, тенденций и направлений изменения и преобразования»⁷⁵.

В зависимости же от устойчивых объединений людей складываются системные образования другого порядка. В сфере материальных общественных отношений устойчивыми объединениями являются производственные объединения, распределяющие людей по отдельным предприятиям (хозяйствам) и совокупности предприятий — технологическим, отраслевым и территориальным комплексам. Взятые в целом, эти объединения представляют собой экономическую систему общества. В сфере идеологических отношений устойчивыми объединениями выступают различные учреждения и организации — государство, партии, союзы и т. п. Соответственно складывается политическая система общества, включающая в себя и правовую систему, ибо структурным элементом и там и здесь выступает государство. Применительно к докоммунистическим общественно-экономическим формациям можно говорить и об особой церковно-религиозной системе. Что же касается моральных и эстетических отношений, то подобные

⁷³ См.: *Афанасьев В. Г.* Системность и общество, с. 107.

⁷⁴ См.: *Рожин В. П.* Введение в марксистскую социологию. Л., 1962, с. 95; *Барулин В. С.* Соотношение материального и идеального в обществе. М., 1977, с. 61—62.

⁷⁵ См.: Социологическата структура на съвременното българско общество. София, 1976, с. 7—8. В болгарской и советской литературе существует и некоторая вариантность в определении таких сфер. См.: *Уледов А. К.* Социологические законы. М., 1975, с. 77—79; и др.

⁷⁶ *Семенов В. С.* Диалектика развития социальной структуры советского общества. М., 1977, с. 16.

связи в современную эпоху не имеют структурных элементов, обладающих признаком всеобщего. Поэтому в настоящее время не представляется возможным ставить вопрос об особой моральной и эстетической системе общества.

Материальные общественные и идеологические отношения проводят грань между объективно существующими первичными и вторичными общественными явлениями, но они не делят все общественные явления исключительно на первичные и вторичные. Социально-исторические общности людей и социальные ячейки общества, что уже подчеркивалось в первой части нашего исследования, непосредственно связаны и с материальными общественными и идеологическими отношениями. В данном случае определенные стороны материальных и идеологических отношений — это части, образующие целое, свойство которого нельзя свести к простой сумме частей.

Таким образом формируются особые классовые, национальные, семейно-бытовые, а в условиях развитого социализма и коллективно-труженические (связанные с трудовыми коллективами) общественные отношения, выступающие при их сопоставлении с материальными общественными и идеологическими отношениями в виде сложных, «синтетических» общественных отношений. При чем каждое из перечисленных «синтетических» общественных отношений имеет свою специфическую основу целостности: классовые отношения — в первую очередь отношения к средствам производства; национальные — общность экономической жизни, территории, языка, культуры; семейно-бытовые — ведение «домашнего хозяйства», рождение и воспитание детей, общение вне сферы общественно-трудовой деятельности; коллективно-труженические — совместная общественно-трудовая деятельность.

Анализируя систему общественных отношений, мы трактовали «синтетические» общественные отношения как социальные отношения в узком (собственном) смысле слова. Поскольку рассматриваемый вопрос имеет прямое отношение к характеристике общественной структуры, остановимся на нем более детально. Разберемся прежде всего в самом понятии социального.

Основоположники марксизма-ленинизма употребляли понятие социального далеко не однозначно. Во-первых, понятие социального часто использовалось ими в виде синонима общественного. «*Политические* отношения между людьми, — писал К. Маркс, — являются, естественно, также и *социальными, общественными* отношениями, как и все отношения, в которых люди находятся друг с другом»⁷⁷. Во-вторых, они придавали понятию социального и особое (не тождественное понятию общественного) собственное значение. Подобная интерпретация социального четко отражена, например, в известной формуле К. Маркса: «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»⁷⁸.

Особое содержание социального раскрывалось основоположниками марксизма-ленинизма при постановке и обсуждении ими

социального вопроса. Выясняя суть этого вопроса, они прежде всего обращали внимание на его внутреннюю связь с экономическим и политическим положением классов, их объективно существующими интересами. Каждый класс, считали они, имеет свой собственный социальный вопрос⁷⁹. В условиях капитализма социальный вопрос выступает тем резче, чем буржуазия «экономически более развита, а потому и государственная власть приняла более буржуазный характер...»⁸⁰.

В классовом обществе составляющие социального вопроса — экономические, политические и духовные процессы и соответствующие им общественные отношения. Констатацией данного факта стали широко используемые в марксистской литературе социально-экономические и социально-политические характеристики общественного развития, а также получающий все большее распространение термин «социально-культурное» («социально-духовное»). Но социальное не охватывает своим синтезом, своей интеграцией всего богатства экономической, политической и духовной жизни общества. Анализ подхода К. Маркса и Ф. Энгельса к раскрытию содержания социального вопроса позволяет сделать вывод, что речь идет здесь в первую очередь об особом общественном положении классов и других групп и слоев общества, о наличии или, напротив, отсутствии каких-то общественных условий, увековечивающих это их положение. Именно под таким углом зрения К. Маркс рассматривает социальный вопрос, как он стоял в Германии в середине XIX в., применительно к чиновничеству, аристократии, буржуазии⁸¹. Ф. Энгельс видел решение социального вопроса, порожденного буржуазным обществом, в том, чтобы «поставить современных илотов в положение, достойное человека»⁸².

Сформулированный вывод убедительно доказывает, с нашей точки зрения, правомерность утверждения М. Н. Руткевича: «Стержнем социальных отношений являются отношения равенства и неравенства по положению людей и групп в обществе»⁸³. Вместе с тем важно иметь в виду и то, что социальные отношения и процессы — не просто стороны, аспекты экономических, политических и других подобных общественных отношений и процессов. В системе общества собственно социальные явления в виде результата синтеза, интеграции определенных сторон, аспектов таких отношений и процессов реально существуют наряду с экономическими, политическими, духовными явлениями.

Вряд ли можно ставить под сомнение рядоположенность социального и политического, обращаясь к словам К. Маркса:

⁷⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 301.

⁷⁸ Там же, т. 13, с. 7.

⁷⁹ См.: Там же, т. 6, с. 228.

⁸⁰ Там же, т. 4, с. 302.

⁸¹ См.: Там же, т. 6, с. 201—202.

⁸² Там же, т. 2, с. 554.

⁸³ Руткевич М. Н. Диалектика и социология. М., 1980, с. 198.

«... вместе с ... социальным вопросом определенного класса существует также и определенный политический вопрос для данного класса»⁸⁴.

Столь же однозначно прослеживается аналогичная оценка соотношения экономического и социального, когда, по замечанию В. И. Ленина, «экономический процесс отразился в социальной области ...»⁸⁵. Нельзя не вспомнить и тезис В. И. Ленина о том, что диктатура пролетариата есть особая форма классового союза «между неодинаковыми экономически, политически, социально, духовно классами»⁸⁶.

Соотношение между понятиями экономической, политической, и духовной жизни общества, с одной стороны, и социальной жизнью общества — с другой, гораздо сложнее, диалектичнее любой формальнологической схемы. Его нельзя представить через связь части и целого, отдельного и общего. Будучи отражением относительно простого и относительно сложного, данные понятия — понятия разного порядка. Взятые же в плане дифференциации и субординации общественных процессов, они необходимо обретают черты однопорядковых понятий. Рассматриваемые характеристики социального играют принципиальную роль в понимании объективных оснований выделения социальной сферы общественной жизни и интерпретации собственно социальных отношений в качестве особой общественной структуры.

Поскольку собственно социальные отношения выражают собой состояние фактического равенства или, напротив, неравенства общественного положения групп людей и, следовательно, отдельных общественных индивидов, постольку они включают в себя и соответствующие аспекты личных отношений, которые неотделимы от общественных отношений, являясь индивидуальной формой выражения общественных отношений и дополнения к ним. Экономические процессы пореформенной России, связанные с развитием капитализма, считал, например, В. И. Ленин, отразились «в социальной области «общим подъемом чувства личности», вытеснением из «общества» помещичьего класса разночинцами, горячей войной литературы против бессмысленных средневековых стеснений личности и т. п.»⁸⁷.

Для понимания природы собственно социальных отношений их характеристика как отношений фактического равенства или неравенства общественного положения людей имеет такое же универсальное значение, как и характеристика в виде сложных, «синтетических» отношений. И с этих позиций обнаруживается связь собственно социальных отношений с социально-историческими общностями людей и социальными ячейками общества. Становится более рельефным объем и содержание сферы социальной жизни общества, ее границы в системе общественно-экономической формации, очерченные в свое время В. И. Лениным.

Рассматривая, в частности, задачи политического воспитания масс, В. И. Ленин учил рабочих и крестьян в ответ на ложь и лицемерие буржуазной пропаганды спрашивать:

« — Равенство какого пола с каким полом?

— Какой нации с какой нацией?

— *Какого класса с каким классом?*

— Свобода от какого ига или от ига какого класса? Свобода для какого класса?»⁸⁸.

Итак, собственно социальные отношения, во-первых, неотделимы от социально-исторических общностей людей и социальных ячеек общества, во-вторых, в отличие от материальных общественных и идеологических отношений обладают сложной «синтетической» природой, в-третьих, выражают фактическое равенство или неравенство общественного положения людей. Таковы общие критерии выделения собственно социальных отношений, без выяснения которых остается открытым само понимание социальной структуры общества.

Проблема социальной структуры, и в первую очередь изменения социальной структуры социалистического общества, уже многие годы находится в центре внимания обществоведов нашей страны и других братских социалистических стран. В документах XXVI съезда КПСС «разработка проблем социальной структуры»⁸⁹ специально выделяется среди важнейших направлений исследования в области общественных наук. В то же время отсутствие общепринятых критериев собственно социальных отношений, всестороннего учета специфики этих отношений породили в научной литературе различную трактовку самой сферы социального. Социальная структура или по существу отождествляется с классовой структурой, включая все обусловленные классовой дифференциацией общества социальные группы и слои, или же классовая структура безоговорочно дополняется структурами социально-территориальной (поселенческой) профессионально-квалификационной, социально-демографической.

Перечисленные структурные дополнения связаны с социальной структурой общества, но связаны не прямо, не непосредственно, а косвенно через социально-исторические общности людей и социальные ячейки общества. В плане общественного положения субъектов исторического процесса территориальные (поселенческие), профессионально-квалификационные, демографические и другие подобные структуры — своеобразные формы проявления собственно социальных отношений.

Социальная структура общества часто определяется в научной литературе как совокупность «исторически сложившихся

⁸⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 228; см. также: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 205.

⁸⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 433.

⁸⁶ Там же, т. 38, с. 377.

⁸⁷ Там же, т. 1, с. 433.

⁸⁸ Там же, т. 39, с. 286.

⁸⁹ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 146.

общностей людей (классы, нации, семейные общности)»⁹⁰, совокупность «социально-исторических общностей и отношений между ними»⁹¹ или при некоторой детализации структурных образований — как «*социальные общности людей*, к которым прежде всего относятся общественные классы, социальные группы (например, интеллигенция)... слои внутри классов и групп, нации и народности»⁹².

Соглашаясь в принципе с таким пониманием социальной структуры, необходимо вместе с тем иметь в виду: 1) не только единство, но и различие между социально-историческими общностями людей и социальными ячейками общества; 2) включенность национальных (социально-этнических) общностей в социальную структуру лишь в условиях многонациональной страны; 3) наличие в социальной структуре социальных групп (классы — тоже большие группы людей) разного порядка, структурных элементов (социальных групп) и «субэлементов» (социальных слоев). С учетом приведенных разъяснений есть основания считать, что социальная структура общества — это совокупность собственно социальных отношений, сторонами (субъектами) которых выступают социально-исторические общности людей, социальные ячейки общества и другие соподчиненные с социально-историческими общностями социальные группы и слои. Социальная структура всегда представляет собой исторические формы дифференциации и консолидации общественной жизни, функционирования и развития общественно-экономической формации.

Любую структуру, в том числе общественную, можно исследовать в двух аспектах — связей и элементов, т. е. сторон этих связей. Под углом зрения элементов социальную структуру составляют прежде всего социально-исторические общности людей и социальные ячейки общества. Данный аспект рассмотрения социальной структуры имеет дело с горизонтальным разрезом системы общественно-экономической формации. Структурные образования такого разреза (классовая, национальная, семейная и тому подобные структуры) непосредственно включаются в социальную структуру в виде ее частей. Под углом зрения связей социальную структуру составляют общественные отношения. Этот аспект рассмотрения социальной структуры имеет дело с вертикальным разрезом системы общественно-экономической формации. Его структурные образования (экономическая, политическая, и тому подобные структуры) входят в социальную структуру не сами по себе, а через трансформацию в социально-исторических общностях и социальных ячейках той их стороны, которая выражает общественное положение людей — отношения фактического равенства или неравенства этого положения. Возникающие таким образом особые интегративные качества превращают социальную структуру в нечто отличное и от экономической, политической и других подобных общественных структур и от совокупной общественной структуры в целом. Обладая достоинствами

отдельного, социальная структура в то же время — своеобразный итог и показатель состояния всех структурных характеристик общественно-экономической формации.

В первобытном обществе элементами социальной структуры выступали род, племя, а затем и семья. Разложение первобытного строя вследствие возникновения частной собственности породило новую социальную структуру. Частная собственность становится основой семейно-бытовых отношений. Сложились классы и такие общности, как народности, развившиеся затем уже на базе капиталистической экономики в нации. Уничтожение частной собственности в результате победы социализма означает дальнейшее коренное преобразование социальной структуры. Классы-антагонисты уступают место дружественным классам — рабочему классу и колхозному крестьянству, складывается народная интеллигенция. Социальное равенство людей в их взаимном отношении к средствам производства создает предпосылки обеспечения фактического равенства общественного положения людей во всех областях их деятельности. Зарождаются и получают развитие семейно-бытовые отношения, свободные от материальной зависимости взрослых членов семьи. Социалистическая экономика, социально-политическое и моральное единство общества формируют социалистические нации и народности с психологией и идеологией, соединяющими в себе чувства и идеи патриотизма и интернационализма.

Важный вклад в теоретическое осмысление перспектив изменения социальной структуры социалистического общества внесла созданная КПСС, ее теоретическими кадрами концепция развитого социализма, центральное место в которой занимает высказанное на XXVI съезде КПСС соображение о том, «что становление бесклассовой структуры общества в главном и основном произойдет в исторических рамках зрелого социализма»⁹³.

Проблемы ликвидации классов и классовых различий между людьми всегда находились в поле зрения В. И. Ленина. В разработанных при его непосредственном участии первой (1903 г.), а затем второй (1919 г.) программах партии, в частности, отмечалось: «Заменяв частную собственность на средства производства и обращения общественною и введя планомерную организацию общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества, социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы и тем освободит все угнетенное человечество, так

⁹⁰ Кугель С. А., Шкаратан О. И. Некоторые методологические проблемы изучения социальной структуры общества. — Филос. науки, 1965, № 1, с. 55.

⁹¹ Дроздов А. В. Человек и общественные отношения. Л., 1966, с. 111.

⁹² Америкосов А. А. От классовой дифференциации к социальной однородности общества. М., 1978, с. 15.

⁹³ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 53.

как положит конец всем видам эксплуатации одной части общества другой»⁹⁴.

Разъясняя суть данного программного положения, В. И. Ленин в статье «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» писал: «Социализм есть уничтожение классов. Чтобы уничтожить классы, надо, во-первых, свергнуть помещиков и капиталистов. Эту часть задачи мы выполнили, но это только часть и притом *не* самая трудная. Чтобы уничтожить классы, надо, во-вторых, уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать *всех — работниками*. Этого нельзя сделать сразу. Это — задача несравненно более трудная и в силу необходимости длительная. Это — задача, которую нельзя решить свержением какого бы то ни было класса. Ее можно решить только организационной перестройкой всего общественного хозяйства, переходом от единичного, обособленного, мелкого товарного хозяйства к общественному крупному хозяйству»⁹⁵.

Построение в СССР к середине 30-х годов основ социализма вновь актуализировало проблему ликвидации классов. Исходя из программной установки, XVII конференция (1932 г.), а затем XVII съезд (1934 г.) партии в своих документах подчеркнули, что основной исторической задачей второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР (1933—1937 гг.) «является окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплуатацию, и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества»⁹⁶.

Подводя итоги второй пятилетки, XVIII съезд партии (1939 г.) более точно, более теоретически последовательно определил ее историческое значение словами: «Окончательно ликвидированы все эксплуататорские классы, полностью уничтожены причины, порождающие эксплуатацию человека человеком и разделение общества на эксплуататоров и эксплуатируемых»⁹⁷. Съезд еще раз подчеркнул закрепленный Конституцией СССР 1936 г. вывод о том, что социалистическое общество в СССР состоит теперь из двух дружественных классов — рабочих и крестьян, грани между которыми, как и грани между этими классами и интеллигенцией, стираются, постепенно исчезают. Что же касается выдвинутой ранее задачи строительства бесклассового социалистического общества, то она была по существу соединена с задачей строительства коммунизма. «Трудящиеся СССР, — отмечалось в документах съезда, — в подавляющей массе являются активными и сознательными строителями бесклассового социалистического общества, коммунизма»⁹⁸.

Такова конкретизация на базе теоретического обобщения реальных социально-классовых процессов положения В. И. Ленина о ликвидации классов при социализме, положения, которое не сводится лишь к констатации факта ликвидации эксплуататоров.

Вместе с тем выдвижение в качестве непосредственной задачи развития построенного в основном социалистического общества к коммунизму в известном смысле отодвинуло на второй план историческую необходимость развития социализма на собственной основе, привело к упрощенным представлениям об исторических границах первой фазы коммунистической общественно-экономической формации, к трактовке социализма всего лишь в виде своеобразного промежуточного состояния общества на пути к коммунизму. В соответствии с этими посылами в марксистской литературе утвердилось мнение, будто решение такой сложной, требующей значительного исторического времени социальной задачи, какой является задача преодоления классовых различий, возможно лишь в результате построения полного коммунистического общества.

Зрелый социализм — необходимый, закономерный и исторически длительный период становления высшей фазы коммунистической общественно-экономической формации. Определяющей тенденцией изменения социальной структуры выступают здесь углубляющиеся процессы сближения рабочего класса, колхозного крестьянства, народной интеллигенции, преодоление социальных различий между городом и деревней, физическим и умственным трудом. Ведущей силой этого процесса был и остается рабочий класс, интересы и идеалы которого обрели значение интересов и идеалов всех социальных групп и слоев общества. Возникают зримые черты бесклассового социально однородного общества. Но движение к социальной однородности отнюдь не означает движения к социальной бесструктурности. Происходит своеобразная смена основного звена социальной структуры. По мере преодоления классовых различий все большую роль в социальной структуре коммунистической общественно-экономической формации начинают играть трудовые коллективы — реальные прообразы коммунистических ассоциаций трудящихся. В этой связи, учитывая также роль в социальной структуре и другой социальной ячейки — семьи, — можно согласиться с предположением Р. И. Косолапова о том, что бесклассовая социальная структура будет носить как бы «ячеистый» характер⁹⁹.

Стирание межклассовых различий выдвигает перед социальной политикой КПСС новые задачи. «Она, — отмечалось на XXVI съезде КПСС, — все больше сосредоточивается на преодолении различий, выходящих за рамки отдельных классов, на

⁹⁴ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970, т. 1, с. 61—62; 1970, т. 2, с. 38—39.

⁹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 276—277.

⁹⁶ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1971, т. 5, с. 35—36, а также 131.

⁹⁷ Там же, с. 335.

⁹⁸ Там же, с. 336.

⁹⁹ См.: Косолапов Р. И. Атакующий класс. — Правда, 1981, 31 июля.

решении проблем, требующих самого внимательного учета особенностей и интересов каждой группы нашего общества»¹⁰⁰. Приобрел, в частности, актуальность вопрос о выравнивании социальных различий, возникающих в формах проявления собственно социальных отношений (коллективно-труженических и семейно-бытовых) в территориальной (поселенческой) и демографической структурах. Человек, отмечалось, например, на XXVI съезде КПСС, уезжает из Сибири и других отдаленных районов страны не потому, что там мал заработок или ему не подошел климат, а по другим причинам: недостаточно культурных центров, труднее получить жилье, устроить в детский сад ребенка и т. п. Что же касается обострившихся в последнее время проблем народонаселения, в том числе воспроизводства трудовых ресурсов, то их решение партия связывает с усилением «заботы о семье, молодоженах и прежде всего о женщине»¹⁰¹.

Социальная природа семейных отношений наиболее концентрированно раскрывает себя в проблеме фактического равенства или неравенства супругов. Социализм в отличие от всех предшествующих антагонистических этапов исторического процесса создает условия, позволяющие, по словам В. И. Ленина, на деле освободить женщину — «уменьшить и уничтожить ее неравенство с мужчиной, по ее роли в общественном производстве и в общественной жизни»¹⁰². Однако социальное равенство положения женщины в структуре трудового коллектива само по себе не снимает «угнетения» женщины домашним хозяйством и, следовательно, определенного социального неравенства в структуре семьи. Путь к всестороннему решению данного вопроса один: массовая перестройка домашнего хозяйства «в крупное социалистическое хозяйство»¹⁰³. Но этот путь оказался достаточно сложным и противоречивым. Осуществленные здесь меры пока явно недостаточны. Необходима более глубокая и широкая программа, некоторые аспекты которой намечены в утвержденных XXVI съездом КПСС «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года».

Этап зрелого социализма ознаменовался возникновением в нашей стране новой исторической общности — советского народа. Характеристика этой общности в документах КПСС, как социальной и интернациональной, в полной мере подчеркивает социальную природу национальных отношений, их место в развитии социальной структуры многонационального социалистического общества. Расцвет социалистических наций и народностей особенно наглядно означает в условиях зрелого социализма процесс их дальнейшего сближения во всех сферах и областях общественной жизни. Этот процесс нельзя искусственно ни задерживать, ни ускорять. Он идет так, как и должен идти при социализме — «на основе равенства, братского сотрудничества и добровольности»¹⁰⁴.

Формирование советского народа как новой исторической общности людей — это прообраз процессов дальнейшего сближения наций и народностей содружества социалистических стран, образования на их основе в перспективе новых социальных и интернациональных общностей типа советского народа. Теоретические обобщения, сделанные в документах КПСС, отражают в этом отношении магистральные пути развития человечества. Практически подтверждаются слова В. И. Ленина о том, что социализм «творит новые, высшие формы человеческого общежития»¹⁰⁵.

¹⁰⁰ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 54.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 24.

¹⁰³ См.: Там же.

¹⁰⁴ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 57.

¹⁰⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 40.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, СОЦИАЛЬНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ДУХОВНАЯ СФЕРЫ ОБЩЕСТВА

1. Разработка категории «сфера общества».

Ее сущностная характеристика

Понятие сферы общественной жизни широко используется в историческом материализме и обществознании в целом. Но если до недавнего времени оно чаще всего применялось в специальной литературе лишь в виде некоего собирательного понятия, то теперь положение меняется. Ныне данное понятие обретает иной смысл. Оно фиксирует то общее, что характеризует все соответствующие явления общественной жизни в их целостности и в этом своем значении выступает как важная самостоятельная категория исторического материализма¹.

Общепризнанной в современной научной литературе является трактовка сфер общественной жизни в качестве ее составных образований (подсистем). Далее следует признание дифференциации сфер общественной жизни на основные и неосновные, большие и малые². Причем явно преобладающее сейчас познавательное внимание к основным сферам общества отнюдь не означает отказа от исследования неосновных сфер. Наоборот, выясняя сущность сферы общества вообще (а это возможно сделать только на базе самых развитых сфер, каковыми выступают основные сферы), наука тем самым получает в руки методологические средства и для исследования неосновных сфер.

Важным моментом изучения сфер общественной жизни стал анализ их элементов. В данном отношении принципиальное значение имеет уже сама постановка вопроса. В современной философской и социологической литературе можно встретить труды, в которых исследуются элементы материальной и духовной сфер, политики, социальной жизни и т. д. Но когда речь идет об общих элементах сфер, т. е. о тех элементах, из которых «строится» любая сфера общественной жизни, то здесь материала накоплено значительно меньше. Более того, у некоторых авторов рождаются сомнения, стоит ли вообще ставить вопрос о «сквозных» элементах сфер общественной жизни. В таких условиях постановка вопроса об общих, повторяющихся элементах имеет большое научное значение, ибо она подчеркивает, что за качественным разнообразием составных частей той или иной сферы общественной жизни скрываются внутреннее единообразие, общность, тождественность некоторых характеристик.

Остановимся на различиях в подходах к сферам общественной жизни. Прежде всего следует подчеркнуть, что пока еще нет

общепринятого, теоретически развернутого определения сферы общественной жизни. Конечно, это не означает, будто вообще нет общности в ее понимании. Как уже отмечалось, все исследователи под сферой общества понимают его определенную сторону, область, часть, объективно существующую, структурно оформленную и связанную с другими сферами, с обществом в целом. Однако такая трактовка сферы общественной жизни еще не имеет, на наш взгляд, категориального статуса. Это, скорее, первое вычленение какого-то явления без строгого теоретического обоснования. Категориальное понимание сферы общественной жизни носит более глубокий характер. Оно возможно на базе специального теоретического рассмотрения данного явления, на раскрытии его связей с другими сторонами общественной жизни, на теоретическом вычленении того, что составляет саму сущность сферы общественной жизни. Именно такого — категориального — понимания сфер общественной жизни в социально-философской науке пока нет.

Имеются существенные различия и в вопросе, какие сферы надо считать основными и сколько их. Весьма различны мнения исследователей и по вопросу о составных элементах сфер общественной жизни. Так, В. Г. Афанасьев выделяет вещные, процессуальные, духовные (идейные) и человеческие элементы³. А. К. Уледов к элементам сфер общественной жизни относит виды деятельности людей, направленные на удовлетворение определенных общественных потребностей, общественные отношения как форму деятельности, субъекты деятельности и общественных отношений. «Отсутствие одного из трех названных моментов,— резюмирует он,— не позволяет констатировать данное общественное явление как основную сферу»⁴.

Мы, разумеется, указали не все спорные вопросы теории сфер общественной жизни. Но нас заботит здесь не полнота такого перечисления, а общая тенденция развития проблемной ситуации. Можно отметить, что разночтения, разные позиции как бы вырастают из общих принципов, общих подходов. Образно говоря, нерешенное выступает продолжением решенного, спорное — развитием бесспорного. Ясно, что есть сферы — основные части общества, но вместе с тем не вполне очевидна их катего-

¹ Иногда для обозначения основных подсистем, частей общества используют понятия «область» общественной жизни, иногда просто говорят о материальной, социальной и т. д. «жизни» общества. Конечно, между ними есть много сходного, но, как нам представляется, категориальный смысл приобретает именно понятие «сфера общества», или, иначе, «сфера общественной жизни». Оно утвердилось и в научной литературе и в важнейших партийных документах. Это понятие использовали и классики марксизма-ленинизма.

² См.: Уледов А. К. Социологические законы. М., 1975; Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980.

³ См.: Афанасьев В. Г. Научное управление обществом. М., 1968, с. 93

⁴ Уледов А. К. Социологические законы, с. 86.

риальная сущность, нет единства мнений относительно того, сколько их, каковы их элементы. Выработка общего мнения по спорным вопросам и должна заключаться в развитии сложившихся тенденций, т. е. в дальнейшем развитии того общего, единого подхода, который уже имеется налицо.

Изучение любой проблемы осуществляется тем успешнее, чем больше, разнообразнее число подходов, направлений, с точки зрения которых изучается проблема. Поэтому мы считаем целесообразным подойти к раскрытию категориальной сущности сферы общественной жизни и с позиций выявления специфики ее общих элементов и с позиций уровневого подхода к общественной жизни. Рассмотрим с этой точки зрения некоторые методологические вопросы изучения основных сфер общественной жизни. Прежде всего остановимся на самой категориальной сущности основных сфер общественной жизни.

В специальной литературе довольно часто сфера жизни общества понимается как определенное суммирование составляющих ее элементов. Под экономической сферой, в частности, подразумевают связь, единство производительных сил и производственных отношений, процессы производства, распределения, обмена и потребления материальных жизненных средств и т. д. Бесспорно, такое понимание сфер имеет свои положительные моменты. Вместе с тем нельзя считать, что категориальный статус сфер общественной жизни рассматривается именно на этом уровне. Ведь само по себе объединение в рамках одной сферы ее составляющих еще не раскрывает сущности сферы именно в виде качественно определенной целостности. Если, например, исследователь социальной сферы не ограничивается одним только описанием классов, а здесь же последовательно рассматривает микросоциальную структуру общества, профессионально-региональное деление и т. п., то это внешнее сведение проблем, рядоположенность их еще не отвечает на вопрос, что же такое социальная сфера как нечто целое, т. е. отличное от составляющих ее компонентов.

Характеристика сущности сферы общественной жизни возникает только тогда, когда выясняются те законы, которые объединяют все ее образования в нечто качественно целое. Именно данный уровень функционирования и развития подсистемы общества и отражается историческим материализмом в категории сферы общественной жизни. Настаивая именно на такой сущностной трактовке сфер общественной жизни, мы отнюдь не стремимся оторвать и противопоставить друг другу элементы сфер и законы. Речь идет о функционировании и развитии сферы, всех ее образований как целого. Потребность подобного понимания сферы особенно важна именно в аспекте современного развития философии. Ведь сегодня, когда налицо явное и неявное отождествление сфер с простой суммой их составляющих, когда понимание сфер носит скорее интуитивный, чем научный характер, подчеркивание категориальной сущности данного понятия, на наш взгляд, оправдано.

В первой главе книги уже отмечалось, что выделение основных сфер общественной жизни проводится по различным основаниям. В этой связи остановимся на дифференциации общества на экономическую (материально-производственную), социальную, политическую и духовную сферы^{4а}. Прежде всего напомним, что такая дифференциация четко выражена в известном положении К. Маркса, согласно которому способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процесс жизни вообще⁵. Приведенное положение К. Маркса представляет собой краеугольный камень материалистического понимания истории. Вместе с тем в научной литературе выражено определенное сомнение правомерности его интерпретации в виде основания деления общества на основные сферы. Рассмотрим доводы тех, кто занимает такие позиции, и выясним, насколько они резонны.

Следует, безусловно, согласиться с А. В. Дроздовым⁶, В. А. Ребриным⁷ и другими авторами в том плане, что в указанном положении К. Маркса выражается основная детерминационная связь исторического процесса — зависимость всех общественных структур, подразделений и т. п. от способа производства материальной жизни. Но все это не исключает, по нашему мнению, и его классификационной значимости. Зависимость всей общественной жизни от материального производства и дифференциация общественной жизни на основные сферы не противоречат друг другу. Наоборот, именно для того, чтобы показать определяющую роль материального производства в развитии общества, К. Марксу и понадобилось известным образом оформить понимание деления общества на основные сферы. Без такой дифференциации идея материализма в истории не могла бы быть корректно сформулирована. Поэтому нет никаких данных противопоставлять эти два аспекта, интерпретировать слова К. Маркса так, будто один аспект в них есть, а другого нет. На самом деле есть и то и другое, причем оба эти аспекта необходимы, ибо они углубляют друг друга.

Становление материалистического понимания истории свидетельствует о том, что формирование основополагающей идеи материализма шло параллельно с формированием представления о структуре общества. Сама степень зрелости идеи материализма адекватна степени зрелости представления о структуре общества.

^{4а} К уже названным в первой главе работам по данному вопросу добавим: *Тугаринов В. П.* Соотношение категорий исторического материализма. Л., 1958; *Политика и общество: (Социально-политические проблемы развитого социализма)*. Л., 1975; *Развитый социализм*. М., 1978; *Лашина М. В.* Основные сферы общественной жизни и их взаимосвязь. — *Филос. науки*, 1979, № 4; и др.

⁵ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 7.

⁶ См.: *Дроздов А. В.* Человек и общественные отношения. Л., 1966, с. 114.

⁷ См.: *Ребрин В. А.* Методологические проблемы социалистического общественного сознания. Новосибирск, 1974, с. 47.

Вот основные этапы этого пути, сформулированные Г. А. Багатурия: 1843 г.: «К критике гегелевской философии права» — гражданское общество определяет государство; 1844 г.: «Экономическо-философские рукописи» — производство определяет все стороны жизни общества; 1845—1846 гг.: «Немецкая идеология» — производительные силы — форма общения — политическая надстройка — формы общественного сознания; и, наконец, 1859 г.: Предисловие к «К критике политической экономии» — способ производства обуславливает социальные, политические, духовные процессы жизни вообще⁸.

При выделении основных сфер жизни общества, кроме аргументов, связанных с формированием исторического материализма, есть еще и аргументы, которые вытекают из теоретической сущности самой проблемы. Аргументы эти многоплановы. Мы остановимся на некоторых из них, касающихся уровневого подхода к сферам общественной жизни. Дело в том, что материальная и духовная жизнь общества понимаются в историческом материализме по меньшей мере в двух смыслах. В соответствии с самой глубокой их сущностью они рассматриваются сквозь призму сопоставления и противопоставления, соотносимого с общеполитической постановкой основного вопроса философии.

В таком плане материальная и духовная жизнь трактуются как две максимально широкие подсистемы общественной жизни⁹. В то же время материальная и духовная жизнь общества интерпретируются и в более конкретном смысле. Под материальной жизнью при таком подходе понимается экономическая сфера общества, материально-производственная деятельность людей, осуществляемая в рамках исторически определенных производственных отношений. Духовная же жизнь представляется в виде специализированной области духовного производства, трансляции духовной культуры, образования и воспитания общественных индивидов.

В первом своем значении категории материальной и духовной жизни — это категории более высокой степени абстрагирования, чем категории социальной и политической сферы. Категории «материальная и духовная жизнь», с одной стороны, и «социальная и политическая жизнь» — с другой, принадлежат здесь к разным категориальным рядам. Но если материальную и духовную жизнь трактовать более конкретно, то по уровню обобщения они будут принадлежать к тому же ряду понятий, что и сферы социальная и политическая. В таком плане не только можно, но и должно выделять в виде однопорядковых сфер экономическую (материально-производственную), социальную, политическую и духовную. Каждая из них представляет собой весьма важную и вполне самостоятельную сторону общественной жизни, требующую отдельного и специального изучения.

Проблема уровневого анализа основных сфер общественной жизни не исчерпывается уточнением понимания материальной и духовной сфер. Камнем преткновения выступает в данном слу-

чае выделение сферы социальной жизни общества. В предшествующей главе уже были рассмотрены аргументы такого выделения, связанные с характеристикой собственно социальных отношений. Есть и иные вопросы, заслуживающие внимания. Речь идет о том, что классы и другие социальные группы, жизнедеятельность которых составляет содержание социальной сферы, функционируют одновременно и в экономической, политической и духовной сферах. Они не принадлежат только социальной жизни, выступают субъектами всей системы общественных отношений, всех сфер общества и поэтому не могут быть элиминированы при описании всех сфер. Но это отнюдь не лишает социальную сферу общественной жизни ее специфики. Уже отмечалось, что сущностная характеристика сферы заключается не в простой сумме составляющих ее элементов, а в законах, объединяющих эти элементы в некую целостность. Поэтому, решая вопрос о той или иной сфере общества, надо исходить из того, насколько развились, конституировались, обрели свою качественную специфику определенные общественные законы. Если эти законы сформировались, отделились от других законов, то можно утверждать и о наличии соответствующей сферы.

Так, классы — элементы социальной сферы — действительно универсальны, их деятельность пронизывает все сферы, все области общественной жизни. Однако законы, на основе которых складываются, функционируют и развиваются классы, включая преодоление социальных различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом при социализме, отнюдь не растворяются в других сферах, других законах. Будучи тесно связанными с законами экономической, политической и духовной сфер, они тем не менее отличаются от них, имеют свою специфику, сохраняют свое особое содержание, свое место в системе общественных законов. Наличие таких законов и позволяет сделать вывод о существовании социальной сферы общества.

Затронутая проблема касается не только социальной сферы. Возьмем, к примеру, сферу политической жизни. Можно ли утверждать, что элементы политического управления представляя собой нечто свойственное лишь сфере политики? Конечно, нет. «Поле» политического управления в тех или иных формах выступает все общество. Но из этой универсальности политического управления отнюдь не следует, что законы политической сферы не обладают качественным своеобразием, что они растворяются в законах экономической, социальной и духовной жизни. Точно так же элементы собственно материального производства как бы пронизывают собой и общение людей, и политико-управленческую деятельность, и специализированное духовное произ-

⁸ См.: Багатурян Г. А. Первое великое открытие Маркса: (Формирование и развитие материалистического понимания истории). — В кн.: Маркс — историк. М., 1968, с. 171.

⁹ См.: Уледов А. К. Духовная жизнь общества. М., 1980.

водство, ибо все сферы общественной жизни имеют свои материально-технические подструктуры, которые вплетаются во все виды человеческой деятельности в качестве неких подчиненных моментов¹⁰. Диалектика взаимосвязи экономической, социальной, политической и духовной сфер общества — центральная проблема рассматриваемого аспекта целостности исторического процесса.

Концепция дифференциации классового общества на экономическую, социальную, политическую и духовную сферы играет важную роль в обосновании и раскрытии теории исторического процесса. Ее специфика состоит в том, что она позволяет выявить особенности каждой из сфер общества и проследить переходы между ними внутри единой формации. Тем самым концепция основных сфер существенно дополняет учение об общественно-экономической формации как системе, детализируя наши представления о материальном единстве общества и его внутренних взаимосвязях.

Актуальность и важность таких представлений особенно возрастают в условиях социализма, который впервые в истории вносит планомерность в развитие всех сторон общественной жизни. В наибольшей степени это относится к этапу зрелого социализма, характеризующемуся укреплением взаимосвязи между основными подразделениями общества, комплексностью его развития. Чем больше задач приходится решать одновременно, тем настоятельнее возникает потребность решать их во взаимной увязке, систематически и целенаправленно, принимая при этом во внимание сложные и многообразные зависимости между всеми сферами общественной жизни. Поэтому, как справедливо отмечалось в одной из редакционных статей журнала «Вопросы философии», «исследование... особенностей соотношения экономической, социальной, политической и духовной сфер и возникающих здесь проблем имеет значение для более глубокого понимания природы социализма как функционирующей и развивающейся социально-экономической системы, его экономических и социальных закономерностей, механизмов их действия и форм проявления»¹¹.

2. Диалектика экономической, социальной, политической и духовной сфер общества

Экономическая сфера общества — сложное и многоплановое общественное явление. Она обладает функционально-производственной структурой, включающей в себя определенные пропорции промышленного и сельскохозяйственного производства, добывающей и обрабатывающей промышленности и т. д. Другой ее гранью выступают регионально-производственные связи отдельных предприятий и их комплексов, расположенных на определенных территориях. Имеет она и иные характеристики, обусловленные функционированием и развитием производства, распределения, обмена (обращения) и потребления материальных жизненных

средств. В силу своей многокачественности экономическая сфера изучается рядом научных дисциплин: политической экономией и конкретными экономическими науками, экономической географией, отраслевой социологией и др. Исторический же материализм интересуется в первую очередь общими закономерностями ее развития и детерминирующего воздействия на другие сферы общественной жизни, исторический процесс в целом.

Нет необходимости вновь возвращаться к характеристике производительных сил и производственных отношений, диалектике их развития, а также развития производства, распределения, обмена и потребления материальных жизненных средств, рассмотренной в первой части нашего труда. Подчеркнем лишь еще раз, что анализ внутренних взаимодействий сферы экономической жизни общества всегда надо дополнять анализом ее внешних связей или, иначе, тех воздействий, которые она оказывает на процессы возникновения, функционирования и развития всех других сфер. Именно данное воздействие и характеризует экономику с точки зрения ее определяющей роли в историческом процессе, раскрывает существенные черты и требования закона определяющей роли способа производства материальной жизни в развитии общества. При этом обнаруживается, что сама определяющая роль экономической сферы отнюдь не есть нечто однозначное, недифференцированное. Она обнаруживается в многообразных типах связей, позволяющих увидеть различные аспекты и последовательное усложнение экономических влияний на постэкономические сферы.

Экономическая сфера выступает прежде всего как основа общества и всех других сфер. Эти сферы как бы вырастают из такой основы, выводятся из нее. Раскрывая материалистический смысл детерминации общественной структуры, К. Маркс писал П. В. Анненкову: «Возьмите определенную ступень развития производительных сил людей, и вы получите определенную форму обмена... и потребления. Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, условий или классов,— словом, определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества»¹².

Экономическая сфера выступает ведущей причиной, условием и предпосылкой исторического процесса, ибо люди, чтобы «делать историю», должны жить, иметь материальные средства жизни¹³.

¹⁰ См.: *Тощенко Ж. Т.* Социальная инфраструктура: сущность и пути развития. М., 1980.

¹¹ Исторический материализм сегодня: проблемы и задачи.— *Вопр. философии*, 1972, № 10, с. 12.

¹² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 27, с. 402.

¹³ См.: Там же, т. 3, с. 26. В. П. Кузьмин справедливо отмечал, что в обществе «структура деятельности может быть любой, если в качестве

Она представляет собой высшее проявление необходимости и вместе с тем свободы в обществе, становясь своеобразным вектором для всех других сфер общественной жизни, матрицей, эталоном, по образцу которых они «строятся». Это выражается и в том, что возвышающиеся над ней сферы всегда составляют единство деятельности и общественных отношений, и в том, что сознательность человеческой деятельности, истоки которой заключены в законах материально-производственной деятельности, пронизывает все другие сферы, развиваясь и обогащаясь в каждой из них.

Экономическая сфера — системообразующий элемент общественно-экономической формации. Такая ее функция обусловлена тем, что материально-производственная деятельность людей есть деятельность продуктивно-преобразовательная. Воздействуя на другие сферы, порождая их, экономические процессы как бы принимают форму всех других общественных процессов, ибо собственное развитие экономической сферы требует последовательного усложнения этих процессов вплоть до возможности сознательного приспособления общества к его экономической основе и воздействия на нее. Исходные экономические процессы получают в каждой постэкономической сфере все более богатое выражение¹⁴. Тем самым каждая из последующих сфер приобретает в историческом процессе относительную самостоятельность, оказывая обратное воздействие на все предшествующие сферы, в конечном счете и на саму экономику.

Ближайшей общественной сферой, которая возникает на основе экономической жизни общества и непосредственно связана с ней, является социальная сфера. Любое общество составляет известное множество людей. Но это не простая сумма отдельных индивидов. В человеческом множестве образуются определенные социальные группы, отличающиеся одна от другой и находящиеся между собой и всем обществом в разных соотношениях. Человеческое общество в этом плане — сложная совокупность различных групп, их связей и взаимодействий, т. е. оно социально структурировано.

Подобное структурирование, о чем уже шла речь в предшествующей главе, выступает в виде дифференциации общества на большие группы людей (социально-исторические общности), среди которых особое место между основными классами занимают интеллигенция, и малые группы (социальные ячейки). Данная сторона жизни общества, ее функционирование и развитие и представляют собой социальную сферу. Поскольку рассматриваемое нами основание выделения основных сфер общественной жизни относится к классовому обществу, где социальная сфера необходимо предполагает политическую, постольку ограничимся пока лишь некоторыми общими соображениями, касающимися социально-исторических общностей людей.

Прежде всего социально-исторические общности суть устойчивые общественные связи между определенными людьми. Эти

связи находят свое воплощение в особенностях образа жизни данной социальной группы¹⁵. Они воплощаются, далее, в единстве потребностей, интересов, ценностных ориентаций, стереотипов поведения и других характеристиках общественных индивидов. Такое единство обнаруживает себя в сходстве, идентичности черт их личности, иначе — в складывании определенных социальных типов личности. В. И. Ленин подчеркивал, что «личные исключения из групповых и классовых типов, конечно, есть и всегда будут. Но социальные типы остаются»¹⁶.

Социально-историческая общность как целостность предполагает границы, отделяющие ее от других социальных образований. Речь идет и о размежевании общностей одного порядка, например отделение класса от класса, и разных порядков, например — класса от нации. Различие одновременно существующих общностей предполагает устойчивые связи, соотношения между ними. Наконец, надо иметь в виду и то, что включенные в социально-исторические общности люди связаны между собой историческими тенденциями и перспективами развития этих общностей. Болгарский философ Н. Ирибаджак, подводя некоторый итог исследования данной проблемы, вполне справедливо подчеркивал, что социальная общность — это объективная реальность. *«Она, — пишет он, — является формой общественной жизни людей, в основе которой лежит определенная объективная, исторически возникшая и длительная связь между членами, которые ее составляют»*¹⁷.

При характеристике социально-исторических общностей исторический материализм исходит из того, что главным, определяющим фактором выступает здесь общественный способ производства, законы его развития, т. е. экономическая сфера. Именно

первого предварительного условия решена проблема материального существования. Если же эти проблемы не решены, тогда все возвращается к исходному пункту и решение всех прочих задач модифицируется прямой или опосредованной связью с этой первичной задачей» (*Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1980, с. 218*).

¹⁴ Гегель писал: «... результат содержит свое начало, и движение этого начала обогатило его новой определенностью... На каждой ступени дальнейшего определения всеобщее возвышает всю массу своего предыдущего содержания и не только ничего не теряет от своего диалектического движения вперед... но несет с собой все приобретенное и обогащается и сгущается внутри себя» (*Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М., 1972, т. 3, с. 306—307*).

¹⁵ «Все существующие в обществе социальные различия — между классами и социальными слоями, между городом и деревней, между людьми умственного и физического труда, между квалифицированными и неквалифицированными работниками — находят воплощение в их образе жизни» (*Социалистический образ жизни и современная идеологическая борьба. М., 1976, с. 58*).

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 207.

¹⁷ Ирибаджак Н. Развитие социалистическое общество. М., 1974, с. 236—237.

материально-производственная деятельность людей своими сторонами, гранями своей структуры, функционированием и развитием и становится той материальной основой, которая вызывает к жизни, воспроизводит, делает стабильными социально-исторические общности людей, несмотря на смену человеческих поколений. К. Маркс, в частности, отмечал, что классы — это «пустой звук, если я не знаю основ, на которых они покоятся, например паевого труда, капитала и т. д.»¹⁸.

Идея обусловленности социальной сферы экономической — важная черта материалистического понимания истории. Исторический материализм не исчерпывается признанием первичности общественного бытия и вторичности общественного сознания. Его принципиальным положением является также вывод об определяющей роли способа производства материальной жизни применительно ко всем другим сферам общества. Исследование экономической сферы позволило К. Марксу сделать выдающееся открытие: установить, «что *существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства*»¹⁹.

С этим исследованием связано и доказательство того, что социально-исторические общности возникают, развиваются и отмирают независимо от сознания людей, в силу естественноисторического процесса развития общественно-экономической формации. Поэтому социальные процессы нельзя искусственно ни ускорять ни задерживать. Говоря о такой области социальной сферы в условиях современного развития нашей страны, как национальные отношения, XXVI съезд КПСС подчеркнул: «Мы против тенденций, направленных на искусственное стирание национальных особенностей. Но в такой же мере мы считаем недопустимым искусственное их раздувание»²⁰.

Вместе с тем факторы, детерминирующие развитие социально-исторической общности, не сводятся непосредственно лишь к экономической сфере. Классовая общность, например, наряду с особым местом в исторически определенной системе общественного производства характеризуется также своим особым образом жизни, социальной психологией и другими вторичными признаками. В области экономики закладываются материальные основы общностей, сами же общности — результат взаимодействия всех условий их «жизненной обстановки»²¹ как базисного, так и надстроечного порядка. Вне такого взаимодействия социальная группа еще не становится целостностью, способной быть носителем общественных отношений.

Иначе говоря, в социальной сфере определенные стороны базисных и надстроечных явлений, на что уже обращалось внимание, «синтезируются» в одно целое — действительную общность людей, обладающих наряду с экономическими и в зависимости от них и другими чертами своего социального облика. Обращая внимание на то, что каждая социально-историческая общность имеет свои социально образующие факторы, прежде всего экономические, что каждая общность без них в принципе невозможна, сле-

дует вместе с тем и четко различать такие факторы и саму общность.

Социально-образующие факторы составляют своеобразный каркас общности, ее скелет, но это еще не ее живое тело. Так, единство экономики, территории, языка и т. д. сами по себе еще не нация. Это — просто экономические, географические, семантико-информационные и другие явления. Нация же как общность — социальная система, представляющая собой особые интегративные качества. Отождествление социально-исторической общности с ее социально-образующими факторами не столь уж безобидно. В частности, оно приводит к своеобразному отрицанию специфики, самостоятельности законов развития каждой общности, законов социальной сферы. Действительно, если класс — только положение людей в системе производственных отношений, то следует, что законы развития производственных отношений и есть законы развития классов и классовых отношений. Верно схваченная связь классовой общности со своим определяющим социально-образующим фактором абсолютизирована и доведена таким образом, как это ни парадоксально, до фактического отрицания самой общности.

В историческом процессе общности людей существуют в самом тесном взаимодействии, органическом взаимопроникновении. Здесь нет такой ситуации, что одни люди образуют, например, класс, а другие — нацию. Напротив, одни и те же люди, одна и та же человеческая масса составляют и класс и нацию. В классовом обществе нации делятся на классы. С другой стороны, один и тот же класс в многонациональной стране состоит из представителей различных наций. Отсюда очевидно, сколь сложна, многопланова социальная структура общества, сколь по многим линиям наблюдаются в ее связях взаимопересечения, взаимовключения группирования людей. Но все это отнюдь не означает погашение, потерю каждой социально-исторической общностью своей специфики. Классы, например, будучи составной частью нации, не перестают быть классами, т. е. большими группами людей с общими экономическими интересами, социально-психологическим обликом и т. д., так и нация, дифференцируясь на классы, не теряет черты национальной общности. Взаимодействуя и взаимопроникая, социально-исторические общности сохраняются в сфере социальной жизни общества в виде качественно устойчивых образований. Соответственно функционирует и развивается и особый тип собственно социальных отношений.

При всей своей многоплановости, переплетенности разных тенденций социальная сфера есть тем не менее нечто целостное, единое, пронизанное общими интегрирующими связями. Другими словами, она представляет собой не просто множество разных со-

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 12, с. 726.

¹⁹ Там же, т. 28, с. 427.

²⁰ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 57.

²¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 430.

циальных образований, а качественно определенную систему данных образований и отношений между ними, складывающуюся в целостность под определяющим воздействием экономических процессов.

Признание целостности социальной сферы закономерно подводит к вопросу о выделении на каждом этапе исторического процесса такой общности, такого собственно социального отношения, которое занимает центральное, ведущее место. С момента возникновения классовых отношений лидирующей общностью выступают классы. Именно их развитие накладывает решающий отпечаток на судьбу других социально-исторических общностей и конкретного общества — социального организма — в целом. На наш взгляд, объяснение подобной роли классов следует искать в том, что они базируются на самом жизненно важном в истории людей — на их экономических интересах. Это обстоятельство и делает классовую общность и классовые отношения самыми «сильными» из всех других общностей и отношений.

Социальная сфера в сопоставлении с экономической раскрывает новые черты общественно-экономической формации как целостности. Прежде всего она становится конкретизацией, обогащением, развитием экономической сферы. Так, если в экономической сфере экономические отношения представлены сами по себе в виде общественной формы экономических процессов, то в социальной сфере их определенный аспект — отношения фактического равенства или неравенства общественного положения людей — интегрирован в функционировании и развитии социально-исторических общностей и социальных ячеек. Тем самым тенденции развития экономической сферы как предпосылки, основы, причины, необходимости и свободы, как матрицы других сфер общества обретают более конкретное содержание.

Переход от экономической сферы к социальной раскрывает новые грани человека в качестве общественного субъекта. В отличие от экономической сферы, где человек выступает главной производительной силой, человеком-работником, в социальной сфере он обретает черты ассоциированного человека, т. е. человека, включенного в состав группового (коллективного) субъекта. Он здесь не просто творец материальных и духовных жизненных средств, но и социально-преобразующая сила. Переход от экономической к социальной сфере обнажает и новую, более высокую роль общественного сознания, его значение в системе социальных групп.

Это выражается в том, что, отвечая насущным потребностям производства, социальная сфера одновременно вносит новые моменты и в характер отражения экономической жизни. В социальной сфере складывается объективно общий интерес социальной группы, что создает в познавательном плане возможности осознания данного общественного способа производства и всего наличного общественного строя. В этом отношении общая идея классовой борьбы в условиях капитализма представляет собой уже

значительную степень обобщения и, как подчеркивал В. И. Ленин, настолько сложна, что первоначально усваивается только передовыми рабочими²².

Вполне понятно, что в социальной сфере даже самые сложные обобщения не выходят еще за рамки обыденного сознания, не дают подлинной сознательности в понимании исторического процесса, на зато социальная сфера создает предпосылки для выработки такой сознательности, а более конкретно — для перехода социальных групп, прежде всего классов, к сознательной политической деятельности. Такими предпосылками применительно к общественным классам являются: сама классовая группа, объединенная общим интересом, т. е. «класс в себе», в отличие, например, от предпролетариата как простой суммы цехов²³; достаточно развитая классовая психология, подводящая к пониманию происходящих событий и хотя бы зачатков классовой организации. Указанные предпосылки образуют реальную почву для перехода к политике, к политической сфере жизни общества, который стал в истории классового общества самым значительным, самым крупным этапом в развитии общественной структуры. Он осуществлялся уже вполне сознательно, с помощью политической идеологии, политической организации и деятельности.

Важно подчеркнуть, что именно политика открывает собою весь пласт сознательно-идеологических форм общественной жизни, которые позволяют прогрессивным классам овладевать ее объективной логикой и потому выступают наиболее продуктивными формами исторического процесса (позволяют «спрямлять», ускорять его, словом, придавать ему наиболее оптимальный характер). Политика, иначе говоря, есть первая идеологически организованная общественная сила. Уже это обстоятельство (не говоря о других особенностях политики) определяет особую значимость анализа политической сферы — причин ее возникновения и исключительной роли в развитии классового общества²⁴.

Необходимость политики обусловлена в итоге противоречием классовых интересов в сфере экономики. Особое место и особая важность политики состоит в том, что политика наиболее обоб-

²² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 316.

²³ См.: Там же, т. 20, с. 111.

²⁴ Исследованию политической сферы общества посвящены работы: Бельх А. К. Политическая организация общества и социальное управление. Л., 1967; Разин В. И. Политическая организация общества. М., 1967; Бурлацкий Ф. М. Ленин, государство, политика. М., 1970; Белов Г. А. Политические отношения в социалистическом обществе. М., 1970; Азаров Н. И. В. И. Ленин о политике как общественном явлении. М., 1971; Вишняков А. С. Исторический материализм и политика КПСС. М., 1971; Пичугин П. В. Место и роль политики в развитии советского общества. М., 1971; Лашина М. В. Закономерности политики как общественного явления. — В кн.: Политика как общественное явление. М., 1972; Политические отношения: прогнозирование и планирование. М., 1979; Мшвениерадзе В. В. Современное буржуазное политическое сознание. М., 1981; и др.

щенно — по сравнению с другими надстроечными формами — отражает состояние, потребности и тенденции развития экономики. Причем познание в данном случае не является конечной целью политики. Оно — средство, при помощи которого познанные тенденции экономических процессов должны затем воплотиться в жизнь в практической деятельности классов, их борьбе. Одно из важнейших ленинских определений политики подчеркивает именно эту связь политического сознания и политической практики: «Политика, — писал В. И. Ленин, — есть самое концентрированное выражение экономики и ее обобщение и завершение»²⁵. Слово «завершение» и подчеркивает, по нашему мнению, то, что политика — не только отражает экономику, но и выступает самым действенным орудием практической реализации ее потребностей, воздействия на нее, управления ею и т. д.

Политика обуславливается наряду с экономикой и собственно социальными отношениями и процессами. В самой своей сути она детерминирована интересами классов. Поэтому в целостной системе ленинских определений политики важное место принадлежит характеристике политики как области взаимоотношений классов²⁶. Классовая детерминированность политики имеет первостепенное значение для понимания самой ее природы. Суть этой проблемы заключается в том, что политика всегда отражает экономику через призму классовых интересов. Собственно ближайшее назначение политики и состоит в осмысливании, формулировании, защите и реализации классовых интересов. Эти интересы многообразны по своей форме. В конечном же счете они представляют собой лишь различное проявление одного и того же общего для всего класса экономического интереса. Доводя многочисленные частные, групповые интересы класса до уровня его единого экономического интереса, политика одновременно восходит и до наиболее обобщенного выражения экономики, что, в свою очередь, позволяет сознательно приспособить к ней социально-преобразующую деятельность передовых классов.

Политика не только обобщает классовые интересы, но и концентрирует их. Понятие концентрации ближе к деятельности, оно означает собирание, сосредоточение воли, сил и действий класса вокруг решения его основных задач. При этом высшая степень концентрации возникает тогда, когда класс для реализации своих интересов ведет борьбу за завоевание и использование наиболее мощного политического учреждения — государства. В этом смысле политика также выступает как первая идеологически организованная сила. Она — самое эффективное средство концентрации общественной инициативы, энергии, деятельности классов. Поэтому политические отношения и действия по своей массовости и результативности не знают себе равных среди других идеологических отношений и идеологически обусловленных действий.

Политика, а следовательно, и политическая сфера жизни общества включает в себя политическое сознание, политические отношения, политические институты и действия. Политические

взгляды, учения, программные, стратегические и тактические идеи и концепции сообщают деятельности классов ту сознательность и целеустремленность, которая обеспечивает оптимальную эффективность этой деятельности и в целом (в борьбе прогрессивных классов) — оптимальные пути и формы общественного развития. Политические институты объективируют, опредмечивают политическое сознание и политические отношения в принципах своего строения и функционирования. В этой связи нужно особо выделить роль политических партий и государства.

Политические партии объединяют наиболее активную часть класса. Они вырабатывают, развивают и распространяют классовое политическое сознание, обеспечивают единство действия класса, создавая тем самым изначальные и главные условия для конституирования класса в реальный субъект исторического творчества. Однако подобное конституирование класса делает необходимым для него такое учреждение, как государство. Чтобы осуществлять политическое руководство обществом, класс должен придать форму общеобязательности своим интересам. Государство и становится тем учреждением, которое превращает с помощью юридических законов волю господствующего класса в обязательную для всех членов общества. В этом состоит сила государства, опирающаяся на специальный аппарат публичной власти, на его кадровый состав, на материально-финансовые средства и т. д. Отсюда государство и есть главное орудие классов в их борьбе за реализацию своих интересов. Оно представляет собой в антагонистическом обществе машину «для подавления угнетенного, эксплуатируемого класса»²⁷ и возникает «там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно не могут быть примирены»²⁸. Соответственно и политика в прямом значении этого слова всегда предполагает отношение класса к государственной власти.

Функционирование и развитие политической сферы неотделимо от политических отношений и действий. Политические институты при всей их огромной важности служат лишь средством политической деятельности. Цель же ее состоит в том, чтобы или подавить сопротивление, или, напротив, привести в движение большие массы людей, без чего нельзя ни сохранить существующий строй, ни осуществить сколько-нибудь серьезные его преобразования. Политические отношения борьбы, союза, изоляции, нейтрализации и т. д. и представляют собой ту общественную форму взаимодействия между классами, при помощи которой классы и примыкающие к ним социальные группы включаются в политическую деятельность, в решение насущных исторических задач.

²⁵ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970, т. 2, с. 165.

²⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 72.

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 176.

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 7.

Политика вторична по отношению к экономике. Но, приводя в движение классы и массы, она становится средством разрешения назревших общественных противоречий, включая противоречия экономической сферы. В этой своей сути «политика,— по замечанию В. И. Ленина,— не может не иметь первенства над экономикой»²⁹. «Рассуждать иначе,— подчеркивал он,— значит забывать азбуку марксизма»³⁰. Нельзя не вспомнить и другое: не отменяя экономических законов, политика ставит в зависимость от политических решений и акций и способы реализации их требований, ускоряя, задерживая или в одном плане ускоряя, в другом задерживая экономическое развитие. Особая роль политики в ее взаимодействии с экономикой обнаруживает себя и в том, что в классовом обществе экономические отношения вообще не могут существовать без соответствующего государственно-правового обеспечения. Они как бы облекаются политико-юридической оболочкой, придающей им завершенность и целостность. При наличии противоположности классовых интересов любое ослабление государственно-правового обеспечения экономических отношений неизбежно ведет к дезорганизации и разрушению самого уклада экономической жизни.

Экономика создает в историческом процессе целый спектр возможностей решения частных проблем общественного развития. Выбор и реализация этих возможностей в классовом обществе непосредственно зависят от политики. Наряду с экономикой политика взаимодействует и с другими образованиями общественной жизни. Возникает здесь и такая проблема, как взаимодействие политики с идеологией и духовной сферой общества в целом.

Духовное (идеальное) начало — атрибутивное свойство всех видов человеческой деятельности. Поэтому духовная сфера не сводится и не может быть сведена лишь к проявлению общественного и тем более индивидуального сознания. Вопрос ставится иначе. Речь идет об особом уровне духовной жизни общества, связанного, по замечанию А. К. Уледова, со «специализированным духовным производством, с функционированием социальных институтов (идеологических и научных учреждений, театров, библиотек, музеев, школ и т. д.), создающих и распространяющих духовные ценности»³¹. В соответствии с получающей в философской литературе все большее признание трактовкой духовной сферы как целенаправленно организуемой обществом духовной жизни, в качестве ее областей или подсистем выделяется идеологическая, научная, художественно-эстетическая жизнь, а также воспитание и образование, обеспечивающие формирование и развитие личности, сохранение и передачу духовных ценностей.

Соглашаясь с подобным подходом к дифференциации сферы духовной жизни общества, необходимо вместе с тем подчеркнуть значение исторического подхода. Вполне понятно, что до возникновения науки не существовала и научная жизнь, точно так же, как во всех докоммунистических формациях важную роль в духовной сфере играла и играет религия. Нельзя не отметить и то,

что духовная жизнь общества неотделима от политического и морального сознания. Однако политическая жизнь имеет свои уже отмеченные выше черты, выделяющие ее в самостоятельную сферу общества. Что же касается морального сознания, то, включаясь в духовную жизнь, оно вместе с тем (в прошлом и сейчас) не обладает главным признаком подсистемы духовной сферы, не связано со специализированным духовным производством, функционированием особых социальных институтов. Своеобразным интегративным показателем развития духовной сферы и других сфер общества выступает культура, анализу которой мы посвятим специальную главу.

Каждая из подсистем сферы духовной жизни общества охватывает собой определенные фрагменты общественного сознания. Но эти подсистемы, как мы видим, не сводятся к общественному сознанию. В них представлена и деятельностно-продуктивная сторона духовной жизни, т. е. сама деятельность по производству, распределению, обращению и потреблению духовных ценностей³². Наука, например, — не просто сумма знаний о законах действительности. Она и сложнейший процесс духовного производства. Чтобы понять данный процесс, необходимо выяснить роль различного мыслительного материала в качестве базы научного познания, средств и способов научного поиска, научного общения, психологического фактора научной деятельности и многое другое³³. Точно так же и идеология в современном мире — не просто обоснование и формулировка определенных классовых идей, лозунгов, оценок, но и их распространение, что, в частности, требует своих средств, умений, навыков и др. Достаточно вспомнить хотя бы «идеологическую индустрию» обработки масс в современном буржуазном обществе, в которой профессионально заняты тысячи людей³⁴. Коротче говоря, наука, идеология, образование,

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 278.

³⁰ Там же.

³¹ Уледов А. К. Духовная жизнь общества. М., 1980, с. 35; см. также: Барулин В. С. Соотношение материального и идеального в обществе как проблема исторического материализма. Барнаул, 1969; с. 213; Бурдина А. И. Общественное сознание как проблема диалектического и исторического материализма. М., 1979, с. 80—86.

³² См.: Толстых В. И. Духовное производство как проблема исторического материализма. — *Вопр. философии*, 1978, № 2; Категории исторического материализма. М., 1980, с. 231—245; Духовное производство. Социально-философский аспект проблемы духовной деятельности. М., 1981; и др.

³³ «Существо науки заключается не в познанных уже истинах, а в поиске их, в экспериментально-исследовательской деятельности, направленной на познание и использование законов природы и общества. Наука — это не знания сами по себе, а деятельность общества по производству знания, т. е. научное производство» (Волков Г. Н. Социология науки. М., 1968, с. 121).

³⁴ См.: Борьба идей в современном мире. Современный капитализм: Противоречия и доктрины. М., 1976, т. 2; Цехов Д. Идеологическая борьба: Методологические проблемы. М., 1978; Гуревич П. С. Буржуазная идеология и массовое сознание. М., 1980; и др.

искусство, религия стали в обществе специализированными видами духовной деятельности. Все они вписываются в общую систему разделения труда, выступая его разновидностями. Это обстоятельство и отличает подсистемы духовной сферы от компонентов общественного сознания.

Характерной чертой духовной сферы общества выступает и ее институционализация, т. е. организация в виде определенных социальных институтов. Так, воспитание и образование в современном обществе лишь в самом первом и самом общем приближении можно представить как общественный способ передачи обобщенного опыта, знаний, социальных норм, словом, культуры. Если же в этом общем представлении раскрыть скобки, то обнаружится, что воспитание и образование в современном обществе — сложная общественная подсистема. Она включает в себя соответствующие учреждения, подготовку кадров педагогов, материальную базу обучения, имеет свои формы прогнозирования, планирования, управления и др.

Поскольку сознание пронизывает всю жизнедеятельность человека, постольку предпосылки духовной сферы имеются буквально всюду: в материальном производстве, постройке общества, механизмах взаимодействия общественных явлений и др. В этом плане духовная сфера вырастает буквально из всех сторон общественной жизни. Соответственно и ее детерминанты исключительно многообразны. Рассматривая другие сферы общественной жизни, мы уже сталкивались со сложностью их детерминации. Однако по богатству причинных и других связей духовная сфера безусловно лидирует.

В каждой из областей духовной сферы одновременно действуют и взаимодействуют экономические, социальные и политические детерминанты. В конечном счете всюду и везде дает о себе знать определяющая роль экономического развития. Именно потребности материального производства превратили, в частности, научное познание действительности из занятия небольшой группы людей в широко разветвленную область человеческой деятельности с миллионными отрядами профессиональных работников, с мощной материально-технической базой. Вместе с тем нельзя не видеть и непосредственного воздействия на духовную сферу социальной сферы, особенно такого ее компонента, как социально-классовая структура, отражение экономических процессов в духовной сфере через политику. Важно подчеркнуть и ту роль, которую политика играет в формировании идеологии и, следовательно, взаимодействие идеологии и политики.

Богатство предпосылок подсистем духовной сферы общества объясняет в определенной мере и богатство самих этих подсистем. Видимо, такое многообразие духовной сферы жизни общества и создает почву для сомнений в том, представляют ли собой выделенные образования духовной жизни нечто единое в родовом отношении, составляют ли они в целом единую сферу общества.

Слов нет, не считается с разнообразием духовной жизни,

выравнивать все ее компоненты, нивелировать отличия этих компонентов нельзя. Но нельзя, с другой стороны, за различиями не видеть их тождества, единства. Самым общим синтезирующим показателем всех образований духовной сферы является то, что в каждом из них сознание выступает своеобразным центром, вокруг которого они объединяются между собой. Сознание здесь и результат определенной деятельности (оно производится), и продукт (оно потребляется), и средство (оно — то, с помощью чего получают новые духовные ценности), и непосредственная цель (ради него создаются научные учреждения, органы образования, творческие союзы, церковь и др.). Как материальное производство, функционирование и развитие социальных групп, отношения между классами по поводу государственной власти, государственного управления выступают своеобразной границей, которая очерчивает собственные рамки экономической, социальной и политической сфер, так и специализированное духовное производство в виде производства сознания определяет границу духовной сферы, высвечивает ее специфику. Именно это обстоятельство и организует духовную жизнь в особую сферу общества.

В процессе исторического развития все образования духовной сферы тесно связаны, взаимодействуют друг с другом. Так, длительное время религия оказывала сильнейшее влияние на искусство. Сегодня особо очевидно соподчинение науки и образования, идеологии и науки. По существу, каждая из подсистем духовной сферы в известной мере влияет на все другие. Поэтому есть основания не просто констатировать наличие сходных черт у различных компонентов духовной сферы, но и выделять определенные системные связи между ними. Это значит, что сфера духовной жизни общества объединяет не просто сумму идентичных компонентов, а представляет собой определенную системную целостность. Но если духовная сфера — целостная система, то естественно встает вопрос, какое же ее образование играет главную, ведущую роль. Видимо, невозможно выделить такое образование применительно ко всей истории человечества. На разных этапах исторического процесса менялись требования общества к духовной сфере, менялись и ее компоненты: одни развивались, другие же, напротив, теряли свой статус особой области духовной сферы, как это произошло с религией при социализме.

В классово-антагонистическом обществе главенствующую роль в духовной сфере играла, по нашему мнению, идеология, хотя в средние века сама идеология соединялась с религией, выступала в религиозном паряде. Такая роль идеологии обнаруживается при капитализме в том, что идеология оказывает наибольшее воздействие на развитие науки, образования, искусства, религии. Зачастую даже требования общества по отношению к этим духовным образованиям выражаются в политико-идеологической форме. Это объясняется особым значением классовых отношений в обществе, близостью идеологии к государству, которое занимает центральное место в политической жизни. Ведущая роль идеологии

в духовной жизни общества — это своего рода отражение ведущей роли господствующего класса и государства в социальной и политической сфере.

По мере утверждения социалистических общественных отношений складывается новая ситуация. Сегодня еще рано говорить о том, что идеология утратила значение ведущего образования духовной сферы общества, идеологические ценности социализма оказывают решающее влияние на науку, искусство, образование и т. д. Важно здесь иметь в виду и другое. «В противоположность буржуазной коммунистическая идеология, — подчеркивалось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, — привлекает умы и сердца миллионов своей истинностью и честностью, цельностью и оптимизмом. Это идеология восходящего класса, идеология нового общества, идеология мира и дружбы между народами»³⁵. Вместе с тем меняется при социализме и характер отношений между подсистемами духовной жизни общества. На таком фоне возрастает в духовной сфере общества роль и значение научных начал. В перспективе коммунистического строительства именно наука имеет тенденцию организовываться в ведущий компонент духовной сферы. Это, конечно, не означает, что другие образования духовной сферы утратят свое самостоятельное значение и превратятся в своеобразные разновидности науки. Нет, коммунистическое будущее — время расцвета всех подсистем духовной сферы, объективно правильно отражающих историческую действительность, пути ее развития.

Мы рассмотрели целостность исторического процесса под углом зрения дифференциации классовых общественно-экономических формаций на экономическую, социальную, политическую и духовную сферы общественной жизни. Социальная сфера выступает при таком подходе в ряду других однопорядковых сфер. Вместе с тем в силу «синтетической» природы собственно социальных отношений социальная структура как элемент социальной сферы общества представляет собой и особый, еще более глубокий уровень исторического процесса. На этой характеристике исторического процесса, раскрывающей его целостность через развитие социально-исторических общностей и социальных ячеек общества, мы и сосредоточим теперь наше внимание.

³⁵ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г. М., 1983, с. 30.

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ ЛЮДЕЙ И СОЦИАЛЬНЫЕ ЯЧЕЙКИ ОБЩЕСТВА

1. Общественные классы

Разделение общества на классы, существенным образом отличающиеся друг от друга по своему общественному положению (богатые и бедные, имущие и неимущие, господствующие и бесправные), представляет собой в истории достаточно очевидный эмпирический факт¹. К характеристике классов, причин классового деления общества, отношений между классами обращались многие мыслители прошлого. По словам К. Маркса, буржуазные историки задолго до него описали борьбу классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов капиталистического общества². Однако до марксизма никто (тем более буржуазные историки и экономисты) не поднимался в изучении классов и классовых отношений до понимания их глубинной внутренней связи с экономическими законами общественного развития. Даже признавая наличие серьезных классовых коллизий капиталистического общества, буржуазные идеологи стремились и стремятся изобразить классовую борьбу как некое «отклонение» от законов капиталистического производства, а не как его сущностное выражение.

Марксистско-ленинская теория классов и классовой борьбы составляет неотъемлемую и важную часть материалистического понимания истории и вместе с ним научного обоснования перехода человечества к социализму и коммунизму. Подчеркивая значение данной стороны своего учения, К. Маркс писал: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что *существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства*, 2) что *классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата*, 3) что *эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов*»³.

Рассматривая материальное производство в качестве основы исторического процесса, К. Маркс и Ф. Энгельс видели в состоянии производства и причины разделения общества на противоположные классы. «...Недостаточное для всего общества производство,— писали они,— делало возможным развитие лишь в том

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 424.

² См.: Там же, т. 28, с. 424, 427.

³ Там же, с. 427.

виде, что одни лица удовлетворяли свои потребности за счет других, и поэтому одни — меньшинство — получали монополию развития, другие же — большинство — вследствие постоянной борьбы за удовлетворение необходимейших потребностей были временно (т. е. до порождения новых революционизирующих производительных сил) лишены возможности какого бы то ни было развития»⁴. В таких условиях, считал К. Маркс, «существование классов, из которых одни наживаются, другие же гибнут от нужды»⁵, было необходимо для самого развития производительных сил.

К. Маркс и Ф. Энгельс не ограничились лишь констатацией связи между делением общества на противоположные классы и уровнем развития материального производства. Они детальным образом изучили эту связь, раскрыв, в частности, непосредственную роль в образовании классов общественного разделения труда. «...В основе деления на классы,— резюмировал Ф. Энгельс,— лежит закон разделения труда»⁶.

Уже отмечалось, что специфика общественного разделения труда и его отличие от распределения между людьми трудовых операций (технологическое разделение труда) заключается в обособлении людей по отдельным видам деятельности⁷. Именно на почве такого социально-экономического обособления, неотделимого от определенных исторических фаз развития общественного производства, формируются и соответствующие системы общественного хозяйства, в которых люди занимают особое социальное положение, образуя тем самым и особые социальные группы. В то же время и само общественное разделение труда складывается лишь тогда, когда возникает возможность производства продуктов для обмена. Когда общество еще только выделилось из природы, подобная возможность была крайне незначительной. Именно поэтому родовые (первобытные) общины не знали общественного разделения труда в его собственном виде. Условия жизни каждого постоянно и самым непосредственным образом зависели от совместных усилий всех. Конечно, нет оснований для идеализации родовых коллективов. Однако они были социально однородны. Их члены не разделялись на особые группы по своему месту в общей системе хозяйства. Природная среда, пол, возраст регулировали здесь разделение труда лишь как распределение трудовых функций.

Положение изменяется по мере роста производственных способностей людей, накопления ими производственного опыта, совершенствования орудий труда, что в итоге привело к зарождению устойчивого прибавочного продукта. Все это и составило источник возникновения и развития общественного разделения труда, неотделимого от появления тех имущественных различий между людьми, которые, по замечанию Ф. Энгельса, «превратили общность интересов в антагонизм между членами рода»⁸. Самым же существенным результатом рассматриваемых процессов стала частная собственность на средства производства. С самого начала

общественное разделение труда уже заключало в себе разделение условий труда, орудий труда и материалов и тем самым раздробление накопленного богатства между различными собственниками⁹.

Раскрывая объективную связь разделения общества на классы с законами развития общественного производства, основоположники марксизма-ленинизма обращали внимание и на столь же объективный характер детерминации классовой структурой развития самих общественных индивидов. Класс, писали К. Маркс и Ф. Энгельс, «становится самостоятельным по отношению к индивидам, так что последние находят уже заранее установленными условия своей жизни: класс определяет их жизненное положение, а вместе с тем и их личную судьбу, подчиняет их себе»¹⁰. Поэтому, считал В. И. Ленин, при наличии классовой структуры без понятий класса, классового общества понятие общественно-экономической формации недостаточно конкретно¹¹. Самым существенным выступает здесь то, что только в рамках классового анализа становится возможным с научных, т. е. последовательно материалистических позиций определить те социальные силы, от результатов действий которых зависит весь ход общественного развития. Классы потому и являются основными субъектами истории, что помимо и независимо от них никакие существенные преобразования в классовом обществе произойти не могут.

Для анализа классовой структуры общества принципиальное теоретическое и методологическое значение имеет ленинское определение классов. «Классами,— писал В. И. Ленин,— называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»¹².

Анализируя ленинское определение классов, следует прежде всего обратить внимание на внутреннюю связь классов с исторически определенной системой общественного производства. Различия между классами начинаются в области первичных, материаль-

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 433.

⁵ Там же, т. 4, с. 125.

⁶ Там же, т. 20, с. 293.

⁷ См.: Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: действительность, материальная основа, первичное и вторичное. М., 1981, с. 349—360.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 165.

⁹ См.: Там же, т. 3, с. 66.

¹⁰ Там же, с. 54.

¹¹ См.: Ленинский сборник, XI. М.; Л., 1929, с. 383.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 15.

ных общественных отношений, т. е. в экономическом базисе общества. Уже в силу этого классы представляют собой самую глубокую субъектную характеристику соответствующих ступеней исторического процесса. Они внутренне принадлежат к исторически определенному общему устройству общественного хозяйства¹³, не существуют без экономических отношений друг с другом. Различия на почве экономического целого — такова природа классовой структуры.

Наряду с местом в исторически определенной системе общественного производства классы отличаются друг от друга по их отношению к средствам производства. Этот классовообразующий признак не случайно стоит в ленинском определении на втором месте, ибо от отношения к средствам производства в решающей степени зависит и роль классов в общественной организации труда, и способы получения и размеры той доли общественного богатства, которой они располагают. Само место класса в системе общественного производства неотделимо от его отношения к средствам производства. Фиксируя данную связь, В. И. Ленин писал: «Основной признак различия между классами — их место в общественном производстве, а следовательно, их отношение к средствам производства»¹⁴.

Приведенные здесь ленинские слова иногда, особенно в экономической литературе, трактуются как основание для вывода о синонимичности понятий «место в общественном производстве» и «отношение к средствам производства». Между тем логика ленинской мысли состоит в другом: поскольку у классов разное место в общественном производстве, постольку у них и разное отношение к средствам производства.

Рассматриваемые понятия не смешиваются и не отождествляются. Речь идет об их единстве (нераздельности), внутреннем подчинении. Различие же заключается здесь в том, что характеристика классов по месту, которое они занимают в общественном производстве, предполагает учет всех исторических особенностей данной системы общественного производства и соответственно целостное рассмотрение классов. Характеристика же по отношению к средствам производства выделяет в этом целостном рассмотрении особенное, то, что непосредственно обуславливает классовую дифференциацию общества, классовые интересы и классовые отношения. Без такого анализа нельзя выяснить исходную экономическую причину классовообразования¹⁵.

Каждый из классов имеет свое, собственное, отношение к средствам производства. Данный признак позволяет провести грань между классами и теми социальными группами и слоями, которые классами не являются. Отношение к средствам производства подобных социальных групп и слоев зависит от их связи с классовой структурой общества, с теми или иными классами. Проведенное различие полностью относится и к интеллигенции, которую буржуазные социологи иногда пытаются представить в виде особого и даже «ведущего» класса, заслоняя, скрадывая тем

самым историческую миссию рабочего класса, значение пролетариата как основной революционной силы.

Конечно, интеллигенция, т. е. люди, профессионально занятые умственным трудом, выполняют специфические и чрезвычайно важные функции в области науки, культуры, просвещения, здравоохранения и т. д. Без научно-технической интеллигенции немыслимо ни существование, ни развитие крупного индустриального производства. В то же время интеллигенция в силу своей социальной природы не имеет собственного отношения к средствам производства. В капиталистическом обществе она сама разделяется на две основные группы: многочисленный слой рядовой интеллигенции, находящийся на положении наемных работников, близких к рабочему классу, и ту часть, которая пользуется экономическими привилегиями, примыкает по своему общественному положению к классу буржуазии. В конечном счете роль интеллигенции, ее различных групп определяется в обществе тем, интересам каких классов фактически подчинена ее деятельность¹⁶.

Определяющая роль классов в сохранении или, напротив, преобразовании системы общественного производства раскрывается и таким классообразующим признаком, как роль в общественной организации труда. Организационные отношения процесса труда (организационно-технологические и организационно-управленческие) во многом зависят от высоты развития производительных сил, особенностей тех средств производства, которыми располагает общество. Вместе с тем роль класса в общественной организации труда самым решающим образом зависит от его отношения к средствам производства. История формирования и развития антагонистических общественно-экономических формаций показывает, что общественная организация труда, ее общая направленность обуславливаются теми классами частных собственников, которые держат в своих руках основные средства производства, являются экономически господствующими классами. «Капиталист», — писал К. Маркс, — не потому является капиталистом, что он управляет промышленным предприятием, — наоборот, он становится руководителем промышленности потому, что он капиталист¹⁷. Более того, определяющая роль интересов экономически господствующих классов в общественной организации труда распрост-

¹³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 226.

¹⁴ Там же, т. 7, с. 44, 45.

¹⁵ «Если признак места в общественном производстве выражает целостное, совокупное положение класса в системе общественного производства, то признак отношения к средствам производства, стоящий в ленинском определении классов на втором месте, выделяет решающую и глубинную сторону в самих отношениях производства, а потому представляет коренной и в этом сущностном смысле — первый классообразующий признак» (Семенов В. С. Диалектика развития социальной структуры советского общества. М., 1977, с. 30).

¹⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 441—442.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 344.

раняется не только на непосредственно эксплуатируемые классы, но так или иначе подчиняет себе все слои населения.

В зависимости от отношения к средствам производства находятся и различия между классами по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Выяснение отношений производства — первое условие выяснения отношений распределения и потребления¹⁸. Социально-экономическое неравенство классов воспроизводится здесь потому, что оно неотделимо от их неравенства по отношению к средствам производства. Способы получения и размеры доходов, как и роль в общественной организации труда, в решающей степени зависят от отношений к средствам производства. Характеризуя различия между классами применительно к разным сторонам системы общественного производства, классовообразующие признаки иерархически соподчинены между собой¹⁹.

В последние годы в философской литературе идет дискуссия о статусе заключительной части ленинского определения классов. Речь идет о словах В. И. Ленина: «Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»²⁰.

Ряд авторов относят данную часть ленинского определения классов только к антагонистическому обществу, другие придают ей более широкое, обобщающее значение. Разумеется, присвоение чужого труда — непременная черта антагонистического общества. Однако ленинское положение подчеркивает, по нашему мнению, другое — общественное условие (различие места в определенном укладе хозяйства), допускающее такое присвоение. Представляется достаточно убедительным вывод: «Заключительная часть формулировки является неотъемлемой частью определения, ибо в ней зафиксировано важнейшее социально-экономическое следствие классовых различий: возможность в определенных условиях эксплуатации одним классом другого. Задача научного анализа и состоит, в частности, в том, чтобы, раскрыв эти условия, показать, как и когда они порождают существование классов-антагонистов, а как и когда различия между классами не носят антагонистического характера, хотя и существуют реально»²¹.

Ленинское определение классов дает четкие критерии анализа классовой структуры общественно-экономической формации. Наряду с этим оно ориентирует на выделение в классовой структуре конкретного общества его основных классов, взаимоотношения между которыми представляют особенности данной общественной системы. Показательно в этом отношении рассмотрение В. И. Лениным классовой структуры России конца XIX и начала XX в. Исходя из отношения к средствам производства, он выделял в качестве классовых элементов самые различные социальные группы. В то же время сам анализ был направлен на выявление тех основных классовых образований, по которым

делилось население России: крупная буржуазия и помещики, кулаки, беднейшее крестьянство, пролетарии²².

Доведение анализа классовой структуры конкретного общества до выделения его основных классов, их отношений — характерный момент марксистской методологии. Во-первых, такой анализ позволяет с наибольшей четкостью раскрыть направленность общественного развития; во-вторых, определить те основные социальные силы, которые самым ходом экономического развития выдвигаются на первый план в качестве ведущей силы и от борьбы которых прежде всего зависит весь дальнейший ход истории. В понимании первенствующей роли передовых, революционных классов в осуществлении требований законов общественного развития состоит коренное отличие марксистского анализа исторического процесса от всех видов объективизма, включая современный технологический детерминизм.

Объективизм (на его позициях стоят фактически все правые ревизионисты в рабочем движении) принижает значение борьбы классов. Критикуя объективизм, В. И. Ленин указывал, что марксизм глубже проводит материализм в понимании истории, поскольку он «не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, *какой именно класс определяет эту необходимость*»²³. Характеризуя с этих позиций «Капитал», В. И. Ленин подчеркивал: «... «Капитал» Маркса посвящен выяснению той истины, что *основными силами капиталистического общества являются и могут являться только буржуазия и пролетариат*: — буржуазия как строитель этого капиталистического общества, как его руководитель, как его двигатель, — пролетариат как его могильщик, как единственная сила, способная сменить его»²⁴.

Ленинское определение классов позволяет всесторонне характеризовать их в качестве социальных сил исторического процесса. Такая развернутая характеристика классов получила в настоящее время свое теоретическое оформление в понятии «социальный облик класса». При трактовке этого понятия выделяют первичные (экономические) и вторичные (производные) признаки классов. Экономические различия классов дополняются в данном случае различиями по их политической роли в обществе, социальной активности, образу жизни, морали, психологии, мировоззрению. Понятие социального облика класса охватывает, та-

¹⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 196.

¹⁹ См.: Руткевич М. Н. Диалектика и социология. М., 1980, с. 255.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 15.

²¹ Шаронов В. В. Возникновение и сущность классов. — Филос. науки, 1981, № 4, с. 125.

²² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 503—506.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 418.

²⁴ Там же, т. 38, с. 188—189.

ким образом, всю совокупность его особых признаков и свойств как определенной социально-исторической общности людей²⁵.

Вторичные признаки классов складываются, формируются в непосредственной связи с деятельностью классов, ее материальными условиями. Этот процесс может приводить к образованию у различных классов некоторых сходных черт, но он никоим образом не устраняет между ними существенных различий. При рассмотрении социального облика классов особое значение имеет анализ их политического развития, политической деятельности и организованности. Эта сторона социального облика класса оказывает наиболее глубокое воздействие на характер и содержание его отношений с другими классами, в том числе и в области экономических отношений.

Особая роль политического развития класса обусловлена тем, что в социально-политических отношениях получают концентрированное выражение различия между классами по месту в системе общественного производства, по экономическим интересам и способам их осуществления. Политический облик класса — показатель его зрелости в качестве самостоятельной социальной силы. Взятые в этом плане политические отношения и есть отношения между классами как социальными силами, отстаивающими свои особые интересы, свои требования организации общественной жизни, начиная от экономической и кончая духовной сферами. Причем ни один класс не может достигнуть своих целей без соответствующей государственной власти. Не случайно уровень развития классовой борьбы и вместе с ней процесс превращения «класса в себе» в «класс для себя» оценивается по тому, насколько классовая борьба охватывает политику, а в политике выдвигает самое существенное — устройство государственной власти²⁶.

Подходя с таких позиций к истории антагонистического общества, необходимо обратить внимание на то, что господствующие эксплуататорские классы всегда представляли собой политически организованную силу. Политическая же деятельность угнетенных и эксплуатируемых классов была ограничена и скована. В рабовладельческом и феодальном обществах классы выступали в виде классов-сословий, т. е. для каждого класса устанавливалось особое юридическое место в государстве²⁷. Обеспечивая привилегии высшим сословиям — господствующему классу, — сословная регламентация изолировала от политической жизни низшие сословия — угнетенные и эксплуатируемые классы, если не полностью подавляла их социальную активность, то по крайней мере существенно ограничивала ее возможности. Иное положение складывается у пролетариата.

Капитализм ликвидировал сословное деление общества. Нормы буржуазного демократизма, оставаясь демократией для господствующего класса, в некоторой степени позволяют рабочим приобщиться к участию в политической жизни. Используя в своих интересах формальное провозглашение равенства политических прав граждан, они создают свои профессиональные и пар-

тийные организации, приобретают опыт политической борьбы, наращивают организованное сопротивление буржуазии. В. И. Ленин характеризовал, в частности, период после Парижской Коммуны (1871—1914 гг.) как эпоху подготовки и собирания сил растущим пролетариатом²⁸.

Вместе с тем буржуазная демократия, особенно в ее соединении с военно-бюрократической машиной капиталистического государства, является прежде всего той политической формой государственного устройства, посредством которой пролетариат удерживается в рамках, угодных буржуазии. Эта демократия, предоставляя свободу действий экономически господствующему классу, одновременно ограничивает фактическое участие пролетариата и всех трудящихся в делах государства, в определении содержания его деятельности. Обеспечивая превосходство буржуазии в парламентах, такая демократия придает видимость «законности» всем действиям государства, направленным против выступлений рабочих, широких масс трудящихся. Во всех же случаях, когда нормы демократии начинают наполняться опасным для буржуазии классовым содержанием, она без колебаний сбрасывает демократическую оболочку, переходя к неприкрытому осуществлению своей диктатуры. Практически все политическое развитие пролетариата как класса неотделимо от его все более решительного разрыва с нормами буржуазного парламентаризма и демократизма, борьбы за подлинную демократию.

Марксистско-ленинскому учению о классах и классовой борьбе буржуазные и реформистские идеологи противопоставляют сейчас социологические концепции «надклассовых» и «бесклассовых» общественных структур, ставших будто бы исторической реальностью современного капитализма²⁹. Подобные теоретические построения осуществляются в буржуазной социологии преж-

²⁵ Деление признаков классов на первичные и вторичные было обосновано в работе В. С. Семенова (см.: *Семенов В. С.* Капитализм и классы. М., 1969; *Он же.* Дialeктика развития социальной структуры советского общества. М., 1977; см. также: *Ежов В. А.* Рабочий класс СССР на современном этапе. Л., 1974; *Шаронов В. В.* Психология класса. Л., 1975; *Яницкий Н. О.* Урбанизация и социальные противоречия капитализма. М., 1975; *Симуш П. И.* Социальный портрет советского крестьянства. М., 1976; *Социальное развитие рабочего класса СССР.* М., 1977; *Филиппов Ф. Р.* Советская народная интеллигенция: Черты социального облика. — Социол. исслед., 1978, № 3; и др.).

²⁶ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 239.

²⁷ См.: Там же, т. 6, с. 311, примеч.

²⁸ См.: Там же, т. 26, с. 143.

²⁹ Критический анализ буржуазных концепций социальной структуры общества см.: *Семенов В. С.* Капитализм и классы; *Попов С. И.* Критика современной буржуазной социологии. М., 1970; *Ашин Г. К.* Доктрина «массового общества». М., 1971; *Борьба идей в современном мире. Современный капитализм: противоречия и доктрины.* М., 1976, т. 2; *Хан Э.* Материалистическая диалектика и классовое сознание. М., 1977; *Бёниш А., Райхельт Д.* Буржуазные концепции общества и действительность. М., 1980; и др.

де всего путем замены понятия «класс» понятием «страта (социальный слой)». В качестве оснований социальной стратификации общества выделяются размеры доходов, род занятий, образование, район проживания и т. п. Особое внимание обращается при этом на «вертикальную социальную мобильность» — перемещение людей из низшего слоя в высший и обратно. В таком перемещении усматривается наличие «равных возможностей для всех», а следовательно, и «преодоление» классовых антагонизмов.

Действительно, в буржуазном обществе можно найти примеры «вертикального» перемещения. Однако суть проблемы в том, что подобная мобильность с самого начала определена и ограничена основным классовым делением капиталистического общества. Люди могут переходить из одного социального слоя в другой, даже из класса в класс, но от этого само деление общества на противоположные классы — капиталистов и пролетариат — не изменяется и измениться не может. Применительно к концепциям социальной стратификации в полной мере сохраняют свое значение слова В. И. Ленина: смещение классовых различий с профессиональными, бытовыми и тому подобными иллюстрирует полную научную беспринципность критиков марксизма, их тенденцию «стереть самое понятие «класса», устранить самую идею классовой борьбы»³⁰.

Наряду с подменой классовой структуры современного капиталистического общества его «стратификацией» в буржуазной социологии важное место занимают рассуждения о превращении классов капиталистического общества в «среднее сословие», интегрирующее будто бы в себя буржуазию и пролетариат. Преувеличивая значение фактов улучшения условий материальной жизни части промышленных рабочих, выдавая их за изменение социальной природы капиталистических корпораций, буржуазные идеологи и реформисты объявляют о превращении капитализма в общество «равноправного партнерства труда и капитала», «равных потребительных возможностей», «всеобщего благоденствия», «плюралистической демократии» и др. Утверждения о «nivelировании» различий между классами при сохранении некоторой дифференциации между социальными слоями (стратами) — таково последнее слово буржуазной социологии в ее борьбе с марксистско-ленинской теорией классов и классовой борьбы. Центральным узлом всех этих построений выступает характеристика капиталистических корпораций как таких органов организации и управления общественным производством, в которых якобы уже нет места классу капиталистов. Рисует радужная картина превращения капиталистических корпораций в некие надклассовые производственные объединения. Указанная позиция подкрепляется ссылками на концепцию структурализма, возводящего внеклассовый анализ общественных структур в «новейшее достижение науки».

Если не на словах, а на деле обратиться к реальному капитализму, то для утверждений о «демократизации», «диффузии»

и т. д. капитала нет каких-либо оснований. Напротив, его концентрация в руках верхушки господствующего класса достигла в настоящее время наивысших масштабов³¹. Достаточно в этой связи сослаться на образование транснациональных капиталистических корпораций и военно-промышленных комплексов, диктующих свои условия в области внутренней и внешней политики многих капиталистических стран. «Надклассовые обществственные структуры» оборачиваются на поверку лишь органами монополистической буржуазии.

Нет ничего необычного и в некотором улучшении материальных условий жизни работников наемного труда. Оно завоевывается трудящимися в ходе многолетней, упорной борьбы с классом капиталистов. Никким образом не подрывают такие изменения и капиталистической системы эксплуатации. Чем больше умножают рабочие богатство буржуазии, тем благоприятнее могут быть условия, при которых им снова позволяют работать для его умножения. Золотая мечта буржуазии состоит в том, чтобы привить широким слоям рабочих мелкобуржуазные стремления к потребительству, превратить рабочих, по словам К. Маркса, «в апатичные, тупые, более или менее сытно накормленные орудия производства»³². Наконец, такое улучшение далеко не охватывает все отрасли капиталистического производства, дополняется армией безработных, ограблением народов менее развитых, экономически зависимых стран. Рост нищеты в физическом смысле, отмечал В. И. Ленин, полностью сохраняется в «пограничных областях» капитализма, т. е. тех странах, которые являются для развитых капиталистических стран источником дешевого сырья и рабочей силы³³.

Вершиной классовой борьбы пролетариата служит завоевание государственной власти, установление своей диктатуры. По своим классовым целям диктатура пролетариата означает решимость, готовность, умение самого передового революционного класса объединить вокруг себя широкие слои трудового народа, упрочить союз с ними в ходе строительства социализма и защиты его завоеваний от классовых противников. Диктатура пролетариата есть вместе с тем подлинная демократизация общественного строя. Это период такого исторического творчества масс, когда революционный класс обретает силу «сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества»³⁴.

Ликвидация социальных антагонизмов и преобразование государства диктатуры пролетариата в общенародное социалистиче-

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 191—192.

³¹ «По официальным статистическим данным, 1% населения США владеет более чем 60% всех национальных богатств страны. В Великобритании 5% населения владеет более чем 75% всего частного имущества» (Бёниш А., Райхельт Д. Буржуазные концепции общества и действительность, с. 166).

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 9, с. 174.

³³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 208.

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 70.

ское государство еще не решает задачи перехода к обществу без классов. Строительство социализма при наличии существенных различий в уровне развития производительных сил в промышленности и сельском хозяйстве порождает историческую необходимость двух форм социалистической собственности (общенародной и колхозно-кооперативной) и соответственно двух классов (рабочего класса и кооперированного крестьянства). Вновь обращаясь к выводу XXVI съезда КПСС о становлении в главном и основном бесклассовой структуры общества в исторических рамках зрелого социализма³⁵, еще раз подчеркнем относительную длительность этого процесса. Речь идет о создании равных материальных и духовных условий жизни всех членов общества, преодолении социального различия между умственным трудом и физическим, городом и деревней.

Ведущая роль рабочего класса определяется теперь в первую очередь его способностью быть носителем новых общественных отношений. Вместе с преобразованием их системы на внутренние присущие социализму коллективистских началах завершается процесс перехода на политические и идейные позиции рабочего класса всех социальных групп и слоев общества. В многонациональной стране прочной основой в отношениях наций и народностей становится социалистический интернационализм. Не остается неизменным на этапе зрелого социализма и сам рабочий класс. Он растет количественно и качественно. Находит свое подтверждение мысль Ф. Энгельса о том, что настанет время, когда рабочий класс «не будет уже больше классом, когда он будет охватывать собой все общество»³⁶.

2. Племя, народность, нация

Одной из ведущих линий исторического процесса, выражающей его прогрессивную направленность, выступает движение человечества от исторически-локальных к всемирно-историческим формам общественного развития, от социально-культурной ограниченности объединений людей к универсальному объединению их труда и общения. На этом пути дифференциации и консолидации общественного развития складываются такие социально-исторические общности людей, как племя, народность и нация, представляющие собой определенное состояние исторического процесса и в то же время формы общественно-исторической практики, предпосылки включения индивидов в систему общественной жизни.

Становление и развитие племени, народности и нации связаны с конкретными эпохами всеобщей истории. Племена типичны для первобытнообщинной формации и переходных ступеней от нее к антагонистическому обществу, народности — для рабовладельческой и феодальной формаций, нации — для капитализма и социализма. В прогрессивной смене исторических эпох отчетливо видно, как общественно-историческая практика людей независи-

мо от их сознания и воли перестает продуцировать один исторический тип социальных образований и вызывает другой.

Закономерная повторяемость и последовательность смены племени, народности и нации в различных странах и регионах обусловлены в конечном счете развитием производительных сил, способом производства материальной жизни. Формирование конкретно-исторической целостности системы производственных отношений — процесс, который в марксистско-ленинской теории берется за исходный пункт понимания любого отдельного, индивидуального общества (социального организма), — необходимо предполагает одну из рассматриваемых социально-исторических общностей людей в виде своего результата и предпосылки. Вместе с тем племя, народность и нация составляют особый ряд исторических форм общностей людей. Его специфическим атрибутом по сравнению с общественными классами является этническая характеристика индивидов, их национальность.

Одним из главных объективных оснований этнической характеристики людей выступает естественный (живой, разговорный) язык, который индивиды присваивают себе в качестве родного — языка непосредственного повседневного общения, освоения достижений культуры. Естественные границы родного языка населения определяют естественные границы национальности индивидов. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин понимали под национальностью прежде всего общность языка населения на сплошной территории — народ, говорящий на одном языке³⁷. В качестве признака национальности выделяются также некоторые особенности культуры индивидов, отличающие их «по духу, характеру и обычаям»³⁸ от представителей других народов.

В этнографической науке национальность индивидов стала предметом специального сравнительного исследования. Общественное развитие в современную эпоху обуславливает весьма сложную картину национальных связей, в частности границ на-

³⁵ См.: Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 53.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 296.

³⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 180—181; т. 8, с. 83, 84; т. 16, с. 160—163; т. 21, с. 410; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 147; т. 26, с. 39—40. Понятие национальности использовалось основоположниками марксизма-ленинизма и в других смыслах. Рассмотрев данную проблему, авторы книги «Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях» отмечают: «Вместе с тем большей частью понятие „национальность“ на современном этапе является характеристикой национальных связей того или иного человека, то есть выступает как совокупность черт и признаков, по наличию которых люди определяют свою (или других) принадлежность к нации, народности, национальной или этнической группе» (Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях. М., 1974, с. 48—49). О понятии «национальность» см.: Калташчан С. Т. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. М., 1976, с. 75—78; Козинг А. Нации в истории и современность. М., 1978, с. 152—178.

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 181.

циональностей, их модификаций. Для обобщения и классификации многообразного конкретного материала советскими учеными выработан этнографический понятийный аппарат, где теоретико-методологическое ядро образуют понятия этнической общности, ее таксономических типов и этнических процессов³⁹. В этих понятиях заключается этнографическое видение, специфическая парадигма национальности. Исходным пунктом в выделении и описании этнических общностей и этнических границ между ними выступает здесь уже не столько родной язык населения, сколько определенный слой ценностей, содержащихся в традиционных формах культуры. Подобные ценности, как и разговорный язык, уходят своими корнями в далекое прошлое и вместе с тем несут в себе искомый этнический «дифференциал», без которого этнические общности людей (этнос) — просто фикция⁴⁰. В современных условиях такой «дифференциал» нередко перемещается в глубинные сферы общественной психологии, образуя так называемый этнический стереотип (стиль) общения индивидов⁴¹.

Ограничение этнических общностей людей на основе специфических элементов культуры проводится не только в этнографическом исследовании, но и в самой реальной жизни. В обыденном сознании общественных индивидов возникает антитеза «мы — они», т. е. универсальная психологическая форма самосознания любой общности людей⁴², основанная на наблюдаемых этнических различиях в языке, культуре, в условиях повседневной жизни. При этом обнаруживается коммуникативная функция этнической общности, которая состоит в том, что этническая специфика, вплетенная в события непосредственной жизни индивидов, обеспечивает или, напротив, затрудняет наиболее полное взаимопонимание, наиболее прочные контакты между ними.

В ситуации общения индивидов, когда происходит межэтнический по форме диалог или обмен культурными ценностями, заложена возможность преодоления индивидами этнических границ и одновременно своей первоначальной этнической определенности. Условием такого преодоления выступает потребность индивидов в межэтническом общении, обогащающем их культуру, а также индивидуальная способность к языковому переводу, двуязычию, многоязычию и даже к перемене родного языка.

Многообразные процессы этнической консолидации и ассимиляции воспроизводят подобную ситуацию, но уже как массовидную, охватывающую большие группы людей, целые народы. На протяжении всей истории массовые миграции, переселения народов, этнически смешанные браки, многонациональные города, производственные и политические объединения людей образуют непосредственную предпосылку этнических процессов, в которых первоначальные этнические границы общения индивидов становятся для них случайными, подлежащими преодолению. В добровольном, основанном на взаимных симпатиях «перемалывании» национальностей В. И. Ленин видел проявление «величайшего исторического прогресса»⁴³.

Тем не менее в истории свободное преодоление этнических границ осуществлялось в виде относительной и частной по своим результатам тенденции, неподвластной для самих индивидов. На смену преодоленным границам возникали новые, более или менее жесткие по своему характеру. Объясняется это не только тем, что социальное насилие, как правило, перекраивало этническую карту населения. Главное — становление и существование старых и новых этнических границ детерминировалось исторической необходимостью, не зависящей от людей и господствующей над ними. Ее субстанцию составляет отнюдь не свойство национальности самой по себе, а также не свойство тех особых структур языка и культуры, которые придают им этническую специфику. Равным образом историческую необходимость этнических границ трудно отыскать и в непосредственном отношении индивидов к своей собственной этнической определенности, которое на уровне обыденного сознания существует в виде этнического самосознания, чувства этнической общности с другими индивидами, «национальных симпатий». Для отдельного общественного индивида его национальность, этнические характеристики выступают уже как естественная данность, принадлежащая ему в обычных условиях с момента рождения.

Этнические свойства языка и культуры, само отношение индивидов к своей национальности являются продуктом истории и содержат необходимые конкретно-исторические связи, вернее — границы таких связей, задаваемые исторически определенными системами производственных отношений. В любом отдельном обществе они образуют основу социальной целостности индивидов, их социальной зависимости, взаимообусловленности, подчиняющих формационным законам сам образ жизни людей. Первоначально развиваясь в качестве общественной формы естественно выросшего производственного объединения людей с присущими ему конкретными видами разделения и кооперации труда, производственные отношения составляют базисную предпосылку идеологических отношений и институционных объединений людей, а также различных форм непосредственного индивидуального общения. Короче, они представляют собой истоки общественного единства индивидов, исторический способ консолидации и дифференциации общественной жизни.

Исторические способы консолидации и дифференциации общественной жизни характеризуют не только процессы формирова-

³⁹ См.: Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973, с. 37, 38, 158, 206, 212 и др.; Современные этнические процессы в СССР. М., 1977, с. 10—12, 17—22; Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983.

⁴⁰ См.: Бромлей Ю. В. Этнос и этнография, с. 27.

⁴¹ См.: Бромлей Ю. В., Шкаратан О. И. О соотношении истории, этнографии и социологии. — Сов. этнография, 1969, № 3, с. 6.

⁴² См.: Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1966, с. 81—84.

⁴³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 125—127.

ний и развития социальных групп и слоев общества на базе взаимного общественного отношения людей к материальным условиям производства и к труду. Они образуют также формы исторически складывающегося отношения индивидов к таким предпосылкам общения в процессе практической, прежде всего производственной деятельности, как язык, территория и культура населения. Взятые в своем формационном развитии, данные общественные связи и представляют собой специфические социальные образования, какими выступают племя, народность, нация. Соответственно обозначающие эти образования категории необходимо становятся понятиями, охватывающими, отражающими исторические типы отношения индивидов к этническим предпосылкам своего общественного развития, способы усвоения индивидами «естественно-данного», исходного этнического материала истории⁴⁴.

Именно в ходе консолидации и дифференциации племен, народностей, наций происходит спонтанная «работа» истории по прорыву и расщеплению первоначальных этнических границ языка и культуры, воссозданию языка и культуры на новой, более широкой социально-исторической основе. И только в силу исторической ограниченности общественных отношений, обуславливающей преходящий характер социально-исторических общностей людей, итогом исторического творчества масс неизбежно выступают новые этнические расчленения последующих ступеней исторического процесса. В историко-генетической последовательности племена и союзы племен поставляют этнический материал для народности, народности — для развития наций. Вместе с тем выявление специфики консолидации и дифференциации племен, народностей, наций предполагает и анализ обусловленности их возникновения общественно-производственным основанием жизнедеятельности людей, т. е. развитием конкретно-исторических производственных отношений в социальный организм определенного исторического типа.

Такой подход, начальным пунктом которого является методологический принцип диалектического тождества понятий социального организма и рассматриваемых социально-исторических общностей людей, разработан в социально-философской литературе в рамках марксистско-ленинской теории нации и национальных отношений⁴⁵. Племя складывается на основе кровно-родственных связей — своеобразной формы выражения первобытнообщинных производственных отношений; народность — территориальных связей, где детерминирующую роль в обеспечении истории играют отношения поземельной собственности и разделение труда, свойственное докапиталистическим классовым формациям; нация — непосредственных экономических связей крупного индустриального производства, капиталистического или социалистического. Консолидация и дифференциация племен, народностей, наций осуществляются в разворачивании исторического процесса как результат и одновременно предпосылка деятельности лю-

дей — с момента возникновения классового общества, прежде всего классов, создающих для реализации своих коренных интересов и целей государственно-правовые средства поддержания общественного единства.

Основные формы организации общественных отношений архаического, первобытнообщинного строя — род и племя — имеют единый генезис и общее основание функционирования и развития в способе производства, структурообразующим моментом которого выступает половозрастное разделение труда. Базирующееся на различии физических свойств и способностей мужчин, женщин и возрастных групп, такое разделение труда превращается из случайного в общественно значимое, необходимое вместе с обособлением производства средств к жизни (собственно труда) и производства индивидов посредством рождения, на чем мы специально остановимся в следующей главе, в относительно самостоятельные виды жизнедеятельности людей, сферы их общения и взаимозависимости. Подобное обособление не могло произойти иначе как через распад, разрушение примитивных объединений пралюдей, «стадности» и возникновение трудовых экзогамных коллективов — родовых общин⁴⁴.

Естественно сложившаяся родовая община, будучи первой и основной ячейкой первобытного общества, из которой естественным образом вырастает вся система родовых связей людей, об-

⁴⁴ В советской этнографии понятия племени, народности и нации используются в качестве основных делений исторической типологии этнических явлений. См.: *Токарев С. А.* Проблема типов этнических общностей: (К методологическим проблемам этнографии). — *Вопр. философии*, 1964, № 11; *Козлов В. И.* Динамика численности народов. М., 1969, с. 56—69; *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография, с. 125—151; *Он же.* Современные проблемы этнографии: (Очерки теории и истории). М., 1981; и др.

⁴⁵ См.: *Архангельский А. И.* Племя, народность, нация как исторические формы общности людей. М., 1961; *Алексеев В. В.* Род, племя, народность, нация как исторические формы общности людей. М., 1962; *Паммерян И. П.* Племя, народность, нация как исторические формы общности людей. М., 1963; *Джунусов М. С.* Нация как социально-этническая общность. — *Вопр. истории*, 1966, № 4; *Рогачев П. М., Свердлов М. А.* Нация, народ, человечество. М., 1967; *Сатыбалов А. А.* Методологические вопросы изучения исторических (этнических) типов общности людей. Л., 1968; *Бурмистрова Т. Ю.* Теория социалистической нации. Л., 1970; *Куличенко М. И.* Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М., 1972; *Он же.* Расцвет и сближение наций в СССР. М., 1981; *Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях.* М., 1974; *Давидашвили А. Ф.* Нация и личность. Баку, 1976; *Калгаташян С. Т.* Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. М., 1976; *Козинг А.* Нация в истории и современности. М., 1978; *Баграмов Э. А.* Национальный вопрос в борьбе идей. М., 1982; и др.

⁴⁶ См.: *Золотарев А. М.* Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964; *Семенов Ю. И.* Как возникло человечество. М., 1966; *Он же.* Происхождение брака и семьи. М., 1974; *Файнберг Л. А.* У истоков социогенеза. М., 1980; *Ефимов Ю. И.* Философские проблемы теории антропосоциогенеза. Л., 1981; Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: действительность, материальная основа, первичное и вторичное, с. 31—34.

разует вместе с тем и способ присвоения индивидами языка и культурных форм общежития, способ включения их в общественную жизнь, общение и в рамках рода и, в силу самой родовой экзогамии, за его пределами. Племя и есть тот эндогамный круг взаимосвязанных родовых общин, «внутри которого господствует общность брачных связей между обоими полами»⁴⁷. Отсюда род как социальная ячейка первобытного общества всегда сопряжен с племенной организацией⁴⁸, дуально-родовой, дуально-фратриальной и тому подобными групповыми регуляциями хозяйственной и семейно-брачной жизни людей.

Каждое племя имеет свою собственную историю, запечатленную в специфической неписаной культурной традиции. В ней заключены «тайна» происхождения родов данного племени, их этническая родословная, восходящая по крайней мере к двум первоначальным родам, унаследовавшим в своем развитии общие язык, территорию и тип быта⁴⁹. Принадлежность родов к определенному племени определяется общностью их происхождения от одного «первоначального народа»⁵⁰, т. е. генезисом связи родства, удостоверяемой не непосредственно, как в родовой общине, фратрии, а опосредованно, этническими признаками. Другими словами, на уровне племени действительная история родовой связи представлена в виде этнической связи, что, очевидно, и позволило К. Марксу вслед за Л. Морганом применять к эпохе первобытных племен понятия «этнические периоды развития человечества», «природно-этнические связи» и т. п.⁵¹

Обладание племенем этнической спецификой, наиболее рельефно проявляющейся в особом племенном диалекте, ограниченной территории поселения, указывает на то, что исторически племенная общность образует необходимое условие воспроизводства родовых общин, в пределах которого только и возможны их самостоятельность, жизнеспособность, а значит, и определенное развитие производительных сил, языка, культуры. Это социальное условие всегда остается узколокальной предпосылкой общественной жизни родов, поскольку племя — форма их консолидации лишь в границах естественной сращенности друг с другом и с природными условиями производства на совместно заселенной территории. «Все, что было вне племени, было вне закона...» — писал Ф. Энгельс. — Племя оставалось для человека границей как по отношению к ипоплеменнику, так и по отношению к самому себе...»⁵². Практическая деятельность и общение людей, ограниченные племенной общностью, неизбежно обособляют развитие языка, сознания, делают их племенными.

Существование племени как границы общественного развития обусловлено в конечном счете характером первобытного производственного отношения индивидов к природе, непосредственным соотношением материальных факторов жизни индивидов — способа производства, численности населения и необходимой для добычи средств к жизни территории. При неизменном способе производства и благоприятных природных условиях естественный

рост населения приводит к разрастанию родовых связей индивидов, к сегментации родовых коллективов на несколько новых. В этой тенденции разделения родов, их расселения, увеличения плотности населения коренится тенденция новообразования племен путем «отлива» и территориального обособления избыточной группы родов, даже фратрий от первоначального племени, обособления интересов «переселенцев» в организации родовых связей⁵³. Дифференциация племен завершается с появлением диалектных различий в языке, с утратой представлений об общем происхождении и т. п. Племена становятся чуждыми друг другу образованиями.

На протяжении всей первобытной истории закономерный процесс дифференциации племен составляет необходимую предпосылку консолидации, развития в племена, продолжения такого развития в новых условиях и на новой основе. Осуществляясь в форме организованной миграции населения и колонизации им новых обширных земель, этот процесс нередко представляет собой полный разрыв родовых связей с коренным племенем, становление нового родового устройства общественной жизни. Наряду с преемственностью в языковом и культурном развитии он означает и расширение этнического многообразия, оказывается своеобразным средством освобождения материально-производственной деятельности людей от узких, изживших себя традиций, локальной природной ограниченности. Рассматриваемое движение видоизменяется с переходом к скотоводству, земледелию, изготовлению орудий из металла, но оно всегда выступает специфическим способом расширения природных условий развития производительных сил общества⁵⁴.

Результаты дифференциации и консолидации племен дали себя знать в полную меру на высших, последних ступенях первобытной формации. Все географические пункты земного шара, пригодные для различных культурно-хозяйственных типов пер-

⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 51.

⁴⁸ См.: Там же, с. 97.

⁴⁹ См.: Козлов В. И. Динамика численности народов, с. 23.

⁵⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 45, с. 286.

⁵¹ См.: Там же, с. 257, 286; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 428.

⁵² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 99.

⁵³ См.: Там же, т. 45, с. 286—291.

⁵⁴ См.: Хлопин И. Н. Сегментация в истории первобытного общества.— Вopr. истории, 1968, № 8; Козлов В. И. Динамика численности народов, с. 236, 237, 314, 315; Аверкиева Ю. П. Индейское кочевое общество XVII—XVIII вв. М., 1970; Хлопин И. Н. Возникновение скотоводства и общественное разделение труда в первобытном обществе.— В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970, с. 96—112; Марков Г. Е. Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии.— Сов. этнография, 1973, № 1; Арутюнов С. А. Этнические общности доклассовой эпохи.— В кн.: Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982, с. 68—80; и др.

вобытной жизни, были в эту эпоху заняты племенами. Подобно описанным этнографами североамериканским, австралийским, африканским и тому подобным племенам, они породили огромное число языков, наречий, диалектов и вместе с тем сохранили по отдельным ареалам такие языковые универсалии, которые и поныне обнаруживаются у разных народов в виде элементов архаической этнолингвистической общности. У первобытных племен, занятых земледелием и скотоводством, неутраченная близость и взаимопонятность диалектов одного коренного языка послужили естественной этнической основой и границей образования союза племен — самого широкого для родовой организации объединения людей, знаменующего собой «уже начало ее разрушения»⁵⁵.

Союз племен, временный, а затем постоянный, складывался в интересах взаимной защиты и нападения на соседние племена. Он представлял собой социальное образование, в котором подлинным ядром являлись несколько общих для различных племен родов, поддерживающих между собой узы межплеменной фратрии. Входившие в союз племена сохраняли свою независимость во внутренних делах, свои особые общеродовые интересы, разделенные границами собственные территории⁵⁶. В своем развитии они выступали «ближайшим аналогом народа»⁵⁷.

Однако подобие между союзом племен и народом (в рассматриваемом контексте по утвердившейся терминологии — народностью) разделено предклассовой и классовой структурами общества. Если союз племен — результат предельно развитого родового строя, при котором родоплеменная структура продолжает доминировать во всех общественных сферах, то формирование народности связано с разложением родового строя, переходом к новой формационной ступени общественного развития.

Важным итогом данного процесса становится такое положение вещей, «когда племена, объединенные одним управлением, сливаются в единый народ»⁵⁸ на одной общей территории, когда происходит поземельное смещение племен вследствие устранения прежних территориальных границ между ними, лишения племенных организаций материальной основы в виде обособленной земельной собственности⁵⁹. Формирование народности соотносится также с утверждением государства, объединяющего индивидов с различными местными и классовыми интересами территориальной связью, силой закона, волей господствующего класса⁶⁰.

Процессы становления народности, как и первоначальная классовая дифференциация, охватывают собой длительную полосу исторического развития. Общественные структуры этого периода характеризуются переходным состоянием, специфическими чертами раннеклассовых обществ. Провести формально-логическую грань между концом племенной организации и началом развития народности в данном случае довольно сложно, поскольку в действительности формирование территориальной связи индивидов, присущей народности, происходит не непосредственно,

а сопровождается целым рядом превращенных форм родоплеменного строя, служащих своеобразной оболочкой вызревания социального организма нового исторического типа. В частности, слияние племен в том или ином их союзе приобретает нередко форму более сложной копии племени⁶¹, порождает явления так называемых искусственных, территориальных, вторичных племен. Есть основания полагать, что подобные образования универсальны для эпохи раннеклассовых обществ. Особенно отчетливо их роль в становлении народности видна при разложении родоплеменного строя у кочевых народов⁶².

Консолидация и дифференциация народностей — специфический социально-этнический процесс, характерный для докапиталистических классовых обществ. Его исторический генезис коренится в основанных на частной собственности социальных связях, зарождавшихся в недрах родовой организации и сосуществовавших первое время бок о бок с ее элементами. В условиях сохраняющейся при рабовладении и феодализме сращенности человека с его природной средой частная собственность на землю — основное средство производства — заменяет конституирующее значение в социально-этнических процессах кровнородственных связей территориальными связями господства и подчинения. Порожденная частной поземельной собственностью, территориальная зависимость хозяйственной деятельности людей, складывающиеся на ее основе новая, отличная от племенной, общность языка (диалекта) и теперь уже классовые по своей направленности культурные ценности стали специфическими чертами народности.

Народности вырастают из разложения родовой организации не только близких по своему происхождению и языку племен, но и часто (в результате миграций и завоеваний) далеких, чужезычных этнических компонентов. Известно, например, что французская народность сложилась из галльских и германских племен и римских колонистов. В истории развития народностей возникла и такая ситуация, когда завоеватели оставляли народности лишь свое имя, не сохраняя сколько-нибудь заметного следа в

⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 99.

⁵⁶ См.: Там же, т. 45, с. 292—303.

⁵⁷ Там же, с. 286.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ См.: Там же, с. 297, 334; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 164.

⁶⁰ См.: Там же, с. 297.

⁶¹ См.: Там же, т. 45, с. 334.

⁶² См.: Лашук Л. П. Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрков и монголов.— Сов. этнография, 1968, № 1; Жданко Т. А. Специфика этнических общностей в Средней Азии и Казахстане (XIX—начало XX в.).— В кн.: Расы и народы. М., 1974. Вып. 4; Марков Г. Е. Оседание кочевников и формирование у них территориальных общностей.— Там же; Першиц А. И. Этнос в раннеклассовых оседло-кочевнических общностях.— В кн.: Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе; и др.

языке, культуре и образе жизни покоренных народов. Войны, различного рода государственные союзы, разделы и противоборства перекраивали уже сложившуюся территорию народности.

Принимая характер устойчивых государственных границ и превращаясь тем самым в рубежи хозяйственных и других связей людей, их общения, территориальные преобразования вызывают к жизни условия отмирания одних и зарождения других народностей. Феодалная раздробленность восточнославянских земель привела, в частности, к тому, что на базе древнерусской народности сформировались новые русская, украинская и белорусская народности.

В качестве специфического образования докапиталистических классовых формаций народности предшествуют нациям, становление которых начинается в период разложения феодализма и зарождения капиталистических общественных отношений. По определению В. И. Ленина, нация — «неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития»⁶³. С экономической точки зрения их образование — результат разрешения противоречия между потребностью буржуа в беспрепятственном сбыте производимой продукции и отсутствием устойчивого внутреннего рынка. Недаром борьба за централизацию относительно обособленных, сходных в этническом и других отношениях территорий пронизывает все содержание национальной политики поднимающейся буржуазии. Отсюда и ориентация ее политики на создание и защиту национального рынка путем закрепления своеобразия нации в языке, культуре, традициях и т. п. Буржуазный национализм в период решения этой задачи есть не что иное, как идеологическое обеспечение монополизации внутреннего рынка.

В социально-классовом отношении буржуазная нация представляет собой сложное, противоречивое образование. В ее развитии следует различать два вида взаимосвязей классовых сил. Во-первых, определенное соединение, сочленение этих сил, обусловленное экономической зависимостью пролетарских и полупролетарских масс от буржуазии как собственника средств производства, и, во-вторых, их разъединение, вызываемое к жизни противоположностью классовых интересов, которое достигает такого предела, что В. И. Ленин ставил вопрос о двух нациях «в каждой современной нации...»⁶⁴. Добиваясь сохранения своего экономического и политического господства, буржуазия стремится примирить социально-классовые силы, направить их антагонизм в русло, не затрагивающее государственное устройство. Идея «национальной гармонии» — одна из центральных в идеологическом арсенале защитников капитализма. Но единство противоположностей всегда условно и относительно. Ведущей тенденцией в конечном счете неизбежно выступает дифференциация социально-классовых сил буржуазных наций, заканчивающаяся в ходе социалистической революции коренной перестройкой социальной структуры общества.

Как историческая форма общественного развития нация воплощает в себе всю совокупность общественных отношений. Но в межнациональных связях эти отношения всегда преломляются через призму национальных интересов, представлены в аспекте равенства или неравенства общественного положения наций, т. е. составляют особый вид собственно социальных отношений. Поскольку буржуазия каждой страны имеет свои, только ей присущие интересы, которые для нее, по словам Ф. Энгельса, превыше всего⁶³, постольку национальные отношения в условиях капитализма антагонистичны по своей природе. Отсюда разделенность буржуазных наций на угнетающие и угнетенные. Сущность национального вопроса составляет здесь борьба угнетенных наций за свое освобождение. Наивысшей остроты национальный вопрос достигает в эпоху империализма, когда, с одной стороны, усиливается экспансионистская тенденция капиталистически развитых стран подчинить своему влиянию менее развитые страны, а с другой — нарастает национально-освободительное движение против империалистического национально-колониального порабощения.

Становление и развитие буржуазной нации неотделимо от создания общенационального рынка. Крупное машинное производство требует качественно нового отраслевого и территориального разделения труда, определенной взаимосвязи территориально-производственных комплексов в едином хозяйственно-рыночном механизме. Общественной потребности в интеграции функционально разделенного хозяйственно-экономического развития и соответствуют процессы национальной консолидации. Они составляют своеобразный ответ на необходимость появления общественной формы, адекватно представляющей целостность товарно-капиталистической системы. Поэтому буржуазную нацию как реальное воплощение капиталистического способа производства в ареале, ограничивающемся общностью территории и языка общения населения, и можно рассматривать в виде своего рода оболочки, сферы функционирования товарно-капиталистической системы, взятой в ее конкретно-исторической форме.

До тех пор, пока рост производительных сил уместался в рамках отдельных государств, нация наиболее полно отвечала экономическим потребностям развивающегося капитализма. Однако с перерастанием домонополистического капитализма в монополистический, когда начала доминировать тенденция к вывозу капитала, буржуазная нация в качестве сферы функционирования капиталистического производства стала тесной, не вмещающей в себя расширяющегося объема экономической деятельности. Тенденция интернационализации производства и других областей общественной жизни, образования мирового капитали-

⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 75.

⁶⁴ Там же, т. 24, с. 129.

⁶⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 590.

стического хозяйства все более властно прокладывает дорогу на международной арене. Начались многократно отмечаемая В. И. Лениным ломка национальных перегородок, национальной обособленности государств⁶⁶, насильственное сближение народов, ибо капитализм не знает иного пути к их взаимному объединению. Непримируемое противоречие между процессом хозяйственного объединения наций и империалистическими способами такого объединения обуславливает неспособность буржуазии найти правильный подход к решению национального вопроса. В этом отношении именно марксизм впервые вскрыл органическую связь национального вопроса с социальной структурой общества, с господствующим типом собственности, доказал, что «корни национальных отношений уходят в социальную почву»⁶⁷.

Решить национальный вопрос может лишь антипод буржуазии — рабочий класс, руководимый марксистско-ленинской партией. Причины этого коренятся в положении рабочего класса в системе общественных отношений, в той роли, которую он играет в жизни общества и общественном прогрессе. Если, по замечанию Ф. Энгельса, буржуазия не способна подняться выше национальности, то пролетарии, напротив, свободны от национальных предрассудков, способны уничтожить национальную обособленность, установить братство между различными нациями^{67а}. Действительное решение национального вопроса неотделимо от классовой борьбы пролетариата, от ликвидации частной собственности на средства производства. Сам подход к его решению обусловлен исторической необходимостью союза между рабочим классом и национально-освободительным движением, привлечением на сторону рабочего класса непролетарских трудящихся масс, прежде всего крестьянства, составляющего подавляющее большинство угнетенных национальностей⁶⁸. Классовая сущность решения национального вопроса заключается в том, чтобы объединить трудящихся угнетенных и угнетающих наций, свергнуть иго капитала и проложить дорогу к социализму.

В ходе социалистического строительства складываются нации нового исторического типа. Принципиальное отличие социалистических наций от буржуазных⁶⁹ состоит прежде всего в социально-политическом единстве первых, основу которого составляет союз рабочего класса, кооперированного (колхозного) крестьянства и народной интеллигенции при ведущей роли рабочего класса. В результате социалистических преобразований всех сторон общественной жизни изменяется сам облик наций, в его чертах все нагляднее дают о себе знать интернациональные моменты. Вместе с тем социалистические нации в полной мере сохраняют и особые этнические характеристики, включая специфическую форму социалистической по содержанию и интернациональной по своей направленности культуры.

Дискуссия 60-х годов об определении понятия нации актуализировала исследование в развитии наций диалектики социального и этнического. Поскольку этническое — это «тоже социальное, т. е.

общественное»⁷⁰, постольку речь в данном случае идет о собственном значении социального и, следовательно, его социально-экономическом, социально-политическом и социально-духовном (культурном) компонентах. Взаимодействие социального и этнического — неперемнная черта не только нации, но и народности и племени. Особенность нации заключается в том, что ее социально-экономический компонент представлен в виде общности экономических связей на базе индустриального производства. Экономическая основа определяет собой классовый или бесклассовый (в условиях преодоления в главном и основном в исторических рамках зрелого социализма классовой структуры) состав нации, ее политическую и духовную жизнь.

Социальное раскрывает связь нации с общественно-экономической формацией, превращает нацию в форму капиталистического или социалистического (первая фаза коммунистической формации) развития. Различие же между нациями обнаруживает себя здесь в уровне развития и состояния их социальных компонентов. В противоположность социальному этническое имеет дело с такими специфическими характеристиками нации, как ее язык, отличительные черты культуры, образа жизни, правов, обычаев, психологии и т. п. Если социальное непосредственно детерминировано способом производства материальной жизни, то этническое в определенных своих аспектах обусловлено и природной средой, точнее, общностью территории совместной жизнедеятельности людей, свойства которой в своем интегрированном виде сами становятся одним из моментов этнического⁷¹.

Решающую роль в становлении и развитии буржуазных и социалистических наций, перспективах сближения социалистических наций, консолидации их в новой общности играют социальные факторы. Поэтому представлять нации, впрочем, как и племена и народности, в виде некоего взятого самого по себе «этноса» (такая тенденция имеет место в буржуазной этнографии и культурной антропологии) — значит заведомо подменять реальный исторический процесс умозрительными схемами. Все это вместе с тем ни в коей мере не ставит под сомнение важность этнической характеристики нации. «Утверждение, что социальные факторы, — отмечает А. Козинг, — являются определяющими для содержания и развития нации, не означает недооценки этнических

⁶⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 124.

⁶⁷ Андропов Ю. В. Шестьдесят лет СССР. М., 1982, с. 4.

^{67a} См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 590.

⁶⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 243.

⁶⁹ Некоторые исследователи выделяют нации переходного типа, к которым относят национальные общности, формирующиеся в отдельных регионах развивающихся стран. С нашей точки зрения, выделение переходного типа наций нельзя считать вполне обоснованным. См.: Советский опыт решения национального вопроса и его значение для народов Африки и Азии. Ереван, 1982, с. 89.

⁷⁰ Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях, с. 13.

⁷¹ См.: Там же.

факторов и их роли в историческом процессе и еще менее — пренебрежение ими»⁷². Проведенное им исследование убедительно раскрывает диалектику социального и этнического в становлении и развитии не только буржуазных, но и социалистических наций. Социальное и этническое выступает в этом движении как единое целое: одно не существует без другого. Национальное самосознание, например, настолько же социально, насколько классовый состав нации этничен.

Формирование социалистических наций разворачивается на базе старых буржуазных наций и добуржуазных социально-этнических общностей, что имеет место у народов, не прошедших капиталистической стадии. В СССР помощь рабочего класса индустриально развитых районов страны позволила народам бывших национальных окраин в форсированном темпе преодолеть вековую отсталость. В итоге становление социалистических наций, а при отсутствии местного рабочего класса — социалистических народностей, происходило в те же исторические сроки, что и по стране в целом.

Развитие национальных отношений осуществляется при социализме в двух основных формах — в форме расцвета и в форме сближения наций. Расцвет и сближение социалистических наций представляют собой два взаимосвязанных и взаимообусловленных процесса, каждый из которых имеет свою специфику и в то же время общность с другим. По сути — это двуединый процесс, ибо без расцвета не может быть сближения, равно как и вне сближения немислим расцвет социалистических наций. Закономерностью их развития является прогрессирующее ослабление уз национальной обособленности и замкнутости, угасание чувств национального недоверия и отчужденности, изживание всякого рода националистических предрассудков. Поэтому проблема взаимоотношения между нациями не снимается с повестки дня и в условиях развитого социализма. Как подчеркивал Ю. В. Андропов в докладе «Шестьдесят лет СССР», они требуют особой заботы, постоянного внимания Коммунистической партии. «Партия должна глубоко вникать в них, намечать пути их решения, творчески обогащая практикой развитого социализма ленинские принципы национальной политики»^{72а}.

Развертывание процессов расцвета и сближения социалистических наций и народностей подготавливает почву для полного единства наций, их будущего слияния в условиях победы коммунизма в мировом масштабе. Исторический опыт СССР убедительно доказывает, что указанная линия развития национальных отношений прочерчивает свой путь не сама по себе, а через становление новой исторической общности людей типа советского народа. Образование таких социальных и интернациональных общностей открывает новые горизонты исторического развития.

3. Советский народ

Советский народ — единая социальная и интернациональная общность людей⁷³. Ее возникновение стало важным признаком развитого социализма в нашей стране, показателем растущей однородности советского общества, торжеством национальной политики КПСС. Как это и предвидел В. И. Ленин, именно социализм оказался способным творить такие высшие формы человеческого общежития, которые впервые удовлетворяют законные потребности и прогрессивные стремления трудящихся масс всех национальностей в их «интернациональном единстве при условии уничтожения теперешних национальных перегородок»⁷⁴.

Советскими учеными на основе марксистско-ленинской теории общественного развития, положений и выводов, содержащихся в материалах съездов КПСС и других партийных документах, внесен значительный вклад в разработку научной концепции исторически новой общности людей. В целом проделана значительная работа по выяснению характера и социального содержания советского народа, его сущности и роли в общественном прогрессе⁷⁵. Однако достигнутые результаты не снимают с повестки дня вопрос о необходимости продолжения исследований нового феномена исторической действительности. К числу проблем, требующих дальнейшей разработки, относится, в частности, проблема отграничения советского народа от национальной общности, определение его места в ряду социально-исторических форм общностей людей.

Стремление адекватно отразить в теории основные социальные характеристики советского народа побудило исследователей выяснить прежде всего отличие этого социального образования от социалистического общества. Одним из первых на необходимость различения понятий «советский народ» и «советское общество» указали П. М. Рогачев и М. А. Свердлин⁷⁶. Главный акцент они сделали на вопросе об обязательности учета многонациональной структуры советского народа и возможности при анализе производственных отношений и политической надстройки советского

⁷² Козинг А. *Нация в истории и современности*, с. 143.

^{72а} Андропов Ю. В. *Шестьдесят лет СССР*, с. 16.

⁷³ См.: *Материалы XXVI съезда КПСС*, с. 57.

⁷⁴ Ленин В. И. *Полн. собр. соч.*, т. 26, с. 40.

⁷⁵ См.: *Советский народ — новая историческая общность людей: Становление и развитие*. М., 1975; *Тарасенко Н. И. Единый советский народ*. М., 1975; *Великий советский народ*. Киев, 1976; *Новая историческая общность людей: сущность, формирование, развитие*. М., 1976; *Дашдамиров А. Ф. Советский народ*. Баку, 1977; *Советский народ — строитель коммунизма*. Фрунзе, 1977, кн. 1, 2; *Становление советского народа и развитие социалистических наций*. Киев, 1978; *Развитие советского народа — новой исторической общности*. М., 1980; *Советский народ — строитель коммунизма*. М., 1981; и др.

⁷⁶ См.: *Советский народ — новая историческая общность людей. Труды межвузовской научной конференции*. Волгоград, 1969, с. 41.

общества отвлечься от национальных отношений. С подобным выводом не согласился А. Ф. Дашдамиров⁷⁷, подчеркнувший, что советское общество есть социалистическое многонациональное общество. Подробно рассмотрев содержание этого понятия, автор обратил внимание на ранее предложенный в научной литературе подход, согласно которому общество (а следовательно, и социалистическое) можно характеризовать по двум срезам: «сущностному» (в этом плане общество предстает в качестве системы общественных отношений различных видов) и «общностному» (в этом плане оно предстает в качестве совокупности различных общностей и объединений людей)⁷⁸. Советский народ выражает собой общностный аспект советского социалистического общества. Поэтому по объему социальных связей он не охватывает полностью всего советского социалистического общества.

Советский народ генетически неотделим от социализма как первой фазы коммунистической общественно-экономической формации, является его прямым порождением. Отсюда сущность советского народа не может быть какой-либо иной, помимо социалистической. Советский народ есть социалистическая общность людей. Этот вывод тем более правомерен, поскольку советский народ окончательно сформировался в качестве исторически новой общности на этапе зрелого социализма — социализма, развивающегося на своей собственной основе.

История человечества, начиная с рабовладения, не знает социально-исторических общностей людей, возникновение, развитие и отмирание которых не были бы связаны с классами и классовой борьбой, их разделением и обособлением. Только в результате преодоления классовых антагонизмов, формирования новых социалистических классов (рабочего класса и колхозного крестьянства), построения социализма образовалось действительное социально-классовое единство общества. Так и решение в многонациональной стране национального вопроса на основе преодоления самих источников социальных антагонизмов (частной собственности на средства производства) означало утверждение подлинной дружбы народов, действительного интернационального единства общества.

Советский народ выступает в настоящее время в качестве социально-классовой общности. Он представляет собой социалистический союз всех трудящихся СССР: работников индустрии, сельского хозяйства и культуры, физического и умственного труда⁷⁹. Союз рабочего класса, колхозного крестьянства и пародной интеллигенции при ведущей роли рабочего класса составляет прочную нерушимую основу советского народа⁸⁰. Вместе с тем советский народ, будучи многонациональным образованием, представляет собой и интернациональную общность, что обусловлено социалистической природой входящих в него наций и народностей. Именно данный фактор — социалистическая природа наций и народностей — имеет решающее значение в определении интернационального облика новой исторической общности людей.

Советский народ можно рассматривать в виде такой формы общности, в которой взаимные отношения людей построены на известном принципе социального равенства: все трудящиеся Советского Союза равны как граждане социалистического общества, все они в равной мере, независимо от их социально-классовой и национально-этнической принадлежности, являются субъектами исторического творчества и общественного прогресса по пути к коммунизму. В свете сказанного советский народ — это ступень к осуществлению великого идеала коммунизма — достижению полного и всестороннего равенства людей.

Советский народ — динамично развивающаяся общность. Ее правомерно считать общностью, находящейся на стадии постепенного превращения из социалистической в коммунистическую. Уже на современном этапе своего развития советский народ характеризуется рядом коммунистических черт. Трудящиеся советского общества разделяют коммунистическую идеологию, руководствуются в своей практической деятельности ее принципами независимо от своей социально-классовой принадлежности. В сознание трудящихся различных национальностей прочно вошли идеи пролетарского интернационализма и дружбы народов. Они стали первой чертой их поведения в повседневном взаимоотношении с людьми других национальностей.

Советский народ — одна из важнейших форм сплочения и консолидации социальных сил социалистического общества, направленных на строительство коммунизма в СССР, наиболее адекватный субъект социалистической интернационализации общественной жизни. В области национальных отношений это обнаруживает себя в виде закономерности сближения наций и народностей СССР. В рамках советского народа нации и народности как составные части данной общности сближаются, а как относительно самостоятельные члены советской семьи народов все более расцветают. Советский народ представляет собой также форму общественного развития всех потенций, заложенных в советском обществе. Он — такой коллективный субъект действия, который под руководством своего политического вождя — Коммунистической партии Советского Союза — в наибольшей мере способен обеспечить реализацию имеющихся в социалистическом обществе возможностей.

Чтобы понять, в силу каких причин произошло образование советского народа, нельзя ограничиваться лишь перечнем факторов, способствующих формированию и упрочению новой общности. Образование советского народа обусловлено исторической необходимостью, выражающей имманентную социалистической

⁷⁷ См.: Дашдамиров А. Ф. Советский народ, с. 21—23.

⁷⁸ См.: Семенов В. С. Капитализм и классы, с. 24—26.

⁷⁹ См.: К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина: Тезисы ЦК КПСС. М., 1969, с. 32—33.

⁸⁰ См.: О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции: Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 года. М., 1977, с. 11,

системе общественную потребность в интегральных связях всех составляющих ее компонентов движения к коммунизму. При рассмотрении данного вопроса нужно принимать во внимание, во-первых, внутреннюю противоречивость и определенную историческую «узость» нации как формы общественного развития и, во-вторых, последствия интернационализации общественной жизни.

Как форма общественного развития нация (в том числе и социалистическая) исторически ограничена. Эта ограниченность заметна тогда, когда нация исследуется в плане соотношения социального и этнического. Дело в том, что любая нация испытывает на себе действие двух тенденций — к саморазвитию и интернационализации. В первом случае противоречие, возникающее из единства социального и этнического, скрыто и внешне не проявляет себя сколько-нибудь заметно, ибо то и другое одинаково ориентировано «вовнутрь», на упрочение национальной общности. Не расходясь, они функционально конкретизируют и дополняют друг друга. Во втором случае, напротив, подобное противоречие выступает наружу и со временем все более и более углубляется.

Под влиянием нарастающей интернационализации общественной жизни нация все больше вбирает в себя новые интернациональные моменты, становится по сути формой преимущественного развития межнационального, международного содержания, которое ориентирует ее «внутреннее общение» на устойчивые внешние связи. В то же время в своих этнических характеристиках она по-прежнему остается ориентированной на «саму себя». Получается, что социальное и этническое, будучи до этого совпадающими, начинают не просто различаться, а раздваиваться, становиться в известном смысле разнонаправленными.

Под воздействием усиливающегося процесса интернационализации возникает историческая необходимость смены нации как формы (компонента) международного общения собственно интернациональными, международными общностями, более адекватными процессу интернационализации. Поэтому собственно интернациональные образования можно рассматривать в качестве таких форм, которые снимают исторически возникшее несоответствие между социальным и этническим, знаменуя собой переход от национальных общностей к новым интернациональным общностям. Касаясь рассматриваемого вопроса, А. Ф. Дашдамиров справедливо отмечает, что «именно в современную эпоху всеохватывающих интернационализационных процессов яснее, чем прежде, обнаруживается преходящий характер нации как формы социального бытия людей»⁸¹.

В эпоху империализма интернационализация настолько властно заявила о себе, что развитие производительных сил стало перерастать рамки отдельных национальных государств. Еще при капитализме, не говоря уже о социализме, возникает, следовательно, необходимость в образовании более широких, чем нации, международных, интернациональных общностей. Однако само

формирование интернациональных общностей оказывается возможным только в условиях социализма, ибо при капитализме этому объективному процессу препятствуют разъединяющие народы классовый антагонизм и антагонизм между национальными отрядами мировой буржуазии.

Поскольку при социализме препятствия, мешающие формированию интернациональных общностей, отпадают, постольку возможность их формирования становится реальной. Превращение данной возможности в действительность зависит от степени зрелости социалистического общества. В условиях многонациональной Советской страны такая возможность, будучи подготовленной всем ходом социалистического строительства в первые десятилетия после Великого Октября, получив могучую опору в прогрессирующем процессе интернационализации всех сфер общественной жизни (особенно в годы послевоенных пятилеток), превратилась в действительность на стадии зрелого социализма. В постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик» новая историческая общность характеризуется как «результат возрастающей интернационализации хозяйственной и всей общественной жизни, развития в нашей стране социалистических наций, между которыми сложились отношения подлинного равноправия, братской взаимопомощи и сотрудничества, уважения и взаимного доверия»⁸².

В самом деле, все рожденные победой Октябрьской революции межнациональные (межреспубликанские) связи ко времени построения развитого социализма приобрели совершенно новое качество социалистической коллективности, основанной на общности коренных интересов и целей жизнедеятельности страны как единого социального организма. Это интегральное по своей природе качество предполагает не только совместность действий, но и такую их согласованность, которая выражается в органической сплоченности и сознательной взаимопомощи. Именно здесь надо искать ключ к пониманию причин образования исторически новой общности людей — советского народа.

Возникновение социальной и интернациональной общности — советского народа — закономерный результат развития советского социалистического общества, его восхождения по ступеням все более органичной целостности. Такая целостность приобрела особенно высокую степень интеграции и разнообразия необходимых внутренних связей в последние два десятилетия, что нашло свое законодательное закрепление в Конституции СССР 1977 г. Она стала исторической реальностью благодаря принципиальным качественным изменениям в экономической, политической, со-

⁸¹ Дашдамиров А. Ф. Советский народ, с. 19.

⁸² О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик: Постановление ЦК КПСС от 19 февраля 1982 года. М., 1982, с. 8.

циальной и духовной сферах общественной жизни: строительстве материально-технической базы коммунизма и развитии социалистических производственных отношений, формировании единого народнохозяйственного комплекса, возрастании социальной однородности общества, укреплении единого союзного государства, культурной революции и другим социалистическим преобразованиям.

Становление советского народа привело к дальнейшему качественному углублению внутренних системообразующих факторов упрочения действительного единства жизнедеятельности людей, сознательно и целеустремленно строящих новые формы общежития. В исторической перспективе развития зрелого социализма возникновение советского народа, знаменующее важные черты социалистической коллективности, следует понимать как определенный, постепенный по способу своего осуществления скачок, давший в итоге новое социальное качество — принципиально иную, чем нация, общность. В этой связи нельзя не обратить внимание на замечание П. Н. Федосеева о том, что при социализме «диалектика социальных процессов обогащается новым типом качественных изменений»⁸³.

К числу рассматриваемых качественных изменений следует отнести превращение экономики страны в единый хозяйственный организм, развитие союза рабочего класса и колхозного крестьянства — в союз рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции, перерастание государства диктатуры пролетариата в общепародное социалистическое государство. Коммунистическая партия при сохранении своей классовой природы стала авангардом всего советского народа.

К этим изменениям относятся, далее: образование единой по своей сущности советской интернациональной культуры; формирование общесоветского самосознания, выражением чего служит возникновение общепародной, общесоветской гордости — чувства принадлежности к единой великой Советской Родине⁸⁴; утверждение советского образа жизни; безраздельное господство в общественном сознании советских людей научного материалистического мировоззрения и идеологии марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма.

Советский народ — общность более высокого порядка, чем нация. Поэтому нельзя согласиться с встречающимися иногда в специальной литературе предложениями относить ее к числу национальных образований⁸⁵. Действительно, в разворачивании исторического процесса такая общность следует за нацией. Однако она не есть простое ее продолжение. Взятый в аспекте национальных отношений, советский народ не тождествен социалистическим нациям и народностям так же, как интернациональное не тождественно национальному. Анализируя общностный состав советского социалистического общества, следует признать одновременность сосуществования этих двух различных типов исторических образований. Советский народ не отменяет развития социалистических

наций и пародностей, а сосуществует с ними, обуславливая принадлежность трудящихся СССР к тому и другому типам общностей⁸⁶. Национальное присутствует и в характеристике самого советского народа, но в преобразованном виде, проявляющим себя в качестве интернационального.

В тесной связи с проблемой генезиса советского народа находится и проблема выделения основных этапов формирования и упрочения этой общности, ее дальнейшего восхождения на более высокие ступени зрелости. По данному вопросу в научной литературе высказываются различные точки зрения, идет дискуссия. Вместе с тем уже проделана и определенная работа по систематизации выдвигаемых предложений⁸⁷.

Объективно новая историческая общность людей формировалась в ходе социалистического строительства. Она складывалась в виде необходимого образования социалистической общественной системы, становящегося и развивающегося затем на своей собственной основе социалистического социального организма. Приведенные положения общепризнаны. Однако они не исключают постановки ряда вопросов, суть которых заключается, во-первых, в более четком понимании самих этапов развития социализма и, во-вторых, в выделении тех существенных признаков и черт, которые в своей совокупности позволяют определить советский народ как «историческую общность».

Важно отметить, что исследование проблемы советского народа как исторически новой общности людей шло одновременно и на основе разработки выдвинутой КПСС и другими братскими партиями концепции развитого социализма. С высоты пройденного пути, когда подведены определенные итоги строительства социализма в нашей стране и других социалистических странах, гораздо яснее и отчетливее видны архитектоника развитого социализма, «конечные» результаты каждого из уже пройденных этапов социалистического строительства и их значение для решения последующих задач. В этом плане нельзя не видеть значительных различий между переходным от капитализма к социализму этапом, этапом социализма, построенного в основном, и этапом зрелого социализма. Поэтому нельзя согласиться с мнением, будто советский народ сложился в исторически новую общность людей в 30-х годах, т. е. вместе с построением основ социализма.

⁸³ Федосеев П. Н. Диалектика современной эпохи. М., 1978, с. 227.

⁸⁴ См.: Материалы XXVI съезда КПСС, с. 57.

⁸⁵ См.: Еремеев Д. Е. Значение тезиса В. И. Ленина о «двух нациях» для анализа истории культуры Востока.— Народы Азии и Африки, 1980, № 4, с. 10.

⁸⁶ См.: Интернациональное и национальное в социалистическом обществе. Киев, 1976, с. 80.

⁸⁷ См.: Куличенко М. И. Образование и развитие советского народа как новой исторической общности.— Вопр. истории, 1979, № 4, с. 13—15; Степанян Ц. А. Советский народ — первопроходец в строительстве коммунизма.— В кн.: Советский народ — строитель коммунизма. М., 1981, с. 71; и др.

Нам представляется, что подобные утверждения упрощают действительное положение вещей, приписывают советскому народу те качества, которые могли возникнуть только на этапе развития социализма.

Одной из существенных особенностей советского народа как исторически новой общности людей является глубокая, внутренняя взаимозависимость составляющих ее классовых и национальных компонентов. На основе постепенного преодоления классовых различий, интернационализации всех сторон общественной жизни происходит неуклонно прогрессирующее возрастание социальной однородности советского народа и одновременно сближение входящих в его состав социалистических наций и народностей. Формируется новое качество в их взаимоотношениях, новое единство. Остановимся в этом плане на некоторых наиболее важных, по нашему мнению, характеристиках советского народа.

В первую очередь следует подчеркнуть усиление социальной однородности советского народа. Значение этой закономерности заключается в том, что она ведет к все большей интеграции новой исторической общности. Становление в рамках зрелого социализма бесклассовой структуры общества будет означать вместе с тем и становление полного единства социалистических наций и народностей. Преодоление социальных различий, включая их территориальный аспект⁸⁸, — важнейший фактор утверждения такого единства. Речь идет о том, что отдельные республики и регионы еще отличаются друг от друга по реализации возможностей своего экономического и социального развития, динамике общественной жизни и общественного облика, степени культурно-образовательной и профессиональной подготовки населения⁸⁹.

Далее, необходимо указать на неуклонное укрепление дружбы социалистических наций и народностей нашей страны и их тесного сотрудничества. Значение этого фактора трудно переоценить. В укреплении дружбы, сотрудничества и единства наций и народностей — залог перерастания советского народа из социалистической общности в коммунистическую. Однако в настоящее время не все вопросы в области национальных отношений можно считать уже решенными. В частности, на повестке дня по-прежнему стоит задача преодоления пережитков шовинизма и национализма. «КПСС, — отмечалось на XXVI съезде КПСС, — боролась и всегда будет решительно бороться против таких чуждых природе социализма проявлений, как шовинизм или национализм, против любых националистических вывихов, будь то, скажем, антисемитизм или сионизм»⁹⁰. Необходимость такой борьбы диктуется общественной потребностью дальнейшего укрепления советского народа как интернациональной общности.

Перспектива развития собственно советского народа и интернациональных общностей такого типа, которые неизбежно будут возникать в процессе экономического, социального, политического и духовного сближения стран и регионов всюду, где утвердился новый строй, свободный от классовых и национальных антагониз-

мов, позволяет предположить следующее: интернациональные общности типа советского народа займут, по всей видимости, промежуточное положение между социально-этническим рядом (племя, народность, нация) и безнациональной организацией общества. Нация завершает социально-этническую эволюцию общности разделенного человечества, образование же типа советского народа открывает путь к историческому развитию человечества как ассоциации, не имеющей национальных различий.

Советский народ и составляющие его национальные общности — реальность наших дней. Однако в качестве звеньев исторического процесса, следующих друг за другом, они стоят на разных ступенях общественного прогресса. Одновременность их существования не отменяет того, что исторически новая общность людей есть общность более высокого порядка. Интернациональное не отменяет национального, а «снимает» все его прогрессивные достижения, открывая новые горизонты поступательного движения человечества. Между общностью типа советского народа и национальной общностью нет отношения «рядоположенности» или формальной «иерархии». Они представляют собой в конечном счете различные уровни дифференциации и консолидации исторического процесса.

Марксистско-ленинская теория исторического процесса исходит из закономерного характера слияния наций в будущем коммунистическом обществе, исчезновения национальных различий. Опыт развитого социализма доказывает, что этот процесс будет проходить не автоматически, а в рамках интернациональных образований типа советского народа. Причем само слияние наций надо мыслить как сложное диалектическое движение, в котором социально-классовые и национально-этнические различия (национальный язык, особенности культуры, традиции и т. п.) преодолеваются разновременно. Историческая реальность наших дней убедительно подтверждает тенденцию более быстрого протекания социально-классовых изменений по сравнению с национально-этническими.

Советский народ — исторически первая форма общности людей, имманентно соответствующая коммунистической общественно-экономической формации. Он является прообразом тех социально-исторических общностей, которые необходимо будут возникать под влиянием социалистической интернационализации общественной жизни, прежде всего в регионах мира с сильно выраженной интенсивностью межнациональной интеграции. В рамках мирового социалистического содружества подобные общности станут, видимо, важной предпосылкой образования еще более широкой интернациональной общности, охватывающей все народы этого содружества.

⁸⁸ См.: Материалы XXVI съезда КПСС, с. 54.

⁸⁹ См.: Диалектика интернационального и национального в социалистическом обществе. М., 1981, с. 128.

⁹⁰ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 57.

Движение человечества к всемирной ассоциации трудового народа, единому кооперативу трудящихся⁹¹, по выражению В. И. Ленина, неодолимо и неизбежно. Выяснение этой перспективы, открытой советским народом, выдвигает и такую задачу, как анализ социальной природы коллективов.

4. Коллектив

Главная черта коллектива — единство интересов составляющих его индивидов, отсутствие социальных антагонизмов в отношениях между ними. Там, где нет этого единства интересов, нет и самого коллектива. «Мнимая коллективность,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс об антагонистическом обществе,— в которую объединялись до сих пор индивиды, всегда противопоставляла себя им как нечто самостоятельное; а так как она была объединением одного класса против другого, то для подчиненного класса она представляла собой не только совершенно иллюзорную коллективность, но и новые оковы»⁹². Подлинной коллективностью классики марксизма-ленинизма считали лишь такую форму социальной группировки людей, которая базируется на отношениях равенства и товарищеского сотрудничества между ними.

Однако указать главную черту коллектива недостаточно для его научного понимания, ибо равенство и сотрудничество между людьми — отношения коллективизма — могут строиться на разных материальных, экономических основах. Поэтому необходимо различать исторические типы коллективов, соответствующие условиям той или другой общественно-экономической формации. Данному требованию противоречит, на наш взгляд, и абстрактная трактовка коллектива в виде формы социальной организации общества на всех этапах его развития, и точка зрения, согласно которой до социализма никаких коллективов вообще не существовало⁹³. Социалистический коллектив представляет собой высший из известных истории типов коллективов. Вместе с тем отсюда вовсе не следует, что у него не было исторических предшественников.

Первая форма отношений коллективизма — естественно сложившаяся коллективность, возникающая вместе с обществом. Первоначальной социальной ячейкой выступала родовая община. Кровно-родственные связи между ее членами являлись своеобразным способом выражения общественных отношений, представляли собой особую форму организации трудовой деятельности людей. Указывая на коллективный характер такой деятельности, В. П. Ратников справедливо связывает ее с коллективистскими отношениями как существенной характеристикой первобытной социально-исторической общности⁹⁴. Действительно, действия членов общины в процессе труда были не просто совместными, а коллективными, ибо определялись их общей заинтересованностью в результатах совместного труда, вытекавшей из общей, групповой собственности на средства производства.

Но общность интересов, объединяя членов той или иной общины, не распространялась на отношения между общинами. «„Община“,— отмечал В. И. Ленин,— давала ... организацию производству только в одной отдельной общине, разъединенной от каждой другой общины. Общественный характер производства обнимал *только членов одной общины*»⁹¹. Проявлявшийся в этом ограниченный, узкий характер первобытной коллективности определялся тем, что ее экономической основой была не общественная, в собственном смысле слова, а групповая собственность, соответствовавшая тогдашнему уровню развития производительных сил, достаточному лишь для производства необходимого продукта, количество которого едва обеспечивало существование членов общины.

С развитием производительных сил, создавшим возможность производства прибавочного продукта, поле действия групповой собственности стало суживаться под натиском частной собственности, зародившейся в общине. Община постепенно дифференцируется на богатые и бедные семьи, вместе с классовым расслоением в ней появляется эксплуатация, прикрываемая остатками архаических отношений. Развитие классовой дифференциации в общинах приводит к качественному скачку — переходу от первобытнообщинного строя к рабовладельческому, либо — там, где условия не способствовали развитию рабства, — к феодализму.

Если кратко охарактеризовать процесс, происходивший в общинах в условиях антагонистического строя, то можно его определить как превращение первобытной коллективности в иллюзорную, мнимую коллективность. Оно окончательно завершилось там, где на смену феодальным пришли капиталистические отношения. Капитализм разрушил общину, утвердив форму производственного объединения, в котором открыто противостоят друг другу наемные рабочие и нанявший их предприниматель со своими подручными. Любое капиталистическое предприятие представляет собой суррогат коллективности — арену столкновения классовых интересов.

Капитализм устранил обособленность отдельных производственных объединений людей. Он придал производству общественный характер в масштабах целых стран и международного сообщества, связав между собой многочисленных товаропроизводителей, многочисленные хозяйственные ячейки и занятых в них работников. Но это — связи, сущностью которых выступает не коллективизм, а индивидуализм. На них лежит печать основного

⁹¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 346.

⁹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 75.

⁹³ Наиболее последовательно эту точку зрения отстаивает Б. В. Князев (см.: Князев Б. В. Коллектив — ассоциация коммунистической формации. М., 1979, с. 35).

⁹⁴ См.: Ратников В. П. Коллектив как социальная общность. М., 1978, с. 34—36.

⁹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 214.

противоречия капитализма — между общественным характером труда и частной формой присвоения создаваемого продукта.

Капиталистические отношения ставят в положение конкурентов, противопоставляют друг другу и собственников, и наемных рабочих. «Конкуренция,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— изолирует друг от друга индивидов — не только буржуа, но еще более пролетариев, несмотря на то, что она сводит их вместе»⁹⁶. Нанимаясь к капиталисту, рабочие выступают в виде соперничающих между собой продавцов единственного товара, который им принадлежит,— рабочей силы. Стремясь дороже продать свою рабочую силу, каждый из них руководствуется частным интересом, подобным интересу любого товаровладельца, вступающего в отношения купли-продажи. И в качестве всякого частного интереса он разобщает тех, кто им руководствуется. «Как независимые личности,— по словам К. Маркса,— рабочие являются индивидами, вступившими в определенное отношение к одному и тому же капиталу, но не друг к другу»⁹⁷. Даже те рабочие, которые стоят рядом у конвейера или работают на соседних станках, в условиях капитализма экономически разобщены, отделены один от другого. Совместная деятельность рабочих в этих условиях не посит и не может поситить черты коллективизма.

Но если частные интересы разъединяют рабочих, то общее стремление избавиться от эксплуатации, общие классовые интересы их объединяют. Осознанию общности данных интересов способствует совместная работа под одной крышей, организационно-технологическая связь между рабочими, существующая на предприятиях. «...Совместная работа сотен и тысяч рабочих,— отмечал В. И. Ленин,— сама собой приучает рабочих к совместному обсуждению своих нужд, к совместному действию, наглядно показывая одинаковость положения и интересов всей массы рабочих»⁹⁸.

Наемные рабочие лишены частной собственности. Это помогает им вырваться из плена частных интересов. На своем жизненном опыте они убеждаются в том, что борьба за более выгодные условия продажи своей рабочей силы не избавляет их от гнета. От борьбы за экономические уступки со стороны предпринимателей они поднимаются к сознательной и организованной классовой борьбе за свои коренные интересы, направленной на приведение производственных отношений в соответствие с общественным характером производительных сил, на замену капиталистической собственности на средства производства общественной, социалистической собственностью.

Общественная собственность составляет экономическую основу отношений социалистического коллективизма. Но возникают такие отношения еще при капитализме, до появления общественной собственности, возникают не в экономической, а в политической сфере жизни общества. Они складываются в пролетарской среде в процессе классовой борьбы, которая подавляет влияние частных интересов на психологию рабочих и усиливает влияние тенденций, порожденных совместной работой и развитием обществен-

ного характера производительных сил. Непосредственное участие рабочих в классовой борьбе против капитала представляет собой ту форму реальной общественно-исторической практики, на основе которой формируются рабочие коллективы.

Особое значение приобретают коллективы, сплачивающиеся вокруг ячеек политического авангарда рабочего класса — марксистско-ленинской партии. Их отличает солидарность, выражающая не узкие интересы отдельного рабочего коллектива или какой-либо одной профессиональной группы рабочих, а коренные общие интересы всего рабочего класса. Важнейшая особенность таких коллективов состоит в том, что интересы каждого из них «оказываются *едиными* с интересами других коллективов, связанных с ним, выражают *общий* интерес „организации в широком смысле слова“, какой, по Ленину, является *партия*»⁹⁸.

Будучи высшей формой организации рабочего класса, марксистско-ленинская партия повышает политическую сознательность пролетарских масс, освобождая их от влияния буржуазной идеологии, порожденного частными интересами. Она сплачивает рабочие коллективы в единую политическую армию, объединяет вокруг нее все демократические силы и ведет трудящихся к победе социалистической революции. Партия содействует утверждению принципов социалистического коллективизма в отношениях между всеми участниками революционной борьбы за социализм, вырабатывая образцы отношений, построенных на этих принципах, в процессе своей внутрипартийной жизни.

Чтобы утвердить отношения социалистического коллективизма, создаваемые пролетариатом в ходе его классовой борьбы, как безраздельно господствующие в обществе, необходимо распространить их на сферу экономики, заменив частную собственность на средства производства общественной. Именно здесь надо искать самые глубокие корни коммунистической ассоциации — коммунистического объединения людей труда. «Если, — пишет Б. В. Князев, — капиталистическая ассоциация вырастает из отдельных очагов накопления, концентрации капитала до масштабов всего общества, то ассоциация коммунистической формации возникает на базе способа производства новой формации сразу по всему фронту социалистического производства и политической организации общества и только благодаря этому она формируется на базе отдельного предприятия»¹⁰⁰. В ходе социалистического обобществления средств производства своеобразное качество коллектива обретает наряду с социальными ячейками общество в целом. В этом — одно из принципиальных отличий социалистических

⁹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 61, примеч.

⁹⁷ Там же, т. 23, с. 344.

⁹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 91—92.

⁹⁹ Иванов В. Г. Коллектив и личность. Л., 1971, с. 21.

¹⁰⁰ Князев Б. В. Коллектив — ассоциация коммунистической формации, с. 52.

коллективов от коллективов, основывавшихся на групповой собственности.

Попытки скрыть данное обстоятельство не раз предпринимались оппортунистами, стремящимися представить дело так, будто экономической основой социализма является не общественная, а групповая собственность. Против подобных попыток вели настойчивую борьбу К. Маркс и Ф. Энгельс. Важнейшее значение имеет, в частности, вывод, сформулированный ими в «Манифесте Коммунистической партии», согласно которому задача пролетариата, завоевавшего власть, состоит в том, чтобы «централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс»¹⁰¹. В. И. Ленин решительно выступал против анархо-синдикализма, доказывая, что не может быть социализма без обобществления средств производства в масштабах всей страны, превращающего всех ее граждан «поголовно в членов одного общенационального или, вернее, общегосударственного кооператива»¹⁰².

Справедливость рассматриваемого представления о сущности социалистического коллектива доказана опытом развития Советского Союза и других социалистических стран. Он свидетельствует о том, что только общественная собственность позволяет ликвидировать эксплуатацию человека человеком, покончить с отношениями экономической разобщенности и конкуренции, неизбежными при господстве частной и групповой собственности. Только общественная собственность создает условия для рационального ведения всего народного хозяйства по единому плану, отвечающему коренным интересам трудящихся. В виде совладельцев средств производства, ставших достоянием всего общества, трудящиеся вступают в отношения товарищеского сотрудничества *«друг с другом и через свой коллектив — с другими коллективами и обществом в целом»*¹⁰³. Придавая труду непосредственно общественную форму, это порождает у всех участников общественного трудового процесса общую заинтересованность в его результатах — общую применительно не только к отдельным трудовым коллективам, но всему обществу как единому социальному целому.

С утверждением безраздельного господства общественной собственности отношения социалистического коллективизма становятся объективной чертой социальных связей на всех уровнях организации общества и во всех сферах его жизнедеятельности. Однако отсюда еще не следует, будто коллективистская сущность социальных связей проявляется здесь сама собой и в одинаковой степени.

Нельзя не согласиться с замечанием о том, что интегрирующим фактором, объединяющим людей в те или иные исторически конкретные группы, характерные для определенной общественно-экономической формации, является не всякая деятельность, а общественно необходимая в условиях данной формации¹⁰⁴. Социалистическим коллективом не может быть, например, группа людей, занятых деятельностью, противоречащей принципам социа-

лизма. Первичными коллективами выступают при социализме такие малые группы, иначе, ячейки общества, которые выполняют функции, необходимые для его существования и развития. К ним относятся семья, учебно-воспитательные ячейки, подразделения вооруженных сил, трудовые ячейки, действующие в сферах материального и духовного производства, общественной инфраструктуры, управления обществом.

Каждая из ячеек, выполняющая необходимые для социалистического общества функции, является коллективом, ибо на основе каких-либо отношений, отличных от коллективистских, подобные функции не могут реализоваться в обществе, самом представляющем собой социалистический коллектив. Поэтому нельзя, на наш взгляд, согласиться с утверждением, будто то или иное объединение, формируемое социалистическим обществом для удовлетворения определенных общественных потребностей, становится коллективом лишь в итоге более или менее долгого пути от завершения организационных мероприятий по его созданию до появления «самосознания» коллектива. «Должен быть накоплен опыт совместной деятельности, должна начать складываться „история“, — пишет, например, В. Г. Иванов, — чтобы данная малая группа, данная „организационная единица“ превратилась в коллектив»¹⁰⁵. Согласиться с такой постановкой вопроса — значит допустить, что в социалистическом обществе могут существовать некие нейтральные, не имеющие определенного общественного статуса «организационные единицы».

Однако таких абстрактных «единиц» в реальной действительности не существует. Работники, образующие штат только что созданного нового предприятия, в первый же день работы объективно вступают в производственные отношения социалистического коллективизма. Иное дело — в какой мере осознается ими сущность этих отношений, в какой мере она реализуется в их совместной деятельности. Данный вопрос — вопрос степени зрелости коллектива, которая, конечно, не остается неизменной, зависит от целенаправленной организаторской и идейно-воспитательной работы наиболее активной части коллектива и прежде всего его ядра — партийной организации.

Коллективизм — универсальная черта всех уровней организации социалистического общества, коммунистической общественно-экономической формации вообще. Причем некоторые первичные коллективы — семейные и трудовые — составляют не просто ячейки общества, а социальные ячейки, т. е. малые группы, не-

¹⁰¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 446.

¹⁰² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 161.

¹⁰³ Кузьминов И. И. Коллективизм как основа социалистического производства. — В кн.: Социалистический производственный коллектив как категория политической экономии. М., 1966, с. 10.

¹⁰⁴ См.: Бусева Л. П. Социальная среда и сознание личности. М., 1968, с. 146—147.

¹⁰⁵ Иванов В. Г. Коллектив и личность, с. 46.

посредственно включенные в социальную структуру. Уже отмечалось, что по способу своего возникновения в истории и специфике представляемых ими общественных отношений социальные ячейки сближаются с социально-историческими общностями. Вместе с тем важно подчеркнуть и другое. Социальные ячейки обладают признаками и устойчивых объединений людей, поскольку каждая конкретная социальная ячейка — результат преднамеренных человеческих действий¹⁰⁶. Поскольку семья как социальная ячейка общества будет в дальнейшем предметом специального рассмотрения, обратимся к характеристике деятельности такой социальной ячейки развитого социализма, какой выступает трудовой коллектив.

Раскрывая сущность трудового коллектива, прежде всего подчеркнем, что он представляет собой организационно закреплённое единство свободных от эксплуатации работников, складывающееся на основе их совместного труда и общности интересов. В качестве объективного итога социалистического строительства — это исключительное в своем роде образование, где работники, находясь в отношениях технологического и социального сотрудничества, сознательно руководствуясь нормами товарищеской взаимопомощи и дисциплины, выполняют функции, обусловленные потребностями общества и местом данного коллектива в общественной кооперации труда. В конечном счете функции трудового коллектива определяются основным законом социализма, в соответствии с требованиями которого вся жизнедеятельность общества подчиняется обеспечению неуклонного роста благосостояния трудящихся, созданию все более благоприятных условий для их всестороннего развития. Вклад каждого трудового коллектива в эти совокупные усилия общества зависит в первую очередь от удовлетворения его деятельностью той конкретной общественной потребности, ради чего он и был создан. Естественно поэтому, что одним из принципов организации деятельности каждого трудового коллектива служит выделение специфической для него ведущей функции. Так, для коллектива тракторного завода такой функцией выступает производство тракторов, и его вклад в достижение общей цели социалистического общества отнюдь не увеличится, а уменьшится, если на одну доску с этой функцией будут поставлены и другие. Точно так же и эффективности деятельности профессионального театрального коллектива не будет способствовать одинаковое внимание к подготовке спектаклей и к участию, например, в лекционной работе.

Однако абсолютизация принципа ведущей функции несовместима с сущностью социалистического трудового коллектива, ибо создание условий для всестороннего развития работников предполагает реализацию требований закона перемены труда, привлечение трудящихся к разным видам общественной деятельности. К тому же любая специальная трудовая функция, связанная с производством каких бы то ни было материальных или духовных жизненных средств, осуществляется работниками, относящимися

определенным образом друг к другу, руководствующимися определенными мотивами, установками, социальными нормами. Непосредственно общественный труд, не отчужденный от человека, каким бы ни было его функциональное содержание, с необходимостью предполагает участие работника в регулировании общественных отношений, в идейно-воспитательной деятельности, формирующей духовный мир членов коллектива. В трудовом коллективе, в деятельности его общественных организаций так или иначе отражается вся жизнь общества. Поэтому в организации деятельности социалистического трудового коллектива принцип ведущей функции органически сочетается с принципом полифункциональности, причастности к разным сторонам общественной жизни, что юридически закреплено в Конституции СССР и в других правовых документах.

В специальной литературе, посвященной трудовому коллективу, можно встретить разные варианты классификации его функций. Интерес к данной теме не случаен, ибо практические задачи управления трудовым процессом требуют весьма детальной дифференциации функций работников. Вместе с тем оправдана их укрупненная оценка, деление на определенные группы. Справедливо замечание В. Г. Подмаркова о том, что «общая классификация функций человека в материальном производстве, разумеется, недостаточна для понимания особенностей конкретных видов труда, однако она может быть исходным пунктом, идя от которого следует строить функциональную схему деятельности человека в промышленности с учетом специфических признаков отдельных отраслей и видов труда»¹⁰⁷. Это относится и к другим отраслям материального производства, духовному производству, сфере услуг.

При всех особенностях, имеющихся в подходах разных авторов к обобщенной характеристике функций трудового коллектива, на первое место, как правило, ставится группа производственных функций. Кроме того, выделяется функция совершенствования системы социальных отношений (в специальной литературе ее часто именуют организационной функцией) и воспитательная, или культурная, функция¹⁰⁸. Если производственные функции направлены на удовлетворение соответствующих потребностей общества (в тех или иных материальных и духовных жизненных средствах, услугах), то объектом организационных и воспитательных функций выступают непосредственно личные качества членов коллектива и их взаимоотношения.

Целесообразно выделять также в особую группу управленческие функции коллектива. Специфика таких функций состоит в

¹⁰⁶ См.: Глезерман Г. Е. Исторический материализм и развитие социалистического общества. М., 1973, с. 187.

¹⁰⁷ Подмарков В. Г. Введение в промышленную социологию. М., 1973, с. 88.

¹⁰⁸ См.: Подмарков В. Г. Введение в промышленную социологию, с. 84—89; Социалистический рабочий коллектив. М., 1978, с. 44—50; Шкаратан О. И. Промышленное предприятие. М., 1978, с. 51—57; и др.

том, что объектом становятся здесь все названные выше функции. Управленческая деятельность коллектива должна обеспечивать высокую эффективность всех сторон его деятельности, оптимальное сочетание связанных с ними функций. Это требует, в свою очередь, постоянного совершенствования управления на основе ряда принципов, среди которых важнейшее значение имеют принципы демократического централизма и комплексного подхода к постановке и решению управленческих задач. Не касаясь общих проблем социального управления, чему будет посвящена специальная глава, рассмотрим значение данных принципов для непосредственной деятельности трудового коллектива.

Реализация принципа демократического централизма обеспечивает подчинение интересов каждого трудового коллектива интересам всего социалистического общества в целом. Руководство деятельностью коллективов из единого центра составляет необходимое условие концентрации и согласования их усилий для решения стоящих перед ними общих задач. Это централизованное руководство носит демократический характер, поскольку, во-первых, коренные вопросы, по которым оно осуществляется, выражают интересы трудящихся, во-вторых, решения центральных органов опираются на опыт и общественное мнение трудящихся и, в-третьих, централизованное руководство деятельностью трудящихся соединяется с оперативной самостоятельностью и инициативой коллективов.

Принцип демократического централизма требует сочетания коллегиальности с единоначалием на всех уровнях организации деятельности общества, начиная с уровня его основных ячеек — трудовых коллективов. Все члены коллектива имеют право и возможность участвовать в выработке решений, направляющих его работу. Но после того как решение коллективно принято, персональную ответственность за его исполнение несет определенный руководитель. Причем каждый нижестоящий руководитель обязан подчиняться распоряжениям вышестоящего, объем ответственности которого и соответственно объем полномочий возрастают. Демократический централизм предполагает рациональное распределение прав и обязанностей между всеми уровнями и звеньями системы управления. Он несовместим с отстранением местных органов от управленческих функций. В то же время он не имеет ничего общего и с установкой на передачу местным органам всех управленческих функций, на абсолютное самоуправление ячеек социального целого, на их независимость от центра.

В управленческой деятельности важно всесторонне учитывать совокупность факторов, от которых зависит выполнение намеченных решений, и возможные последствия их выполнения. Этого требует комплексный подход, имеющий разные аспекты. Один из них касается обеспечения органической взаимосвязи основных видов деятельности людей. В условиях развитого социализма планирование и управление и на уровне страны в целом и союзных республик, и на уровнях регионов, отраслей хозяйства

и трудовых коллективов стало охватывать экономическое и социальное развитие, приобрело комплексный характер.

Это, с одной стороны, позволяет лучше решать производственные задачи, поскольку их успешное решение зависит не только от технических факторов производства, но прежде всего от его общественных факторов, включая личные качества работников и коллективно-труженические отношения между ними. С другой стороны, комплексное планирование увеличивает в коллективах материальные возможности для решения задач, связанных с улучшением условий труда и быта членов коллектива, повышением уровня их благосостояния, духовным ростом, совершенствованием всей совокупности общественных отношений, представленных в трудовом коллективе.

Следует, однако, отметить: указанные возможности комплексного планирования на практике не всегда используются должным образом. Нередко приходится встречаться и с недостаточным учетом социальных и идейно-воспитательных последствий тех или иных технико-экономических мероприятий, с неумением использовать в должной мере социально-культурные резервы повышения экономической эффективности производства. Во многих коллективах недостаточно полно учитывают все аспекты планирования социального развития: сводят содержание этого развития к общей тенденции стирания различий между рабочими неодинаковой квалификации, рабочими и инженерно-техническими работниками, забывая о том, что не менее важно совершенствовать отношения между всеми этими работниками, независимо от их социальной принадлежности, укреплять в общественных отношениях коллективистские начала.

Завершение на этапе развитого социализма перестройки всей совокупности общественных отношений на коллективистских началах требует выработки и применения методов, позволяющих наиболее полно и последовательно осуществлять принципы товарищеского сотрудничества, взаимной помощи и взаимной ответственности, товарищеской состязательности в отношениях, которые связывают работников внутри трудовых коллективов и эти коллективы друг с другом. Речь идет о целом комплексе методов, направленных на преобразования в организационной структуре производства, в хозяйственном механизме страны, в системе оценки и стимулирования трудовой деятельности, способствующих максимальному выявлению коллективистской сущности социалистических общественных и прежде всего производственных отношений.

Отнюдь не только организационно-технологическое, но и социальное значение имеет, например, развитие бригадной формы организации труда. Практика показала, что в хозрасчетных бригадах, работающих на один наряд, улучшаются производственные показатели и психологический климат, крепнут взаимопомощь и товарищеское сотрудничество. Велико социальное значение и таких структурных преобразований, как превращение производст-

венных и научно-производственных объединений в основные звенья народного хозяйства страны, создание крупных территориально-производственных комплексов. Это позволяет теснее связать между собой коллективы предприятий, сделать более четким их производственное взаимодействие и вместе с тем создать более благоприятные условия для того, чтобы каждый работник ощущал себя членом не только своего непосредственного, первичного коллектива, но и коллективов более широкого масштаба вплоть до социалистического общества в целом.

В документах XXV и XXVI съездов КПСС, Пленумов ЦК КПСС, постановлениях партии и правительства СССР намечен широкий круг мер, направленных на развитие прямых хозяйственных связей между предприятиями, на повышение ответственности сотрудничающих коллективов за конечные результаты общей работы, на преодоление проявлений местничества и ведомственности, противоречий между отраслевыми и территориальными аспектами планирования и управления, диспропорций, порождающих наряду с экономическими трудностями и неравенство положений коллективов, действующих в разных отраслях и регионах страны. Все это — признаки процесса развития социалистического коллективизма и упрочения основанной на его принципах целостности социалистического общества. Это — процесс, закономерно ведущий к превращению общества в систему коллективов, свободную от каких бы то ни было социально-классовых различий, в бесклассовую ассоциацию трудящихся, которая станет формой социальной организации членов коммунистического общества.

К. Маркс писал, что коммунистическое общество будет «организовано как сознательная и планомерная ассоциация»¹⁰⁹. Она будет представлять собой единый коллектив ассоциированных производителей, будет выступать как «всеобщая ассоциация всех членов общества»¹¹⁰. Но отсюда не следует, что эта ассоциация будет лишена внутренней структуры. Ячейками последней явятся локальные ассоциации — коллективы территориально-производственных комплексов. Вероятно, в этих комплексах существенно возрастет значение территориального пачала, поскольку именно в рамках региона, а не отдельных предприятий можно создать равные благоприятные условия для деятельности людей в свободное время, объем которой значительно возрастет и превысит объем трудовой деятельности в рабочее время. Товарищеское сотрудничество общественных индивидов внутри каждой локальной ассоциации и самих этих ассоциаций, обмен опытом и результатами творческой деятельности между ними будут знаменовать собой расцвет коллективистских отношений.

5. Семья

Строительство социализма и коммунизма означает коренное преобразование не только экономической основы и политического строя общества, но и быта людей, т. е. той области социальной жизни общества, содержанием которой является организация непроизводственного потребления и обслуживания. Об огромной важности быта и его значения свидетельствует хотя бы тот факт, что в современном социалистическом обществе человек посвящает ему в среднем значительно больше времени (в пределах недельного бюджета), чем производству и общественно-политической деятельности. В перспективе по мере совершенствования общественного производства, сокращения непосредственно рабочего времени роль быта в становлении и развитии человеческой личности и человеческих взаимоотношений будет возрастать. Поскольку одной из ведущих форм жизнедеятельности людей выступает здесь семья, постольку семейные и бытовые отношения соподчинены между собой, составляют единую систему семейно-бытовых отношений.

На протяжении многих столетий семья является необходимым элементом социальной структуры общества, осуществляя на каждом этапе исторического развития функцию огромной важности — производство самого человека, продолжение рода¹⁰⁹. Представляя собой «отношение между мужем и женой, родителями и детьми»¹¹², семья функционирует как социальная ячейка — устойчивое социальное образование, ибо воспитание детей, подготовка их к различным видам общественной деятельности требует стабильного, систематического воздействия родителей, старших родственников на формирующуюся личность. Другими словами, семья активно участвует в воспроизводстве наряду с физическим существованием индивидов и определенного образа их жизни¹¹³. В свою очередь, содержание и направленность ее социальных функций, сам характер семейно-бытовых отношений в конечном счете зависят от экономического базиса общества, а в условиях антагонистических формаций — и классовой принадлежности семьи. Причем экономические факторы воздействуют на брак и семью и непосредственно и косвенно, через политику, право, религию, мораль, искусство. В связи с этим семейно-бытовые отношения даже в пределах одной общественно-экономической формации и одного класса далеко не однозначно отражают общественный строй, обладают относительной самостоятельностью в своем развитии.

Если при философском рассмотрении семья обычно описывается в терминах «элемент социальной структуры», «ячейка обще-

¹⁰⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 213.

¹¹⁰ Там же, т. 4, с. 336.

¹¹¹ См.: Там же, т. 21, с. 26.

¹¹² Там же, т. 3, с. 27.

¹¹³ См.: Там же, с. 19.

ства», «форма социальной общности», то при социологическом анализе для определения семьи чаще используются понятия института и группы. Категория «социальный институт» обозначает в данном случае общественные явления, в существовании и функционировании которых решающая роль принадлежит более широкому, общему, «внешнему» по отношению к ним потребностям и интересам. В социологической литературе понятие «институт» нередко употребляется как тождественное понятию «норма». В таком смысле (что также надо иметь в виду) оно распространяется и на социальные образования, возникающие (создаваемые) в соответствии с этими нормами. Наряду с исторически сложившимся, закрепленным в правовых и нравственных нормах регулированием семейной жизни в отношениях между полами, родителями и детьми спонтанно возникали и формы, непосредственно порождаемые межличностным взаимодействием. Для обозначения результатов подобного взаимодействия в современной социологии и употребляется понятие группы.

Различение и тем более противопоставление института и группы во многом относительно, поскольку в самой общественной жизни нет ни «чистых» институтов, ни «чистых» групп, а есть лишь явления, в которых преобладает та или иная из этих характеристик (при наличии обеих). Кроме того, сам исходный пункт выделения института и группы — нетождественность общего (классового) и личного интересов — определяется в конечном счете господствующим типом производственных отношений и варьирует от острейших форм антагонизма до гармонии. В буржуазном обществе, например, социальный институт и группа нередко выступают в виде полюсов антагонистического противоречия. В развитом же социалистическом обществе при наличии единства наиболее существенных, главных интересов общества и личности возможно лишь их частичное расхождение.

В семье обнаруживает себя естественная и социальная, индивидуальная и общественная формы необходимости. Их диалектика такова: чем большее развитие получает гуманистическая, нравственно-эстетическая культура, тем в большей степени в отношениях мужчины и женщины веление природы превращается в момент их духовного единения, физиологическое содержание этих отношений «снимается» социальным. Социализация сексуального поведения осуществляется и через правовые, нравственные и т. д. нормы, и через социальные факторы, непосредственно воздействующие на психику мужчины и женщины, прежде всего через социальную среду. Характер социальной среды определяет направленность социализации. Среда, благоприятствующая развитию и духовному обогащению личности, возвышению ее потребностей, тем самым духовно обогащает и отношения между полами, возвышая их до чувства любви, в котором противоположный пол как таковой идентифицируется с конкретной человеческой индивидуальностью, ее не только физическими, но и нравственными, эстетическими свойствами. Когда же социальные условия огра-

ничивают и извращают развитие личности, важнейшим компонентом социализации половых отношений становится гипертрофия их сексуально-гедонистической функции путем отчуждения последней от духовных потребностей индивида, материнства и отцовства.

Американский социолог Д. Гутман не без оснований связывает тенденцию к замене подлинной интимности «мимолетными контактами» со стремлением определенных социально-психологических групп во что бы то ни стало избежать глубоких привязанностей и трагических переживаний, сопровождающих бесповоротный выбор самого себя и другого. Однако, по его мнению, это в конечном счете приводит к феномену «одиноким толпы», к коренной изолированности индивида «под покровом внешних форм сближения и связи»¹¹⁴. Об этом же еще в 1970 г. писал и Д. Райт, предсказывая, что так называемое сексуальное освобождение послужит развитию чувств беспомощности, одиночества, замешательства и самоотчуждения¹¹⁵.

Сравнивая животное, т. е. чисто инстинктивное, и человеческое поведение, К. Маркс, на что уже обращалось внимание в первой части нашего труда, писал: «Животное непосредственно тождественно со своей жизнедеятельностью. Оно не отличает себя от своей жизнедеятельности. Оно есть *эта жизнедеятельность*. Человек же делает самое свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания. Его жизнедеятельность — сознательная»¹¹⁶. Поэтому выражение «ведет себя как животное» имеет лишь метафорический смысл. Человеческое поведение, вплоть до удовлетворения круга природных (родственных всему живому) потребностей, обусловлено социальными факторами, ибо оно сознательно. И сколько бы ни был низмен человеческий поступок, за ним стоят в конечном счете те или иные социальные обстоятельства. В природе нет низменного, так как в ней все естественно. Нарушение меры естественного возможно только у человека. В то же время в индивидуальном человеческом поведении нет ничего, что было бы детерминировано только способом производства материальной жизни, в условиях которого индивид живет и развивается. Все опосредуется сознанием, связано со способом производства через тип социальной среды, культуры. «Отношения между людьми, — считал по воспоминаниям современников В. И. Ленин, — не являются просто выражением игры между общественной экономикой и физической потребностью. Было бы не марксизмом, а рационализмом стремиться свести непосредственно к экономическому базису общества изменение этих отношений самих по себе, выделенных из общей связи их со всей идеологией»¹¹⁷.

¹¹⁴ Gutman D. The New Mythologies and Premature Aging in the Youth Culture. — Social Research, 1973, vol. 10, N 2.

¹¹⁵ См.: Life, 1970, N 11.

¹¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 93.

¹¹⁷ Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1969, т. 5, с. 47.

Нагляднее всего воздействие экономики на характер отношений между полами проявилось в условиях первобытнообщинного строя, а затем — в процессе становления частнособственнической моногамии. Однако уже при переходе от группового к парному браку впервые заявили о себе и успехи духовного развития человеческой личности¹¹⁸. Ф. Энгельс писал: «Чем больше с развитием экономических условий жизни, следовательно, с разложением древнего коммунизма и увеличением плотности населения унаследованные издревле отношения между полами утрачивали свой наивный первобытный характер, тем больше они должны были казаться женщинам унижительными и тягостными; тем настойчивее должны были женщины добиваться, как избавления, права на целомудрие, на временный или постоянный брак лишь с одним мужчиной»¹¹⁹.

Частная собственность породила, с одной стороны, утилитарную потребность в единобрачии (наследование и накопление богатства), с другой, — возможность принудительного обеспечения верности жены в моногамном браке (зависимое положение женщины, связанное с резким уменьшением роли женщины в общественном производстве). Как всякое принуждение частнособственническая моногамия вызвала к жизни двойную мораль. В отношениях между полами она изменила лишь формы полигамных связей, стимулировав, в частности, распространение адюльтера и проституции.

Было бы грубым упрощением связывать становление единобрачия лишь с частнособственническим интересом. Во-первых, частнособственнические отношения в ряде стран закрепили не единобрачие, а многоженство, лишь лишь раз подтвердив правоту марксистского вывода о том, что в эксплуататорском обществе брак и семья (как и сама человеческая личность) не цель, а средство. Во-вторых, на что обращал внимание Ф. Энгельс, развитие нравственной и эстетической культуры на основе общественного прогресса вело к вытеснению полигамных форм брака моногамными уже в рамках первобытного строя. Частная собственность ускорила и одновременно извратила этот процесс, форсировала развитие отчужденной разновидности моногамии, в которой человеческие стремления, к счастью, оттесняются и подавляются соображением выгоды, расчетом. Иначе говоря, эксплуататорский строй порождает тенденцию превращения семьи (формы организации совместной жизни мужчины и женщины и первичной социализации ребенка) в один из элементов механизма функционирования частной собственности.

С возникновением моногамии резко усилились роль родителей в воспитании детей и их ответственность за это воспитание. Общество и государство стали все больше воздействовать на брачные отношения, повышая в них роль социального фактора. Моногамия уже в ее наиболее грубой частнособственнической форме оказала решающее влияние на формирование таких нравственных понятий и соответствующих им чувств, как супружеский и роди-

тельский долг, честь и достоинство семьи, понятий, сыгравших большую роль в дальнейшем развитии, облагораживании семейно-бытовых отношений.

Первой формой частнособственнической моногамной семьи была патриархальная семья. Она характеризовалась фактически ничем не ограниченной деспотической властью отца над всеми ее членами, и прежде всего над женщинами. Развитие рабовладения предоставило мужчинам-собственникам огромные возможности для приобретения наложниц, в то время как их жены должны были довольствоваться затворнической жизнью в специальных женских половинах под бдительной охраной слуг¹²⁰. Моногамия рабовладельцев переросла в ряде стран в узаконенное многоженство.

Феодалная семья в Европе стала преемницей (наряду с рабовладельческой семьей) и брачно-семейных отношений, существовавших у «варварских народов». Власть мужа в семье в эпоху феодализма облекается уже в более мягкие формы. Образ жизни феодалов давал женщинам больше самостоятельности в ведении хозяйства и воспитании детей. Эта прогрессивная в истории семьи тенденция сталкивалась при феодализме с другой тенденцией: жены крестьян и ремесленников оказывались фактически беззащитны против домогательств феодалов. В ряде стран существовало так называемое право «первой ночи» и другие унижительные обычаи¹²¹.

При капитализме роль семьи, ее ценность определяются в глазах буржуазии главным образом ее участием в воспроизводстве и укреплении частной собственности, обеспечении того, чтобы накопление происходило определенным и упорядоченным способом от поколения к поколению¹²². Все другие виды деятельности буржуазной семьи, включая воспитание детей, зависят от этой функции, подчиняются ей. Буржуазная брачно-семейная практика, находя свое отражение и оправдание в нормах господствующей буржуазной нравственности, оказывает при капитализме

¹¹⁸ См.: *Семенов Ю. И.* Происхождение брака и семьи. М., 1974.

¹¹⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 56.

¹²⁰ В известном кодексе царя Хаммурапи говорится: «Если человеку его супруга родит детей и его рабыня (также родит детей) и (отец при своей жизни скажет детям, рожденным ему рабыней: «Мои дети», причислит их к детям супруги, а потом отец умрет, дети супруги и дети рабыни должны делить между собою имущество в доме их отца поровну» (Цит. по: *Харчев А. Г.* Брак и семья в СССР. М., 1979, с. 52).

¹²¹ Хроника русской жизни даже в XIX в. была богата такими, например, фактами. Помещик Страшинский «отнимал жен у своих крестьян, растлевая девушек, из которых иные были 12—14 лет; две девочки умерли от изнасилования». О смоленском помещике Каленове один из его родственников писал: «Само собой разумеется, что весь женский персонал в его вотчине был в полном и постоянном распоряжении пана, и еще до сих пор по деревням, принадлежащим Каленову, можно встретить черты лица, когда-то для них грозные» (*Игнатов И. И.* Помещичьи крестьяне накануне освобождения. М., 1910, с. 213).

¹²² См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 78.

существенное влияние на брачно-семейные отношения в среде других классов. Но семья, в которой ведущий интерес — интерес накопительства, не может быть прочной за счет своих внутренних возможностей. Характеризуя собственническую моногамию, Ф. Энгельс отмечал, что она «появляется как порабощение одного пола другим, как провозглашение неведомого до тех пор во всей предшествующей истории противоречия между полами»¹²³. В буржуазной семье подобный антагонизм достигает крайнего обострения, хотя по сравнению с предшествующими эпохами и принимает более утонченные формы.

Далеко не случайно, что по мере ослабления внешних «обручей», скрепляющих собственническую семью (законодательное запрещение разводов, экономическая зависимость и социально-правовое неравенство женщины, религиозный запрет и т. д.), усиливается процесс размывания границ между браком и внебрачными связями. Возникшее таким образом противоречие сказывается и на всех других сторонах взаимоотношений между полами, в том числе на нравственных позициях женщины в браке, их самооценке и т. д. даже у тех классов и социальных слоев, которые не связаны непосредственно с частной собственностью. Соответственно умножаются попытки — прежде всего со стороны различного рода «левых» и анархизирующих теоретиков — найти альтернативу семье и тем ценностям культуры, которые ее символизируют.

Между тем реальный прогресс в отношениях между полами при капитализме связан не со «свободной любовью», а с социальной активностью женщин. Нуждаясь в дешевых рабочих руках, крупная промышленность широко открывает двери перед женским трудом и все энергичнее вовлекает его в общественное производство. Работа на капиталистическом предприятии превращает женщину в объект эксплуатации со стороны хозяина, однако она дает ей и относительную (учитывая сохраняющуюся дискриминацию женского труда) экономическую независимость по отношению к отцу, мужу, всей мужской «элите» внутри семьи и таким путем подрывает одну из важнейших основ частнособственнической моногамии, создает предпосылки для более гуманной, социалистической формы единобрачия, по словам В. И. Ленина, пролетарского гражданского брака с любовью¹²⁴.

Кризис собственнической семьи, дезорганизация брачно-семейных отношений в современном буржуазном обществе имеют практически ту же экономическую базу, на которой происходит ее развитие, параллельно, а подчас и во взаимодействии с ним. Важное место занимают здесь и такие явления, как сужение границ семьи, ее «нуклеаризация», уменьшение роли внешнего давления и контроля в отношениях между полами в связи с урбанизацией, ослабление позиций «двойного стандарта» в оценках поведения мужчин и женщин, возрастание социального престижа таких моральных ценностей, как любовь и счастье, эгалитаризация («демократизация») семейной структуры, т. е. отмирание авторитар-

ной, принудительной власти мужчины — главы семьи и «семейной иерархии», предполагающей подчинение женщин и мужчин младшего поколения старшему.

Социализм, уничтожая господство частнособственнических отношений, все формы эксплуатации и угнетения, антагонизм классов, общественных и личных интересов, устраняет общественные причины дезорганизации семьи. Он открывает широчайшие возможности для проявления и усиления прогрессивных тенденций в ее развитии. В ходе социалистической индустриализации, кооперирования сельского хозяйства, культурной революции, утверждения равноправия женщин, повышения социальной активности создаются объективные условия для превращения семьи из собственническо-индивидуалистической ячейки в добровольный, равноправный союз мужчины и женщины. Его главная цель — организация их совместной жизни и воспитания детей. Социалистическая семья, отмечали еще К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин, может быть только моногамной семьей, нравственную основу которой составляют супружеская и родительская любовь, взаимная поддержка и взаимопомощь, высокое сознание общественного и гражданского долга каждым членом семейного коллектива. Прочность социалистической семьи непосредственно зависит от воспитания и воспитанности людей, уровня их культуры.

Достигнутое при социализме социальное равенство мужчины и женщины неизбежно ведет к тому, что решение вопросов, связанных с организацией семейного быта, отдыха, воспитания детей, становится прерогативой не только мужа, но и жены. Семейная власть в старом значении этого слова в виде безраздельного господства мужа заменяется нравственным авторитетом, посетителями которого в большинстве социалистических семей становятся оба супруга и который основывается не на физическом или экономическом преобладании, а на доверии к опыту и нравственным качествам человека. Существенная особенность социалистической семьи состоит также в том, что ее интересы находятся в единстве с интересами всего общества. Поэтому семейное воспитание детей приобретает глубокий общественный смысл и пользуется общественной поддержкой. Это находит выражение в социальной политике социалистического государства, его заботе о семье, осуществляемой «путем создания и развития широкой сети детских учреждений, организации и совершенствования службы быта и общественного питания, выплаты пособий по случаю рождения ребенка, предоставления пособий и льгот многодетным семьям»¹²⁵.

Таким образом, победа социализма означает создание возможности качественно нового, высшего этапа исторического развития

¹²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 68.

¹²⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 56.

¹²⁵ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1980, с. 23.

брачно-семейных отношений. Вместе с тем данные статистики, социологических, демографических и юридических исследований свидетельствуют о том, что наряду с семьями, образ жизни которых в полной мере соответствует требованиям коммунистической морали, есть еще и такие семьи, в жизнедеятельности которых возможности социализма не находят полного и всестороннего выражения или даже извращаются. Бесспорно, что это обстоятельство сказывается как на прочности и нравственно-психологической атмосфере таких семей, так и на моральном облике детей. Встает закономерный вопрос: чем обусловлено подобное противоречие между возможностями социализма и реальной ситуацией, возникающей в области семейно-бытовых отношений.

Еще К. Маркс и Ф. Энгельс предвидели огромные трудности на пути социалистического преобразования семейно-бытовых отношений, обусловленные прежде всего ценностью старых собственных и мелочных традиций. В Советском Союзе такие трудности были усугублены сначала экономической разрухой, культурной отсталостью масс, затем последствиями второй мировой войны и фашистской оккупации значительной территории страны. Ориентация советского общества на развитие и всемерное укрепление семьи длительное время не могла получить всестороннего осуществления из-за крайне сложной обстановки, в которой находилась страна. В результате социалистические преобразования не всегда адекватно отражались в отношениях полов и жизнедеятельности семьи, тем более что это определялось наряду с общественным строем и количественными соотношениями мужчин и женщин брачного возраста.

Одна только демографическая диспропорция, возникшая после гражданской войны и достигшая поистине трагических размеров к 1945 г., создала такие трудности в развитии и укреплении семьи, которые не удалось полностью преодолеть до сих пор. К тому же их сохранению способствует известная инерция сознания, а также миграция населения. Помимо того что миграционные процессы отрываю людей от привычного социального окружения и расшатывают уже сложившиеся «механизмы» поведения, они создают подчас локальные демографические диспропорции, обуславливая преобладание в одних регионах мужского, в других — женского населения. Все это не может не сказываться и на добрых отношениях современной молодежи и на стабильности заключаемых браков.

Существенно ухудшает нравственно-психологическую атмосферу супружества и достигающая иногда большой остроты коллизия между профессиональной работой и семейными обязанностями женщины. Основным источником данной коллизии — продолжающееся отставание общественного бытового обслуживания от потребностей семей, в которых оба супруга заняты общественным трудом (таких семей сейчас подавляющее большинство). Это отставание отражается не только на прочности семьи, но и на культурном росте населения (из-за громадных потерь в нерабоче-

го времени), на профессиональном труде (из-за перегрузок, особенно женщин, в домашнем хозяйстве), на психике, настроении, образе мыслей и жизни людей. В итоге проблемы организации общественного быта становятся проблемами наряду с экономической и демографической политикой и идеологической жизнедеятельностью общества.

Среди противоречий современной социалистической семьи есть и такие, которые, как это ни парадоксально звучит, порождены успехами социализма, повышением требовательности людей друг к другу, к своим взаимоотношениям, к браку и семье, принципиальным изменениям самого статуса брака и связанных с ним ожиданий. Укрепление экономической самостоятельности и социального равноправия женщины вместе с освобождением брачных отношений от материальной зависимости значительно повышают уровень требований к брачному союзу как «союзу сердец», а не имуществ. Соответственно, связанные с браком ожидания все больше конституируются в виде ожидания счастливого супружества, немалого увеличивая «удельный вес», с одной стороны, нравственно-психологической гармонии, с другой — нравственно-психологических коллизий и конфликтов. Такие обиды, которые в прежней семье просто не замечались, конфликты, которые сравнительно легко улаживались (и тем легче, чем меньше уважались и учитывались интересы женщины), в социалистической семье выдвинулись на первый план, создали перманентную угрозу самому единству семейного коллектива.

И чем утонченнее становится человек как личность, чем ранимее становятся его чувства, тем большую опасность представляют эти психологические факторы для прочности и целостности семьи. Завышая связанные с браком ожидания, любовь, будучи одной из главных основ супружества и семьи, далеко не всегда оказывается способной противостоять действующим в семье центробежным силам, поскольку сила и интенсивность ее, в свою очередь, зависят от индивидуальных качеств личности, в частности от развития ее духовных потребностей, нравственной зрелости, эмоциональной культуры. Все это показывает, как необходимы и актуальны предпринимаемые в нашей стране в соответствии с решениями XXV и XXVI съездов КПСС меры по активизации демографической политики, совершенствованию воспитания молодежи, подготовки ее к браку и семейной жизни, увеличению как экономической, так и психологической помощи семье.

Вместе с обоснованием современной наукой огромной и незаменимой роли семьи в виде воспроизводительницы человеческого рода, все большую тревогу вызывают такие симптомы снижения эффективности ее функции, как рост внебрачной рождаемости, уменьшение числа детей в отдельных группах семей (преимущественно городских), увеличение доли случаев аморального и анти-социального поведения подростков, источниками которого становятся изъяны семейного воспитания. Одновременно увеличивается число лиц брачного возраста, не состоящих в браке (среди

мужчин 20—30 лет таких примерно четвертая часть, 30—35 лет — примерно 15%). Ситуация усугубляется и тем обстоятельством, что после развода вступает в новый брак лишь менее половины оставшихся в одиночестве супругов. Отсюда известная почва для распространения внебрачных связей, втягивания в них молодежи, существенное ухудшение условий воспитания нового поколения.

Рост числа малодетных и бездетных семей наиболее характерен для высокоурбанизированных районов страны и больших городов. Вследствие этого воспроизводство населения в масштабе страны стало неравномерным: оно существенно превышает среднюю норму в республиках Средней Азии и отчасти Закавказья и значительно ниже этой нормы в ряде областей и городов РСФСР, Украины, Эстонии и Латвии.

Социологи и демографы, занимающиеся изучением динамики рождаемости, связывают ее современное состояние прежде всего с качественным изменением типа воспроизводства населения в условиях научно-технической революции, урбанизации и все большего вовлечения женщины в профессиональную деятельность. Причем «обследования фиксируют обратную связь уровня рождаемости с занятостью женщин, их образованием и квалификацией»¹²⁸. На рождаемости сказываются и такие факторы, как степень приверженности супругов традициям многодетности (прямая зависимость), присущий социальной группе стандарт материального обеспечения детей (обратная зависимость), материальное благосостояние группы (характер влияния последнего зависит от других обстоятельств, в частности ценностных ориентаций супругов). В ряде работ особо отмечается негативное влияние на рождаемость тех трудностей и противоречий, которые пока сохраняются в экономической жизни страны (нехватка жилья, отставание бытового обслуживания), а также остатков мещанской психологии, которая обычно решает альтернативу: дети или возрастание собственного благополучия в пользу второго.

Социологические исследования, проведенные в Советском Союзе в 60—70-х годах, выявили, что эффективность семейного воспитания зависит главным образом от таких характеристик семьи, как ее состав (полная — неполная), нравственно-психологический климат, социальная ориентация, личный пример родителей, их общая и педагогическая культура, время и характер семейного общения каждого из них с детьми. Главная в нашем обществе воспроизводительная функция семьи — если под воспроизводством населения понимать не только его количественную, но и качественную сторону — оказывается связанной с целым комплексом экономических и духовно-идеологических факторов. Эффективно стимулировать эту имеющую огромную социальную важность функцию можно лишь воздействуя на каждый из них.

На современном этапе развития советского общества количество времени, которое может уделять семья детям (один из решающих моментов и планирования рождаемости и семейного вос-

питания), зависит прежде всего от организации быта. Бытовой труд (уход за детьми и престарелыми, приготовление пищи, поддержание чистоты и порядка в помещении, стирка и т. д.) есть разновидность общественно необходимого труда, одно из условий воспроизводства и функционирования рабочей силы как главного элемента производительных сил. Однако его социальная оценка на протяжении всей (по крайней мере писаной) истории была значительно ниже реальной общественной ценности. Это можно объяснить тем, что, во-первых, в процессе бытового труда не производится новых продуктов, а сами результаты относительно недолговечны; во-вторых, этот труд в условиях эксплуататорского общества был в основном уделом женщин, которые со времени установления господства частной собственности попали сначала в зависимость, затем в подчинение мужской «элите». Бытовой труд женщины в семье В. И. Ленин называл «работою до дикости непроизводительною, мелочною, изнервляющею, отупляющею, забивающею»¹²⁷.

Степень развития внесемейного бытового обслуживания (сервиса) и соответственно освобождения семьи хотя бы от части бытовых работ можно рассматривать в качестве одной из граней, сторон общественного прогресса. То, что в настоящее время затраты на бытовой труд существенно превышают рациональные нормы, что часть семей, особенно молодых, испытывает трудности с жильем, нуждается в кредитах для приобретения дорогостоящих вещей длительного пользования, существенно сдерживает процесс развития и укрепления семьи. Не случайно решения XXVI съезда КПСС предусматривают кардинальные изменения ситуации в этой области, что самым благотворным образом скажется на состоянии семейно-бытовых отношений. Среди намеченных съездом мер наибольшее значение для жизнедеятельности семьи имеют: дальнейшее возрастание материального благосостояния, форсирование жилищного строительства, повышение эффективности и качества бытового обслуживания, расширение сети детских учреждений и улучшение их работы, помощь молодым семьям, материальное и моральное поощрение рождаемости (начиная со второго ребенка), усиление охраны здоровья населения, особенно профилактика заболеваний, и др.¹²⁸

Однако рост материальных возможностей семьи может стать основой и роста ее социальной активности и рецидивов мещанской, мелкобуржуазной психологии. Поэтому в современный период особенно актуализируется проблема формирования и развития духовных потребностей населения, его приобщения к социалистическим духовным ценностям, создания сети родительского всеобуча, консультаций, помогающих супругам в мораль-

¹²⁶ Дарский Л. Е. Социально-демографические исследования проблем рождаемости.— Социол. исслед., 1979, № 3, с. 12.

¹²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 24.

¹²⁸ См.: Материалы XXVI съезда КПСС, с. 181—183.

но-психологической адаптации, в прогнозировании и планировании материнства и отцовства, в воспитании детей.

Чем активнее будут действия общественности, партийных и профсоюзных организаций, трудовых коллективов, направленные на упрочение семьи и повышение ее нравственно-воспитательного потенциала, тем меньше потребует времени, сил и средств воспитательная работа на последующих этапах, тем больше сузится круг людей, которых надо перевоспитывать, принуждать к выполнению гражданских обязанностей и норм социалистического общежития. Каждое лишнее усилие, потраченное обществом на помощь семье, многократно окупается на протяжении жизни одного поколения, каждое же упущение в этой области чревато потерями не только для нашего, но и для будущего поколений. Оптимизация данного процесса в теоретическом и методологическом планах требует всестороннего учета более широкого круга вопросов — диалектики общества и личности.

ОБЩЕСТВО И ЛИЧНОСТЬ

1. Проблема человека как проблема производства и воспроизводства непосредственной жизни

Производство и воспроизводство непосредственной жизни охватывает собой два круга явлений: производство средств жизни и производство самих индивидов. Другими словами, производство людьми собственной жизни посредством труда и чужой жизни посредством рождения. Вопрос о производстве и воспроизводстве непосредственной жизни впервые был поставлен К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Немецкой идеологии»¹. В дальнейшем Ф. Энгельс специально возвращается к данному вопросу в предисловии к первому изданию «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

В свое время буржуазные социологи и историки П. Вейзенгрюн (Германия), Н. И. Кареев и Н. К. Михайловский (Россия) объявили отмеченное предисловие Ф. Энгельса кризисом экономического материализма, за который они выдавали исторический материализм, а самого Ф. Энгельса представляли чуть ли не идеалистом. Все это заставило В. И. Ленина² и Г. В. Плеханова³ еще тогда (в 90-х годах прошлого века) выступить в защиту положений, сформулированных Ф. Энгельсом, с научной критикой его «критиков». Позже «поправки» к предисловию Ф. Энгельса пытаются делать теоретики немецких правых социал-демократов. К. Каутский, в частности, выдвигая азбучные положения, поучал Ф. Энгельса: «Производство людей — фактор не равносильный производству средств существования, а зависящий от него»⁴. Отвечая на все подобные суждения, В. И. Ленин в лекции «О государстве» говорил о книге Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»: «Это — одно из основных сочинений современного социализма, в котором можно с доверием отнестись к каждой фразе, с доверием, что каждая фраза сказана не наобум, а написана на основании громадного исторического и политического материала»⁵.

«Уточнение» и «поправки» формулировок Ф. Энгельса не имеют ничего общего с материалистическим пониманием истории. Но каков действительный смысл столь примечательного положения

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 28.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 148—154.

³ См.: Плеханов Г. В. Избр. философ. произв. М., 1956, т. 1, с. 617—619.

⁴ Каутский К. Соч. М.; Пг., 1923, т. 12, с. 119.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

Ф. Энгельса? Данный вопрос обсуждается в марксистской литературе и в наши дни⁶.

Чтобы разобраться в существе проблемы, приведем вначале слова самого Ф. Энгельса: «Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны — производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода. Общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обуславливаются обоими видами производства: ступенью развития, с одной стороны — труда, с другой — семьи. Чем меньше развит труд, чем более ограничено количество его продуктов, а следовательно, и богатство общества, тем сильнее проявляется зависимость общественного строя от родовых связей. Между тем, в рамках этой, основанной на родовых связях структуры общества все больше и больше развивается производительность труда, а вместе с ней — частная собственность и обмен, имущественные различия, возможность пользоваться чужой рабочей силой и тем самым основа классовых противоречий ... Старое общество, покоящееся на родовых объединениях, взрывается в результате столкновения новообразовавшихся общественных классов; его место заступает новое общество, организованное в государство, низшими звеньями которого являются уже не родовые, а территориальные объединения, — общество, в котором семейный строй полностью подчинен отношениям собственности и в котором отныне свободно разворачиваются классовые противоречия и классовая борьба, составляющие содержание всей *писаной* истории вплоть до нашего времени»⁷.

Итак, Ф. Энгельс обращает внимание на следующее. Во-первых, определяющим моментом в истории в конечном счете выступает производство и воспроизводство непосредственной жизни, представляющие собой производство материальных средств жизни и производство индивидов; общественные порядки определенной эпохи и определенной страны обуславливаются обоими видами производства. Во-вторых, степень воздействия того и другого производства на общественные порядки зависит от степени развития, с одной стороны, труда, с другой — семьи; чем меньше развит труд, тем сильнее обнаруживается зависимость общественных порядков от родовых связей. В-третьих, с возникновением частной собственности, классов, классовой борьбы, государства кровнородственные связи уступают место территориальному объединению людей; возникают такие общественные порядки, где семейный строй полностью подчинен отношениям собственности.

Сформулированная Ф. Энгельсом концепция производства и воспроизводства непосредственной жизни обладает признаком всеобщего. Она является обобщением исторического процесса, в равной мере учитывающим специфику всех общественно-эконо-

мических формаций. Вместе с тем выведение общественных порядков из производства непосредственной жизни независимо от исторической конкретизации ступени развития труда и семьи становится пустой абстракцией. В условиях родовой организации семейные отношения⁸ представляют собой специфическое средство выражения производственных отношений. Отсюда и соответствующие особенности общественной жизни, при которых экономический и семейный строй (как это сохраняется в последующие эпохи в патриархальном укладе) совпадают друг с другом.

Разложение первобытнообщинной организации и утверждение классового общества проводят грань между экономическим и семейным строем. В условиях территориального объединения людей производственные отношения обретают отличную от семейных отношений форму бытия. Они всецело подчиняют себе семейные отношения, сводя влияние производства индивидов на порядки общественной жизни к минимуму. Причем независимо от того, являются ли семейные отношения средством выражения производственных отношений или производственные отношения выступают исключительно в виде определяющих моментов общественной формы семьи, развитие самой семьи всегда зависит от развития производства материальных средств жизни. Не случайно К. Маркс возражал против абстрактного закона пародонаселения и обращал внимание на то, что «всякому исторически особенному способу производства в действительности свойственны свои особенные, имеющие исторический характер законы народонаселения»⁹. Поэтому отношения по производству индивидов нельзя рассматривать как отношения одного порядка с экономическими отношениями, безоговорочно включать их в систему общественного бытия. Такой подход, подобно подходу, ограничивающему положения, сформулированные Ф. Энгельсом, только

⁶ См.: *Крапивенский С. Э.* По поводу так называемой ошибки Энгельса.— *Филос. науки*, 1963, № 2; *Панов В. Г.* Что следует понимать под производством и воспроизводством непосредственной жизни общества.— *Филос. науки*, 1963, № 3; *Он же.* К вопросу о месте человека в общественном развитии.— *Уч. зап. МГЗПИ*. М., 1971, вып. 32; *Попова А. Л.* О роли производства и воспроизводства непосредственной жизни в развитии общества.— В кн.: *Вопр. философии и психологии*. Л., 1965. Вып. 1; *Семенов Ю. И.* Возникновение общественных отношений.— В кн.: *У истоков человечества*. М., 1965; *Плетников Ю. К.* О природе социальной формы движения. М., 1971; *Бачешкина Т. И.* Постановка вопроса о производстве и воспроизводстве непосредственной жизни в марксистской литературе.— В кн.: *Философские исследования*. М., 1975, вып. 1; *Ковалев А. М.* Общество и законы его развития. М., 1975; *Он же.* Диалектика способа производства общественной жизни. М., 1982; *Бородин Е. Т.* Производство и воспроизводство непосредственной жизни общества.— *Филос. науки*, 1976, № 2; *Он же.* Проблема возникновения производства непосредственной жизни общества.— *Филос. науки*, 1980, № 6.

⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 25—26.

⁸ Речь идет о семейных отношениях в широком смысле слова как семейно-брачных и кровнородственных отношениях. Экзогамия внутри рода превращает семейный строй в дуально-родовую организацию,

⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 646.

первобытпообщинным обществом, не учитывает основной идеи его концепции — обусловленность общественных порядков не просто производством индивидов, а ступенью развития труда и семьи, их исторически конкретным единством, в котором труд и семья, взятые сами по себе с точки зрения воздействия на общественные порядки, играют далеко не одинаковую роль.

Об особом месте системы семейных отношений в структуре общественного бытия можно говорить лишь тогда, когда они представляют собой средства выражения производственных отношений. Применительно же к общественным укладам, где семейный строй подчинен отношениям собственности, всеобщее (определяющая роль в общественных порядках производства и воспроизводства непосредственной жизни) сводится к особенному — определяющей роли производства и воспроизводства материальных жизненных средств или, иначе, особенное приобретает значение всеобщего. В связи с этим становится понятным, почему Ф. Энгельс, рассматривая территориальные объединения людей, подчеркивал обусловленность общественных порядков только общественным способом производства. Упрекать Ф. Энгельса в том, что он ставит в один ряд производство средств к жизни и продолжение рода, — значит не понимать самой сути развитой им концепции.

Применительно к материальной основе жизни общества (производству материальных средств жизни) производство и воспроизводство индивидов есть производство и воспроизводство личного фактора процесса труда — субъектов, целесообразные действия которых должны соответствовать специфике наличных средств производства. Уже с этой точки зрения продолжение человеческого рода нельзя сводить только к факту деторождения. Еще Гегель обращал внимание на то, что духовное развитие индивида в процессе становления в снятом виде повторяет историю цивилизации. «... В педагогических успехах, — писал он, — мы узнаем набросанную как бы в сжатом очерке историю образования всего мира»¹⁰.

Духовный и нравственный облик индивида, его индивидуальное сознание и соответствие действий конкретной ситуации предопределяются в качестве исходного момента состоянием общества. Генетический аспект данной проблемы был обоснован советским психологом Л. С. Выготским в развитой им теории высших психических функций как интериоризованных (превращенных во внутреннее состояние индивидуальной психики) общественных отношений. «Человек, — резюмировал он свои исследования, — и наедине с собой сохраняет функции общения»¹¹. Известны примеры, когда дети в силу ряда обстоятельств оказывались изолированными от человеческого общения. В умственном развитии таких детей всякий раз происходили необратимые процессы, вследствие которых, несмотря на все усилия в дальнейшем со стороны воспитателей, они не становились психически полноценными людьми¹². Известны и другие примеры, когда дети самых

отсталых племен, с грудного возраста воспитываясь в цивилизованном обществе, успешно достигали вершин современной культуры¹³. Специальные исследования доказывают и то, что у монозиготных близнецов, обладающих идентичной наследственностью, под влиянием воспитания в разной среде развиваются различные «психологические профили». В связи с этим нельзя не согласиться с выводом известного советского психолога А. Н. Леонтьева: «Виртуально мозг заключает в себе не те или иные специфически человеческие способности, а лишь *способность к формированию этих способностей*»¹⁴. Речь, следовательно, идет об особых средствах закрепления и передачи от поколения к поколению жизненного опыта, принципиально отличных от аналогичных средств биологического развития.

Биологические организмы обладают информацией генетической (видовой) и накопленной (индивидуальной). Причем устойчивость организма требует сведения генетической информации к минимуму, ибо чем меньше объем генетической информации, тем в меньшей степени вероятны отрицательные для жизнедеятельности организма и вида в целом искажения информации, хотя полностью в силу статистической природы механизма биологической наследственности подобные мутации исключить невозможно. Сведение генетической информации к минимуму — один из моментов естественного отбора, выработанный многочисленными поколениями организмов в результате длительного взаимодействия с окружающей средой.

Однако именно поэтому уже применительно к высшим животным наследственная связь становится в некоторых случаях недостаточной. Отсюда у отдельных видов животных зачатки дополнительного механизма — передача информации от поколения к поколению через общение: конкретное поведение, с одной стороны, и подражание этому поведению — с другой. Подобная форма передачи информации способствует при смене поколений выработке условных рефлексов, ускоряя накопление соответствующих навыков. Но таким путем передается информация, имеющая по отношению к генетической информации всецело подчиненный характер. Отсутствие или недостаток подобной информации более или менее успешно возмещается организмом в процессе его жизнедеятельности. Передача осознанного, обобщенного опыта — атрибут общественного развития.

Под опытом в широком смысле слова понимается определенность содержания, форм и способов деятельности общественных индивидов, представляющая собой результат познания и практического использования объективных связей действительности. Без

¹⁰ Гегель. Соч., М., 1959, т. 4, с. 15.

¹¹ Выготский Л. С. Развитие высших психических функций. М., 1960, с. 198.

¹² См.: Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969, с. 385—391.

¹³ См.: Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1981, с. 416.

¹⁴ Там же, с. 216.

передачи опыта подрастающему поколению невозможны материальное и духовное производство и, следовательно, поддержание организованного состояния общественной жизни вообще. Специфическими средствами передачи опыта выступает прежде всего язык (членораздельная речь) как всеобщая отвлеченная форма обобщения и закрепления трудовых навыков, традиций и знаний и воссоздаваемые людьми средства производства, прежде всего орудия труда как овеществленная сила знаний. Подлинные достижения человечества не умирают. Выдержав проверку временем, они аккумулируются в культуре и передаются от поколения к поколению в процессе социализации индивидов — формирования их в качестве личности воспитанием и общим влиянием социальной среды. Такова суть «социального наследования»¹⁵, несравненно более подвижного и эффективного, чем биологическое наследование.

Социальное наследование есть естественная связь человеческих поколений, природа которой (накопление и передача опыта) сама по себе не зависит от специфики общественных отношений. Вместе с тем оно непременно обретает общественную форму и только через нее становится функцией общества. С этой точки зрения характер передаваемой информации всецело обусловлен общественным положением воспитателей и воспитанников, взаимным отношением людей к средствам производства. Общественная форма социального наследования может соответствовать естественному содержанию связей поколений и может противоречить этому содержанию, придавая воспитанию и образованию ограниченное, а нередко и условное значение.

Капитализм устраняет зависимость социального наследования от кастовой и сословной регламентации. Одновременно, утверждая в качестве общественных отношений товарно-денежные отношения и превращая в меновую стоимость свойства человека и само его достоинство, капитализм еще больше углубляет противоречие между содержанием и формой социального наследования, закрепляет и углубляет социальное неравенство в области распределения и потребления информации.

Только равенство членов общества в их взаимном отношении к средствам производства является необходимой основой его окончательного преодоления. Коммунистические общественные отношения открывают для всех индивидов равные возможности во всех областях общественной жизни, утверждая в связях поколений органическое единство социального и естественного. Гармоническое развитие способностей и талантов индивидов, их духовное и физическое совершенство — величайшее завоевание, которое несет человечеству коммунизм. Мировая культура становится достоянием всех и каждого, и каждый делает свой естественный вклад в дальнейшее движение общества. Однако процесс этот отнюдь не стихийный и к тому же сложный, длительный, предусматривающий последовательный ряд этапов, обладающих своим уровнем объективных и субъективных условий и возможностей

передачи социального опыта, усвоения и приумножения достижений мировой культуры.

Производство и воспроизводство общественных индивидов не есть, следовательно, исключительная функция семьи, хотя в виде общественной формы естественных отношений деторождения семья, наряду с производством новой жизни, образует и ближайшую социальную среду формирования личности, самую простую в силу естественной основы социальную ячейку общества, в обстановке которой индивид учится быть общественным индивидом. Производство индивидов неотделимо от функционирования и развития всего социального организма, в первую очередь от производства общественных отношений. Естественноисторическая необходимость, с какой производство общественных отношений осуществляется в ходе производства материальных средств к жизни, объединяет производство средств к жизни и производство общественных индивидов в единую систему. Производство становится производством человека как возможно более универсального общественного продукта¹⁶. Но единство производства материальных средств к жизни и производства общественных индивидов не означает их тождества. Если первое подчиняется экономическим законам, то в осуществлении второго важную роль играют социально-психологические законы. Между обеими сторонами единой системы производства и воспроизводства непосредственной жизни возможны расхождения и противоречия. Достижение здесь целостности и гармоничности — длительный и сложный процесс, также предполагающий в качестве исходной предпосылки устранение социальных антагонизмов и становление нового, коммунистического типа общественного прогресса.

Социальный тип наследования соответствует принципиально отличному от биологического социальному типу развития или, другими словами, социальной эволюции. Биологическая эволюция так или иначе ведет к специализации естественных органов, превращает, например, передние конечности животных в крылья, лапы и др. На определенное время подобная специализация создает фактор превосходства. Но она необратима и потому всегда ограничивает условия существования вида, в конечном счете заводит эволюцию в тупик¹⁷. Социальная же эволюция ведет к

¹⁶ Термин «социальное наследование» введен английским философом-марксистом Дж. Льюисом (см.: *Льюис Дж.* Человек и эволюция. М., 1964).

¹⁶ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 386.

¹⁷ «...Лес ветвистых рогов на голове оленей; спиралевидные рога-лиры на полосатом или отмеченном звездочкой лбу антилоп; мощные бивни хоботных; клыки и резцы крупных хищников... Но не отнимают ли как раз такое изобилие и завершенность будущее у этих великолепных тварей? И независимо от жизненности их психизма, не являются ли они знаком скорой гибели форм, застрявших в морфологическом тупике? Не является ли все это скорее концом, чем началом? ...Специализация парализует, а ультраспециализация убивает. Палеонтология вся состоит из этих катастроф... Лошадь, олень, тигр одновременно с подъемом

специализации не естественных, а искусственных органов — орудий труда. В зависимости от обстановки общественный человек может заменять одни искусственные органы другими, перемещать их в пространстве, отбрасывать старые и изобретать новые. Там, где животные, приспособляясь к среде, изменяют свое органическое тело, общественный человек изменяет свое неорганическое тело. «Телесная трансформация человека, — писал Г. В. Плеханов, — прекращается (или становится незначительной), чтобы уступить место его *технической эволюции*»¹⁸. Это, в частности, подтверждает тот неоспоримый факт, что за последние 50—60 тыс. лет, начиная с кроманьонского человека, физический тип людей не претерпел какого-либо заметного изменения.

Изображение человека будущего в виде физически слабого существа с коротким туловищем, огромной головой и т. п., построенное путем экстраполяции тенденций морфологических изменений человека в период социогенеза — становления общества — и вариаций отдельных биологических признаков современных людей, которые весьма условно можно считать прогрессивными или регрессивными, лишено оснований. Оно игнорирует самое главное: биологическая наследственность и изменчивость без естественного отбора, устраненного или по крайней мере почти устраненного общественной жизнью, перестает быть фактором перехода от одного биологического вида к другому. Мало того, само физическое совершенство человека, всестороннее и полное раскрытие потенций его биологической организации выступает функцией общества — совершенствования условий труда, быта и отдыха человека, достижений медицины, здравоохранения и физической культуры. Особый характер по сравнению с биологической эволюцией, видимо, приобретает и эволюция нервной системы. Не объем головного мозга вообще (отклонение в сторону увеличения или уменьшения объема головного мозга, о чем свидетельствует анатомия, еще не служит показателем творческих способностей и знаний человека), а структурные соотношения его доисторических и исторических образований, дифференциация центров психической деятельности и усложнение связей нервных клеток, происходящие под влиянием социальной среды, выражают собой эти изменения¹⁹. Эволюция человека как биологического вида завершена, будущее человека связано с его социальной эволюцией.

Сама по себе социально-биологическая проблематика развития человека не нова. На протяжении столетий она обсуждалась в философии, в том числе в философской антропологии. Ее актуализация в последние годы определяется как возрастающей тенденцией к интеграции разных областей знаний о человеке, необходимостью совмещения понятийных, концептуальных схем и методов изучения, так и прежде всего — противоречиями самого общественного развития. Исходя из тех положений, которые уже были рассмотрены нами в первой части труда²⁰, остановимся на некоторых, преимущественно методологических, аспектах исследования социально-биологической проблематики применительно к

процессу производства и воспроизводства общественных индивидов, точнее — природной и общественной обусловленности формирования личности, диалектике взаимодействия личности и общества.

Обзор дискуссий по данному вопросу показывает, что в новейших исследованиях социальная сущность человека получает все более глубокое и всестороннее обоснование. Правда, в 60-х годах ряд ученых-естествоиспытателей, стремясь подчеркнуть важность биологической стороны бытия человека в его частнонаучном и философском изучении, склонялись к утверждениям о двойственной, «биосоциальной» сущности человека (весьма нестрого употребляя понятие «сущность») ²¹. В связи с этим в философской и естественнонаучной литературе было предложено разграничение понятий «сущность» и «природа» человека (если первая — социальна, то вторая — биосоциальна) ²². В настоящее время такое разграничение проводится при изучении человека достаточно широко и имеет своей целью облегчить процесс интеграции естественнонаучного и социогуманитарного знания на основе четко выраженной исходной методологической позиции: сущность человека, его специфические качества (в том числе и природные, отличающие вид *Homo sapiens* от всего живого) — результат становления и развития его общественной жизнедеятельности.

Вместе с тем нельзя не отметить и то, что понятие биосоциальной природы человека и ныне не бесспорно, поскольку содержит в себе элемент «двойственности», создавая тем самым известную возможность иллюзии параллелизма в человеке биологического и социального.

Немало дискуссионных моментов сохраняется в переходе к конкретным решениям проблемы соотношения биологического и социального, выяснении механизма их взаимодействия в индивидуальном и родовом развитии человека. Существует здесь и значительное число вариантов предлагаемых решений. Обобщенно движение мысли выражается в данном случае так: «От редукционистских крайностей биологизации и социологизации через дуалистическое признание социально-биологического параллелиз-

своего психизма частично стали, как насекомое, пленниками орудий бега и добычи, в которые превратились их члены» (*Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М., 1965, с. 155—158).

¹⁸ *Плеханов Г. В.* Избр. филос. произв. М., 1956, т. 2, с. 659.

¹⁹ См.: *Уолтер Г.* Живой мозг. М., 1966, с. 274—275.

²⁰ См.: Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: действительность, материальная основа, первичное и вторичное. М., 1981, с. 51—57.

²¹ См.: *Давыдовский И. В.* Проблема причинности в медицине. М., 1962; и др.

²² *Мысливченко А. Г.* Человек как предмет философского познания. М., 1972; *Батенин С. С.* Человек в его истории. Л., 1976; *Дубинин Н. П., Шевченко Ю. Г.* Некоторые вопросы биосоциальной природы человека. М., 1976; *Тугаринов В. П.* Природа, цивилизация, человек. Л., 1978; и др.

ма к диалектической интерпретации их взаимодействия»²³. Однако в последнем как раз и встречаются еще значительные трудности.

Многие исследователи осознают недостатки дискуссий по социально-биологической проблематике, заключающиеся в том, что сама постановка вопроса уже содержит в себе разделение и как бы равноправное существование двух факторов — социального и биологического²⁴. Но, во-первых, значимость их в эволюции человека явно неравноценна; во-вторых, при таком подходе разрушается целостность человека: он делится на две «ипостаси»; в-третьих, в некотором смысле искажается само понимание целостности, поскольку она «складывается» из разных оснований. Преодоление этих методологических трудностей — одна из необходимых предпосылок дальнейших социально-философских и специальных исследований человека, от которых зависит комплексное использование данных естественных и общественных наук о человеке в практике его общественного воспроизводства и развития.

Заслуживают, в частности, внимания идеи, выдвигаемые В. И. Плотниковым²⁵. Если сущность человека социальна, то его природа, согласно разрабатываемой В. И. Плотниковым гипотезе, не только социальна, но и универсальна. Она означает возникновение «из иного», интеграцию «иного», существование в «ином». Поскольку человек есть деятельное существо, т. е. часть природы, которая живет природой, преобразуя ее, постольку и его собственная природа деятельна. Она выражает собой диалектическое единство и противоположность биологической целесообразности и социального целеполагания. Причем уникальная приспособленность биологии человека к социализации и интеграции в социальном не исключает, а предполагает взаимодействие с социальным, гармонию или дисгармонию с определенной социальной средой.

Вторая группа недостатков рассматриваемой дискуссии заключается в несоблюдении принципа соотнесения биологических и социальных систем одного уровня. Так, если характеристика биологического берется в границах организма человека, то неправомерно брать в качестве соотносительной системы общество в целом. Изучение биологических систем (организм — вид — род — популяция) требует выделения соответствующих общественных систем (личность — тип личности — социальная группа — общество)²⁶.

Не ставя под сомнение научное значение данного принципа для построения логически непротиворечивой теории, важно, по нашему мнению, подчеркнуть и то, что диалектика взаимодействия биологического и социального предполагает не только непосредственное взаимодействие систем одного порядка, но и более сложные, комплексные, перекрещивающиеся процессы. Невозможно, например, только через сопоставление систем одного уровня — организм и личность — объяснить формирование, развитие, удовлетворение даже естественных органических потребностей челове-

ка. Подобные процессы могут быть объяснены только целостным, многоуровневым взаимодействием социальных и биологических факторов производства и воспроизводства непосредственной жизни.

Существенным недостатком разработки проблемы взаимодействия биологического и социального является и то, что оно исследуется, как правило, само по себе, без каких-либо опосредующих звеньев. Безусловно, прав Б. Ф. Ломов, усматривая связь и единство биологического и социального в развитии психики. Именно психология выступает той наукой, которая необходимо отражает в своем контексте это противоречивое единство²⁷. Психика человека выступает как бы центром перекрещивания и своеобразным итогом взаимодействия «слитых воедино двух программ»²⁸ — социальной и генетической.

В научной литературе, на конференциях и диспутах активно обсуждаются вопросы о том, в какой мере природные данные индивидов обуславливают или так или иначе влияют на формирование определенных способностей личности, что в психике человека наследственно обусловлено и зависит от генетической детерминации, а что формируется прижизненно и зависит от социальных условий бытия, систем обучения и воспитания²⁹. Высказыва-

²³ Карсаевская Т. В. Прогресс общества и проблемы целостного биосоциального развития современного человека. М., 1978, с. 34—35.

²⁴ См.: Никитюк Б. А. Биологическое и социальное: ступени, уроки и итоги дискуссии 70-х годов.— В кн.: Соотношение биологического и социального. Пермь, 1981, с. 87.

²⁵ См.: Плотников В. И. Соотношение социального и биологического как философская проблема: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Свердловск, 1980.

²⁶ См.: Плотников В. И. Социально-биологическая проблема. Свердловск, 1975; Карсаевская Т. В. Прогресс общества и проблема целостности биосоциального развития современного человека.

²⁷ См.: Ломов Б. Ф. Соотношение социального и биологического как методологическая проблема в психологии.— *Вопр. философии*, 1976, № 4.

²⁸ Дубинин Н. П. Социальное и биологическое в развитии человека.— В кн.: Соотношение социального и биологического. Пермь, 1981, с. 5.

²⁹ В полемике выдвигались и крайние точки зрения, например, о том, что, поскольку сущность человека социальна, постольку не может идти речи о биологии человека (см.: Социальная природа медицины. М., 1968, с. 360) или о том, что сознание, психика, способности человека порождены только социальными условиями и в сущности независимы от каких бы то ни было биологических предпосылок или задатков (см.: Ильенков Э. В. Психика и мозг.— *Вопр. философии*, 1968, № 11). В то же время высказывались полярно противоположные суждения о том, что некоторые социально-этические качества человека (альтруизм, например) генетически детерминированы и сохранились благодаря действию естественного отбора в биологической эволюции человека (см.: Эфроимсон В. П. Родословная альтруизма.— *Новый мир*, 1971, № 10). Ряд авторов пытались снять полемически заостренную противоположность в более осторожных и гибких формулировках, полагая, что не сами способности генетически детерминированы, а лишь «задатки», или определенная «норма реакции», прежде всего сама «способность к формированию способности к человеческому мышлению», оперирующему обобщенными понятиями, и т. п. (см.: Дубровский Д. И. Психические явления и мозг. М., 1971; Дубинин Н. П. Биологические и социальные факто-

ются соображения и о возможности противоречий, расхождения и «конфликтной ситуации» во взаимодействии социальной и генетической программ, выход из которых мыслится за счет большей адаптации социальной программы к требованиям сохранения, приумножения и развития генетического потенциала человечества. Рассматриваются в последние годы и вопросы о природном (биологическом, генетическом) потенциале развития человека, «запасе прочности», устойчивости человеческого организма к более или менее неблагоприятным влияниям быстро изменяющейся в результате научно-технической революции природной среды, «задатках» формирования и активизации творческих способностей индивидов, возможностях интенсификации развития человека в соответствии с общей тенденцией интенсификации общественного развития и т. п.

Данные, имеющиеся ныне в распоряжении естественных наук, позволяют делать оптимистические прогнозы о неиспользованных потенциях человеческого мозга и организма в целом. Универсальность человеческой природы, отсутствие морфологической специализации и жесткой приспособленности к определенным условиям жизнедеятельности, пластичность, гибкость адаптационных способностей, достаточно широкий диапазон генетически обусловленной нормы реакций на изменения среды, большой запас и пластичность генофонда, генетически обусловленное разнообразие людей (практическая неповторимость человеческих индивидов, а следовательно, и индивидуальных вариаций их свойств и способностей), наличие в человеческом мозге механизмов, обеспечивающих избыточные возможности при встрече с новой ситуацией, — все это и многое другое, выясняемое прогрессом научного знания, приводит к обоснованному выводу: для социального совершенствования человека нет биологических препятствий, существуют лишь биологические границы сохранения жизни и оптимальные параметры функционирования человеческого организма.

Важно иметь в виду и то, что природа человека — это такая общественная ценность, в использовании и развитии которой должен быть минимум стихий и максимум осторожности и заботливости с тем, чтобы на основе непродуманных мер или вообще «бездумного оптимизма» не внести в нее необратимых отрицательных изменений. Оптимальная реализация резервов человеческой природы зависит прежде всего от социальных условий — наличных технических средств и методов трудовой деятельности, характера общественных отношений, культуры общения, социальных институтов, программ обучения и воспитания, т. е. законов функционирования и развития общественно-исторических систем. Не последнюю роль играет в этом процессе и собственная активность человека. Причем при определении путей оптимального воспроизводства и развития человека было бы неверно ограничиваться лишь уровнем естественнонаучных знаний. Не меньшую, а возможно, большую роль играет здесь общественный потенци-

ал человеческой личности во всей сложности ее духовного мира. Моральная устойчивость, идейность, целеустремленность человека не только являются могучими стимулами актуализации всех потенций человека, но зачастую позволяют отодвигать границы его биологических возможностей³⁰.

Производство и воспроизводство непосредственной жизни есть производство и воспроизводство наряду с общественными и естественных форм жизнедеятельности людей, с которыми человек находится в глубинных, далеко еще не всегда изученных связях. Сейчас уже недостаточно утверждения: биология человека не претерпела существенных изменений с началом его социальной эволюции. В условиях научно-технической революции важно не допустить негативных изменений, могущих быть следствиями неконтролируемого обществом стихийного отношения к природным силам и природно-естественным закономерностям бытия человека. Нельзя не учитывать и того, что с изменением форм жизнедеятельности человека вовлекаются в трудовой процесс новые «пласты» его биологических характеристик. Ряд исследований позволяет предполагать определенные сдвиги в «функциональной биологии» человека — формирование новых функциональных систем, «функциональных органов» человеческой психики³¹.

Социально значимой проблемой становится рост продолжительности жизни человека. Он означает необходимость, во-первых, обеспечить продолжительность социально-продуктивного периода человеческой деятельности, во-вторых, решать в теории и на практике целый ряд социальных и нравственных вопросов, связанных с изменением динамики смены поколений, разумным распределением трудовых ресурсов, трудоустройством людей адекватно возрастным изменениям, развитием социально-культурных форм обеспечения различных возрастных групп и др.

Исследование проблемы производства и воспроизводства общественных индивидов предполагает выявление тех различий (биологических и социальных), от которых зависит место и роль женщины в обществе. Деторождение и укрепление семьи затрагивают обе половины человечества — мужчин и женщин, но затрагивают по-разному. Важно избежать здесь вульгарно понимаемого социального равенства. Крайности эмансипации нередко приводят к тому, что не учитываются специфические особенности женского организма при выборе профессиональных форм деятельности. Равенство возможностей интеллектуального развития отнюдь не означает такого же равенства в физическом развитии, а

ры в развитии человека.— *Вопр. философии*, 1977, № 2; *Беляев Д. К.* Современная наука и проблемы исследования человека.— *Вопр. философии*, 1981, № 3).

³⁰ См.: *Толстых В. И.* Сократ и мы. М., 1981.

³¹ См.: *Оконская Н. Б.* Диалектика социального и биологического в историческом процессе. Пермь, 1975; *Она же.* Исторические типы соотношения социального и биологического.— В кн.: Соотношение социального и биологического. Пермь, 1981.

отсюда и использования женского труда на вредных для будущего поколения работах. Законодательство стран социалистического содружества предусматривает охрану труда женщин. Однако и в теории, и на практике решение данной проблемы еще не отвечает общественным потребностям, о чем свидетельствует, например, сложность демографической ситуации в ряде регионов Советского Союза. Этому способствуют и остатки (к сожалению, весьма ощутимые) социального неравенства женщины в быту, неравномерное распределение и формы использования свободного времени мужчинами и женщинами, неадекватное социальным и биологическим характеристикам распределение «мужских и женских ролей и обязанностей» в труде и быту, что меняет подчас эстетический и нравственный облик женщин и сказывается, в свою очередь, на эстетическом и нравственном воспитании подрастающего поколения, становлении мужского и женского характера, распространяя нивелированные стереотипы «бесполого» существа.

Производство и воспроизводство непосредственной жизни — целостный процесс, охватывающий и глубинные, сущностные черты, определяющие облик общественных систем и все разнообразие и красочность, все богатство конкретных форм бытия людей, весь многообразный и неповторимый узор человеческой жизни, складывающийся из переплетения индивидуальных человеческих судеб. В этом процессе причудливым образом переплетается существенное и несущественное, общее и особенное, типичное и индивидуальное, необходимое и случайное, поскольку все общественные процессы осуществляются через деятельность бесконечно разнообразных индивидов, обладающих биологическими и социальными качествами, воспроизводящих свою конкретную жизнь, реализуя эти качества в ткани исторической деятельности.

2. Диалектика общественного и индивидуального развития человека

Воспроизводство и развитие общественного человека — сложный и многообразный процесс, детерминированный в конечном счете способом производства материальной жизни. Системное изучение этого процесса, имеющее целью охватить его целостность, предполагает наряду с накоплением специальных эмпирических и теоретических знаний и решение общетеоретических проблем, относящихся к компетенции философии. Хотя за последние годы появилось немало публикаций, посвященных философским проблемам человека³², раскрытию его сущности как совокупности (ансамбля) всех общественных отношений³³, стремительные темпы общественного развития, запросы общественно-исторической практики, вызывая к жизни неизвестные ранее грани человеческого бытия, порождают новые проблемы, а вместе с ними и новые потребности в философских исследованиях.

В сложившейся ситуации нельзя продуктивно обсуждать частные и общие проблемы развития человека, не возвращаясь время от времени к уточнению исходных понятий, необходимых для обобщения накопленных знаний в более или менее целостных теориях в масштабах как отдельных наук и научных отраслей (каковыми ныне выступают естественное, техническое и социальное знание), так и философской концепции.

Преобладающая до сих пор тенденция дифференциации знания о человеке в ряде случаев привела к своеобразной утере целостности объекта познания. В поле научного исследования человек оказался поделенным на отдельные участки, «клетки», в каждой из которых используются специфические средства и методы, существует свой язык (неясный для непосвященных), затрудняющий научное общение и обмен информацией.

Самой важной перспективой дальнейшей разработки философской теории человека, без чего она не может успешно выполнять свои мировоззренческие и методологические функции, является сейчас сохранение и обогащение на основе обобщения достижений специальных наук целостного образа человека. Поэтому вызывает серьезное возражение предложение о создании в диалектическом материализме самостоятельной (отличной от исторического материализма) концепции человека³⁴. И дело здесь не только в искусственном противопоставлении диалектического и исторического материализма, ошибочной трактовке исторического ма-

³² Наряду с уже указанными работами см.: *Кон И. С.* Социология личности. М., 1967; *Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л., 1968; *Буева Л. П.* Социальная среда и сознание личности. М., 1968; *Она же.* Человек: деятельность и общение. М., 1978; *Какабадзе З. М.* Человек как философская проблема. Тбилиси, 1970; *Ковалев С. М.* О человеке, его порабощении и освобождении. М., 1970; *Он же.* Формирование коммунистической личности. М., 1980; *Ануфриев Е. А.* Социальная роль и активность личности. М., 1971; *Смирнов Г. Л.* Советский человек. М., 1971, 1976, 1980; *Мысливченко А. Г.* Человек как предмет философского познания. М., 1972; *Спиркин А. Г.* Сознание и самосознание. М., 1972; *Григорян Б. Т.* Философия о сущности человека. М., 1973; *Он же.* Философская антропология. М., 1982; *Ярошевский Т.* Личность и общество. М., 1973; *Архангельский Л. М.* Социально-этические проблемы теории личности. М., 1974; Теоретические проблемы психологии личности. М., 1974; *Ангелов Ст.* Проблема личности в современной идеологической борьбе. М., 1975; *Леонтьев А. Н.* Деятельность, сознание, личность. М., 1975; *Момов В.* Человек, мораль, воспитание. М., 1975; *Батенин С. С.* Человек в его истории. Л., 1976; *Демин М. В.* Личность и деятельность. М., 1976; *Кемеров В. Е.* Проблема личности: методология исследования и жизненный смысл. М., 1977; Человек и мир человека. Киев, 1977; *Абишев К.* Человек, индивид, личность. Алма-Ата, 1978; *Фролов И. Т.* Перспективы человека. М., 1979; *Абульханова-Славская К. А.* Деятельность и психология личности. М., 1980; *Буслов К. П.* Формирование социального в человеке. Минск, 1980; Психология формирования и развития личности. М., 1981; и др.

³³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 3, с. 3.

³⁴ См.: *Орлов В. В.* Концепция человека в диалектическом материализме.— В кн.: Проблема человека в диалектическом материализме. Пермь, 1979.

териализма лишь в виде социологической теории, а прежде всего в том, что подобное разделение ставит под сомнение сам монизм философской концепции человека, центральное место в которой по праву занимает категория общественных отношений.

Не останавливаясь специально на анализе понятийно-категориального аппарата философской концепции человека, в значительной мере уже рассмотренной нами в предшествующих разделах нашего труда, особенно в главе «Деятельность и общественные отношения», сделаем некоторые общие замечания, касающиеся понятия личности. В настоящее время в марксистской философской и социологической литературе насчитывается свыше 70 определений этого понятия³⁵. Разумеется, известный уровень разнообразия в определениях отражает многогранность объекта познания. Существует здесь и сложный набор «компонентов», каждый из которых может быть использован в качестве «точки отсчета» для решения тех или иных научно-исследовательских задач. Но нарушение меры становится помехой, ибо растворяет существенное в несущественном, общее в частном, необходимое в случайном, ведет к произволу и отражает уже не многогранность объекта, а субъективные предпочтения исследователей.

Формулируемые в марксистской литературе определения личности можно условно разделить на три группы: одна (более близкая к этико-педагогическим исследованиям) акцентирует внимание на ценностных аспектах личности как единстве тех или иных социально-позитивных качеств³⁶; в другой личность определяется в виде «носителя» определенных социальных позиций, «представителя» тех или иных социально-исторических общностей и рассматривается преимущественно как объект социального воздействия (в некоторых определениях данной группы индивидуальность личности по существу «выводится» за пределы научного анализа)³⁷; и, наконец, третья, наиболее типичная для философской и социологической литературы последних лет, выделяет в личности те качества индивида, которые делают его социальным (общественным) субъектом, характеризуют систему отношений личности к окружающему миру, обществу, подчеркивая при этом единство социально-типичного и индивидуального, характеризующее личность как активного творческого субъекта³⁸.

Формирование перечисленных позиций, если посмотреть на данный вопрос исторически, с одной стороны, представляет процесс углубления научных знаний, тенденцию раскрытия сложной диалектики объективного и субъективного, подход к наименее изученным и наиболее сложным, «тонким» явлениям, вскрывающим субъективный мир человека; с другой — отражает нарастающую общественную потребность в активизации субъективного фактора с переходом к интенсивным формам общественного развития, росте социальной активности народных масс, необходимости формирования активной жизненной позиции каждой личности в качестве важнейшего потенциала и творческого источника развития самой личности и общества. Поэтому вряд ли верно

изображать такие позиции взаимоисключающими: скорее, они дополняют друг друга, если при этом «снимаются» полемические крайности. Поскольку в любом случае проблематика личности так или иначе представляет сущность человека, постольку при исследовании человека в его взаимодействии с обществом понятие личности становится базовым.

Человек — результат исторического процесса. Но он же его субъект, движущая сила. Изменяя обстоятельства своей жизнедеятельности, создавая свой специфический мир, человек исторически изменяется и развивается как личность. Диалектическая связь личности и общества обусловлена самой сущностью человека. Мера же реализации этой сущности в каждом человеке зависит прежде всего от исторического типа общества, его социальной структуры.

В классовом обществе судьба каждого индивида неотделима от судьбы определенного класса, места класса в исторически конкретной системе общественного производства, его исторической роли и исторической перспективы. Социально-классовое положение человека детерминирует в наиболее важных чертах условия индивидуального развития, образ действий и мыслей, пути и сред-

³⁵ См.: Добрынина В. И., Хорошилов В. А. Марксистское учение о личности. — Филос. науки, 1975, № 2/3.

³⁶ Типичным для этой группы определений является следующее: «Личность — это человек, обладающий исторически обусловленной степенью разумности и ответственности перед обществом, пользующийся (или способный пользоваться) в соответствии со своими внутренними качествами определенными правами и свободами, вносящий своей индивидуальной деятельностью вклад в развитие общества и ведущий образ жизни, соответствующий идеалам эпохи или класса» (Тугаринов В. П. Личность и общество. М., 1965, с. 88).

³⁷ Характерными являются здесь определения, используемые в конкретно-социологических исследованиях. Личность — «не как индивидуальность, а как обезличенная личность, как социальный тип, как деиндивидуализированная, деперсонифицированная личность...» (Ядов В. А. О различных подходах к концепции личности и связанных с ними различных задачах исследования массовых коммуникаций. — В кн.: Личность и массовые коммуникации: Материалы встречи социологов. Тарту, 1969, вып. 3, с. 13). Социология абстрагируется от индивидуальных особенностей людей, ее интересует отдельный человек «не сам по себе, а как член определенного общества, класса, социальной группы, воплощающий в себе некоторые социально-типические черты» (Кон И. С. Социология личности. М., 1967, с. 70). Подобных позиций придерживался и целый ряд других исследователей. В последние годы в работах всех этих авторов заметна тенденция к анализу индивидуальности, однако она не всегда находит выражение в используемом понятийном аппарате.

³⁸ Впервые в советской литературе разграничение понятий «социальный тип» и «личность» предпринял Г. Л. Смирновым. При этом в понятии «социального типа» были фиксированы общие, родовые черты личности, конкретизированные ее принадлежностью к определенной эпохе, обществу, классу, а понятие «личность» фиксировало единство социального и индивидуального в человеке. «Личность выступает как социальный облик каждого человека, выраженный в конкретной индивидуальной характеристике» (Смирнов Г. Л. Советский человек. М., 1980, с. 58, 66—78).

ства достижения личных целей. Принадлежность к классу означает и род профессиональной деятельности, а следовательно, уровень и характер развития способностей людей, способ их участия в общественном труде, объем и форму получаемого вознаграждения, ведущие потребности, интересы и стимулы деятельности, права, обязанности и многое другое.

Конечно, здесь нет автоматизма, вариации индивидуальных судеб в границах классовых возможностей многообразны, далеко не однозначен и творческий потенциал каждой личности. Зависимость жизненного пути от принадлежности к классу не такая прямая, да и сам характер этой зависимости меняется от эпохи к эпохе, от класса к классу.

В антагонистических формациях классовая структура дезинтегрирует деятельность так, что различные ее виды выступают уделом противоположных классов. Умственный и физический труд, материальная и духовная, управленческая и исполнительская деятельность обособляются, их соединение, необходимое для функционирования общества, создается с помощью социальных форм «иллюзорной общности», «мнимой коллективности». Вместе с дезинтеграцией деятельности возникает дезинтеграция личности, в итоге формируется «частичный индивид» с односторонне развитыми способностями за счет подавления и уродования сущностных человеческих сил. Первым шагом к воссозданию на новой (по сравнению с первобытнообщинным состоянием) основе единства материальной и духовной сфер деятельности индивида, движения по пути целостного развития личности служит ликвидация антагонистических классов, утверждение социалистических общественных отношений.

Постепенное преодоление при социализме классовых различий расширяет возможности развития личности, области применения ее дарований. Развитие человеческого рода, происходившее в прошлые эпохи за счет большинства общества — угнетенных и эксплуатируемых классов, — начинает совпадать с развитием каждого отдельного человека³⁹. Но такое совпадение — не одномоментный акт, а длительный и сложный процесс социалистического и коммунистического строительства, в ходе которого развитие личности все больше обретает черты самоцели развития общества. Нельзя не видеть здесь и относительности совпадения человеческого рода и отдельных индивидов. Поэтому «безликое» изучение общественных отношений, механически переносимое на человека без учета особенностей его индивидуального бытия, по существу снимает проблему становления человеческой сущности в каждом человеке, проблему его социализации. Остается в тени главное: сущность человека не передается по наследству биологическим путем, она формируется прижизненно и потому предполагает наличие своеобразных систем общественного воспроизводства человека, прежде всего системы общественного обучения и воспитания.

Усваивая накопленный человечеством социальный опыт, каж-

дый человек заново и в определенной мере по-своему открывает для себя богатства культуры, развивает свои силы и способности. Причем благоприятные общественные условия сами по себе еще не решают проблемы развития человека. Необходимо не только оптимально использовать такие условия для совершенствования системы обучения и воспитания, но и пробудить, стимулировать активность самой личности. Целенаправленное воспитательное воздействие на личность неотделимо от ее самостоятельности, т. е. самовоспитания. По мере создания на этапе зрелого социализма все более благоприятных общественных условий для развития человека значимость его собственной активности также возрастает, что в свою очередь предъявляет новые повышенные требования к формированию у каждого человека потребности во всестороннем развитии своих способностей, к применению их в общественной деятельности.

Вне перевода общественного в индивидуальное, равно как и вне общественной реализации индивидуальных сил и способностей, сущность человека не проявляется и не может проявиться. То и другое — две стороны человеческого бытия. Через деятельность индивидов, преобразующих условия своей жизни и тем самым создающих для себя новые возможности, развивается и сущность человека, обогащается «человеческий род». Но степень вовлеченности индивидов в ход исторических событий различна. Человек может оказаться «щепкой» в водовороте этих событий, не понимая их смысла, не выясняя своего личного отношения к целям общественного движения, не разделяя общественных потребностей и интересов. Для такого индивида исторический процесс подобен року, которому он пассивно подчиняется или, сталкиваясь с исторической необходимостью, начинает «хождение по мукам» в поисках цели жизни, выбора жизненной позиции.

Становление активной жизненной позиции личности есть движение личности к ее социальной зрелости, способности управлять собственным поведением, опираясь на осознанные общественные цели и идеалы. Причем отношение человека к социальной среде своего существования в данном случае далеко не однозначно. Человек может принимать эту среду как его удовлетворяющую или мириться за неимением лучших и незнанием выхода из сложившейся ситуации, а может с различной степенью активности отвергать существующее положение вещей, бороться за его преобразование. В. И. Ленин, писал, что раб может воспринимать свое рабское положение по меньшей мере с трех разных позиций. «Раб, не сознающий своего рабства и прозябающий в молчаливой, бессознательной и бессловесной рабской жизни, есть просто раб. Раб, у которого слюнки текут, когда он самодовольно описывает прелести рабской жизни и восторгается добрым и хорошим господином, есть холоп, хам»⁴⁰. Иное дело

³⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 123.

⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 40.

«раб, сознающий свое рабское положение и борющийся против него»⁴¹.

Условия не всегда благоприятны для развития человека, но они и не фатальны. Сами по себе они дают человеку лишь возможности определенного развития. Реализуются же эти возможности самими людьми. От уровня адекватности отражения людьми условий своей жизни, потребностей и тенденций исторического процесса, от своевременности и правильности принятия решения, от собственной инициативы, организованности и целеустремленности зависит не только индивидуальное, но и общественное развитие. Во всех случаях остается истинным известный тезис К. Маркса: «... люди суть продукты обстоятельств и воспитания, ... изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания»⁴². Но «обстоятельства изменяются именно людьми ... Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как *революционная практика*»⁴³.

Деятельность людей — та сила, которая воссоздает и преобразует систему объективных и субъективных условий развития общества и человека. И хотя жизнедеятельность человека детерминирована обществом, сам человек — не пассивный отпечаток общественных форм. Приспособление человека к существующей среде и даже ее простое воспроизводство не являются его всеобщей характеристикой. В основе своей человеческая деятельность есть творчество, повторение существующего включено в ее процесс в конечном счете лишь как определенный момент. Если антагонистические социальные структуры разрывают и противопоставляют друг другу творческие и репродуктивные, исполнительские и управленческие виды деятельности, делая их уделом противоположных общественных классов, то социализм на своем пути к социальной однородности общества все полнее воспроизводит их целостность, обогащая условия развития не отдельных индивидов, а широких слоев трудящихся.

Определение сущности человека через совокупность всех общественных отношений раскрывает родовую природу человека, принадлежность человека исторически конкретному обществу, эпохе, классу и другим социальным группам. Каждый человек — носитель совокупности общественных отношений (экономических, политических, правовых, моральных и др.), причем в той мере, в какой они освоены им и реализуются в его деятельности.

Констатируя объективность общественных отношений и тем самым включенность человека в общественную систему независимо от его воли и сознания, нельзя забывать и субъективного отношения человека к окружающему миру. Непонимание единства в исторической действительности объективного и субъективного ведет к двум крайностям в интерпретации человека, в трактовке структуры его личности. Одна из них состоит в том, что при характеристике личности остается в тени ее место в обществе, в связях общественного производства, распределения, обме-

на и потребления материальных и духовных жизненных средств, в социальной структуре общества. Отношения личности предстают здесь как чисто духовные, психологические образования вне связи с реальным социальным содержанием, обуславливающим ее образ жизни и мыслей. Другая, напротив, ведет к тому, что личность изображается лишь как персонификация социальной роли (или суммы ролей), теряет индивидуально-психологические черты и становится абстрактным символом. Не отрицая возможности сосредоточения внимания в зависимости от целей исследования на отдельных ракурсах бытия личности, со всей определенностью следует подчеркнуть: философский подход предполагает целостное рассмотрение личности в диалектическом единстве объективного и субъективного в ее бытии.

Применительно к каждому отдельному человеку общественные отношения составляют общественные формы его взаимодействия с другими людьми. Но социальная среда человека представляет собой не только самого человека, взятого в его общественных отношениях. Она неотделима и от опредмеченных результатов человеческой деятельности, создаваемой человеком «второй природы». Ее характеризует и макроуровень (социальная структура общества), и микроуровень (семья, первичные трудовые объединения и вместе с ними вся обстановка общения людей — друзья, товарищи, соседи, знакомые и т. п.). Социальная среда человека и есть то непосредственное окружение, в котором он социализируется, формируется и развивается как личность. Каждый из компонентов социальной среды человека несет в себе общие, особенные и единичные признаки, далеко не однозначно в них выявляются типичные для данного общества отношения, а нередко дают о себе знать и разнокачественные социальные состояния (особенно в период ломки старых и возникновения новых общественных форм).

Человек живет и действует в многообразных связях и отношениях, в общении с различными людьми и группами. Выполняя свои социальные функции, он выступает членом различных социальных образований — общества, нации, класса, профессиональных групп и коллективов. В своей деятельности и сознании он постоянно ощущает на себе их воздействие и так или иначе преломляет его в своих жизненных позициях. Образно говоря, человек — микрокосмос, где скрещиваются и отбираются различные влияния. Как представитель класса, например, человек является носителем классового сознания и особенностей классовой психологии, но мера их усвоения в жизнедеятельности каждого отдельного человека индивидуальна, что существенно сказывается на его жизненной позиции и поведении.

Вся жизнедеятельность человека протекает в различных группах. Наиболее значимы в формировании сознания личности и ее

⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 40.

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 2.

⁴³ Там же.

практического опыта первичные трудовые объединения (коллективы), общественные организации, семья, неформальные группы (друзья, соседи и т. п.). Они составляют ближайшее социальное окружение, область непосредственных контактов и коммуникации человека, сферу его общения. Разнообразие групп предполагает разнообразие норм, которыми регулируется общение и поведение людей. Группы различаются и по уровню социального развития. Отсюда возникают различия в уровне и содержании требований, предъявляемых к людям, разница в нормах или, точнее, реализации норм, регулирующих поведение. Эта разница «микроусловий» непосредственного социального окружения весьма существенна для формирования сознания человека, его развития, поскольку преломляет усвоение социального опыта каждым человеком, «уточняет» и в социально-позитивном, и в негативном отношениях исполнение личностью требований общества.

Социальная среда человека — чрезвычайно сложный и многообразный мир. Несмотря на то что в течение последнего десятилетия ее изучение стало предметом постоянного внимания различных отраслей науки, выявлены далеко не все ее компоненты, особенно это касается взаимодействия разных «составляющих» и их специфического влияния на личность⁴⁴. Важно иметь здесь в виду и то, что социальная среда человека не тождественна социальной среде класса и общества в целом. Именно различие между социальной средой человека и социальной (общественной) средой более широких образований в значительной (хотя и не исчерпывающей) степени объясняет факторы формирования индивидуальной вариации личности, неповторимости личностных черт. Единство же того и другого находит свое выражение в социальном типе личности, ее социальном характере. Социальная среда человека всегда опосредствует воздействие на него класса и общества, подчас весьма существенно корректируя определяющую роль общественного в диалектике развития личности. Анализ социальной среды человека есть в то же время и анализ механизма взаимодействия общества и личности. Существенным моментом выступает в этом механизме временная связь человеческих поколений, их смена.

3. Смена человеческих поколений

Несмотря на публикации последних лет, теоретическое обсуждение проблемы поколений в специальной марксистской литературе фактически только началось⁴⁵. На наш взгляд, одна из перспективных методологических позиций содержится в статье Н. М. Мельниковой⁴⁶, рассматривающей категорию поколения в связи с такими категориями, как историческое время и деятельность. Подобный подход позволяет в постановке вопроса о человеческом поколении избежать биологизации, свойственной многим буржуазным мыслителям⁴⁷, ввести возрастной признак людей в саму трактовку исторической действительности, а также

обосновать социальную природу двух типов поколений — социально однородного (в бесклассовом обществе) и социально разнородного (в классово-антагонистическом обществе).

Соглашаясь в принципе с подобным способом характеристики поколений людей, необходимо вместе с тем подчеркнуть, что биологическое, т. е. основанное на возрастных различиях, толкование поколения имеет известное право на существование, ибо оно выполняет некоторые познавательные функции в медицинском, физиологическом, психологическом и тому подобных исследованиях. Правомерно использовать его, видимо, и в педагогической практике — в тех редких случаях, когда бывает достаточно рассматривать индивида вне его связи с историей общества. Но уже здесь нужно быть чрезвычайно осторожным, поскольку воспитание есть функция конкретно-исторического социального организма, неотделимая от социализации человека, формирования его личности. Существует и хронологическое понимание поколения, когда индивида объявляют современником (сверстником) тех или иных личностей, событий, соотнося его деятельность с временными границами. Связь с историей в данном случае чисто внешняя. Поэтому хронологическое понимание поколения выступает лишь вспомогательным средством исторического познания (в частности, в источниковедении). Как и биологическую интерпретацию человеческого поколения, его нельзя смешивать с социально-философским пониманием и, следовательно, безоговорочно включать в систему социально-философского исследования.

В социально-философском плане понятие человеческого поколения — прежде всего единица социального наследования, или, особо подчеркивая стадильность исторического процесса, социальной преемственности. С его помощью вычленяются отдельные этапы развития человеческой деятельности, решения общественных проблем. Социально-философский подход делает необходи-

⁴⁴ См.: *Буева Л. П.* Социальная среда и сознание личности. *Сычев Ю. В.* Микросреда и личность. М., 1974; *Изграждане на развито социалистическо общество и формиране на личността.* София, 1976; *Тодоров Сл.* Малкият свят на личността. София, 1978; *Попов Ст.* Сознание и социальная среда. М., 1979; и др. См. также литературу о проблеме общения: *Кон И. С.* Социология личности; *Он же.* Открытие «Я». М., 1978; *Бодалев А. А.* Формирование понятия о другом человеке как личности. Л., 1970; *Соковнин В. М.* О природе человеческого общения. Фрунзе, 1973; Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975; Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976; Проблемы подготовки к общению: (Материалы симпозиума). Таллин, 1979; *Андреева Г. М.* Социальная психология. М., 1980; и др.

⁴⁵ См.: Преемственность поколений как социологическая проблема. М., 1973; *Иконникова С. Н.* Молодежь: Социологический и социально-психологический анализ. Л., 1974; *Коган Л. Н.* Понятие «поколение» в теории научного коммунизма. — Науч. коммунизм, 1974, № 5; Социализм и молодежь. М., 1978; *Смирнов Г. Л.* Советский человек; и др.

⁴⁶ См.: *Мельникова Н. М.* Поколение как категория исторического материализма. — Филос. науки, 1974, № 3.

⁴⁷ См.: *Ortega y Gasset J.* Man and crisis. N. Y., 1958.

мым учет в содержании понятия поколения (помимо возрастных и хронологических данных) мировоззренческой и вообще духовной характеристики. Причем рамки, обусловленные мерой идейного, творческого развития того или иного поколения, не всегда точно совмещаются с возрастными ограничениями и даже с хронологическими пределами реального существования принадлежащих к нему лиц. Они совпадают лишь с теми промежутками исторического времени, в течение которых данные лица выступают (или готовятся выступить) субъектами общественного развития. Рассматривая историю как последовательную смену поколений, К. Маркс и Ф. Энгельс писали, «что данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой — видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности»⁴⁸. Через принадлежность к поколению личность становится сопричастной к конкретным общественным делам, историческим событиям и действиям. Как и социальная среда в целом, поколение людей опосредствует взаимодействие общества и личности, выступая носителем традиции⁴⁹.

Представляя собой специфическую социальную связь поколений, традиция воспроизводит из поколения в поколение стереотипы человеческого поведения, фиксирующие накопленный опыт и выступающие регулятивами освоения действительности⁵⁰. Традиция реализуется через особый, свойственный исключительно человеческому обществу способ ориентации в окружающем мире. Его суть заключается в том, что определенным образом истолковывая наличные обстоятельства и готовые схемы действия, люди подключают опыт прошлых поколений к решению задач своего собственного поколения. Нельзя не учитывать здесь и тот немаловажный факт, что истолкование обстановки зависит и от объективных условий деятельности, и от субъективных свойств действующей личности. Поэтому реализация традиции (традиционная ориентация) может быть осознанной или неосознанной, адекватной или превращенной, расширяющей или сужающей реальные возможности деятельности. Преобладание того или другого начала различает между собой исторические типы традиционной ориентации и соответствующие типы (формы) взаимодействия общества и личности.

В докапиталистических общественно-экономических формациях функционирует такой тип традиционной ориентации, часто называемый классическим, при котором роль творческой индивидуальности сведена до минимума. Наиболее яркий в этом отношении пример — принятие решения в древнем мире с помощью оракула. Хотя принятие решения не исключает здесь индивидуального творчества (истолкование полученного «ответа»), само по себе, как и классический тип традиционной ориентации вообще, оно апеллирует не к сознанию человека, а к его исполнительности. В реальной истории сменяют друг друга две формы подобной ориентации. Первая связана с табу, вторая — с обычаем.

И в том и в другом случаях общество кодирует свой опыт в предметно-образных, наглядных воплощениях традиции (магический ритуал, миф, обряд и т. п.), личность воссоздает стереотип действия без его специального критического осмысления, традиционные требования оформляются как совокупная общественная (в классовом обществе прежде всего классовая) воля. Результатом взаимодействия общества и личности в этих условиях оказывается не только формальное, но и содержательное постоянство передаваемых образцов поведения, их устойчивость и относительная неизменность⁵¹.

Особенность табуальной формы взаимодействия общества и личности состоит в том, что общество утверждает свои требования без какой-либо мотивировки, а личность неукоснительно их исполняет. Опыт поколений фиксируется в отрицательной форме и лишь в актуальной производственной практике. С возникновением магии простой табуальный запрет получает возможность преобразовываться в ритуальное табу. Деятельность людей расчленяется на реальную и условную (магическую). Ритуал — самое простое средство опредмечивания социального опыта вне актуальной производственной практики и вместе с тем основание для выделения нормы деятельности из процесса деятельности, что не может не активизировать сознание людей. Более того, ритуализируя их жизнедеятельность, общество создает тем самым «культурные схемы», без включения в которые, по справедливому в данном случае замечанию К. Леви-Строса, «личный опыт остается неоформленным сознательно или неприемлемым эмоционально»⁵².

Правда, стимул, который давал это преимущество индивидуальному творчеству, не мог быть полностью реализован не только табуальной формой взаимодействия личности и общества, но и формой, представленной обычаем (по крайней мере, в его архаическом виде). В отличие от табуальной формы взаимодей-

⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 45.

⁴⁹ См.: Бурева Л. П. Социальная среда и сознание личности; Харанинский Я. Л. Нравственность и традиции. М., 1971; Сарсенбаев Н. С. Обычай, традиции и общественная жизнь. Алма-Ата, 1974; Денисюк Н. П. Традиции и формирование личности. Минск, 1979; и др.

⁵⁰ См.: Власова В. Б. Традиция как социально-философская категория. — Филос. науки, 1980, № 4.

⁵¹ Вот что, например, пишет о конфуцианском Китае советский востоковед Л. С. Васильев: «И символика... и образность выражения мысли... всегда бывали строго однозначны... Чаще всего это было связано с тем, что едва ли не любой конкретной идее, явлению или представлению соответствовал строго фиксированный знак-атрибут: изображение, фраза, элемент ритуала или церемониала. Естественно, что в сочетании с наглядностью образа, назидательностью идеи и однозначностью ее смысла все это не могло не вести к пассивности мысли» (Васильев Л. С. Некоторые особенности системы мышления, поведения и психологии в традиционном Китае. — В кн.: Китай: традиции и современность. М., 1976, с. 58).

⁵² Леви-Строс К. Колдун и его магия. — Природа, 1974, № 7, с. 88.

ствия общества и личности обычная форма представляет известные возможности передачи от поколения к поколению положительных установлений. Она связана не только с обрядами, мифами и т. п., но и с общественной (цеховой), кастовой, сословной регламентацией. Воспроизводство образцов действия предполагает в данном случае мотивированные поступки, в частности ссылки на авторитет бога (богов), предков, героев. И тем не менее сам тип традиционной ориентации остается прежним.

Вместе с тем нельзя не видеть и другое: превращение обычая в регулятор взаимодействия общества и личности повышает способность людей к индивидуальному творчеству, поскольку опыт предшествующих поколений может быть зафиксирован здесь в специальных — идеальных — средствах, допускающих принципиальную неоднозначность толкования. Тем самым в обществе обеспечивается решение более сложных задач совершенствования общественного производства и управления общественными делами. Важной вехой в этом процессе становится разделение материального и духовного труда, зарождение идеологии, интегративную функцию в которой в то время играет религия. Несмотря на все возможные (и общеизвестные) оговорки, прогресс состоит в том, что религия непосредственно обращается к сознанию отдельной личности. Иными словами, индивидуальная критическая активность, требующая от любого человека осознания соответствия или несоответствия своего поведения общезначимым представлениям, обретает черты необходимого звена механизма взаимодействия общества и личности. Все это по мере секуляризации религиозных представлений создает объективные предпосылки для институционализации различных форм общественного сознания и вместе с тем создания нового, условно говоря, рационализированного типа традиционной ориентации.

Характерной чертой рационализированного типа традиционной ориентации выступает критическое истолкование унаследованных схем деятельности. Прежде чем разобраться в этом, сделаем некоторые предварительные замечания. Широко распространенное в научной литературе противопоставление традиционного и рационального⁵³ связано с подчеркиванием различия в средствах передачи социального опыта. Традиционное трактуется в данном случае в виде простого копирования образцов, рациональное же отождествляется с осмыслением наследуемого опыта. В этом плане обычай традиционен, а, например, идеологический принцип рационален. В нашем же понимании традиция — не средство, а способ передачи опыта поколений, реализующий их связь различными средствами, в том числе и вышеперечисленными. Поэтому в рассматриваемом контексте мы не противопоставляем рациональное традиционному, а характеризуем рациональное как один из моментов традиционной ориентации особого типа.

Традиция, подчеркнем еще раз, — такая связь поколений, которая обязательно включает в себя субъективное истолкование (правда, не всегда адекватное) содержания социального опыта.

Уже поэтому наряду с традицией существуют и другие связи, возникающие в ходе трансляции социального опыта через научные формулы, организационные (технологические) правила и инструкции, наконец, через стихийное воспроизводство самих общественных отношений. Социальный опыт однозначно задается здесь объективной структурой кодирующих его средств. Соответственно и взаимодействие общества и личности в процессе смены поколений опосредуется не общением людей, не использованием существующих образцов деятельности, а ее объективными результатами.

В историческом плане рационализация традиционной ориентации была обусловлена тем, что создание потребительной стоимости перестало быть непосредственной целью общественного производства. Такой целью стало производство меновой стоимости. Отношения личной зависимости уступили здесь свое определяющее место отношениям вещной зависимости — развитию товарно-капиталистических общественных форм. Все это вызвало, в свою очередь, консолидацию классовых интересов и классового самосознания. Закрепляя классовый интерес в идеологических принципах традиционной ориентации, общество внедряет, обосновывает и санкционирует их всеми доступными ему средствами, в том числе с помощью правовых и государственных мер, а также через сеть массовой информации. Со своей стороны, личность критически осмысливает наследуемый социальный опыт, получает возможность все больше соотносить его с научными знаниями.

Такое взаимодействие общества и личности становится условием воспроизведения самой традиции, обеспечения ее жизнеспособности и пригодности для решения вновь возникающих общественных задач. В рационализированном типе традиционной ориентации творческие функции начинают преобладать над консервативными. Чем теснее и глубже связь личности с обществом, тем больше представляется возможностей для проявления своеобразия личности, для достижения ею своих индивидуальных целей. Опираясь на уже приобретенные обществом средства овладения окружающей действительностью, личность может полнее использовать свои собственные творческие силы и способности, шагнуть дальше в практическом преобразовании мира, умножить общественные достижения своим индивидуальным вкладом. Именно в этом кроется смысл понятия универсальности человеческой деятельности⁵⁴.

Однако реальная мера универсализации человеческой деятельности различна на разных этапах исторического процесса. Она зависит от природы тех общественных отношений, которые состав-

⁵³ См.: *Левада Ю. А.* Сознание и управление в общественных процессах. — *Вопр. философии*, 1966, № 5, с. 66; *Гайденок П. П.* Эволюция понятия науки. М., 1980, с. 124—125; и др.

⁵⁴ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 42, с. 92.

ляют в данный момент реальную сущность человека. В буржуазном обществе не только деятельность трудящихся, но и представителей господствующего класса принимает в известном смысле отчужденные формы, становясь враждебной индивидуальному развитию. Связь личности и общества носит превращенный характер и часто воплощается в ориентации на мнимые ценности. Приходящее на смену капитализму социалистическое общество, напротив, в качестве главной цели выдвигает благо человека, расцвет личности.

Хотя и буржуазная и социалистическая формы взаимодействия общества и личности в значительной степени опосредуются одним и тем же типом традиционной ориентации, они выполняют принципиально различную по своему социальному содержанию функциональную нагрузку. В основе буржуазной формы взаимодействия общества и личности лежит утилитаризм, сводящий рациональные средства оценки социального наследования к изучению его результатов лишь в соответствии с непосредственной целью капиталистического производства — получением прибыли. Такая форма не требует обязательного научного анализа идеологических принципов ориентации, что позволяет буржуазным идеологам утверждать от имени общества классово ограниченные, узкокорыстные идеалы, содержание которых противоречит интересам трудящихся. Наука и прочие средства критического осознания социального опыта получают поддержку и реализуются лишь в тех пределах, в каких они могут способствовать сохранению буржуазных общественных отношений, улаживанию (насколько это возможно без коренных социальных преобразований) конфликтов между личностью и обществом, между трудящимися массами и господствующей верхушкой общества.

Интересны в этой связи идеологические построения некоторых западных теоретиков «левого» радикализма, в частности Г. Маркузе. Его концепция «одномерного человека», претендуя на критическое отношение к традиционным ценностям буржуазного общества, по существу не дает их существенного переосмысления, поскольку сам способ его критики не поднимается до использования научной методологии социального исследования. В результате разница между апологетикой и «революционной» критикой, как мы находим ее в работах Г. Маркузе и подобных теоретиков, — это разница лишь в оценке общественной ситуации, которая исследована и описана в принципе одинаковым способом. Только апологеты перед подобной моделью ставят положительный знак, в то время как Г. Маркузе — отрицательный⁵⁵.

В социалистическом обществе социальный прогресс неотделим от творческого развития личности. Важным средством его достижения выступает сознательное преобразование формирующих личность факторов социальной среды. Но такое преобразование невозможно без научного анализа социального опыта прошлых поколений, его критического осмысления. Консервативная сила традиций ставится под сознательный контроль людей, утрачивая

тем самым слепой и разрушительный характер своего действия⁵⁶. Более того, институционализация при социализме научной идеологии и ее включение в механизм социального наследования придает взаимодействию общества и личности черты переходного состояния к его развитой коммунистической форме и вместе с ней — к традиционной ориентации коммунистического типа.

Формируясь в ходе коммунистического строительства, такая ориентация предполагает в качестве неперемennого условия требование всестороннего и гармоничного развития человека. Сердцевиной взаимодействия общества и личности становится, по формуле К. Маркса, свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной общественной производительности в их общественное достояние⁵⁷.

Проведенный анализ взаимодействия общества и личности в процессе смены поколений позволяет занять определенную методологическую позицию в решении вопроса о их «единстве» и «разногласии», «столкновении», «конфликте», словом, «борьбе». Абстрактные, внеисторические рассуждения вряд ли могут внести здесь ясность. Надо иметь в виду и то, что выражение «отцы и дети», часто употребляемое в публицистической литературе в буквальном смысле, должно звучать в этом контексте только фигурально. В любом случае отношение молодежи к социальному опыту предшествующих поколений возникает не само по себе: оно детерминировано историческими условиями, которые и порождают своеобразие социальной преемственности, создают или, напротив, стирают границу между «идейными» и возрастными группами.

Проблема «отцов и детей», которая существует на любом отрезке истории как необходимость сознательной адаптации традиции в ходе освоения изменяющейся исторической реальности, действительно обостряется в обстановке коренной ломки традиционной системы механизмов общественной жизни. Особенно наглядно она обнаруживает себя в эпоху социальной революции. В подобной обстановке поколения, только вступающие в пору мировоззренческой зрелости, оказываются более чувствительными к необходимости перемен: им легче отказаться от традиции, еще не ставшей для них привычной, и ее формальность они не хотят предпочесть живому, искреннему чувству.

«Идейные» поколения могут совпасть с возрастным поколением по своему составу. Но степень исторической правоты сына перед отцом определяется не его возрастом, а его позицией в борьбе прогрессивных и консервативных сил. Причем в любом

⁵⁵ См.: *Motroschilowa N., Samoschkin J.* Markuses Utopie des Antigesellschaft. Berlin, 1971, S. 34.

⁵⁶ См.: *Суханов И. В.* Обычаи, традиции, обряды как социальные явления. Горький, 1973, с. 158.

⁵⁷ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 101.

случае только ценности, включающие в себя в снятом виде социальный опыт предшествующих поколений, преодолевая его ограниченность в решении актуальных общественных проблем, обретают историческую перспективу, ориентация на них — подлинно поваторская линия человеческой деятельности.

4. Социальные нормы

Взаимодействие общества и личности требует согласования деятельности взаимосвязанных между собой общественных индивидов. Важным средством такого согласования выступают социальные нормы, т. е. правила поведения людей. Генезис подобных правил неотделим от материальной основы исторического процесса. «На известной, весьма ранней ступени развития общества,— писал Ф. Энгельс,— возникает потребность охватить общим правилом повторяющиеся изо дня в день акты производства, распределения и обмена продуктов и позаботиться о том, чтобы отдельный человек подчинился общим условиям производства и обмена. Это правило, вначале выражающееся в обычае, становится затем *законом*»⁵⁸.

Выполнение предписаний социальных норм в случае их нарушения обеспечивается мерами общественного воздействия, включая меры государственного принуждения. Но соотношение между социальной нормой и массовым поведением — далеко не односторонняя связь. «Социальная функция норм поведения,— отмечает Е. М. Пеньков,— двуедина: это и отражение действительности, и воздействие на нее»⁵⁹. Причем воздействие не ограничивается лишь пресечением отклонений от установленных правил поведения. Оно предполагает и развитие определенных тенденций поведения людей. Поэтому в социальной норме не только обобщаются какие-то черты поведения, но и определяются условия деятельности людей, которые способствуют превращению желательных для субъекта нормотворчества поступков в массовое общественное явление.

Невозможность сведения социальной нормы к простому отражению действительности порождает стремление исследователей трактовать норму и в виде образования общественного сознания, и в виде компонента самой объективной связи общественной жизни. Однако в научной литературе данный вопрос еще не получил однозначного решения⁶⁰. Конечно, специфику социальных норм нельзя понять вне исследования взаимодействия сознания и поведения людей. Тем не менее это не означает, будто норма и есть само взаимодействие. Подчеркивая односторонность теоретического рассмотрения проблем нормативной регуляции в буржуазной философии и социологии, для которых в целом характерен разрыв сознания и поведения людей, О. Г. Дробницкий обращает внимание на то, что преодоление такого разрыва выдвигает задачу анализа нормативных отношений как звена, связывающего сознание и поведение людей. «Нормативные отноше-

ния вообще,— считает он,— с одной стороны, являются детерминантой нормативного поведения, а с другой — определяют смысловые значения нормативно-оценочных форм сознания, придают им практически-обязующий характер»⁶¹.

Социальные нормы выступают своеобразным результатом познания человеком окружающего мира, выраженного в способах организации его действий. Взятые в таком наиболее общем виде, они охватывают собой и различные технические правила и даже правила языка, поскольку он служит общению людей. Вместе с тем подобные правила не являются еще собственно социальными нормами.

При выделении собственно социальных норм в специальной литературе широко используется предложенный Н. Н. Мокроусовым принцип разграничения действий на действия-операции и действия-поступки⁶², согласно которому действия-операции представляют предметно-преобразовательные действия людей, действия-поступки — их действия по отношению друг к другу. Важность данного принципа для понимания природы социальных норм не вызывает сомнения. Позиции расходятся, когда речь идет о его применении для определения сферы социально-нормативного регулирования. Е. М. Пеньков действия-операции и действия-поступки квалифицирует как особые виды действий⁶³. Ряд авторов занимают иную позицию: действия-операции и действия-поступки — одни и те же действия, взятые в разных аспектах⁶⁴.

Хотя система общественных отношений вырастает из материально-производственной деятельности людей, стремление к исключению действий-операций из сферы социально-нормативного поведения отнюдь не случайно. Оно выражает тот факт, что непосредственным предметом социальной регуляции являются не субъектно-объектные, а именно субъектно-субъектные отноше-

⁵⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 18, с. 272.

⁵⁹ Пеньков Е. М. Социальные нормы — регуляторы поведения личности. М., 1972, с. 49.

⁶⁰ А. К. Уледов отмечает, что под нормами поведения поколения следует понимать реальные отношения между людьми (см.: Уледов А. К. Структура общественного сознания: Теоретико-социологическое исследование. М., 1976, с. 83). Необходимость рассмотрения норм как отношений отмечалась также Л. М. Архангельским (см.: Архангельский Л. М. Коммунистические нравственные нормы и их становление. — Филос. науки, 1967, № 3, с. 54). В то же время другие авторы подчеркивают неправомерность смешивать понимание нормы как элемента общественного сознания с реальными отношениями (см.: Hörz H., Hörz E. Das Verhältnis von objektiven Gesetzen und moralischen Normen im Erzeugungsprozess. — Deutsche Zeitschrift für Philosophie, 1973, H. 10, S. 1257).

⁶¹ Дробницкий О. Г. Понятие морали. М., 1974, с. 250.

⁶² См.: Мокроусов Н. Н. Проблема нравственной оценки поступков (поведения). — Вopr. философии, 1965, № 9, с. 38—39.

⁶³ См.: Пеньков Е. М. Социальные нормы — регуляторы поведения личности, с. 46.

⁶⁴ См.: Бакигановский В. Н. Моральный выбор личности: Цели, средства, результаты. Томск, 1977, с. 34—35; Анисимов С. Ф. Мораль и поведение. М., 1979, с. 27—28.

ния людей. В то же время следует отметить и то, что многие их субъектно-субъектные отношения возникают в связи с предметно-преобразовательными действиями, обуславливают ответственность личности за эти действия. Одно и то же действие выступает в таком случае и в его предметно-преобразовательном, вещном и его общественном значении.

С другой стороны, ряд действий, совершаемых в обществе, вообще не имеют предметно-преобразовательной направленности, например, политическая борьба, совершенствование государственного аппарата и т. п. В данном случае поддержание тех или иных субъектно-субъектных отношений составляет особую область общественной деятельности. Однако в конечном счете производство и воспроизводство всех общественных отношений так или иначе подчинены материальному производству. Поэтому раскрыть роль социально-нормативной регуляции поведения людей можно, только выяснив влияние социальных норм на непосредственные мотивы их предметно-преобразовательной деятельности.

Для организации общественного производства материальных средств к жизни недостаточно усвоить лишь способы обращения с орудиями труда. Необходимо обеспечить еще деятельность людей как единое целое, т. е. распределить между ними конкретные виды работ, установить их особые функции, обусловленные технологией производственного процесса. Возникающие здесь организационные отношения фиксируются в совокупности организационных норм⁶⁵. Организационные нормы имеют место и во всех других областях общественной деятельности, где возникает необходимость распределения обязанностей между людьми. Поскольку данные нормы регулируют отношения людей друг к другу, постольку областью их действия являются субъектно-субъектные отношения. Однако содержание этих норм обусловлено технологией производства или же тактическими приемами осуществления какой-либо внепроизводственной деятельности, т. е. выражает отношение людей к объекту этой деятельности. Поэтому организационные отношения становятся областью социально-нормативного регулирования лишь в той мере, в какой они зависят от общественных целей и методов организации трудового процесса, системы общественных отношений в целом.

В доклассовом обществе различие действий-операций и действий-поступков обнаруживает себя там, где выполняются функции организации производства, поддержания организованного состояния общественной жизни в целом. Здесь-то практически и концентрируются требования нормативного регулирования. Исторически первыми социальными нормами, закрепляющими позитивное поведение людей, был обычай. Должное и сущее в обычае полностью совпадают⁶⁶. Отсюда мотив выполнения закрепляемых обычаем социальных норм обусловлен самим фактом их существования. Развитие этих норм в значительной степени связано с усложнением родоплеменной структуры, возникновением

союзов племен, т. е. происходит там, где возникают условия, при которых индивид выделяет себя из какого-то социального образования, становится в отношении к нему в качестве представителя рода, племени или частного лица. Неслучайно одним из древнейших обычаев был обычай дарообмена; об этом свидетельствует и возникшее позже требование «договоры должны исполняться».

Исторически развитие социальных норм обусловлено проявляющимися различиями в социальном положении людей, вызвано необходимостью регулировать те особые социальные связи индивидов, которые возникают вместе с дифференциацией их общественных функций. К таким особым, выполняемым по отношению к обществу, функциям относятся функции управления и отправления религиозных культов. Первоначально именно эти функции обуславливают закрепление обычаем особого статуса лиц, ответственных за их выполнение. Дальнейшее развитие системы социальных норм связано с формированием классовых отношений.

Разложение первобытнообщинного строя и утверждение классового общества подчиняют производство и воспроизводство непосредственной жизни интересам господствующего класса. Целенаправленное принудительное воздействие на поведение людей обеспечивается в классовом обществе силой государства. Подобная институционализация социальных норм превращает их в нормы права — возведенную в закон волю господствующего класса⁶⁷. Представляя собой форму идеологической деятельности господствующего класса, правотворчество выражает его стремление подчинить себе все сферы, в первую очередь экономическую, жизни общества и в то же время создать иллюзию всеобщего правопорядка. Своей вершины подобная иллюзия достигает при капитализме, когда осознанные общественные отношения максимально строятся по принципу юридических прав и обязанностей. Вместе с тем нельзя не видеть и другого: расширение области правового регулирования поведения людей, особенно принятие в результате классовых битв пролетариата трудового законодательства, ограничивающего произвол предпринимателей, играет важную роль в росте самосознания трудящихся, формирования у человека труда чувства собственного достоинства.

Мотив исполнения правовых норм основан прежде всего не на убеждении в целесообразности закрепляемых правил поведения, а на страхе перед применением санкций. Реальные отношения людей по поводу общественной значимости их поступков заме-

⁶⁵ См.: Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: действительность, материальная основа, первичное и вторичное. М., 1981, с. 108—109, 288.

⁶⁶ См.: Дробницкий О. Г. Понятие морали, с. 265—266.

⁶⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 443. Об условиях формирования правовых норм см.: Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972, с. 135—160.

няется в правовой регуляции формальными отношениями по поводу исполнения норм права. Право, таким образом, представляет собой способ организации общественных отношений, в значительной степени независимый от характера той деятельности, в связи с которой данные отношения возникают. Правовое регулирование — единственно возможная и необходимая форма регулирования поведения людей в условиях противоборства антагонистических классов. Оно сохраняется и при социализме — первой фазе коммунистической общественно-экономической формации, поскольку сохраняются социальные различия людей и специфические интересы социальных групп. Преобразование государства диктатуры пролетариата в общенародное социалистическое государство изменяет волевое содержание норм права. Право становится возведенной в закон волей всего народа.

В правовых нормах могут быть выражены далеко не все стороны взаимодействия общества и личности. Приспособленные к согласованию частных интересов людей, находящихся в противоречиях или даже социальном антагонизме друг к другу, нормы права имеют главным образом характер запретов, ограничений или же предписаний, строго очерчивающих круг субъективных прав и обязанностей. Во многом они оказываются неспособными позитивно согласовывать интересы людей, в полной мере стимулировать активность личности, развитие ее творческой инициативы. Практические взаимосвязи людей, основанные на общности их интересов, непосредственной заинтересованности в совместной жизнедеятельности, выражаются в совокупности неинституциональных регуляторов, прежде всего морали.

В отличие от обычая мораль — мировоззренческая система, в которой социальные нормы не просто утверждаются во взаимоотношениях людей как неизменные эталоны поведения, а аргументируются в понятиях морального (нравственного) сознания. Такая аргументация необходимо предполагает оценку общественных явлений с позиций их желательности и значимости для человека и общества (класса). Представляя отношения людей по поводу совершаемых ими поступков, моральные отношения не являются исключительно нормативными отношениями. Они обретают свой статус уже в силу общественной значимости поступка. Более того, чертами морального отношения обладают и отношения людей по поводу норм морали.

Момент совпадения отношений по поводу норм морали с практическими отношениями по поводу поступков, регулируемых данными нормами, фиксирует существенное отличие морали от права. Если для правового регулирования главное значение имеет результат поступка, то для морального регулирования — его мотив. Однако указанное совпадение не означает тождества, что свойственно для обычая, где любое утвердившееся правило поведения оценивается как необходимое. Различение между реальным массовым поведением и требованием, выраженным в моральной норме, придает моральному сознанию социально-критическую

направленность. Мораль допускает свободу выбора, не принуждая человека никаким внешним образом к этому выбору. Должное в морали всегда противопоставляется сущему, направлено на его изменение.

Противопоставление должного и сущего в моральной регуляции фактически отмечается всеми исследователями морали. Социальные причины такого противопоставления связываются во многих работах с деятельностью прогрессивных общественных классов⁶⁸. В этом смысле сама историческая реальность, «рассмотренная со стороны явления как нечто уже ставшее, массовидное, есть сущее»⁶⁹. Она же, рассмотренная с точки зрения «глубинных, сущностных связей и перспективных тенденций, выступает как должное»⁷⁰. Вместе с тем следует отметить, что новые, прогрессивные черты исторической реальности представлены в морали не прямо в виде идей, ориентирующих массы на изменение действительности, а косвенно, через утверждение в общественной жизни новых типов взаимоотношений людей.

Оценка исторической реальности с точки зрения ее значения для человека необходимо предполагает возникновение и утверждение в отношениях между людьми представления о ценности человеческой жизни, признания права человека на личное счастье, становление его индивидуальности. Поэтому развитие морали в качестве особого оценочно-императивного способа освоения исторической действительности⁷¹ неразрывно связано с утверждением принципа⁷² гуманизма, признанием равноправия человеческих интересов и выражением желания сделать отношения людей более человеческими.

Социально-историческая общность (в классовом обществе прежде всего класс), вырабатывающая нормы морали, не осознает себя их творцом. Решая свои повседневные дела, члены общности так или иначе поддерживают между собой определенные связи, «гуманизируют» нормы общения, что и заставляет на практике путем «проб и ошибок» отбирать соответствующий их образу жизни «модус поведения». Поскольку подобное нормотворчество представляет длительный процесс, совпадающий с процессом консолидации общности, постольку сам факт появления моральной нормы не закрепляется в сознании людей. Общность сохраняет представление лишь о требовании моральной нормы и практической целесообразности ее выполнения. Наличие моральной нормы подчеркивает устойчивость, неизменность общественной оценки поступков личности, совершаемых в сфере деятельности, регули-

⁶⁸ См.: *Анисимов С. Ф.* Марксистско-ленинская этика. М., 1973, ч. II, с. 17.

⁶⁹ *Гусейнов А. А.* Социальная природа нравственности. М., 1974, с. 55.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ См.: *Титаренко А. И.* Специфика и структура морали.— В кн.: *Мораль и этическая теория.* М., 1974, с. 11.

⁷² Принцип в отличие от нормы выражает непосредственно определенный тип взаимодействия общества и личности, имеет мировоззренческое значение.

руемой данной нормой. Именно эта устойчивая оценка придает норме, утвердившейся в общественном сознании, надличностный характер, исключает субъективный произвол в отношениях людей, обеспечивая их стабильное воспроизводство.

В условиях классово-антагонистической организации общества интересы людей обусловлены прежде всего их реальным классовым положением. Это влияет на мораль антагонистического общества, наделяя моральные нормы, формирующиеся в жизнедеятельности каждого класса, своими особыми, специфическими чертами. Ф. Энгельс, в частности, отмечал, что мораль современного ему европейского общества представляет три системы морали: христианско-феодальную, унаследованную от прошлых времен, буржуазную и пролетарскую⁷³. Тем не менее в определенных связях человек всегда выходит за рамки непосредственных классовых интересов. Эти связи выделяют, например, элементарные требования всякого человеческого общежития. В межличностном общении они фиксируются в простых нормах морали. Общечеловеческое значение объективно имеют и многие другие моральные нормы, возникающие в жизнедеятельности трудящихся классов, хотя они и не всегда становятся всеобщими правилами поведения. Так, в морали трудящихся классов вырабатываются нормы уважения к труду других людей. В подобных нормах отражаются реальные условия жизни трудящихся, в то же время они выражают ценность трудовой деятельности для развития общества в целом.

В сопоставлении с нормами права, устанавливающими лишь общие условия труда, мораль обладает способностью выступать его непосредственным стимулом. Неслучайно поэтому этики — ученые, занимающиеся исследованием морали, настаивают на том, что социальные нормы не могут быть безразличны к ответственности личности за приемы и методы предметно-преобразовательной деятельности. В этом отношении ценность моральных норм неотделима от ценности той деятельности, по поводу которой они складываются. Регулируя поведение людей, моральные нормы так или иначе отражают взаимодействие общества и личности. Но в антагонистическом обществе социальное положение основных классов противоположно. Соответственно возникает и противоположность их моральных императивов, а вместе с ними конфликт моральных ценностей угнетенных и угнетателей. Насколько быстро нравственное возмущение масс находит свое выражение в политических требованиях, зависит от степени консолидации угнетенного класса, его способности к политической борьбе.

Обострение классовых противоречий ведет к тому, что моральное единство угнетенного класса имеет тенденцию дополняться его политическим единством. Критика общественных порядков с позиций абстрактного гуманизма заменяется критикой политической борьбы. В этих условиях моральные установления получают свое обоснование в политическом сознании. Так развивались в эпоху буржуазных революций ставшие политическими лозунгами моральные представления о свободе, равенстве, братстве. Хоро-

по известна и политическая оценка В. И. Лениным пролетарской морали: «Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда»⁷⁴. Возникает здесь и проблема политических норм (норм политической жизни)⁷⁵, сочетающих в себе черты институциональных и неинституциональных правил поведения. С одной стороны, такие правила обладают формальной определенностью, вырабатываются руководящими органами политических организаций, с другой — опираются на нравственные принципы и даже включают их как часть собственных требований.

Целостное воздействие системы социальных норм на личность не только обеспечивает подчинение поведения личности требованиям общества, но и оказывает влияние на ее развитие. Социальные нормы становятся важным фактором освоения личностью исторической действительности, в том числе осознанием себя представителем определенного класса. Хотя утверждение той или иной социальной нормы во взаимоотношениях людей непосредственно может преследовать цель согласования их интересов, косвенно она влияет и на формирование этих интересов. Причем такое влияние часто остается неосознанным даже для субъекта нормотворчества, выходит за рамки первоначального назначения нормы. Все это превращает социальные нормы в важный компонент производства и воспроизводства общественного человека, социального наследования и связи поколений.

Восприятие общественных требований со стороны личности носит творческий характер. Человек осмысливает содержание предъявляемых ему требований, соотносит их с условиями собственной жизни, подвергает оценке. Творческое отношение к действительности заключает в себе возможность переосмысления содержания социальных норм и выдвижения новых императивов. Однако этот процесс носит надындивидуальный характер, совершается на уровне социально-исторических общностей людей и общества в целом. Творческое восприятие социальных норм имеет особое значение при социализме, где развитие общественных отношений

⁷³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 94—95.

⁷⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 313.

⁷⁵ Некоторые авторы считают, что политические нормы не имеют самостоятельного существования, поскольку политика представляет деятельность, направленную на регуляцию всех общественных отношений (см.: *Энгст Я.* Некоторые проблемы научной этики. М., 1960, с. 31). В то же время другие авторы признают самостоятельный статус политических норм. Указывая на организующую роль политической идеологии, М. И. Бобнева предлагает также наряду с понятием политических норм использовать понятие идеологических норм (см.: *Бобнева М. И.* Социальные нормы и регуляция поведения. М., 1978, с. 17). Такое расширенное трактование норм кажется нам неправомерным. Учитывая программный, ненормативный характер политического сознания, на наш взгляд, следует говорить именно не о политических нормах, как каких-то определяющих идеологических принципах, а о нормах политической жизни, понимая под ними нормы взаимоотношения лиц, вступивших в те или иные политические организации.

приобретает особый динамизм, совершается как осознанный, направляемый и контролируемый процесс. Взаимосвязи личностей все более перестают носить формальный характер, во всех сферах жизни общества возрастает удельный вес личного общения и др. Тем не менее развитие данных тенденций не означает ослабления связи личности и общества, ее ответственности, организованности и дисциплины в общественных и личных делах.

Поскольку социализм — еще не полный коммунизм, постольку социальные связи людей несут на себе некоторые черты формальной организации. Это обстоятельство обуславливает необходимость сохранения при социализме правовых регуляторов. В. И. Ленин подчеркивал, что, «не впадая в утопизм, нельзя думать, что, свергнув капитализм, люди сразу научаются работать на общество *без всяких норм права*»⁷⁶.

В то же время было бы неправильным отождествлять нормы социалистического права с нормами буржуазного — как по их общей направленности, так и по характеру воздействия на личность. Выражая на этапе зрелого социализма возведенную в закон волю всего народа, нормы социалистического права играют важную роль в контроле за мерами труда и потребления, гарантии подлинной свободы и всестороннего развития личности. Исполнение норм социалистического права становится осознанным поведением всех членов общества, подтверждается убеждением в их справедливости и целесообразности. Соответственно и правовые нормы, закрепляя реальное положение людей в структуре социалистического общества, не сковывают, а, напротив, стимулируют их творческую инициативу. Искусство научного управления поведением людей заключается именно в умении такого его нормативного определения, которое способствует завершению переустройства всей системы непосредственных взаимоотношений людей на коллективистских началах.

Развитие общественных отношений при социализме необходимо предполагает развитие социальной активности личности. Но активная жизненная позиция может быть устойчивым убеждением личности только в том случае, если эта позиция связана с развитием комплекса таких ее высших социальных потребностей, как потребности в труде, образовании, культуре общения и т. п. Именно в формировании высших социальных потребностей заключается основная задача воспитательного воздействия социалистического общества на личность. В отличие от различных «клинических» методов воспитания при капитализме, приспосабливающих человека к выполнению частичных функций, навязывающих ему стандарты массового потребления, социалистическое общество стремится к воспитанию целостной человеческой личности. Выполнение типизированных требований не исключает, а предполагает здесь развитие индивидуальности личности, осуществляемое в соответствии с ее склонностями и способностями.

⁷⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 95.

Глава 5

КУЛЬТУРА

1. Проблема культуры в современном общественном знании

В теории исторического материализма понятие культуры существует в качестве одной из тех научных абстракций, которые, по словам К. Маркса, «имеют силу для всех эпох»¹. Наряду с другими подобными ей абстракциями данное понятие позволяет проникнуть в сущность исторического процесса, раскрыть особый характер общественного (человеческого) развития по отношению к развитию всего природного мира. С этой точки зрения категория культуры — всеобщая социально-философская категория, заключающая в себе весьма важную характеристику целостной исторической реальности.

Под культурой принято в настоящее время понимать специфический для человека способ его жизнедеятельности. Согласно Э. С. Маркаряну, смысл термина «культура» в современном общественном знании сводится «прежде всего к фиксации общего качественного своеобразия человеческой жизнедеятельности и отличению ее от форм биологической жизни»². Споры нет, в культуре действительно выражено качественное своеобразие человеческой деятельности и вообще человеческого существования в мире. Но в чем оно состоит? Где проходит граница, отделяющая человеческую жизнедеятельность от биологических форм жизни? Ведь специфической для человека формой жизни является, как известно, общественная жизнь. Означает ли это, что культура охватывает собой всю общественную жизнь человека, совпадает с общественной жизнью? Или в ней фиксируется какая-то важная, существенная, но отнюдь не единственная сторона этой жизни? Данные вопросы и по настоящее время широко обсуждаются представителями различных общественных наук, вызывая порой весьма разноречивые мнения и толкования³.

Обычно культуру рассматривают в виде некоторой «части» общества, охватывающей собой определенный круг общественных явлений. Установление соотношения между обществом и культурой часто такой констатацией и ограничивается. При этом, очевидно, исходят из предположения, что наряду с куль-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 42.

² Маркарян Э. С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969, с. 7.

³ С некоторыми существенными аспектами этой дискуссии можно познакомиться по работам: Маркарян Э. С. Очерки теории культуры; Боголюбова Е. В. Культура и общество. М., 1978; Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс. М., 1980.

турой как общественным явлением существуют и другие общественные явления, которые не есть культура или не включаются в сферу, обозначаемую этим термином. Так, Э. Ион считает необходимым «отграничить область культуры от других общественных явлений, в частности от политики и экономики, а также определить их взаимоотношения»⁴. Примерно в том же духе высказывается и Я. Щепанский: «Мы различаем природные, экономические и культурные условия, которые в сумме создают возможность возникновения человеческих обществ и оказывают влияние на ход протекающих в них процессов»⁵. Что бы здесь конкретно ни понималось под обществом и культурой, ясно, что они соотносятся в данном случае по принципу целого и части.

Тот же вопрос, но в несколько иной форме, ставит Э. С. Маркарян. Признавая, что культура представляет собой «объект особого рода, как бы „разлитый“ по всему телу социального организма и проникающий буквально во все его поры», он тем не менее выдвигает задачу разработки «принципов вычленения явлений культуры из общего комплекса общественной жизни людей»⁶. По его мнению, культуру следует рассматривать не как «часть» общества, а как его функцию, под которой понимается специфический для общества способ его деятельности, включающий в себя «систему внебиологически выработанных средств и механизмов, благодаря которым мотивируется, направляется, координируется, реализуется и обеспечивается человеческая деятельность»⁷.

Природа культуры, согласно приведенному определению, «технологична», хотя само понятие «технологии» истолковывается Э. С. Маркаряном очень широко: оно включает в себя не только средства производства, но и нравственные побуждения, эстетические идеалы, мировоззренческие взгляды и т. д. При таком подходе культура не охватывает собой общественные отношения, а также различные социально-исторические формы общностей и объединений людей, группирующие их в коллективные субъекты. Соответственно этому подразделяются социологическая теория и теория культуры. Первая рассматривает отношения между людьми в качестве субъектов деятельности, вторая — способы деятельности (т. е. всю сумму используемых в процессе деятельности «технических» средств). Понятие «культура» призвано, таким образом, отобразить общественную жизнь людей с точки зрения присущего им специфического способа деятельности, охватывающего собой ту особую систему средств и механизмов, благодаря которой человеческие индивиды в процессе кооперированного существования решают встающие перед ними многообразные проблемы⁸.

Изложенная нами концепция Э. С. Маркаряна нашла среди советских авторов и активных сторонников и противников. Ее поддержали в своих работах З. И. Файнбург⁹, М. С. Каган¹⁰, В. Е. Давидович, Ю. А. Жданов. Так, два последних автора в своей книге «Сущность культуры» пишут: «Полагание культуры

как технологического аспекта общественного процесса создает большие эвристические возможности, результативную концептуальную силу. Такой подход помогает „взять“ культуру в ее сущностном бытии, не ограничиваясь феноменологической описательной констатацией. На уровне социально-философского анализа утверждение культуры как искусственной технологии деятельности дает нам ее всеобщую характеристику, ее наиболее общее абстрактное определение»¹¹.

Следует, однако, более внимательно отнестись и к тем возражениям, которые были сделаны в адрес данной концепции другими авторами. Наиболее резкой критике она была подвергнута в работах Н. С. Злобина. Суть его замечаний состоит в том, что Э. С. Маркарян, определяя культуру как специфически человеческий способ деятельности, сам закрывает себе путь к пониманию этой специфичности, исключая из нее субъекта деятельности и всю совокупность характеризующих его общественных отношений. Нет и не может быть никакой деятельности, а значит, и культуры без человека как субъекта деятельности, включенного в определенную систему общественных отношений. Сводить способ человеческой деятельности к одной технологии равносильно тому, чтобы рассматривать общественный способ производства без производственных отношений и без самого человека как главной производительной силы¹².

Концепция Э. С. Маркаряна критикуется и Э. В. Соколовым, который отмечает невозможность различения общества и культуры с помощью категорий «причина—следствие», «форма—содержание», «структура—функция». По его мысли, в культуре представлены структурный и функциональный аспекты общественной жизни. Э. В. Соколов подчеркивает взаимосвязь общества и культуры. «...Хотя культура,— пишет он,— и выступает как функция (продукт, способ деятельности) общества, верным будет и обратное утверждение: общество есть продукт, способ реализации определенной культуры»¹³. Вместе с тем, утверждая (в некотором противоречии с только что процитированным положением), что «культура — неотъемлемая составная часть общест-

⁴ Ион Э. Проблемы культуры и культурная деятельность. М., 1969, с. 13.

⁵ Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969, с. 18.

⁶ Маркарян Э. С. Проблема целостной характеристики предмета истории культуры.— История СССР, 1979, № 6, с. 105.

⁷ Он же. О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973, с. 43.

⁸ См.: Маркарян Э. С. Очерки теории культуры, с. 32.

⁹ См.: Файнбург З. И. К вопросу о понятии культуры и периодизации ее исторического развития.— Изв. СКНЦ ВШ. Общественные науки, 1976, № 3.

¹⁰ См.: Каган М. С. Человеческая деятельность. М., 1974.

¹¹ Давидович В. Е., Жданов Ю. А. Сущность культуры. Ростов н/Д, 1979, с. 85.

¹² См.: Злобин Н. С. Некоторые методологические проблемы исследования культуры.— В кн.: Проблемы теории культуры. М., 1977, с. 26—30.

¹³ Соколов Э. В. Культура и личность. Л., 1972, с. 56.

венной жизни»¹⁴, Э. В. Соколов не формулирует четкого критерия выделения этой части из целостности общественной жизни.

Несколько иной позиции придерживается Л. Н. Коган и Ю. Р. Вишневский, которые считают, что культура и общество соотносятся между собой не как две стороны одного и того же целого, а как часть и целое: общество есть целое, культура же — одна из сторон, сфер общества. Сфера культуры — это сфера творческой деятельности, которая может обнаруживать себя в любой области общественной жизни — материальной или духовной. «Всякая культурная деятельность социальна, по отнюдь не вся социальная деятельность является деятельностью культурной»¹⁵. Отсюда следует, что, определяя культуру как способ деятельности, мы должны предварительно выяснить, какой характер носит эта деятельность — творческий или нетворческий.

И наконец, необходимо отметить точку зрения А. К. Уледова, который также возражает против сведения культуры лишь к «системе средств и механизмов» человеческой деятельности, поскольку она в равной мере охватывает результаты деятельности и отношения, складывающиеся в ее процессе. Поэтому «культура — это не структурная часть целого (сфера, область, срез и т. п.), а скорее *определенное качественное состояние общества на каждом данном этапе его развития*»¹⁶. На наш взгляд, именно А. К. Уледов ближе всего подходит к пониманию культуры как наиболее общего показателя уровня и степени исторического развития общества. Такой подход ставит своей задачей не просто указать место культуры внутри расчлененной общественной системы, но и увидеть в ней необходимый масштаб для «измерения» степени исторической зрелости и развитости этой системы и тем самым ввести анализ общества в контекст исторического подхода, т. е. в тот самый контекст, который ускользает как от сторонников, так и от противников точки зрения Э. С. Маркаряна.

Разумеется, никто из перечисленных выше авторов (в том числе и Э. С. Маркарян) не отрицает того, что общество есть не только функционирующая, но и развивающаяся система, что оно изменяется с ходом истории. Но одно дело соглашаться с этим положением и совсем другое — использовать его в качестве методологического принципа теоретического исследования общественной системы. Ведь и сегодня развитие общества и его «внутренняя анатомия» (строение, структура) часто рассматриваются как два совершенно различных предмета исследования, подлежащих самостоятельному изучению и требующих особых методов познания. Отсюда иногда встречающееся в научной литературе слишком резкое противопоставление историко-генетического и структурно-функционального способов анализа, диахронии и синхронии, конкретно-исторического и абстрактно-логического подходов.

Источником такого «двойственного» подхода к анализу общества (со стороны его развития и структуры) выступает позити-

вистская социология, которая еще в лице О. Конта резко обособилась друг от друга «социальную динамику» и «социальную статику». Это был первый шаг на пути к дальнейшему размежеванию истории и социологии, что позволило позднее одному из лидеров неокантианства Г. Риккерт у отнести социологию не к историческим (идиографическим), а к естественным (номотетическим) наукам.

Дискуссия вокруг проблемы соотношения общества и культуры есть прямой продукт обособления социологии от истории, абстрактно-теоретического рассмотрения общества от его исторического (генетического) рассмотрения. В результате исследование общественной системы (в рамках социологии) оказалось трудно согласуемым с изучением культуры. Это и понятно, если учесть, что феномен культуры был выявлен в истории общественной мысли прежде всего в результате исторического подхода к социальной действительности, что само понятие культуры первоначально сформировалось как центральное понятие философско-исторического знания. Традиционное отождествление исторических наук с науками о культуре (иногда совершенно безосновательно приписываемое одним лишь неокантианцам) имеет под собой вполне реальное основание.

Неразрывная связь культуры и истории была зафиксирована уже в первых социально-философских концепциях нового времени (Дж. Вико, И. Г. Гердер, И. Кант). Культура есть то, что сделано, создано (развито, улучшено, изменено) самим человеком в отличие от того, что дано природой. В культуре представлена, наглядно выражена способность человека и всего «человеческого рода» к саморазвитию, делающая возможным сам факт человеческой истории. Эту способность следует отличать от чисто природной эволюции живых и неживых тел, в которой развивающееся тело предстает как чисто пассивный объект происходящих изменений. Человек же является субъектом своего развития, создающим все необходимые условия и предпосылки своего существования. Человеческая история и есть история его культуры, включающая в себя результаты его собственной деятельности, причем главным таким результатом является сам человек как социальное существо. В понятии культуры мыслители нового времени стремились выразить, таким образом, качественное своеобразие человеческого развития, а значит, и человеческой истории в отличие от «естественной истории» всего природного мира.

Отсюда ясно, что любая попытка изъять тот или иной объект социологического анализа из контекста исторического рассмотрения делает как бы ненужным и излишним само понятие культу-

¹⁴ Соколов Э. В. Культура и личность, с. 56.

¹⁵ Коган Л. Н., Вишневский Ю. Р. Очерки теории социалистической культуры. Свердловск, 1972, с. 22.

¹⁶ Уледов А. К. К определению специфики культуры как социального явления.— Филос. науки, 1974, № 2, с. 28.

ры. Отказ от исторического подхода к социальной действительности (или даже желание временно абстрагироваться от него в ходе теоретического исследования) равносителен отказу от ее рассмотрения как явления культуры. Следствием такого отказа выступает натурализация изучаемого объекта, его истолкование по прямой аналогии с природным миром. Недаром все социологические теории, рассматривающие себя в прямой оппозиции к историческому знанию, тяготеют к принципам и методам исследования, принятым в естественных науках. В позитивистской социологии преодоление историзма было осознано как необходимое условие ее максимального приближения к «подлинной», т. е. естественной, науке.

Для социолога, стремящегося построить абстрактно-теоретическую «модель» общества, т. е. мыслящего не исторически, а абстрактно-логически (как бы ни назвать такое мышление — структурно-функциональным, системным и пр.), вопрос о том, что понимать под культурой, всегда оказывается трудно разрешимой проблемой. Пытаясь «втиснуть» культуру в создаваемую им «модель», он будет плодить ее многочисленные определения, не осознавая, что в рамках такого подхода проблема культуры вообще неразрешима, поскольку порождена совершенно иными теоретическими потребностями. То, что продиктовано желанием понять природу человеческого развития, человеческой истории, вряд ли может пригодиться там, где развитие, исторический процесс вообще исключаются из предмета анализа. Поэтому последовательно мыслящий социолог, стоящий на позиции абстрактно-логического рассмотрения общества, сделает вывод о том, что социология культурой вообще не занимается, что культура есть объект иного рода знания, как бы его ни называть — антропологией, культурологией, теорией культуры и т. д. Подобное обстоятельство и служит причиной отчетливо наблюдаемой сегодня тенденции к размежеванию социологии и теории культуры (культурологии).

По-своему данная тенденция сказывается в развитии современной общественной мысли на Западе. В ней принято различать социологию как науку об обществе и антропологию (тесно связанную с этнографией и этнологией) как науку о человеке и его культуре. Долгое время обе эти отрасли знания развивались параллельно, независимо друг от друга, пока необходимость взаимоперекрещивающихся исследований не поставила вопрос о том, как же соотносятся между собой предметы их исследования — общество и культура. В результате совместного выяснения позиций, осуществленного, например, в статье А. Кребера и Т. Парсонса¹⁷, обнаружилась такая ситуация: то, что Э. Тейлором и Ф. Боасом обозначалось как культура, О. Конт, Г. Спенсер, М. Вебер и Э. Дюркгейм называли обществом.

Иными словами, понятие культуры использовалось в антропологии примерно в том же значении, в каком понятие общества использовалось в социологии. Авторы статьи приходят к выводу

о необходимости более расчлененного употребления этих понятий и соответственно дифференцирования предмета антропологии и социологии. Они предлагают понимать под культурой определенные типы идей, ценностей, символических систем, передаваемых от поколения к поколению и обуславливающих поведение людей в рамках кооперативных сообществ, а под обществом (социальной системой) — отношения между индивидами и группами индивидов внутри этих сообществ.

В круг интересов антропологии, пишет Т. Парсонс в другой работе, включается «аналитическое изучение явлений культуры, структурированных символически значимых систем, в которых и посредством которых ориентируются и направляются социальные системы и личности»¹⁸. В противоположность антропологии «главным предметом социологического анализа является институциональный аспект социального действия», т. е. «действующие в социальных системах *нормативные экспектации*, коренящиеся в культуре и определяющие, что именно *надлежит* делать при тех или иных обстоятельствах людям в различных статусах и ролях *одного* или нескольких различных значений»¹⁹. Говоря проще, антропология имеет дело с ценностями, а социология — с нормами, предписываемыми человеку его местом и ролью в общественной системе. Подобное различие носит, однако, чисто аналитический характер и имеет смысл только внутри эмпирически нерасчленяемого общественного целого.

Однако и подобная попытка различения общества и культуры не решает проблемы их соотношения. Большинство антропологов вряд ли согласится с тем, что, изучая культуру, они изучают что-то другое, а не общественную жизнь людей, их общественное поведение. Различие между ними будет состоять лишь в том, что одни (как, например, американские культурные антропологи) считают социальную структуру частью изучаемой ими культуры, тогда как другие (английские социальные антропологи), наоборот, видят в культуре один из аспектов общественной системы, изучение которой входит в задачу социальной антропологии. С этой последней точки зрения социальная антропология есть часть социологии, занимающаяся изучением примитивных обществ.

«Между „культурными антропологами“ США и английскими „социальными антропологами“, — пишет Ю. В. Бромлей. — ведется многолетняя полемика по вопросу о соотношении этих наук. Данная полемика связана со спорами о сущности и соотношении понятий „культура“ и „общество“. Большинство американских уче-

¹⁷ См.: Kroeber A. L., Parsons T. The Concept of Culture and of Social System. — American Sociological Review, 1958, Oct., vol. 23. Более подробный анализ этой статьи содержится в работе: Маркарян Э. С. Очерки теории культуры, с. 52—54.

¹⁸ Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М., 1972, с. 363.

¹⁹ Там же, с. 365.

ных, считая, что „культура“ и „общество“ — равнозначные понятия и что понятием „культура“ охватывается и социальная структура, рассматривают социальную антропологию как часть культурной антропологии, занимающейся изучением семейно-родственных связей и институтов. Английские социальные антропологи в полемике с американскими коллегами высказывали взгляд на культурную антропологию как на часть социальной, ссылаясь на то, что культура — это лишь один из аспектов социальной жизни»²⁰. В обоих случаях ясность в вопросе о соотношении культуры и общества так и не достигается.

Некоторые американские антропологи вообще приходят к выводу, что понятие «общество» не передает специфики человеческого существования, поскольку охватывает собой и различные сообщества животных. Такова точка зрения Л. Уайта, введшего в науку термин «культурология». Считая, что культура, а не общество является специфической особенностью человеческого вида, Л. Уайт предложил называть научное исследование этой особенности не социологией, а культурологией. Тем самым очерчивается весь спектр решения данной проблемы в западной науке: от нерасчлененного использования понятий «общество» и «культура» (то, что социолог называет обществом, антрополог называет культурой) до подмены одного понятия другим (например, общества культурой).

С другой стороны, обособление истории от социологии, исторического подхода от теоретического привело современную буржуазную историческую науку к отказу от понимания истории как единого, последовательного, подчиняющегося общим законам процесса развития. Понятие «культура» с этой точки зрения хотя и «делает возможным историю как науку»²¹, но таким образом, при котором история утрачивает характер теоретически обобщающего знания. Согласно такому пониманию, любой исторически существующий способ жизнедеятельности людей должен быть признан в равной мере «культурным» независимо от времени и места своего возникновения. Культура не развивается в определенной исторической последовательности от низших форм к высшим, а распадается на ряд равноценных, хотя и отличных один от другого способов регуляции и координации взаимоотношений людей с окружающей средой и друг с другом. Короче, нет единой для всего человечества культуры, проходящей в своем развитии ряд последовательных этапов, а есть множество культур, соответствующих различным и независимо друг от друга существующим формам жизни людей. Задача историка состоит поэтому не в создании эволюционных схем культурно-исторического развития, а в описании и классификации многообразных видов и способов культурной жизни различных народов.

Прямым следствием такого понимания культуры стала теория культурно-исторического релятивизма, или культурного плюрализма, обосновывающего идею «параллельности», «эквивалентности», «локальности» различных культурно-исторических образо-

ваний (Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, П. А. Сорокин). Согласно этой теории, культурный процесс лишен целостности и единства, распадаясь на ряд замкнутых, независимых друг от друга культур или цивилизаций, полагающих свой смысл только через самих себя²².

Все большая дифференциация научного знания — сначала истории и социологии, затем социологии и антропологии, наконец, «социальной» и «культурной» антропологии — окончательно запутывает вопрос о соотношении понятий «общество» и «культура». По существу все трудности, связанные с различением этих понятий в составе и социологического и антропологического знаний, могут быть объяснены одной причиной: ни одна из этих наук — в той мере, в какой она отказывается от исторического рассмотрения своего предмета, — не нуждается в этих двух понятиях; им вполне достаточно одного, причем не важно какого. Вне исторического подхода различение этих понятий неизбежно будет носить условный, произвольный и искусственный характер.

Это видно и на примере рассмотренной выше точки зрения Э. С. Маркаряна. Ведь то, что он называет культурой (механизмы и способы человеческой деятельности), может быть в равной мере отнесено и к общественной сфере, а то, что он предлагает называть обществом (отношения между людьми в процессе деятельности), характеризует культуру (специфически человеческий способ жизнедеятельности), не в меньшей мере, чем используемая людьми технологическая система. Предложенная Э. С. Маркаряном «технологическая» концепция культуры совершенно неправомерно выводит за пределы культуры систему общественных отношений, как раз и выражающую в наибольшей степени своеобразие человеческой жизнедеятельности, ее отличие от любой формы биологической активности.

Несомненно, что технология, вскрывая, по словам К. Маркса, «активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений»²³, целиком и полностью включается в состав культуры. Более того, история технологии, представляя собой историю «образования производительных органов общественного человека», историю «материального базиса каждой особой общественной организации»²⁴, должна быть положена в основу и всей истории культуры (в том числе, по замечанию К. Маркса, и истории, например, религии).

²⁰ Бромлей Ю. В. О предмете культурно-социальной антропологии и этнографии в трактовке англо-американских и советских ученых: (Опыт сравнительного анализа). — В кн.: Этнография за рубежом. М., 1979, с. 12.

²¹ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911, с. 53.

²² См.: Маркарян Э. С. О концепции локальных цивилизаций. Ереван, 1962.

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 383. примеч.

²⁴ Там же.

Но, анализируя историю технологии, мы тем самым отнюдь не отвлекаемся от общественной истории, от развития и становления всей системы общественных отношений. Мысль К. Маркса состоит в прямо противоположном: человеческая история, поскольку она «сделана нами», а значит, и вся система исторически складывающихся общественных отношений, не может быть понята вне истории технологии, т. е. вне своего материального фундамента. Любая попытка оторвать общественную систему от ее технологической основы выводит эту систему за пределы исторического рассмотрения и превращает ее в чисто абстрактное представление. «Недостатки абстрактного естественнонаучного материализма,— писал К. Маркс,—исключающего исторический процесс, обнаруживаются уже в абстрактных и идеологических представлениях его защитников, едва лишь они решаются выйти за пределы своей специальности»²⁵.

Отметим, что абстрактный подход, исключаящий из своего рассмотрения исторический процесс, противопоставляется здесь историко-материалистическому — «единственно научному» — методу, исследующему всю человеческую, а значит, и общественную историю в неразрывном единстве с историей технологии. Вот почему технология и общественные отношения с точки зрения материалистического понимания истории суть не два разных предмета исследования, подлежащих изучению в рамках различных дисциплин (например, социологии и культурологии), а один, заключающий в себе целостное понимание общественного развития. Разрывая технологию и общественные отношения на самостоятельные области знания, мы закрываем себе путь и к пониманию действительной истории, реального исторического процесса, образующего подлинный предмет общественной науки. Но тем самым мы закрываем себе путь и к пониманию культуры как специфически человеческого способа жизнедеятельности, который в равной мере и технологичен, и социален.

Отвлекаясь от общественных отношений, посредством которых осуществляется человеческая деятельность, нельзя вообще понять источник происхождения культуры. Только общественный труд способен создавать культуру. ««Источником богатства и культуры,— писал К. Маркс в „Критике Готской программы“,— труд становится лишь как общественный труд», или, что то же самое, «в обществе и при посредстве общества»»²⁶. Общественная сила труда, находящая свое предметное выражение в культуре, представлена не только технологической системой средств и механизмов деятельности, но и всей системой отношений между людьми в процессе этой деятельности. Общество и культура суть поэтому не взаимоисключающие объекты исследования, а взаимосвязанные стороны единого и целостного образования, теоретически постигаемые лишь в этом своем единстве и целостности.

Короче, нет никаких оснований для разделения социальной теории и теории культуры, социологии и культурологии. Абстрагируясь от общества, нельзя понять культуру, как и нельзя понять

общество вне культуры. Оба явления существуют лишь во взаимной связи между собой и только в такой связи могут быть теоретически исследованы. Иными словами, понятия «общество» и «культура» обретают научную значимость лишь в составе одного знания, в рамках общей научной дисциплины, делающей своим предметом познания целостность и единство исторического развития. Такой дисциплиной и является исторический материализм, представляющий собой в равной мере и общекультурологическую философскую теорию.

2. Культура и развитие человека

Вопрос о культуре встает всякий раз тогда, когда, стремясь раскрыть особенности и своеобразие жизни отдельных народов, стран или регионов, мы соотносим их с особенностями жизни других народов, пытаемся понять их значение для настоящего и будущего. Так, материальные и духовные достижения древних греков становятся для нас «античной культурой» лишь в сопоставлении с достижениями иных народов или с нашими собственными. Если бы на свете не существовало никакой другой культуры, кроме античной, понятие «античная культура» утратило бы всякий смысл. Использование понятия «культура» для обозначения специфических форм жизни разных стран, народов, социальных групп, прежде всего классов, указывает на то, что они существуют в истории не как самостоятельные и абсолютные величины, а в своей соотнесенности друг с другом. Отношения между ними могут мыслиться в виде отношений различия, сходства, преемственности, развития и др., но в любом случае только эти отношения придают конкретно-исторической форме жизни людей значение «культуры».

Квалифицируя то или иное общественное явление в качестве явления культуры, мы тем самым характеризуем его историческую принадлежность, отнесенность к определенной эпохе, стране, классу, а значит, и соотнесенность с аналогичными явлениями жизни других эпох, стран и классов. В культуре фиксируется и то, что разделяет, различает людей в пространстве и времени, и то, что связывает, объединяет, соотносит их между собой в масштабе человеческой истории. Было бы неправильным абсолютизировать один из этих моментов, упуская из виду другой. Выделение в культуре лишь момента различия, особенности, уникальности исторической формы ведет к плюрализации и релятивизации исторического процесса. Фиксация же в ней только момента всеобщности приводит к абстрактной схематизации истории, игнорирующей специфику и многообразие этих форм. Специфически методологической трудностью при анализе культуры как раз и является необходимости усматривать в ней единство особенного и всеобщего в развертывании исторического процесса.

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 383.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 15.

Исторический материализм решает рассматриваемую проблему не путем внешнего сопоставления и сравнения различных форм жизни, через выявление формального сходства или различия таких форм, а через соотнесение их в качестве необходимых звеньев, ступеней человеческой истории, в качестве закономерных и последовательных этапов общественного развития. Иными словами, принцип развития и является здесь тем исходным методологическим принципом, который позволяет увидеть за многообразием исторических форм человеческой жизни присущее им единое и общее основание. Соответственно под культурой понимается то, что составляет общее содержание и главный результат исторического развития, что постоянно сохраняется, воспроизводится и одновременно совершенствуется в ходе такого развития, хотя и получает на каждом его конкретном этапе особую, специфическую форму существования.

Действительным содержанием и главным результатом исторического развития выступает развитие человека как общественно-производящего субъекта деятельности. Оно получает свое внешнее проявление в развитии производительных сил, общественных отношений и институтов, общественного сознания. Но главным остается развитие живой человеческой индивидуальности. «... Общественная история людей,— писал К. Маркс,— есть всегда лишь история их * индивидуального развития, сознают ли они это, или нет»²⁷. Поэтому приписывать вещам или идеям способность к самостоятельному развитию — значит повторять ошибки натурализма или идеализма.

Вещи могут изменяться под воздействием естественных причин, разрушаться, физически устаревать, однако они, как и идеи, не могут по собственному желанию обретать новую целесообразную форму: в этом смысле «у них нет истории, у них нет развития»²⁸. Когда мы говорим о развитии производительных сил, техники, общественных институтов, науки, искусства и т. д., то речь идет не об естественно происходящих изменениях, а об изменениях, вызываемых действиями людей, их целеполагающей деятельностью. Конечно, нельзя забывать, что все подобные образования общественной системы характеризуют какую-то важную сторону существования самого человека в истории, в обществе. Например, производительные силы и производственные отношения — это ведь силы и отношения самого человека как деятельно-практического существа. Общественное бытие и общественное сознание — тоже не самостоятельные натуральные сущности, а неразрывные стороны существования людей, классов, масс. История, в каком бы конкретном подразделении ее ни анализировать, есть в конечном счете история развития самого человека, его самопроизводства в процессе общественного труда, и без уяснения такой глубочайшей субстанциальной основы общественного развития нельзя выработать и научное представление о культуре.

По культуре, следовательно, мы судим не о вещах или идеях самих по себе, а о создавшем их человеке, как он раскрывается в

результатах своей деятельности. Вся общественная история обнаруживает себя в культуре со стороны развития самого человека, т. е. с человеческой, личностной стороны. Ответить на вопрос, в чем состоит развитие человека, чем оно измеряется — значит ответить и на вопрос о том, что такое культура. Поскольку развитие человека — результат его собственной деятельности, постольку именно в деятельности надо искать объяснение сущности культуры. Однако применительно к культуре нуждается в своей конкретизации и понятие человеческой деятельности. Не всякий труд создает культуру и не все то, что создается в процессе деятельности, можно относить к культуре. Усматривая в культуре развитие человеческой личности, необходимо также анализировать и саму деятельность в аспекте не только полезного, но и общественного, человеческого содержания. Уже в своей материальной, чувственно-практической деятельности люди, создавая полезные для себя предметы, средства к жизни, одновременно и вместе с этим создают и нечто большее, что далеко не всегда фиксируется их сознанием. Они создают свою общественную жизнь, свои общественные отношения, самих себя как общественных индивидов. Тем самым обнаруживается наряду с непосредственным полезным эффектом деятельности, к которому сознательно стремится большинство людей, складывающийся помимо их сознания общеисторический результат. Подобный, казалось бы, побочный продукт их труда, — всего лишь «надбавка» к тому, чего они сознательно желают и к чему сознательно стремятся, и есть в действительности то главное, без чего были бы невозможны ни человеческая история, ни человеческая культура.

Нельзя судить о культуре по любому эмпирически существующему результату труда. Такое представление слишком упрощает дело, ибо не схватывает главное в труде — его не просто производительную, а общественно-производительную силу, способность создавать не только полезные для человека вещи, но общественную их форму, благодаря которым они обретают человеческий смысл и значение. В культуре представлена общественная (всеобщая) сила труда, его социально формирующие свойства. Именно в качестве способности человека создавать все богатство своего подлинно человеческого бытия, своих отношений и связей с природой и другими людьми труд становится источником и причиной существования культуры. В этом суть необходимой специфики человеческой деятельности применительно к культуре.

В качестве полезных предметов, потребительных стоимостей продукты труда обладают прежде всего свойством удовлетворять определенную человеческую потребность. Однако полезность вещи хотя необходимое, но еще недостаточное условие для ее существования в качестве предмета культуры. Ведь и явления при-

* людей. — *Ред.*

²⁷ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27. с. 402—403.*

²⁸ Там же, т. 3, с. 25.

роды (вода, воздух, земля, солнце и т. д.) обладают полезными для человека свойствами. Очевидно, культурная значимость (ценность) продукта труда заключена не просто в его полезных (физических, химических и т. д.) свойствах, обусловленных природой того материала, из которого он изготовлен, а в той форме, которую он получил в процессе своего изготовления. «Человеческая форма» и есть то, что отличает предмет культуры от предмета природы, придает продукту труда культурную значимость.

Человек не просто открывает в предмете его полезные свойства, он формирует их в соответствии со своими общественно развитыми потребностями. Хотя сама эта форма находит в предмете сугубо вещественное выражение, она включает в себе нечто большее, чем естественные свойства вещества, в которые она воплотилась. В ней запечатлены усилия, опыт, вкусы, представления многих поколений людей, наглядно выражен уровень их общественного развития. По форме вещи мы можем судить о тех, кто ее создал, характере эпохи, степени интеллектуального, нравственного, эстетического развития людей на том или ином этапе истории. Поэтому предмет становится «человеческим предметом», получает «человеческую форму» лишь постольку, поскольку заключает в себе общественное содержание.

Можно по-разному определять то свойство предметов, которое придает ему характер «человеческого предмета», делает его предметом культуры. К. Маркс определяет это свойство как способность предмета быть носителем общественного отношения, быть формой, в которой один человек существует для другого, общество — для человека, а сам человек для себя — как общественное существо. Культурная значимость предмета определяется его функцией быть средством связи между людьми, взаимным посредником людей, объединяющим их в процессе совместного существования и исторического развития. Поэтому в предмете культуры человек обнаруживает не только его внешнюю полезность для себя, но и свое общественное «я», свою собственную индивидуальность — не ту, которая отпущена ему природой, а ту, которая сформирована предшествующей историей. По существу К. Маркс говорит о культуре всегда там, где он вскрывает **человеческий** (общественный) подтекст любой предметной реальности, «человеческий характер» предмета и «предметный характер» человека. Действительным содержанием культуры становится развитие самого человека во всем многообразии и целостности его общественного существования.

С этой точки зрения создаваемое людьми предметное богатство общества есть не что иное, как предметно-развернутое богатство человеческого существа, предметное воплощение (опредмечивание) его способностей, потребностей, сил и отношений. «... Чем же иным является богатство, как не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т. д. индивидов, созданной универсальным обменом? Чем иным является богатство, как не полным развитием господ-

ства человека над силами природы, т. е. как над силами так называемой «природы», так и над силами его собственной природы? Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному масштабу*»²⁹.

Традиция связывать культуру с развитием, совершенствованием человека, с «возделыванием» его души и тела, с нравственным и умственным «образованием» индивида восходит еще к античности и постоянно воспроизводится в общественном сознании нового времени. Данная традиция усматривает в человеке не продукт природы, а продукт воспитания, направленного на культивирование, улучшение в нем его свойств и качеств. Если в процессе обработки природы создается культура вещей, то посредством воспитания формируется культура людей, сам человек.

Обычно под культурой и понимают сферу воспитательной и просветительной деятельности в самом широком смысле этого слова, осуществляемой особыми группами людей и специальными институтами. В отличие от материального и духовного производства эту сферу с полным основанием можно назвать сферой производства и воспроизводства самого человека как общественного индивида. Уже отмечалось, что в современном обществе она включает в себя наследование, сохранение, распространение и освоение общезначимых результатов деятельности, приобщение к ним широких слоев населения через различные виды обучения и образования. В рамках этой сферы осуществляется индивидуальное воспроизводство; человек переживает здесь своеобразное «второе рождение» — не просто живого, а общественного существа.

В научной литературе к данной сфере принято обычно отнести два класса элементов: во-первых, комплекс ценностей, направляющих и координирующих поведение и сознание людей в их групповой, коллективной жизни; во-вторых, совокупность институтов, посредством которых эти ценности сохраняются, транслируются и распространяются в обществе, становясь достоянием каждого отдельного индивида. Первый класс элементов характеризует культуру как символически оформленную систему, заключающую в себе образцы (эталоны) общественного поведения людей, второй — как социально организованную систему, осуществляющую контроль над ценностями — их отбор (селекцию), сохранение, распространение, пропаганду и внедрение в общественное сознание. В современном обществе к этому классу относят всю систему образования, воспитательные и культурно-просветительные учреждения, средства массовой информации и т. д.

Если культура в виде социально организованной, институализированной системы является частью общественной системы в

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 476.

целом, подсистемой, разделяющей и воспроизводящей на своем уровне ее главные цели и установки, то культура в виде символической системы выходит за рамки наличной общественной системы, уходя своими корнями либо в далекое прошлое, либо в обыденно-практическое сознание широких слоев общества. На этом основании данная система и выводится за рамки социологического исследования, оказывается предметом изучения других наук — социальной антропологии или культурологии.

Подобное выделение культуры из общей структуры общественной жизни при всей своей внешней бесспорности носит, однако, несколько абстрактный характер, поскольку не учитывает историческую специфику того или иного типа общества. По существу оно воспроизводит некоторые типические тенденции просветительского сознания XVIII в., усматривающего в культуре своеобразную школу воспитания человека, осуществляемого особыми средствами и специально предназначенными для этого людьми. Такую школу, согласно просветительскому сознанию, следует предпочесть школе жизни, где человек формируется стихийно, под давлением окружающих обстоятельств. В отличие от школы жизни культурное воспитание должно носить рационально продуманный характер, осуществляться по единому плану и преследовать разумно избранные цели.

Вместе с тем классическая теория воспитания не могла ответить на вопрос, кто и как должен воспитывать человека. Забывая о том, что воспитатель сам должен быть воспитан, она делила людей на воспитателей и воспитуемых. В итоге процесс воспитания обособлялся от всей остальной и прежде всего материально-производственной жизни. Последняя либо вообще выводилась за пределы культуры, либо признавалась ее второстепенным элементом. Тем самым проводилась та граница между обществом и культурой, которая и сегодня часто служит отправной точкой для многих теоретико-культурных построений. В действительности же подобная граница соответствует лишь ограниченной практике предшествующих социализму исторических ступеней, в частности капитализму, когда сфера материального и всего общественного производства оказывается областью не утверждения и развития, а, наоборот, отрицания и подавления человеческой индивидуальности. Именно для такой практики характерны разделение и противопоставление общественного производства и производства (воспитания и обучения) человека, культуры вещей и культуры людей.

Критическое осознание этой ограниченности позволяет сделать вывод, что общественное производство, включая в себя материальное и духовное производство, является одновременно и производством самого человека в его общественных отношениях. Производство и воспроизводство непосредственной жизни общества не имеет пространственного и временного разграничения своих подразделений. Создавая мир вещей, предметное богатство общества, человек одновременно формирует, создает самого себя, совершен-

ствуем свои силы и способности, расширяет рамки своего общения, порождает новые потребности и средства их удовлетворения. Производство человеком предметного мира оказывается тем самым и его «самопроизводством». «В самом акте воспроизводства изменяются не только объективные условия... но изменяются и сами производители, вырабатывая в себе новые качества, развивая и преобразовывая самих себя благодаря производству, создавая новые силы и новые представления, новые способы общения, новые потребности и новый язык»³⁰. Иными словами, человек является субъектом и одновременно главным результатом своей собственной деятельности, самоизменяющимся, саморазвивающимся существом.

Именно этот главный, всеобщий результат деятельности, по которому можно оценивать всю предшествующую историю, судить о ее направленности и содержании, и фиксируется в понятии «культура». Культура с этой точки зрения есть самосозидание, самопроизводство человека в конкретных формах его материальной и духовной деятельности.

Сам по себе факт экономической, политической, научной, художественной и т. д. деятельности становится фактом культурного развития, когда учитываются последствия этой деятельности для человека, когда она рассматривается и со стороны своей продуктивности или функциональной нагруженности, и со стороны своей человеческой значимости, человеческого содержания. Только в таком качестве все, что делает человека, может быть отнесено к сфере культуры. Культура существует в силу способности человека не просто производить полезные для себя вещи, но и производить самого себя, быть субъектом (источником, причиной) собственного изменения и развития.

Под культурой более конкретно понимается, таким образом, особого рода отношение, свойственное только человеку, — отношение к самому себе. Данное отношение существует лишь в процессе человеческой деятельности и во многом выражает коренную специфику этой деятельности. Хорошо известно, что животные не относятся к себе, поскольку не отличают себя от природы, в том числе и от своей собственной. Человек, делая природу и внешнюю, и внутреннюю объектом своей деятельности, вступает в отношение с самим собой. В силу этого он может овладеть своей природой, в то время как животным владеет его природа. С другой стороны, отношение человека к себе самому всецело определяется его отношением к другим, реальными формами его общения, типом общественных связей. Чем более развитый, универсальный характер носят общественные отношения людей, тем большими возможностями обладают люди для формирования и развития своей личности, производства своей собственной индивидуальности.

Такое понимание культуры совпадает с тем, что К. Маркс характеризовал как «культивирование всех свойств общественного

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 483—484.

человека и производство его как человека с возможно более богатыми свойствами и связями, а потому и потребностями,— производство человека как возможно более целостного и универсального продукта общества...»³¹. В этих словах К. Маркса выражена, на наш взгляд, сама суть культуры, определяемая в конечном счете все более универсальным развитием человека в качестве общественного существа, развитием всей совокупности его общественных отношений.

То, что люди, живущие в разные эпохи и в различных странах, представляющие собой противоположные общественные классы и социальные слои, отличаются друг от друга по характеру своих обычаев, нравов, взглядов и представлений, достаточно очевидный и эмпирически легко проверяемый факт. Подобные отличия обычно и кладутся в основание исторической типологии культур, призванной выразить многообразие форм человеческого существования в мире. Однако люди не только живут в различных обстоятельствах, но и сами создают их, формируют условия своей социальной и культурной жизни. То, как они участвуют в процессе такого формирования, определяется отчасти уже сложившимися, исторически созданными условиями, отчасти их собственным развитием. Каждое новое поколение аккумулирует в своей деятельности опыт предшествующих веков, расширяет рамки своего существования, умножает завоевания труда и мысли. Культуры различаются между собой по масштабу выраженной в них общественно-производящей деятельности людей, по степени той универсальности, с какой они осваивают природу, создают свои собственные отношения, формируют свою личность.

Развитие человека, получающее свое внешнее проявление в исторически меняющихся типах и формах культуры, измеряется развитием его отношения к природе, к другим людям, в конечном счете — к самому себе. Так, система наиболее развитых, всеобщих общественных связей, которая создается, по К. Марксу, уже на этапе буржуазной цивилизации, порождает потребность и в более универсальной человеческой индивидуальности. Вместе с тем такая индивидуальность становится возможной лишь на более высоком — коммунистическом — этапе исторического развития. Социальная функция культуры в каждый конкретный исторический отрезок времени и состоит в том, чтобы привести индивидуальное бытие человека в соответствие с его общественным бытием, согласовать, сочетать между собой личное и общественное, индивидуальное и всеобщее.

Другими словами, главная социальная функция культуры состоит в таком развитии человеческой индивидуальности, которая соответствует масштабам и результатам достигнутого в данный момент общественного развития. А это означает, что культурное бытие человека неотделимо от его природного и общественного бытия, совпадает с развертыванием самого исторического процесса. Чем шире, богаче, разностороннее связи человека с окружающим миром и другими людьми, тем большими возможностями

он располагает в развитии своей личности, тем более универсальной предстает сфера его культурной жизни. Ведь культура есть главный показатель не какого-то особого, а именно общественного развития человека и, следовательно, развития всей совокупности его общественных связей.

Но почему в реальной истории универсализация общественных отношений не всегда совпадает со столь же универсальным развитием индивидов, более того, часто оказывается в прямом противоречии с их развитием? Здесь мы приходим к вопросу об исторически обусловленном характере различия между обществом и культурой, которое порой выдается теоретиками культуры за якобы извечно существующую между ними дистанцию.

3. Взаимосвязь культуры и общества

В научной литературе можно встретить мнение, будто изложенная точка зрения есть отождествление общества и культуры, культуры и общественных отношений³¹. Действительно, речь идет о совпадении культуры и общества, но не абстрактном, а историческом совпадении, которое дано лишь в некотором общем итоге, результате исторического развития. Данное совпадение нельзя зафиксировать в любой точке исторического процесса, в любой его момент. Наоборот, в конкретной исторической ситуации чаще приходится наблюдать глубокое и острое расхождение, противоречие между ними.

Для абстрактно мыслящего социолога, отказывающегося от принципа развития при исследовании общественных систем, такое расхождение будет выглядеть некоей абсолютной извечной границей. Абстрактное рассмотрение общества приводит и к абстрактному истолкованию соотношения между обществом и культурой, за которым, как правило, скрывается абсолютизация исторически особого, преходящего момента. В реальной же истории это соотношение носит не постоянный, константный характер, а исторически изменчивый, подвижный, и задача социального познания состоит в раскрытии его конкретных форм. Иными словами, и совпадение и различие между обществом и культурой суть лишь исторически конкретные формы их взаимосвязи в истории, они могут быть проанализированы поэтому только применительно к определенной исторической ситуации. В целом же эта взаимосвязь регулируется характером связи между личностью и обществом, между общественным производством и производством самого общественного человека.

Еще раз подчеркнем, что отмеченное выше единство (а в общеисторическом пределе и совпадение) общественного и культурного развития на разных этапах истории в границах различных общественно-экономических формаций проявляется по-разному,

³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 386.

³² См.: *Философские проблемы культуры*. Тбилиси, 1980, с. 25.

а иногда выступает и в остро противоречивой форме. На том этапе истории, который К. Маркс относил к человеческой «предыстории», включая сюда все докоммунистические формации, это единство носит исторически ограниченный характер. Именно здесь обнаруживается различие между культурой, с одной стороны, обществом и природой — с другой, которое выражает всего лишь природную и общественную ограниченность человеческого развития на данном этапе. Соответственно и различение рассматриваемых категорий в историческом материализме служит целям не просто их абстрактного противопоставления, а познания и раскрытия исторических особенностей становления и развития человеческой личности. Абсолютного разрыва между культурой и природой, культурой и обществом не существует. В своем историческом содержании культура и есть специфическая для человека форма его связи с природой и обществом, его единства с ними.

Человек всегда находится в определенном единстве с природой, без чего нет и не может быть и самой общественной жизни. Данное единство, делающее возможным существование культуры, находит свое выражение в процессе труда. Однако это единство первоначально предстает в форме, еще весьма отягощенной наследием доисторического, животного прошлого человека. Анализируя общественные формы, предшествующие капиталистическому производству, К. Маркс показывает, что природа в своем еще не затронутом историческим развитием виде образует исходные условия процесса производства. Эти условия даны человеку не как результат, а как предпосылка его труда, с которой он находится в состоянии «естественной сращенности».

Иными словами, культура, понятая в виде единства человека с природой, существует вначале еще в природно ограниченной форме, т. е. в форме таких условий труда, которые не созданы человеком, даны ему в качестве естественной предпосылки. Характерными признаками подобной ограниченности исторического процесса служат традиционализм, локальная замкнутость, неразвитость индивидуального начала, свойственные материальной и духовной жизни людей на ранних этапах истории. Человек здесь «культурен» в меру своего деятельного единства с природой и «некультурен» в меру своего непосредственного (не опосредованного трудом), еще чисто «естественного» единства с ней.

Подобная ограниченность становится очевидной лишь на более поздней стадии исторического развития (в условиях перехода от земледельческой к промышленной цивилизации), когда на первый план выходит зависимость человека в процессе труда не от природных, а от исторически созданных условий, от результатов предшествующей деятельности, или, по словам К. Маркса и Ф. Энгельса, от орудий производства, созданных цивилизацией³³. В этой ситуации отношение человека к природе от начала и до конца обретает характер общественного единства, общественной связи с природой, лишенной какого бы то ни было элемента «естественной сращенности» с ней.

Именно на этой ступени развития особенно наглядно обнаруживается объективное различие между природой и культурой. Смысл этого различия весьма конкретен; в нем зафиксировано различие между двумя исторически особыми формами взаимоотношения человека с природной средой. В первом случае человек в определенной мере выступает еще как элемент природной среды, полностью не выделившийся из нее («непосредственное единство»), во втором — природа оказывается элементом человеческой (созданной человеком) среды, или непосредственно культурным элементом (деятельное, общественное единство). В культуре тем самым представлен общественный, специфический для человека характер его связи с природой, возвышающий его над особенностями чисто природного бытия и совпадающий с его существованием в качестве общественного субъекта деятельности.

Переход к промышленной стадии развития совершался в Европе в капиталистической форме. Именно научный анализ капитализма в его качественном отличии от предшествующих исторических состояний позволил классикам марксизма-ленинизма раскрыть объективное различие между природой и культурой. В границах этого анализа культура выражает тот тип связи человека с природой, который соответствует общественно развитой форме производства, универсальной форме общественной связи между людьми, устанавливаемой капиталом («цивилизаторская миссия капитала»), и приходит на смену прежним, ограниченным, локальным формам этой связи в докапиталистических обществах. Вместе с тем основоположники марксизма-ленинизма никогда не отождествляли культуру в ее общеисторическом содержании с той общественной формой существования, в какой она предстает на этапе капиталистического производства. Они указывали на социально-классовую ограниченность культурного развития на данном этапе, на фактическое существование двух культур в рамках национальной культуры. Осознание такой ограниченности служит основой для постановки и решения вопроса о соотношении общества и культуры.

Поскольку единство человека с природой, человеческое отношение к природе возможно только в обществе, постольку развитие общественных отношений, обеспечивающих это единство, необходимо включается в развитие культуры. Однако на этапе капитализма такое развитие получает форму, отличную от саморазвития самих общественных индивидов, т. е. «превращенную», «отчужденную» форму. Хотя капитализм и придает отношениям людей характер всеобщей социальной связи, свободной от прежней природной ограниченности, сама эта связь, будучи отчужденной от человека и превращенной в связь вещной зависимости, утрачивает значение подлинно культурной связи. Создается крайне противоречивая и парадоксальная ситуация: в той мере, в какой культура получает общественную форму, она перестает быть

³³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 65.

культурой, т. е. формой развития самих индивидов. Общественная связь при капитализме, исключая из себя развитие «богатой индивидуальности», выступает в виде «отрицательной формы» существования культуры, в виде такого способа ее развития, который оказывается одновременно и ее самоотрицанием.

В этом постоянном противоречии между вещным богатством общества и бедностью (материальной и духовной) большинства людей, между высокой культурой создаваемых вещей и «бескультурьем» создающих их индивидов движется все капиталистическое общество. К. Маркс называл законом всей истории до настоящего времени то «бесспорное положение», согласно которому «по мере того как происходит общественное развитие труда и таким образом труд становится источником богатства и культуры,—развивается бедность и обездоленность на стороне рабочего, богатство и культура на стороне нерабочего»³⁴. Результаты общественного развития присваиваются не трудящимися массами, а капиталом. Соответственно именно он наделяется свойствами подлинной субъективности, тогда как человек, производящий индивид, оказывается лишь объектом его воздействия и использования. Вещи и люди как бы меняются местами: в той мере, в какой человек утрачивает реальную силу, она становится силой самих вещей, силой капитала. В этом, собственно, и состоит социальная ограниченность культурного развития при капитализме.

Суть предпринятой К. Марксом критики буржуазных отношений состояла в том, чтобы за овеществленной и институционализированной формой этих отношений обнаружить отношения самих людей, понять их в качестве исторически создаваемой предпосылки, условия уже собственно человеческого (т. е. подлинно культурного) развития. Иными словами, проблема заключалась в осознании социальной ограниченности культурного развития в буржуазном обществе и необходимости превращения «вещественного богатства» и «овеществленной связи» в «человеческое богатство» и «человеческую связь». Данное различие между социально отчужденной и подлинно человеческой формами общественного развития и фиксируется посредством различения понятий «общество» и «культура».

Культура с этой точки зрения есть общественная связь между людьми, освобожденная от какой-либо отчужденной от человека овеществленной формы своего существования, связь, выражающая существование самих людей как всесторонне развитых индивидуальностей. Она есть подлинно человеческая связь, непосредственно выражающая «человеческую сущность» общества и «общественную сущность» человека. В каких бы предметных — материальных и идеальных — формах она ни выступала, ее действительно всеобщим содержанием оказывается развитие самого человека во всей многосторонности его общественных отношений. Вот почему важно не только констатировать различие между обществом и культурой, соответствующее конкретной и преходящей историче-

ской ситуации, но и их единство, совпадение в масштабе всей истории, обнаруживающее себя в полной мере лишь на ее высшей, коммунистической, ступени.

Общественные производительные силы, общественные отношения, общественное сознание в качестве сил, отношений и сознания уже не капитала, а самого человека и есть то, что соответствует всеобщему содержанию культуры. Однако, чтобы стать действительной силой человека, они должны быть реально присвоены им, превращены им в свое личное неотчуждаемое достояние. Поскольку эта задача решается на коммунистическом этапе истории, постольку именно здесь заключена объективная основа для понимания культуры в ее всеобщей исторической значимости.

Основной порок буржуазной культуры, ее классово ограниченную сущность основоположники научного коммунизма видели не в самих по себе результатах материальной и духовной деятельности людей, а в той социально отчужденной, оторванной от масс форме, в какой они вырабатываются и используются, в монополизации культуры меньшинством, превращающим ее в орудие своего классового господства над большинством. Если историческая заслуга капитализма состояла в создании промышленной «цивилизации», основанной на достижениях науки и техники, то целью коммунизма является превращение таких достижений в условие свободного развития всей массы трудящихся. Первым шагом на пути решения этой всемирно-исторической культурной задачи служит построение социалистического общества. «Цивилизаторской миссии капитала» противостоит, таким образом, культурная миссия социализма.

Культурные цели социализма дают о себе знать уже в рамках буржуазного общества. Они обнаруживаются в виде возникающих там элементов демократической и социалистической культуры, без которых нельзя составить подлинную картину культурной жизни любого развитого капиталистического государства. Именно это обстоятельство имел в виду В. И. Ленин, когда писал о наличии двух культур в каждой культуре, о борьбе противоположных идеологических тенденций в духовной жизни каждой нации. «В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, *элементы* демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую»³⁴. Эти элементы антибуржуазной культуры и идеологии, непосредственно связанные с освободительными устремлениями эксплуатируемых классов общества, несут в себе зародыш той подлинной культуры, которая в наиболее полной степени соответствует исторически прогрессивным тенденциям общественного развития. Лишь при сопоставлении двух противоположных тенденций в культуре каждой капитали-

³⁴ Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 15.

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 120—121.

стической нации становится отчетливо виден классовый характер культуры.

Классовая ограниченность буржуазной культуры находит свое прямое выражение в ее национальной ограниченности, проявляющейся в культурной разобщенности разных народов, в насильственном навязывании слаборазвитым нациям и народностям «культуры» империалистических государств. Таким образом, в своем буржуазном обличье культура выступает как орудие не только социального, но и национального угнетения. Она противостоит здесь целям как общественного (материального и духовного) развития трудящихся масс, так и их интернационального сближения в международном масштабе.

В освобождении культуры от классовой и национальной ограниченности буржуазного общества, от тех социальных и национальных тисков и противоречий, в которых она развивается на стадии капитализма, и состоит культурная миссия социалистического общества. В этом смысле социалистическая культура есть исторически неизбежный этап развития общечеловеческой культуры, содержащий в себе необходимые условия и предпосылки для создания бесклассовой и интернациональной культуры коммунистического общества.

Переход от классовой культуры к бесклассовой, от культуры, обслуживающей интересы меньшинства, к культуре, являющейся достоянием всех членов общества, осуществляется в процессе исторически-преобразовательной деятельности рабочего класса. Культурная миссия социализма неотделима поэтому от исторической роли рабочего класса в качестве главной силы в построении коммунистического общества. Политические и экономические цели рабочего класса прямо совпадают с целями общекультурного развития человечества. В своей революционно-преобразовательной деятельности рабочие не просто стремятся изменить прежние условия производства и политической власти, но и изменить самих себя, придать своей жизни подлинно человеческий смысл и характер. Именно этим определяется историческое, культурное значение таких общественных преобразований, какими выступают, например, ликвидация частной собственности и установление общенародной собственности на средства производства. Общественная собственность есть та форма, при которой материальное и духовное производство непосредственно совпадает с производством и самопроизводством человека как общественно развитой личности, обладающей всесторонней способностью к труду и общению. Она коренным образом меняет тип общественного производства, характер создаваемого людьми общественного богатства. Основной и в то же время всеобщей формой такого богатства становится не вещь, не товар, а человек. Это означает, что общественное производство в условиях общественной собственности все больше получает характер производства не только вещей, но и непосредственно самого человека.

Необходимость постоянного расширения производства мате-

риальных и духовных жизненных средств существует и при наличии частной собственности. Однако лишь общественная собственность устраняет ту социальную форму, в которой эта необходимость выступала на предшествующих этапах истории, — форму независимой от человека и господствующей над ним силы. Иными словами, эта необходимость утрачивает характер социально-принудительной силы и становится всего лишь «естественной основой» общественной свободы и развития всей массы индивидов. Утверждение общественной собственности на средства производства создает, таким образом, ситуацию, при которой все вопросы экономического и политического развития общества оказываются непосредственно связанными с вопросами культурного строительства, с задачами культурного роста всех трудящихся. Не учитывая прямой связи между экономикой, политикой и культурой в процессе социалистических преобразований, нельзя понять характер и природу самих этих преобразований.

Критерием и мерилom становления новой социалистической культуры является та степень сознательности и свободы, с какой массы творят свои собственные общественные отношения, вовлекаются в сферу хозяйственного и политического строительства. Культура как условие и форма проявления социальной активности народа, как прямое выражение исторического творчества трудящихся масс — такова формула социалистической культуры, характеризующая ее коренное отличие от всех предшествующих типов культурного развития.

Главной целью социалистических преобразований в области культуры стало формирование нового человека, воплощающего в своей деятельности, в своих отношениях, в своем индивидуальном облике черты и свойства коммунистической личности. Процесс становления такой личности охватывает весь период перехода от капитализма к высшей фазе коммунистической формации. Но только с построением социализма создаются необходимые материальные и духовные предпосылки для практического осуществления этой задачи. Если при капитализме развитие культуры осуществляется, как правило, в форме, обособленной от реально существующих индивидов, в форме овеществленных сил труда и общения, то при социализме это развитие все более получает непосредственную личностную форму, форму развития самих индивидов. Именно поэтому соотношение культуры и личности, заключающее в себе самую суть культуры, может быть адекватно понято лишь применительно к социалистическому обществу.

Человек может создавать, производить себя и свою индивидуальность только как общественное существо. Его отношение к себе есть, таким образом, общественное отношение. Чем более развиты общественные отношения человека, чем более универсальный характер носит его общественное бытие, тем большими возможностями он располагает как личность, т. е. как существо, способное формировать, развивать свою индивидуальность. Быть личностью — значит, с одной стороны, соизмерять свое индиви-

дуальное развитие с развитием общественных сил и отношений, относиться к своей собственной «органической природе» по мере «общественной природы», с другой стороны, относиться к «общественной природе» как к своей «неорганической природе», как к условию своего индивидуального существования и развития. Совпадение общественного и индивидуального в развитии личности и делает человека культурным существом. В культуре, таким образом, отношение человека к природе (культура и природа) и к обществу (культура и общество) раскрывается одновременно и как его отношение к самому себе (культура и личность). Единство человека с природой и обществом в виде сущности культуры становится действительным единством лишь тогда, когда оно оказывается его единством с самим собой — не в смысле природного, абстрактного тождества, а в смысле исторически опосредованного единства, вбирающего в себя итоги проделанного человечеством пути.

Приобретая форму личностного развития, культура раскрывается тем самым в своем всеобщем историческом содержании и значении, получает всеобщую историческую форму существования. Именно на этом этапе становится очевидным культурный смысл всей предшествующей истории в качестве истории становления и развития человеческой индивидуальности, в качестве истории постепенной универсализации самого человека. Человек начинает осознавать здесь предшествующую историю как свою собственную биографию, рассматривать себя как преемника и наследника всего материального и духовного богатства, созданного человечеством.

Осознание того, что человек, представляя собой личность, индивидуальность, не тождествен своей физической природе, а является продуктом всей истории, что вся история в конечном счете есть история становления его индивидуальности, оказывается возможным лишь тогда, когда осуществляется реальное присвоение человеком своей общественной природы.

Такое присвоение, совпадающее с универсальным развитием человека как «свободной индивидуальности», образует действительное содержание общественно-исторической практики социализма в его движении к коммунизму. Подобное присвоение предполагает совершенно новые формы объединения людей, основанные на принципах коллективизма и непосредственного сотрудничества. Социалистический коллективизм базируется на отношениях людей не только и не столько по поводу вещей и выполняемых ими социальных «ролей», сколько по поводу самих людей. Люди объединяются не только для того, чтобы производить необходимые для их жизни материальные и духовные средства жизни, но и для того, чтобы производить самих себя. Эта связь оказывается тем самым неотделимой от развития индивидуальности и представляет собой не только экономическую и политическую, но одновременно и культурную связь. Коллективность при социа-

лизме предстает в виде общественной формы производства не только вещей и идей, но и самих людей.

Объединение людей на коллективных началах коренным образом меняет все социальные параметры существования человека в обществе, превращая их впервые в культурные параметры, определяемые потребностями развития не производства ради производства, а самого человека как «свободной индивидуальности». Изменяется прежде всего характер труда и его основных общественных соотношений: между простым и сложным трудом, необходимым и свободным временем, трудом и потреблением. Труд из «внешней» необходимости превращается во «внутреннюю», в жизненно важную личную потребность. Соединение труда с личностью, придающее ему творческий характер, делает человека субъектом коллективно осуществляемого исторического развития. Становление труда в качестве творческой деятельности предполагает постепенную замену «простого» труда «сложным», при котором человек выступает уже не столько как включенный в процесс производства, сколько как его контролер и регулировщик, находящийся, по словам К. Маркса, «рядом» с процессом производства³⁶. Важнейшими факторами культурного формирования личности становятся сокращение необходимого рабочего времени и увеличение времени для свободного развития индивидуальности.

Свободное время — это не время, свободное от производства, а время, затрачиваемое на производство самого человека — «основного капитала» общества. Превращение свободного времени в основное подразделение общественного производства соответствует развитию человека в виде «богатой индивидуальности», для которой главной потребностью выступает потребность в собственном саморазвитии. В итоге коренным образом меняется вся структура потребления. Хотя потребности человека в жилище, одежде, питании, отдыхе, развлечениях с ростом материального богатства общества даже возрастают, их удовлетворение становится делом не отдельного индивида, а всего общества, в то время как делом отдельного индивида становится удовлетворение своих общественных и культурных потребностей.

Культура в социалистическом обществе является, таким образом, процессом превращения общественного в индивидуальное и индивидуального в общественное. Культура есть «мера» сближения, совпадения этих двух важнейших сторон человеческого существования, а значит, и «мера» становления человека в качестве личности. Иными словами, в культуре представлено личностное измерение социалистического общества, пронизывающее все его сферы, подразделения и институты. Но это значит, что культура есть «мера» гуманизма социалистического общества, «мера» его человечности в самом широком смысле слова.

Делая мерилom, критерием исторического процесса каждого человека, социализм не в каком-то отдельном своем аспекте, но

³⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 213.

в своей целостности обретает значение и характер культурной системы. В той степени, в какой культура превращается в социально связующий и социально образующий элемент, само общество оказывается непосредственным выражением и воплощением культуры. Это означает, что на этапе зрелого социализма, его совершенствования на собственной основе и движения к коммунизму сущность культуры, ее действительная природа могут быть раскрыты в тех же категориях, в которых содержится и научное понимание самого общества. Глубинное диалектическое единство социального и культурного в процессе коммунистического развития указывает на то, что учение о культуре получает свое окончательное выражение в учении о коммунизме как подлинной истории человечества, прямо совпадает с ним.

Глава 6

ОБРАЗ ЖИЗНИ

1. Образ жизни: понятие и историческая действительность

Прежде чем определить реальное содержание категории образа жизни, необходимо выяснить специфику познавательного контекста, в котором эта категория «работает» и невозместима при анализе исторической действительности. Существуют разные уровни и аспекты социального познания, и, обращаясь к обществу, мы далеко не всегда сталкиваемся с необходимостью введения данной категории в социально-философское и социологическое исследование. Потребность в ней испытывается всякий раз там, где анализ исторической действительности еще не выходит за рамки непосредственно фиксируемой картины общественной жизни в виде некоего единого, нерасчлененного потока конкретных поступков и действий людей.

Хотя характеристика образа жизни является известным обобщением и типологизацией исторической действительности, она тем не менее не раскрывает глубинных, сущностных процессов общественного развития. Однако это вовсе не значит, что содержание рассматриваемой категории есть нечто преходящее в ходе осмысления исторической действительности. Она отражает ее под углом зрения того, как природа данной общественно-экономической формации проявляется в многообразной, всегда конкретной жизнедеятельности людей, т. е. включенных в нее классов и других социальных групп и отдельных общественных индивидов. Здесь категория образа жизни незаменима и не дублирует понятий «общественная система», «сфера общественной жизни», «культура» и т. п. Она необходима для такого аспекта социального познания, когда объективное берется в непосредственном единстве с субъективным, ибо при характеристике того или иного конкретного образа жизни нельзя абстрагироваться от индивидуальности субъекта (отдельной личности, группы), от выяснения, как именно преломляются и реализуются в его сознании условия общественного бытия¹. Причем конкретности, фиксируе-

¹ Справедливо мнение, что специфика понятия «образ жизни» схватывается не посредством вычленения из комплекса исторической (социальной) реальности объективных или субъективных моментов, которые предстают здесь в синкретическом виде, а через концентрацию внимания на устойчиво воспроизводимой объективации человеческой жизнедеятельности в «фактах повседневности». См.: *Алексеев А. Н., Дудченко В. С.* Методологическое значение категории «образ жизни» для исследования социальных проблем молодежи.— В кн.: *Молодежь: Образование, воспитание, профессиональная деятельность*. Л., 1973, с. 20.

мые понятием образа жизни, есть нечто большее, чем простая сумма фактов².

Исследователь образа жизни оказывается в довольно сложной и противоречивой ситуации. С одной стороны, движение познания вглубь, стремление выяснить, от чего зависит и чем определяется специфика того или иного образа жизни, по необходимости ведет к «разрушению» самого понятия образа жизни. Попытка же сознания остаться на уровне понятия об образе жизни закрывает путь для такого объяснения. Сколь угодно обстоятельное и детальное описание образа жизни самого по себе всегда недостаточно для его познания, если нераскрытой остается обуславливающая жизнедеятельность людей система общественных отношений. С другой стороны, к специфическому содержанию, которое фиксируется в данном понятии, нельзя относиться, как к чему-то, лишенному подлинной реальности, как к чистой видимости, отбрасываемой в познавательном процессе без всякого ущерба для полноты наших знаний об обществе.

Категория образа жизни имеет в качестве преимущественной области отражения исторической реальности повседневную жизнь людей (или, точнее, непосредственную жизнь, как определяли классики марксизма), взятую в целостности ее различных сфер и областей, начиная от трудовой деятельности и участия в общественно-политической жизни и кончая бытом и досугом. Познавательная значимость категории «образ жизни» заключается и в том, что она позволяет показать, как в каждодневном бытии людей «сублимируются» объективная природа и сущностные характеристики конкретного общества, реализуются возможности, которые оно предоставляет для деятельности человека. Более того, это понятие обладает такой степенью гибкости и содержательности, что именно через описание образа жизни людей «просматривается» сам процесс превращения устоявшихся элементов сегодняшнего «быта» в завтрашний повседневный «уклад». Поэтому особенности индивидуальной и групповой жизнедеятельности людей оказываются не только свидетельством жизнеспособности данного общественного порядка, но и средством его постоянного развития и корректировки.

Методологические возможности понятия образа жизни несомненны. Прочно вошедшие в лексикон современной общественной науки понятия «социалистический образ жизни» и «буржуазный образ жизни» позволяют сопоставлять две противостоящие друг другу общественные системы по таким параметрам и показателям, которые обнажают, раскрывают их воздействие на человеческую жизнедеятельность в целом. В самом деле, на «уровне» образа жизни людей экономические, социальные, политические и духовные устои того или иного общества проявляются настолько своеобразно и с такой силой «фактической» очевидности, что исследование конкретной реальности и возникающих на этой основе общественных отношений становится необходимым условием познания того особого «состояния мира», в котором находится,

живет и действует человек. Реальность, фиксируемая понятием образа жизни, не просто дополняет или иллюстрирует новыми характеристиками, сведениями, примерами сущность данной общественно-экономической формации, но представляет собой воплощенное выражение «того же самого», т. е. определенной формы жизни и деятельности людей.

Признание теоретической ценности и операциональных возможностей понятия образа жизни нисколько не снижает, напротив, только обогащает, увеличивает познавательный потенциал «классических» категорий исторического материализма в объяснении явлений исторического процесса. Абсолютизация понятия образа жизни, характерная для современных буржуазных идеологов-теоретиков и пропагандистов так называемого «индустриального общества» или «общества потребления», несостоятельна. Свою веру в способность капитализма к «самообновлению» апологеты капитализма, как правило, связывают с надеждами на изменение именно образа жизни людей, пытаясь посредством совершенно определенной интерпретации последнего обосновать возможность обеспечения в условиях частнособственнического уклада достойного человека «качества жизни». Понятие образа жизни используется для доказательства якобы интенсивно протекающего на стадии развитого капитализма процесса «стирания» классовых различий и противоречий (в частности, превращения рабочего класса в «среднее сословие»), для «опровержения» основополагающих принципов марксизма-ленинизма в понимании смысла и направленности исторического развития в современную эпоху.

Данное обстоятельство лишний раз подчеркивает необходимость в обозначении границы относительной самостоятельности понятия образа жизни, его более строгого применения в анализе исторической действительности.

В последнее время наша философская и социологическая литература постепенно ликвидирует пробел в изучении проблем образа жизни. Это вызвано не только потребностями идеологической борьбы, в частности потребностью ответить на вызов буржуазных теоретиков и идеологов в их стремлении обосновать «преимущества» капиталистического уклада и образа жизни. Задача дальнейшего развития и совершенствования социалистического образа жизни поставлена и обоснована в решениях XXV и XXVI съездов КПСС в качестве одной из главнейших в общественном прогрессе социалистического общества.

По теме образа жизни появилась значительная литература, где это понятие не только восстановлено в своих правах, но и де-

² В работе «По поводу так называемого вопроса о рынках» В. И. Ленин, исследуя процесс разделения общественного труда и проникновения в русскую деревню капиталистических отношений, опирается в своих выводах, в частности, на наблюдения одного из очеркистов, где зафиксированы сдвиги и изменения в занятиях, домашней обстановке, одежде, привычках и т. п., т. е. в образе жизни крестьян. См.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 1, с. 114—118.

лаются попытки дать ему содержательную трактовку в связи с реальной практикой коммунистического строительства и актуальными вопросами идеологической борьбы. Однако бросается в глаза, видимо, неизбежная на данном этапе разработки темы разноречивость в толковании смысла самого понятия «образ жизни», подхода к интерпретации его реального содержания.

Большинство советских авторов включают в образ жизни все области жизнедеятельности людей — труд, быт, общественно-политическую деятельность и досуг. Единодушны они и в обозначении основных параметров и показателей образа жизни, к которым относятся характер и содержание трудовой деятельности, жизненный уровень, способ распределения рабочего и свободного времени, уровень культуры и отношение к духовным ценностям и т. д.

Расхождения обусловлены прежде всего различием подходов — философского, социологического и «отраслевого», которые представляют разный уровень и аспект рассмотрения одного и того же феномена. Поэтому в одном случае образ жизни трактуется как способ воспроизведения и удовлетворения потребностей людей, характеризующий качественную сторону их благосостояния³, в другом — совокупность различных форм поведения личности и группы, либо, иначе, «внутренний уклад» жизни человека, социальной группы, прежде всего класса или общества в целом⁴; в третьем — «совокупность всех непосредственных условий формирования, развития и деятельности индивидов»⁵, или формы и условия человеческой жизнедеятельности⁶; в четвертом — тип и уровень развития способностей человека в виде производительной силы, создателя материальных и духовных ценностей, общественного индивида⁷ и др.

Не вдаваясь в конкретный анализ приведенных выше определений, которые, разумеется, далеко не равноценны по своему понятийному смыслу, обратим внимание только на следующие моменты. Во-первых, стремление подчеркнуть всеохватываемость понятия «образ жизни» нередко оборачивается утратой его специфики и определенности, в результате чего оно оказывается синонимом «общественно-экономической формации», «системы общественных отношений» и т. п. Не способствует, по нашему мнению, раскрытию реального содержания данного понятия и истолкование его в «широком» и «узком» смыслах, равно как и отождествление его с жизнедеятельностью, активностью вообще⁸. Во-вторых, необходимая в пределах конкретного исследования какой-то определенной стороны общественной жизни локализация понятия образа жизни иногда сопровождается ее абсолютизацией, и тогда чисто операциональное определение выдается за дедуктивное.

Несомненно, образ жизни может быть рассмотрен и как нечто целое, и в «подробностях» — в плане общественной психологии, этнографии, правового поведения и т. п. Но аспектное вычлeнение проблематики образа жизни нельзя выдавать за его цело-

стное изображение. Так, безусловно продуктивное для социологического подхода рассмотрение образа жизни как совокупности форм повседневного человеческого поведения или в других случаях — в качестве определенного способа «воспроизводства» и удовлетворения человеческих потребностей не может претендовать на охват всего объема и смысла данного общественного феномена, что посильно лишь социально-философскому подходу.

Совершенно четко обозначились две основные тенденции в использовании самого термина «образ жизни». Первая тенденция заключается в том, что он применяется в качестве собирательного понятия, обозначающего совокупности вполне самостоятельных общественных явлений и факторов. Например, во многих научно-популярных изданиях понятие «советский образ жизни» сводится к изложению основных черт и особенностей социалистического способа производства, государства и демократии, нравственных устоев и духовных ценностей советского общества, что создает лишь «видимость» определения. Вторая тенденция связана с социально-философским подходом к характеристике образа жизни, позволяющим проявить его собственное реальное содержание, которое обусловлено особенностями способа жизнедеятельности классов и других социальных групп и отдельной личности, формируемого данными общественными условиями. Эта тенденция представляется более плодотворной для дальнейшей разработки категории образа жизни, ибо открывает новые возможности и аспекты в познании и управлении процессом общественной и индивидуальной жизнедеятельности людей.

³ См.: *Здравомыслов А. Г.* Методология и процедура социологических исследований. М., 1969, с. 22; *Лукеренко В. Л.* Социалистический образ жизни. Киев, 1975, с. 6—7; *Социалистический образ жизни*. М., 1976, с. 11—12; и др.

⁴ См.: *Синицын В. Г.* Образ жизни, достойный человека. М., 1970, с. 4; *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Человек после работы. Социальные проблемы быта и вне рабочего времени. М., 1972, с. 15; *Коган Л. Н., Вишневский Ю. Р.* Очерки теории социалистической культуры. Свердловск, 1972, с. 77; *Человек — наука — техника*. М., 1973, с. 219—220; и др.

⁵ См.: *Марков В. С.* Образ жизни и формирование человека. — *Вопр. философии*, 1976, № 7, с. 19; см. также: *Струков Э. В.* Социалистический образ жизни. М., 1977; и др.

⁶ См.: *Бестужев-Лада И. В.* Прогнозирование образа жизни в условиях развитого социалистического общества. Киев, 1975, с. 4; *Руткевич М. Н.* Социалистический образ жизни и его развитие. — *Вопр. философии*, 1975, № 11, с. 47—50; *Ануфриев Е. А.* Социалистический образ жизни: Методологические и методические вопросы. М., 1980, с. 34—37; и др.

⁷ См.: *Николаев П.* Образ жизни как социальная категория. — *Полит. самообразование*, 1974, № 7, с. 23—24. С упором на личностную природу общественного индивида этот взгляд проводится в работе: *Бутенко А. П., Ципко А. С., Киселев В. П.* Социалистический образ жизни: (Методологические проблемы исследований). М., 1975.

⁸ См.: *Левыкин И. Т., Дридзе Г. М., Орлова Е. А., Рейзема Я. В.* Теоретико-методологические основы комплексного исследования социалистического образа жизни. — *Вопр. философии*, 1981, № 11, с. 53.

В рамках такого подхода мы и рассмотрим познавательные и операциональные возможности категории образа жизни в раскрытии целостности исторической действительности. Исходным пунктом нашей интерпретации проблемы взято суждение, согласно которому существует только одно — философское — определение образа жизни. Оно может быть использовано в специальных исследованиях под различным углом зрения и с разной степенью полноты, но при обязательном условии сохранения видовых признаков изучаемого феномена. Социально-философский анализ образа жизни — необходимое условие выяснения коренного — в контексте исторического развития человечества — различия между социалистическим и буржуазным образом жизни.

Понятие «образ жизни» имеет своим основанием тот простой, и в то же время основополагающий факт всякой истории, открытый К. Марксом и Ф. Энгельсом, согласно которому «люди должны иметь возможность жить, чтобы быть в состоянии «делать историю»»⁹. Если необходимость жить составляет общее условие всей истории, является ее исходной предпосылкой, то вопрос о том, как в действительности живут люди (это и есть вопрос об их образе жизни), решается в зависимости от тех наличных конкретных обстоятельств, которые складываются, формируются в ходе самой истории.

Жизнь людей обусловлена не природно, не естественно, а исторически, точнее — конкретно-исторически, т. е. существующими на данном этапе исторического процесса предпосылками и обстоятельствами. Здесь пролегает основная граница, различие между человеческой и всякой иной (растительной, животной) формами жизни: люди живут, создавая собственной деятельностью все необходимые условия своей жизни, производя в этом смысле саму свою жизнь. Поэтому жизнь людей определяется, даже совпадает с производством ими своей жизни, материальной и духовной, протекает и реализуется в формах их производящей деятельности. «Производя необходимые им средства к жизни, люди косвенным образом производят и самоё свою материальную жизнь»¹⁰.

Деятельность, направленную на сохранение, поддержание и воспроизводство жизни, К. Маркс и Ф. Энгельс называли жизнедеятельностью, которая заключена в том способе, каким люди производят необходимые им средства к жизни, т. е. в исторически определенном общественном способе производства. При этом основоположники марксизма подчеркивали, что способ производства нельзя рассматривать только с той стороны, с какой он выступает как условие сохранения и воспроизводства физического существования индивидов. Люди производят не только свою физическую жизнь, обусловленную наличием у них физических потребностей — необходимостью есть, пить, одеваться, обогреваться и т. д., но вообще всю свою жизнь в качестве человеческих индивидов, жизнь материальную и духовную. Тем самым способ производства совпадает не только с физической жизнью индивидов, но со всей их жизнью, с их образом жизни. «В еще большей

степени *, это — определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид их жизнедеятельности, их определенный образ жизни»¹¹.

Отмечая прямую зависимость образа жизни людей от способа производства, К. Маркс и Ф. Энгельс приходят к весьма важному выводу, согласно которому о человеке и о том, что он собой представляет, можно судить на основании не каких-либо изначально заданных ему природных (биологических и психических) характеристик, а лишь исторически меняющихся условий общественного производства. «То, что они ** собой представляют, совпадает, следовательно, с их производством — совпадает как с тем, что они производят, так и с тем, как они производят. Что представляют собой индивиды, — это зависит, следовательно, от материальных условий их производства»¹². Если образ жизни животных раз и навсегда установлен природой, неотделим от их существования как физических существ (поэтому животные не отличают себя от своей жизнедеятельности, от своего образа жизни), то образ жизни людей есть нечто отличное от их физического существования, от их природно заданной индивидуальности, есть нечто зависящее от иных (не природных) условий и обстоятельств. Иными словами, люди живут не природной, а общественной жизнью, и то, как они живут, — т. е. их образ жизни, предписано им обществом.

Как целостное общественное явление образ жизни людей складывается под воздействием всей совокупности условий человеческой жизнедеятельности, характерных для данного, исторически определенного типа общества. Поэтому для характеристики сущности образа жизни и его проблематики важное методологическое значение имеет понятие общественно-экономической формации, интегрирующее в себе всю сумму условий и факторов, обуславливающих исторически специфический тип общественного устройства.

Формационная характеристика образа жизни есть исходный пункт для обозначения отличительных признаков и черт жизнедеятельности людей в том или ином обществе, позволяя выявить общую основу и главные факторы формирования, развития и сменны их образа жизни. Фиксируемые понятием «общественно-экономическая формация» особый способ производства, особый тип производственных отношений и особая форма общественной организации труда, исторически обусловленные, устойчивые формы общности людей и отношений между ними, характер взаимодействия базиса и надстройки и т. п. — все это всеобщий закон и принцип объективного существования, функционирования и раз-

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 26.

¹⁰ Там же, с. 19.

* чем просто воспроизводство физического существования. — Авт.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 19.

** индивиды. — Авт.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 19.

вития формируемого данным обществом способа человеческой жизнедеятельности. При этом формационный подход к обозначению сущности образа жизни не исключает, а, напротив, обязывает его исследователя учитывать все богатство «особенного», в котором проявляются всеобщие черты данного способа совместной деятельности людей. По словам В. И. Ленина, в «Капитале» Маркс показал «капиталистическую общественную формацию как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями»¹³.

Но отсюда не следует, что характеристика реального содержания и особенностей образа жизни людей в данном обществе достигается путем установления основных черт и признаков общественно-экономической формации. Прежде всего неоправдан и малопродуктивен сам по себе перенос общих характеристик формации на образ жизни людей, который даже в рамках неразвитых общественных организаций, вроде первобытнообщинного строя, имеет внутри общества весьма существенные различия (например, кочевой и оседлый образ жизни), не говоря уже о развитых, сложных и многоступенчатых по своей общественной структуре социальных организмах. В специальной литературе не учитывается должным образом серьезное различие (и дело здесь не в словоупотреблении, не в оттенках слов, а их смысловом отличии) между «образом жизни людей в капиталистическом обществе» и «буржуазным образом жизни», между «образом жизни людей в социалистическом обществе» и — соответственно — «социалистическим образом жизни».

Но не только в этом проявляется опасность механистического распространения формационных обозначений и характеристик на образ жизни. Еще существеннее учесть то обстоятельство, что образ жизни, будучи продуктом определенных объективных условий, вовсе не является их «слагаемым», «суммой» или «совокупностью», не сводится к ним, хотя и возникает на их основе. Понятие «образ жизни» охватывает и характеризует типичное, существенное в самой жизнедеятельности людей, обозначает формы (в отличие от условий) их жизни и деятельности. В такой постановке и понимании нет никакого умаления роли и значения условий, на базе которых формируется и развивается тот или иной образ жизни¹⁴. В теоретическом плане трудности разграничения двух тесно связанных и в то же время самостоятельных понятий — «формация» и «образ жизни» — начинаются именно тогда, когда ставится задача выделить специфический предмет исследования проблематики образа жизни, отграничив его от традиционного изучения черт общественно-экономической формации. Исследователя образа жизни формационные черты (формы собственности, социальные институты, уровень развития производи-

тельных сил и т. д.) интересуют, но они его интересуют лишь как факторы, определяющие объективные возможности (границы, средства) поведения субъектов, в рамках которых существует его вариативность, определяемая комбинацией множества различных условий»¹⁵.

Никакое обстоятельное, подробное изложение основных черт и признаков способа производства, характера общественных отношений, форм социального управления, культуры, нравственных ценностей и т. п. того или иного общества еще не означает выяснения образа жизни живущих в нем людей. Безусловно, исследование образа жизни просто невозможно без всестороннего учета и анализа объективных обстоятельств жизнедеятельности индивидов в данном обществе¹⁶. Но, обозначая условия и факторы, определяющие сущность того или иного образа жизни, необходимо по возможности полнее выявить, раскрыть и представить их (условий, обстоятельств) специфическое преломление и выражение именно в образе жизни людей, в формах их каждодневной жизни и деятельности.

Иными словами, понятие «образ жизни» включает в себя всю совокупность общественных условий как бы в снятом виде: последние выступают при этом не как формы развития производства, существования и функционирования определенных общественных структур, а как формы человеческой жизнедеятельности, формы развития (производства и воспроизводства) человеческой индивидуальности, типа личности, характерных для той или иной исторической эпохи.

Суть дела здесь не в том, что образ жизни людей проявляется в их деятельности¹⁷ (это само собой разумеется), а в том, что данное понятие схватывает, передает самые формы жизнедеятельности людей, или, иначе, формы их непосредственной жизни. В той мере, в какой общество (и все образующие его элементы) определяет собой характер и тип человеческой жизни, оно учитывается и фиксируется в понятии «образ жизни». В этом понятии

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 139.

¹⁶ Чтобы исключить возможные недоразумения, кривотолки, сошлемся на такой пример. Надстройка есть порождение базиса, появляется и развивается вместе с базисом, но при этом остается надстройкой, не включает в себя базис и не является его элементом, составной частью, сохраняет свою относительную самостоятельность. Авторы многих публикаций на тему образа жизни как-то упускают из виду, что слово «образ» не есть всего лишь метафора: потому-то это и «образ» жизни, что он характеризует порядок, организацию, форму проявления наличных условий человеческой жизнедеятельности.

¹⁷ Бутенко А. П., Ципко А. С., Киселев В. П. Социалистический образ жизни: (Методологические проблемы исследования), с. 5.

¹⁸ Подробнее о роли условий и факторов, определяющих возникновение и развитие образа жизни, см.: Толстых В. И. Образ жизни. Понятие. Реальность. Проблемы. М., 1975, с. 15—25; Бутенко А. П. Социалистический образ жизни: проблемы и суждения. М., 1978, с. 46—73; и др.

¹⁹ См.: Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история. Проблемы теории исторического процесса. М., 1981, с. 193.

нет иного содержания, кроме как общественного, но оно берется здесь под углом зрения его проявления в человеческой жизнедеятельности, в типичном для данного общества способе существования людей.

Поясняя эту важную для трактовки понятия образа жизни мысль, отметим следующее. Многообразие индивидуальных особенностей, наблюдаемое даже у людей, живущих в одном обществе, объединенных в определенные классовые, национальные, профессиональные и т. д. группы, вызывается как последственно-биологическими, так и психологическими особенностями индивидов. И хотя подобные особенности несомненно влияют на поведение индивида и его жизнь, не они в конечном счете составляют объект социально-философского анализа образа жизни. Здесь важны прежде всего социальные параметры, накладываемые обществом на индивидуальную жизнь человека, т. е. образ жизни как социально-философское понятие отбирает в индивидуальном многообразии лишь социально устойчивое, социально типичное, определяемое самим фактом включенности индивидуального в общественное.

Превращение социальных характеристик в индивидуальные и групповые характеристики самих людей, в реальные свойства их личного, индивидуального бытия и есть то, что составляет действительное содержание их образа жизни, подлежащее социально-теоретическому анализу и обобщению. Короче, образ жизни людей необходимо рассматривать как способ (форму) проявления социального в индивидуальном¹⁸.

Образ жизни — устоявшиеся, типичные для исторически конкретных общественных отношений формы индивидуальной и групповой (класс, нация) жизнедеятельности людей, которые характеризуют особенности их общения, поведения и склада мышления в труде, общественно-политической деятельности, быте и досуге. В таком определении образ жизни предстает как всеобщая категория, по отношению к которой такие понятия, как «стиль жизни», «уровень жизни» или «качество жизни», выступают не более чем конкретизацией, «срезами» этого сложного по своей структуре и составу общественного явления. Ведь образ жизни имеет и свою экономическую сторону, охватываемую понятиями «уровень жизни» (или «жизненный стандарт»), и социально-психологическую, связанную с особенностями поведения и общения личности, социальных групп, фиксируемых понятием «стиль жизни», и др.

В понятии образа жизни находит отражение диалектика всеобщего, особенного и единичного в процессе функционирования и развития общественной системы. Осмысление этой диалектики применительно к данному типу образа жизни, с учетом конкретной исторической ситуации, составляет необходимое методологическое условие его научного рассмотрения.

Ясно, например, что общие типологические черты образа жизни людей в том или ином обществе (формационная характеристика) проявляются в форме особенного, т. е. приобретают со-

пиально-групповую (классовую, национальную и т. д.) и индивидуальную специфику. При этом общее определяется отнюдь не установлением «родственных» признаков (эвристическая ценность такой собирательной характеристики весьма относительна), а посредством выявления типического в жизнедеятельности людей под углом зрения господствующего в данном обществе «способа совместной деятельности», т. е. того типа социальности, социальной связи людей, которая формируется всем общественным строем и укладом жизни. В свою очередь, особенное внутри той или иной общности, будь то особенное, связанное с классовой дифференциацией, или особенное, связанное с характером основного занятия людей, ведет к существенным различиям в образе жизни между рабочими и капиталистами, между рабочими и крестьянами, между «городским» и «деревенским» образом жизни, а в пределах одного и того же класса — к различиям, обусловленным своеобразием национальной культуры, бытовых традиций и т. п.

Вместе с тем образ жизни не есть какой-то «безличный» экстракт форм жизнедеятельности, общих признаков, черт существования и поведения тех или иных классовых, этнических, профессиональных и т. п. групп и отдельных индивидов. Всеобщее определяет, но отнюдь не исчерпывает рамки и возможности выбора индивидом конкретных форм своего каждодневного бытия. Образ жизни всегда предполагает глубоко индивидуализированную взаимосвязь между объективным положением личности в обществе и ее внутренним миром, представляет собой своеобразное выражение диалектического единства социально типизированного, унифицированного и индивидуально-уникального в поведении, общении и бытовом укладе людей. Поэтому на уровне отдельной личности он вовсе не сводится к простому усвоению или повторению «всеобщего» и «особенного». Порой образ действий и мышления отдельного человека, обладая автономной ценностью и значимостью, способен оказать и оказывает формообразующее влияние на «всеобщее» и «особенное». Ведь формирование того или иного образа жизни можно рассмотреть и как процесс распространения некоего возникшего индивидуального (или группового) стиля поведения и общения, который закрепляется затем традициями, обычаями и социальными институтами.

Человек как субъект общественных отношений трансформирует в своей жизнедеятельности образ жизни той общности (класса, нации), к которой он принадлежит. Иными словами, социальный слой, непосредственная группа формируют (задают) стиль жизни своих членов, соотносясь не только со своими условиями (местом в обществе и т. д.), но также с традициями и особенностями образа жизни социально-исторической общности,

¹⁸ Подробнее об этом см.: Толстых В. И. Образ жизни. Понятие. Реальность. Проблемы, с. 30—40; Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история, с. 191—199.

в которую они входят как часть целого. И поскольку «избираемый или, точнее, усваиваемый человеком под воздействием социальных условий, в том числе своего собственного положения в обществе и выполняемой им роли, способ мышления и поведения дает определенный тип личности»¹⁹, постольку образ жизни составляет важнейший критерий характеристики социального типа личности.

Применительно к самой исторической реальности образ жизни представляет, помимо своеобразного преломления объективных условий жизнедеятельности данной социально-исторической общности, также проявление и результат активно направленной, преобразующей, творческой деятельности людей. В этой связи можно сказать, что образ жизни людей служит отражением их самих: это тот самый случай, когда оправдана житейская формула: «Скажи мне, как ты живешь, и я скажу тебе, кто ты». Например, присущее только капиталистическому обществу резко выраженное «различие между жизнью каждого индивида, поскольку она является личной, и его жизнью, поскольку она подчинена той или другой отрасли труда и связанным с ней условиям»²⁰, объяснимо лишь при условии рассмотрения человека в качестве общественного индивида. В то же время в понятии «образ жизни» выражен момент самостоятельности, известной автономности личной жизни человека по отношению к окружающей его социальной среде. Ведь неповторимость личности обнаруживается, помимо всего прочего, в индивидуальных особенностях ее образа действий и образа мышления, которые могут гармонизировать, но могут и расходиться в каких-то моментах с типическим, т. е. с тем, что присуще социальной группе или обществу в целом. Возможность такого несовпадения вытекает из диалектики соотношения индивидуального и социального, личного и группового на уровне индивидуальной жизни человека²¹.

Итак, взятый в единстве объективного (способ совместной деятельности людей и формируемый им характер общения и поведения) и субъективного (цели общения, мотивы деятельности, ценностные ориентиры) моментов, образ жизни класса и других социальных групп и отдельных личностей представляет собой целостную структуру, складывающуюся из элементов как материальной, так и духовной жизни данного общества. Иначе говоря, образ жизни как бы вбирает в себя в «снятом» виде всю материальную, предметно-вещественную и духовную среду, в которой живет и действует индивид (социальная группа, общество в целом) и которая определяет способ и конкретные формы его жизнедеятельности. Он воплощает в себе и характеризует реальное «общественное состояние» во всей его полноте и многообразии и потому оказывается много «богаче» формирующего и определяющего его уклада экономической жизни. Это отнюдь не зеркально-мертвое, «копиистское» отражение существующих объективных предпосылок и условий, но одновременно и продукт творчества людей, результат их преобразовательной деятельности.

Целостный характер образа жизни означает не равнозначность составляющих его структуру элементов, а нечто иное. Ни одна из сфер общественной жизнедеятельности людей, взятая сама по себе, — ни труд, ни быт, ни досуг — в отдельности не характеризуют их образ жизни. Только переплетение и взаимодействие всех структурных элементов с учетом индивидуального своеобразия в каждом конкретном случае «создает» образ жизни как некую целостную форму бытия человека. На первый план исследования выходят определение социального и культурного «качества» потребностей, интересов и стимулов деятельности людей, входящих в ту или иную общность, характеристика структуры действующих традиций, нравов и обычаев («правил», «образцов» общежития) и системы общепринятых ценностей (социально-политических, познавательных, нравственных, эстетических и т. д.), т. е. всего того, что обуславливает специфику повседневного уклада жизни индивидов, ее духовно-нравственный климат и психологическую атмосферу. Только в этом случае сложившийся образ действий и мысли индивидов — общественных групп и отдельных личностей — выступает как некая конкретная целостность общественных отношений, как специфическая форма повседневного общения и поведения людей.

2. Формы образа жизни в условиях докапиталистического развития

Ключом к общей характеристике исторического развития образа жизни людей может служить Марксова классификация трех форм зависимости индивида, соответствующих трем «крупным формам общества»: отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные); личная независимость, основанная на «вещной» зависимости; свободная индивидуальность, базирующаяся на универсальном развитии индивидов²¹. Проведенная по этим основаниям трактовка исторического процесса, о чем уже шла речь в первой главе, в ее соотнесении с его формационным делением позволяет выделить и исследовать господствующий тип социальности индивидов, что особенно важно для понимания

¹⁹ Смирнов Г. Л. Советский человек. Формирование социалистического типа личности. М., 1980, с. 68.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 77.

²¹ Индивидуальное есть тоже социальное, ибо, согласно К. Марксу, «способ существования индивидуальной жизни бывает либо более *особенным*, либо более *всеобщим* проявлением родовой жизни...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 119). Под индивидуальностью при таком подходе подразумевается не особенность внешнего облика или манеры поведения человека, а уникальная форма существования и неповторимого проявления общего, т. е. социального. (Подробнее об этом см.: Гак Г. М. Диалектика коллективности и индивидуальности. М., 1967, с. 19—20.)

²² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 100—101.

исторических форм образа жизни людей, имеет универсальное значение для их познания.

Образ жизни первобытных народов представляет собой весьма специфическое явление, трудно согласующееся с современными представлениями. Индивид здесь прочно связан в своем поведении и общении непререкаемыми табу, обычаями, сакральными ритуалами, неотступным присутствием ближайшего окружения, наконец, своими собственными «наследственными» привычками, укоренившимися в результате архаической стабильности жизненного уклада. Два главных момента определяют своеобразие образа жизни первобытных людей, если говорить о нем в самом общем виде. Прежде всего доминирование природных, «естественных», факторов в процессе объединения людей для совместной деятельности — производства и воспроизводства своей жизни. К. Маркс неоднократно подчеркивал значение «сращенности» первобытного человека с землей, которая, будучи опосредована кровнородственными узами, отношением к общине, является важнейшим условием совместного проживания и деятельности, фундаментом естественно складывающегося коллектива.

Зависимость труда и образа жизни первобытных народов (племен) от природных факторов проявляется объективно и субъективно. «Естественно сложившаяся племенная общность (кровное родство, общность языка, обычаев и т. д.) или, если хотите, стадность,— пишет К. Маркс,— есть первая предпосылка присвоения людьми объективных условий как их жизни, так и той деятельности, при помощи которой эта жизнь воспроизводится и облекается в предметные формы (деятельность в качестве пастуха, охотника, земледельца и т. д.)»²³. Образ жизни индивида этого естественно сложившегося коллектива, для которого земля есть «великая лаборатория, арсенал, доставляющий и средство труда, и материал труда, и место для жительства»²⁴, представляет собой еще не продукт самой трудовой деятельности, а результат приспособления человека к природным условиям, от которых он зависит настолько, что они становятся объективными элементами его личности²⁵. По мере развития производительных сил общества и самого человека как общественного индивида такая зависимость постепенно становится менее жесткой. Отрыв от естественно выросшей структуры повседневного бытия — исторический процесс становления нового типа социальной связи, базирующейся уже не на природной, а на собственно экономической основе.

Прикованность индивида к природе и зависимость от нее (причем не только в труде, бытовом укладе и потреблении, но и в психологических установках поведения) есть специфический признак и основной фактор формирования совершенно определенного образа жизни людей, где общественное начало жизнедеятельности — общинная, групповая собственность — выступает в его природно ограниченной форме. Не менее существен и другой момент. Поскольку присвоение объективных условий в первобыт-

пом обществе не могло быть иным, как только совместным, постольку и образ жизни первобытного человека характеризуется его всеобщей прикованностью к коллективу. Образ жизни индивида совпадает (точнее, сливается) с образом жизни целого (рода, племени), оказывается адекватным ему и в собственно производственной деятельности, и в распределении, и в потреблении. Это преобладание целого над индивидом, личная независимость и самостоятельность которого незначительна во всех проявлениях его жизнедеятельности, составляет важнейший специфический признак образа действий и мышления первобытных народов.

Рассматриваемый образ жизни можно было бы определить как традиционный, традиция в данном случае — не дополнение к другим регуляторам, а универсальная форма воспроизводства социальной организации и человеческого общежития. Причем важнейшей «традицией» служат отношения сотрудничества и взаимопомощи, пронизывающие собой производственную, бытовую и другие области человеческих взаимоотношений.

Еще точнее данный образ жизни назвать общинным. Характеризуя «кочевой», или «пастушеский», образ жизни, К. Маркс отмечает: «У кочевых пастушеских племен община фактически всегда собрана воедино; это — общество совместно путешествующих людей, караван, орда, и формы субординации развиваются здесь из условий этого образа жизни»²³. Доминирование общинных связей, их обуславливающая роль остаются незыблемыми и тогда, когда «кочевой» образ жизни заменяется «оседлым»; «даже там, где дело доходит до частной собственности, отношение индивида к ней * выступает как обусловленное его отношением к общине»²⁷.

В условиях первобытной недифференцированности отдельного индивида и общины возможна лишь родовая жизнь, а образ действий и мысли каждого члена естественно возникшего коллектива может быть только общинным. Ни о какой самостоятельности поведения и сознания индивида, без чего просто немыслима самая элементарная «личная жизнь», говорить не приходится (даже учитывая момент индивидуального выбора в возникших и растущих семейных и соседских связях). Характер основного занятия, форма общения, особенности бытового уклада (жилище, пища, одежда и т. п.) жестко обусловлены, в буквальном смысле продиктованы, заданы обстоятельствами, прежде всего потребностью выжить и выстоять, которая доминировала над всеми другими заботами. Простота, незамысловатость, традиционность общинного образа жизни вполне отвечали первобытному способу производ-

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 462—463.

²⁴ Там же, с. 463.

²⁵ См.: Там же, с. 467.

²⁶ Там же, с. 480.

* земельной собственности.— Авт.

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 254.

ства, наличным условиям труда и быта: простая и грубая пища, примитивное жилище, минимум удобств, незатейливая одежда и утварь домашнего обихода вполне обеспечивали запросы первобытного человека, были для него нормой потребления.

В известном смысле такой уровень потребительских запросов и грубая форма их удовлетворения характерны и для более поздних, непервобытных стадий общинного уклада жизни²⁸. Первобытный человек всецело поглощен трудом — охотой, скотоводством или земледелием, его потребности, интересы и стремления вращаются единственно вокруг удовлетворения своих материальных нужд — добывания средств существования. Вместе с тем в сфере конкретного дела мысль, чувство и воля «общинного» человека проявляют себя сполна, свободно и по-хозяйски изобретательно, формируя такие черты характера и поведения, как трудолюбие, терпение, бережливость, сметка, прямота и др. Такая структура общинного образа жизни вполне соответствует общественным условиям деятельности, где благо отдельного индивида полностью зависит от блага рода, где все вопросы и конфликты решаются сообща, коллективно.

Будучи необходимым условием производства и обмена деятельностью, традиционно-общинный образ жизни не просто фиксирует или отражает объективные обстоятельства существования и функционирования первобытной общности людей. Базирующийся на традиции и неразрывно связанный с производственной деятельностью, он выступает в качестве системообразующего фактора, организующего начала всей жизнедеятельности членов общины. Это утверждение не покажется преувеличением или недоразумением, если будет принято во внимание то обстоятельство, что место и роль образа жизни в структуре жизнедеятельности древних народов существенно отличаются от эпохи классового общества, где труд и жизнь, труд и наслаждение отделены и противопоставлены друг другу.

В одном из писем Ф. Энгельса отмечается, что «во времена бродячего образа жизни была возможна лишь общественная обработка полей на основе родовой организации, размежевание отдельных участков было бы нелепостью»²⁹. Тем самым не только констатируется соответствие образа жизни производственным отношениям первобытнообщинного общества, характеру собственности, но и подчеркивается невозможность иной формы производства в условиях данного уклада жизни, т. е. коллективного добывания пищи. Этим, в частности, Ф. Энгельс объяснял поразительное сходство образа жизни древних германцев и американских краснокожих³⁰.

Отмечая особенности «еще не устоявшегося образа жизни» древних германцев в эпоху, когда они лишь начали переходить к оседлости, Ф. Энгельс отмечал, что «к этому образу жизни приспособлен и их общественный строй...»³¹.

Подобный образ жизни, неотделимый от общинных отношений собственности, становился фактором, который постоянно приводил

народы в соприкосновение с чужими племенами и тем самым побуждал их к обмену продуктами³².

Не только в первобытных общинах, но и в античных городских общинах (поскольку они продолжают оставаться предпосылкой рабовладельческого способа производства) и позже, в условиях сословно-корпоративного устройства общественной жизни, типичного для феодального способа производства, — короче, при любой неантагонистической и антагонистической форме отношений «личной зависимости» — традиционно-общинный образ жизни, представляя собой исторически конкретные общественные отношения, продолжает выступать в качестве одного из основных компонентов, слагаемых всего процесса практической деятельности людей, их объединения и характера общения. Но эта общая закономерность проявляется в конкретных условиях взаимодействия (и конфронтации) разных традиций, лежащих в основе образа жизни разных сословий и классов.

Изменения в условиях земледельческого труда и в отношении индивида к природе, приведшие к появлению частной собственности, классов и классовой борьбы, внесли существенные коррективы в «традиционный» образ жизни людей. Имущественные различия внутри общины, дифференциация занятий и интересов городских и сельских жителей, растущее осознание индивидом своей самостоятельности по отношению к общине, которая была уже не в состоянии полностью защитить его интересы, охватить своим влиянием все многообразие его индивидуальных потребностей, а главное — столкновение враждебных антагонистических сил, будь то рабов и рабовладельцев или же крепостных крестьян и феодалов-помещиков, ставят общинные черты образа жизни первых классовых общественно-экономических формаций перед множеством противоречий и испытаний.

Нельзя недооценивать здесь столкновение интересов и образов жизни не только между рабами и рабовладельцами, но и внутри господствующего, привилегированного класса — между свободными богачами и свободными бедняками, как их называл К. Маркс³³. Однако, обладая солидным адаптационным потенциалом, приспособляясь к происходящим переменам в условиях антагонистического развития, община подтверждает свою жизне-

²⁸ См.: Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы. М.; Л., 1931, т. 1, с. 77. Плехановская характеристика «сплошного» быта и образа жизни русской крестьянской общины (см.: Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. М., 1958, т. 5, с. 64—65), описание Ф. Энгельсом растительного и уютного существования английских ткачей до появления машинного производства (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 244—245) свидетельствуют об устойчивости и стабильности традиционно-общинного порядка жизни.

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 35, с. 96.

³⁰ См.: Там же, с. 103.

³¹ Там же, т. 19, с. 450.

³² См.: Там же, т. 23, с. 99.

³³ См.: Там же, т. 16, с. 375.

способность, воспроизводя себя в исторически специфичных формах античного полиса, общины средневекового, сословно-корпоративного типа, германской марки и восточнославянского мира. До тех пор, пока представленные самим образом жизни людей отношения «личной зависимости» сохраняют всеобщий характер, они сохраняют и свое значение регулятивного принципа функционирования общественной системы. В этом состоит важнейшая особенность функционирования и развития образа жизни в докапиталистических формациях.

Так, рабовладельческая афинская демократия, гибко ассимилируя появившиеся в практической деятельности и сознании членов античного полиса «отклонения» от привычного патриархального образа жизни, тем не менее оставляет неизменным принцип общинного всевластия: частная собственность опосредствуется общинной собственностью, а принадлежность индивида к общине и соблюдение традиционных, обязательных для всех норм общежития остается моральным и правовым императивом.

Сохранение общины и защита ее интересов для греков было более важным, чем забота об охране прав частной собственности. И это понятно, ибо свободнорожденный, независимо от того, владел он рабами или нет, относился тогда к частной собственности «как к своему членству в общине, и сохранение его как члена общины есть точно так же и сохранение существования общины...»³⁴. Гражданские права ценились греками только до тех пор, «пока какой-либо гражданин сам выполнял все свои обязанности по отношению к государству, и достаточно кому было быть в действительности или только прослыть плохим гражданином, чтобы закон перестал защищать его»³⁵. Софокловская Антигона, отстаивая свое право поступить по велению «совести», ставит под сомнение отнюдь не писанные законы общежития полиса, а закосневшие, отмирающие традиции — их претензию представлять все богатство бытия человека.

Впрочем, и этого было достаточно, чтобы консервативно мыслящие люди усмотрели в подобном прорыве традиционности, в притязаниях осознающей себя индивидуальности угрозу существующему общественному порядку. Достаточно вспомнить яростную борьбу Платона против афинской демократии, его настоячивые призывы вернуться к порядкам «патриархальной старины», к золотому веку «прекрасной нравственности», где все основывалось и покоилось на неукоснительном соблюдении обычаев и традиций, культе предков, непрерываемости авторитета и т. п.

Античный человек (свободный, рабовладелец) был по преимуществу «политическим» индивидом: как ни ценились им родственные и дружеские связи, не они, а политика и участие в гражданской жизни прежде всего связывали его с общиной. Личное богатство независимо от размеров не освобождало его от исполнения своего гражданского долга и обязанностей, от подчинения государству, общеобязательным нормам рабовладельческого права и морали. Оно рассматривалось всего лишь как средство

для ведения полноценной жизни, ценность которой определялась ее нравственно-духовным содержанием. Показателем правильного образа жизни считались степень участия свободного, т. е. полноправного, индивида в общественно-политической, хозяйственной и религиозной жизни, многосторонность его интересов и занятий, общительность, отношение к традициям и т. п. Там, где богатство становилось самоцелью, оно, по словам К. Маркса, «прямо обличалось как разложение общества»³⁶.

Характерно и отношение противостоящих рабам свободных античного общества к труду. Как верно замечено, в условиях расцвета рабовладения труд для них был «своего рода отклонением от нормального образа жизни». Однако необходимо подчеркнуть и то, что «понимание ими досуга не сводилось к пустому безделью»³⁷. Досуг означал «благородную праздность», включая в себя не только отдых и развлечения, но и время, отведенное ученым беседам, развитию своих способностей, участию в общественных делах, религиозных празднествах и т. п. А под трудом подразумевался преимущественно физический труд, недостойный «свободнорожденного» человека, удел рабов, презираемых именно за то, что они, по словам Аристотеля, работают «из-за куска хлеба».

Все это отнюдь не означает, что труд в античные времена был вообще презираем обществом и не оказывал сколько-нибудь существенного воздействия на образ жизни людей. До появления земельной аристократии отношение к труду, особенно к земледельческому, рассматривалось как важнейший признак нормального образа жизни, а праздность — отклонением от него. «Человек,— писал Гесиод,— отдающийся труду, видит, как увеличиваются его стада и возрастает его благосостояние. Трудясь, ты становишься удобным и богам и людям, так как они не терпят праздности. В труде нет ничего унижительного; стыдиться надо только лени»³⁸.

В законодательстве Солона отношение к труду фиксируется как правовое подтверждение правильного образа жизни члена полиса: тот, кто ничем не занимался и не имел личных средств, подвергался осуждению и даже судебной ответственности. Цицерон считает занятие сельским хозяйством, в отличие от ремесла, наиболее благородным, приятным и достойным свободного человека. Назвав ремесленный труд «презренным», Цицерон тем не менее признает и его значение: «Каковы были бы наша пища и образ жизни,— задает он риторический вопрос,— если бы столь многочисленные ремесла не доставляли нам того, благода-

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 466.

³⁵ Гиро П. Частная и общественная жизнь греков. М., 1913, с. 191.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 33.

³⁷ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972, с. 193.

³⁸ Цит. по: Гиро П. Частная и общественная жизнь греков, с. 157.

ря чему намного улучшенная жизнь людей столь далека от всего образа жизни животных?»³⁹.

Община является не только условием воспроизводства и гарантией сохранения определенного образа жизни, но и результатом, следствием его существования и функционирования. Всевластие общинного принципа жизнеустройства кончается там, где под влиянием классовой дифференциации общины начинается процесс перерождения образа жизни людей, который и выступает в роли «первого вестника» наступающих решительных перемен. В период кризиса афинской демократии происходит ломка и переориентация потребностей членов античной общины, что нашло свое отражение в классовой поляризации образов жизни демоса и аристократов; возросшая подвижность людей в рамках территориального единства вела ко все большему ослаблению собственно общинных уз и связей между ними, так что в ведении общины постепенно осталось коллективное обсуждение и решение лишь самых незначительных дел (вроде устройства религиозных жертвоприношений и праздников)⁴⁰.

Хотя «античное общество поносит... деньги как монету, на которую разменивается весь экономический и моральный уклад его жизни»⁴¹, именно развивающиеся на основе специализации общественного производства товарно-денежные отношения все больше воздействуют на традиционный уклад жизни общины, закрепляя в быту и поведении людей чуждые ее принципам элементы и черты. Стремление к богатству из средства полного участия в гражданской жизни все чаще превращается в самоцель, в средство искусственного возвышения над другими членами общины — в орудие классового господства. Имея в виду античный полис, Платон отмечал, что в каждом городе «заключены два враждебных между собой государства: одно — бедняков, другое — богачей...»⁴². Те, кто составлял сословие земледельцев и «прочих мастеровых», по образу жизни существенно отличались от тех, кто «способен править»⁴³.

Процесс распада, изживания общинного (полисного) образа жизни достигает кульминации в Древнем Риме. Еще сохраняют свою реальную силу некоторые общинные обычаи, люди, занятые земледелием (рабы и свободные), трудятся от восхода и до заката солнца, исполнение гражданских обязанностей по-прежнему считается главным условием сохранения членства в общине. А между тем образ жизни людей все больше оказывается под воздействием факторов совсем иного рода.

Развитие рабовладельческих отношений в результате борьбы плебеев и патрициев выразилось в конечном счете в появлении нобилитета — замкнутого правящего сословия рабовладельческого класса, — римской «знати», ведущей праздный и расточительный образ жизни за счет труда многочисленных рабов и беднейших плебейских слоев населения. Презрение к личному труду возникает даже в среде ремесленников из числа «свободнорожденных». Корыстолюбие и властолюбие — «страсть к деньгам» и «страсть

к господству» — начинают доминировать у имущих и власть предержащих над всеми другими чувствами, делая, по словам Полибия, образ жизни каждого в отдельности все более притязательным и нескромным. Уже не обычаи и традиции общины, а влияние императорского двора определяет, например, для высшего сословия выбор образа жизни, вплоть до бытового уклада, одежды, домашней обстановки и манер поведения. «Мы,— говорил в сенате Плиний Младший,— всегда были покорны императору ... Образ жизни императора — наша цензура, и притом на всю нашу жизнь; мы принаравливаемся к нему, руководствуемся им; нам не нужно приказаний, достаточно одного примера»⁴⁰.

Отношения личной зависимости играли не меньшую роль и в образе жизни людей феодальной общественно-экономической формации. Основные черты жизненного уклада отдельного общественного индивида регламентировались здесь — так же как и при рабовладении — его сословным положением, за политико-юридической оболочкой которого всегда скрывались определенные классы и классовая борьба.

Феодальный образ жизни — это образ жизни дворянства (помещиков), духовенства, купечества, крестьян, ремесленников, дифференцируемый, в свою очередь, их сложной иерархической организацией. В каждой такой сословной и внутрисословной группе существовал свой особый кодекс прав и обязанностей, правил общения и поведения, действительно общепринятых и добровольно исполняемых всеми ее членами⁴¹. Таковы, например, ремесленные цехи. Объединенные общностью основного занятия ремесленники вели образ жизни, целиком обусловленный (даже в мелочах бытового уклада) «цеховыми уставами», в которых регламентировался каждый шаг и момент их повседневного поведения и общения, внутренний распорядок совместной деятельности, характер взаимоотношений между членами цеховой корпорации.

Сословно-групповые образы жизни, имея в своей основе один и тот же формационный — феодальный — способ производства, весьма отличались друг от друга, что было обусловлено отношением «сеньора», «вассала», «купца», «крепостного», «мастера» и т. д. к средствам производства и труду, их местоположением в социальной иерархии феодального общества. Однако по целому ряду важных показателей они имеют черты общие, типологиче-

³⁹ Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1974, с. 96—97, 103.

⁴⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 168—170.

⁴¹ Там же, т. 23, с. 143. В сносках на той же странице К. Маркс, цитируя Софокла и Шекспира, дает описание образа жизни, формируемого этими отношениями.

⁴² Платон. Сочинения. М., 1971, т. 3, ч. I, с. 210.

⁴³ Там же, с. 202.

⁴⁴ Цит. по: Фридендер Л. Картины из истории римских нравов. СПб., 1873, т. 1, с. 194—195.

⁴⁵ См.: Булгакова Е. Из жизни средневекового ремесленника. М., 1902, с. 114—115.

ские, совокупность которых позволяет говорить о сословно-корпоративном образе жизни как специфической форме общественного устройства. Непосредственно обусловленный традициями и обычным правом характер носят не только отношения господства и подчинения, но и образ жизни различных классов. Общественные отношения «личной зависимости» еще «не облакаются в костюм общественных отношений вещей, продуктов труда»⁴⁶, как при капитализме, что сказывается и на образе жизни людей.

Подобно членам первобытной общины, средневековый человек независимо от своей классовой принадлежности еще не отделяет себя от природной среды, общается и действует с преобладанием эмоционально-оценочного отношения к окружающей действительности. Это обусловлено и экономически (фактом господства деревни над городом, земледельческого труда над ремесленным), и социально-психологически, религиозно-этически (отношением к природе в виде «творения божества», в коем воплощены и постоянно действуют силы, неподвластные сознанию и воле человека).

Окружающая природа является, как и в предшествующие времена, «фундаментом» натурального, самодовлеющего хозяйства, она есть каждодневный «спутник» и «собеседник» главной производительной силы феодального общества — крепостного крестьянина, ведущего по необходимости обособленный, локальный образ жизни. Поскольку темп жизни и основных занятий людей зависит от природного ритма, их образ жизни носит размеренно-естественный, циклический характер (рабочее время измеряется восходом и закатом солнца, путь — числом шагов и т. п.). Сугубо объективное отношение к окружающему миру обусловлено здесь, во-первых, сохранением, как в первобытной общине, природного единства труда с его вещными предпосылками и прежде всего с землей, свойствами которой средневековый человек не только «называл», но и объяснял самого себя, и, во-вторых, религиозным (естественным, нормальным для того времени) характером восприятия природы как «божьего творения», символа потустороннего, невидимого мира.

На каждый из классово-сословных образов жизни феодального общества накладывают свой зримый отпечаток некоторые его общие признаки и особенности: преобладание натурального замкнутого хозяйства с присущим ему простым воспроизводством и тесным соединением работника со средствами производства; органическая связь индивида с общиной, цехом, сословием и отсутствие какого-либо противопоставления социального и природного начал и т. д. Сосуществующие образы жизни приобретают в общей структуре жизнедеятельности вид мало расчлененной целостности.

Однако внутри такой целостности, создающей впечатление единства, некоей органической «слиянности», при внимательном взгляде отчетливо просматривается классовая дифференциация и даже конфронтация образов жизни. Эту черту феодализма

хорошо схватил и передал Ж. Мелье. «Как будто две расы людей живут в одном обществе,— отмечал он,— одна ничего не делает, наслаждается и повелевает, другая трудится, страдает и повинуется»⁴⁷. Поляризация богатства и бедности, наслаждения и труда, как она сказывается и выражается в образах жизни крестьян и феодалов, несколько умеряется, скрадывается наличием так называемой горизонтальной связи индивидов, включенных в корпоративные сообщества и отношения (сельские общины, городские коммуны, союзы городов, курии вассалов, ремесленные цехи, купеческие и религиозные гильдии, всякого рода братства и союзы). Но определяющим фактором при этом были отношения господства и подчинения.

Все это надо иметь в виду, характеризуя еще одну всеобщую черту образа жизни, вытекающую из общинного уклада жизни,— это традиционализм, которым пронизана вся практика общения и поведения людей в феодальном обществе. Отношение к «древности», к тому, что идет «от века», что стало обычаями, считается высшей и непреходящей ценностью бытия, рассматривается как основа правильного образа жизни. Позднее это будет зафиксировано в популярной легенде о прошлом «золотом веке» «естественного состояния» мира, в идеале — «евангельского строя», представляемом в виде аскетической уравнительности в быту и коммуналистическом потреблении. Поведенчески же такой традиционализм выступает в строго нормативной и разветвленной системе обычаев, ритуалов, форм общения, которая вполне адекватно отражала характер взаимоотношений между средневековой общиной, принимавшей подчас форму локализованной словесной группы, и ее членами. Верность и следование «традиционному» было органической потребностью повседневного бытия человека феодального общества независимо от его классового положения, богатства и рода занятий.

Впрочем, средневековая община в отличие от своей предшественницы — первобытной (родовой) общины и античного полиса была в соответствии с феодальным способом производства известным шагом вперед, так как ее всевластие над отдельными индивидами носило менее жесткий характер. Она не претендовала на охват своим влиянием всех сторон жизни человека, предоставляя ему определенную свободу поведения и индивидуального выбора. При этом на первый план выдвигаются цели общения людей, объединенных общностью занятий и интересов (об этом свидетельствует даже этимология таких типично средневековых понятий, как «цехи» и «гильдии») ⁴⁸.

Не ставя под сомнение права собственности (но и не объявляя его, как в будущем буржуазном обществе, «священным и не-

⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 88.

⁴⁷ Цит. по кн.: Волгин В. П. Французский утопический коммунизм. М., 1979, с. 21.

⁴⁸ Подробнее об этом см.: Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы, т. 1, с. 187—189.

прикосновенным»), средневековая община и христианская церковь осуждают стяжательство, стремление к наживе и богатству, превращенное в самоцель человеческого бытия, как проявления «греховности», ненормальности образа жизни и признак душевного неблагополучия. Сохраняя имущественное различие и привилегии между верхушкой и прочими членами общины, специальные правовые акты вводили ограничения на ношение драгоценностей, дорогой одежды, украшений, вычурную прическу и т. п.⁴⁹ Аскеза, проповедуемая как форма очищения от земной «скверны», была лишь своеобразным «категорическим императивом» в борьбе с чисто потребительским отношением к материальному достоянию. «Щедрость» феодалов, выражаемая в виде даров и подарков, мало похожа на благотворительность и меценатство пришедших им на смену буржуа, для которых «голый чистоган» стал единственной и высшей страстью повседневного существования и деятельности, а размеры накопленного богатства — мериллом нравственного превосходства.

В сфере сугубо житейской практики ритуалы, церемониальные акты, символические знаки и т. п. обладали не только «игровым» значением, но и глубоким человеческим и практическим смыслом, как это представлено, к примеру, в рыцарской этике. Так, важнейшим условием действительно благополучного существования считалось дружеское расположение соседей, которым следовало оказывать постоянно всевозможные знаки внимания. Отсюда ритуал взаимных встреч и угощений, сопровождаемых подношением подарков, ценных не своей потребительной стоимостью, а овеществленным выражением благорасположения, удовлетворенности самим фактом состоявшегося общения. Лишь на самых верхних ступеньках сословно-иерархической лестницы ритуализация и символизация образа жизни превращаются в самоцель, в средство демонстрации своего могущества и богатства. В основном же ритуальное поведение и присущий ему символизм, пронизывая всю многообразную общественную практику общения людей, были той соединительной тканью, которая связывала индивида с «целым», сохраняя при этом классовые и сословные различия, перегородки неприкосновенными. Они сообщали самому образу жизни феодального общества черты «безличного персонализма», позволяя человеку сохранить известную самостоятельность и независимость своей «частной» жизни, не утрачивая при этом ни на минуту единства со своей общностью.

Отсутствие четкого разделения повседневной практической жизни на «личную» и «общественную», а времени — на «рабочее» и «вне рабочее», ограниченные возможности социальной и индивидуальной подвижности и т. п. — таковы главные детерминирующие факторы, воспроизводимые феодальным способом производства, которые обеспечивали стабильность общинного уклада и образа жизни в условиях феодального общества. С теми или иными оговорками и уточнениями действие таких факторов можно обнаружить и в предшествующие периоды истории. Фор-

мационная специфика той или иной разновидности общинного или корпоративного уклада не отменяет общей закономерности, основного структурообразующего принципа их формирования, продиктованного экономически обусловленными связями «личной зависимости». Определяя всеобщую природу общинного уклада и образа жизни, подобные связи сохраняют свое значение для любой исторической формы человеческого общежития, где интересы и благо «целого» (общества) утверждают себя независимо от того, совпадают они или нет с благом и интересами отдельной личности.

Судьба самой общины во многом зависит от степени «самостоятельности» индивида, обусловленной наличной системой общественных отношений. «Изменяя свое отношение к общине,— писал К. Маркс,— отдельный человек изменяет тем самым общину и действует на нее разрушающе...»⁵⁰. Но для того чтобы это изменение поставило под вопрос историческое существование общинного уклада жизни вообще, должно произойти нечто такое, что неподвластно отдельному человеку.

Возникновение средневековых городов и углубление сословно-феодалной дифференциации общества привели к образованию сложной совокупности общин, каждая из которых жила своей отдельной цеховой, корпоративной жизнью. Солидарность всех членов данной общины, будучи основным принципом их общежития, вступает в противоречие с остальным миром, с обществом в целом. Замкнутый характер такой солидарности усиливал разобщенность и малоподвижность всех слоев населения, в то время как дальнейшее развитие общественного производства требовало повышения степени мобильности и взаимозависимости людей в их отношениях друг с другом. Короче, развитие самой хозяйственной жизни в «цеховой» период обнаруживает несостоятельность социальности общинного типа, требует иной формы зависимости людей от общества, а стало быть, и иного образа жизни. Складывается объективная предпосылка и потребность в смене самого принципа человеческого общежития, возникновении общественного способа производства, непосредственно свободного от отношений личной зависимости.

3. Коренная противоположность буржуазного и социалистического образа жизни

Отмечая «цивилизующую» роль капитализма в историческом развитии человечества, К. Маркс писал, что капитал «преодоле-
вает национальную ограниченность и национальные предрассудки, обо-
жествление природы, традиционное, самодовольно замкну-
тое в определенных границах удовлетворение существующих по-
требностей и воспроизводство старого образа жизни»⁵¹.

⁴⁹ См.: Кулишер И. М. Указ. соч., т. 1, с. 178.

⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 474.

⁵¹ Там же, с. 387.

Универсальность, к которой неудержимо стремится капитализм, охватывает все стороны общественной и индивидуальной жизнедеятельности и представляет собой принципиально новое явление в историческом процессе. Она означает начало конца локального развития человечества и суеверного поклонения природе⁵². Разрушив все феодальные, патриархальные и идиллические отношения средневековья, положив конец многовековому консерватизму и застою как в способе производства, так и в образе жизни и мышления людей, капитализм сделал законом материальной и духовной жизни общества постоянную смену, непрерывное преобразование производительных и духовных сил человека.

Машинный труд снимает всепоглощающую зависимость людей от власти земли и природы и в то же время не нуждается уже в «срастании» отдельного независимого работника с его средствами труда, что свойственно патриархальному, архаическому типу хозяйствования. Это обстоятельство вносит в повседневную жизнь человека труда новые моменты, которые расширяют границы его существования, круг его интересов, склонностей и забот, ибо развитие промышленного труда, «упрощая роль производителя в процессе производства, создает материальную возможность перехода от одного занятия к другому, а следовательно, и всестороннего развития»⁵³.

В отличие от крестьянина рабочий не может примириться с узкими рамками общинной жизни, лишаящими человека самостоятельности и независимости, сковывающими развитие его индивидуальности. В «Теориях прибавочной стоимости» это различие фиксируется К. Марксом следующим образом: «Если городской рабочий более развит, чем сельский, то это обусловлено лишь тем обстоятельством, что характер его труда заставляет его жить в *обществе*, тогда как труд земледельца заставляет его общаться непосредственно с *природой*»⁵⁴. Именно промышленный труд, нуждающийся в постоянном притоке новой рабочей силы, вырывает «значительную часть населения из идиотизма деревенской жизни»⁵⁵, из состояния «сплошного быта» и ведет к возникновению «личной» жизни и общественно развитых потребностей.

Таким образом, индустриальное производство и промышленный труд по природе своей способствуют исторически прогрессивному процессу «обособления» индивида, т. е. росту его самостоятельности и развитию его индивидуальности. С точки зрения возможностей принадлежать «только самому себе» рабочий в буржуазном обществе, отмечал К. Маркс, ведет более «субъективное» существование. И это понятно, поскольку «в начале человеческой культуры не отдельные индивидуумы, а семьи, роды и т. д. вступают между собой в сношения как самостоятельные единицы»⁵⁶. При капитализме рабочий соотносится с капиталистом как юридически независимое, свободное лицо, суверенный обладатель рабочей силы, своих физических и духовных задатков

и способностей. И капиталисту приходится волей-неволей считаться с рабочим как индивидуальностью.

Однако это лишь одна сторона дела, ибо характер индивидуальности и «обособленного» существования того же рабочего в конечном счете определяется господствующими товарно-денежными отношениями, формирующими общность особого рода, которой он принадлежит и которая дает средства для утверждения его в виде обособленного индивида⁵⁷. В этом смысле капиталистическое индустриальное производство и промышленный труд порождают и стимулируют обособление, не выражающее действительных индивидуальных потребностей и интересов человека. Рабочий становится носителем некоей частичной функции и превращается в «частичного» индивида условиями самого труда и всей общественной жизни.

Превращение труда из сферы самопроявления и самоосуществления человеческой личности в сферу ее закрепощения, нивелирования индивидуальности составляет «первородный грех» капиталистического способа производства. Как это ни парадоксально, но в глазах рабочего все, что угодно, но только не его труд делает повседневную жизнь «интересной». Стало быть, промышленный труд, открывая определенные возможности для индивидуального развития человека, сам по себе еще не гарантирует «достойного» его существования. Решающее значение здесь приобретают общественная форма труда и тип социальности, формирующие то или иное отношение к труду и определенный способ удовлетворения потребностей.

Разрушительное воздействие капитализма на образ жизни людей выражается в том, что, освобождая индивида от тотального подчинения обществу (общине) и создавая объективные предпосылки для его обособления, он преодолевает эту ограниченность и односторонность скорее идеально, чем реально.

Общественная форма, в которой развивается универсальное общение, диктуемое развитием производительных сил и характером промышленного труда, порождает, на что уже обращалось внимание, «мнимую коллективность», лжеколлективизм, а стремление обособиться, выразить и подчеркнуть свою индивидуальность оборачивается индивидуализмом, «дурной индивидуальностью».

Общим знаменателем двух одновременно протекающих процессов является глубокое и непримиримое противоречие между трудом и досугом. Другими словами, образ жизни большинства людей при капитализме существует независимо от самих людей,

⁵² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 387.

⁵³ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. М., 1958, т. 5, с. 78.

⁵⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 253.

⁵⁵ Там же, т. 4, с. 428.

⁵⁶ Там же, т. 23, с. 364.

⁵⁷ См.: Там же, т. 46, ч. I, с. 486.

навязывается им в качестве внешнего и чуждого им способа существования. Именно в этом смысле следует понимать положение классиков марксизма-ленинизма о том, что материальная жизнь людей в условиях капитализма полностью отделилась от их самостоятельности.

Именно в этом смысле образ жизни рабочего при капитализме оторван от его жизнедеятельности и его внутреннего мира. По словам К. Маркса, «рабочий только вне труда чувствует себя самим собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя. У себя он тогда, когда он не работает; а когда он работает, он уже не у себя»⁵⁸. Такое расщепление жизнедеятельности на состояние «у себя» и состояние «не у себя» есть следствие отчужденного существования, где сфера труда как бы перестает быть пространством и временем самопроявления индивидуальности человека, сферой раскрытия его задатков и творческих сил.

По-видимому, не случайно современные буржуазные философы и социологи столь единодушно исключают труд из «состава» элементов образа жизни. С этим нельзя согласиться, но это вполне можно понять, ибо в противном случае им пришлось бы доказывать, что сфера труда в условиях капитализма дает возможность индивиду реализовать себя в виде личности, раскрыть свою индивидуальность. Доказать же это невозможно.

Внутренний антагонизм отношений «вещной зависимости» исключает возможность жить непосредственно общественной связью. В мире «олицетворенных» вещей и «овеществленных» лиц образ жизни людей оказывается как бы вывернутой наизнанку, «превращенной» формой подлинно человеческого существования, ибо над человеком властвует все что угодно — вещи, деньги, престиж и т. п., но только не потребность жить действительно общественной жизнью. «Общественное» при капитализме, выступая синонимом «человеческого» содержания каждодневного бытия индивида, на деле оторвано от самого человека и противопоставлено ему. И притом настолько, что образ жизни «среднестатистического» человека оказывается во власти склонностей, желаний, потребностей и интересов, чуждых его собственно человеческой природе.

Вся система обыденно-поведенческих зависимостей и целостных ориентаций индивида вполне организованно направляется на то, чтобы подчинить его «социальное поведение» определенному комплексу внешних нормативных образцов, правил, требований. Образ жизни буржуазного индивида формируется под воздействием двух, лишь по видимости противоположных, а на самом деле рядоположенных и взаимодополняющих ориентаций. Во-первых, «индивидуалистической», разрушающей формы прежней традиционной коллективной жизни и призванной внушить ему чувство «личной независимости» и, во-вторых, «коллективистской», удовлетворяющей потребность социально «атомизированных» индивидов в самоосуществлении своей личности посредством при-

способления к формам господствующей, т. е. буржуазной, социальной организации.

Типические черты буржуазного образа жизни, если отвлечься от индивидуальных привычек и психологических особенностей, представляют собой конкретное, духовно-практическое выражение господствующих в капиталистическом обществе экономических, социальных, политических и духовных условий. Это индивидуализм как следствие «отчужденного» характера деятельности и господства частной собственности; чаще всего чисто потребительский способ удовлетворения индивидом своих собственно человеческих потребностей (нравственных, эстетических и т. п.), представляющий собой все усиливающееся противоречие между материальной и духовной сферами жизни людей; формы поведения, обнаруживающие антагонизм между внешними, официально принятыми, правилами, обычаями и порядками общежития и индивидуальными устремлениями, склонностями, влечениями людей; дегуманизация («обесчеловечивание») ценностных установок и мотивов деятельности и поведения людей в виде практического свидетельства и подтверждения ограниченности общественного идеала буржуазии, согласно которому модус и смысл человеческого бытия измеряются уровнем достигнутого личностью материального благополучия, и т. д.

Главным проявлением сущности буржуазного образа жизни выступает отсутствие реальных условий для всестороннего развития личности, в силу чего обнаружение творческих сил и способностей человека оказываются либо невозможными, либо получают уродливое выражение. Именно в этом смысле буржуазное «состояние мира» не дает человеку удовлетворения, оказывается в глубоком противоречии с потребностями развития действительно свободной индивидуальности.

Однако капитализм содержит в себе и объективную предпосылку возникновения нового образа жизни людей, заключенную в самом характере развиваемых им производительных сил, требующих от индивида многосторонности способностей и связей с окружающим миром. Формируется класс, который способен на деле реализовать такую предпосылку общественного развития. Подчеркивая противоположность образа жизни рабочих и буржуазии, Ф. Энгельс отмечал, в частности, что английский рабочий класс с течением времени стал совсем другим народом, чем английская буржуазия. «Буржуазия имеет со всеми другими нациями земли больше родственного, чем с рабочими, живущими у нее под боком. Рабочие говорят на другом диалекте, имеют другие идеи и представления, другие нравы и нравственные принципы, другую религию и политику, чем буржуазия»⁵⁸. Не желая мириться с условиями своего существования и стремясь сбросить с себя всю «старую мерзость», рабочие встают на путь революционного пре-

⁵⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 90.

⁵⁹ Там же, т. 2, с. 356.

образования общества, меняясь в ходе этого преобразования сами⁶⁰.

Новая историческая форма образа жизни, в корне противоположная буржуазной форме жизнедеятельности людей, возникает в процессе социалистического и коммунистического преобразования общества. Капитализм ходом собственной эволюции порождает не только возможность «отрицания» буржуазного образа жизни, но и создает определенные материальные и духовные предпосылки перехода общества к совершенно иному виду человеческого существования и деятельности.

Коммунистический образ жизни — это образ жизни «свободной индивидуальности» (в Марксовом понимании этой последней), и становится он коммунистическим постольку, поскольку люди реально превращают универсально развившиеся условия производства и обмена деятельностью в условия своего собственного бытия. Это образ жизни «богатой индивидуальности, которая одинаково всесторонняя и в своем производстве и в своем потреблении...»⁶¹. Путь к этой форме человеческого существования лежит через утверждение подлинно коллективистских отношений людей, которыми они овладевают в процессе коренного преобразования реальных условий своего существования. Обозначая коллективизм и сознательность в качестве наиболее общих характерных черт коммунистического (следовательно, и социалистического) образа жизни, мы исходим из конструктивных, структурообразующих начал или принципов той всесторонней общественной связи индивидов (формы их общения), которую «производит» именно коммунизм. Кратко это может быть выражено следующими положениями⁶².

С точки зрения К. Маркса и Ф. Энгельса, решающим условием действительно универсального развития индивидов и тем самым их универсальной самостоятельности является коллективное объединение людей, их коллективный образ жизни. Только в коллективе коммунистического (сначала — социалистического) типа человек труда преодолевает случайный, относительный и безразличный характер своего прежнего существования, своего прежнего образа жизни. И лишь в коллективе образ жизни трудящегося человека становится непосредственным проявлением его собственной индивидуальности, его самостоятельности. Ответственность каждого перед коллективом и ответственность коллектива за каждого работника — вот неотъемлемая черта социалистического образа жизни⁶³.

Общественная (коллективная) жизнь людей в коммунистическом обществе характеризуется сознательностью, сводящей на нет стихийность, случайность, непредвидимость и неуправляемость общественных процессов. Человеческая деятельность не только по своим целям и намерениям, но и по используемым средствам, осуществляемым результатам, способу организации и включения в нее человека становится планомерным движением, находящимся под непрерывным и всеохватывающим контролем сознания.

В структуре образа жизни, присущего коммунистическому обществу, сознание, следовательно, выступает в качестве необходимого организующего фактора коллективной самостоятельности людей. Именно в коммунистическом обществе образ жизни людей оказывается все более зависимым не только от чисто материальных, но и духовных условий жизни, включающих в себя всю совокупность сознательных действий человека. Сознание получает значение реального, практически актуального условия жизни человека, его культурного (в самом широком смысле этого понятия) существования и «в мысли» и в действительности.

Реальный социализм — не только новый тип экономики, где производство материальных и духовных жизненных средств направлено на удовлетворение многообразных потребностей трудящихся и имеет своей целью гармоническое развитие личности; не только новый тип государственного устройства и демократии, обеспечивающих активное участие людей в общественной жизни, осуществление реальных прав и свобод граждан и т. д., но и качественно новая форма (или вид) самой человеческой жизнедеятельности, во всех своих основных чертах и особенностях противоположная буржуазному образу жизни.

Новое качество социалистического образа жизни проявляется прежде всего в сфере труда и по мере изменения содержания труда укореняется в сознании и привычках повседневного поведения людей. Социализм — общество людей труда. Два момента определяют здесь социальную природу способа совместного существования и деятельности тружеников. Это, во-первых, сам характер труда, его общественная форма и социальное значение и, во-вторых, отношение людей к труду, к своему участию в трудовом процессе, которое вырабатывается и утверждается новым укладом жизни, всей системой общественных отношений и воспитания. Провозгласив трудовой образ жизни в качестве нормы человеческого бытия, социализм сознательно кладет в основу своего собственного становления и социального развития известный принцип материалистического понимания истории: для того чтобы жить, есть, пить, иметь жилище, одеваться, заниматься наукой, философией и искусством, люди должны трудиться. При этом социализм берет на себя задачу создать такую организацию материального и духовного производства, при которой никто не мог бы переложить на плечи другого свою долю участия в общественно полезном труде, а одинаковую для всех обязанность трудиться делает незыблемым правилом человеческого общежития и в конечном счете потребностью каждого человека. Социализм в прямом смысле этого слова «рождает новое отношение к тру-

⁶⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 201.

⁶¹ Там же, т. 46, ч. I, с. 281.

⁶² Подробнее об этом см.: Толстых В. И. Образ жизни. Понятие. Реальность. Проблемы. М., 1975, с. 112—120.

⁶³ См.: Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 80.

ду»⁶⁴. Труд как равная обязанность и труд как первая жизненная потребность — две стороны одного и того же исторического процесса становления коммунистического труда.

Можно без преувеличения сказать, что социалистический образ жизни начинается именно со всеобщего признания общественной роли труда, когда люди, по словам В. И. Ленина, работают из сознания необходимости трудиться на общую пользу⁶⁵, и предполагает развитую способность человека отождествлять труд для всех с трудом для себя. Это и есть общая мера отношения к труду при социализме и коммунизме. Уже сегодня огромное большинство тружеников социалистического общества не мыслит своего существования вне труда на благо всего общества и рассматривает свое участие в нем как первейшую обязанность и потребность. Социализм в отличие от коммунизма еще не может освободиться (отказаться) от государственного контроля за мерой труда и потребления, от юридического и морального принуждения к труду, но он уже превратил труд по способности в важнейшую и неотъемлемую черту образа жизни огромного большинства людей.

Важнейшей чертой и составной частью социалистического образа жизни выступает социально-политическая активность людей. Их активно-заинтересованное отношение к своему участию в делах общества и государства, формируемое социалистическим укладом жизни, представляет собой важнейшее завоевание пролетарской революции, которая, по словам В. И. Ленина, пробуждает трудящиеся массы от будничного, апатичного существования к жизни социально активной, наполненной высокими целями и устремлениями, массовым героизмом и воодушевлением⁶⁶.

Социалистическая революция не просто изменяет соотношение личной и общественной жизни — это происходит в начальный период всякой революции, в которой участвуют массы людей, — она устраняет одностороннюю ориентацию на «индивидуальную жизнь» как несовместимую с человечески достойным существованием, и превращает «общественную жизнь» в личное дело каждого.

Революционный энтузиазм трудящихся, полных решимости разрушить старый и построить новый мир, безусловно, непонятен и необъясним с точки зрения узкой, мещанской мерки. Однако этот энтузиазм совершенно естествен и органичен для тех, кто воспринимает и самую революцию и свое участие в ней как «праздник», где «я» и «мы» сливаются воедино и становятся неразличимыми. То, что называют «инициативой снизу», превращается при социализме в постоянно действующий фактор общественного прогресса, является конкретным подтверждением нерасторжимого единства личных и общественных интересов людей, их высокой политической активности и сознательности. Партия руководствуется мыслью В. И. Ленина: «... чем более велика, чем более ответственна новая историческая задача, тем больше должно быть людей, миллионы которых надо привлечь к самостоятельному участию в разрешении этих задач»⁶⁷.

Добровольное и сознательное участие людей в общественной деятельности, оказывающее на каждого человека, по словам К. Маркса, «необычайно освежающее действие»⁶⁸, это действительно массовое и типичное явление повседневной жизнедеятельности социалистического общества. Участие в общественной работе, какой бы скромный характер она ни носила, оказывается важным связующим звеном во взаимодействии социального и индивидуального, наполняя повседневную жизнь человека глубоким нравственным смыслом, скрепляя человеческие отношения духом настоящего товарищества и взаимопомощи. Общественная деятельность, охватывая все стороны производственной и внепроизводственной жизни, представляет собой практическую «школу» развёртывания самостоятельного творчества масс, их включения в управление делами государства и общества, формирования высокой политической сознательности и развитого чувства ответственности.

Социально активное поведение человека в условиях социализма регулирует «пропорции» его общественной и индивидуальной жизни, предупреждает возможность односторонней ориентации на сугубо личный интерес. Именно социальная активность противостоит тенденции ограничения смысла жизни достижением материального благополучия, которая даёт о себе знать в фактах проявления потребительской психологии, эгоизма и т. п.

Социалистический образ жизни представляет собой определённую систему конкретных культурных форм общения и поведения людей, выработанных в процессе революционного преобразования действительности, социально-экономического и культурного строительства. Значение и место фактора культурности в структуре социалистического образа жизни отнюдь не исчерпывается задачей «приобщения» человека к духовным ценностям или к овладению «правилами» поведения в обществе, хотя и то и другое является настоящей потребностью.

Социалистическая культура, взятая во всей совокупности своих конкретных форм, выступает в социалистическом образе жизни в виде важного звена во взаимосвязи сферы производства и потребления, с одной стороны, и собственно духовной, нравственной, эстетической и т. д. сферой человеческой жизнедеятельности — с другой.

То, что Ф. Энгельс называл культурными формами общения⁶⁹, в условиях социализма охватывает собой все виды сотрудничества людей, проникает во все сферы человеческих взаимоотношений. Уровень достигнутой социалистическим обществом культуры характеризуется, в частности, господствующими в нём

⁶⁴ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 58.

⁶⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 22.

⁶⁶ См.: Там же. т. 11, с. 103—104.

⁶⁷ Там же. т. 36, с. 446.

⁶⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 418.

⁶⁹ См.: Там же. т. 18, с. 216.

правами, обычаями и традициями, которые стали неотъемлемыми чертами образа жизни людей. Это — нравы и обычаи, свободные от унижения человеческого достоинства личности, пронизанные чувством взаимной солидарности и уважения, закрепившие в повседневной общественной практике людей общность их коренных интересов.

Преимущество социалистического образа жизни перед буржуазным наглядно выступает в сфере бытовой жизнедеятельности, которая, с одной стороны, пробуждает и воспитывает в людях чувство социальной общности, взаимного уважения, требовательности и ответственности, а с другой — нетерпимость ко всяким отступлениям от норм социалистического общежития и коммунистической нравственности (к проявлениям индивидуализма и эгоизма, обывательщины и бескультурия, к нарушениям правил поведения в семье и общественных местах и т. п.). При этом коллективистская природа социалистического быта не имеет ничего общего ни с мелочной опекой поведения людей и регламентацией их вкусов, ценностных предпочтений и т. п., ни с аскетическим ущемлением личного потребления, с попытками представить «бедность» и «уравниловку» синонимами социалистического общежития.

Итак, по своей внутренней структуре социалистический образ жизни представляет собой такой способ и форму коллективного общения людей, основными чертами которого выступают отношения взаимного сотрудничества и взаимопомощи, а также высокая сознательность тружеников, объединенных общностью целей и интересов. Именно развитое коллективистское начало характеризует социалистическую природу исторически сложившейся системы общественных отношений, определяет особенности образа действий и мышления человека. Соответствуя потребностям формирования и развития свободной человеческой индивидуальности, социалистический уклад жизни проявляет свою гуманную природу и практический демократизм в постоянной направленности общества на создание наиболее благоприятных возможностей всем его членам для их культурного роста и духовного подъема, всестороннего применения своих творческих сил и способностей. Неуклонное развитие и совершенствование социалистических общественных отношений, научное управление этим процессом — главное условие дальнейшего развития и совершенствования социалистического образа жизни, его превращения в коммунистический образ жизни.

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

1. Основные характеристики
социального управления

Одной из важнейших задач исследования социального управления является выяснение вопросов, связанных с пониманием его места и функционального назначения в развитии общества как органичной системы¹. Но наиболее полным и завершенным выражением социальной целостности, на что уже обращалось внимание, выступает общественно-экономическая формация. Поэтому формационный подход к анализу социального управления — необходимое требование теории и практики.

Каждая общественно-экономическая формация «творит» систему управления по своему образу и подобию. Так, объяснение начал коллективизма в регулирующем воздействии на поведение людей в условиях первобытнообщинной формации связано главным образом с фактом господства в тот период истории общей (коллективной) собственности на средства производства, который оказывает существенное влияние на образ жизни людей, складывающиеся между ними отношения. В то же время практика широкого и систематического применения по отношению к трудящимся массам методов социального насилия, а также разнообразных мер духовно-идеологического порабощения может быть понята лишь с учетом частной собственности, лежащей в основе общественной структуры всех формаций классово-антагонистического типа. Именно частная собственность на средства производства определяет собой непримиримость интересов трудящихся масс и господствующего меньшинства, сосредоточивающего в своих руках политическую власть — самое мощное орудие управления общественными процессами классового общества.

Число примеров, свидетельствующих о зависимости систем социального управления от основных характеристик общественно-экономических формаций, легко умножить. Однако и приведенных достаточно, чтобы констатировать: только путем формационного исследования исторического процесса можно выработать представление о социальном управлении как конкретно-истори-

¹ См.: *Афанасьев В. Г.* Человек в управлении обществом. М., 1977; *Он же.* Общество: системность, познание и управление. М., 1981; *Карпентян Л. М.* Научное управление и демократия. М., 1979; *Правдин Д. И.* Проблемы управления экономическими и социальными процессами при социализме. М., 1979; *Керимова Т. В.* Социальный прогресс и управление. М., 1980; *Омаров А. М.* Социальное управление: некоторые вопросы теории и практики. М., 1980; и др.

ческом явлении, уяснить суть связей и зависимостей, складывающихся между ними и всеми иными компонентами общественной системы. Каждая из формационных ступеней исторического развития обладает своими особыми средствами, способами, приемами, используя которые общественная система поддерживает свою целостность, устойчивость, реагирует на изменения в природной и социальной среде. Подобная специфика оказывается столь значительной, что дает основания говорить о различных типах управления².

Формационный подход к анализу социального управления обеспечивает возможность более полного и точного понимания и самой общественно-экономической формации, ибо управление — не второстепенный момент общественной жизни, а весьма важная характеристика ее целостности. Исследуя данную сторону исторического процесса, мы обогащаем и дополняем знания о формационных ступенях истории, углубляем и расширяем представления о состоянии, которое «переживает» в эти периоды общественная система.

Известно, что основоположники марксизма-ленинизма, раскрывая суть капиталистической общественно-экономической формации, подчеркивая стихийный характер ее развития, отмечали, в частности, ту особую регулирующую роль, которую играет здесь рынок. В то же время они неоднократно указывали и другое: коммунистическое будущее станет периодом власти «объединенного коллективного разума». Именно в этом состоит одно из коренных отличий коммунистической формации от всей предшествующей истории. Поэтому совершенно правильным представляется нам следующее положение, высказанное болгарским исследователем М. Марковым: «При более точном структурном анализе общественно-экономической формации ясно выявляется потребность включения в ее определение и соответствующего типа (или системы) управления»³.

Ставя своей задачей выяснение механизмов поддержания целостности общественно-экономической формации, без чего нет и не может быть исторического развития, рассмотрим некоторые особенности управления в условиях первобытнообщинного строя, при капитализме (прежде всего на империалистической стадии его развития) и в социалистическом обществе. Исследование механизмов управления первобытнообщинного строя позволяет судить о жизнедеятельности человеческого общества на доклассовой ступени исторического процесса.

Провести анализ механизмов управления при капитализме — значит разобраться в данной проблеме применительно к классово-антагонистическому периоду истории. Выбор капитализма здесь далеко не случаен. Мы уже обращали внимание на то, что К. Маркс выделял в качестве одного из оснований членения исторического процесса противопоставление классово-антагонистического развития («вторичная формация») доклассовому развитию («первичная формация») ⁴. Будучи вершиной «вторичной фор-

мации», капитализм наглядно представляет те ее специфические черты, которые составляют предмет нашего рассмотрения. Анализ же социализма позволяет уяснить специфику механизмов управления в период перехода общества на рельсы исторического движения нового, коммунистического, типа. Выделенное направление исследования социального управления продиктовано также необходимостью поиска теоретических ответов на злободневные вопросы современной общественно-исторической практики.

Зависимость управления от основных устоев общественно-экономической формации отнюдь не снимает вопрос о его особенностях как одного из проявлений общественной жизнедеятельности, месте и функциональном назначении в обществе. В социальных системах нет однозначной детерминации ее компонентов, их функционирования и развития. «Компоненты,— пишет В. Г. Афанасьев,— обладают определенным количеством *степеней свободы*, отличаются вариативным поведением, вероятностным образом жизни, действия. Именно отсутствие этой жесткой детерминации и является одним из важных факторов устойчивости системы, ее относительной жесткости по отношению к другим системам — как социального, так и природного порядка»². Занимая относительно «свободное» положение в обществе, управление относительно «свободно» по отношению и к системе в целом, и к составляющим ее компонентам. Подобная эмансипированность позволяет социальному управлению «вносить свою лепту» в поддержание и сохранение целостности и устойчивости исторического процесса. Но для того чтобы выяснить, какими возможностями обладает в этом плане управление, необходимо прежде ответить на вопрос, какое общественное явление обозначается в современной науке понятием социального управления, какой в него вкладывается смысл.

Обратимся к кибернетике — области знания, специализирующегося на изучении процессов управления безотносительно к типу систем,— и затем попытаемся разобраться в соотношении этого общего кибернетического представления об управлении с социально-философским. При таком подходе становится возможным, по нашему мнению, не только ответить на поставленный выше вопрос, но и одновременно показать эвристическое значение для разработки проблемы управления обществом той и другой областей знания.

Кибернетика характеризует управление как способность целостных динамических систем производить структурную и функциональную перестройку сообразно изменениям в условиях внутренней и внешней среды их существования. Такая перестройка

² По вопросу о типах социального управления см.: Афанасьев В. Г. Научное управление обществом: (Опыт системного исследования.) М., 1973, с. 42—52.

³ Марков М. Теория социального управления. М., 1978, с. 52.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 419.

⁵ Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980, с. 96.

происходит на основе информации о «возмущениях», исходящих и от самой системы и от окружающей среды. Управление поддерживает полезные «возмущения», оказывает сопротивление вредным, оставляет без внимания влияния, не имеющие для системы существенного значения. Тем самым оно выполняет важную негэнтропийную функцию. Благодаря управлению система наряду с обеспечением своей целостности оптимизирует свое функционирование, приводя его в соответствие с объективными закономерностями, характеризующими качественную определенность данного системного образования. Для понимания социального управления важно подчеркнуть ряд фиксируемых кибернетикой моментов.

Первый момент сводится к тому, что управление не есть извне привнесенная функция. Оно — имманентно присущее системе свойство, рождающееся или возникающее в ее недрах. Второй момент, логически следуя за первым, обращает внимание на ту связь, которая существует между управлением и обслуживаемой им системой, фиксирует то обстоятельство, что процессы управления, развивающиеся на ее основе и в ее рамках, по главной цели, назначению и возможностям в значительной степени обусловлены основными параметрами системы. Наконец, третий момент указывает следующее: приведением в действие механизмов управления система «отвечает» на изменения ее внутреннего состояния и внешней, окружающей ее среды. Управление ориентировано на эти изменения, и в силу такой ориентированности содержание управления во многом предопределяется ими.

Управление есть функция системы, свойство ее жизнеобеспечения. Из этого положения, формулируемого кибернетикой, вытекает вывод: управление самым тесным и неразрывным образом связано с природой системы, подчинено законам ее функционирования и развития, зависит от условий, в которых данная система существует. Специфика процессов, развивающихся в той или иной системе в связи с управлением, такова, что их содержательный анализ невозможно провести, абстрагируясь от характеристики самой системы в виде целостного динамического образования определенного типа. Иначе говоря, возможности кибернетического знания в разработке проблем управления ограничены пределами, которые «воздвигнуты» на его пути объектом исследования. Поэтому, формулируя свое представление об управлении, кибернетика отнюдь «не полагается» исключительно на свои возможности, а как бы «подталкивает» исследователя, анализирующего эти процессы применительно к обществу, на обращение к социальным областям знания.

Итак, только при условии, когда выяснена качественная характеристика социального организма, обнаружены законы его функционирования и развития, установлено, что следует понимать под условиями среды его существования и какова специфика отношений, складывающихся между ним и средой, открывается перспектива объяснить, за счет каких сил конкретное общество

обеспечивает свою целостность, жизнеспособность и саморазвитие и какое значение в этом обеспечении играют механизмы управления. Исторический материализм, что уже отмечалось в предыдущих главах, разрабатывает концепцию общества в виде целостного образования, функционирования и развитие которого в своей исходной основе представляет собой не что иное, как человеческую жизнедеятельность.

Используя механизмы управления, человек реагирует на изменения, происходящие в окружающей его природной и социальной среде. Он осваивает окружающий мир в качестве объективно данной реальности, не существуя вне такой реальности. Поэтому формирующиеся здесь отношения не могут быть выражены формулой: объективно существующий мир и человек, ибо сам этот мир не безотносителен к субъекту.

Сказанное означает, во-первых, что по отношению к человеку и его деятельности природный и социальный миры выступают в неразрывном единстве. Воздействуя на природу, человек тем самым изменяет и социальные условия своей жизни. Причем если социальная среда «непосредственно» создается человеком, то окружающая человеческое общество природа претерпевает существенные изменения под воздействием производственной деятельности людей. По словам В. И. Вернадского, «человеческое общество все более выделяется по своему влиянию на среду... Это общество становится ...единственным в своем роде агентом, могущество которого растет с ходом времени со все увеличивающейся быстротой. Оно одно изменяет новым образом и с возрастающей быстротой структуру самых основ биосферы»⁶.

Во-вторых, из сказанного следует, что процесс воздействия на окружающий мир и его освоения не остается бесследным для человека и общества, является единственно возможным способом их развития. Используя механизм управления, общество реагирует на изменения, происходящие в природной среде, осуществляя необходимые преобразования. Суть и смысл подобных преобразований в том, чтобы поддержать организованное состояние общественной системы, отнюдь не ограничиваясь простым приспособлением к среде, реакцией на совершающиеся перемены, а осваивая ее путем познания и использования объективных законов.

Разумеется, общество поддерживает и охраняет свое существование в качестве системы исторически определенного типа не только через управление. В той или иной степени эта функция реализуется во всех видах человеческой деятельности. Известно, например, что в сфере материального производства между людьми складываются такие отношения, которые являются фундаментом, базой для формирования других общественных отношений. Задача, следовательно, состоит в том, чтобы отграничить управ-

⁶ Вернадский В. И. Биогеохимические очерки. М., 1940, с. 47.

лѣніе отъ иныхъ областей общественной жизни, охарактеризовать его какъ деятельность особаго рода.

Первичной структурой, на базѣ которой управление складывается въ видѣ особой разновидности труда, выступает совокупность такихъ свойствъ деятельности человека, которые выражаются въ его способности познавать альтернативы, содержащіяся въ объективной действительности, предвидѣть результаты своихъ действий, ставить цели, принимать рѣшенія и опредѣлять средства, необходимыя для ихъ реализаціи. Далѣе планировать свою деятельность, комбинировать и соединять ея акты въ единый процессъ достиженія поставленной цели. Наконецъ, организовывать, направлять и подчинять свои устремленія, желанія, дѣйствія этому достиженію, соотносить достигаемые результаты съ принимавшимися ранее рѣшеніями, подвергая коррекціи цель и приспособлявая средства, способы, пути ея осуществленія къ наиболее адекватному выраженію данной цели.

Перечисленные черты свойственны любой целеполагающей деятельности человека, что дѣлаетъ правомернымъ ея теоретическій анализъ именно въ рассматриваемомъ управленческомъ аспектѣ. Такой анализъ представляется необходимымъ, ибо онъ помогаетъ разобратъ-ся въ вопросахъ управления человека самимъ собой и своимъ трудомъ вне зависимости отъ формъ его проявленія, будь то научная работа, служеніе искусству, созиданіе матеріальныхъ жизненныхъ средствъ или, наконецъ, участіе въ управленіи обществомъ. Уясненіе же этихъ вопросовъ можетъ въ немалой степени способствовать рѣшенію проблемы развитія человека, которое осуществляется въ томъ числѣ и посредствомъ формированія, выработки у него способности со знаніемъ дѣла принимать правильныя рѣшенія, опредѣлять верныя пути ихъ реализаціи, активно бороться за ихъ осуществленіе. Однако смыслъ выделенія управленческаго аспекта человѣческой деятельности съ точки зренія раскрытія интересующей насъ темы состоитъ не въ этомъ.

Указанныя черты образуютъ въ своемъ единствѣ ту исходную точку отсчета, съ которой управление начинаетъ формироваться какъ разновидность общественнаго труда. Управление, подчеркиваетъ В. Г. Афанасьевъ, представляетъ собой разновидность сознательной деятельности, связанной «съ выработкой рѣшеній, съ организаціей, направленной на претвореніе рѣшеній въ жизнь, съ регулированіемъ системы въ соответствии съ заданной целью, съ подведеніемъ итоговъ деятельности, съ систематическимъ полученіемъ, переработкой и использованием информации»⁷.

Представляя собой разновидность человѣческой деятельности, управление отличается тѣмъ, что складывается на базѣ потребности въ организаціи совместнаго труда многихъ лицъ, связано съ необходимостью поддержанія определеннаго порядка въ жизнедеятельности самыхъ различныхъ системныхъ социальныхъ образований. «Трудъ по надзору и управленію, — отмѣчаетъ К. Маркс, — необходимо возникаетъ всюду, гдѣ непосредственный процессъ производства имѣетъ видъ общественно-комбинированнаго процесса, а не яв-

ляется разьединенным трудом самостоятельных производителей»⁸. В другом месте он пишет: «Всякий непосредственно общественный или совместный труд, осуществляемый в сравнительно крупном масштабе, нуждается в большей или меньшей степени в управлении, которое устанавливает согласованность между индивидуальными работами и выполняет общие функции, возникающие из движения всего производственного организма в отличие от движения его самостоятельных органов. Отдельный скрипач сам управляет собой, оркестр нуждается в дирижере»⁹.

Именно поэтому характеристика функций «дирижера» должна обязательно предполагать исследование закономерностей функционирования и развития «оркестра», т. е. того социального образования, которое обслуживает механизм управления. Отметим в этой связи необходимость различения понятий «управление обществом» и «управление в обществе». Если первое понятие фиксирует внимание на управлении обществом как целостной динамической системой, то второе характеризует использование такого механизма применительно к отдельным, входящим в состав данной системы подсистемам (семья, различные промышленные и сельскохозяйственные предприятия, научные учреждения и т. д.).

Каждый из видов социального управления имеет свой субъект и объект, отличается своими закономерностями. Но подобное различие относительно, ибо между ними существует глубокая внутренняя связь. Управление обществом носит ступенчатый иерархический характер, и оно не может быть понято без выяснения процессов сознательного целенаправленного воздействия, осуществляемого в обществе. В свою очередь, это выяснение, включающее в себя анализ управления на различных уровнях общественной жизни, в отдельных подсистемах, предполагает знание закономерностей управления всем обществом. Короче, если управление обществом следует рассматривать с позиций категорий общего и целого, то управление в обществе необходимо изучать, обращаясь к категориям особенного и части.

Управление выступает способом координации многообразных и различных видов деятельности, их рациональной взаимосвязи. Такая взаимосвязь осуществляется путем направления производственной, научной, художественной и всякой иной деятельности в русло реализации единой программы, достижения общей цели. Сказанное предполагает, а вовсе не исключает то, что в ходе целенаправленного регулирования производства, управления делом воспитания, образования и т. д. осуществляется процесс реализации локальных программ и целей. Однако они не есть нечто независимое по отношению к общей цели, которая находит свое

⁷ Афанасьев В. Г. Управление как целесообразная деятельность человека. — Обществ. науки, 1978, № 2, с. 25.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. I, с. 422.

⁹ Там же, т. 23, с. 342.

выражение в этих локальных целях. Поэтому именно общая цель лежит в основе интегративных возможностей управления, в связи с ее осуществлением происходит единение различных практических усилий человека в единый процесс освоения и преобразования им окружающего мира.

Управление, будучи деятельностью особого рода, предполагает, что предвидение, планирование, принятие решений, контроль за исполнением и другие действия, связанные с регулированием совместной человеческой деятельности, становятся особой функцией, осуществление которой возложено на специальную управляющую подсистему или, как принято ее называть, «операторов управления». Такая подсистема, объединяющая сравнительно небольшое число людей, специализируется на особом виде работ — на тех действиях, которые необходимы для того, чтобы установить, поддержать и улучшать саму эту организацию дела. «Тогда их работа, понятно, и состоит в том, чтобы выполнять функции организаторов. В соответствии с такой задачей от них требуются не физические или другие воздействия на предмет (предметы) труда всего коллектива, а организующие действия на работу этого коллектива, включая и свою собственную работу»¹⁰.

Социальное управление выступает как в той или иной форме организованная и институционализированная деятельность, выполняемая соответствующей системой органов и организаций, располагающая целым арсеналом разнообразных средств, методов, способов целенаправленного воздействия на общественную жизнь. Но для того, чтобы вскрыть смысл управления в тех или иных социальных системах, вовсе не достаточно ограничиться описанием содержания управленческого труда, выявлением его различных функций (деятельности по планированию, контролю, организации, координации и т. п.). Необходимо идти дальше и вскрыть характер отношений, складывающихся между людьми в процессе управления. При этом важно ответить на следующие вопросы: какому классу принадлежит функция управления общественными делами, какие классы являются объектом управления, наконец, в интересах какого класса оно осуществляется и каким целям оно служит.

В доклассовый период исторического развития управление осуществлялось органами, представлявшими общую волю и выражавшими общие интересы членов первобытнообщинной организации. В классовом обществе управление приобретает политический характер. Через орудия, механизмы, инструменты управления господствующий класс стремится подчинить своей воле действия всех других классов. Функции по управлению делами общества берет на себя государство, выступающее инструментом и проводником политики господствующего класса, чуждой интересам подавляющего большинства трудящихся. Соответственно и в буржуазном обществе управление осуществляется с помощью методов насилия, принуждения, опирается на широкое использование разнообразных мер по идеологической и психологической

обработке народных масс в духе идей и моральных устоев класса буржуазии, предполагает специальные усилия по обеспечению поддержки со стороны населения мероприятий, проводимых государственными органами.

Обращая внимание на эту сторону дела и схватывая его суть, К. Маркс дает следующую характеристику управлению в буржуазном обществе: «Управление капиталиста есть не только особая функция, возникающая из самой природы общественного процесса труда и относящаяся к этому последнему, оно есть в то же время функция эксплуатации общественного процесса труда и, как таковая, обусловлено неизбежным антагонизмом между эксплуататором и сырым материалом его эксплуатации»¹¹.

При социализме политика, управление общественными делами, бывшие ранее исключительной привилегией эксплуататорских классов, становятся делом самих трудящихся, которые выступают активным субъектом политики. В то же время их социальная деятельность является объектом управления. Иначе говоря, для социализма характерны качественно новые (по сравнению с буржуазным обществом) отношения, складывающиеся между субъектом и объектом управления, их диалектическое единство. Но процесс установления такого рода связей исключает какой бы то ни было автоматизм. Одно из основных назначений механизмов социального управления состоит как раз в том, чтобы привести в движение миллионные массы, организовать и обеспечить их включение в реальную работу по ведению общественных дел.

Отношения, которые формируются между людьми как субъектами и объектами управления в связи с осуществлением тех или иных его функций, составляют в своей совокупности особую разновидность отношений в обществе. Их особенность состоит в том, что они формируются на основе осознания той деятельности, которая выступает объектом управляющего воздействия. В этом смысле целенаправленная деятельность и соответствующие ей волевые отношения, складывающиеся в сфере управления, представляют собой особую отрасль общественной деятельности.

Знание и управление — взаимно предполагающие друг друга стороны человеческой деятельности. Знания людей о различных сторонах общественной жизни служат для управления тем источником, без обращения к которому любое целенаправленное воздействие на процессы этой жизни оказывается просто невозможным. В свою очередь, управление, будучи одной из форм общественно-исторической практики, представляет собой своеобразный полигон, где созданные людьми теоретические концепции, сложившиеся представления и суждения обретают практически действенный смысл, подвергаются проверке на истинность и адекватность, где они уточняются и дополняются новыми выводами и заключениями.

¹⁰ Синтез знания и проблема управления. М., 1978, с. 150.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 343.

Безусловно, не все знания реализуются в практике управления. Для обозначения тех из них, которые непосредственно связаны с этой практикой, современная наука использует понятие информации. Последнее фиксирует определенный этап продвижения от незнания к знанию и затем — к опредмечиванию достижений человеческой мысли, а именно этап, на котором добытые знания непосредственно вовлекаются в деятельность людей по практическому и практически-духовному освоению окружающего мира и, следовательно, по управлению общественными процессами.

Информационный характер управления относят к числу его важнейших признаков. Н. Винер переработку информации объявляет сутью процессов управления¹². В. Г. Афанасьев подчеркивает: «...управление немислимо без информации, без постоянного осведомления управляющей подсистемы о внутреннем соотношении объекта и отражающей его среды, без активности и избирательности, фильтрации и оценки внешних и внутренних воздействий»¹³.

Управление сопровождается любой совместный труд вне зависимости от форм его проявления (будь то созидание вещей или производство духовных ценностей) и как бы надстраивается над ним. Как таковое управление не может по своему содержанию, формам и методам не зависеть от регулируемых через посредство его механизмов деятельности и отношений. Специфика управления экономикой, например, уходит своими корнями в специфику самих базисных отношений. Но наличие такой зависимости не может служить основанием для ошибочного, на наш взгляд, включения отношений по управлению экономикой в сферу базиса, хотя и дает возможность понять причины подобного включения. Своеобразие социального управления в том и состоит, что, будучи обусловленным экономическим базисом, оно формируется как сознательное воздействие. Но здесь важно не впасть в другую крайность и не отождествить управление с другими видами сознательного воздействия на общественные процессы. Такое отождествление, с одной стороны, привело бы к существенному обеднению и сужению социального назначения науки, искусства и других отраслей духовной жизни, которая вовсе не ограничивается участием в управлении, а с другой — фактически сняло бы проблему использования возможностей духовного производства в управлении общественными процессами. Между тем мера, степень, формы и способы использования результатов духовного производства в социальном управлении неодинаковы в разных общественных системах. Поэтому, в частности, можно различать и исторические типы социального управления.

Мы подчеркнули важные особенности социального управления. И все же такое описание недостаточно для раскрытия содержания этой категории, ибо не дает полного представления об управлении как сложном, внутренне противоречивом явлении, не фик-

сирует внимание на других механизмах, которые участвуют в регулировании и упорядочении процессов общественной жизни. Осуществляемый с философских позиций анализ управления предполагает обнаружение основного противоречия рассматриваемого феномена, выявление образующих его сторон, благодаря чему оказывается возможным вскрыть источник саморазвития социального управления. Причем исследователя должны интересоваться здесь отнюдь не любые противоположные стороны изучаемого явления, но прежде всего те, которые воплощают в себе объективные и субъективные начала.

С указанной точки зрения важное методологическое значение имеет высказанное В. Г. Афанасьевым положение о двух различных механизмах социального управления: стихийном и сознательном. «В случае *стихийного* механизма упорядочивающее, управляющее воздействие на систему является усредненным результатом столкновения, переплетения и перекрещивания различных, нередко противоречающих друг другу, сил, массы случайных единичных актов. Это воздействие пробивает себе дорогу как общая тенденция в этой слепой игре случая; оно автоматически по своей природе и не требует вмешательства людей... Наряду со стихийными, незапрограммированными факторами в обществе (опять-таки на любой ступени его развития) действуют *сознательные факторы управления*, связанные с целенаправленной деятельностью людей»¹⁴.

Если стихийные механизмы складываются в результате объективного взаимодействия реальных факторов общественной жизни, то в сознательных механизмах особый интерес представляют субъективные моменты управления. В последних, в частности, находит свое воплощение действие субъективного фактора исторического развития — сознательного участия народных масс, классов, государства, партий в политике, управлении делами общества.

На том или ином этапе исторического развития под влиянием самых различных причин между стихийными и сознательными механизмами формируются специфические для каждого данного типа управления связи. Поэтому, характеризуя каждый такой тип, недостаточно рассмотреть особенности, свойственные сознательно используемым механизмам, или проанализировать специфику стихийно действующих регуляторов. Не менее важно обратить внимание на их соотношение. Забегая вперед, отметим, что эти механизмы могут действовать как в одном, так и в различных, даже противоположных направлениях. Однако в любом случае прежде всего необходимо ответить на вопрос: каким механиз-

¹² См.: Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М., 1968.

¹³ Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом. М., 1975, с. 31.

¹⁴ Афанасьев В. Г. Научное управление обществом: (Опыт системного исследования), с. 44, 46.

мам в тех или иных исторически конкретных условиях принадлежит главная роль в воздействии на общественные процессы. В условиях социализма такая роль принадлежит сознательным факторам управления. Научно организованное и планомерно-целенаправленное управление охватывает общественную систему в целом. Оно одерживает верх над стихийными механизмами воздействия.

Рассмотрение систем управления под углом зрения единства и диалектической противоречивости образующих их механизмов имеет не только тот смысл, что способствует постижению сущности каждого конкретно-исторического типа управления. Реализуя взгляд на управление как на сложное образование с многоуровневой структурой, такое рассмотрение обогащает наши представления о процессе развития социального управления, о тех изменениях, которые происходят в нем при переходе от одной общественно-экономической формации к другой.

2. Исторический процесс и развитие механизмов социального управления

Одной из основных тенденций развертывания исторического процесса выступает возрастание роли субъективного фактора. Не остается неизменным и значение управления. Его воздействие на исторический процесс усиливается одновременно с возрастанием роли субъективного фактора и обуславливается главным образом постоянно повышающейся степенью обобществления общественного производства.

В эпоху первобытнообщинного строя специфика содержания, форм и назначения механизмов управления обуславливалась естественностью и простотой организации социальной жизни людей, определялась тем чрезвычайно низким уровнем развития производительных сил, той бедностью духовной жизни, с которой начинало свою историю человечество. На начальных этапах истории социальный организм еще настолько не развит, что его структура в сравнении с современным обществом характеризуется крайней примитивностью и неопределенностью составляющих его частей, размытостью границ между ними. Здесь довольно трудно провести четкий водораздел между сознательными и стихийными, объективными и субъективными факторами жизни общества. А ведь именно на стыке действия этих факторов и формируются механизмы, регулирующие функционирование и развитие любого социального организма.

Субъективные, сознательные факторы не могли в первобытном обществе активно влиять на общественные процессы. Они суть простейшие, элементарные отражения материальной жизни, настолько тесно с ней связанные, что не существуют без этой, породившей их основы и потому не оказывают сколько-нибудь существенного обратного воздействия на общественные процессы. Естественно, что при таких условиях регулирующие механизмы ориен-

тированы не на будущее, их назначение не в том, чтобы совершенствовать сложившийся образ жизни, вносить в него какие бы то ни было улучшения; они призваны закрепить порядок, унаследованный от прошлых поколений, в строго неизменном виде.

Функции управления, будучи чрезвычайно простыми, не требовали специальной группы лиц, для которых эти функции стали бы главным делом. Они являлись для членов рода такими же обычными, как действия, предпринимаемые ими для удовлетворения первейших, жизненно необходимых потребностей, и не выделились еще в особую социальную разновидность труда. В первобытном обществе, подчеркивал В. И. Ленин, «мы видим господство обычаев, авторитет, уважение, власть, которой пользовались старейшины рода, видим, что эта власть признавалась иногда за женщинами... но нигде не видим особого *разряда* людей, которые выделяются, чтобы управлять другими и чтобы в интересах, в целях управления систематически, постоянно владеть известным аппаратом принуждения, аппаратом насилия, каковым являются в настоящее время... вооруженные отряды войск, тюрьмы и прочие средства подчинения чужой воли насилию,— то, что составляет сущность государства»¹⁵.

Все эти свойства механизмов управления есть следствие тех принципов, которые составляли основу первобытных общественных связей, порождение духа коллективизма, пронизывавшего общественную жизнь во всех сферах ее проявления: в производстве, предполагавшем коллективную трудовую деятельность, в потреблении, уравнивавшем всех членов родовой организации, в общении, основывавшемся на взаимной поддержке и доверии. Однако, несмотря на эти, казалось бы, очевидные достоинства механизмов управления, возможности их весьма ограничены, да и достоинства крайне относительны, ибо само устройство таких механизмов порождено неразвитостью, незрелостью общественной системы. Такое управление не выделяет индивида как самостоятельного участника, активно и со знанием дела реализующего те или иные его функции. Отдельный человек настолько поглощен коллективом и растворен в нем, что, предпринимая какие-либо акты, он действует не в качестве самостоятельного члена коллектива, а выступает как такая неотъемлемая его часть, которая не существует, не «волит» вне данного коллектива. Функционирование общественной системы и ее развитие осуществляются всплоную, они связаны лишь с некоторым эмпирическим знанием.

Если на начальных этапах человеческой истории сознательное управление общественными процессами практически отсутствовало и все дело сводилось к саморегуляции гомеостатического типа, то XX в. по праву называют веком организации и управления. В условиях государственно-монополистического капитализма старые традиционные приемы экономической и социальной политики подвергаются пересмотру, что вызывается не только

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 69.

внутренними потребностями в высокой степени концентрированного и обобществленного производства, требованиями научно-технического прогресса, но и «навязывается» широким размахом революционных и демократических движений, необходимостью соревнования со странами социалистической системы. Управление используется как орудие, с помощью которого буржуазия рассчитывает оздоровить социальную систему, приспособить ее к новым условиям, усилить свои возможности в решении все усложняющихся экономических, социальных, политических и духовных проблем, таких, как бедность и безработица, экономические кризисы, расстройство валютно-финансовой сферы, усиление неустойчивости всей системы общественных отношений, загрязнение природной среды, своекорыстное манипулирование средствами информации и т. д.

Решение острых общественных проблем в развитых капиталистических странах связывается с прямым и косвенным вмешательством государства в сферу организационно-хозяйственной жизни общества, с расширением его экономических функций. Это вмешательство приобретает различные формы, осуществляется с разной степенью интенсивности. Так, в США государство усиливает свое воздействие на экономическую жизнь путем активизации налоговой, кредитно-денежной, амортизационной политики, стимулирования научно-технического прогресса и т. д. Наряду с этим расширяется сфера и непосредственного вмешательства в экономику. Резкое усиление экономической деятельности государства отмечается во Франции, где через бюджет перераспределяются и направляются в отрасли национального хозяйства колоссальные средства. Бурными темпами происходит огосударствление экономики Италии: все большее число частных компаний и целых отраслей хозяйства переходит в полную или частичную собственность государства¹⁶. В качестве одного из основных методов государственного регулирования капиталистического производства все шире используются планирование и программирование. В Японии, например, со времени окончания второй мировой войны действовало девять планов. Во Франции за этот же период было объявлено о реализации одного семилетнего, двух четырехлетних и двух пятилетних планов. К программному управлению хозяйственной жизнью постепенно переходят такие страны, как США, Англия и ФРГ¹⁷.

Специальным объектом политически целенаправленного регулирования становится также развитие техники, науки и образования. Определяются главные направления научной деятельности, стратегия подготовки научных кадров, отрабатываются механизмы внедрения в практику технических изобретений и научных открытий. Изменения происходят и в области образования, его системы модернизируются и приспособляются к удовлетворению нужд научно-технической революции.

Разрабатываются и внедряются всевозможные программы социального и идеологического контроля. Высокого уровня дости-

гает рационализация организационной структуры управляющих систем. Эффективность их действия повышается за счет широкого развития эмпирических и прикладных исследований, применения количественных методов, использования электронно-вычислительной аппаратуры. И хотя это послужило своего рода допингом в стремлении буржуазии добиться оптимизации функционирования общественной системы, государственно-монополистический капитализм отнюдь не избавился от разрушительного воздействия социальной стихии, не разрешил своих основных противоречий.

К такого рода противоречиям относится прежде всего «противоречие между необычайными возможностями, открываемыми научно-технической революцией, и препятствиями, которые капитализм выдвигает на пути их использования в интересах всего общества, обращая большую часть открытий науки и огромные материальные ресурсы на военные цели, расточая национальные богатства. Это — противоречие между общественным характером современного производства и государственно-монополистическим характером его регулирования. Это — не только рост противоречия между трудом и капиталом, но и углубление антагонизма между интересами подавляющего большинства нации и финансовой олигархией»¹⁸.

Анализ капиталистической действительности позволяет реалистически оценить степень эффективности использования механизмов сознательного регулирования при капитализме. Его применение здесь ограничено, во-первых, господством капиталистической собственности и, во-вторых, сосредоточением управления общественными процессами в руках монополистической буржуазии.

Функция управления двойственна по своей природе. Будучи обусловлена общественным характером производства, она применяется в целях руководства, контроля за его развитием. Вместе с тем, представляя собой орудие в руках буржуазии, управление обслуживает именно капиталистический способ производства и как таковое не может не быть орудием эксплуатации труда капиталом. В результате создается своеобразная историческая ситуация: с одной стороны, общество уже готово к тому, чтобы стать сознательно управляемым организмом, с другой — научно обоснованное, рационально-плановое воздействие на общественные процессы в масштабах всей системы в этих условиях невозможно.

Безусловно, раздвигаются рамки планомерного регулирования: оно становится необходимым для организации производственных связей между отдельными предприятиями, которые входят в состав крупных монополистических объединений. Но усиление централизованных организующих начал внутри этих объедине-

¹⁶ См.: Соединенные Штаты Америки. М., 1972; Франция. М., 1973; Италия. М., 1973.

¹⁷ См.: Тюльпанов С. И., Шейнис В. Л. Актуальные проблемы политической экономики современного капитализма. Л., 1973, с. 96—134.

¹⁸ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий: Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г. М., 1969, с. 298.

ний не приводит к устранению анархий в отношениях между ними и предприятиями, остающимися за пределами монополий. Инструменты организации, прогнозирования и планирования не в состоянии обеспечить такое развитие экономики, которое бы исключало кризисы и конъюнктурные потрясения. На эти обстоятельства неоднократно обращал внимание В. И. Ленин, говоря, что «введение планомерности не избавляет рабочих от того, что они — рабы, а капиталисты берут прибыль более «планомерно»»¹⁹. Даже по признанию буржуазных экономистов, механизмы программ, планов и прогнозов отнюдь не являются «ни антитезой, ни альтернативой рынку»²⁰.

Меры по усовершенствованию механизма управления, какими бы радикальными они ни были, всегда служат защите, сохранению и упрочению системы буржуазных общественных отношений, поддержанию и укреплению устоев, на которых основывается капиталистический строй. Их цель — обеспечить монополистической буржуазии получение максимальной экономической выгоды. «На самом деле единственное, что практически интересует капитал, — отмечает К. Маркс, — и что управляет его действительным движением, конкуренцией, это — *прибыль...*»²¹. Поэтому целенаправленное воздействие при капитализме, если абстрагироваться от сферы политической и отчасти духовной жизни общества, сводится в основном к рационализации организационной структуры общества или к чисто утилитарным, прагматическим решениям отдельных, частных социальных проблем. Общество же в целом по-прежнему продолжает существовать как стихийно функционирующий и развивающийся организм. «Вся соль буржуазного общества, — подчеркивал К. Маркс, — состоит как раз в том, что в нем *a priori** не существует никакого сознательного общественного регулирования производства. Разумное и естественно необходимое прокладывает себе путь лишь как слепо действующее среднее»²².

В результате планирование и управление, вместо того чтобы подчинить стихию, в конечном итоге выступают как момент стихийного общественного развития, направление которого задано основными характеристиками общественной системы, ее социально-экономическим и политическим строем. Отсюда и возникают парадоксы, неизбежно сопутствующие капиталистическому управлению, когда высокая степень рационализации организационно-технических структур, вместо того чтобы способствовать росту и выявлению творческих потенций людей, приводит к еще большему их порабощению или когда регулирование поведения людей как необходимое средство координации человеческих усилий для решения какой-либо задачи вырождается в простое манипулирование ими. Меры по государственному регулированию экономики, вместо того чтобы ликвидировать спады производства, сдерживать развитие инфляции, остановить рост безработицы, фактически приводят к дальнейшему обострению этих кризисных явлений в жизни буржуазных стран²³.

Однако противоречивый характер и ограниченность использования механизмов сознательного регулирования при капитализме не исключают того, что ряд процессов, развивающихся в сфере управления на нынешней стадии капитализма, облегчает и подготавливает переход к новому типу исторического развития — к социализму. Имеется в виду, в частности, тот факт, что внутри монополистических объединений, как правило, уже не действует стихия рынка. Таким путем расширяются сферы, в которых используются инструменты прогнозирования, планирования и программирования ²⁴.

В такого рода явлениях и выражается формирование в рамках капитализма объективных предпосылок новой, социалистической общественной системы. Сами по себе, однако, эти предпосылки реализоваться, конечно, не могут. И только социалистическая революция коренным образом меняет положение дел и кладет конец такому характеру общественного развития, при котором механизмы стихийного регулирования оказываются в конечном итоге могущественнее сознательного, целенаправленного управления общественными процессами.

Новые, социалистические общественные отношения не возникают стихийно в недрах буржуазного общества: общественная социалистическая собственность, социалистическая система народного хозяйства и формирующиеся на их основе экономические, политические, социальные и духовно-культурные связи — продукт сознательного творчества народных масс. Именно поэтому управление общественными процессами становится необходимым условием функционирования новой общественной системы, превращается в объективную закономерность жизнедеятельности социалистического общества. Управление впервые в истории начинает избавляться от уз, сдерживающих и ограничивающих его потенции, ибо охватывает своим воздействием общество в целом, направляя его развитие к коммунизму. «Управляемость и непрерывность прогресса, — подчеркивает П. Н. Федосеев, — чрезвычайно важное, историческое достижение социализма» ²⁵.

На стадии развитого социализма управление выступает средством решения кардинальных проблем коммунистического строительства: создания материально-технической базы коммунизма, дальнейшего совершенствования общественных отношений, развития социалистического образа жизни, создания наиболее благоприятных условий для всестороннего развития всех членов об-

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 444.

²⁰ The Future of Planning/Ed. P. Cowan. L., 1973, p. 12.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 48, с. 249.

* заведомо. — Ред.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 32, с. 461.

²³ См.: Материалы XXVI съезда КПСС, с. 20.

²⁴ См.: Новое в теории и практике управления производством в США. М., 1971.

²⁵ Федосеев П. Н. Диалектика современной эпохи. М., 1978, с. 298.

щества. Социальное управление в условиях зрелого социализма решает такие проблемы, как планомерность развития всех сфер общественной жизни; сосредоточение все больших средств на решении задач, связанных с повышением благосостояния трудящихся; осуществление широкой программы социальных мероприятий, последовательная реализация которых содействует дальнейшему сближению рабочего класса, колхозного крестьянства, народной интеллигенции, укреплению социально-политического единства советского народа на основе марксистско-ленинской идеологии и др. Ориентация советского общества на реализацию грандиозных созидательных планов неразрывно сочетается с решением задач по защите завоеваний социализма и обеспечению мира во всем мире.

Функции управляющей системы социалистического общества выполняет политическая система, представляющая собой совокупность государственных и общественных органов и организаций. Ее главной силой выступает социалистическое государство. Оно планирует и контролирует экономическое и социальное развитие, организацию политической жизни и культурное строительство. По мере развития социализма на своей собственной основе роль государства в управлении общественными процессами неуклонно возрастает. Это находит свое выражение, в частности, и в том, что государство все более глубоко проникает в экономическую жизнь, охватывает своим управляющим воздействием все более широкий круг общественных явлений.

Сердцевину социального управления составляет в социалистическом обществе руководящая деятельность Коммунистической партии. «Чтобы управлять,— подчеркивал В. И. Ленин,— надо иметь армию закаленных революционеров-коммунистов, она есть, она называется партией»²⁶. Руководящая роль партии выражается в том, что она: 1) разрабатывает генеральную линию и в соответствии с ней директивы, определяющие задачи и направление деятельности всей системы управления; 2) осуществляет подбор и расстановку руководящих кадров аппарата управления, выдвигая людей, способных по своим деловым и политическим качествам активно проводить ее политику; 3) систематически контролирует осуществление проводимой ею политики, фактическое исполнение решений, принимаемых государственными и общественными организациями, всеми должностными лицами.

Занимая руководящее положение в политической системе социалистического общества, партия обеспечивает координацию деятельности всех ее элементов. Политическое руководство, пронизывающее все сферы общественной жизни, интегрирует в один поток движения всех составных частей общественной системы, придает единство и целенаправленность ее функционированию. Смысл руководящей деятельности партии заключается в соотнесении практических задач, решению которых подчинено управление в каждой конкретной сфере общественной жизни, в рамках отдельных предприятий, учреждений и организаций, с общими

для всей системы потребностями и главными целями развития. Политическое руководство играет роль своеобразного стержня, вокруг которого объединяются и концентрируются энергия и воля миллионов трудящихся и благодаря которому их объединенные усилия направляются в русло борьбы за реализацию планов социализма и коммунизма. При этом партия не подменяет собой другие организации, не подавляет инициативы масс, а, напротив, стремится обеспечить условия, необходимые для выполнения каждым органом возложенных на него функций, для всемерного развития и поддержки творческих начинаний и самостоятельности трудящихся.

В своей политике партия последовательно развивает взгляд на общество как на единый, взаимосвязанный во всех своих частях живой, многогранный организм. Она исходит из того, что становление полного коммунизма представляет собой сложный процесс изменений, происходящих во всех сферах общества: экономической, социальной, политической и духовной. Вместе с тем она учитывает то особое положение, которое занимает в системе управления сознательное, целенаправленное регулирование процессов, протекающих в области материального производства. Это положение обуславливается определяющим местом, занимаемым производством в механизме общественной жизнедеятельности. Прогресс данной сферы обеспечивает прогресс во всех других сферах общественной жизни. Поэтому решение проблем управления производством служит необходимым условием, базой и своего рода ключом к выполнению программ во всех других сферах общественной жизни.

Организуя массы на борьбу за выполнение планов социалистического и коммунистического строительства, партия выдвигает в качестве главной задачи всей хозяйственной работы существенный подъем благосостояния народа на основе высоких темпов развития социалистического производства, повышения его эффективности, ускорения роста производительности труда. Осуществление этой задачи она ставит в зависимость от использования достижений научно-технической революции, мобилизации резервов научно-технического прогресса.

Успехи в хозяйственном строительстве создают необходимые условия для решения коренных проблем в социальной, политической и духовной сферах жизни общества, усиливается связь и взаимодействие между производством, с одной стороны, и социальной структурой, наукой, образом жизни людей, содержанием и уровнем духовной культуры — с другой. Главными задачами управления этими областями общественной жизни партия считает дальнейшее укрепление единства социалистического общества, сближение классов и других социальных групп, развитие социалистической демократии, привлечение все более широких масс к решению общественных и государственных дел, повышение ком-

мунистической сознательности, духовный расцвет человека, подъем науки и культуры.

Политика Коммунистической партии, партийное руководство — основа управления экономической, социальной, политической и духовной жизнью общества. В партийном руководстве находят отражение общие цели, направленность управления, определяются принципы и главные средства достижения этих целей. Функции же непосредственного управления различными сферами, задачи реализация политики осуществляются аппаратом управления, представляющих собой систему разнообразных органов и организаций, ведающих пародным хозяйством, административно-политической, социально-культурной и внешнеполитической деятельностью, использующих сообразно со спецификой управляемых процессов разнообразные методы, средства, формы воздействия. Управление общественными делами является при социализме делом самих трудящихся, которые выступают активным субъектом политики. В то же время общественная деятельность масс представляет собой и объект управления.

Одно из основных назначений механизмов социального управления состоит как раз в том, чтобы привести в движение миллионные массы, организовать и обеспечить их включение в реальную работу по ведению общественных дел. Благодаря этому процесс управления предстает в виде двух встречных потоков информации. Если первый поток, исходящий от субъекта, социального управления и несущий в себе единое начало, определяет научно обоснованную общую программу действий какого-либо общественного образования, то второй, исходящий от объекта, дополняет и обогащает эту программу, вносит в нее иногда существенные коррективы. Дело в том, что никакое, даже самым идеальным образом организованное, управляющее воздействие не способно учесть всех деталей, обстоятельств и условий, в которых происходит практическое осуществление директив, программ, планов, направляемых из какого-либо центрального органа. Более того, попытки подобного рода способны нанести серьезный вред делу социалистического и коммунистического строительства. Именно поэтому в ряде своих работ В. И. Ленин акцентировал внимание на том, что при социализме впервые в истории создается «возможность полного и беспрепятственного развития не только местных особенностей, но и местного почина, местной инициативы, разнообразия путей, приемов и средств движения к общей цели»²⁷.

В условиях, когда классы и другие социальные группы, все члены общества объединены общностью коренных жизненных интересов, охвачены общим стремлением осуществить программу созидания коммунизма, централизованное управление и управление, идущее непосредственно от масс, развиваются в одном и том же направлении, дополняя друг друга. Конечно, было бы неоправданной идеализацией представлять дело так, будто при социализме в общественной жизни отсутствуют процессы, тенденция кото-

рых не отвечает целям движения к коммунизму. Такие процессы имеются, и они играют негативную роль, тормозят поступательное движение общества, вносят дезорганизацию в планомерное развитие отдельных сторон общественной системы. Поэтому раскрытие причин, вызывающих такие процессы, и устранение их составляет одну из важных задач совершенствования управления.

Сознательное управление охватывает своим воздействием не все процессы, протекающие в обществе и природной среде. Несмотря на успехи в развитии НТР общество продолжает сталкиваться с процессами, вызванными действием стихийных сил. К тому же новые достижения в освоении обществом природы порождают и новые проблемы. То же самое относится и к общественной жизни. Каких бы значительных успехов ни добились люди в познании законов общественного развития, само это развитие вызывает к жизни явления, требующие дополнительных усилий по их подчинению и регулированию. И хотя в условиях зрелого социализма период такой адаптации новых явлений существенно сокращается, на него все же требуется определенное время.

Динамизм современной общественной жизни обуславливает невиданную ранее остроту и актуальность управленческих задач. Таковы, например, задачи, связанные с урбанизацией, миграцией сельского населения в город, демографическими процессами. Возникает необходимость проведения серии конкретных мероприятий по дальнейшему улучшению условий труда, быта и отдыха трудящихся, техническому переоснащению обслуживающих их инфраструктур и др.

В целях выполнения программы общественного развития чрезвычайно важно, чтобы управление при социализме вбирало и аккумулировало в один поток все те активно-преобразовательные воздействия, которые оказывают на общественную жизнь духовные начала. Только благодаря такому подходу наука, мораль, искусство могут наиболее полно реализовать свои созидательные возможности. Слов нет, способность участвовать в целенаправленном воздействии на общественную жизнь у различных духовных образований далеко не одинакова. Если, например, социалистическое право служит непосредственным орудием управления и регулятивный компонент в нем выражен четко и определенно, то наука и искусство влияют на общественную жизнь иначе. Право обеспечивает общеобязательное поведение людей в соответствии с задачами государственного управления. Мораль ориентирует людей на поведение в связи с его ценностными установками. Наука призвана оказать помощь в разработке программ, конкретных мероприятий по управлению. Преобразовательная роль науки усиливается, когда она включается в практическую деятельность по управлению. Именно через систему социального управления научное знание, и прежде всего марксистско-ленинская наука, непосредственно включается в жизнедеятельность об-

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 152.

щества. Что же касается произведений художественного творчества, обладающих как познавательной, так и идейно-воспитательной значимостью, то они выполняют большую роль в формировании у трудящихся активного отношения к жизни, в воспитании их в духе идеалов коммунизма.

В отличие от правовых и этических императивов искусство не повелевает человеку: вот так должно поступать! Отображая жизнь в художественных образах и формируя таким путем эстетический вкус человека, прививая ему чувство прекрасного и одновременно осуждая безобразное в облике мещанства, косности, потребительства и других негативных явлений, искусство подводит человека к альтернативам и подготавливает его к принятию определенного решения. Сам же выбор решения, определение характера и направления поступков искусство оставляет за личностью.

Система социального управления не является неким застывшим, раз и навсегда сформировавшимся механизмом. Она изменяется и развивается сообразно с изменяющимися объективными условиями, приспосабливается к наилучшему удовлетворению потребностей общественного развития. Усложнение задач, стоящих перед обществом на современном этапе, их масштабность, повышение динамизма общественной жизни обуславливают возрастание роли управления, необходимость совершенствования его инструментов. Усиление значения управления как действенного фактора общественной жизни обусловлено также бурным развитием научно-технической революции, внедрением научных открытий и технических изобретений в практику его организации и деятельности.

Сущность деятельности по совершенствованию управления сводится к дальнейшему развитию разработанных В. И. Лениным и проверенных практикой социалистического и коммунистического строительства принципов, предполагающих научную обоснованность управляющего воздействия на общественную жизнь, сочетающих централизм с расширением прав и повышением творческой инициативы трудящихся. Именно эти принципы при условии их творческого применения с учетом специфики каждого данного этапа развития социалистического общества открывают большие и в полной мере еще не использованные возможности для существенного повышения эффективности социального управления.

Опасность возникновения в практике управленческой деятельности ошибок субъективистского характера локализуется или вовсе исключается повышением научной обоснованности управления и дальнейшим укреплением принципа демократического централизма. Опыт Советского Союза и других социалистических стран свидетельствует о том, что отступление от таких принципов создает питательную почву для несовместимых с природой социализма произвольных решений, администрирования, бюрократизма и других волюнтаристских извращений. В то же время

пассивное следование за событиями также несовместимо с активнотворческим характером социалистического управления. Высший смысл управления состоит здесь в обеспечении условий для того, чтобы социалистическое и коммунистическое строительство становилось все в большей степени движением масс, чтобы оно развертывалось на основе новейших достижений научной мысли, совершалось как процесс планомерный и рационально организованный. Перспективой такого развития выступает переход от социалистического управления к коммунистическому самоуправлению.

В условиях зрелого социализма постепенно формируются предпосылки для общественного самоуправления трудящихся. Представительные органы социалистического государства все в большей мере обретают черты не только государственной, но и массовой общественной организации. Аппарат государственной власти реализует свои функции путем вовлечения в дело управления широких слоев населения. Демократические начала пропихивают и политическую, и все иные сферы общества. Широкие права и полномочия в управлении экономическими, социальными, политическими и духовными процессами предоставлены трудовым коллективам. Все более значительным становится участие общественных организаций в решении всех проблем общественного развития. Это движение неотделимо от дальнейшего укрепления социалистического государства, повышения эффективности его деятельности как главного орудия коммунистического строительства. Всякое принижение роли социалистического государства, его противопоставление трудовым коллективам находится в глубочайшем противоречии с действительностью и представляют собой одно из проявлений анархо-синдикалистских тенденций.

Перерастание социалистической государственности в коммунистическое самоуправление связано наряду с преобразованием политической сферы и с преобразованием других сфер общества, с существенными изменениями социального управления в целом (в том числе управления производством, отношениями, складывающимися в духовной сфере общества, и т. д.). Еще Ф. Энгельс подчеркивал, что «для освобождения рабочего класса понадобятся... врачи, инженеры, химики, агрономы и другие специалисты, ибо дело идет о том, чтобы овладеть управлением не только политической машиной, но и всем общественным производством...»²⁸. Такое освобождение предполагает достижение высокого уровня развития техники, науки, культуры, установление полного социального равенства всесторонне и гармонически развитых личностей.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 432.

ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ ФОРМ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Глава 1

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОГРЕСС

1. Идея общественного прогресса.

Его критерии

Стремление заглянуть в свой завтрашний день всегда было присуще человеку. Сказания о книге судеб и волшебном зеркале, оракулы и гадалки, социальные утопии и фантастическая художественная литература — таковы лишь некоторые свидетельства неугасимого интереса людей к своему будущему. Эти представления о грядущей жизни людей всегда занимали почетное место в фольклоре, в идеологиях освободительных движений, в искусстве и религии. Они исторически предшествовали философским теориям о направлении развития общества, служили для них общей социально-психологической и идеологической предпосылкой. И нет ничего удивительного в том, что понятие «прогресс» нашло широкое применение в научной и публицистической литературе. В историческом материализме оно обозначает восходящее общественное развитие, движение общества вперед.

Вместе с тем идея прогрессивной направленности общественного развития пробивала себе дорогу в истории общественной мысли очень медленно, с величайшим трудом. Дело в том, что представления о будущем общества непосредственно выражают отношение людей к существующему обществу, к данному социальному строю и, следовательно, основательно задевают важнейшие интересы людей. Поэтому все вопросы понимания будущего зависят от характера развития общества в настоящее время и служат сферой острой борьбы.

Известно, что впервые идея общественного прогресса получила широкое признание и детальную разработку в теориях буржуазных просветителей XVII—XVIII вв. (Бэкон, Вольтер, Тюрго, Кондорсэ, Гердер и др.). Среди них особенно видное место принадлежит французскому философу Ж. А. Кондорсэ, которого многие историки называют родоначальником теории общественного прогресса. Его книга «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» была написана в 1793 г., под гром пушек французской революции. Ж. А. Кондорсэ твердо верил, что в результате совершенствования разума наступит время,

«когда солнце будет освещать землю, населенную только свободными людьми, не признающими другого господина, кроме своего разума; когда тираны и рабы, священники и их глупые или лицемерные орудия будут существовать только в истории и на театральных сценах; когда ими будут заниматься только для того, чтобы сожалеть об их жертвах и обманутых ими...»¹.

Но утверждение капитализма привело людей не в «царство разума», а в мир новых социальных антагонизмов, новых бедствий для трудящихся масс: вера просветителей XVIII в. в прогресс общества как непрерывное восходящее движение вперед была разбита жестокой практикой капиталистической действительности. Начались поиски идеалов прогресса вне буржуазного общества, на путях критики капитализма и его отрицания. Выражением этих стремлений и явились учения социалистов-утопистов и революционеров-демократов, исходивших из того, что прогресс современного им общества будет заключаться в переходе от капитализма к социализму.

Качественно новую, подлинно научную ступень в развитии идеи общественного прогресса означало возникновение марксизма — идеологии освободительного движения рабочего класса, практически разрешающего величайшую прогрессивную задачу ликвидации социального гнета, построения коммунистического общества. И чем значительнее были успехи этого прогрессивного движения, тем враждебнее становилось отношение буржуазных идеологов к самой этой идее. Если просветители XVIII в. считали, что развитие общества пойдет в будущем по пути безграничного прогресса, то О. Конт и Г. Спенсер находят, что все главные идеи прогресса уже воплощены в буржуазном обществе и дальнейшее развитие будет эволюционным совершенствованием этого общества. В последние годы своей жизни Г. Спенсер отказывается от термина «прогресс» и заменяет его весьма неопределенным понятием «эволюция».

После победы Великой Октябрьской социалистической революции в России буржуазное общественное сознание окончательно порывает с идеей социального прогресса. Немецкий идеалист О. Шпенглер выступил с напумевшей книгой «Закат Европы», послужившей всем буржуазным идеологам сигналом для начала атаки против самого признания общественного прогресса. Одни буржуазные обществоведы видят прогресс в развитии техники, но категорически отрицают его в развитии общественных отношений, духовной жизни; другие исходят из равной возможности прогресса и регресса в развитии общества; третьи проповедуют идеи общественного круговорота; четвертые развивают концепции общественного регресса и близкой гибели человечества.

Однако отрицание общественного прогресса привело к неожиданным результатам. Твердолобый отказ от прогресса, подобно

¹ Кондорсэ Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума, М., 1936, с. 227—228.

бумерангу, обратился против буржуазии: он лишил ее политических деятелей реалистической ориентации в стремительном потоке современных событий, буржуазное же общество при этом оказалось лишенным не только ясной перспективы, но и привлекательных социальных идеалов. Начиная с середины XX в. в буржуазном общественном сознании совершается резкий поворот. На смену теориям, изгонявшим само понятие общественного прогресса, приходят теории «стадий роста» «единого индустриального общества», а затем «постиндустриального», «технотронного» и тому подобных обществ.

Согласно данным теориям, развитие капитализма и социализма в основе своей тождественно. Поэтому капиталистические и социалистические страны, пройдя несколько стадий развития, сблизятся и сольются в «единое» общество, которое, впрочем, должно сохранить важнейшие атрибуты современного капитализма. В этих теориях категорически отрицается переход от капитализма к социализму в качестве основного направления прогресса человечества, поскольку капитализм и социализм выступают в них равноценными этапами истории. Иначе говоря, они выражают давнюю борьбу буржуазии против действительного общественного прогресса под новым флагом — флагом словесного его признания.

Все подобные теории, как и домарксовские концепции общественного прогресса, сводятся к рассуждениям о прогрессе вообще. В. И. Ленин, оценивая критическое отношение К. Маркса к подобным теориям, подчеркивал, что К. Маркс отбросил эти теории и провел научное исследование капиталистического общества и капиталистического прогресса. Неразрешимость социальных антагонизмов в условиях капитализма превращают переход от капитализма к социализму в центральную проблему дальнейшего общественного прогресса. Внимание основоположников марксизма-ленинизма именно к данной проблеме свидетельствует о строгой научности и тесной связи марксизма-ленинизма с насущными задачами общественного развития. Но это не означает отрицания общей идеи общественного прогресса и необходимости всестороннего рассмотрения исторического процесса в целом.

Отметив, что К. Маркс дал научный анализ одного прогресса — капиталистического, — В. И. Ленин продолжает: «Если применение материализма к анализу и объяснению одной общественной формации дало такие блестящие результаты, то совершенно естественно, что материализм в истории становится не гипотезой уже, а научно проверенной теорией; совершенно естественно, что необходимость такого метода распространяется и на остальные общественные формации...»².

Согласно такому материалистическому подходу подлинно научная теория общественного прогресса может быть только адекватным отражением действительной направленности исторического процесса. Обезуднение этой проблемы всегда приводит к вопросу, что служит показателем для разграничения движения

общества вперед или вспять, или застоя, в чем состоит критерий прогресса?³

Трудность ответа на поставленный вопрос заключается прежде всего в исключительной сложности, многоплановости строения и развития общества. Техника, экономика, политика, мораль, искусство, наука и другие стороны общественной жизни отличаются большим своеобразием, спецификой и, следовательно, обладают своими особенностями прогрессивного развития. Однако все подобные особенности в конечном счете имеют общее исходное начало, поскольку общество представляет собой не механический агрегат различных образований, а органичную, целостную систему. Если понятие общественного прогресса может быть лишь адекватным отражением объективно существующей направленности исторического процесса, то критерий его — отражением наиболее устойчивых моментов этой направленности, того, что представляет собой ее сущность.

Основным, четко фиксируемым исторической наукой направлением исторического процесса является переход человечества от одной общественно-экономической формации к другой. «Ни одна общественная формация,— писал К. Маркс,— не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества»⁴. Аналогичным образом подходил к данному вопросу и В. И. Ленин. Мы уже приводили его слова: «...только сведение общественных отношений к производственным и этих последних к высоте производительных сил дало твердое основание для представления развития общественных формаций естественнo-историческим процессом»⁵.

Соответствие формационных ступеней исторического процесса высоте производительных сил позволяет вполне однозначно утверждать следующее: именно развитие производительных сил выступает в качестве «высшего критерия общественного прогресса»⁶. Оценивая в таком аспекте роль крупной промышленности для перехода от капитализма к социализму, В. И. Ленин подчеркивал, что она «с точки зрения состояния производительных сил, т. е. по основному критерию всего общественного развития, представляет основу социалистической хозяйственной организации...»⁷.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 143.

³ Обзоры различных точек зрения по этому вопросу содержатся в книгах: Макаровский А. А. Общественный прогресс. М., 1970; Мишин В. И. Общественный прогресс. Горький, 1970; Левашин И. Я. Содержание и критерий общественного прогресса. Саратов, 1973; Бутенко А. П. Общественный прогресс и его критерии. М., 1980.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 7.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 138.

⁶ Там же, т. 16, с. 220.

⁷ Там же, т. 43, с. 81.

В целом производительные силы общества оцениваются по уровню и темпам развития, по характеру и эффективности функционирования. Наиболее существенным моментом становится здесь общественная производительность труда. Исследование общественного производства под этим углом зрения обычно выражается в показателях уровня производительности труда (производство годовой продукции на душу населения, на одного работника и т. д.) и в показателях темпов ее роста (в процентах к предшествующему году, в средних величинах роста за определенный период и т. д.). Причем производительность труда всегда представляет собой в данном случае не объем, не массу, а степень развития производительных сил, отношение между деятельностью людей и ее полезным эффектом.

Рост производительности труда отнюдь не есть только технико-экономическая проблема. В нем воплощается воздействие на производство науки, управления, политического строя, образования, здравоохранения, быта, отдыха и т. д., вплоть до нравственного сознания, которое через трудовую дисциплину работников весьма существенно сказывается на организации и эффективности общественного производства. Состоянием производительности труда характеризуются и достигнутый уровень развития, и объективные возможности развития всех важнейших сторон общественной жизни. По опыту социалистического и коммунистического строительства в нашей стране хорошо известно, что любое значительное мероприятие в области образования, воспитания, духовной культуры, улучшения структуры свободного времени и т. д. всегда требует серьезных материальных затрат.

Производительность труда, будучи достаточно комплексным показателем эффективности функционирования производительных сил (трудовой деятельности людей), является и надежным показателем общественного прогресса в целом. Поэтому в произведениях К. Маркса, Ф. Энгельса⁸, В. И. Ленина⁹ мы можем нередко встретить оценку производительных сил и производительности труда в качестве главного критерия общественного прогресса. Так, К. Маркс в ходе критического анализа замечаний Адама Смита о прогрессирующем и стагнационном состояниях общества подчеркивал: «...для того, чтобы это поднять до научного значения, были бы необходимы исследования о *степенях производительности*, по периодам, в ходе развития отдельных народов... В общей постановке ответ сводится к общему положению, что промышленная нация достигает высокого уровня своего производства в тот момент, когда она вообще находится на высоком уровне своего исторического развития»¹⁰.

В статье «Великий почин» В. И. Ленин дал развернутую, поистине классическую оценку значения производительности труда в общественном прогрессе: «Производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть

окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда. Это — дело очень трудное и очень долгое, но оно начато, вот в чем самое главное... Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику, рабочих»¹¹.

Поскольку от уровня развития и характера производительных сил зависят производственные, а через них и другие общественные отношения, постольку развитие производительных сил, измеряемое производительностью труда, с полным основанием можно считать общесоциологическим критерием общественного прогресса. Что же касается возражений против этого критерия, связанных с современным состоянием производительности труда в СССР и США, то им явно недостает исторического подхода¹².

Бесспорные факты и цифры показывают, что производительность труда — вполне надежный и точный показатель прогрессивности общественно-экономических формаций и периодов, образующих стадии в развитии формаций. По расчетам С. Г. Струмилина, средние темпы роста производительности составляли в первобытном обществе — 1–2% за 10 тыс. лет, в рабовладельческом — 4% за 100 лет, в эпоху феодализма — 8% за 100 лет. Наиболее резко эти темпы выросли при капитализме¹³. Если же брать сопоставимые с капитализмом исторические интервалы применительно к социализму, то производительность труда возрастет еще более интенсивно.

Действительно, по производительности труда СССР еще отстает от США. Но нелепо рассчитывать на иное положение вещей. В 1913 г. производительность труда в промышленности России составляла всего 11 процентов от американского уровня. Такова предыстория социализма в нашей стране, история же его характеризуется высокими темпами преодоления этого отстав-

⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 125; т. 20, с. 199; т. 25, ч. II, с. 354, 468; т. 26, ч. III, с. 452 и др.

⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 260; т. 3, с. 597; т. 16, с. 220; т. 36, с. 187; т. 38, с. 97; т. 39, с. 21–22; т. 43, с. 81; и др.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 22.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 21, 22.

¹² «Конечно, — пишет Г. Е. Глезерман, — в переломные эпохи истории вполне возможно, что различные по своему социальному строю общества — старое и новое — могут обладать примерно одинаковым уровнем развития производительных сил. Но подобные случаи возможны лишь тогда, когда новая общественно-экономическая формация еще не успела достичь полного расцвета и развить соответствующие ей производительные силы, а в старой формации производительные силы уже переросли рамки существующих экономических отношений» (Глезерман Г. Е. Исторический материализм и развитие социалистического общества. М., 1973, с. 305–306).

¹³ Струмилин С. Г. Проблемы социализма и коммунизма в СССР. М., 1961, с. 282–284.

ния. Социализм в полной мере показал свои неоспоримые преимущества перед капитализмом: производительность труда в советской промышленности растет в 2—3 раза быстрее, чем в американской, и в 1980 г. составила уже более 55 процентов от уровня США ¹⁴.

Более существенным возражением против признания общественной производительности труда главным критерием общественного прогресса становится мнение о его чрезмерной узости, однобокости, особенно с учетом перспектив коммунистического строительства, выдвигающего в качестве одной из важнейших задач всестороннее развитие человека. Действительно, при рассмотрении производительности труда как критерия общественного прогресса применительно к досоциалистическим этапам общественного развития всегда имела в виду лишь производительность труда в сфере материального производства. Духовное производство, сфера услуг не принимались в расчет. Такой подход нельзя считать случайным. В «Капитале» К. Маркс не останавливается специально на данной проблеме, ибо все подобные проявления капиталистического производства «так незначительны в сравнении со всем производством в целом, что могут быть оставлены совершенно без внимания» ¹⁵.

Иначе говоря, производительность труда, взятая в виде критерия общественного прогресса, недостаточно полно представляет собой сам общественный прогресс. Но эта неполнота критерия есть в то же время его соответствие исторически определенным ступеням общественного развития ¹⁶.

Положение начинает коренным образом изменяться в XX в., когда в результате научно-технической революции наука становится непосредственной производительной силой, возникают и подтверждаются новые, неизвестные ранее формы связи науки и производства. Все это требует переосмысления самих границ производительности труда, что уже многие годы является предметом дискуссии среди советских экономистов. Подход, когда трудом, создающим национальный доход, признается только труд, непосредственным результатом которого становятся материальные ценности, существенно снижает значение производительности труда в виде критерия общественного прогресса. Отсюда критерий производительности труда не без оснований начинает рассматриваться как узкоэкономический, а не общесоциологический, что, на наш взгляд, служит главной причиной известной неудовлетворенности таким способом измерения развития производительных сил и общественного прогресса в целом. Не случайно в научной литературе в качестве общесоциологического критерия общественного прогресса выдвигается общественный способ производства, степень развития производительных сил и освобождения трудящихся и др. ¹⁷ П. Н. Федосеев справедливо подчеркивает «необходимость комплексного подхода к критериям прогресса, ибо только всесторонний учет многосложной жизни общества дает возможность более или менее точно взвесить успехи той

или иной страны или человечества в целом на путях исторического прогресса»¹⁸.

Безусловно, подход к пониманию общесоциологического критерия общественного прогресса может быть только комплексным. Вместе с тем такой критерий должен отражать не все стороны, сферы жизни общества, а самые глубинные истоки общественного развития. Общество в целом — наиболее органичное образование среди всех других общественных систем (подсистем). Поэтому монизм в понимании общесоциологического критерия общественного прогресса не только желателен, но и необходим как основа успешного решения данной проблемы. В этом отношении наиболее перспективным подходом, на наш взгляд, является предложение взять критерием общественного прогресса развитие самого человека. В последние годы популярность такой точки зрения заметно увеличивается, что нашло свое наиболее полное и аргументированное воплощение в исследовании А. П. Бутенко «Общественный прогресс и его критерий».

Автор убедительно выступает против универсализации критерия развития личностных сил человека, ибо во всех антагонистических общественных «формациях, разделенных на эксплуататоров и эксплуатируемых, не было и не могло быть какой-то „усредненной“ человеческой личности, воплощающей в себе достигнутую обществом ступень развития личностных сил»¹⁹. Однако рассматриваемая проблема приобретает принципиально новое значение в ходе коммунистического строительства. «С утверждением коммунизма, — пишет А. П. Бутенко, — качественно изменится весь характер общественного развития не только в том смысле, что уже не будет смен одной формации другой, но и в том... что критерием общественного прогресса станет, как писал Маркс, степень развития личностных сил каждого человека»²⁰.

¹⁴ См.: СССР в цифрах в 1980 году. М., 1981, с. 60. При этом следует учесть не только различие исходных уровней, но и различие условий развития: так, за годы второй мировой войны наша страна потеряла 20 млн. человек, а потери США составили 405 тыс. человек; Советский Союз в этой войне потерял около 30% национального богатства, а США увеличили свой национальный доход на 36% и т. д.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. I, с. 421.

¹⁶ В этой связи нелишне напомнить, что Г. В. Плеханов весьма основательно знал историю духовной культуры и его нельзя заподозрить в односторонности подхода, присущей представителям «экономического материализма» и «технологического детерминизма». Однако он полагал, что производительные силы общества «могут считаться объективным мерилем прогресса» (Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. М., 1956, т. 2, с. 751).

¹⁷ Различные точки зрения по данному вопросу обстоятельно проанализированы А. П. Бутенко (см.: Бутенко А. П. Общественный прогресс и его критерии. М., 1980).

¹⁸ Философия и социальный прогресс: (Материалы Международного симпозиума.) — Вopr. философии. 1977, № 9, с. 18.

¹⁹ Бутенко А. П. Общественный прогресс и его критерии, с. 44.

²⁰ Там же, с. 43.

Ориентация на развитие человека как критерий общественного прогресса представляется нам вполне обоснованной и перспективной. Вместе с тем думается, что надо не отказываться от формационной логики анализа исторического процесса, а опираться на нее. Во-первых, выдвижение в коммунистическом обществе на первый план меры развития человека можно вполне корректно интерпретировать в виде изменения «интересов развития производительных сил (этого высшего критерия общественного прогресса)»²¹. Если в докоммунистических общественно-экономических формациях центральным звеном развития производительных сил так или иначе выступали их вещный элемент и производительность труда в преобразовании предметов и сил природы, то при коммунизме таким звеном непосредственно становится главная производительная сила — сам человек. Всестороннее развитие человека, его понимание природы и господство над ней К. Маркс называл всеобщей производительной силой²². Во-вторых, превращение развития человека в высшую цель общественного прогресса осуществляется не само по себе, а в ходе коренного преобразования общества, включая производительные силы и трудовую деятельность человека (преодоление социальных различий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, превращение труда в первую жизненную потребность). Люди «обновляют самих себя в такой же мере, в какой они обновляют создаваемый ими мир богатства»²³.

Таким образом, речь идет не об отказе от использования развития производительных сил в качестве общесоциологического критерия общественного прогресса, а о выборе другой системы показателей, выражающей меру развития производительных сил. Если для предыстории человечества (всех докоммунистических формаций) такой системой вполне удовлетворительно служит производительность труда, то для эпохи подлинной истории такой системой будет служить сам человек, мера всесторонности, гармоничности его развития. Этот переход от одной системы показателей к другой имеет своей объективной основой переход к коммунизму, когда развитие человека действительно станет в центр общественного прогресса в виде его высшей цели, которой всецело будут подчинены функционирование и развитие всех других сторон жизни общества.

В этой связи первостепенное значение приобретает выработка показателей общественного развития человека социалистического общества. Едва ли надо доказывать, что речь идет о самой глубинной, сущностной характеристике производительных сил и в целом общественного развития — ведь «степень искусности паличного населения является в каждый данный момент предпосылкой совокупного производства, — следовательно, главным накоплением богатства, важнейшим сохраненным результатом предшествующего труда, существующим, однако, в самом живом труде»²⁴. Но, чтобы служить работающим критерием общественного прогресса, мера развития человека должна быть

выражена количественно. Разумеется, это нельзя сделать с помощью лишь какого-то одного показателя. Здесь необходим комплексный подход, требуется учет результатов множества смежных исследований, сотрудничество философов, социологов, экономистов, психологов и других специалистов. Это очень важно подчеркнуть, ибо вопрос о показателях развития человека находится лишь в стадии своей постановки, является пока фундаментально нерешенным и ждет своих энтузиастов.

Чем выше научно-техническая вооруженность и производительность труда, чем больше объем производства, тем более внушительной становится цена каждого часа труда и каждого управленческого решения. Поэтому вместе с ростом научно-технического прогресса роль человека в развитии общественного производства и всех других сфер жизни общества не уменьшается, а неуклонно возрастает. Так, в деле реализации гигантской по своим масштабам задачи перевода экономики нашей страны на рельсы интенсивного развития возрастающее значение человека обнаруживает себя особенно рельефно. В методологическом плане для подхода к выработке комплексного показателя развития человека особенно важным является выдвинутое на октябрьском (1980 г.) Пленуме ЦК КПСС положение о том, что «со строго экономической точки зрения вернее идти от конечной цели к тому, что должно обеспечить ее достижение»²⁵. Указанная позиция была подтверждена XXVI съездом КПСС: «Конкретная работа о конкретном человеке, его нуждах и потребностях — начало и конечный пункт экономической политики партии»²⁶.

Вопрос о критериях общественного прогресса не сводится к обоснованию и формулировке общего критерия, т. е. показателей развития общества в целом. Как уже отмечалось, критерий прогресса нельзя определять независимо от меры целостности развивающегося объекта. Именно целостность, системность общества и составляет объективную основу общего критерия общественного прогресса. В отличие от общества в целом отдельные сферы жизни общества не являются саморазвивающимися системами, имеющими основание прогресса только в себе. Это в полной мере отпосится, в частности, к науке, нравственности, искусству и другим подобным областям общественной жизни. Обоснование и формулирование специальных критериев технического, экономического, социального, политического и духовного прогресса, раскрытие их специфики и субординации с общим критерием — одно из центральных направлений дальнейшей научной разработки теории общественного прогресса.

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 220.

²² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 213—214.

²³ Там же, с. 222.

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 306.

²⁵ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1982, т. 14, с. 70.

²⁶ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1980, с. 49.

При ее решении необходимо в равной мере внимательно учесть как связь развития науки, искусства, морали и других областей жизни общества с развитием общества в целом, так и специфику развития каждой из этих областей. История развития техники и естествознания²⁷ убедительно свидетельствует, что периоды бурного подъема в развитии техники и естествознания, технических наук достаточно ясно связаны с подъемом в развитии производства, с техническими революциями. Иначе обстоит дело с развитием искусства, нравственности²⁸. Здесь периоды взлета, подъема соподчинены прежде всего с бурным ростом социальной активности народных масс, с максимальной концентрацией ума и чувств людей на общезначимых социальных проблемах, порождающих всеобщее воодушевление. Известно, например, что определенные периоды расцвета искусства «отнюдь не находятся в соответствии с общим развитием общества, а следовательно, также и с развитием материальной основы последнего, составляющей как бы скелет его организации»²⁹.

Подлинное развитие искусства, нравственности, политического сознания и других форм духовной жизни происходит в связи с их включенностью в борьбу за общественный прогресс. Поэтому критерии прогресса должны здесь охватывать собой и показатели развития самих этих форм, и показатели их связей с прогрессом общества в целом. В качестве критерия прогресса науки возможно выделение следующих трех показателей: объем научных знаний, эффективность использования науки, наличие новых теорий. Если первый показатель выражает связь между прошлым и настоящим в развитии науки, то второй фиксирует прочность связей между наукой и социальными условиями ее развития, а третий отражает внутренние возможности науки для ее дальнейшего прогресса. В качестве критерия нравственного прогресса можно рассматривать комплекс таких показателей, как сфера функционирования нравственности, эффективность нравственности в качестве регулятора поведения людей, удельный вес общечеловеческих норм в данной нравственной системе.

Приведенные критерии прогресса науки и нравственности сформулированы нами на основе изучения фактического материала и имеющегося опыта такого формулирования в марксистско-ленинской литературе³⁰. Однако эти формулировки могут рассматриваться лишь как определенный подход к решению вопроса, не более того. Дело в том, что для формулирования таких критериев решающее значение имеет изучение специфических законов развития науки, нравственности, искусства и других областей духовной жизни, а эта гигантская по своему объему и своей сложности задача находится лишь в фазе своей постановки.

Сказанное хорошо видно на примере исследований закономерностей развития искусства³¹, хотя по истории искусства (в отличие от истории нравственности, политической идеологии, правосознания) и имеются значительные фундаментальные труды.

В разработке критериев общественного прогресса особенно настоятельно и зримо ощущается необходимость дальнейшего укрепления союза между философами и специалистами в области частных общественных наук в целях повышения эффективности научных исследований, ограждения их от схоластического теоретизирования и ползучего, бескрылого эмпиризма.

2. Историческая необходимость общественного прогресса

Если критерии общественного прогресса действительно отражают его объективную сущность, то в самом историческом процессе они должны обязательно проявляться в качестве объективных факторов ориентации деятельности людей, корректировать тенденции их устремлений. Правильность данного вывода неоспорима. Современные буржуазные идеологи, например, могут ставить под сомнение возможность выработки критерия общественного прогресса и даже вообще отрицать общественный прогресс, но сама буржуазия условиями конкуренции, классовой борьбы постоянно и в высшей степени требовательно принуждается к исключительной заботе о повышении производительности труда.

Еще очевиднее роль производительности труда выступает в условиях социализма, где развитие производства и других сфер жизни общества подчинено интересам трудящихся. Итоги десятой пятилетки и планы дальнейшего развития СССР, намеченные решениями XXVI съезда КПСС, убедительно показывают, что прирост материального производства будет осуществляться главным образом за счет повышения производительности общественного труда, что повышение эффективности и качества труда в сфере не только материального производства, но также и управ-

²⁷ См.: *Бернал Дж.* Наука в истории общества. М., 1956; *Осинов Г. В.* Техника и общественный прогресс. М., 1959; *Зворыкин А. А., Осьмова Н. И., Чернышев В. И., Шухардин С. В.* История техники. М., 1962; *Волков Г. Н.* Истоки и горизонты прогресса. М., 1976.

²⁸ См.: *Всеобщая история искусств*: В 6-ти т. М., 1956—1966; *Шишкин В. Ф.* Так складывалась революционная мораль. М., 1967; *Титаренко А. И.* Нравственный прогресс. М., 1969; *Ванслов В. В.* Прогресс в искусстве. М., 1973.

²⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 12, с. 736.

³⁰ См.: *Карпов М. М.* Основные закономерности развития естествознания. М., 1963; *Добров Г. М.* Наука о науке. Киев, 1966; *Куликова Н. Н.* Содержание и критерий нравственного прогресса. М., 1966; *Титаренко А. И.* Критерий нравственного прогресса. М., 1967; *Налимов В. В., Мульченко В. М.* Наукометрия. М., 1969; *Титаренко А. И.* Нравственный прогресс. М., 1969; *Ельмеев В. Я.* Основы экономики наук. Л., 1977; *Петропавловский Р. В.* Диалектика прогресса и ее проявление в нравственности. М., 1978.

³¹ См.: *Дмитриева Н. А.* Исторические закономерности развития искусства.— В кн.: *Основы марксистско-ленинской эстетики.* М., 1960; *Трофимов П. С.* Основные закономерности исторического развития искусства. М., 1970; и др.

ления, науки, образования, медицинского обслуживания, торговли — решающий фактор прогресса социалистического общества, его движения к коммунизму. Признание исторической необходимости общественного прогресса существенно отличает марксистско-ленинскую концепцию общественного прогресса от всех иных ³².

В отличие от других живых существ люди для удовлетворения своих потребностей сами создают необходимые им жизненные средства. Поэтому потребности людей развиваются «вместе со средствами их удовлетворения и в непосредственной зависимости от развития этих последних» ³³. Человеческие потребности получают способность к историческому развитию, отличаются не только разнообразием, но и высоким динамизмом своего состояния. Именно противоречия между новыми потребностями и наличными средствами удовлетворения потребностей содержат в себе истоки прогрессивной направленности исторического процесса. Раскрытие таких истоков позволяет выделить три аспекта воздействия указанного противоречия на направленность общественного развития.

Во-первых, наиболее существенные достижения материального и духовного производства со временем превращаются в необходимое условие жизнедеятельности большинства людей (в том числе и новых поколений), что как бы «отрезает» обществу движение назад от достигнутого уровня, придает историческому процессу необратимый характер. Дело в том, что в каждом акте труда люди вынуждены опираться на уже созданные средства производства, поэтому они не могут вернуться, например, от современных орудий труда к каменным. Критикуя взгляды Е. Дюринга на исторический процесс, Ф. Энгельс писал: «В дюринговской достойной осуждения истории господствует *насилие*. В действительном же, поступательном историческом движении господствуют *материальные достижения*, которые *сохраняются*» ³⁴.

В то же время рост производства в самой сущности своей неотделим от развития мастерства, способностей, знаний его участников. Наиболее крупные достижения культуры закрепляются в потребностях, привычках миллионных масс населения, становятся необходимым требованием их труда и жизни. Использование огня, приручение животных, земледелие, употребление железа, изобретение письменности и т. д. — все эти открытия и изобретения сделаны в далекие времена. Но они настолько прочно вошли в жизнь современного общества, что без них уже немыслимо его существование. То же самое можно сказать об использовании электричества, автомобилей, холодильников, радио, телефона, телевизора и многих подобных технических достижений наших дней. Прогрессивная направленность исторического развития коренится в самых существенных потребностях миллионных масс народа, и достигнутым в прогрессе общества становится только «то, что вошло в культуру, в быт, в привычки» ³⁵ миллионов.

Во-вторых, в потребностях людей наряду с закреплением достигнутых успехов зарождается переход к новому этапу развития. В любом акте своей деятельности человек изменяет условия своей жизни и самого себя — развивает свои способности, обогащает знания, навыки, расходует энергию, в результате чего формируются новые потребности, которые и служат непосредственным истоком дальнейшей социальной активности, вечной неудовлетворенности и исканий. Закон возвышения потребностей выражает самые глубокие корни общественного прогресса, его обусловленности и исторической необходимости. Поэтому, подчеркивалось на XXVI съезде КПСС, в активном, целенаправленном формировании потребностей «наша партия видит одну из важных задач социальной политики»³⁶.

В-третьих, поскольку потребности людей служат непосредственной причиной их деятельности, постольку на сторону нового неизбежно в конечном итоге собираются превосходящие социальные силы. С особой наглядностью эта зависимость обнаруживается в развитии антагонистических обществ, где взаимодействие между потребностями и средствами их удовлетворения опосредуются общественными отношениями таким образом, что между трудящимися и собственниками основных средств производства неизбежно существует «противоположность их интересов, которая дает содержание *научному* понятию *борьбы классов*»³⁷. Когда возникает конфликт между производительными силами и производственными отношениями, в переходе к новому общественному способу производства объективно заинтересовано большинство общества, в первую очередь трудящиеся массы. Консолидируясь, силы общественного прогресса всегда оказываются могущественнее социальных сил реакции. В этом — неодолимость прогрессивного начала в историческом процессе.

В свое время дворянство и другие привилегированные сословия отчаянно сопротивлялись общественному прогрессу, пытались задержать Европу на феодальной стадии развития. Но победа оказалась на стороне буржуазии, ибо ее союзником стали крестьяне, ремесленники, нарождающийся пролетариат — боль-

³² См.: Асланян Г. Г. Идея прогресса в буржуазной философии истории. Ереван, 1965; Семенов Ю. Н. Общественный прогресс и социальная философия современной буржуазии. М., 1965; Казаков А. П. Теория прогресса в русской социологии конца XIX века. Л., 1969; Будущее человеческого общества: (Критика современных буржуазных философских и социально-политических концепций). М., 1971; Араб-Оглы Э. А. В лабиринте пророчеств. М., 1973; Косолапов В. В., Лисичкин В. А. Критика буржуазных концепций будущего. М., 1978; Чесноков Г. Д. От концепций исторического круговорота к теориям «постиндустриального общества». М., 1978; Бестужев-Лада И. В. Кризис буржуазных концепций будущего человечества. М., 1979; и др.

³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 520.

³⁴ Там же, т. 20, с. 643.

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 390.

³⁶ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 63.

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 426.

шинство общества, что и обеспечило крушение феодализма. В аналогичном положении находится ныне и сама буржуазия. «... Исторически,— подчеркивал В. И. Ленин,— побеждает тот класс, который может вести за собой массу населения»³⁸.

Итак, предпосылкой и основой общественного прогресса служит преэминентность при переходе от старого уровня развития общества к новому, а самым глубоким источником прогресса — противоречия между растущими потребностями людей и средствами их удовлетворения. Иначе говоря, в ходе истории непрерывно воссоздаются в расширенных масштабах наряду с объективными возможностями прогресса и стимулы, средства их реализации. Тем самым общественный прогресс выступает как объективно существующая восходящая направленность саморазвития общества, как историческая необходимость такого движения.

Известно, что прогресс представляет собой одну из форм развития, поэтому его нельзя рассматривать в отрыве от других форм развития, и прежде всего — от регресса. Вместе с тем соотношение прогресса и регресса весьма не одинаково в различных формах движения материи и даже на разных стадиях развития отдельных явлений. Реальное восходящее движение человеческой истории не может, например, осуществляться без деградации и исчезновения конкретных образований (смерть индивидов, износ орудий труда и т. п.), без круговоротов (воспроизводство населения, некоторых материальных условий жизни и т. п.) и в этом плане необходимо предполагает моменты регресса. В общем же движении всемирной истории прогресс не имеет альтернативы. Границы регресса — лишь частное локальное развитие отдельных социальных организмов и регионов. Прогрессивная направленность исторического процесса — результат действия всей совокупности общественных законов. Она выражает его целостную интегральную характеристику.

Прогрессивное общественное развитие обнаруживает себя через множество зигзагов истории (застой, попятное движение, либелль отдельных цивилизаций и т. п.). Но все они свидетельствуют лишь о сложности общественного прогресса, а не об его отсутствии в истории. Историческая необходимость общественного прогресса есть прежде всего определенная последовательность смены общественно-экономических формаций, которая, вопреки утверждениям противников материалистического понимания истории, в частности рассуждениям английского философа-неопозитивиста К. Поппера³⁹, отнюдь не умозрительная схема. Не ставят под сомнение эту историческую необходимость и такие факты, как минования некоторыми народами одной или нескольких общественных формаций.

Объективная логика исторического процесса находит свое подтверждение, несмотря на все его многообразие и исключения, в истории различных народов. Так, ни один из народов не развивался в направлении от феодализма к рабству, или от капита-

лизма к феодализму. Общественное развитие в целом осуществляется в виде необратимого процесса, что и отражается в марксистском понимании главного направления прогресса человечества как последовательной смены формаций. Не говорит об отсутствии единства такого направления и пропуск в истории народов отдельных формаций. Рабство, например, сложилось в развитую общественную формацию в немногих странах, но «патриархальное рабство как первая форма выделения классов имеет повсеместное распространение на этапе перехода от доклассового общества к классовому»⁴⁰, в том числе у индейцев северо-западного побережья Северной Америки, у народов Океании и многих других народов до прихода к ним европейских колонизаторов. Еще более возрастает единство исторического процесса на последующих стадиях развития, после великих географических открытий и образования мирового рынка.

Восходящая направленность исторического процесса обнаруживала себя подчас и в кровавых разбойничьих акциях завоевателей, нередко весьма трагических для жителей покоренных стран. Однако и здесь объективная логика общественного развития брала верх, ибо «согласно непреложному закону истории, варвары-завоеватели сами оказывались завоеванными более высокой цивилизацией покоренных ими народов»⁴¹. Особенно наглядной эта логика становится тогда, когда народные массы сознательно, добровольно решают ускорить свое развитие. Для такого ускорения общественного прогресса мало лишь благоприятных внешних условий и помощи со стороны более развитых стран. Переход к высшей исторической ступени, минуя низшую, не освобождает данный народ от необходимости создания соответствующих материальных и духовных ценностей, присущих предшествующему развитию. Это убедительно доказывает, например, история некапиталистического развития народов Казахстана, Средней Азии, Монголии, а также опыт ряда стран Африки и Азии, идущих ныне по пути прогресса, минуя капитализм.

В условиях капитализма наиболее развитые страны осуществили индустриализацию промышленности, сельского хозяйства, транспорта, ликвидировали неграмотность населения, сформировали обширный слой интеллигенции, значительно развили сферу обслуживания. В наши дни народам, вставшим на некапиталистический путь, приходится решать подобные задачи в новых условиях, ускоренными темпами, поскольку без их решения практически невозможно прогрессивное развитие. «Мы,— говорил В. И. Ленин,— не представляем себе другого социализма, как ос-

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 351.

³⁹ См.: Popper K. The Poverty of Historicism. L., 1960, p. 51.

⁴⁰ Аверкиева Ю. П. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки. М., 1961, с. 263.

⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 9, с. 225.

повапного на основах всех уроков, добытых крупной капиталистической культурой. Социализм без почты, телеграфа, машин — пустейшая фраза»⁴².

Минование отдельных этапов общего пути человечества имело место лишь в отношении антагонистических формаций. Все народы без исключения начали свое развитие с первобытного общества. Основное содержание современной эпохи есть переход человечества к социализму — первой фазе коммунистической общественно-экономической формации. И с этой точки зрения реальная человеческая история общества представляет собой не сумму изолированных цивилизаций или картину автономных направлений развития, а единство и многообразие в самом точном смысле слова.

В начале своего пути мировая история человечества имела единую точку отсчета, ибо исторический тип общественных отношений везде был одинаковым — все древние народы начали свое развитие с первобытного, родоплеменного общества. В дальнейшем синхронность развития различных регионов человечества существенно нарушается: низкий уровень производительных сил и слабость связей между родоплеменными общностями людей определяли значительное влияние природных условий на общественное развитие, а разнообразие природных условий породило известную неравномерность развития уже в верхнем палеолите. Поэтому переход от первобытного общества к классовому совершался в различных районах мира неодинаково, с разрывом во времени до четырех-пяти тысячелетий⁴³. С переходом к классовому обществу к указанным факторам нарушения синхронности развития отдельных частей человечества прибавился социальный антагонизм, нашедший свое продолжение во вражде и войнах между народами, в покорении и угнетении одних народов другими, примером чего может служить история Римской рабовладельческой империи, татаро-монгольского ига в России, турецкого владычества на Балканах и т. д.

Но все эти факторы обусловили специфику развития народов по общему для всего человечества пути прогресса. Исторический процесс всегда есть единство и различие общего и особенного, повторяющегося и неповторимого. Проблема сводится, следовательно, не к отрицанию или умалению диалектики этого единства и многообразия, а к верному ее пониманию и оптимальному учету в практической деятельности. Можно утверждать, что успех борьбы современных прогрессивных сил за революционное обновление мира в значительной мере зависит от умения правильно сочетать общее и национально особенное в познании и преобразовании исторической действительности. «Единство интернациональной тактики коммунистического рабочего движения всех стран,— писал В. И. Ленин,— требует не устранения разнообразия, не уничтожения национальных различий (это — вздорная мечта для настоящего момента), а такого применения *основных* принципов коммунизма (Советская власть и диктатура про-

летариата), которое бы *правильно видоизменяло* эти принципы в *частностях*, правильно приспособляло, применяло их к национальным и национально-государственным различиям»⁴⁴.

3. Коммунизм как направление современного общественного прогресса

Результаты жизнедеятельности каждого поколения людей служат исходной базой жизнедеятельности новых поколений людей. Эта особенность исторической действительности создает величайшее преимущество общественного развития по сравнению со всеми его другими формами. Возникает здесь и такая ситуация, когда на определенном историческом этапе общественного развития становится необходимым отчуждение достижений прогресса в пользу эксплуататорских классов, развитие одних общественных индивидов идет за счет других. Исторически это отчуждение совершалось в многообразных формах: отделение средств производства и продуктов труда от трудящихся; социальные противоположности между городом и деревней, умственным и физическим трудом; концентрация производства и потребления, труда и отдыха, богатства и нищеты, просвещения и невежества на разных полюсах общества и т. д.

Анализ общественного развития позволяет в рассматриваемом плане выделить следующие три наиболее общих исторических типа прогресса: первобытный, антагонистический и коммунистический. Переход от одного типа общественного прогресса к другому означает фактически наиболее существенные перемены в области общественных отношений, что и ведет к коренному изменению содержания, объема, интенсивности деятельности людей, всего их образа жизни. Рабство, феодализм и капитализм образуют самостоятельные общественно-экономические формации, но по сущности общественных отношений и структуры деятельности людей между ними много общего — это «три великие формы порабощения»⁴⁵, основанные на социальном (общественном) антагонизме, пронизывающем все сферы и ячейки жизнедеятельности людей.

Против включения развития первобытного общества и коммунизма в разные исторические типы прогресса иногда возражают на том основании, что для обеих формаций характерны общественные отношения сотрудничества и взаимопомощи людей. Эти сомнения представляются нам неубедительными. Первобытный

⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 272.

⁴³ Так, в Египте классовое общество сформировалось впервые к началу III тысячелетия до н. э., а в Киевской Руси — в X в. н. э., т. е. различие в темпах развития составило около 40 веков, не говоря уже о том, что в Египте возникло рабовладельческое общество, а в Киевской Руси — феодальное.

⁴⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 77.

⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 175.

коллективизм обуславливался неразвитостью общественного производства, подавленностью человека стихийными силами природы, что весьма существенно сказывалось на содержании и границах коллективизма первобытных людей, на всем их образе жизни. Кроме того, коммунистическая и первобытная формации разделены во времени антагонистическими формациями, а в этом есть внутренняя логика исторического развития, ибо коммунизм может возникнуть только на основе дальнейшего развития тех производительных сил, которые человечество создало при капитализме. «Все формы родовой общины, возникшие до появления товарного производства и частного обмена,— разъяснял Ф. Энгельс,— имеют с будущим социалистическим обществом только то общее, что известные вещи, средства производства, находятся в общей собственности и в общем пользовании известных групп. Однако одно это общее свойство не делает низшую общественную форму способной создать из себя самой будущее социалистическое общество, этот последний продукт капиталистического общества, порождаемый им самим»⁴⁶.

Решающим фактором современного общественного прогресса является противоборство социалистической и капиталистической мировых систем. В современном мире небывало остро и масштабно встают вопросы оценки тех реальных возможностей развития, которые созданы социализмом. Научно-техническая революция и соревнование социализма и капитализма на международной арене значительно ускоряют темпы общественного развития и потому делают анализ перспектив прогресса небывало актуальной задачей. «Как бы это ни казалось парадоксальным,— замечает румынский исследователь В. Роман,— одна из наиболее крупных проблем настоящего — это ... будущее. Проблема познания будущего — сегодня уже не является данью любопытству. Знание будущего оказывает исключительно ценную помощь для уяснения и решения крупных проблем настоящего»⁴⁷.

Для марксизма-ленинизма анализ целей развития и долгосрочное планирование представляются делом, органически связанным с самой сутью коммунистической идеологии и социалистического общественного строя, с признанием закономерности и прогрессивности развития общества в целом, а также перехода человечества от капитализма к социализму. Достаточно сослаться на Марксов анализ контуров будущего в его «Критике Готской программы» и на ленинский план ГОЭЛРО.

Современные буржуазные философы, социологи, экономисты и другие обществоведы поступают иначе. Они или увековечивают капитализм под вывеской «общества массового потребления», «нового индустриального общества», «постиндустриального общества», или проповедуют разочарование в прогрессе, столкновение с будущим, пределы роста производства и другие тупики развития общества. В основе такого подхода находится вера в сохранение капитализма, какие бы экологические, производственные, финансовые и иные потрясения он ни порождал. Иначе

говоря, даже самые претенциозные проекты будущего у современных буржуазных обществоведов построены в сущности на примитивной экстраполяции характеристик современного капитализма на будущее человечества, на отрицании необходимости коренных, качественных преобразований социальной структуры общества.

Вместе с тем следует также отметить в потоке буржуазной футурологической литературы и одну новую, весьма знаменательную тенденцию. Свыше столетия после возникновения марксизма буржуазные ученые, начиная с неокантианцев, критиковали, ставили под сомнение, отвергали признание объективных законов истории и саму возможность научного познания перспектив развития общества. Ныне же ситуация обретает иные оттенки. Здесь мы встречаемся с одним интереснейшим парадоксом — с «переоткрыванием» идей марксизма-ленинизма людьми, далекими от этого учения. Речь идет о том, что в многочисленных буржуазных изданиях всячески обыгрывается мысль о том, будто взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса были верны лишь для своего времени, а ныне, в условиях научно-технической революции, они якобы безнадежно устарели. С другой стороны, в этих же изданиях, когда дело доходит до анализа конкретных проблем общественного развития, налицо выводы, которые в том или ином виде воспроизводят идеи К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, высказанные ими 50—100 лет назад. И это касается не частных, а самых коренных характеристик современности — оценки государственной собственности на средства производства, плановой организации экономики, подчинения производства интересам развития человека и даже оценки правомерности существования и перспектив развития социализма.

Особенно интенсивно в буржуазной литературе идет переосмысление вопроса о целях производства, о содержании интересов, которым должно быть подчинено его развитие. Для марксизма-ленинизма бесспорной, научно обоснованной истиной является убеждение в том, что при социализме и коммунизме человек, интересы человека труда становятся центром всего общественно-го развития. К. Маркс в «Капитале» неоднократно и с разных сторон развивал положение о том, что для коммунистического общества «основным принципом ... является полное и свободное развитие каждого индивидуума»⁴⁸. В. И. Ленин в ходе разработки проекта первой партийной программы, рассматривая вопрос о цели производства в коммунистическом обществе, отмечал, что оно будет служить «не только для удовлетворения нужд членов, а для обеспечения *полного* благосостояния и свободного *всестороннего* развития *всех* членов общества»⁴⁹.

⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 445.

⁴⁷ Роман В. Промышленная революция в развитии общества. М., 1969, с. 159.

⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 605.

⁴⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 232.

В наши дни эта цель производства все настойчивее выступает как требование дальнейшего развертывания научно-технической революции. Ее вынуждены признать сейчас многие либерально мыслящие буржуазные ученые. Еще авторы «Манифеста тройственной революции» писали, что основанная на достижениях научно-технической революции экономика в состоянии дать всем членам общества необходимую материальную обеспеченность, предоставить им возможность свободно выбирать профессию и развивать свои склонности. Преграда на этом пути одна: подчинение производства погоне за прибылью. Констатируя, что «среди потенциального изобилия возник постоянно нищающий и безработный класс», что «в США складывается устойчивое социальное дно»⁵⁰ и т. д., они приходят к выводу о необходимости переориентации цели производства. «Согласно демократическим требованиям, планирование должно осуществляться общественными органами и ставить своей целью всеобщее благосостояние. Планирование, осуществляемое органами предпринимателей, как, например, корпорациями, отвечает их собственной выгоде и не увеличивает автоматически всеобщее благосостояние, как уже показало влияние кибернетики на уровень занятости»⁵¹.

Реальные проблемы общественного развития принуждают буржуазных ученых вновь и вновь возвращаться к данному вопросу. Так, президент Римского клуба А. Печчеи, оценивая подготовленный клубом по материалам дискуссий документ «Размышления из Гуанахуато», подчеркивает, что «самым важным его пунктом была констатация необходимости полного и всестороннего развития возможностей и способностей, заложенных во всех людях планеты, как непременного условия преодоления существующего неравенства и обеспечения здоровой и достойной жизни для каждого. И именно этим целям должны быть подчинены все стратегии, политические программы и перспективные планы развития в национальных и глобальных масштабах»⁵².

Эта же мысль проводится американским футурологом О. Тоффлером в книгах «Столкновение с будущим» и «Третья волна». Он называет наше время «глубочайшим социальным переворотом», скачком от индустриализма к новой цивилизации и одно из решающих направлений этого изменения видит в переходе от массового работника с узкой специализацией к индивидам, для которых характерны жизненная целостность, яркая индивидуальность, стремление к гармонии между трудом и игрой, между производством и потреблением, между умственным и физическим трудом, между абстрактным и конкретным подходом, стремление развивать самих себя всесторонним, комплексным образом⁵³.

Постановка вопроса о цели производства, планирования и развития других сторон жизни современного общества объективно ведет в итоге трезво мыслящих буржуазных ученых и общественных деятелей к переоценке самой направленности исторического процесса. Известный английский историк А. Тойнби, которого не-

возможно заподозрить в симпатиях к марксизму и коммунизму, в свое время заявил, что научно-техническая революция «толкает всех нас... в какую-то разновидность социализма»⁵⁴. Американский экономист и социолог Дж. Гэлбрейт вопреки установившимся стандартам в американском общественном мнении хочет сделать «респектабельным» слово «социализм» в глазах американцев. Он считает, что «новый социализм не допускает никаких приемлемых альтернатив; от него можно уклониться только ценой тяжелых неудобств, большого социального расстройства, а иногда ценой смертельного вреда для здоровья и благополучия»⁵⁵.

Несмотря на весь поток официальной антикоммунистической и антисоветской пропаганды, социализм настойчиво стучится в двери капиталистического мира. Ценности социализма становятся общепризнанными, общечеловеческими. Социализм и коммунизм утверждаются как направление и новая эпоха прогресса всемирной истории.

Поскольку решающим фактором современного общественного прогресса является противоборство социалистической и капиталистической мировых систем, постольку критерии общественного прогресса выступают весьма существенными и перспективными ориентирами в соревновании капитализма и социализма. В. И. Ленин в 1921 г. подчеркивал, что «сейчас главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой»⁵⁶.

Значение данного принципиального положения ныне, в условиях примерного паритета военных сил СССР и США, борьбы за сохранение и дальнейшее упрочение международной разрядки, многократно возросло и будет возрастать. Вместе с выравниванием военно-экономических потенциалов мирового социализма и мирового капитализма на судьбу их мирного соревнования во все большем масштабе оказывает воздействие реальный образ жизни людей, реальное положение человека в системе общественных отношений. «Возможность победы социализма во всемирном масштабе,— справедливо пишет венгерский философ И. Херманн,— станет реальной впервые тогда, когда в аспекте всеобщего развертывания преимуществ социализма будет достигнут уровень развития, при котором он приобретет во всех отношениях и во всех сферах жизни притягательную силу и для широких трудящихся масс высокоразвитых капиталистических стран. Поиск такого пути представляет собой главную задачу нашей эпохи,

⁵⁰ Тройственная революция.— Мировая экономика и междунар. отношения, 1965, № 4, с. 85—86.

⁵¹ Там же, с. 88—89.

⁵² Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980, с. 174.

⁵³ См.: Toffler A. The Third Wave. N. Y., 1980, p. 26, 27, 401—407.

⁵⁴ U. S. News and World Report, 1964, 30 March, p. 80.

⁵⁵ Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М., 1979, с. 347.

⁵⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 341.

и эту задачу мы должны решать, опираясь на великое наследие В. И. Ленина»⁵⁷.

В деле формирования социалистического образа жизни и нового типа человека у нас есть такие великие завоевания, о которых можно говорить открыто и убежденно, прямо глядя в глаза друзьям и врагам⁵⁸. И все же мы не должны представлять данную задачу упрощенно, только в розовом свете. Реализация великих возможностей, заложенных в материально-техническом потенциале социализма, зависит прежде всего от людей — их сознательности, умения и организованности, от организации труда и социального управления. Когда созревают объективные предпосылки перехода прогресса общества на новую ступень, сам этот переход в решающей мере обусловлен состоянием субъективного фактора. В этом отношении задача формирования нового человека стоит сейчас перед качественно новым историческим рубежом.

Рассмотрение существенных вопросов теории общественного прогресса всегда связано с самыми актуальными задачами общественно-исторической практики, ибо сама теория прогресса по природе объекта своего отражения в равной степени обращена как в прошлое, так и в будущее человечества, каждого народа. Точнее, она обращена к прошлому и будущему в меру потребностей настоящего времени. Но единство и многообразие форм исторического процесса отнюдь не ограничены проблемами общественного прогресса. Будучи обусловленными в конечном счете восходящей направленностью общественного развития, они находят свое конкретное выражение в диалектике происходящих в мире эволюционных и революционных преобразований, стихийности и планомерности исторического движения. На анализе этих форм общественного развития мы и сосредоточим теперь наше внимание.

⁵⁷ Херманн П. В. И. Ленин об исторической альтернативе.— *Вопр. философии*, 1980, № 12, с. 106.

⁵⁸ См.: *Смирнов Г. Л. Советский человек: Формирование социалистического типа личности*. М., 1980; *Социалистический образ жизни*. М., 1980; и др.

Глава 2

СОЦИАЛЬНАЯ (ОБЩЕСТВЕННАЯ) ЭВОЛЮЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

1. Эволюционная и революционная формы исторического процесса

В широком смысле слова под эволюцией понимается развитие. В этом смысле говорят об эволюции Солнечной системы, растительного и животного мира, человеческого общества. В отличие от понятия эволюции понятие революции имеет более узкое, специальное применение. Оно всегда связано с общественной жизнью, обозначает коренные качественные изменения как общества в целом (социальная революция), так и его отдельных сторон — науки, культуры и др. Взятое в сопоставлении с понятием революции, особое значение обретает и понятие эволюции. Речь идет в этом случае уже не о развитии вообще, а о постепенных количественных и несущественных качественных изменениях.

Всякая революция есть скачок, но далеко не всякий скачок можно считать революцией. В ходе революционного скачка разрешается основное противоречие системы, постепенное обострение которого на эволюционной стадии ее развития и привело к скачку как обновлению. Скачкообразное изменение в развитии системы сопровождается внутренне необходимым отрицанием старого новым. Подобное отрицание выражается, с одной стороны, в ликвидации всего отжившего в развивающейся системе, с другой — в преемственности между новым и старым ее состоянием и, наконец, в порождении таких элементов, которых не было в старом, отрицаемом состоянии. Но и этого мало, — революция соотносится лишь с прогрессивным развитием, с переходом от низшего к высшему. Если скачок, разрешение противоречия и отрицание ведут вспять, если с ними связан переход общественной системы с высшего уровня развития на низший, то они теряют черты революционного изменения. Революция и развитие по нисходящей линии, или, иначе, регресс, несовместимы¹. В сопоставлении с революцией и эволюция — не просто

¹ Следует отметить, что буржуазные идеологи, стремясь опорочить саму идею революции в общественном развитии, громадные усилия прилагают к тому, чтобы по крайней мере поставить под сомнение связь революции с прогрессом. Так, английский социолог М. Ласки безапелляционно заявляет, что «представления об ускорении революциями общественного прогресса следует отнести к разряду утопии». Американский автор Х. Арендт определяет революцию как «вид реставрации» общественных форм. Другой американский автор, Д. Форман, для которого регрессивный характер революции является само собой разумеющимся, считает даже вполне логичным рассуждать о реакционных революциях

постепенные количественные и несущественные качественные изменения, а изменения, обладающие прогрессивной направленностью. Именно в данном своем значении понятие эволюции получает особый категориальный статус².

Категориальное употребление понятия эволюции имеет принципиальное методологическое значение для всего обществознания, в особенности для тех разделов общественных наук, которые исследуют специфику революционных изменений, включая изменения в отдельных областях общественной жизни. Так, до недавнего времени освещение содержания и сущности научно-технической революции серьезно страдало от того, что исследователям не удавалось найти критерий различения научно-технической революции и научно-технического прогресса. Эти понятия зачастую отождествлялись между собой. Введение в оборот понятия научно-технической эволюции дает возможность избежать указанного отождествления и в научном отношении более правильно выделить основные параметры, по которым можно судить о содержании и сущности начального и завершающего этапа научно-технической революции, о причинно-следственной взаимозависимости эволюционных и революционных изменений научно-технического прогресса³.

Категориальное значение понятия эволюции открывает новые возможности и для научной критики современного эволюционизма (неозволюционизма), получившего довольно широкое распространение в буржуазном обществознании в 1960—1970-е годы. Его представители в буржуазной теоретической социологии вынуждены были отказаться от грубого третирования понятия развития (и понятия эволюции, отождествляемого с понятием развития), которому оно подвергалось в течение многих десятилетий, и признать, что одного понятия изменения (ему буржуазные социологи давали предпочтение потому, что в нем не содержится указания на направленность изменения) недостаточно для теоретического описания процессов, происходящих в современном мире. Однако они не вышли за рамки той концепции развития, которую в свое время подверг критике с позиций материалистической диалектики В. И. Ленин в фрагменте «К вопросу о диалектике» за непонимание неизбежности перерывов постепенности и радикальных прогрессивных сдвигов в развитии явлений — революций — в силу развертывания свойственных им внутренних противоречий⁴.

Характеристика категорий эволюции и революции будет неполной, если не указать, что эволюция и революция как сменяющиеся формы развития в свою очередь проходят определенные, качественно отличающиеся друг от друга стадии. Момент перехода от одной такой стадии к другой может рассматриваться и обычно рассматривается как перелом в развитии. Переломом в эволюционном развитии капиталистической общественно-экономической формации, например, выступает переход от домонополистической стадии к монополистической. Особенность подобного

рода переломов состоит в том, что они не меняют основного качества процесса, который остается либо эволюционным, либо революционным.

Как ни велико значение общефилософской интерпретации понятий эволюции и революции, она может играть свою методологическую роль в раскрытии революционных и эволюционных изменений в общественной жизни лишь тогда, когда конкретизируется в теории исторического материализма. Понятие социальных изменений необходимо дополняется здесь понятием социальных действий.

Мы не будем возвращаться к общей характеристике понятия социального действия⁵, обратим внимание на другое. В общественных науках понятие социальной революции обычно употребляется для обозначения и революционного изменения и революционного действия. Понятием же социальной эволюции обозначают преимущественно эволюционное изменение. Когда же возникает потребность обозначить действие, противоположное революционному, применяется понятие реформистского действия, которое в рассматриваемом контексте не имеет ничего общего с реформизмом как политическим течением. Подразумевается, что революционные изменения вызываются революционными действиями, а эволюционные изменения — реформистскими действиями.

Подлинными революционерами, ставя целью своей борьбы совершение революции, отнюдь не отказываются от прогрессивных реформ и соответственно от реформистских методов борьбы. Политическое искусство в том и состоит, чтобы в соответствии с объективной ситуацией — наступление или отступление, прилив или отлив революции, укрепление новой власти или ее ослабление — бороться за осуществление таких реформ, которые в конечном итоге обеспечивают победу революции и стабилизацию

(об этом подробнее см.: *Салов В. И.* Революционный процесс и современная буржуазная историография. — Новая и новейшая история, 1981, № 1, с. 87).

² Рассматриваемое значение понятия эволюции утвердилось в марксистской литературе далеко не сразу. Первоначально оно употреблялось только в виде идентичного понятию развития. С 80-х годов прошлого века оно начало применяться и в узком значении, тождественном в определенном смысле понятию постепенности. И лишь в 1960—1970-х годах, когда в советской литературе в результате чуть ли не двадцатилетней дискуссии о соотношении понятий «эволюционные изменения» и «количественные изменения», «скачок-переворот» и «постепенный скачок» советские философы отказались от отождествления категорий скачка и революции, стала утверждаться и приведенная выше трактовка понятия эволюции (Об этом подробнее см.: *Селезнев М. А.* Социальная революция: (Методологические проблемы). М., 1971, с. 50—60).

³ См.: *Шухардин С. В., Кузин А. А.* Теоретические аспекты современной научно-технической революции. М., 1980, с. 22, 88.

⁴ Подробнее об этом см.: Критика современной буржуазной теоретической социологии. М., 1977, с. 18—67.

⁵ См.: Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: действительность, материальная основа, первичное и вторичное. М., 1981, с. 84.

завоеванной прогрессивным классом власти. Революционеры, подчеркивал В. И. Ленин, как правило, терпели крах в том случае, если теряли «способность самым хладнокровным и трезвым образом соображать, взвешивать, проверять, в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области действия надо уметь действовать по-революционному и в какой момент, при каких обстоятельствах и в какой области действия надо уметь перейти к действию реформистскому»⁶.

В отдельных областях общественной жизни не только эволюционные, но и революционные изменения могут представлять собой результат стихийной деятельности людей. Так, до вступления общества на путь социализма доминировала стихийность в развитии его производительных сил.

Эволюционные и революционные изменения в производительных силах протекали в виде смены непреднамеренно складывающихся обстоятельств. Радикальные изменения в этой области, связанные, например, с переходом от мануфактурного к фабрично-заводскому машинному производству, были осознаны передовыми буржуазными мыслителями как промышленная (индустриальная) революция лишь после того, когда обнаружились паразитические перемены в условиях общественного развития Англии (конец XVIII — начало XIX в.) на протяжении жизни каких-нибудь двух-трех поколений людей. Подлинно же научную характеристику сути промышленной революции дал в «Капитале» К. Маркс. Им же были проанализированы и эволюционные изменения в производительных силах, подготовившие промышленную революцию. Какого-либо социального движения, которое в канун промышленной революции ставило бы своей задачей ее совершение, не было и в помине.

Ближайшим и непосредственным следствием эволюционных и революционных изменений в производительных силах являются эволюционные и революционные изменения в производственных, экономических отношениях. «Вместе с происшедшей однажды революцией в производительных силах,— писал К. Маркс,— которая выступает как революция технологическая, совершается также и революция в производственных отношениях»⁷. Правомерность понятий эволюции и революции в производственных отношениях, или, иначе, экономической эволюции и революции, не вызывает сомнений, хотя в специальной научной литературе в своем категориальном значении употребляются они пока крайне редко.

Конечно, ответ на вопрос, почему сложилось такое положение, можно найти. Это и многозначность термина «экономика», который обычно употребляется не столько вместо термина «экономические отношения», «экономический базис», сколько вместо терминов «общественное производство» (в единстве производительных сил и производственных отношений) и «народное хозяйство», в силу чего и термин «экономическая революция» воспринимается большей частью как равнозначный термину

«производственная революция». Это и недостаточная исследованность понятийного инструментария, разработанного К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным для описания революционных изменений в общественной жизни, в частности в экономическом базисе. Собственно говоря, только в последнее время ученые всерьез обратились к данной марксоведческой проблеме⁶.

Соотношение экономических эволюционных и революционных изменений в развитии отдельного общества может быть правильно понято лишь в том случае, если принимается во внимание, что при всей своей зависимости от эволюционных и революционных изменений в производительных силах экономические отношения, т. е. производственные общественные отношения в широком смысле, обладают во взаимодействии с производительными силами и относительной самостоятельностью. В частности, под влиянием классовой борьбы эволюционные и революционные изменения в экономическом базисе в определенных пределах могут опережать технологические изменения в производительных силах, но могут и отставать от них. Разберем это на примере капиталистической и социалистической социальных революций, учитывая наличие классических форм их развития, которые отсутствовали в предшествующие исторические эпохи.

Если принять во внимание, что производительные силы капиталистического общества с самого начала своего возникновения (с появления простой капиталистической кооперации) формируются в неразрывном единстве не только с технологическими, но и экономическими отношениями, то эволюционные экономические изменения, подготавливающие капиталистическую экономическую революцию, предстанут, с одной стороны, как формирование капиталистического уклада хозяйства в недрах феодального общества (с возникновения капиталистического общественно-экономического уклада начинается заключительная стадия феодальной формации), с другой же — как разложение феодальной экономической системы — известную перестройку хозяйственной системы феодализма под влиянием формирующегося капиталистического уклада хозяйства (переход помещиков от натуральной земельной ренты к денежной, обезземеливание крестьян, усиление связи помещичьих хозяйств с рынком). Соответственно в конфликт с феодальным экономическим строем постепенно вступают наряду с новыми производительными силами и экономические отношения эксплуатации наемного труда капиталом. Превращение капиталистического уклада хозяйства из уклада, подчиненного феодальной системе хозяйства, в господствующий (экономическая революция) разворачивается на основе перехода от мануфактурного производства к машинному фабрич-

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 223.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 461.

⁸ См.: Шелике В. Ф., Потоцкий В. А. Актуальные проблемы понятийного аппарата теории социальной революции. — Филос. науки, 1979, № 5, с. 23—25.

но-заводскому (промышленная революция). Причем неразрывность этих преобразований во времени, их органическое переплетение не только не исключают, а предполагают зависимость первого от второго⁹.

Формирование капиталистического уклада хозяйства при феодализме сопровождается до известного времени эволюционными изменениями в области правовых и политических отношений. В законодательстве отражаются некоторые моменты и условия капиталистического предпринимательства, не вступающие в общее противоречие с феодальной системой хозяйства. В своей внутренней и внешней политике феодальное государство содействует формированию национального рынка. Представители буржуазии все больше пополняют его чиновничий аппарат.

Однако эти и другие эволюционные изменения, включая реформы, осуществляемые феодальным государством под давлением буржуазии, могут удовлетворить ее лишь до определенного момента. Как только буржуазия начинает понимать свое экономическое превосходство над классом помещиков и нетерпимость своего зависимого политико-правового положения, наступает время сознательной революционной борьбы. Лозунги свободного предпринимательства, ликвидации феодальной регламентации, отмены сословных привилегий, равенства всех перед законом, демократии и другие становятся тем идейным знаменем буржуазии, вокруг которого она объединяет антифеодально настроенные массы.

В отличие от эволюции и революции в производительных силах революционное преобразование общественного строя всегда предполагает единство воли и действия людей. Осознание общественной задачи передовым классом — носителем новых общественных отношений — атрибутивное свойство политической революции. Применительно к политической революции буржуазии эта задача заключается в том, чтобы насильственными средствами ускорить процесс превращения капиталистического уклада хозяйства в формационный способ производства, осуществить замену феодального экономического базиса, социально-классовой структуры и политико-юридической надстройки капиталистическими. Новая буржуазная государственная власть своей экономической политикой объективно создает предпосылки соединения достижений промышленной революции (крупного машинного производства) с преимуществами капиталистического строя и тем самым создает условия для завершения капиталистической экономической революции.

О начале эволюционных изменений в экономическом базисе капитализма, которые готовят предпосылки его замены экономическим базисом социализма, можно говорить лишь с того момента, когда под экономический строй капитализма подведена адекватная ему материально-техническая база. В этом отношении только после завершения промышленной революции в капиталистических развитых странах появилась абстрактная возможность

перехода к социалистическому экономическому строю. Что же касается вопроса о мере эволюционных изменений в экономическом базисе капитализма, достаточных для того, чтобы абстрактная возможность замены капиталистического экономического строя социалистическим стала реальной, то он решается в каждом отдельном случае конкретно.

Однако всюду и всегда неперенным требованием выступает достижение такой степени концентрации и централизации капитала, которая позволяет после национализации пролетарским государством основных средств производства (с этого начинается социалистическая экономическая революция) существенно повысить производительность труда и темпы экономического роста страны по сравнению с дореволюционным периодом. Для промышленно развитых капиталистических стран указанная степень концентрации и централизации капитала обеспечивалась завершением индустриализации.

Индустриализация страны создает концентрацию и централизацию производства, достаточную для замены рыночного механизма хозяйствования планомерно управляемым механизмом. Основное противоречие капитализма — противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения — приобретает в этих условиях конфликтный характер. Отсюда и объективная потребность в разрешении данного противоречия путем сознательного и насильственного вторжения в отношения капиталистической собственности.

Закономерности развития капитализма, как они раскрыты К. Марксом через абстракцию «чистого капитализма», вполне допускают переход к социализму от зрелого капитализма свободной конкуренции. С рассматриваемых позиций монополистический капитализм «не является обязательным логическим звеном капитализма вообще»¹⁰. Его возникновение — своеобразный паллиатив социализму. Уже само ограничение свободной конкуренции монополиями означает, по замечанию В. И. Ленина, что «некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность...»¹¹. Соответственно экономические

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс нередко в своих произведениях наряду с капиталистической экономической революцией пишут и о социальной революции, имея в виду собственное значение понятия социального. Так, в статье «Может ли Европа разоружиться?» Ф. Энгельс, характеризуя ситуацию, сложившуюся в России в начале 1890-х годов, отмечает: «Освобождение крестьян в 1861 г. и связанное с ним — отчасти как причина, а отчасти как следствие — развитие крупной капиталистической промышленности ввергли эту самую неподвижную из всех стран, *этот европейский Китай*, в экономическую и социальную революцию, которая теперь неуклонно идет своим ходом» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 406).

¹⁰ Цаголов Н. А. Развитие политической экономии как научной системы и задачи ее совершенствования. — Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. экон., 1978, № 6, с. 22.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 385.

предпосылки перехода к монополистическому капитализму суть те же предпосылки, которые достаточны и для перехода к социализму.

Существенной особенностью эволюционной подготовки социалистической экономической революции выступает то, что в их число (в отличие от предпосылок капиталистической экономической революции) не входит формирование социалистического уклада хозяйства. Как бы при капитализме ни совершенствовались технологические отношения обобществления труда и производства, как бы ни повышался уровень концентрации и централизации, специализации и кооперации производства, социалистические экономические отношения здесь не возникают. Это относится не только к капитализму свободной конкуренции, но и к государственно-монополистическому капитализму. Процесс расширенного воспроизводства на всех стадиях развития капитализма становится одновременно и процессом расширенного воспроизводства капиталистической эксплуатации наемных рабочих. «Ждать от капиталистического способа производства иного распределения продуктов,— писал Ф. Энгельс,— имело бы такой же смысл, как требовать, чтобы электроды батареи, оставаясь соединенными с ней, перестали разлагать воду и собирать на положительном полюсе кислород, а на отрицательном — водород»¹².

В силу особенностей капитализма осуществляемые буржуазным государством под натиском революционной борьбы пролетариата реформы (какими бы значительными они ни были) не могут дать желаемого эффекта — перехода основных средств производства в собственность всего общества. Начало социалистической экономической революции открывает политическая революция, совершаемая эксплуатируемыми трудящимися массами под руководством рабочего класса. Сама возможность радикальных экономических преобразований возникает тогда, когда пролетариат, устанавливая свою политическую власть, сосредоточивает в своих руках основные рычаги осуществления экономической революции. Сроки ее осуществления зависят от сроков создания адекватной социализму материально-технической базы, формирования на этой основе социалистического экономического базиса, соответствующей ему политической и идейной (идеологической) надстройки, утверждения новой социальной структуры общества. Вместе с завершением социалистических преобразований начинается развитие социализма на его собственной основе, постепенное перерастание зрелого социализма в высшую фазу коммунизма.

Подведем некоторый итог. Исследование общественного развития убедительно доказывает, что социальные эволюция и революция — необходимые взаимодействующие формы исторического процесса. Постепенные количественные и несущественные качественные изменения общественного строя подготавливают его коренные качественные преобразования, социальная эволюция ведет к социальной революции. Социальная же революция, ста-

новясь в ходе формационного развития законом смены общественно-экономических формаций, поднимает исторический процесс на новую ступень, создает новые возможности для последующей социальной эволюции¹³.

2. Социальная революция как закон смены общественно-экономических формаций

Классическая формулировка закона социальной революции дана К. Марксом: «На известной ступени своего развития,— писал он,— материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке»¹⁴.

В отличие от других общественных законов закон социальной революции действует лишь в конкретный исторический период развития общества. Продолжительность его действия всякий раз зависит от исторического типа революции, своеобразия внутренних и внешних условий той страны, в которой она совершается. Эпоха социальной революции — кульминационный момент исторического процесса, когда с наибольшей полнотой, яркостью, самоочевидностью обнажаются и радикальным образом разрешаются многообразные противоречия общественной жизни. Достигая в эти эпохи своей наивысшей остроты, социальные (общественные) противоречия обнаруживают вместе с тем скрытые до сих пор возможности общественно-исторической деятельности масс. «Именно в такие периоды,— писал В. И. Ленин,— проявляется с наибольшей силой непосредственная роль разных классов в определении форм социальной жизни ...»¹⁵.

По своему историческому значению социальные революции — важнейшие вехи, рубежи общественного развития, не только отделяющие одну общественно-экономическую формацию от другой, но и выражающие собой преемственность, поступательный характер исторического движения. Каждая социальная революция означает новый шаг человечества по пути общественного прогресса. По образному сравнению К. Маркса, революции — локомотивы истории¹⁶. Составляя «одно целое общественное дви-

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 286.

¹³ См.: Красин Ю. А. Социальная революция XX в.: результаты, проблемы, перспективы.— В кн.: Марксистско-ленинская теория социального развития. М., 1978, с. 136—137.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 7.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 23, 24.

¹⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 86.

жение, развивающееся по своей внутренней логике»¹⁷, социальная революция разворачивается как необратимый процесс. В одних странах этот процесс довольно быстро разрушает старый общественный строй, что происходит всякий раз тогда, когда свергаемый реакционный класс не может консолидированно отстаивать отжившие общественные порядки. В других же странах свергаемый класс оказывает революционным силам ожесточенное и длительное сопротивление и может при определенных условиях добиваться временных успехов. Революционные преобразования вызывают здесь контрреволюцию, ставящую своей целью реставрацию разрушаемых социальной революцией общественных порядков, восстановление власти свергнутого революцией класса. Но какое бы сопротивление ни оказывали революционным преобразованиям силы контрреволюции, требования закона социальной революции раньше или позже претворяются в жизнь.

Социальная революция представляет собой прежде всего историческую необходимость осуществления назревших общественных перемен. Ее суть в том, что эти перемены служат обязательным средством разрешения конфликта между производительными силами и производственными отношениями, существующего «объективно, вне нас, независимо от воли или поведения даже тех людей, деятельностью которых он создан»¹⁸. Разрешая конфликт между производительными силами и производственными отношениями и преодолевая все порождаемые этим конфликтом общественные противоречия, социальная революция становится способом перехода общества на новую ступень своего развития. По словам В. И. Ленина, она совершает ««прыжок» к новому общественному строю»¹⁹.

Без социальной революции ни одна общественно-экономическая формация не может занять место предшествующей формации. Вместе с тем социальные революции различных исторических эпох во многом непохожи, своеобразны, специфичны. Историческая необходимость заключается здесь в повторяемости общих, существенных черт, без которых нет единства исторического процесса, преемственности основных ступеней его развёртывания.

Повторяемость обнаруживается в социальных революциях в том, что коренная ломка старой формации всегда имеет свои истоки в обострении противоречия между производительными силами и производственными отношениями данного конкретного общества. Она дает о себе знать в особом характере деятельности людей, отличающейся от их деятельности в предреволюционные эпохи, состоит, наконец, в том, что именно коренные изменения общественного способа производства, экономического базиса неизбежно приводят к ломке и преобразованию всей надстройки общества.

Нельзя пройти мимо и такой существенной характеристики социальной революции, как удержание положительного, жизнеспособного в предшествующем развитии, включение его в новое

качество, новую формацию. Разрешая общественные противоречия, социальная революция дает простор для действия новых общественных сил, пробуждает новые материальные и духовные потребности людей, преобразует образ их жизни, открывает перспективу дальнейшего общественного прогресса. Разрушая, она созидает, возрождая целостность общественной жизни на более высокой основе.

В осуществлении требований закона социальной революции особую роль, о чем уже шла речь, играет революция политическая. Научному решению вопроса о месте политической революции в социальной предшествовало (если обратиться к истории общественной мысли) преодоление немалых теоретических трудностей²⁰. В домарксовском общественном сознании значительная часть буржуазных исследователей, абсолютизируя значение политического переворота, отождествляла политическую революцию с социальной. Раскрытие действительного соотношения политической и социальной (общественной) революции, состоящего в том, что политическая революция выступает важнейшим средством и условием коренного преобразования всех сторон общественной жизни,— особая заслуга основоположников марксизма-ленинизма. «Каждая революция разрушает *старое общество*, и постольку она *социальна*. Каждая революция низвергает *старую власть*, и постольку она имеет *политический* характер»²¹,— писал К. Маркс. «Всякий политический переворот,— отмечал В. И. Ленин,— если это не смена клика, есть социальная революция»²².

Закон социальной революции в самой сущности своей связан с законом классовой борьбы. В этом отношении любая социальная революция есть высший этап развития классовой, прежде всего политической, борьбы, дошедшей до наибольшего ожесточения²³. В ходе политической революции решается важнейший вопрос всякой революции — вопрос о власти²⁴. Только овладев государственной властью, революционный класс имеет возможность уничтожить старые и утвердить новые общественные порядки. Именно переход власти в руки революционного класса выступает в качестве важнейшего требования реализации всех задач и целей (включая экономические) социальной революции, представляя собой, подчеркивал В. И. Ленин, «первый,

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 119.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 211.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 49.

²⁰ См.: Селезнев М. А. Социальная революция..., с. 239—243; Блюм Р. Н. Понятия политической и социальной революции в домарксовской и марксистской общественной мысли.— В кн.: Проблемы теории социальной революции. М., 1976, с. 14; и др.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 448.

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 120.

²³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 184; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 366.

²⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 240; т. 31, с. 133.

главный, основной признак *революции* как в строго-научном, так и в практически-политическом значении этого понятия»²⁵.

Эпоха социальной революции создает особые условия для исторического творчества масс. Конечно, социально-преобразующая активность масс — явление, свойственное и эволюционным этапам развития. Она обнаруживается в различных формах классовой борьбы и социального движения. Однако в периоды эволюционного развития подобная активность носит в значительной мере эпизодический характер. Деятельность масс в эти периоды не может устранить экономического и социально-политического господства эксплуататорских классов, не говоря уже, естественно, о духовной их гегемонии. Лишь в эпоху революции социально-преобразующая активность становится основным содержанием деятельности масс, а сама такая деятельность приобретает невиданную доселе политическую сознательность и эффективность.

Кризис власти и вместе с тем активность масс — непосредственная объективная предпосылка социальной революции. Но эти и другие объективные признаки революционной ситуации²⁶ лишь тогда приводят к самой революции, когда к «объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного *класса* на революционные массовые действия ...»²⁷. Единство объективного и субъективного находит в социальной революции свое концентрированное выражение, ибо механизм действия закона социальной революции всегда предполагает наиболее развитую форму взаимодействия исторически конкретных объективных и субъективных факторов. Революции не делаются по заказу, они не могут быть предметом экспорта, как пытаются представить революционную борьбу масс идеологи современной буржуазии. Вместе с тем нельзя повернуть вспять мировой революционный процесс и путем экспорта контрреволюции. Существование отживших свой век реакционных режимов, какую бы поддержку извне они ни получали, не имеет исторической перспективы. Разъясняя позиции советских коммунистов по данному вопросу, XXVI съезд КПСС подчеркнул: «Мы против экспорта революции, но не можем согласиться и с экспортом контрреволюции»²⁸.

Каким же образом реализуется в истории закон социальной революции, каковы действительные революционные рубежи исторического процесса?

Чтобы разобраться в этих вопросах, необходимо отчетливо представить себе всю всемирно-историческую цепь социальных революций. Разумеется, речь должна идти здесь не об отдельной, конкретной социальной революции, совершавшейся в определенную историческую эпоху в определенной стране, а о многообразии сменяющих друг друга исторических типов социальной революции. Критерий выделения таких исторических типов установлен в марксистской литературе вполне четко и однозначно и в принципе не вызывает каких-либо разногласий.

Общепризнано, что основным показателем исторического типа социальной революции выступает утверждаемая ею общественно-экономическая формация. Революция, направленная на ликвидацию феодального и установление капиталистического строя, — антифеодальная, капиталистическая революция, революция, ломающая капиталистические порядки и утверждающая социалистический строй, — антикапиталистическая, социалистическая революция. Вместе с тем этот, казалось бы, вполне ясный вопрос связан с рядом познавательных трудностей.

Большая группа исследователей рассматривает социальную революцию в виде явления, присущего всем переходным периодам исторического развития, начиная с перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу. Соответственно выделяют четыре исторических типа социальной революции: переход от первобытнообщинного строя к рабовладельческому (или феодальному), от рабовладельческого — к феодальному, от него — к буржуазному и от этого последнего — к социалистическому²⁹.

В некоторых работах социальная революция признается лишь способом ликвидации антагонистических отношений (переход к классовому обществу, следовательно, революционным не считается)³⁰. Наконец, известное распространение получила и точка зрения, согласно которой социальная революция впервые становится возможной только в эпоху перехода от феодального способа производства к буржуазному. При таком подходе речь идет о двух исторических типах социальной революции: революции буржуазной и социалистической³¹.

Причины столь существенного расхождения во взглядах на историческую типологию социальной революции — явление, по нашему мнению, гносеологического порядка. Оно связано, по-видимому, с неадекватным истолкованием самого содержания понятия социальной революции.

Категория социальной революции глубоко диалектична. В ней фиксируются и объективные социальные перемены (то, что

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 133.

²⁶ См.: Там же, т. 26, с. 218.

²⁷ Там же, с. 219.

²⁸ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 13.

²⁹ См.: Ковалев А. М. Социальная революция. М., 1969, с. 39, 40; Денисов А. И. Социалистическая революция и политическая организация общества. М., 1971, с. 66—67; Крапивенский С. Э. К анализу категории «социальная революция». Волгоград, 1971, с. 111—118; Жуков Е. М. Методологические проблемы теории общественно-экономических формаций. — В кн.: Общественно-экономические формации: Проблемы теории. М., 1978, с. 46, 47; и др.

³⁰ См.: Даниленко Д. И. Социальная революция. М., 1964, с. 6, 10; Проблемы теории социальной революции. М., 1976, с. 5; и др.

³¹ См.: Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969, с. 215, 294 и др.; Марксистско-ленинская философия и современный общественный прогресс. М., 1969, с. 233—235; Якушевский И. Т. Революция и современность. М., 1977, с. 104. Подобная точка зрения на типологию социальной революции была подробно изложена еще К. Каутским. См.: Каутский К. Социальная революция. Пг., 1918, с. 11, 12, 16, 37—38.

В. И. Ленин в первую очередь называл материальным исходом революционной борьбы³²⁾, и способы, формы, характер деятельности людей, посредством которой эти перемены совершаются. Отмечая необходимость учета объективных и субъективных моментов исторического процесса, отражаемых категорией социальной революции, В. И. Ленин писал: «Чтобы оценить революцию действительно по-марксистски, с точки зрения диалектического материализма, надо оценить ее, как борьбу живых общественных сил, поставленных в такие-то объективные условия, действующих так-то и применяющих с большим или меньшим успехом такие-то формы борьбы»³³⁾.

Конечно, в реальном историческом движении объективное и субъективное неотделимы друг от друга, они существуют в виде двух взаимосвязанных сторон единого исторического процесса. Однако в научном анализе при определенных обстоятельствах возможно, а иногда и попросту необходимо преимущественное внимание исследователя к одной из этих сторон. Так, классики марксизма-ленинизма в своих работах не раз прибегали к подобному методологическому приему. К. Маркс и Ф. Энгельс, решая задачу выработки и утверждения основ материалистического понимания истории, делали упор прежде всего на анализ объективных условий и объективных факторов революционного процесса. В. И. Ленин, творивший в эпоху резкого обострения противоречий капитализма на высшей стадии его развития — империализме, акцентировал внимание на закономерностях подготовки, вызревания и роли субъективного фактора социалистической революции³⁴⁾.

Само собой разумеется, что подобный подход требует непрерывного «удержания» в мысли единства объективного и субъективного, постоянной фиксации их взаимосвязи и взаимодействия, словом, самого последовательного диалектического уровня мышления. В трудах классиков марксизма-ленинизма мы видим высокие образцы такого подлинно диалектического учета взаимосвязи объективного и субъективного в историческом развитии, в том числе и применительно к социальной революции. К сожалению, во многих современных работах о социальной революции единство объективного и субъективного нарушается волей или невольной абсолютизацией одного из его аспектов и «замещением» им всего многообразного содержания социальной революции. Чаще всего это выражается в отождествлении революции с особым способом осуществления революции, с теми или иными ее формами. Беря, например, в качестве «образца» социальной революции ее зрелые типы — буржуазную и социалистическую революции — и не находя специфических для них черт на ранних этапах истории, некоторые авторы делают вывод об отсутствии социальной революции в общественном развитии докапиталистической эпохи.

Социальная революция определенного исторического типа всегда есть единство общего и особенного. Общее применительно к любой социальной революции заключается преимущественно в тех объективных тенденциях, которые выражают необходимость

ломки старых общественных отношений, замены их новыми, более прогрессивными. Представляя собой самую глубокую сущность всякого перехода от одной общественно-экономической формации к другой, общее состоит здесь в коренном качественном изменении общественных отношений, объективным результатом чего выступает утверждение более прогрессивного формационного способа производства. Особенное же непосредственно связано со способами, формами деятельности масс, классов данной революционной эпохи. В действительной истории смена формаций осуществляется по-разному, путями, которые предстают перед исследователем в виде особых способов совершения социальной революции, обусловленных теми или иными историческими условиями конкретной ступени исторического процесса.

Важность теоретического различения в социальной революции общего и особенного, сущности и форм ее проявления не подлежит сомнению. Достаточно вспомнить, в частности, знаменитое высказывание К. Маркса о том, что «если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня...»³⁵. В понятии социальной революции отражается самая глубокая сущность данного исторического феномена, которая, конечно, далеко не во всем совпадает, да и не может совпадать с реальной формой его бытия и исторического проявления. По справедливому замечанию Е. Н. Лысманкина, «адекватное отображение общественной жизни в теории означает точное выражение ее *объективной сущности*, но не всего многообразия исторических фактов действительности»³⁶.

Между тем в ряде работ о социальной революции сама сущность перехода от одной формации к другой как революционного процесса нередко оказывается в тени. На первый план выдвигаются реальные структуры данного перехода, что создает предпосылки для обнаружения не общего, а скорее особенного для выявления специфических черт конкретного исторического типа социальной революции. В итоге общие, сущностные признаки революции как «растворяются» в реальности, исчезают и вместе с ними исчезает представление о переходе от одной общественно-экономической формации к другой как законе социальной революции. Нельзя не учитывать здесь и идеологического аспекта проблемы.

Теоретики современной реакционной буржуазии, отвергая саму мысль о революционном преобразовании капиталистического общества, нередко ставят под сомнение и объективную необхо-

³² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 42.

³³ Там же, т. 17, с. 43.

³⁴ См.: Красин Ю. А. Ленин как теоретик социальной революции современности.— Рабочий класс и современный мир, 1980, № 1, с. 35.

³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 384.

³⁶ Лысманкин Е. Н. Соотношение теории общественно-экономических формаций и реального исторического процесса.— Филос. науки, 1980, № 3, с. 97.

димось революции при переходе от феодализма к капитализму. В качестве аргумента, якобы доказывающего необязательность буржуазных революций, они используют тот факт, что в некоторых европейских странах, ставших в свое время на путь капиталистического развития, не произошло ни одной революции, хоть бы отдаленно напоминающей французскую революцию конца XVIII в. Данный факт, утверждают они, показывает, что если и случались в истории буржуазные революции, то исключительно в силу неразумия феодальных правителей, монархов. Там же, где у власти находились дальновидные политические деятели, все ограничивалось эволюционными изменениями. Не революция, а эволюция, заключают они, есть закономерность перехода от феодального строя к капиталистическому³⁷.

Рассматриваемые «выводы» буржуазных идеологов рассеиваются в прах при сравнительном анализе революционной борьбы европейских и неевропейских народов эпохи перехода от феодальной формации к капиталистической. Подобный анализ убедительно свидетельствует о том, что буржуазные революции — непреломный закон превращения феодальной общественно-экономической формации в капиталистическую. Многообразие же исторического процесса состоит здесь в другом: в одном случае, как это было во Франции, буржуазная революция выступает преимущественно в форме концентрированного во времени удара по феодальным экономическим, социальным, политическим и идеологическим порядкам, в другом, например в Германии, Японии, Италии, Испании, она по большей части приобретает черты рассредоточенных во времени социальных преобразований.

Важное значение для характеристики социальных революций имеют выработанные марксизмом-ленинизмом понятия революции в узком и широком смысле слова. Первым обозначаются конкретные революции, взятые в виде отдельных исторических событий, строго локализованных во времени и пространстве. Второе используется для обозначения серии различного рода классовых битв (революции «снизу» и «сверху», народные и верхушечные революции, реформы и государственные перевороты), следующие друг за другом в разной последовательности с разными промежутками во времени и обеспечивающие в конечном итоге революционные изменения всей жизни общества. Исходя из этого, В. И. Ленин, в частности, рассматривал буржуазную революцию в широком смысле как «завершение» ее, т. е. устранение самой почвы, способной родить буржуазную революцию, завершение *всего цикла буржуазных революций*³⁸.

В свете различия между революцией в узком и широком смысле слова представляется неточным утверждение, будто в европейских странах в XIX в. появилась «возможность не революционно, а эволюционного развития капитализма, не революционного свержения абсолютизма, а его медленной эволюции к буржуазно-конституционной монархии»³⁹. Содержание буржуазной революции в широком смысле слова в любом случае нельзя отождеств-

лять с тем, каким образом разрешаются ее отдельные задачи. В силу объективных и субъективных условий классовой борьбы революционный натиск не всегда превращается в полнокровную революцию «снизу», в ходе которой осуществляется радикальная и относительно быстрая смена старого строя новым. Нередко историческую инициативу на какой-то момент перехватывает господствующий класс, борьба за власть вовлекается в рамки политических компромиссов, лавирования, проведения половинчатых реформ. Оценивая подобную ситуацию, сложившуюся в Европе в 50—60-е годы XIX в., Ф. Энгельс писал: «Период революций снизу на время закончился; последовал период революций сверху»⁴⁰.

Изучение социальной революции всегда требует от исследователя ответа на ряд принципиальных вопросов. Во-первых, изменяется ли и как, в пользу какого класса система власти? Во-вторых, разрешается ли конфликт между производительными силами и производственными отношениями, утверждаются ли в качестве господствующих новые производственные отношения и новый общественный способ производства? В-третьих, совершается ли переворот в социальной структуре общества? В-четвертых, имеются ли существенные сдвиги в сфере духовной жизни (возникновение нового типа идеологии, духовной культуры и др.)? В-пятых, обнаружил ли себя особый способ деятельности масс — их революционная активность?

Наличие подобных общественных перемен и означает социальную революцию — коренной переворот в жизни общества независимо от того, в каких конкретно-исторических формах он осуществлялся. Своеобразие таких форм не должно заслонять главного, существа процессов прогрессивной смены общественно-экономических формаций.

Воспроизведение в теории всей цепи социальных революций всемирной истории вполне обоснованно начинать с перехода от первобытнообщинного строя к антагонистическому обществу — «вторичной формации»⁴¹ в лице рабовладения или феодализма. Далее следует такой социальный переворот, каким стал переход от рабовладения к феодализму в тех странах, которые прошли особую стадию рабовладельческого развития. Последующее историческое движение имеет дело с капиталистической и социалистической революциями. Каждый из названных исторических ти-

³⁷ Подробнее об этом см.: *Адо А. В.* Французская буржуазная революция конца XVIII в. и ее современные критики. — *Новая и новейшая история*, 1981, № 3, с. 43—63.

³⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 246—247.

³⁹ *Чистозвонов А. И.* К вопросу о стадийно-региональном методе сравнительно-исторического изучения буржуазных революций XVI—XVIII вв. в Европе. — В кн.: *Проблемы социально-экономических формаций: Историко-типологические исследования*. М., 1975, с. 206.

⁴⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 22, с. 536

⁴¹ См.: Там же, т. 19, с. 419.

пов социальной революции имеет свои особые движущие силы, задачи, способы и формы их осуществления. В этом отношении типология революций проводится и по главному субъекту революционных действий (буржуазная, пролетарская) — классу, который в силу своего объективного положения в исторически определенной системе общественного производства заинтересован не переделывать, обновлять, совершенствовать старый строй, а ломать его, по словам В. И. Ленина, «в самом основном и коренном» ⁴².

По мере развертывания исторического процесса закон социальной революции конкретизирует свое содержание все новыми специфическими чертами, достигая наиболее развитого состояния в революции социалистической — последней, по словам К. Маркса, форме политической революции ⁴³.

Социальные революции неотделимы от формационных ступеней исторического процесса. Однако применительно к развитию отдельных стран и народов возможно минование одной (рабовладение), двух (рабовладение и капитализм) и даже всех антагонистических формаций, примером чего может служить развитие некоторых северных народов нашей страны. Путь, пройденный всем человечеством, отнюдь не тождествен пути отдельных стран и народов. В то же время на этом пути есть две особые всемирно-исторические ступени. Так же как в прошлом все страны и народы прошли первобытнообщинную стадию развития, так в современную эпоху всеобщий процесс есть движение человечества к социализму и коммунизму.

Среди революционных рубежей исторического процесса социальная революция современности занимает особое место. Ее стержень составляет главное противоречие нашей эпохи — противоречие между реальным социализмом и империализмом, дополненное и углубленное многочисленными антагонизмами, порожденными самим империализмом. Существенным моментом современности служит то обстоятельство, что ведущей тенденцией всех включенных в мировой процесс революционных сил выступает в конечном счете формирование объективных и субъективных предпосылок победы социалистической революции — строительства социализма и коммунизма.

⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 222.

⁴³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 185.

СТИХИЙНОСТЬ И ПЛАНОМЕРНОСТЬ

1. Стихийная и планомерная формы исторического процесса

В эпоху социальной революции стихийная форма деятельности классов и масс уступает место их сознательному историческому творчеству. Единство и многообразие исторического процесса обнаруживают себя в эти эпохи в определенном совпадении целей и результатов социального движения, ломке старых и утверждении новых общественных отношений, коренном преобразовании всех сфер общественной жизни. Но обуздание господства стихийности в развитии общества далеко не всюду и не всегда зависит лишь от сознательности людей. Генезис стихийности не сводится к состоянию их общественного сознания, субъективной стороне исторического процесса.

К. Маркс и Ф. Энгельс, опираясь на философские концепции своего времени, истоки которых уходят в века античности, трактовали стихийность (стихию) как неконтролируемые человеком силы природы и общества. Вместе с тем уже в ранних своих трудах они шли дальше: соподчиняли стихийность в развитии общества с отчуждением человека, частной собственностью и частными интересами. «...Разделение труда,— писали они,— дает нам также и первый пример того, что пока люди находятся в стихийно сложившемся обществе, пока, следовательно, существует разрыв между частным и общим интересом, пока, следовательно, разделение деятельности совершается не добровольно, а стихийно,— собственная деятельность человека становится для него чуждой, противостоящей ему силой, которая угнетает его, вместо того чтобы он господствовал над ней»¹.

Разрыв между частным и общим интересами, на что особо обращают внимание К. Маркс и Ф. Энгельс,— одна из характеристик причин стихийности общественного развития. Охватывая в определенной мере частные (групповые и индивидуальные) интересы, общие интересы объективно существуют в исторической действительности, выражая общественные, прежде всего экономические, связи социально-исторических общностей людей и общества в целом. Они неотделимы от таких социальных образований, превращая в классовом обществе деятельность людей в деятельность общественных классов.

С этой точки зрения осознание людьми своих частных и даже ближайших общих интересов не организует класс в самостоятель-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 31.

ную политическую силу. Только осознание коренных общих интересов превращает класс «в себе» в класс «для себя», знаменуя переход от стихийности его социального движения к сознательности и организованности. В развитии общества частное в конечном счете объективно подчинено общему. В то же время подобное подчинение не исключает противоречия между частным и общим.

Частная собственность неизбежно порождает не только противоположность коренных интересов классов эксплуататоров и эксплуатируемых, но и частных и общих интересов собственников. Частные интересы собственников открыто сталкиваются с их общими интересами. Частные интересы конкуренции и монополии на мировом капиталистическом рынке, например, неизбежно отодвигают общие интересы буржуазии на задний план. Те и другие интересы совпадают лишь в одном — в борьбе за сохранение капиталистического строя. Все это ведет и не может не вести к стихийности экономических процессов, носителем которых является класс частных собственников.

Выясняя историческую миссию пролетариата, К. Маркс и Ф. Энгельс видели пути утверждения его самостоятельности в том, чтобы посредством революции, с одной стороны, низвергнуть власть старого способа производства и старой структуры общества, а с другой — развить свой универсальный характер, осуществить присвоение средств производства и сбросить с себя все то, что осталось от прежнего общественного положения. «Только на этой ступени, — указывали они, — самостоятельность совпадает с материальной жизнью, что соответствует развитию индивидов в целостных индивидов и устранению всякой стихийности»².

Преодоление стихийности общественного развития необходимо предполагает утверждение сознательности в деятельности людей, классов, масс. Исследуя диалектику стихийного и сознательного применительно к становлению революционного рабочего движения в России, В. И. Ленин обращал внимание на то, что сама стихийность есть зачаточная форма сознательности. Развитие капитализма создает объективные предпосылки (крупное машинное производство) самостоятельного политического движения трудящихся масс — пролетариата. Вместе с тем стихийность сама по себе ведет лишь к тред-юнионистской идеологии (убеждению в необходимости объединяться в профессиональные союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания законов в пользу рабочих и т. п.). Рабочее движение становится политическим движением в полном смысле слова лишь тогда, когда соединяется с коммунистической (социалистической) идеологией. Коммунистическая же идеология возникает не из стихийного рабочего движения, а из науки — философских, исторических и других теорий, разрабатываемых представителями передовой интеллигенции. Соединить рабочее движение с научным коммунизмом — задача революционной марксистской партии³.

Выясняя различные аспекты стихийности (стихийного), основоположники марксизма-ленинизма выделяли и такие его свой-

ства, как бессознательность⁴. Однако бессознательность стихийного процесса, взятого в виде целого, не исключает сознательных действий включенных в него общественных индивидов и отдельных групп, целеполагания их деятельности⁵. Поэтому стихийное — отнюдь не тождественно объективному⁶. В отличие от стихийности сознательность предполагает целеполагающее начало, представляющее целостность соответствующего процесса. Оно невозможно без осознания закономерности и тенденций общественного развития, неотделимо от целеполагания на этой основе деятельности классов и масс. Не случайно в философской литературе подчеркивается, что сознательность — особый «духовный элемент исторического процесса», «высший тип духовной организации общества»⁷.

Сознательность — необходимое условие подчинения развития общества единому плану, общим интересам. В то же время для решения указанной задачи одной сознательности часто бывает недостаточно. И тогда, когда люди понимают причины и отрицательные последствия стихийности, они в определенных исторических условиях не в состоянии ее преодолеть. Стихийность может оставаться стихийностью независимо от степени сознания людей, осознания ими исторической действительности, законов ее функционирования и развития. Так, прогнозирование кризисных явлений в капиталистической экономике ни в коей мере не изменяет стихийной природы этих явлений. Стихийность в буквальном смысле слова навязывается здесь обществу. «Даже исчерпывающее познание экономических законов капитализма,— справедливо отмечает Г. Е. Глезерман,— не может устранить стихийности их действия»⁸. В силу указанных причин категории стихийности и сознательности не выступают такими же контрарными, как категории содержания и формы, сущности и явления и т. п.⁹

Безоговорочное противопоставление стихийности и сознательности применительно к историческому процессу в целом, т. е. единству его объективной и субъективной сторон, создает и познавательные трудности другого порядка. Сознательность неотделима от сознания, является его свойством. В рассматриваемом же противопоставлении стихийности она вольно или невольно интерпретируется в виде чего-то существующего в историческом процессе

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 68.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 29—30, 40.

⁴ См.: Там же, с. 44.

⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 37, с. 396.

⁶ Историю вопроса и аспекты его рассмотрения см.: Камынин И. И. Методологические проблемы сознательного и стихийного при социализме. Ростов н/Д, 1971, с. 74—76.

⁷ Демидов А. И. Категории стихийности и сознательности. Саратов, 1978, с. 105, 134—135.

⁸ Глезерман Г. Е. Исторический материализм и развитие социалистического общества. М., 1973, с. 58.

⁹ См.: Сирин А. Д. Специфика законов общества и их роль в регулировании общественных процессов. Томск, 1979, с. 133.

помимо сознания людей, что так или иначе придает сознанию некое субстанциональное бытие, ведет к смешению объективного и субъективного. Конечно, сопоставление стихийности и сознательности имеет свои основания. Оно необходимо, например, при изучении состояния рабочего движения. Однако применительно к историческому процессу в целом эти категории нельзя считать соотносительными, парными.

При изучении общественного развития стихийность с большим основанием противопоставляется планомерности. Классики марксизма-ленинизма не выделяли планомерность (планомерное) в качестве особой социально-философской категории. Соответственно и в специальной философской литературе планомерность чаще всего или просто отождествляется с сознательностью, или трактуется в виде момента, формы, способа выражения сознательности¹⁰. Вместе с тем классики марксизма-ленинизма далеко не всегда отождествляли планомерность с сознательностью. Нельзя, видимо, считать случайным, что Ф. Энгельс¹¹, а затем В. И. Ленин¹² пользовались именно термином «планомерность» при характеристике хозяйственной деятельности капиталистических монополий. Есть и прямые высказывания В. И. Ленина, где понятие планомерности перечисляется в одном ряду с понятием сознательности отнюдь не в виде его синонима. «...Революционные периоды,— отмечал он, в частности,— отличаются большей широтой, большим богатством, большей сознательностью, большей планомерностью, большей систематичностью, большей смелостью и яркостью исторического творчества по сравнению с периодами мещанского, кадетского, реформистского прогресса»¹³.

Конституирование планомерности как особой социально-философской категории — проблема наших дней. Во всей полноте она возникла тогда, когда реальный социализм обрел черты зрелого социалистического общества. Отсюда и явно обозначившаяся тенденция все более широкого использования понятия планомерности в философских и экономических исследованиях. «...Планомерность,— пишет, например, Л. И. Абалкин,— представляет собой антипод стихийности, противопоставит ей как исторически более прогрессивный способ ведения хозяйства, адекватный современным производительным силам и порожденному ими гигантскому обобществлению производства»¹⁴.

Соотношение стихийности и планомерности в истории общества можно представить следующим образом. Если объективное и субъективное в виде сторон исторического процесса выражают связь предметного содержания практической деятельности с ее целеполаганием¹⁵, то стихийность и планомерность — связь предметного содержания такой деятельности и ее целеполагания с достигнутым результатом. В соответствии с объективной стороной стихийность в истории общества характеризует многозначность связи практической деятельности и результата этой деятельности, планомерность — однозначность подобной связи. В соответствии с субъективной стороной стихийность характеризуется осо-

знанием ближайших результатов движения, а плановость — осознанием, наряду с ближайшими результатами, перспективных и отдаленных. В данном случае плановость и выступает, по нашему мнению, как сознательность в достижении цели. Плановость при таком подходе включает и целеполагание деятельности (субъективная сторона), и осуществление деятельности, и ее реальные итоги (объективная сторона); сознательность же — только целеполагание деятельности, т. е. только субъективную сторону. Чем выше при социализме сознательность людей, тем эффективнее и плановее сама их практическая деятельность.

Приведенная характеристика стихийности и плановости не ставит под сомнение то, что общественные законы в силу самой своей природы всегда проявляются через деятельность масс, а общественные процессы — массовые процессы, в которых общий результат не исключает многозначности связи с деятельностью отдельных индивидов и групп. Дифференциация стихийной и плановой форм общественных процессов имеет место тогда, когда субъектом соответствующей деятельности наряду с отдельными индивидами и группами индивидов становятся общественные классы и общество в целом. Только применительно к деятельности классов и общества в целом и можно говорить о самостоятельном значении однозначных связей и соответственно выделять в общественной жизни многозначный (статистический) и однозначный (динамический) механизм действия общественных законов. В докоммунистических общественно-экономических формациях, если абстрагироваться от эпох социальных революций, господствовала стихийная форма общественного развития. В условиях коммунистической формации определяющая роль принадлежит плановой форме.

Важно отметить, что с гносеологической точки зрения различие между плановостью и стихийностью не в возможности или невозможности прогнозирования результатов развития, а в степени точности прогнозирования. Результат планового можно прогнозировать относительно полно, всесторонне; стихийного — в виде вероятности. В связи с этим плановость

¹⁰ См.: Бугреев А. Н. К анализу категорий исторического материализма «стихийность» и «сознательность». — Филос. науки, 1976, № 2.

¹¹ «Если мы от акционерных обществ переходим к трестам, которые подчиняют себе и монополизуют целые отрасли промышленности, то тут прекращается не только частное производство, но и отсутствие плановости» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 234).

¹² «Введение плановости не избавляет рабочих от того, что они — рабы, а капиталисты берут прибыль более «планово». Сейчас мы имеем прямое перерастание капитализма в высшую плановую форму его» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 444).

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 390.

¹⁴ Абалкин Л. И. Диалектика социалистической экономики. М., 1981, с. 90.

¹⁵ См.: Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: действительность, материальная основа, первичное и вторичное. М., 1981, с. 95.

нельзя отождествлять с планированием, представляющим собой форму познания и практического использования как планомерного, так и стихийного. В качестве своеобразного итога познания исторической необходимости планомерного развития общества планирование включается в реальный исторический процесс в виде его субъективной стороны.

Конечно, планирование развития той или другой сферы общественной жизни обязательно предполагает общество в качестве субъекта планируемых отношений — наличие однозначных связей между деятельностью и результатом деятельности, утверждаемыми общественными связями. Поскольку же субъектами общественных отношений одновременно выступают и отдельные индивиды и группы, планирование должно учитывать и многозначные связи. Общественное планирование экономики требует, например, учета многозначных связей движения народонаселения, динамики непроизводительного потребления, роста личных потребностей и т. п.

Принимая во внимание сложность данной проблемы развития зрелого социалистического общества, КПСС в своих директивных документах подчеркивает важность раздвинуть горизонты экономического планирования, в частности опираться «на всесторонний анализ и оценку различных вариантов решений, их непосредственных и долгосрочных последствий»¹⁶. Отмеченная постановка вопроса нашла свое конкретное воплощение в одобренном XXV и XXVI съездами КПСС программно-целевом методе планирования, сочетающем в себе отраслевые и территориальные принципы разработки и осуществления долгосрочных комплексных программ по наиболее важным научно-техническим, экономическим и социальным проблемам.

Планомерность всегда имела место в функционировании институтов надстройки — деятельности государства, партии, политике. В порядке обратного воздействия вторичного уровня общественной жизни на первичный она придавала определенные тенденции и стихийному движению в области материальных общественных отношений, не изменяя, разумеется, его природы. Чем дальше удалялись люди от животного образа существования и, следовательно, чем больше они могли уделять внимания не только ближайшим, но и отдаленным интересам, тем значительнее становился удельный вес планомерной формы движения, тем меньше оказывали влияние на историю неконтролируемые силы. Полная зависимость человека от природы шаг за шагом сменяется познанием и определенным подчинением ее стихийных сил. Последняя антагонистическая общественно-экономическая формация — капитализм — характеризуется сравнительно высоким уровнем господства человека над природой. Однако при капитализме над человеком по-прежнему господствуют стихийные силы общественного развития.

Если отвлечься от внешних факторов, то господство стихийности в развитии общества возникает как следствие товарного про-

изводства. В отличие от предшествующих эпох товарного производства капитализм ограничивает прежнее стихийное разделение труда, когда, например, крестьянин продавал ремесленнику земледельческие продукты и покупал у него ремесленные изделия, введением планомерности, но планомерности только в рамках отдельного предприятия. Подобная организация экономической жизни не устраняет, а еще больше обостряет анархию общественно-го производства. Планомерность сама составляет лишь момент стихийности, всецело подчиняется игре случая и произвола в распределении средств производства и рабочей силы между различными отраслями общественного труда. «... Основной организующей силой анархически построенного капиталистического общества,— писал В. И. Ленин,— является стихийно растущий вширь и вглубь рынок, национальный и интернациональный»¹⁷.

Историческое событие так или иначе есть в таких условиях итог бесконечного количества перекрещивающихся сил (параллелограммов сил), выступающих в качестве некой бессознательно и невольно действующей статистически средней величины. Случайность безгранично господствует на поверхности общественной жизни, историческая же необходимость всякий раз прокладывает себе путь сквозь массу случайных явлений. Вся история, как она шла в прошлые эпохи, протекала подобным образом и подчинялась в сущности тем же законам движения, что и природа. Люди сами творили свою историю, но творили, во-первых, при весьма определенных предпосылках и условиях, среди которых экономические в конечном счете были решающими, во-вторых, так, что результат получался от столкновения множества отдельных стремлений и поступков¹⁸.

При капитализме стихийная форма исторического процесса приобретает особенно разрушительный и опасный для общества характер. Люди живут в постоянном страхе потерять работу, разориться, стать игрушкой в руках монополий, военщины и т. д. Существует огромное несоответствие между поставленными целями и достигнутыми результатами, в деятельности людей сплошь и рядом преобладают непредвиденные обстоятельства, неконтролируемые силы остаются гораздо могущественнее сил, приводимых в движение планомерно. Не в состоянии обуздать экономические потрясения и кризисные явления (на что уже обращалось внимание) и современное государственно-монополистическое регулирование экономики. Общественно-историческая практика убедительно подтверждает слова В. И. Ленина: «Полной планомерности, конечно, тресты не давали, не дают до сих пор и не могут дать»¹⁹. Все это будет продолжаться до тех пор, пока экономическая жизнь общества подчиняется стихийной форме движения.

¹⁶ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 67.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 171.

¹⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 37, с. 395—396.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 68.

Путь к планомерной организации производства в масштабах всего общества один — замена частной собственности на средства производства общественной собственностью. Общество превращается, таким образом, в субъект экономической жизни. «И только с этого момента, — отмечал Ф. Энгельс, — люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают»²⁰.

Своеобразной рефлексией буржуазного общественного сознания на изменение соотношения сил на международной арене в пользу социализма выступают в настоящее время концепции «модернизации» современного капитализма. Не последнее место в этих концепциях занимает проблема планомерности развития экономики. На страницах буржуазных изданий можно столкнуться с призывом модифицировать рынок через планирование. Полностью игнорируя отношения собственности на средства производства, ряд влиятельных буржуазных социологов и экономистов считают достаточным условием планирования экономики наличие крупного производства и передовой техники, создаваемых монополиями. Замена стихийности планомерностью связывается ими в этой ситуации лишь с субъективной стороной исторического процесса — преодолением предвзятого отношения к плану, усвоением, по словам известного американского экономиста и социолога Дж. Гэлбрейта, той истины, что «врагом рынка является не идеология, а инженер»²¹.

Вряд ли надо доказывать утопизм подобных рассуждений. Отметим иное. Наряду с призывом ограничить рыночную стихию среди буржуазных специалистов по организации управления производством по-прежнему раздаются голоса в ее защиту. Даже осуществимые при капитализме меры встречают с их стороны самое резкое осуждение. Объявляя «экономический децентрализм» единственно возможным принципом организации производства, сторонники данной концепции усматривают суть «философии менеджмента» в строгом сохранении кардинальных институтов частной собственности и, следовательно, стихии «свободного рынка»²².

Планомерность — специфический закон функционирования и развития коммунистической общественно-экономической формации. В его основе лежит общественная (общенародная) собственность на средства производства. «Именно эта собственность, — пишет В. Г. Афанасьев, — вызывает к жизни согласованное развитие народного хозяйства, всего общества как единой целостной системы, обеспечивает поддержание соответствующей потребностям общества пропорциональности между различными отраслями производства, различными сферами общественной жизни, различными компонентами каждой из сфер»²³. Но, как хорошо известно, общественные законы всегда и всюду проявляются через деятельность людей. Поэтому общественная собственность на средства производства сама по себе создает лишь

возможность планомерной формы исторического процесса. Такая возможность превращается в действительность тогда, когда люди осознают требования закона планомерного движения и согласуют целеполагания своей деятельности с его требованиями.

В области материальных (экономических) общественных отношений форма движения непосредственно обусловлена состоянием объективной и субъективной сторон этого движения. Независимо от степени сознательности и организованности субъектов экономической жизни движение стихийно, если нет соответствующих объективных условий — общественной собственности на средства производства, и, наоборот, наличие общественной собственности без соответствующей сознательности и организованности еще не гарантирует планомерности развития. Любой субъективизм в руководстве экономикой ведет при социализме к диспропорциям в распределении средств производства и общественного труда, порождает через неправильно ориентированную деятельность людей общественные связи, вызывающие к жизни отрицательные для общества тенденции и элементы стихийности. Планомерность развития материальных общественных отношений обязательно предполагает в качестве субъективной стороны целеполагание (руководство), опирающееся на научные знания. Не случайно утверждение основных направлений развития народного хозяйства всегда являлось в нашей стране компетенцией высшего партийного органа — съезда партии.

В области идеологических отношений форма движения обусловлена его объективной стороной не непосредственно, а косвенно, через состояние субъективной стороны. Движение планомерно, если субъекты движения обладают определенной степенью сознательности и организованности. Уже отмечалось, что рабочее движение становится политическим в полном смысле слова тогда, когда соединяется с коммунистической (социалистической) идеологией. Объективная сторона политической борьбы рабочего класса при капитализме — результат стихийного, субъективная сторона — планомерного движения. С победой социализма, с переходом на идейно-политические позиции рабочего класса всех слоев населения коммунистическая идеология развивается в идеологию всего общества, планомерность утверждается в области и материальных общественных и идеологических отношений. В деятельности масс обратное воздействие вторичных элементов общественной жизни на первичные приобретает творчески активный, направленный характер.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 295.

²¹ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969, с. 70—71.

²² Идеологические функции буржуазных теорий организации управления производством детально исследованы в кн.: Гвишиани Д. М. Организация и управление. М., 1972.

²³ Афанасьев В. Г. Дialeктика социализма: управление и планирование. — Вopr. философии, 1979, № 6, с. 36.

Зарождаясь в процессе социалистического строительства в виде закона экономического развития, плановность выходит за рамки экономической сферы общества, создавая объективные условия научного планирования общественного развития в целом. В этой связи закон плановности выступает «не только как экономический, но и как социологический закон, действующий во всех сферах общественной жизни»²⁴. Начиная с разработки первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, практика социалистического планирования сразу же охватила собой и экономическую и социальную жизнь общества. В Постановлении ЦК КПСС «О 50-й годовщине первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР» подчеркивается: «Это был первый комплексный план, в котором дано научное обоснование темпов и пропорций экономического и социального развития страны»²⁵.

На этапе зрелого социализма завершается формирование закона плановности в качестве социологического общественного закона. Значение плановности — определяющей формы развития коммунистической общественно-экономической формации — в полной мере обнаруживает себя наряду с экономической и социальной также и в политической и духовной сферах. В политической сфере своеобразной базой действия закона плановности выступает закрепленное Конституцией СССР дальнейшее развертывание социалистической демократии в виде основного направления развития политической системы социализма. В духовной сфере оно находит свое концентрированное выражение в требовании «расширять возможности для гармоничной духовной жизни людей»²⁶.

Но закон плановности в силу своей социологической природы — не просто закон функционирования и развития отдельных сфер общественной жизни. Он выражает собой целостность общественной жизни, соответствие, ритмичность функционирования и развития всех ее сфер в их единстве. В условиях развитого социализма особое значение приобретает соответствие между материальной (экономической) и духовной жизнью общества. Чем дальше движется социалистическое общество по пути коммунистического строительства, чем сильнее становится его экономика и обеспечение жизни людей, тем большее значение приобретают вопросы идеологической работы. Подходя к экономическим задачам с широких социальных позиций, Коммунистическая партия неразрывно связывает их практическое решение с усилением идеологической, политико-воспитательной работы. Единство экономики и воспитания трудящихся — важнейшее требование коммунистического строительства.

На этапе зрелого социализма плановность становится не только особым законом функционирования и развития общества, но и условием реализации требований всех других общественных законов. Известно, что процесс развития необходимости есть процесс превращения ее из возможности в действительность. Отсюда

и требования закона, выражая его необходимость, также представляют собой переход возможности в действительность. Поскольку в общественной жизни такой переход осуществляется через целеполагающую деятельность людей, постольку в истории общества нет и не может быть фатальной обусловленности событий. Здесь-то развитой социализм и открывает новые перспективы. Превратившись в определяющую форму исторического процесса, планомерность (соответственно ориентируя деятельность масс) позволяет наиболее рационально превращать возможности назревших перемен в действительность и, следовательно, управлять процессом реализации требований общественных законов.

2. Способы реализации планомерности в развитии социалистического общества

Одним из выражений планомерности в историческом процессе выступает сознательно поддерживаемая через планирование и управление согласованность развития различных сфер общественной жизни. Стихийность в налаживании такой согласованности становилась в истории одной из причин, порождающих неравномерность общественного развития. Особенно остро эта неравномерность обнаруживает себя в развитии капиталистического общества на его последней, империалистической, фазе. Неравномерность общественного развития достигает здесь своего высшего уровня, критической точки, принимает катастрофический характер, сопровождаясь небывалой в истории остротой антагонистических противоречий и социальных конфликтов. Закон неравномерности экономического и политического развития капитализма на этой стадии обретает небывалую ранее всеобщность, силу и неотвратимость действия.

В процессе перехода человечества к социализму и коммунизму интенсивность неравномерности общественного развития уменьшается, а интенсивность равномерности увеличивается. Вместе с укреплением и развитием мировой социалистической системы происходит выравнивание уровней общественного развития отдельных социалистических стран. Преодоление противоположностей и социальных различий между городом и деревней, физическим и умственным трудом, ликвидация классовых антагонизмов, складывание и упрочение социальной однородности общества, сближение и расцвет наций и народностей, решение задачи выравнивания культурного и жизненного уровня различных групп населения и т. д. — все это проявление тенденции к равно-

²⁴ *Афанасьев В. Г.* Диалектика социализма: управление и планирование. — *Вопр. философии*, 1979, № 6, с. 40.

²⁵ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1981, т. 13, с. 335.

²⁶ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 137.

мерному развитию структурных образований социалистического общества.

В то же время полной (абсолютной) равномерности общественного развития не может быть ни на какой стадии исторического процесса. По крайней мере в тех или иных конкретных условиях развития социалистического общества возникает необходимость концентрации усилий и энергии на решении наиболее жизненно важных проблем, что, в свою очередь, становится своеобразной задачей «внедрения неравномерности». Более эффективные средства решения назревших проблем должны развиваться быстрее, чем менее эффективные. Существует градация полезности процессов. Поэтому такие процессы стимулируются не «равномерно», а соответственно их значимости для общественного прогресса. Социалистическое общество территориально размещает производительные силы и равномерно и неравномерно в зависимости от многих, часто противоречивых проблем развития экономики и культуры регионов страны, наций и народностей, подготовки местных кадров, укрепления обороны страны, наличия источников сырья, энергии и т. д. Метод строго равномерного распределения ресурсов, материальных ценностей, средств, финансов — не лучший метод. Ликвидация «узких мест» реализации программ социалистического и коммунистического строительства, подтягивание слабых участков до уровня передовых — существенно важная задача общества. Без ликвидации отставания отдельных звеньев системы невозможен прогресс и остальных звеньев.

Планомерность в одном из своих определений представляет собой пропорциональность общественного развития. «Постоянная, сознательно поддерживаемая пропорциональность, — подчеркивал В. И. Ленин, — действительно, означала бы планомерность...»²⁷. Она есть в то же время и согласованность общественных процессов. Но это — такой вид согласованности, который выражает не только качественные, но и количественные зависимости. Особенно рельефно пропорциональность обнаруживается в согласованном развитии экономических процессов. Сознательно поддерживаемая пропорциональность выступает существенным фактором поступательного развития социалистического народного хозяйства. Утвержденные XXVI съездом КПСС «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» выдвигают задачу совершенствования пропорций между частями и подразделениями общественного производства, в частности между производством средств производства и производством предметов потребления, промышленностью и сельским хозяйством, между численностью работников, занятых в производственной и непроизводственной сферах, и т. д. Совершенствование общеэкономических, межотраслевых, внутриотраслевых, территориальных, межгосударственных и других народнохозяйственных пропорций служит необходимым условием согласованного развития социалистической экономики.

Но народнохозяйственные пропорции при всей их важности сами зависят от задач и целей производства, которые выдвигаются перед ним на том или ином этапе общественного развития. В зависимости от конкретных задач и целей устанавливаются и изменяются и сами пропорции.

На фоне сознательно налаживаемой согласованности в социалистическом обществе возникает и рассогласованность между различными общественными процессами и действиями людей, что содержит возможность образования непредусмотренных, нежелательных и, конечно, незапланированных явлений. Различие темпов движения общественных потребностей и общественного производства становится генезисом возникновения, развития и разрешения неантагонистических противоречий, в том числе между возможностями социализма и недостаточно эффективным их использованием, между новейшими достижениями науки и техники и уровнем их внедрения в плановое производство. На общей основе целостного соответствия производственных отношений производительным силам складываются частичные несоответствия между ушедшими вперед производительными силами и устаревшими характеристиками, сторонами, моментами производственных отношений, порождая проблему совершенствования организации и форм управления народным хозяйством, системы материального стимулирования и др.

Рассогласованность общественных процессов может также вызываться к жизни невыполнением требований общественных законов. Причинами такого невыполнения становятся, например, неглубокое понимание механизма использования законов, отсутствие полноценной информации, ошибки и просчеты в планировании и организации управления, недостаток необходимых материальных средств и человеческих ресурсов и т. д. Диспропорции в развитии хозяйства, слабая эффективность разрабатываемых мероприятий и начинаний, возникающие трудности в работе свидетельствуют о наличии противоречий между требованиями общественных законов и практической деятельностью людей. Возрастание роли субъективного фактора в коммунистическом строительстве свидетельствует о возрастании возможностей ускорения общественного прогресса. Вместе с тем повышение значения субъективного фактора объективно означает и расширение возможностей рассогласованности практической деятельности с требованиями объективных законов. Задача управления в том и состоит, чтобы воспрепятствовать реализации данной возможности.

В условиях капиталистического общества отклонения практической деятельности товаропроизводителей от требований экономических законов капитализма быстро и выразительно дают о себе знать через систему стихийных регуляторов и «барометров» (крах предприятия, спад деловой активности, изменение рыночной конъюнктуры и т. п.). В условиях развитого социализма,

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 620.

когда так велика действенная сила субъективного фактора, отклонения от требований общественных, в том числе и экономических, законов подчас трудно своевременно заметить и правильно оценить. Опережающее развитие определенной отрасли хозяйства еще не говорит о соответствии практической деятельности объективным законам общества. Вполне возможно, что такое опережение не соответствует необходимости соблюдения народно-хозяйственных пропорций. А между тем общество может продолжать форсирование этой отрасли. Нарушение объективных пропорций так или иначе проявит себя в виде различных трудностей (нехватка материальных средств, сложность реализации, затоваривание продукции и т. д.). Но эти трудности не всегда легко распознать в качестве следствия противоречия между требованиями законов и реальной практической деятельностью. Более того, подчас они выглядят как трудности роста и т. п.

Стихийное зарождается не только там, где не выполняются требования общественных законов, социальные нормы, нарушаются согласованность и пропорциональность. Сочетаясь с планомерным, оно может довольно рельефно обнаруживать себя в ряде жизненно важных процессов, неотделимых от функционирования и развития общества. Так, рыночное отношение, цены на колхозном рынке, миграция населения, текучесть рабочей силы, пользование услугами бытовых учреждений, посещение культурно-просветительных учреждений, «капризы моды», демографические тенденции, кроме сознательных, имеют и явно выраженные стихийные элементы. Развитое социалистическое общество, однако, достаточно сильно в материальном, интеллектуальном и организационном отношениях, чтобы предвидеть подобные тенденции, ограничить их негативные результаты, стимулировать такое развитие событий, которое бы способствовало планомерному разрешению задач, стоящих перед обществом. С помощью различных социальных рычагов социалистическое общество оказывает детерминирующее воздействие на стихийные процессы. Стихийное при социализме становится стихийным особого рода. Однако эта стихийность, о чем уже шла речь, не должна выпадать из поля зрения планирования.

Зрелое социалистическое общество, используя механизмы управления, планомерно преодолевает старое, формирует новую более высокую упорядоченность своей системы, повышает организованность своей жизнедеятельности, направляет общественную самостоятельность масс соответственно требованиям общественных законов. Планомерность представляет собой сознательно поддерживаемую преемственность между старым и новым. Она обеспечивает при отрицании старого наиболее рациональное развитие заложенных в нем прогрессивных тенденций, сохранение и накопление материальных и духовных достижений цивилизации.

Сознательное поддержание социальными институтами преемственности и относительной стабильности, устойчивости в прогрессивном движении общества способствует повышению непре-

рывности этого движения, что естественно не исключает перерыва постепенности, скачков в общественном развитии. Но постепенное нарастание нового дает возможность систематически осуществлять последовательность скачков меньшего масштаба, которые образуют в совокупности эпохальные скачки.

Постепенное нарастание нового качества создает предпосылки для более ускоренного развития общества. Дело в том, что человечество в прошлом расходовало огромные усилия и время на ломку старых порядков, ставших оковами общественного прогресса. И если при социализме обществу не приходится тратить столько энергии для негативной деятельности, то это одно из ярких свидетельств его исторических преимуществ. Поэтому в условиях развитого социализма перед обществом, как никогда ранее, стоит задача активного поиска нового, прогрессивного и максимального использования в интересах нового старого, всех заложенных в нем прогрессивных тенденций. Постепенное накопление нового позволяет лучше видеть перспективу, целеустремленно воздействовать на формирование общественных процессов.

В условиях капитализма разрешение противоречий экономической жизни посит в конечном счете стихийный характер, что приводит к разрушению производительных сил, потере времени, человеческих и материальных ресурсов. Стихийное разрешение социальных (общественных) противоречий обуславливает и стихийную регуляцию развития капитализма. В социалистическом же обществе складываются условия для сознательного разрешения противоречий между новым и старым. Общество, понимая перспективы своего развития, предпринимает меры для того, чтобы социальные противоречия разрешались своевременно, с наименьшей затратой усилий и достижением наиболее эффективных результатов.

Своевременное разрешение социальных противоречий выступает одним из важнейших критериев эффективности управления. От своевременного разрешения противоречий зависят успех осуществления поставленных целей, темпы общественного развития, наконец, «цена», которую платит человечество за свой прогресс. Своевременность разрешения внутреннего противоречия означает, что такое разрешение начинается и осуществляется в период, когда противоречие уже достигло вершины своего движения как источника развития и еще не превратилось в существенный тормоз последнего. Своевременное разрешение противоречий означает устранение старого и утверждение нового в соответствии со зрелостью общественных процессов. Момент, когда противоречие достигает высшей точки, обуславливается объективными факторами. Определение же этого момента в значительной мере зависит от познавательных, в частности прогностических, возможностей общества, намечающих «границы свободного выбора плановых решений»²⁸. Достигнув своей вершины, противоречие неминуе-

²⁸ Социальное познание и социальное управление. Киев, 1979, с. 147.

мо разрешается стихийно или сознательно, частично или полностью.

Вряд ли правильно представлять дело так, что в рамках капитализма антагонистические противоречия совсем не разрешаются. Число неразрешенных противоречий при капитализме растет, противоречия углубляются. Вместе с тем процесс развития, обострения, дифференциации противоречий далеко не прямолинеен. Он осуществляется через частичное разрешение противоречий. В этом отношении кризис перепроизводства — не только проявление, но и известное разрешение противоречий. Причем именно частичное разрешение антагонизмов при капитализме и становится свидетельством их принципиальной неразрешимости в главном, существенном.

Иная ситуация складывается в социалистическом обществе, где социальные противоречия могут разрешаться своевременно, сознательно и с максимальной для данной исторической обстановки полнотой. Конечно, абсолютно точного определения момента вызревания противоречий, а значит, и абсолютного соответствия периода разрешения противоречий объективной зрелости процесса быть не может: слишком сложно, многопланово познание противоречий и организация сил общества для их разрешения. Жизнь устроена не так «удобно», как бы этого хотелось передовым элементам. И в условиях социализма из-за недостаточно глубокого осознания требований общественных законов, недостатков в воспитательной и организационной работе, несоблюдения социальных норм и других подобных моментов противоречия могут преодолеваются несвоевременно. Но если нет планомерного разрешения противоречий, то они начинают «саморазрешаться» стихийно. Такое «саморазрешение» обнаруживает себя в виде нарушения установленных общественных связей и пропорций, дисгармонии различных сторон общественной жизни, понижения производительности труда, эффективности стимулов к труду и т. д.

Отрицательные последствия имеет и преждевременное разрешение противоречий, когда оно, собственно, еще не вызрело. Преждевременно разрешить незрелые противоречия — значит прервать процесс поступательного развития. Внедрение нового в неподготовленную почву так или иначе приведет к его замиранию. Ростки нового зачахнут, а основы существующего не раскроют полностью своих резервов. Возможности социального строя окажутся неполностью использованными. Преждевременность разрешения противоречий выражается обычно в таких отрицательных явлениях, как угасание начинаний, слабая действенность вводимых организационных норм общественной жизни, неэффективность «новых» методов работы.

Анализируя становление в социалистическом обществе прогрессивных процессов, Коммунистическая партия вскрывает и отрицательные тенденции, в том числе те, которые облекаются в маску нового, прогрессивного, будучи на деле старым, консерва-

тивными. Те или иные «новации», внедряемые в народное хозяйство или культуру, могут нанести серьезный ущерб решению стоящих перед обществом задач. Причины введения таких «новаций» кроются не только в некомпетентности, субъективизме, погоне за модой. Причинами этого выступают также сложность и трудность процесса массового внедрения нового, прогрессивного в жизнь. Сложно и трудно, например, определить темпы, сроки, последовательность, этапы, способы замены старого новым. В одних конкретных ситуациях необходимы быстрая, массовая ликвидация старого и соответственное введение нового, в других — постепенный переход к новому. В. И. Ленин писал: «Бывают исторические моменты, когда для успеха революции всего важнее накопить побольше обломков, т. е. взорвать побольше старых учреждений; бывают моменты, когда взорвано достаточно, и на очередь становится «прозаическая» (для мелкобуржуазного революционера «скучная») работа расчистки почвы от обломков; бывают моменты, когда заботливый уход за зародышами нового, растущими из-под обломков на плохо еще очищенной от щебня почве, всего важнее»²⁹.

Процесс сознательного формирования новых, прогрессивных явлений очень сложный, проходит множество стадий в своем осуществлении. Его невозможно адекватно отобразить в виде непрерывной цепочки последовательно расположенных звеньев развития. Можно предложить лишь огрубленную схему процесса познания и регулирования развития нового. Основными моментами, по нашему мнению, выступают в данном случае:

- 1) теоретическое или эмпирическое открытие нового, 2) информация об этом открытии, 3) практические советы и рекомендации науки, 4) экспериментальная проверка их, 5) анализ результатов эксперимента, 6) оценка общественного, в частности экономического, политического и морального, значения новых процессов, 7) подготовка, принятие и осуществление управленческих решений, 8) пропаганда нового, 9) подготовка условий для перехода к новому, 10) устранение препятствий развитию нового, 11) массовое внедрение нового в жизнь, 12) анализ поиска и освоения нового, в частности анализ ошибок в поисках и освоении нового, 13) корректирование принятых решений или практических действий (в зависимости от анализа причин отклонения действий от поставленных задач)³⁰.

Осуществляемый в условиях развитого социализма общий генеральный процесс формирования и развития нового носит в целом планомерный характер. Однако в общих рамках планомерности возникают и стихийные процессы, обусловленные подчас творческими поисками нового, неизведанного, ранее неизвестного. Речь идет о том, что многие конкретные творческие акты людей

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 205.

³⁰ См.: Куценко В. И. Социальная задача как категория исторического материализма. Киев, 1972, с. 274.

общество не может заранее предусмотреть и тем более запланировать. Невозможно жестко запланировать научное, техническое или художественное открытие с его конкретностью, неповторимостью и оригинальностью.

С усилением массовости творчества, особенно технического, с умножением прогностических и управленческих средств общество расширяет свои возможности выявлять отдельные тенденции развития тех или иных видов деятельности и планомерно воздействовать на них. Зная социальные потребности и закономерности развития науки и производства, общество обретает способность предвидеть открытие, например, управления термоядерным синтезом, средств излечения от рака и т. п. и соответственно направлять, стимулировать исследования. Так, на предприятиях сложилась практика составления «темника» для изобретателей и рационализаторов, в котором формулируются требующие своего решения производственные задачи. В определенной степени массовое техническое творчество направляется тем самым производственными планами.

Возникновение элементов стихийности в процессе формирования нового обусловлено и некоторыми особенностями регулирования творческой деятельности. В самом деле, всякое управление является в известном смысле ограничением определенных видов деятельности, ограничением выбора альтернатив. Творчество же стремится к расширению выбора возможностей, к выходу за пределы ограничений, накладываемых теми или другими условиями. Трудно осуществлять такую управленческую задачу, как планирование, в отношении поисковой деятельности, связанной с индивидуальными особенностями новатора, его интуицией, фантазией. Формальное, бюрократическое планирование может нанести ущерб творчеству.

Одним из своеобразных способов ликвидации действительно творческого процесса становится жесткое планирование, «заорганизованность», перенасыщение его многообразными организационными связями и отношениями. Не так уж редки случаи, когда продуктивность «заорганизованного» ученого, конструктора ниже «малоорганизованного» сотрудника. «Заорганизованность» порождает необходимость многочисленных координационных, взаимосогласованных действий, перекрестных проверок, различных заседаний, совещаний, образования специальных служб, составления отчетов, записок, справок и т. п., что отнимает у творческого работника много сил и драгоценного времени. Как это ни парадоксально, «заорганизованность» творца нового способствует разрыву между целями и достигнутыми результатами, т. е. внесению стихийности в планомерное в целом развитие трудовых коллективов.

Направляя деятельность искателей нового, необходимо, конечно, соблюдать меру насыщенности творческого коллектива разнообразными организационными связями и отношениями, найти оптимальный уровень, формы и способы регламентации деятель-

ности создателей оригинального, ранее неизвестного. Вместе с тем массовое творчество нуждается в его сознательной организации. Самоотек в массовом новаторстве приводит к неоправданному дублированию и отрыву деятельности создателей нового от насущных задач общества. Поэтому предложения новаторов увязываются с задачами социалистического общества, планами государства. Управление массовым творчеством в известной степени облегчается тем, что здесь можно уловить какие-то статистические закономерности, где роль индивидуальных отклонений от общей тенденции резко снижается в зависимости от увеличения числа участвующих в движении новаторов.

Одна из функций политического руководства состоит, таким образом, в том, чтобы направить бурный поток массового общественного творчества по руслу требований перспективных задач. Но народное творчество может быть настолько мощным, что оно создает не только новые условия решения уже сложившихся задач, но и условия возникновения новых задач. Массовое творчество создает такие новые формы организации общественных процессов, предсказать которые не представляется никакой возможности. «Ум десятков миллионов творцов,— писал В. И. Ленин,— создает нечто неизмеримо более высокое, чем самое великое и гениальное предвидение»³¹.

Коммунистическая партия — партия новаторов — призвана своевременно замечать ростки нового, прогрессивного, помогать их развитию, всесторонне поддерживать движение новаторов, организовывать создание необходимых условий для повышения политической и трудовой активности масс, для планомерного совершенствования экономической, социальной, политической и духовной жизни развитого социалистического общества.

Диалектика формирования нового при социализме неотделима от проблемы гармоничности развития общества. Следует, видимо, согласиться с авторами, которые делают вывод о том, что гармония изучается пока главным образом как атрибут всесторонне развитой личности. Гармонизация же общественного развития в значительной мере остается «ничейной территорией». Между тем планомерность, на наш взгляд, и все ее составляющие неотделимы от этой более широкой общественной проблемы. На высших фазах своего совершенствования многие формы общественной связи, например сочетания интересов общества и личности, социального и индивидуального, интернационального и национального, государственных и общественных начал в управлении, материальных и духовных стимулов к труду, обретают в своем развитии черты гармонического развития. В философской литературе справедливо ставится вопрос: «Гармония — родовое понятие для реальности и идеалов новой коммунистической формации и нового человека»³².

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 281.

³² Квасов Г. Г. К характеристике социалистической личности. — Вопр. философии, 1980, № 7, с. 23.

В основе гармонии, противопоставляемой К. Марксом антагонизмам³³, лежат такие противоречия, которые разрешаются своеобразным способом: обе стороны противоречия получают благоприятные условия для своего дальнейшего поступательного движения. Указывая на роль субъективного фактора в налаживании необходимых сочетаний противоречивых сторон общественной жизни, В. И. Ленин писал: «...можно сочетать эти противоположные понятия так, что получится какофония, а можно и так, что получится симфония»³⁴. Создание подобной социальной симфонии предполагает именно поиск и установление гармоничных сочетаний, пропорций, соразмерностей в общественной жизни, с тем, чтобы возникающие в ее глубинах противоречия своевременно разрешались, упорядоченность, стройность, известная завершенность общественных структур поднимались на новый, более высокий уровень.

В литературе есть различные точки зрения по вопросу, на какой фазе коммунизма осуществляется гармоническое развитие общества³⁵. Для правильного его решения необходим исторический подход, следует учитывать, что гармоничность также проходит определенные фазы своего формирования и развития. В зависимости от уровня достижения единства социальных интересов, степени стирания социальных граней между городом и деревней, людьми физического и умственного труда, сближения наций и народностей целесообразно различать социалистическую и коммунистическую гармоничность. Подобное различие аналогично различению коммунистического труда в широком и узком смысле слова, социалистической и коммунистической социальной однородности общества и т. п. Мыслители прошлого вдохновенно говорили о будущем царстве гармонии, о «гармонизированном обществе». Коммунизм и есть то общество, где гармония правит свои подлинные триумфы. Планомерность же выступает средством налаживания, обеспечения и упрочения гармоничности общественного развития, которая является специфическим атрибутом коммунистической формации.

Планомерная организация общественной жизни — знаменательный итог исторического процесса, творение миллионных масс трудящихся, руководимых марксистско-ленинской партией. Она пришла на смену общественной анархии, экономическим, социально-политическим кризисам, потрясавшим буржуазное общество, и составляет одно из главных исторических преимуществ коммунизма перед капитализмом. В обществе, формой развития которого является планомерность, нет и не может быть господства произвола и неконтролируемых социальных сил, отсутствия интереса к отдаленным последствиям повседневной деятельности людей и движению других факторов, созданных человеческим трудом.

Целенаправленность общественной жизни, сознательно налаживаемая и поддерживаемая согласованность общественных процессов, позволяют рационально и эффективно использовать со-

циальные возможности, заложенные в самой природе нового общественного строя, добиться максимума общественных результатов при минимальной затрате сил, ресурсов, времени.

Но соотношение стихийности и планомерности, как и единство и многообразие исторического процесса вообще, есть результат наряду с внутренним развитием отдельных общественных систем и их взаимодействия. Реальному социализму противостоит на международной арене реальный капитализм. Противоречие между мировой системой социализма и мировой системой капитализма — основное противоречие современной эпохи. Его движение неотделимо от самого жгучего вопроса наших дней — вопроса о войне и мире.

³³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 4.

³⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 211.

³⁵ О состоянии исследования данной проблемы см.: *Штракс Г. М.* Социальное противоречие. М., 1977, с. 120—127.

Глава 4

ВОЙНА И МИР

1. Социальное (общественное) насилие и его роль в истории

Социальное насилие, иначе, насилие в обществе¹ представляет собой особый род человеческой деятельности: решение общественных задач средствами принуждения, вплоть до вооруженного подавления любого организованного сопротивления. Развитие классовых общественно-экономических формаций наглядно обнаруживает тенденцию всевозрастающего размаха вооруженных насильственных действий — его самой жестокой и разрушительной формы, какой является война.

Уже в первобытном обществе возникли возможности столкновения между племенами, стремящимися захватить в свою собственность наиболее удобные земли. Насилие обнаруживалось здесь в форме того, что классики марксизма-ленинизма называли древней войной «племена против племени»². В ней имелось немало элементов, свойственных войнам классового общества. Насильственные действия были сознательно организуемыми, в племенной структуре формировались зачатки военной и войсковой организации³, в ход пускались искусственно изготавливаемые орудия (лук со стрелами, дротики, копья и т. д.), использовавшиеся во время схваток как оружие. Однако противоборство родоплеменных общностей порождалось причинами, идущими как бы извне общества, оно не обладало чертами необходимости, вытекающей из потребностей самого общественного развития. Насильственные действия еще не имели характера социального насилия.

В виде особого общественного явления социальное насилие складывается лишь тогда, когда общество раскалывается на антагонистические классы. Противоположность классовых интересов собственников основных средств производства и трудящихся, полностью или частично лишенных средств производства, — социальная основа эксплуатации и угнетения трудящихся масс. Она-то и порождает социальное насилие как исторически необходимый способ разрешения общественных антагонизмов, принуждения определенных классов к деятельности, чуждой их действительным интересам. С возникновением государства, когда управление общественными делами в интересах эксплуататорских классов необходимо связывается с подавлением сопротивления эксплуатируемых масс, насилие становится непременной функцией государства и в его отношениях с другими государствами, выступая прежде всего как военная функция — функция подготовки и ведения войны. В классово-антагонистическом обществе

социальное насилие, будучи способом разрешения общественных противоречий, становится и способом революционных преобразований общественной жизни, утверждения новых общественных порядков.

Насилие в обществе имеет, следовательно, исторический характер. Оно исторически неизбежно до тех пор, пока прогресс человечества, его «родовых» способностей совершается (вследствие недостаточного развития производительных сил) через эксплуатацию человека человеком. «В мире людей,— писал К. Маркс,— как и в мире животных и растений, интересы рода всегда пробивают себе путь за счет интересов индивидов, и это происходит потому, что интерес рода совпадает с *интересом особых индивидов*, в чем и состоит сила этих последних, их преимущество»⁴. В антагонистическом обществе такими «особыми индивидами» выступают групповые субъекты — классы (или их слои) — собственники основных средств производства, способные для обеспечения своих интересов выделять часть присвоенных ими богатств для создания и содержания институтов и материальных средств общественного насилия. В этом отношении «само насилие есть экономическая потенция»⁵.

Поскольку насилие выражает реальное, направленное применение силы, постольку при характеристике видов социального насилия следует исходить из анализа источников силы в обществе⁶. Несомненно, главный источник общественной силы — экономические возможности ее носителя, т. е. соответствующего класса (слоя, группировки, представляющей его интересы организации), которые зависят от отношения к средствам производства. Экономическая мощь сама по себе играет роль неумолимой принудительной силы в отношении тех, кто этой мощи лишен. Можно, например, говорить об экономическом принуждении, заставляющем лишенных средств производства работников становиться наемными рабочими. Вместе с тем и экономические стачки рабочего класса тоже выступают своеобразной формой экономи-

¹ Социальное насилие следует отличать от различных форм принуждения отдельных индивидов к тем или иным нормам и правилам поведения и действий. Подобное индивидуальное насилие существует в любом обществе, составляя необходимое условие организации его жизнедеятельности.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 108.

³ См.: Там же, т. 46, ч. I, с. 465.

⁴ Там же, т. 26, ч. II, с. 123.

⁵ Там же, т. 23, с. 761.

⁶ «...Сила и насилие совсем не одно и то же. В международных политических отношениях значение каждого государства определяется его силой, но из этого вовсе не следует, что признание прав сильного в каждом отдельном случае предполагает насильственные действия. То же — и в междуклассовых отношениях. Значение каждого данного класса всегда определяется его силой, но для признания его значения далеко не всегда нужно насилие» (Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. М., 1956, т. 2, с. 497).

ческого принуждения, направленного, однако, против собственных средств производства — капиталистов.

Рабочий класс, будучи при капитализме классом угнетаемым, эксплуатируемым, тем не менее также располагает экономической мощью, правда, не в форме обладания средствами производства и иными видами вещественного богатства, а как носитель рабочей силы, физических и духовных способностей к труду.

Когда экономическая мощь сознательно используется для принуждения определенных классов к действиям вопреки их интересам, имеет место экономическое насилие. Но оно далеко не всегда оказывается достаточным и потому требует подкрепления со стороны средств внеэкономического принуждения. К таким средствам относятся прежде всего средства государственного принуждения, т. е. политического насилия.

В условиях буржуазного общества формально-юридическая «свобода» человека труда, прикрывающая экономическое принуждение его к труду на эксплуататора-капиталиста, не только не исключает, но, наоборот, в периоды обострения классовых противоречий толкает господствующие классы ко все более прямому применению политического насилия. Политическое насилие так или иначе связано с использованием и упрочением существующих органов государственной власти или же, наоборот, выступает средством расшатывания, дезорганизации и разрушения этих органов, замены их новыми органами. Классики марксизма-ленинизма часто использовали общее понятие насилия именно в смысле политического насилия, концентрирующего в себе и экономическое насилие и насилие духовное (идеологическое). Последняя форма социального насилия также требует применения специфических средств. Ими становятся средства информации, учреждения культуры и образования, церковь, система пропаганды и т. п.

Отношение между основными формами социального насилия — экономической, политической и духовной (идеологической) — соответствует отношению между основными формами классовой борьбы. Политическое насилие есть главная и решающая форма насилия. Наиболее же острым и мощным видом самого политического насилия выступает организованное насилие с применением оружия, крайняя форма политического воздействия. Фактически и невооруженные виды политического насилия таят в себе возможность, скрытую или явную угрозу применения оружия.

В классовом обществе — в обстановке обострения классовой борьбы — победа или поражение противоборствующих сил зависят от их способности создавать и в случае необходимости эффективно использовать средства политического насилия, включая вооруженные формы. Известно положение К. Маркса о том, что «насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым»⁷. «Ни один еще вопрос классовой борьбы, — подчеркивал В. И. Ленин, — не решался в истории иначе, как насилием»⁸. Марксизм-ленинизм исходит вместе с тем из

того, что применение оружия революционными классами и масштабы этого применения определяются исключительно характером сопротивления со стороны реакционных классов, сил «старого порядка».

Общей чертой деятельности, которую можно рассматривать как насильственную, становится реализация ее цели путем навязывания субъектом насилия своей воли противостоящему ему субъекту. Момент волевого противоборства во всяком насилии настолько очевиден, что не только признается немым его признаком всеми исследователями, независимо от их мировоззренческих и идеологических позиций, но часто абсолютизируется.

Насилие превращается при таком подходе в «чисто» волевой акт, имеющий основу в духовных возможностях его субъекта. Многочисленные современные буржуазные концепции насилия — социал-дарвинистские, этологические, экзистенциалистские, неофрейдистские, технотерминистские и др. — в конечном счете оказываются тем или иным вариантом идеалистических трактовок социального насилия и служат либо оправдыванию существующей якобы неотвратимости и неискоренимости насилия в человеческой жизнедеятельности, либо прямой апологетике всех форм насилия, включая вооруженное, применяемого в интересах реакционных, империалистических сил⁷.

Хотя насилие в обществе и имеет форму волевого противоборства, целеполагание и связанное с реализацией поставленной цели волевое напряжение представляют в насилии, как и в любой другой человеческой деятельности, лишь момент, необходимую, но вовсе не определяющую сторону. Сами цели социального насилия, хотя это далеко не всегда ясно осознается людьми, детерминируются объективными классовыми интересами, конкретно складывающейся исторической ситуацией. Формы же насилия зависят в огромной степени от тех материальных средств воздействия на человека, которыми располагал субъект насилия. Эффективное использование средств насилия в огромной степени предопределяется наличием людей или специальных организаций, подготовленных к применению таких средств. Основу силы в обществе составляют материальные средства насилия и организации, способные применять эти средства.

Разоблачая антинаучный и реакционный характер «теории насилия» Е. Дюринга, перевернувшей с ног на голову действительное отношение экономического положения и политического насилия и объявившей политическое насилие первичным, а эконо-

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 761; ср. также: «Рождение нового строя невозможно без революционного насилия» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 116—117).

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 265; см. также: т. 10, с. 313, 338; т. 11, с. 123; т. 30, с. 152; т. 36, с. 48.

⁹ Анализ современных буржуазных концепций насилия см. в кн.: Денисов В. В. Социология насилия: (Критика современных буржуазных концепций.) М., 1975.

мическое положение — вторичным и зависимым, Ф. Энгельс писал: «...насилие не есть просто волевой акт, а требует весьма реальных предпосылок для своего осуществления, в особенности — известных *орудий*, из которых более совершенное одерживает верх над менее совершенным ... эти орудия должны быть произведены и ... победа насилия основывается на производстве оружия, а производство оружия, в свою очередь, основывается на производстве вообще ... на *материальных* средствах, находящихся в распоряжении насилия» ¹⁰.

Вместе с тем нельзя забывать и другое: политическая деятельность (и политическое насилие в том числе), будучи производной от экономической, обладает значительной степенью самостоятельности. Она способна оказывать обратное воздействие на конкретный ход, формы и темпы экономического развития и развития всех иных сторон общественной жизни. Политическая деятельность и политическое насилие, включая вооруженное, не могут, разумеется, отменить объективную логику исторического развития, объективные законы истории. Но они могут оказывать и действительно оказывают существенное влияние на конкретные формы исторического процесса, влияние и негативного, реакционного и прогрессивного, революционного характера, способствовать сохранению прогнивших, устарелых, реакционных общественных порядков и учреждений или, напротив, их скорейшему разрушению и устранению и утверждению новых, прогрессивных.

Конечно, не всякое принуждение к тем или иным действиям выступает как общественное насилие. Существует и, видимо, в той или иной форме будет существовать во всяком обществе то, что можно назвать «насилием» обстоятельств — природных и общественных. Объективные обстоятельства заставляют людей считаться с ними и действовать определенным образом, хотя подчас это идет вразрез с их непосредственными потребностями и желаниями. В различных формах и в различной степени, но всегда будет иметь место зависимость человека (и человечества) от различных природных факторов — энергетических, сырьевых, климатических, экологических и т. п. Люди не могут отвлекаться и от исторически конкретных условий общественной жизни, ибо «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» ¹¹. Отдельный человек и человеческие коллективы, хотя бы они этого или нет, должны сообразоваться с реально существующими факторами экономического, социального, политического и духовного порядка. В отличие от подобного «насилия» обстоятельств социальное насилие — это насилие, целенаправленно осуществляемое людьми над другими людьми, интересы которых противостоят их собственным интересам.

Огромное значение имеет различие видов насилия по их социальной направленности, т. е. различие насилия реакционного и революционного. В одном из писем А. Бебелю Ф. Энгельс, характеризуя воззрения оппортуниста Г. Мюллера, писал, что тот «доходит до утверждения, что насилие при любых обстоятельст-

вах революционно и никогда не бывает реакционным; этот осел не понимает, что когда нет реакционного насилия, против которого надо бороться, то не может быть и речи о каком-либо революционном насилии»¹². В приведенных словах Ф. Энгельса важно подчеркнуть не только выделение двух принципиально противоположных по социальной направленности видов насилия, но и напоминание об историческом опыте, заключающемся в том, что именно реакционные классы всегда первыми применяли насилие против трудящихся классов, прогрессивных общественных сил вообще. Революционное насилие выступало и выступает вынужденным ответом сил общественного прогресса на насилие со стороны реакционных классов, их государств и организаций.

В идеале коммунизма, отмечал В. И. Ленин, «нет места насилию над людьми»¹³. В то же время он фиксировал и другое: именно для обеспечения победы революции и ее защиты от враждебных атак реакционных сил империализма коммунисты «всегда стояли за применение насилия как в массовой борьбе, так и в связи с этой борьбой»¹⁴. «Без насилий по отношению к насильникам, имеющим в руках орудия и органы власти, нельзя избавить народ от насильников»¹⁵, — напоминал В. И. Ленин о важнейшем уроке истории. Революционное насилие, применяемое в массовой борьбе, ведущейся за победу нового общественного строя, за социальный прогресс, способно играть «творческую роль, без которой немислимо ... действительное завершение революции»¹⁶.

Научная марксистско-ленинская концепция насилия предостерегает одновременно и против абсолютизации роли революционного насилия. В речи, посвященной памяти Я. М. Свердлова, В. И. Ленин говорил: «Нет сомнения, что ... без революционного насилия ... пролетариат не смог бы победить, но также не может быть сомнения и в том, что революционное насилие представляло из себя необходимый и законный прием революции лишь в определенные моменты ее развития, лишь при наличии определенных и особых условий, тогда как гораздо более глубоким, постоянным свойством этой революции и условием ее побед являлась и остается организация пролетарских масс, организация трудящихся»¹⁷. В конце 1920 г. на собрании актива Московской организации РКП(б) В. И. Ленин вновь напомнил, что «насилие имеет свою силу по отношению к тем, кто хочет восстановить свою власть.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 170. К. Маркс резко критиковал анархиста М. Бакунина за то, что для него «воля, а не экономические условия, является основой его социальной революции» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 18, с. 615).

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 104.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 38, с. 449.

¹³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 122.

¹⁴ Там же, с. 182.

¹⁵ Там же, т. 12, с. 319.

¹⁶ Там же, т. 14, с. 39.

¹⁷ Там же, т. 38, с. 74.

Но этим и исчерпывается значение насилия, а дальше уже имеет силу влияние и пример»¹⁸.

Раскрывая под углом зрения тенденций общественного развития смысл данного положения, классики марксизма-ленинизма подчеркивали: «Насилие — это в настоящее время армия и военный флот...»¹⁹, «насилие в эпоху XX века,— как и вообще в эпоху цивилизации,— это не кулак и не дубина, а *войско*»²⁰, «*организация силы* в современной борьбе есть военная организация»²¹.

Возникновение «военной организации», специально создаваемых и обучаемых «отрядов вооруженных людей», отрываемых обычно от производительного труда, связано, как и появление социального насилия вообще, с разложением первобытнообщинного строя, формированием классового общества. Именно тогда «война и организация для войны становятся ... регулярными функциями народной жизни»²². Война как политическое насилие, осуществляемое с помощью оружия, становится главной формой социального насилия, постоянным атрибутом классово-антагонистического общества.

2. Война как общественное явление. Диалектика войны и мира

В эпоху разложения первобытнообщинного строя происходит «вырождение древней войны племени против племени в систематический разбой на суше и на море в целях захвата скота, рабов и сокровищ, превращение этой войны в регулярный промысел»²³. «Древняя война» становится войной в прямом смысле слова — специфическим общественным явлением, свойственным всем эпохам классового общества. Несмотря на все многообразие своих форм, она, однако, обладает и общими чертами. Фиксация и исследование таких общих черт позволили основоположникам марксизма-ленинизма создать подлинно научное учение о войне и мире как особых состояниях классового общества, вскрыть диалектику взаимопереходов войны и мира, определить внутреннюю закономерную связь между экономическими интересами классов, их политикой и различными типами, родами и видами войн, выработать научный подход к оценке характера, последствий и роли войн в историческом процессе, прежде всего в эпоху перехода человечества от капитализма к социализму.

В известной лекции «Война и революция», прочитанной в мае 1917 г., В. И. Ленин подчеркивал, что главной особенностью буржуазных, оппортунистических, обывательских взглядов на войну является «забвение основного вопроса о том, какой классовый характер война носит, из-за чего эта война разразилась, какие классы ее ведут, какие исторические и историко-экономические условия ее вызвали»²⁴.

Для буржуазной военной мысли, даже в лучшие ее времена, когда прогрессивные возможности буржуазии еще не были исчер-

паны, внутренне присуще игнорирование или затушевывание социальной, точнее — классовой природы субъектов войн — сторон, ее ведущих. Даже рассматривая в качестве субъектов не просто те или иные лица (монархи, полководцы, церковные иерархи и т. д.), а государства, буржуазные теоретики не поднимались выше концепций «общественного договора», «мирового разума», «абсолютной идеи» и т. п., в наши же дни — представлений ницшеанского и откровенно фашистского толка²⁵.

В этих теоретических построениях не давался и не дается ответ на «основной вопрос ... как следует оценивать войну и как следует относиться к ней»²⁶. И такое положение вещей вполне естественно, ибо подобный ответ можно получить только в результате классового анализа войны. Именно классы, социальные слои и относительно самостоятельные группировки классов, государства как органы классового господства и другие классовые образования выступают субъектами войн. Поэтому марксизм-ленинизм всегда требует вскрывать за любыми династическими, религиозными, юридическими, дипломатическими и прочими оболочками реальное классовое содержание социальных конфликтов и столкновений, включая и те, которые разрешаются силой оружия. С этих позиций надо подходить и к выяснению целей войны.

С внешней стороны цели, ради которых велись многочисленные кровопролитнейшие войны, столь многообразны, что, казалось бы, они не сводимы ни к какому общему знаменателю. Амбиции правителей, родственно-династические симпатии, защита «истинной» веры, территориальные притязания, устранение «несправедливого» распределения богатств, пресечение «анархии», ликвидация «внешней угрозы», «цивилизаторская миссия» и т. п., — чем только ни оправдывалось и ни освящалось ведение войн!

Однако и тут за любой целью стоит вполне реальный классовый интерес, который мог быть, в зависимости от объективного положения класса в системе исторически конкретного общественного производства, реакционным или же прогрессивным. Экономические интересы диктуют определенную политику класса, т. е. его отношение к другим классам как внутри, так и вне страны. Политика находит свое выражение в постановке целей войны, которые в зависимости от ряда внутренних и внешних об-

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 75.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 171.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 152.

²¹ Там же, т. 10, с. 338.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 164.

²³ Там же, с. 108.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 77.

²⁵ Исторический очерк буржуазных представлений о сущности и характере войн см.: Рыбкин В. И. Критика буржуазных учений о причинах и роли войн в истории: Философско-исторический очерк. М., 1979; Философия и военная история. М., 1979, с. 32—123.

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 77—78.

стоятельств подчас камуфлируются, обрастают условностями, не меняя при этом своего содержания.

В подобном камуфляже всегда нуждаются реакционные классы, составляющие меньшинство населения. Однако при рабстве и феодализме (порой и в капиталистическом обществе) угнетенные классы, толкаемые к борьбе самой системой лежащего на них материального и духовного гнета, также поднимались на вооруженную борьбу, выдвигая наиболее понятные им ближайшие цели, облеченные в религиозные или своеобразные царистские «одежки» (за «правильную» веру, за «хорошего» царя и т. д.).

Обладая всеми чертами деятельности людей, война наряду с наличием ее субъекта и объекта требует материальных средств своего ведения. Так же как трудовая деятельность невозможна без средств труда, так и военная деятельность (когда она направлена на справедливые цели, ее называют «ратным трудом») связана с производством и применением особых материальных средств войны — оружия. Выделившись из простейших средств труда в качестве орудий нападения и защиты (приспособленных в первую очередь для охоты), оружие превратилось в антагонистическом обществе в материальное средство насилия, грабежа и массового уничтожения и, естественно, в руках противодействующих сил — в вынужденное средство ниспровержения угнетателей и борьбы с агрессией. По способу своего изготовления и приведения в действие оружие и все технические средства его обеспечения — военная техника в целом — продолжают оставаться материальным образованием, аналогичным средствам труда. Однако в отличие от средств труда оно предназначено не для созидания, а для разрушения условий общественной жизни, т. е. используется в целях, противоположных производственному и непроизводственному (непроизводительному) потреблению²⁷. Мощь, разрушительная сила, количество оружия, возможность его создания непосредственно зависят от развития материального производства. Это обстоятельство, как мы уже видели, особенно подчеркивал Ф. Энгельс, разоблачая научную несостоятельность дюрингианской «теории насилия»²⁸.

Военная деятельность подчиняется особым законам, проявление которых меняется в зависимости от характера оружия, своеобразия театра военных действий, социально-классовой природы субъектов войны, ее политических целей. Она всегда связана с развитием личных, в том числе духовных — интеллектуальных, волевых, психологических, моральных — качеств людей, участвующих в войне, приобретает своеобразный творческий момент и в этом плане становится искусством. Успешное ведение войны требует овладения военным искусством, соотнесения его с задачами, решаемыми в войне противоборствующими силами. Сущность военного искусства состоит в умении находить оптимальные варианты боевых действий в соответствии с общеполитическими целями войны, конкретной обстановкой, состоянием вооружения, степенью обученности и морально-психологической подготовлен-

ности войск. «Ничто,— писал Ф. Энгельс,— так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения. Не «свободное творчество ума» гениальных полководцев действовало здесь революционизирующим образом, а изобретение лучшего оружия и изменение солдатского материала; влияние гениальных полководцев в лучшем случае ограничивается тем, что они приспособляют способ ведения боя к новому оружию и к новым бойцам»²⁹.

Но военная деятельность предполагает не только знания, умения и навыки руководителей и участников боевых действий. Исторический опыт свидетельствует, что военные действия требуют создания особой военной организации — вооруженных сил. Само по себе использование оружия отнюдь не превращает любую вооруженную схватку в войну. Драки с применением оружия, дуэли, нападения разбойнических шайк, стычки гангстерских банд и т. п. — не войны, ибо здесь отсутствуют субъекты войны, классово-политические цели и та организация, которая способна с помощью оружия бороться за интересы класса. Военная организация должна концентрировать в своих руках основную массу оружия, быть обучена и подготовлена к его применению. Для ее создания необходимо наличие общественной силы (классы, государства), которая, во-первых, готова к борьбе за свои интересы любыми средствами, в том числе и средствами вооруженного насилия; во-вторых, имеет материальные возможности для более или менее длительного (или даже постоянного) отвлечения части членов общества от производительного труда; в-третьих, находит определенные стимулы, побуждающие участников военной организации к военной деятельности вопреки постоянной смертельной опасности.

Главная организация силы в обществе — армия. Она выступает решающим орудием войны, проведения политики средствами вооруженного насилия. Именно поэтому войны носят характер не просто вооруженной борьбы, а организованной вооруженной борьбы, непосредственное ведение которой и является основной функцией военной организации. Ее исторические типы и структура всецело зависят от общественных факторов: природы класса

²⁷ См.: *Плетников Ю. К.* О природе социальной формы движения. М., 1971, с. 27—28.

²⁸ К. Маркс, конспектируя в 1881 г. книгу английского буржуазного историка права Г. Мейна, представлявшего, подобно Е. Дюрингу, политическую силу как нечто самодовлеющее, не зависящее от экономики, называл его взгляды «пошлыми» и, в частности, в противовес этим взглядам отмечал, что такой элемент политического господства, как «лучшее вооружение есть уже элемент, прямо основанный на прогрессе развития средств производства (последние, например, при охоте и рыболовстве прямо совпадают со средствами разрушения, средствами ведения войны)» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 45, с. 422—423).

²⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 171.

или государства, создающего военную организацию, политических целей войны, уровня развития военной техники и военного искусства, качества вовлекаемого в нее человеческого материала, экономических возможностей противоборствующих в войне сторон и т. д.³⁰

В каждую эпоху войны требовали огромного напряжения материальных, организационных и духовных сил классов, непосредственно ведущих войну и так или иначе втянутых в ее орбиту. Военные действия всегда были огромными потрясениями в жизни общества, сопровождались лишениями и жертвами, затрагивающими наряду с армией и мирное население. От эпохи к эпохе они становились все более кровопролитными и губительными, а в конце XX в. война начала угрожать катастрофой всей человеческой цивилизации. Тяжким бременем выступает и подготовка к войне, отвлекающая от использования в мирных созидательных целях огромные материальные и духовные ценности. Поэтому способность вести войну в современную эпоху и отстаивать дело мира определяется не только военно-техническими факторами, но и самим общественным строем, системой общественных отношений.

Выяснение общих черт войны как наиболее острой формы социального насилия со стороны эксплуататорских обществ позволяет научно раскрыть сущность войны, выявить ее взаимосвязь с противоположным состоянием общественной жизни — с миром. Внутренним стержнем, соединяющим войну и мир в виде двух противоположных состояний общества, определяющим способ их перехода друг в друга, выступает политика. Сущность войны состоит именно в том, что она есть продолжение той политики, которую классы вели во время мира. Однако средства реализации политических целей здесь различны. «Мирные» средства — это использование экономической зависимости, идеологическая обработка, дипломатические акции и т. п. Основное и специфическое военное средство — использование вооруженных сил, вооруженная борьба.

Военные средства, разумеется, не отменяют применение во время войны и иных средств — экономических, административно-правовых, идеологических, дипломатических и т. п., — но подчиняют такие средства главному — всестороннему обеспечению успешного ведения вооруженной борьбы. Само ведение войны становится, по выражению немецкого военного теоретика-гегельянца К. Клаузевица, политикой, сменившей перо на меч³¹. Соответственно перестраивается вся жизнь общества — экономика, политико-юридическая надстройка, идеологическая деятельность.

Внутренняя связь между миром, войной и политикой улавливалась многими мыслителями древности, европейской философией эпохи Возрождения и нового времени³². Наиболее же глубоко в домарксистской философии осознал диалектику такой связи Гегель, что позволило ему при рассмотрении войны и мира исходить из содержания политики и политических целей³³. Из буржуазных военных мыслителей особо выделяется К. Клаузевиц. Хотя

вслед за Гегелем Клаузевиц идеалистически трактовал государство и политику, представлял их институтами, обеспечивающими «гармонию» классовых интересов, он высказал ряд глубоких и четких положений о политической сущности войны³⁴. Особенно высоко классики марксизма-ленинизма оценивали его положение о войне как продолжении политики насильственными средствами. «Марксисты,— писал В. И. Ленин,— справедливо считали всегда это положение теоретической основой взглядов на значение каждой данной войны. Маркс и Энгельс всегда именно с этой точки зрения смотрели на различные войны»³⁵.

Сущность любого явления заключена не в специфической для него форме существования (каковой, к примеру, для войны выступает организованная вооруженная борьба). Она воплощается в той общей связи, которая включает это явление в более широкую систему действительности. Чтобы вскрыть подлинную сущность войны, необходимо было обнаружить такую сторону общественной жизни, которая бы органически порождала специфическую форму бытия войны как свое следствие. Этой стороной и является политика, политические отношения между классами и государствами. Именно поэтому В. И. Ленин подчеркивал, что нельзя правильно понять ни одной войны, не раскрыв «неразрывной экономической и исторической связи всякой войны с предшествовавшей ей политикой каждой страны, каждого класса, который господствовал перед войной и обеспечивал достижение своих целей так называемыми «мирными» средствами»³⁶.

Известно, что политика имеет два аспекта — внутренний и внешний. Именно внутренняя политика непосредственно выражает классовую природу государства и интересы классов в системе государства. Внешняя политика в общем и целом определяется политикой внутренней. Поэтому и ключ к пониманию политического содержания войны надо искать во внутренней политике. «Характер войны и ее успех,— отмечал В. И. Ленин,— больше всего зависят от внутреннего порядка той страны, которая вступает в войну ... война есть отражение той внутренней политики, которую данная страна перед войной ведет»³⁷.

³⁰ Характеристику важнейших исторических типов военной организации см. в кн.: Марксизм-ленинизм о войне и армии. М., 1968; В. И. Ленин и Советские Вооруженные Силы. М., 1969; Война и армия: Философско-социологический очерк. М., 1977; Философия и военная история. М., 1979; и др.

³¹ См.: Ленинский сборник. М., 1931, XII, с. 440—441.

³² См.: Политические учения: история и современность. Домарксистская политическая мысль. М., 1976; Андреева И. С. Проблема мира в западноевропейской философии. М., 1975.

³³ См.: Гегель. Политические произведения. М., 1978, с. 65; Он же. Соч. М., 1934, т. 7, с. 344; Соч. М., 1935, т. 8, с. 291; Энциклопедия философских наук. М., 1977, т. 3, с. 365.

³⁴ См.: Клаузевиц К. О войне. М., 1934, с. 556—566.

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 316.

³⁶ Там же, т. 32, с. 80.

³⁷ Там же, т. 39, с. 319.

Война — продолжение политики. В то же время она есть способ достижения определенных политических целей. Эти две стороны взаимосвязи войны и политики нельзя отрывать друг от друга, но нельзя и отождествлять. Положение о войне как продолжении политики выражает политическое содержание войны. Война же в качестве способа достижения политической цели является именно такой в зависимости от самой цели и средств вооруженной борьбы, используемых для ее достижения. В современную эпоху, когда средства вооруженной борьбы достигли уровня, угрожающего самому существованию человечества (термоядерное оружие), война, оставаясь продолжением политики, объективно перестает быть способом достижения политических целей.

Научное знание о войне требует раскрытия ее сущности как продолжения политики. Но не менее важно раскрытие сущности политики, которая может привести к войне. Подобно тому как сущность войны заключена не в вооруженной борьбе самой по себе, а в политике, которую война продолжает, так и сущность политики коренится в причинной связи ее с коренными, экономическими интересами определенных классов. Соответственно и глубинные материальные причины войны лежат в экономических отношениях, основанных на частной собственности на средства производства, порождающих эксплуатацию и угнетение трудящихся, в общественном строе, базирующемся на таких отношениях. В Заявлении Совещания коммунистических и рабочих партий 1960 г. справедливо подчеркивалось, что «система эксплуатации человека человеком и система истребления человека человеком — две стороны капиталистического строя»³⁸. В. И. Ленин указывал, что «война не есть противоречие основам частной собственности, а прямое и неизбежное развитие этих основ»³⁹.

Для глубокого понимания сущности войны необходимо всесторонне учесть особенности исторической эпохи, в рамках которой возникла и идет война. «Нельзя, — писал В. И. Ленин, — понять данной войны, не поняв эпохи»⁴⁰, т. е. не изучив характерное для нее соотношение классовых сил и свойственную ей систему политических отношений. «Все дело в *системе* политических отношений перед войной и во время войны»⁴¹. Именно исходя из этого и можно выявить типичные для данной эпохи войны, разработать их научную классификацию, определить практически-политическую позицию рабочего класса и его партии (а в наше время и социалистического государства) в отношении каждой конкретной войны.

Классифицировать войны возможно (и в ряде случаев необходимо) по самым различным основаниям: применяемому оружию («обычное», ядерное), характеру боевых действий (маневренные, позиционные), пространственному размаху военных операций (локальные, региональные, мировые) и др.

Буржуазные военные теоретики и историки чаще всего не выходят за рамки такой классификации. Когда же ими предпринимаются попытки дать классификацию войн как вооруженных со-

циальных конфликтов, классификация лишается научного содержания, ибо за ее основу берется чисто формальное сходство отдельных признаков, характерных для внутрисемейных ссор, уличных драк и т. д., вплоть до межгосударственных трений разного рода и самих войн⁴².

В качестве примера подобной классификации можно, в частности, указать деление войн на «религиозные войны XVI века», «кабинетные войны XVII и XVIII веков», «национальные войны XIX века», «мировоззренческие войны» (после Октября 1917 г.), принадлежащее западногерманскому генералу В. Баудиссину⁴³. В этом отношении только марксизм-ленинизм обосновал действительные принципы классификации войн как общественных явлений. Опираясь на них, советские исследователи уточнили и конкретизировали ряд важных в методологическом отношении понятий.

Первым таким понятием выступает понятие типа войны. Данное понятие охватывает войну в виде целостного двустороннего процесса. Основанием для определения типов войн становится анализ политических отношений и противоречий исторической эпохи, выделение тех из них, которые порождают войну и продолжают в ней.

В современную эпоху войны связаны с политическими отношениями между государствами двух мировых общественных систем, между империалистическими и развивающимися государствами, между самими империалистическими государствами, а также между развивающимися государствами, испытывающими различные формы давления со стороны империалистических сил. Отношения между социалистическими государствами, как и отношения между социалистическими и развивающимися государствами, сами по себе не порождают войны. Вооруженные конфликты возможны здесь лишь в том случае, если по каким-либо внешним или внутренним причинам начинает проводиться классово чуждая националистическая и шовинистическая политика, навязываемая враждебными классовыми интересами, в конечном счете интересами международной и внутренней реакции.

Особый тип войны связан с отношениями между классами внутри государства. Эти отношения могут порождать гражданские войны, возникающие между господствующими и угнетенными классами в периоды революционных переворотов или резкого обострения социальных противоречий. Гражданские войны часто сопровождаются интервенциями, организуемыми реакционными

³⁸ Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. М., 1964, с. 54.

³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 353.

⁴⁰ Там же, т. 49, с. 287.

⁴¹ Там же, с. 344.

⁴² См. анализ современных буржуазных концепций социальных конфликтов в кн.: *Дорошина И. И. Международный конфликт*. М., 1981.

⁴³ См.: *Война и армия: Философско-социологический очерк*, с. 85—87.

господствующими классами других государств в поддержку реакционных классов страны, где идет гражданская война. Так было в дни Парижской Коммуны, когда на помощь версальцам пришли прусские войска, в Советской России (1918—1920 гг.), в Испании (1936—1939 гг.). История изобилует подобными примерами.

Другим понятием, необходимым для изучения политического содержания войн, является понятие рода войны. Это понятие отражает политическое содержание войны с позиций каждой из воюющих сторон. Оно выводится на основе анализа той политики, которую определенная сторона (класс, государство) вела накануне войны и продолжает в ходе войны средствами вооруженного насилия. Прежде всего здесь выясняется, прогрессивный или реакционный характер имеет такая политика, прогрессивны или реакционны цели, реализуемые в войне данной стороной. В зависимости от этого все войны в истории делятся на два рода: прогрессивные, содействующие установлению более передового общественного строя или полигического режима, а также освобождению трудящихся от оков классового и национального гнета, и реакционные, содействующие упрочению, защите или реставрации реакционных, отживших общественных порядков, закреплению наиболее жестоких форм угнетения народных масс как внутри страны, так и за ее пределами.

Прогрессивность или реакционность тех или иных форм общественного устройства, общественных институтов и действий, направленных на их утверждение или, напротив, разрушение, носит конкретно-исторический характер. То, что прогрессивно в одних исторических условиях, например буржуазные общественные порядки в эпоху революционной ломки феодальных отношений, становится реакционным в иных условиях. Поэтому разделение войн на прогрессивные и реакционные неотделимо от оценки самих исторических эпох. В этой связи нет прогрессивных и реакционных войн «вообще», а есть прогрессивные и реакционные войны определенной исторической эпохи.

Чтобы подчеркнуть принципиально различное отношение рабочего класса к прогрессивным и реакционным войнам, В. И. Ленин употреблял для обозначения прогрессивных, освободительных, революционных войн термин справедливые войны, а реакционных, захватнических, контрреволюционных войн — несправедливые войны. «... Бывают войны справедливые и несправедливые, прогрессивные и реакционные, войны передовых классов и войны отсталых классов, войны, служащие закреплению классового гнета, и войны, служащие к его свержению»⁴⁴.

Прогрессивность политики и, следовательно, войн эксплуататорских классов всегда имела и имеет условный, ограниченный характер. Поэтому, к примеру, войны прогрессивной, домонополистической буржуазии, будучи в общеисторическом смысле прогрессивными (они велись во имя прогрессивного в свое время буржуазного строя), в то же время содержали и реакционные,

несправедливые тенденции, вытекающие из самой эксплуататорской, угнетательской природы класса буржуазии. Эти войны способны довольно легко превращаться из освободительных в захватнические, как это имело место с войнами французской буржуазии в конце XVIII — начале XIX в., с франко-прусской войной 1870—1871 гг. со стороны немецкой буржуазии.

Для войн эксплуататорских классов (даже если они в силу обстоятельств ведут их за объективно прогрессивные политические цели) свойственна внутренняя противоречивость. Реакционные тенденции раньше или позднее, но непременно обнаружат себя. Так было и в период второй мировой войны, когда Англия и США оказались вынужденными принять участие в прогрессивной по своему политическому содержанию вооруженной борьбе против наиболее агрессивных фашистских и милитаристских держав. Отнюдь не случайно, участвуя в этой борьбе, правящие круги Англии и США в то же самое время тормозили развитие освободительного движения народов Европы, задерживали открытие второго фронта, стремились максимально ослабить Советский Союз, делали все, чтобы не допустить действительно полного разгрома фашизма.

Деление войн на прогрессивные и реакционные ясно указывает на принципиальное отличие отношения к войнам со стороны коммунистов и буржуазных пацифистов. Последние осуждают войну вообще как «кровопролитие», «варварство», игнорируя связь войны с политикой, с борьбой классов. Коммунисты, предпочитая использовать любую возможность разрешать социальные противоречия в пользу сил прогресса мирным путем, без войны, тем не менее решительно поддерживают справедливые войны, коль скоро они оказываются единственно возможным ответом на насилия эксплуататорских классов и государств. «Социалисты, — писал В. И. Ленин, — всегда осуждали войны между народами, как варварское и зверское дело». Но, добавлял он, «в истории неоднократно бывали войны, которые, несмотря на все ужасы, зверства, бедствия и мучения, неизбежно связанные со всякой войной, были прогрессивны, т. е. приносили пользу развитию человечества, помогая разрушать особенно вредные и реакционные учреждения (например, самодержавие или крепостничество)...»⁴⁴. Таковы и прогрессивные войны современной эпохи, например борьба вьетнамского народа, народа Анголы, палестинского народа и т. д.

В рамках каждого из родов войн — прогрессивного и реакционного — в определенную историческую эпоху существуют различные виды войн. Понятие «вид войны», как и «род войны», отражает политическое содержание целей и действий какой-либо одной из воюющих сторон, но в конкретной связи с определенным типом политических противоречий. Так, прогрессивные (справедливые) войны современной эпохи включают в себя: войны в за-

⁴⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 337.

⁴⁵ Там же, т. 26, с. 311.

щиту социализма, национально-освободительные войны, революционные гражданские войны, войны в защиту национальной независимости и целостности государства. Реакционные (несправедливые) войны современной эпохи — это агрессивные войны империализма против стран социализма, захватнические войны, колониальные войны, контрреволюционные гражданские войны, войны в поддержку реакционных антинародных режимов.

Опыт показывает, что каждой исторической эпохе присущи определенные типы, роды и виды войн. Научный анализ такой эпохи, которая, по словам В. И. Ленина, «обнимает сумму разнообразных явлений и войн, как типичных, так и нетипичных, как больших, так и малых, как свойственных передовым, так и свойственных отсталым странам»⁴⁶, есть необходимая предпосылка для выявления типов, родов и видов войн, раскрытия их социально-политического характера, определения практического отношения к ним, соответствующего коренным интересам борьбы за общественный прогресс.

Исторический материализм дает ключ к объективному критерию, ориентируясь на который можно правильно определить отношение передовых сил общества к любому общественному явлению, в том числе и к войне. Политические отношения классов так или иначе соотносятся с их коренными экономическими интересами. Поэтому для научной оценки места и роли любого общественного явления, включая войну, в историческом процессе, предвидения его последствий критерием могут служить интересы именно того класса, который в данных исторических условиях выступает в качестве основной движущей силы общественного прогресса, способен быть носителем таких производственных отношений, в рамках которых можно обеспечить дальнейшее развитие производительных сил общества.

В условиях империализма и общего кризиса капитализма, вызванного расколом мира на две противоположные общественные системы, подобным критерием являются интересы рабочего класса. Еще в 1908 г. В. И. Ленин писал: «...не оборонительный или наступательный характер войны, а интересы классовой борьбы пролетариата, или, лучше сказать, интересы международного движения пролетариата, представляют собой ту единственно возможную точку зрения, с которой может быть рассматриваем и решен вопрос об отношении с.-д. к тому или другому явлению в международных отношениях»⁴⁷. Уже после победы Октября, в мае 1918 г., В. И. Ленин вновь подчеркнул, что правильно оценить войну, установить ее законность и справедливость можно «только с точки зрения социалистического пролетариата и его борьбы за свое освобождение; другой точки зрения мы не признаем»⁴⁸.

Такую же классовую природу имеет и критерий борьбы за мир, которую возглавляет в современную эпоху международный рабочий класс и главным оплотом которой служит материальная мощь государств социалистического содружества. Мир в наши

дни — непереносимое условие общественного прогресса, жизненная необходимость для всего человечества. Но марксисты-ленинцы ведут борьбу отнюдь не за мир вообще, не за мир, каким его хотят видеть империалисты, прежде всего американские: мир, где наложен запрет на борьбу народов за классовое и национальное освобождение, где признается безоговорочное «право» империалистических монополий грабить национальное богатство и достоинство любых стран, вмешиваться во внутренние дела тех стран, общественный строй которых «не устраивает» империалистов. Коммунисты возглавляют борьбу рабочего класса, всех прогрессивных общественных сил за справедливый, демократический, основанный на принципах мирного сосуществования, всеобщий и надежно гарантированный мир⁴⁹. Залогом такого мира служит всестороннее укрепление и развитие могущества социалистического содружества, политическая активность и единство всех антиимпериалистических сил.

В исторической перспективе обеспечение полной невозможности войн в конечном счете связано с международной победой социализма⁵⁰. Не случайно В. И. Ленин рассматривал Великую Октябрьскую социалистическую революцию как начало новой эпохи всемирной истории и в вопросе войны и мира, который «стал краеугольным вопросом всей политики всех стран земного шара», как «первую победу дела уничтожения войн»⁵¹.

3. Война, мир и общественный прогресс

Войны всегда были тяжким бедствием для широких народных масс. Однако в классовом обществе, будучи крайней формой социального насилия, они выступали необходимой формой разрешения обострившихся до предела противоречий между классами и государствами. Великие исторические вопросы, как не раз подчеркивал В. И. Ленин, могли в условиях классовых антагонизмов решаться только силой, в конечном счете — силой оружия, военной силой. От того, побеждала ли сила, являвшаяся продолжением политики прогрессивного класса или же реакционного, зависели направление, конкретные особенности, формы и темпы дальнейшего исторического развития в масштабах страны, порой — более значительного региона, а в XX в. — и в глобальных масштабах.

⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 87.

⁴⁷ Там же, т. 17, с. 195.

⁴⁸ Там же, т. 36, с. 292.

⁴⁹ См.: Соболев А. И. Диалектика социального прогресса в условиях мирного сосуществования. — В кн.: Мирное сосуществование и борьба за социальный прогресс. М., 1979; Миловидов А. С., Жданов Е. А. Социально-философские проблемы войны и мира. — Вопр. философии, 1980, № 10; XXVI съезд КПСС: единство теории и практики. М., 1982, вып. 1, 2; 1983, вып. 3.

⁵⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 133—134.

⁵¹ Там же, т. 44, с. 148, 149.

Другими словами, от результатов войн зависел и характер самого мира, новой полосы мирного развития до тех пор, пока очередное обострение классовых антагонизмов не взорвет это мирное состояние и не приведет к новым всеобщим схваткам. История классового общества представляет собой историю непрерывного чередования войны и мира. Мир фактически выступал своеобразной передышкой между войнами, заполнялся нарастающими усилиями по подготовке новых войн.

Но прогрессивные, справедливые войны, несмотря на неизбежно связанные с ними жертвы и лишения, играли и сегодня играют роль порой единственно возможного фактора, расчищающего путь освобождению угнетенных классов и народов от эксплуатации и угнетения новым, более высоким формам общественного устройства. Марксизм-ленинизм принципиально стоит на позициях использования любых, даже самых малых возможностей мирных способов решения социальных противоречий в пользу трудящихся классов, способов, которые наиболее соответствуют их коренным интересам, избавляя от жертв и разрушений.

Вместе с тем опыт всемирной истории убедительно свидетельствует и о другом: вплоть до второй половины XX столетия шансы на реализацию таких возможностей были, как правило, крайне незначительны. Господствующие, эксплуататорские классы, державшие в своих руках государственную власть, всегда стремились использовать военную силу для сохранения удобных им порядков, для устрашения угнетенных масс внутри страны и покоренных народов, пуская в ход силу оружия не только для подавления, но и для предупреждения их возможных выступлений.

Выясняя воздействие войн на ход общественного прогресса, надо также иметь в виду, что конкретное содержание общественного прогресса, характер свойственных ему противоречий различны не только в рамках общественно-экономических формаций, но и исторических этапов одной и той же формации и тем более в условиях переходных исторических эпох.

Справедливо, на наш взгляд, выдвинутое А. И. Соболевым положение о многоуровневой структуре общественного прогресса в современную эпоху, когда общественная жизнь становится все более сложной, насыщенной и вместе с тем все более противоречивой⁵². Общественный прогресс осуществляется на уровне закономерно обусловленной смены формаций, на уровне общедемократических глобальных процессов (сохранение мира, решение экологических, демографических, сырьевых, продовольственных и т. д. проблем), а также на уровне текущих повседневных экономических, социальных, политических, культурно-духовных преобразований, принципиально различных в капиталистических и социалистических странах, в развивающихся странах некапиталистической (социалистической) и капиталистической ориентации. Естественно, что воздействие на исторический процесс тех или иных войн в зависимости от их социально-политического характера, военно-технических особенностей, масштаба географическо-

го охвата и т. д. приобретает многообразные формы, по-разному влияя на развертывание и разрешение классовых противоречий, свойственных каждому из таких уровней исторического движения.

Проблемы войны и мира в ходе движения общества от одной классовой формации к другой, от эпохи к эпохе затрагивали жизненные интересы все более широких масс людей. Это связано в немалой степени с тем, что вместе с развитием производства, ростом производительных сил совершенствовалась, становилась все более разрушительной и дальнобойной боевая техника, боевые действия приобретали все больший размах, охватывали все большие пространства. Одновременно шел процесс удорожания подготовки к войне и ее ведения.

Глубокий качественный скачок в соотношении войны и мира происходит в середине XX в. Этот скачок назревал еще в недрах промышленного доомонополистического капитализма. Его предвидели классики марксизма. Раскрыв зависимость состояния военной техники от уровня производительных сил, они вместе с тем показали, что влияние новой техники на политические отношения и, стало быть, на характер и политическое содержание войн осуществляется не прямо и непосредственно, а через определенные перемены в положении тех или иных классов и соотношении сил между ними, т. е. в конечном счете через изменение экономической структуры.

Вот как трактовал, например, Ф. Энгельс политические последствия появления огнестрельного оружия: «Чтобы иметь порох и огнестрельное оружие, нужны были промышленность и деньги, а тем и другим владели горожане. Огнестрельное оружие было поэтому с самого начала направленным против феодального дворянства оружием городов и возвышающейся монархии, которая опиралась на города. Непреступные до тех пор каменные стены рыцарских замков не устояли перед пушками горожан; пули бюргерских ружей пробивали рыцарские панцири. Вместе с закованной в броню дворянской кавалерией рухнуло также господство дворянства...»⁵². Но Ф. Энгельс смотрел не только в прошлое. Ему принадлежит и замечательный прогноз относительно дальнейших тенденций милитаризации экономики, политики и идеологии ведущих государств Западной Европы, явственно обнаружившихся уже в последних десятилетиях XIX в., особенно после франко-прусской войны.

Милитаризм стал относительно самостоятельным общественным явлением, приобрел собственную диалектику развития. «Армия,— писал Ф. Энгельс,— стала главной целью государства, она стала самоцелью; народы существуют только для того, чтобы поставлять и кормить солдат. Милитаризм господствует над Европой и пожирает ее. Но этот милитаризм таит в себе зародыш соб-

⁵² См.: *Соболев А. И.* Диалектика социального прогресса в условиях мирного сосуществования.

⁵³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 171.

ственной гибели»⁵⁴. Такой зародыш Ф. Энгельс видел в гигантском росте военных расходов, подрывающих экономику буржуазных государств и заставляющих их вновь и вновь сокращать ассигнования на социальные нужды трудящихся классов, в необходимости содержания массовых армий, солдаты которых рекрутируются из среды тех же трудящихся. Введение всеобщей воинской повинности, отмечал Ф. Энгельс, приводит к тому, что умение владеть оружием обучают в конце концов весь народ. А это означает, что «народ становится способным в известный момент осуществить свою волю вопреки командующему военному начальству», и если народ сумеет проявить свою волю, то произойдет «взрыв милитаризма и вместе с ним всех постоянных армий *изнутри*»⁵⁵.

Отмеченные Ф. Энгельсом тенденции сохранились и резко усилились в XX столетии. Победа социалистических революций в России, в странах Центральной Европы, на Кубе, во Вьетнаме и т. д., национально-освободительных революций в ряде развивающихся стран в значительной степени была обеспечена разложением армий господствующих реакционных классов и даже переходом многих их частей и подразделений на сторону революции. Но к середине столетия добавились новые факторы.

Они связаны с военно-технической революцией, развернувшейся как одно из следствий научно-технической революции и развившейся в создании принципиально новых типов оружия — оружия массового уничтожения (прежде всего атомного и термоядерного) и технических средств, способных доставлять заряды этого оружия практически в любой район земного шара. Появление такого оружия знаменовало важные качественные сдвиги в соотношении войны и политики. Разумеется, сущность войны как продолжения политики остается при всех условиях. Современные милитаристы, прежде всего в США, планируют так называемые ограниченную или тотальную ракетно-ядерные войны, исходя из антисоциалистических, антисоветских, реакционных и чело́веконенавистнических политических целей.

Вместе с тем есть и другая сторона соотношения политики и войны. Война есть чрезвычайное средство практического осуществления политики. Ее использование в качестве такого средства имеет разумный смысл лишь тогда, когда развязывающий войну агрессор может реально рассчитывать на то, что возможные жертвы, потери и разрушения, которые он в ходе войны понесет, будут компенсированы и существенно перекрыты конечными итогами войны. Перед угрозой атомного нападения Советский Союз был вынужден создать атомное оружие. Оно было принято на вооружение Советской Армии, чтобы не дать наиболее агрессивным группировкам монополистического капитала возможность безнаказанно попытаться реализовать свои агрессивные, разбойничьи замыслы — столкнуть человечество в пропасть атомной катастрофы. Ценой большого напряжения и героических усилий Советский Союз сумел обеспечить и твердо гарантировать на

будущее стратегический паритет, т. е. примерное равенство военных сил социалистического содружества с военными силами США и их союзников по НАТО. «Сложившееся военно-стратегическое равновесие между СССР и США, между Варшавским Договором и НАТО объективно служит сохранению мира на нашей планете, — подчеркивалось на XXVI съезде КПСС. — Мы не добивались и не добиваемся военного превосходства над другой стороной. Это не наша политика. Но мы и не позволим создать такое превосходство над нами»⁵⁶.

Последствия применения ядерного оружия таковы, что ни одна из стран не сможет избежать его разрушающей силы. Такие результаты не могут быть компенсированы ничем. Именно поэтому «рассчитывать на победу в ядерной войне — это опасное безумие»⁵⁷. Даже те представители правящей буржуазной элиты, которые сохранили способность разумно рассуждать, понимают, что возможность добиться победы в ядерной войне над социалистическим содружеством — опаснейшая химера. Но оружие массового уничтожения не только делает войну абсолютно неразумным средством достижения каких-либо политических целей. Оно содействует пробуждению в широчайших массах людей сознания опасности войны, агрессивной политики администрации США, создающей угрозу термоядерной войны, способствует небывалому размаху и росту активности общедемократического движения в защиту мира, за срыв преступных замыслов империалистических сил.

Еще в 1908 г. В. И. Ленин отмечал, что войны прекратятся либо с уничтожением порождающего их капиталистического строя, либо же «когда громадность человеческих и денежных жертв, вызванных военно-техническим развитием, и вызванное вооружениями народное возмущение приведут к устранению этой системы»⁵⁸. В 1918 г. он подчеркивал, что применение в войне самых могучих завоеваний техники — путь «к массовому истреблению миллионов человеческих жизней». Оно повлечет за собой «одичание, голод и полный упадок всяких производительных сил», подрыв «самых условий существования человеческого общества»⁵⁹.

Н. К. Крупская вспоминает, что В. И. Ленин очень часто возвращался к мысли о воздействии развития техники на характер войны и на решение проблемы войны и мира в целом. Она пи-

⁵⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 175. Милитаризм, выступающий и «как военная сила, употребляемая капиталистическими государствами при их внешних столкновениях ... и как оружие, служащее в руках господствующих классов для подавления всякого рода (экономических и политических) движений пролетариата», В. И. Ленин называл «результатом капитализма» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 187).

⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 175.

⁵⁶ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 22.

⁵⁷ Там же, с. 23.

⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 188.

⁵⁹ Там же, т. 36, с. 396.

сала: «Владимир Ильич говорил, что современная техника сейчас все более и более помогает разрушительному характеру войны. Но будет такое время, когда война станет настолько разрушительной, что она вообще станет невозможной ... Ильич с большим увлечением говорил об этом. Видно было, как страстно он хотел, чтобы война стала невозможной»⁶⁰.

Война, получив в свое распоряжение чудовищные средства разрушения, фактически, о чем уже шла речь, перестает быть способом достижения политических целей. Militarизм подрывает сам себя, доводится до абсурда диалектикой собственного движения. Война между государствами (ибо только в такой войне возможно применить оружие массового уничтожения) достигла к середине XX столетия такой стадии развития, которую советские исследователи Н. М. Никольский и А. В. Гришин называют условно «историческим пределом войн»⁶¹. Наступление этого предела вызывается, конечно, не только материально-техническим фактором (чрезвычайная мощь нового оружия). Можно говорить также и о географическом факторе (глобальные масштабы военных действий), демографическом (угрожающие самому существованию человеческого рода размеры людских жертв), экономическом (гигантская стоимость современного оружия и обеспечения военных действий) и др. Но важнейшее значение имеют социально-политические факторы.

Во-первых, все углубляющийся общий кризис капитализма, связанный с процессом сужения территориальной сферы его господства, прогрессирующим изменением соотношения сил на мировой арене в пользу сил демократии, социализма и мира; сокращение самой социально-экономической базы подготовки и ведения агрессивных империалистических войн. Вместе с тем угроза войны сохраняется, ее основной источник еще не ликвидирован. Только всемирное утверждение социалистического общественного устройства, «устранив деление человечества на классы, устранив всякую эксплуатацию человека человеком и одной нации другими нациями, неминуемо устранил всякую возможность войн вообще»⁶².

Во-вторых, потеря империалистическими агрессивными войнами важнейшего с точки зрения коренных интересов империализма их «назначения» быть наиболее мощным средством разгрома победившей социалистической революции, социалистических государств. Уже развязанные империализмом первая и вторая мировые войны в конечном счете не сумели обеспечить достижение целей, которые ставили себе империалистические державы. Наоборот, они привели сперва к расколу мира на две системы и общему кризису капитализма, а затем к повому углублению общего кризиса, к образованию мировой системы социалистических государств, к дальнейшему разворачиванию мирового революционного процесса. Этот процесс объективно включил в себя и возникшие после второй мировой войны массовые демократические движения против агрессивных войн, в защиту мира. В наше вре-

мя борьба за мир, за обуздание империалистических агрессоров, их политики экспорта контрреволюции — неотъемлемая часть мирового революционного процесса⁶³.

В первые дни существования Советского государства В. И. Ленин подчеркивал, что при наличии раскола мира на две системы и тенденций развития военной техники единственным путем к сохранению мира является мирное сосуществование государств с различным социальным строем. В условиях НТР и сопутствующей ей военно-технической революции никакой разумной альтернативы мирному сосуществованию вообще нет и не может быть. Безумным попыткам агрессивных сил империализма добиться военного превосходства над социалистическими странами, найти способы военной победы над ними, уцелев самим, повернуть вспять ход истории Советский Союз, содружество социалистических стран противопоставляют разработанную КПСС Программу мира — объединение всех миролюбивых сил планеты для нахождения реальных путей ограничения гонки вооружений, разоружения, всестороннего мирного сотрудничества человечества. XXVI съезд КПСС подчеркнул, что это единственная «путеводная нить в завтрашний день»⁶⁴. Советский Союз делает все, от него зависящее, чтобы отвести угрозу ядерной войны. «Человечество не может без конца мириться с гонкой вооружений и с войнами, если не хочет поставить на карту свое будущее, — говорил на ноябрьском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС Ю. В. Андропов. — КПСС против того, чтобы спор идей превращался в конфронтацию между государствами и народами, чтобы мерилom потенциалов общественных систем становились оружие и готовность применить силу. ...Военное соперничество — не наш выбор. Мир без оружия — вот идеал социализма»⁶⁵.

⁶⁰ Крупская П. К. О Ленине. М., 1971, с. 40—41; см. также: с. 53—54.

⁶¹ Никольский Н. М., Гришин А. В. Научно-технический прогресс и международные отношения: (Некоторые аспекты проблемы войны и мира, разрядки и разоружения в условиях НТР). М., 1978; см. также: Никольский Н. М. Основной вопрос современности. Проблема уничтожения войн. М., 1964.

⁶² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 78.

⁶³ См.: Федосеев П. Н. Диалектика общественной жизни. — Пробл. мира и социализма, 1981, № 9.

⁶⁴ См.: Материалы XXVI съезда КПСС, с. 31.

⁶⁵ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 22 ноября 1982 года. М., 1982, с. 18.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС — ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ И СМЕНЫ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЙ

Глава 1

ФОРМАЦИОННЫЕ СТУПЕНИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

1. Первобытнообщинный строй

Первобытное общество — первая общественно-экономическая формация в человеческой истории. Она охватывает огромную по своей протяженности эпоху. Процесс ее становления совпадает с процессом становления общества и общественного человека. Ее формирование завершается вместе с завершением антропосоциогенеза. Исходным пунктом общественного развития в первобытную эпоху и главной структурной ячейкой, определяющей характер общественного строя на первобытной ступени, является естественно возникшая общность людей — первобытная община. Поэтому и сама формация носит название первобытнообщинной. От нее через классово-антагонистические формации начинается движение к высшей социальной целостности, к подлинной истории человечества — коммунизму.

Первобытнообщинная формация — это господство первобытного коллективизма в производстве, распределении и потреблении жизненных средств, равенство членов внутри социальных образований. Коллективистский характер общественного строя в первобытную эпоху вытекал из крайне низкого уровня развития производительных сил, при котором лишь сообща, сплоченными коллективами люди могли противостоять природе. Вместе с тем на этапе первобытнообщинного строя были достигнуты значительные успехи в изготовлении орудий труда и преобразовании с их помощью природных предметов и процессов. Человек прошел многотрудный путь от грубо обработанных камня, палки и кости, примитивных рубил, скребков и остроконечников до многообразных высокоспециализированных орудий позднего палеолита, изобретения лука и стрел, лепки гончарной посуды, ткачества и, наконец, до подлинной технической революции на стадии неолита, предоставившей возможность перейти от присваивающего хозяйства к производящему¹.

Применение орудий труда сняло те ограничения, какие ставит природа в обмене веществ и энергии между живым организ-

мом и природной средой. Труд и прежде всего изготовление орудий труда создали человека, вывели его из царства животных. Преобразующая, производственная деятельность стала родовым признаком человека, выражением его сущности. К стадии первобытности относятся огромные достижения в познании растительного и животного мира, истоки народной медицины, математики, астрономии, географии и картографии, химии и физики, других отраслей знаний, ставших основой перехода к производящему хозяйству, а в конечном итоге и к цивилизации.

При всем прогрессе в технической оснащённости человека, какой имел место в первобытную эпоху, вплоть до неолитической революции, радикального сдвига в орудиях труда не было. Орудия делались из материалов, непосредственно предоставляемых природой (камень, кость, дерево и т. п.). Основным, а до неолитической революции и единственным видом энергии оставалась мускульная сила человека². В таких условиях самое большее, что мог сделать человек,— это забрать, вырвать у природы то, что она сама производила. Отсюда, начиная со стадии становления человеческого общества и вплоть до обозначившихся предпосылок разложения первобытнообщинной формации, господство присваивающего хозяйства³— охоты, собирательства, рыболовства.

Несмотря на всеобъемлющую зависимость от природы на этой стадии исторического развития, человек благодаря орудийной деятельности и своей социальной организации выработал приспособительные механизмы, позволявшие ему преодолевать давление природной среды. О их действительности свидетельствует уже самый факт расселения людей в различных по своим условиям регионах планеты. Огромную роль в этом сыграло освоение огня — первого вида энергии, извлеченного человеком из внешней природы. По глубокому замечанию Ф. Энгельса, овладение огнем положило окончательный рубеж между животным и человеком⁴.

С изготовлением в эпоху неолита орудий, посредством которых можно было целенаправленно изменять природные процессы,

¹ См.: *Беликин Л. Д., Веселовский О. Н., Конфедератов П. Я., Штейнберг Я. А.* История энергетической техники. М.; Л., 1960; *Зворыкин А. А., Осьмова Н. А., Чернышев В. И., Шухардин С. В.* История техники. М., 1962; *Семенов С. А.* Развитие техники в каменном веке. Л., 1968; Современная научно-техническая революция. М., 1970; Первобытное общество: Основные проблемы развития. М., 1975; *Волков Г. Н.* Истоки и горизонты прогресса. М., 1976; *Румянцев А. М.* Возникновение и развитие первобытного способа производства. Присваивающее хозяйство. М., 1981; и др.

² См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 190.

³ Следует иметь в виду некоторую условность терминологии при противопоставлении присваивающего хозяйства и производящей экономики. Поскольку при присваивающем хозяйстве используются орудия труда и преобразуются природные продукты, постольку и оно являлось производством, хотя и очень еще примитивным, находящимся в стадии становления, по тем не менее производством.

⁴ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 117, 430 и др.

т. е. с появлением производящего хозяйства, человек стал активнее осваивать природные условия своего существования. Возможности создания жизнеобеспечивающих средств многократно расширились.

Главным социальным фактором, позволяющим первобытному человеку противостоять природе, была его коллективность. Кооперация труда, общая собственность на орудия труда и добываемые продукты, уравнилельное распределение, учитывающее физиологические потребности индивидов, обеспечивали выживание первобытных коллективов в суровых условиях борьбы за существование. Примитивный уровень технической оснащенности обуславливал небольшие масштабы, автаркизм и разобщенность первобытных коллективов. Численность таких коллективов должна была соотноситься с возможностями «кормовой» территории, на которой они проживали. Современные этнографические данные свидетельствуют, что число членов общины у охотников, собирателей и рыболовов редко превышало 40—50 человек. Лишь у земледельцев и скотоводов оно поднималось до нескольких сот человек. Роль условий, ограничивающих масштабы первобытных коллективов, играли также уравнилельность распределения, которая могла быть эффективной в пределах достаточно узкого круга людей, связанных кровнородственными и брачно-семейными узами.

Принадлежность индивида к определенному коллективу — непременное условие производства материальных жизненных средств и вообще самой жизни первобытного общества. На этой стадии исторического процесса таким коллективом могла служить лишь естественно возникающая общность, которая, по выражению К. Маркса, выступает необходимой предпосылкой существования производителя «точно так же как его живое тело, воспроизводимое и развиваемое им, первоначально создано не им самим, а является *предпосылкой* его самого»⁵. Человек существует как член рода, племени или иной подобной общности⁶. Присвоение условий и предметов потребления и средств производства — на данной стадии общественного развития подавляющая масса их имеет природное происхождение — предшествует труду, осуществляется посредством общинного коллектива. Индивид присваивает землю — первоначальное орудие труда, лабораторию и хранилище сырья — только в качестве члена общины, к которой он принадлежит. Отношение к земле «сразу же опосредствовано естественно сложившимся, в той или иной мере исторически развитым и видоизмененным существованием индивида как *члена какой-либо общины*, его естественно сложившимся существованием как члена племени и т. д.»⁷. Составляя основу общественного производства, общинная кооперация труда обуславливает собой на этой ступени общественного развития и соответствующую форму собственности⁸.

Родовая (кровнородственная) община, о чем уже шла речь в первом разделе книги,— исторически первая социальная ячейка

общества. Характерной ее чертой, подчинявшей кровнородственные связи условиям исторического развития, выступает экзогамия (запрет брачных отношений внутри рода). Наличие экзогамии предполагает по меньшей мере дуально-родовую организацию первобытного общества. Поэтому вместе с родом появляется и племя как общность людей, вступающих между собой в брачные связи. Эндогамность племени отграничивала его от других первобытных образований, создавала целостность сообщества брачующихся родов. Поскольку первобытное общество не знает иного средства выражения общественных отношений, нежели кровнородственные связи, постольку принцип родства был перенесен и на социальную организацию племен — совокупности родов. На ранних этапах племенное единство находит свое выражение в наличии племенного тотема (выведение происхождения от растения, животного или какого-либо другого объекта внешней природы). Со времени неолитической революции, приведшей первоначально к расцвету родоплеменного строя, вызвавшей массовые перемещения племенных групп и отрыв их от исконной тотемной территории, отсчет родства стал вестись от единого человеческого предка (действительного или вымышленного).

С развитием и усложнением родоплеменного строя складывается иерархия общин и родов, а на самом позднем этапе — племен и их союзов. Но и с эволюцией рода и связанного с ним племени, а также их подразделений, передачей им части функций, ранее осуществлявшихся общиной, последняя продолжает оставаться социальным образованием, определявшим собой всю систему общественных отношений. Она — главный субъект отношений собственности и всех других отношений первобытного коллектива. В целом первобытный строй — это система общин,

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 478.

⁶ «Естественно сложившаяся племенная общность (кровное родство, общность языка, обычаев и т. д.) или, если хотите, стадность, есть первая предпосылка присвоения людьми объективных условий как их жизни, так и той деятельности, при помощи которой эта жизнь воспроизводится и облекается в предметные формы (деятельность в качестве пастуха, охотника, земледельца и т. д.)» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 462—463).

⁷ Там же, с. 473.

⁸ «Первоначальное единство особой формы общины (племени) и с ней связанной собственности на природу, или отношение к объективным условиям производства как к бытию природы, как к опосредствованному общиной объективному существованию отдельного человека, это единство, которое, с одной стороны, выступает как особая форма собственности, имеет свою живую действительность в самом определенном способе производства, способе, являющемся в такой же мере отношением индивидов друг к другу, в какой и их определенным действенным отношением к неорганической природе, их определенным способом труда...» (Там же, с. 484—485). Эта же мысль выражена К. Марксом и в другой форме: «...Первоначальные формы собственности в такой же степени образуют экономическую основу различных форм общины, в какой они сами, в свою очередь, имеют в качестве предпосылки определенные формы общины» (Там же, с. 490).

связанных между собой через роды, фратрии, племена, через пересекающие их брачные и возрастные классы.

Неразвитость труда, полная зависимость человека от природы обуславливали коллективность форм присвоения, обмена и распределения. Труд отдельного человека в первобытной общине не имеет самостоятельного существования; это составная часть, функция целостного труда общины⁹. В качестве «совокупного организма связанных между собой рабочих сил»¹⁰ община доставляла тем самым дополнительную производительную силу. На этой стадии человеческой истории роль трудовой кооперации как фактора, непосредственно определяющего социальную структуру, была особенно велика и значима.

Имевшее место в родовой общине разделение труда и его кооперация являются природными по своему происхождению. Общественное разделение труда в собственном смысле этого слова зарождается на определенном этапе развития первобытного общества на границах отдельных общин, обменивавшихся продуктами своей деятельности¹¹. Распределение жизненно важных функций внутри общины связано с половозрастными различиями. На долю мужчин приходится изготовление орудий труда, охота, защита территории обитания от посягательства со стороны «чужаков», на долю женщин и детей — собирательство, ведение домашнего хозяйства, воспитание подрастающего поколения, уход за нетрудоспособными членами общины. На стадии развитого родоплеменного строя отмеченное различие оформляется в системе мужских и женских объединений, возрастных групп, иначе, классов¹², накладывавшихся на общины и роды, чем еще больше подчеркивалось единство первобытной общности.

Общественно полезные функции, выполняемые разными возрастными группами, а следовательно, их положение в коллективе (общине, роде, племени) не были одинаковыми. Статус каждого возрастного класса жестко определяется традицией. Но поскольку для каждого индивида имеется возможность (хотя бы потенциальная) пройти через все возрастные ступени, постольку система возрастных классов не ведет к социальной стратификации, не порождает монополии на выполнение тех или иных общественных функций определенными социальными слоями. Неразвитость объективного (предметно-вещных) и субъективного (знание, способности, опыт, навыки индивидов) факторов производительных сил не позволяет технологическому разделению труда перерасти в социальное.

Безраздельно господствующие на первобытной стадии общественного развития кровнородственные связи в политэкономической, а вслед за ней и в исторической литературе с начала 30-х годов часто отождествлялись с производственными отношениями, что создавало упрощенное представление о системе общественных отношений первобытного общества, вело к смешению первичного и вторичного уровней общественной жизни, односторонней трактовке элементов социальной структуры.

Своеобразной реакцией на ограничение кровнородственных связей первобытности областью производственных отношений стало наметившееся с конца 50-х годов направление, согласно которому фактором, определявшим общественное развитие в первобытную эпоху, выступает производство не жизненных средств, а самого человека. Исходя из этих посылок, некоторые ученые не считают возможным стадия арханческой социальности, т. е. первичную общественную формацию, рассматривать в виде общественно-экономической формации, проводят взгляд на первобытное общество, с одной стороны, и последующие классовые общества — с другой, как на социальные системы, имеющие принципиально отличные основы развития. В первом случае в качестве таковой называется движение кровнородственных и семейно-брачных отношений, во втором — диалектика производительных сил и производственных отношений¹³.

При обосновании тезиса о преобладании в первобытную эпоху производства человека над производством жизненных средств обычно ссылаются на широко известное место из предисловия Ф. Энгельса к первому изданию книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Однако в названном предисловии, на чем мы уже останавливались в главе «Общество и личность» нашей книги, говорится не об определяющей роли производства человека в системе первобытных общественных отношений в противовес примату материального производства на последующих исторических этапах, а совсем о другом — производстве человека как фактора непосредственной жизни общества, субординации экономического и семейного строя в конкретном историческом процессе и специфике социальных связей в первобытном обществе¹⁴.

Ф. Энгельс вслед за К. Марксом подчеркивает определяющую роль в истории производства материальных жизненных средств. Именно с этих позиций написана вся книга. Происхождение и развитие семьи, появление частной собственности и государства убедительно объясняются прогрессом производительных сил общества. Исходя из этого основания, Ф. Энгельс строил и саму

⁹ «Община [Gemeinwesen], являющаяся предпосылкой производства, — разъясняет К. Маркс, — не позволяет труду отдельного лица быть частным трудом и продукту его быть частным продуктом; напротив, она обуславливает то, что труд отдельного лица выступает непосредственно как функция члена общественного организма» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 20).

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 391—392.

¹¹ См.: Там же, т. 23, с. 364 и др.

¹² Подробнее об этом см.: Калиновская К. П. Возрастные группы народов Восточной Африки: Структура и функции. М., 1976; Община в Африке: проблемы типологии. М., 1978, с. 240—260; и др.

¹³ См.: Тер-Акопян Н. Б. К. Маркс и Ф. Энгельс о характере первичной общественной формации. — В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968.

¹⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 25—26.

периодизацию первобытности (дикость, варварство, переход к цивилизации).

Производство и воспроизводство непосредственной жизни предполагает в первобытном обществе производство и воспроизводство человека в его отношениях к общине и к тем природным предпосылкам, какие даны вместе с его собственным существованием. Как бы слабо ни были развиты производительные силы первобытнообщинной формации, именно они были тем фундаментом, на котором формируется система архаической социальности. И это положение относится не только к периоду производящей экономики (на первобытность падают ее самые ранние ступени), но и к эпохе присваивающего хозяйства. К приведенной характеристике важно добавить и то, что господствующие в первобытном обществе кровнородственные связи представляют собой специфическое средство выражения наряду с производственными и всех других общественных отношений. Они являются своеобразной в своей неповторимости синкретической формой социальных связей.

Неразвитость труда по всем его параметрам (орудия и прочие технические средства, производственный опыт и навыки, кооперация и дифференциация труда), преобладание естественных факторов производительных сил над исторически приобретенными и живого труда над овеществленным, привязанность производства к природным условиям, погруженность человека в производство непосредственных жизненных средств выступают причиной присутствующего первобытному обществу синкретизма общественных отношений, невычлененности различных сфер общественной жизни, слитности материального и духовного производства. Община — универсальный институт, осуществляющий хозяйственную, семейно-бытовую, культовую и другие функции. Определяя собой все стороны общественной жизни, материально-производственная деятельность еще не обособляется от других видов деятельности. Кровнородственные отношения, связующие элементы социальной структуры и внутри общины и между общинами, также характеризуются синкретизмом.

Рассматривая проблему синкретизма первобытного общества, следует иметь в виду то, что сам такой синкретизм не есть нечто неизменное. Уже на довольно ранней стадии первобытности обозначаются признаки его распада: разделение на своих и чужих, расхождение общины, рода и племени. По данным этнографических исследований, в общине при всей ее универсальности на первый план все больше выходит производственная деятельность, институты же рода и племени берут на себя функцию межобщинного общения, в силу экзогамии к ним естественно отходят и брачно-семейные отношения¹⁵. Специфические мужские и женские, а также возрастные коллективы, олицетворяя слитность общественных отношений, закрепляют в то же время и принцип половозрастного разделения труда, что становится преддверием их дифференциации.

Складывается тенденция усложнения общественной структуры. Однако главным ее элементом и вместе с тем социальной ячейкой первобытного общества, определяющей его лицо, до самого конца остается родовая община, ибо здесь сосредоточена трудовая деятельность людей — производство и воспроизводство непосредственных средств жизни.

Особенности способа производства, присущие первобытному обществу, коллективизм, пронизывающий материальное производство и всю социальную структуру, находят свое отражение и в духовной жизни. Она также насковзь проникнута господством стихийного коллективистского начала. Первобытный человек не отделяет себя от общности, к которой принадлежит. Он целиком поглощен ею, его жизнедеятельность тождественна с жизнедеятельностью коллектива. Традиции, мнение, воля коллектива обуславливают поведение, психологию индивида, строй его мышления. До самых последних этапов развития первобытнообщинной формации сохраняется нерасчлененность общественного (группового) и индивидуального сознания. Слитное с жизнедеятельностью родовой общины групповое сознание на этой ступени исторического процесса — единственно возможная форма фиксации и закрепления социальных достижений, кодирования приобретенного опыта, навыков, умения. С ним связан и ритуально-практический характер знаковых систем первобытной культуры, многочисленные табу и запреты.

Другая черта первобытного сознания состоит в восприятии человеком самого себя как неотъемлемой части природы, тождественной ей. Эта специфика сознания первобытного человека вытекает из его невычлененности в реальной жизни из природы, полной зависимости от нее. Не только присваивающее охотничье-собираческое хозяйство, но и появившееся в эпоху неолита скотоводство были экологически обусловлены, органически вписаны в природные циклы. Естественное происхождение имела и сама человеческая общность, скрепляющие ее социальные связи. Слитность человека с природой находит выражение в тотемизме. Будучи специфической формой осознания коллективом своего единства, тотемизм являлся также и отражением органической связи рода с территорией обитания.

Понимание данной связи в виде кровного родства (принцип, на котором зиждилось единство коллектива) наглядно свидетельствует о зависимости восприятия внешнего мира первобытным человеком от ступени общественного развития. Первобытное мышление переносило общественные закономерности на природные и, напротив, природные — на общественные. Оно приписывает внеш-

¹⁵ См.: *Бахта В. М.* Папуасы Новой Гвинеи: производство и общество. — В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968; *Бутинцев И. А.* Первобытнообщинный строй: (Основные этапы и локальные варианты). — Там же; *Кабо В. Р.* Первобытная община охотников и собирателей (по австралийским материалам). — Там же; *Маретин В. В.* Основные типы общины в Индонезии. — Там же.

ней природе те же свойства, что были заключены в человеке, одухотворяет природные объекты, ставит их в родство друг с другом. Вместе с тем появление на развитой стадии родоплеменного строя культа предков, т. е. антропологического принципа в установлении родства, свидетельствует об определенном сдвиге в сознании первобытного человека: он делает первые шаги к тому, чтобы выделять себя, свой род, племя из внешней природы.

Накопленные в эпоху первобытности знания носили эмпирический характер. Они были слишком недостаточны, чтобы объяснить закономерности внешнего мира и человеческой природы. Для первобытных людей характерны два уровня сознания — обыденное и мифологическое. Их источник — неспособность первобытных людей сознательно овладеть закономерностями развития природы и общества. Первобытный человек населяет мир душами и духами, которые в его представлении ведают и явлениями природы, и людьми, их судьбой, жизнью и смертью.

Анимизм и фетишизм, приписывающие неодушевленным предметам чудодейственные свойства влиять на человека, — древнейшие виды религиозных верований. Ограниченность общественной практики предопределяла такие особенности мышления первобытного человека, как неотчетливое различие предмета и слова, символа, его обозначающего, замена причинно-следственных связей прецедентом, сущности — происхождением и т. п. Выработанные в первобытную эпоху абстракции выступают в конкретном, зрительно-осязаемом образе. Первобытное сознание носит мифологический характер. Ему присуща бессознательная, эмоциональная переработка действительности. Мифы, легенды, волшебные сказки, сочетающие позитивные знания с художественной фантазией, служат способом передачи информации последующим поколениям. С переходом к цивилизации мифология стала исходным материалом для религиозных систем, философии, поэзии, историографии.

В своем развитии родовая община прошла ряд этапов: от примитивных коллективов охотников, рыболовов и собирателей до сложной организации ранних земледельцев и скотоводов. Различия естественно-географических условий, в которых находятся отдельные общины, предопределяет многообразие конкретно-исторических форм общинных организаций, а также путей и темпов их изменения. Роль природной среды в этом плане еще сильнее стала проявляться с переходом от присваивающего хозяйства к производящему. Соответственно меняются и межобщинные связи.

Глубинную основу эволюции первобытных коллективов составляет соотносящееся с прогрессом в производстве орудий и расширением знаний об окружающем мире изменение в формах обмена взаимной деятельностью людей. С возникновением производящего хозяйства и его дальнейшим развитием, выразившимся в выделении в особые сферы земледелия, скотоводства, ремесла, специализированных охоты и рыболовства, а затем в появлении и более дробной специализации в пределах этих сфер, интенсифици-

руются и усложняются связи внутри общин, родов и племен и соответственно взаимоотношения между ними.

Показательно, что именно на период перехода к производящему хозяйству приходится единодушно отмечаемое археологами и этнографами укрупнение первобытных коллективов (до нескольких сотен людей) и установление более тесного общения между ними, складывание иерархической системы родов, племен и их союзов¹⁶. Внутри общин ранних земледельцев и скотоводов заметно возрастает роль коллективных работ, трудовой кооперации.

Наряду с естественным богатством средствами жизни, которые на стадии присваивающей экономики являются не только главным, но и решающим природным условием существования человека, со времени неолитической революции приобретает все большее и большее значение и, наконец, становится главным второй вид естественного богатства — богатство средствами труда. На стадии аграрной экономики, т. е. с момента утверждения производящего хозяйства и до промышленного переворота, исключительное место среди средств труда занимает земля. Если на самых начальных ступенях человеческой истории, при присваивающем хозяйстве, земля — это всеобщий предмет труда, кладовая пищи и арсенал средств труда, то теперь, при господстве аграрной экономики, она еще и главное орудие и средство производства. Включенное посредством человеческой деятельности и технических средств труда в производственный процесс естественное плодородие земли функционирует как производительная сила общества¹⁷. В таком же качестве выступают измененные посредством труда, выращенные человеком животные, их тягловая сила, а затем сила падающей воды и ветра, дополнившие мускульную энергию человека.

Родовая община, племя, союз племен всегда имеют свою территорию, которая доставляет им средства пропитания и которую они оберегают от посягательства чужаков. Но не совместное проживание на определенной территории создает общность названных структурных элементов родоплеменного строя. Их цементируют кровнородственные узы. Занятие земледелием и животноводством прочно привязывает общины к земле, делает их оседлыми, создает новую форму их связи с территорией. Показательно, что именно ко времени возникновения земледелия восходит происхождение обнаруживаемой во многих традиционных обществах сакрализации земли¹⁸. Оседание на землю, неразрыв-

¹⁶ Археологические исследования фиксируют приходящееся на стадии возникновения раннеземледельческих культур резкое укрупнение первобытных поселков, смену однокомнатных жилищ многокомнатными (см.: *Массон В. М.* Средняя Азия и древний Восток. М.; Л., 1964; *Он же.* Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л., 1976).

¹⁷ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 189—190 и след.

¹⁸ См.: *Община в Африке...* М., 1978, с. 75—95; *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 1981, гл. 6.

ная связь с обрабатываемой территорией ведет к тому, что на кровнородственные связи, которые еще в течение тысячелетий остаются фактором общественной интеграции, начинают накладываться связи соседские, территориальные, вырастающие из новой организации производства. Это ставит родовую общину на путь перерождения в общину сельскую, соседскую.

Занятия земледелием и животноводством изменяют сложившуюся на стадии присваивающего хозяйства систему производственных отношений, порождают новые формы распределения, обмена и потребления, в соответствии с которыми рано или поздно изменяется и вся социальная структура. Сам характер сельского хозяйства как формы производства в сочетании с существовавшей в то время техникой и агрикультурой диктует форму и масштабы производственных ячеек и взаимоотношения между ними, цикличность работ, распределение произведенного продукта, возможности обмена его избытками и т. д. Даже выбор места обитания производится теперь с учетом потребностей сельскохозяйственного производства, от него зависит тип поселения и расселения. Короче говоря, введение земледелия и животноводства переворачивает весь жизненный уклад первобытных людей. Внутри общины, перерождающейся в соседскую, все большую хозяйственную самостоятельность приобретает семья. Вместе с тем развиваются и усложняются формы кооперации труда, являющиеся условием существования семейного хозяйства. На почве общих работ (совместные работы по подъему нови, освоению водных источников, мелиорации, ирригации, выпас скота и т. д.) между семьями завязываются соседские отношения, отличающиеся от уз родства. Увеличивающееся вложение в землю овеществленного труда подрывает первобытно-коммунистическую основу собственности на землю: в недрах общины возникают завязи дуализма коллективного и частного начал, который впоследствии становится характерной чертой соседской общины. Будучи новым видом производственной деятельности, сельское хозяйство неизбежно создает базис для иных, более сложных и многообразных форм общественного разделения труда, вызывает изменение социальной структуры, сложившейся на стадии присваивающей экономики.

Обособление внутри родовой общины отдельных домохозяйств (сначала больших семей, а затем и малых) — исходный пункт трансформации социальной структуры первобытного общества, происшедшей под влиянием производящего хозяйства. Оно ведет к изменению форм обмена взаимной деятельностью, ее результатами, к постепенному нарушению равнообеспечивающего принципа распределения и потребления жизненных средств. Получающее все большую экономическую самостоятельность семейное хозяйство превращается в главную форму организации производительных сил, вытесняя в данной роли родовую общину. Парцелляризация общественного производства становится источником частного присвоения, разложения коллективной формы

собственности, что неизбежно ведет и к разложению архаической социальности.

Место кровнородственной общины с присущим ей коллективизмом производства и потребления через ряд промежуточных форм¹⁹ занимает община соседская, территориальная, состоящая из объединения отдельных семейных хозяйств. Разрывая сильную, но узкую связь членов первобытного коллектива, покоящуюся на кровном родстве, соседская община, по словам К. Маркса, «оказывается более способной расширяться и выдерживать соприкосновение с чужими»²⁰. Это ее свойство было чрезвычайно ценным при изменении форм кооперации и дифференциации труда и прогрессивном увеличении численности населения, что само по себе уже играло важную роль в изменении социальной структуры общества, его движения в направлении к классовому обществу.

Возрастание плотности населения ведет к тому, что в истари сложившихся ареалах расселения людей природа не успевала себя воспроизводить. С достижением производящим хозяйством той стадии, когда от него начинает отпочковываться в качестве самостоятельной отрасли кочевое скотоводство, усиливается процесс сегментации первобытных коллективов, их передвижение на новые места. Количество свободных земель, доставлявших жизненные средства, сокращается. В силу этого обостряется борьба между родами и племенами за среду обитания, территорию (благодаря чему на стадии военной демократии первобытная война и становится одним из видов деятельности).

Выступая следствием перехода к производящему хозяйству, увеличение численности населения, в свою очередь, стимулирует его дальнейшее развитие²¹. В недрах перерождающейся в соседскую родовой общины постепенно складывается аллод — частная собственность непосредственных производителей, на основе которой со временем вырастает имущественная и социальная дифференциация, формируются общественные классы.

¹⁹ Некоторые авторы склонны рассматривать в одном таксономическом ряду с кровнородственной и соседской общинами также общины большесемейную и земельную. Но первая из них была преимущественно хозяйственным объединением и не обладала комплексом социальных функций, отличавших первобытную и соседскую общины; вторая является первой ступенью в развитии соседской общины и, обладая всеми ее главными признаками, несет на себе печать архаической социальности.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 403. Прочитываемое положение К. Маркса относит к стадии земельной общины, т. е. самой ранней стадии соседской организации.

²¹ Исследованиями И. Н. Хлопина убедительно показана взаимообусловленность роста народонаселения и обособления скотоводства в особую сферу производящего хозяйства (см.: Хлопин И. Н. Сегментация в истории первобытного общества. — *Вопр. истории*, 1968, № 8; *Он же*. Возникновение скотоводства и общественное разделение труда в первобытном обществе. — В кн.: *Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма*. М., 1970).

Характеризуя земледельческую общину как первую ступень соседской общины, К. Маркс писал, что она представляет собой «*новейший тип* архаической общественной формации» и период ее существования является «переходным периодом от общей собственности к частной собственности, от первичной формации к формации вторичной»²², от доклассового общества к обществу классовому. Становление новых элементов социальной структуры — семьи и соседской общины — вызывает к жизни и новые принципы общественной интеграции, новые механизмы управления функционированием и развитием социального организма. Складывавшееся одновременно с разворачиванием процесса классовообразования государство закрепляет и оформляет этот процесс, обеспечивает господство одной части общества над другой.

Превращение семейного хозяйства в основную производственную ячейку и одновременная трансформация родовой общины в соседскую (территориальную), происходившие на базе новых орудий труда и источников энергии в виде тягловой силы животных (позже энергии ветра и падающей воды), умножавшихся знаний о природных закономерностях, приводят к прогрессу в общественном разделении труда, его дифференциации и кооперации, зарождению новых производительных сил. Наряду с безраздельно до сих пор господствовавшим в первобытных коллективах естественным (половозрастным) разделением труда развивается распределение индивидов, семей и целых коллективов по разным видам трудовой деятельности, складывается профессионализм.

Поначалу разделение труда, обнаруживающее себя в обособлении трудовых функций, возникновении различных профессий, — всего лишь организационно-технологическая характеристика труда, элемент производительных сил. Оно не имеет еще социально-классового содержания, создает лишь предпосылку его развития, вызывая к жизни потребность в управлении растущим производством. Распределение людей по видам производства, закрепление их за определенной, качественно неоднородной трудовой деятельностью приобретают социальное содержание через систему общественных производственных отношений. Только таким путем исторически сложившаяся система разделения труда фиксируется в определенной социальной структуре.

По мере усложнения трудовой деятельности меняется взаимоотношение составляющих общину элементов. Если изначально каждый взрослый член общины выступал носителем всей совокупности общественных функций, то со времени возникновения производящей экономики обмен деятельностью все более начинает осуществляться через особый орган — институты родоплеменных старейшин, жрецов и вождей, сосредоточивших в своих руках распределение территории, руководство коллективными трудовыми процессами, организацию военного дела, отправленные культа и других социально значимых функций. Эти институты обеспечивали сохранение и передачу от поколения к поколению

обычаев и традиций, коллективного опыта, что было жизненно важно, поскольку на первобытной стадии исторического процесса (особенно на ранних этапах) прошлый труд фиксировался не столько в продуктах труда, сколько в трудовых навыках, умениях и знании самого человека. Первоначально правящая прослойка — это власть знаний, авторитета. Она существует внутри общины, не отделена от нее, однако в ее относительной самостоятельности заложена возможность перехода к власти политической, стоящей над обществом²³.

Постепенное умножение качественно неоднородных видов трудовой деятельности порождает противоречия между частным и общим интересом, требует систематического регулирования взаимоотношений отдельных индивидов, семей, общин и их объединений²⁴. Потребность в управлении коллективами и составляющими их ячейками, распределенными по разным сферам, отраслям и видам производственной деятельности, нашла свое непосредственное выражение в общественном разделении труда «между массой, занятой простым физическим трудом, и немногими привилегированными, которые руководят работами, занимаются торговлей, государственными делами, а позднее также искусством и наукой»²⁵. Возникновение подобного круга лиц — прямой результат неизбежной при тогдашнем уровне производительных сил (ручная техника, преобладание живого труда над овеществленным) поглощенности массы трудящихся индивидов производством необходимых материальных средств жизни.

По мере отчуждения функций управления и концентрации их у специальных должностных лиц сами должностные лица все больше отрываются от коллективов, которые они представляют, и конституируются в особый социальный слой. Выполняемые ими функции превращаются в средство господства и угнетения, общественная власть перерождается в политическую²⁶. С выделением особого социального слоя управителей изменяются отношения не только внутри общин, но и между ними. Ранее автономный,

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 404. «Уровень развития производительных сил нации,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— обнаруживается всего нагляднее в том, в какой степени развито у нее разделение труда. Всякая новая производительная сила — поскольку это не просто количественное расширение известных уже до того производительных сил (например, возделывание новых земель) — влечет за собой дальнейшее развитие разделения труда» (Там же, т. 3, с. 20).

²³ См.: Там же, т. 20, с. 184.

²⁴ Как справедливо отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, «вместе с разделением труда дано и противоречие между интересом отдельного индивида или отдельной семьи и общим интересом всех индивидов, находящихся в общении друг с другом» (Там же, т. 3, с. 31).

²⁵ Там же, т. 20, с. 186.

²⁶ См.: Там же, т. 20, с. 184. В другой работе Ф. Энгельса отмечается, что «планирующая работа голова уже на очень ранней ступени развития общества (например, уже в простой семье) имела возможность заставить не свои, а чужие руки выполнять намеченную ею работу» (Там же, с. 493).

самоуправляющийся общинный организм утрачивает свою самостоятельность, преобразуется в социальное образование, подчиненное формирующейся государственной системе.

Процесс перехода от родовой общины к соседской растянулся на многие тысячелетия. Будучи предпосылкой социального неравенства, сам по себе он не мог привести к такому неравенству, ибо был замкнут в рамках ограниченных коллективов, где исключалась дифференциация сфер общественной жизни. Формирование различных социальных слоев и монополизация ими отдельных видов общественной деятельности происходили лишь в результате общественного разделения труда на уровне отдельной общины. Условия социально-классового деления общества складываются внутри племени и в межплеменных объединениях (союзах племен), в общении отдельных общин, родов, племенных групп²⁷.

Новейшие исследования показывают, что наиболее ранние формы общественного разделения труда, представляющие собой начальную ступень возникновения классов, отношений эксплуатации, соподчинены, как правило, с межродовыми и межплеменными связями²⁸. С переходом к производящему хозяйству, когда остро встает проблема охраны и расширения территории обитания, межродовые и межплеменные контакты усиливаются и возрастают. В племенных общностях выделяются так называемые благородные роды и неблагородные, господствующие и подчиненные, управляющие племенем и управляемые. Отношения социального неравенства в еще большей мере были свойственны для стадии союзов племен. Причем в любом случае совпадение этнического и социально-классового представляет собой весьма характерную черту раннеклассовых обществ. Наиболее ярко это обнаруживает себя в развитых кастовых системах. Социальное неравенство внутри родственных коллективов возникает значительно позднее.

2. Проблема формационной природы раннеклассовых обществ

В книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс называет рабство, крепостничество и наемный труд тремя великими формами порабощения человека, характерными «для трех великих эпох цивилизации»²⁹, или, если мы вернемся к термину К. Маркса, — «вторичной формации». Из такой же периодизации общественного развития исходил в лекции «О государстве» и В. И. Ленин, подчеркивая его общую закономерность, правильность, последовательность³⁰. Но значит ли это, что все вопросы перехода от доклассового общества к классовому и развитие раннеклассового общества уже получили полную, исчерпывающую разработку? Отнюдь нет.

Ряд советских и зарубежных исследователей считают, что рабовладельческой и феодальной общественно-экономическим формациям предшествует формация, основанная на «азиатском спо-

собе производства». Как уже отмечалось в первой главе книги, понятие азиатского способа производства было введено К. Марксом в знаменитом предисловии к работе «К критике политической экономии». Выяснению отличительных черт азиатской формы общины отводится большое место в разделе экономических рукописей 1857—1859 годов, специально посвященном докапиталистическим формам производства³¹. О данном типе общины с присущими ему специфическими чертами общественного разделения труда и собственности говорится на многих страницах «Капитала», в цикле статей К. Маркса о колониальном режиме в Индии и других странах Востока, в переписке К. Маркса и Ф. Энгельса. Существование азиатского способа производства, азиатского строя общества в принципе не отвергал и В. И. Ленин³². Вместе с тем трактовка формационной природы азиатского способа производства в современной научной литературе далеко не однозначна. Наряду с указанным подходом существуют и другие мнения.

Дискуссия об азиатском способе производства началась в Советском Союзе еще в 20-е годы. Ее истоки восходят к дебатам в Коминтерне о характере и перспективах нараставшего после 1917 г. революционного движения в колониальных и зависимых странах, специфике обществ современного Востока³³. Очень скоро политическая дискуссия нашла свое отражение и в исторической науке, что привело к целой серии диспутов о формационном развитии стран Востока, затронувших все отрасли обществознания³⁴. Итогом дискуссии стала утвердившаяся тогда оценка раннеклассовых обществ как раннерабовладельческих, а в случаях минования рабовладельческой формации — как раннефеодальных.

²⁷ «Племенной строй сам по себе ведет к делению на высшие и низшие роды — различие, еще сильнее развивающееся в результате смещения победителей с покоренными племенами и т. д.» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 465). Неравноправное положение родов и общин вело к тому, что «часть прибавочного труда общины принадлежит более высокой общине, существующей, в конечном счете, в виде одного лица, и этот прибавочный труд дает о себе знать как в виде дани и т. п., так и в совместных работах для прославления единого начала — отчасти действительного деспота, отчасти воображаемого племенного существа, бога» (Там же, с. 464).

²⁸ См.: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982.

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 175.

³⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 70—71.

³¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 462—464 и др.

³² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 136; т. 13, с. 13—14; т. 26, с. 57.

³³ Проблема приобрела особую остроту при обсуждении аграрной Программы Коммунистической партии Китая (1927 г.) и новой Программы Коминтерна (1928 г.). Вопрос об азиатском способе производства поднимался на XV съезде ВКП(б). См.: Вопросы китайской революции. М.; Л., 1927. Программа и Устав Коммунистического Интернационала. М.; Л., 1933, с. 30; XV съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. М., 1961, т. 1, с. 732—744, 801—811, 839—841.

³⁴ См.: Об азиатском способе производства: Стенограмма-отчет дискуссии по докладу тов. Л. Берина. Тифлис, 1930; Историк-марксист. М.; Л., 1930, т. 16; Дискуссия об азиатском способе производства. М.; Л., 1931.

В русле этой оценки находится и современная интерпретация азиатского способа производства в ряде современных работ, выявляющих специфику рабовладельческой и феодальной ступеней общественного развития в странах Востока³⁵.

Однако по мере накопления исторического материала в квалификации обществ древнего Востока в качестве раннерабовладельческих возникли существенные трудности. Практически почти во всех специальных исследованиях признается тот факт, что рабы составляли лишь небольшую часть трудящегося населения и что не они, а свободные мелкие производители, находившиеся в зависимости от государства и эксплуатировавшиеся через налогово-повинностную систему, выступали главными производителями жизненных средств. Лишь в отдельных древневосточных обществах, прошедших достаточно далеко по пути классовообразования, рабский труд использовался непосредственно в производстве. На самых же ранних этапах классового развития он повсеместно применялся преимущественно в сфере обслуживания. Именно общинники доставляли основную массу прибавочного продукта. Но перед нами уже далеко не архаическая община.

Сходные проблемы встали и при изучении раннеклассовых обществ Европы, особенно тех, которые не прошли рабовладельческой формации. Выяснилось, что крупное землевладение, признаваемое всеми в качестве основы феодализма, складывается значительно позже того времени, когда возникает социальное неравенство и государство с достаточно сложными и разветвленными функциями. До становления вотчины-сеньории и феодального поместья эксплуатация непосредственных производителей осуществляется посредством дани, государственных повинностей и налогов. Чтобы отличить подобные общества от феодальных, их именуют варварскими, дофеодальными и т. п. Однако такие определения не вскрывают формационной природы соответствующего социального организма.

Рамки общепринятой схемы исторического процесса в том виде, в каком она была сформулирована в 30-х годах, не вмещают, таким образом, целую полосу развития, лежащую на грани архаической социальности и зрелых классовых докапиталистических формаций. В разных регионах мира обнаруживаются общества, в которых одновременно с сохранением общины, где коллективное начало преобладает над частнособственническим, существует социальное неравенство, эксплуатация, так или иначе оформившаяся политическая надстройка и которые не могут поэтому рассматриваться в виде первобытнообщинных. Вместе с тем они не укладываются ни в феодальную, ни в рабовладельческую формацию, ибо в них содержатся в зачаточном состоянии, а часто и вовсе отсутствуют специфические для данных формаций отношения господства и подчинения. Природа и происхождение классовой дифференциации, формы зависимости непосредственных производителей от господствующего класса, способ

отчуждения прибавочного продукта здесь иные, нежели при рабовладельческом строе и феодализме.

Возобновившаяся в середине 60-х годов дискуссия об азиатском способе производства велась в широком историческом плане. Ее отличительной чертой является гораздо более глубокий, по сравнению с 20-ми — началом 30-х годов, уровень усвоения марксистской теории и конкретно-исторических знаний. На новом этапе дискуссия уже не ограничивалась определением формационной природы и специфики отдельных обществ Азии. Главным объектом обсуждения стали наблюдаемые в разных регионах мира, включая доколумбовую Америку и предколониальную Африку, общественные структуры, где под покровом государства сохраняется община, внутри которой нарцеллярный труд, частное присвоение и соответственно частная собственность не настолько еще выкристаллизовались, чтобы подчинить и вытеснить коллективные начала, но уже развились отношения господства и подчинения, существуют социальное неравенство и эксплуатация.

В ходе дискуссии предлагались самые различные наименования для этого этапа общественного развития — азиатский, даннический, раннеклассовый и т. д., давалась разная характеристика его сущности: и как самостоятельной общественно-экономической формации, и как переходного общественного состояния. Но во всех случаях подчеркивались универсальность и всеобщность такого развития. Одни сторонники выделения раннеклассовой формации усматривали в ее структурах переплетения тенденций движения к рабовладению и феодализму³⁶; другие отмечали присутствие особой кабальной формы зависимости и эксплуатации, определявшей формационный тип общества³⁷. Обсуждалась гипотеза об азиатском способе производства как одной из равноправных (наряду с рабовладельческой и феодальной) модели классового докапиталистического общества³⁸. Историки, выдвигавшие подобные предложения, опирались главным образом на материал тех конкретных древневосточных и предколониальных обществ, которые прошли уже достаточно длительную эволюцию по пути классово-образования и на исходную основу которых действительно наслоились разнородные общественные уклады. Анализ же стадияльно более глубоких пластов исторического процесса, представленных, например, варварскими государствами германцев, микен-

³⁵ См.: *Никифоров В. И.* К. Маркс и Ф. Энгельс об азиатском способе производства.— В кн.: Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М., 1971; *Он же.* Восток и всемирная история. М., 1975; *Качановский Ю. В.* Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М., 1971; и др.

³⁶ См.: *Меликишвили Г. А.* К вопросу о характере древнейших классовых обществ.— *Вопр. истории*, 1966, № 11.

³⁷ См.: *Семенов Ю. И.* Проблема социально-экономического строя Древнего Востока.— *Народы Азии и Африки*, 1965, № 4.

³⁸ См.: *Васильев Л. С., Стучевский И. А.* Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ.— *Вопр. истории*, 1966, № 5.

ским обществом, древнейшими государственными образованиями Азии, доколониальными обществами Африки, государствами доколумбовой Америки, убеждает в том, что существовавшие там формы собственности и эксплуатации, особенности социальной структуры не исчерпываются перечисленными укладами. Была выявлена такая специфика раннеклассовых обществ, какую невозможно однозначно подвести под категории рабовладельческой или феодальной формаций³⁹. Между прочим, эта специфика выступает и в трудах тех историков, которые не ставили специально задачу изучения азиатского способа производства. Так, исследователь древних и раннесредневековых германских племен А. И. Неусыхин видит главную особенность их общественного строя в том, что социальное неравенство выражается в таких признаках, как знатность, свобода, полусвобода, несвобода и т. д. Подчеркивая своеобразие данной стадии общественного развития, он назвал ее переходным, промежуточным состоянием между родовым строем и феодализмом, не сводимым ни к тому, ни к другому⁴⁰.

Во всех специальных исследованиях раннеклассового общества речь так или иначе идет об особой, обстоятельно изученной на восточном (прежде всего индийском) материале общине — «азиатской общине», которую К. Маркс называл также земледельческой. Сохранение коллективистского начала в производстве и потреблении роднит эту общину с естественно возникшей общиной первичной общественной формации. Но она имеет и существенные особенности, выступающие источником ее разложения и развития из нее способов производства вторичной формации: кровнородственные связи, цементирующие первобытные общины, замещены территориальными; наряду с коллективным зарождается семейно-индивидуальное хозяйство с соответствующими формами владения землей и другими средствами производства.

Развитие заложенного в земледельческой общине дуализма в сторону частного начала вело к возникновению рабовладельческих и крепостнических обществ. Разложение же общины при сохранении (в определенных природно-географических и исторических условиях) коллективных форм труда и присвоения становилось почвой для формирования особого общественного строя, в зрелом своем состоянии ярко представленного в азиатской деспотии.

Древневосточные общества в течение длительного времени сочтали в себе еще не разрушенную общинную собственность с эксплуатацией общин возвышавшимся над ними неким «единым началом» — верховной общиной, царской, жреческой или иной подобной властью, «существующей, в конечном счете, в виде одного лица...»^{40а}. Это единое деспотическое начало присваивает себе право верховной собственности на землю общин и на производимый ими прибавочный продукт. Оно распоряжается и средствами производства и самой рабочей силой общин. Подвластные ей общины оказываются в положении наследственных пользователей

земли, обязанных данью, налогами и разнообразными трудовыми повинностями⁴¹. На во многом еще доклассовые отношения внут-

³⁹ См.: *Варга Е. С.* Очерки по проблемам политэкономии капитализма. М., 1964; *Тер-Акопян Н. Б.* Развитие взглядов Маркса и Энгельса на азиатский способ производства и земледельческую общину.— *Народы Азии и Африки*, 1965, № 2—3; *Он же.* Маркс и Энгельс об азиатском способе производства и земледельческой общине.— В кн.: *Из истории марксизма и международного рабочего движения.* М., 1973; *Семенов Ю. И.* Проблемы социально-экономического строя древнего Востока; *Он же.* Теория общественно-экономических формаций и всемирная история.— В кн.: *Общественно-экономические формации. Проблемы теории.* М., 1978; *Данилова Л. В.* Дискуссия по важной проблеме.— *Вопр. философии*, 1965, № 12; *Струев В. В.* Понятие «азиатский способ производства».— *Народы Азии и Африки*, 1965, № 1; *Годелье М.* Понятие азиатского способа производства и марксистская схема эволюции общества. Там же; *Каналь Ж.-С.* Традиционное общество в тропической Африке и понятие азиатского способа производства.— Там же; *Афанасьев О. А.* Обсуждение в Институте истории проблемы «азиатский способ производства».— *Советская этнография*, 1965, № 6. О зарубежных материалах по проблеме азиатского способа производства см.: *Павловская А. И.* По поводу дискуссии об азиатском способе производства на страницах журналов «La Pensée», «Eirena».— *Вестник древней истории*, 1965, № 3; *Общее и особенное в историческом развитии стран Востока.* М., 1966; *Васильев Л. С., Стучевский И. А.* Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ.— *Вопр. истории*, 1966, № 5; *Гарушанц Ю. М.* Об азиатском способе производства.— *Вопр. истории*, 1966, № 2; *Меликишвили Г. А.* К вопросу о характере древнейших классовых обществ.— *Вопр. истории*, 1966, № 11; *Попов В. Г.* Ленин об азиатском способе производства.— В кн.: *Вопросы исторического материализма и критика некоторых концепций буржуазной социологии.* М., 1969; *Гамаюнов Л. С.* О Марксовой концепции социально-экономического строя Индии: (К постановке вопроса).— В кн.: *Исторические, культурные и социально-экономические проблемы.* М., 1972; *Кудрявцев М. К.* Община и каста в Хиндустане. М., 1971; *Бородай Ю. М., Келле В. Ж., Плимак Е. Г.* Наследие К. Маркса и проблемы теории общественно-экономической формации. М., 1974; *Текеи Ф.* К теории общественных формаций. М., 1975; и др.

⁴⁰ См.: *Неусыхин А. И.* Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956; *Он же.* Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному.— *Вопр. истории*, 1967, № 1; *А. И. Королев и А. Е. Мушкин* предприняли попытку теоретически обосновать не только возможность, но и обязательность существования межформационной переходной стадии, лежащей между первобытным и классовым обществами, тождественной, в их представлении, с социальной революцией. Огромная продолжительность этой стадии не может противоречить понятию революции как скачка в развитии общества, так как темпы исторического развития различны на разных стадиях общественной эволюции. См.: *Королев А. И., Мушкин А. Е.* Диалектика возникновения классового общества и государства.— *Правоведение*, 1977, № 1.

^{40a} *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 464.

⁴¹ Главным для К. Маркса были не столько констатация наличия государственной собственности, надстраивающейся над землевладением общины, сколько обнаружение отсутствия частной собственности, являющейся источником разложения общины. «Так как это *единое начало*», писал он,— является действительным собственником и действительной предпосылкой общей собственности, то само оно может представляться чем-то особым, стоящим выше этого множества действительных отдель-

ри общин накладывается классовый антагонизм между общинами и подчиняющими и эксплуатирующими их господствующими слоями общества, организующимися в государство. Главы общин и все лица, заведовавшие общими делами, выполнявшие организаторские функции, получают статус низшего звена государственного аппарата. Вырастала своеобразная социальная структура, объединявшая в себе доклассовые и классовые элементы.

Соединенная с общинным строем государственная система длительное время не изменяет его внутренней организации. При наличии замкнутости разделения труда в границах общины не могла возникнуть зависимость непосредственного производителя от собственника условий и средств производства, присущая рабовладению и феодализму. При «поголовном рабстве»⁴², которое характеризует азиатские общества, имеет место всеобъемлющая экспроприация личности непосредственного производителя, низведение его по отношению к государству до роли средства производства. Все члены низовых общин — рабы (хотя в разной мере), эксплуатирующиеся через налогово-повинностную систему. Ответ рабства лежит и на внутренних взаимоотношениях господствующего класса.

Перед нами еще менее развитая общественная форма, нежели рабовладельческий строй, ибо при рабстве класс рабов четко отделен от остальных членов общества, рабы стоят вне общественно-политической системы. Господствующему же классу азиатских обществ противостоят не отдельные индивиды или социальные слои, а общины, внутри которых еще не подорвано первоначальное равенство их членов. От феодальных форм внеэкономического принуждения и извлечения прибавочного продукта формы, присущие азиатскому способу производства, отличаются также тем, что здесь не сформировалась в сколько-нибудь крупных масштабах эксплуататорская частная собственность на средства производства, прибавочный продукт, отчуждаемый господствующим классом, изымается в виде ренты-налога.

Еще менее развитые общественные отношения присущи кастовому строю. Характеризующий его тип общественного разделения труда в самой непосредственной форме обнаруживает обусловленность социальной дифференциации прогрессирующей неоднородностью трудовой деятельности. Судя по новейшим исследованиям, касты служили весьма распространенным способом формирования социальных слоев⁴³. Невычлененность из общинной организации, выполнение лишь частичной функции совокупного труда общины (или системы общин), практически полное отсутствие товарного обмена — явное свидетельство того, что касты как социальный институт первоначально имели доклассовую природу. И в то же время кастовая система выходит за пределы отдельных общин и отношений архаической социальности. Она представляет собой социальную расчлененность в рамках более крупных общественных образований. Высшие касты присваивают прибавочный продукт, производимый низшими кастами.

Отмеченными чертами кастовый строй смыкается с классовым. В сложившемся виде кастовое общество — это общество ранне-классовое, но там, где касты приобрели самодовлеющее значение, дальнейшее развитие классового общества замедляется. Жестко закрепляя профессиональное деление, а также натуральный характер обмена продуктами и взаимной деятельностью, кастовая система усиливала присущие общине патриархальность и консерватизм, сковывала развитие городского ремесла и товарного обмена. Разложение кастовой общины происходит чрезвычайно медленно, ибо выделяющиеся в результате имущественного расслоения эксплуататорские элементы остаются внутри общинно-кастовой организации.

В ходе дискуссии высказывались весьма весомые соображения в пользу соотнесения описанной общественной структуры с особой стадией исторического процесса, были выявлены существенные черты производственных отношений, отличающие лежащий в ее основе способ производства от первобытнообщинного, рабовладельческого и феодального. Ведущая роль коллективного производства, проявляющегося несмотря на происходящий внутри общины процесс обособления семейных домохозяйств, замкнутость разделения труда рамками общины или группы общин, патриархальная связь земледелия с домашней промышленностью (ремеслом) породили специфическую форму собственности на средства производства и соответствующие формы зависимости непосредственных производителей от более высоких слоев общества, специфические формы распределения, обмена и потребления жизненных средств. Выделение господствующего эксплуататорского класса связано здесь с монополизацией определенными социальными слоями функции организации и управления делами общины.

По мере усложнения, специализации и кооперации труда происходит утрата общиной контроля за совокупным продуктом об-

ных общин, в которых каждый отдельный человек, таким образом, на деле лишен собственности, или собственность (т. е. отношение отдельного человека к *природным* условиям труда и воспроизводства как к принадлежащим ему, как к *объективным* условиям), *собственность*, как находящее им в виде неорганической природы тело его субъективности, представляется для него опосредствованной тем, что объединяющее единое начало, реализованное в деспоте как отце этого множества общин, предоставляет надел земли отдельному человеку через посредство той общины, к которой он принадлежит» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 463).

⁴² См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 485; см. также: Там же, т. 9, с. 135—136.

⁴³ Наиболее полное развитие общинно-кастовая система получила в Индии, но она известна и в других обществах — древнем Египте, доколониальной тропической Африке, Океании, средневековой Японии. По-видимому, кастовый строй имел более широкое распространение, нежели принято считать. Возможно он был даже универсален, но по состоянию источников его просто трудно фиксировать. Исследование об индийской общинно-кастовой системе см. в кн.: *Кудрявцев М. К.* Община и каста в Хиндустане. М., 1971.

щины. В этих условиях компенсация за исполнение организаторской и управленческой деятельности легко превращалась в источник присвоения чужого труда и достижения привилегированного положения. В то же время сохранение в общине общественного начала, того, что К. Маркс называл первобытным коммунизмом⁴⁴, вполне естественно, имело своим следствием незрелость социально-классовой дифференциации, растворение общественных классов в многочисленных кастах, выделенных по принципам происхождения, имущественного ценза, отправляемой должности, совмещение высших сословий с государственно-административным аппаратом.

Бесспорным положительным итогом дискуссии об азиатском способе производства стало доказательство повсеместного распространения — в разной, конечно, степени, зрелости и длительности существования — общественных структур, характеризующихся антагонизмом между массой непосредственных производителей, объединенных в архаические во многих отношениях общины, и возвышающимися над ними и эксплуатирующими их консолидированными в государственную организацию правящими слоями.

Рабовладельческие и феодальные общества выступали дальнейшими ступенями разложения первичной социальности и развития социально-классовых антагонизмов, связанных с возобладанием частного начала внутри общины, ее имущественной и социальной дифференциацией. В этом отношении категория азиатского способа производства приобрела новое, отнюдь не региональное значение.

Установление факта предшествования рабовладению и феодализму особого раннеклассового общества еще нельзя, однако, считать исчерпывающим доказательством наличия во всемирной истории и соответствующей раннеклассовой общественно-экономической формации. Утверждения подобного рода продолжают оставаться гипотезой. Поскольку лежащая в фундаменте раннеклассовых обществ земледельческая община представляет собой форму перехода от родовой общины к сельской соседской, постольку вполне правомерна и характеристика данного этапа исторического развития как переходного.

В этой связи принципиальное значение имеет замечание К. Маркса о земледельческой общине как последней фазе первичной общественной формации и в то же время переходной фазе ко вторичной формации⁴⁵.

Переходностью, незавершенностью отличаются в раннеклассовом обществе и основание общественной пирамиды, и ее верхние этажи. Здесь, подчеркнем еще раз, отсутствует четкая дифференциация общественных классов, правящие социальные слои слиты с государственной организацией, налог не отчленен от земельной ренты и т. д. Несовпадение закономерностей становления той или иной формации с закономерностями ее функционирования и развития на этапе зрелости, безусловно, дает лишний аргумент в пользу мнения о переходном состоянии раннеклассовых об-

ществ. Вместе с тем нельзя не учитывать и то, что такие общества существовали в течение тысячелетий, а в отдельных регионах (в деформированном виде) дожили и до наших дней.

И К. Маркс, сформулировавший понятие азиатского способа производства, и ученые, разрабатывающие дальше Марксовы идеи, подчеркивая консерватизм азиатских обществ, вовсе не имеют в виду отсутствие всякого развития. Общества, основанные на азиатском способе производства, дали высокие образцы цивилизации, создали величайшие материальные и духовные ценности. Там сформировались мощные централизованные деспотии с разветвленным и многочисленным бюрократическим аппаратом, который в отдельных странах поставил под контроль все сферы жизнедеятельности подданных, а также сложные кастовые системы с детальной регламентацией профессиональных занятий, быта, поведения каждого человека, норм общения членов разных социальных слоев и т. д.

Однако обострение социально-классовых антагонизмов неоднократно приводило к разрушению разбухших надстроечных образований. И тогда процесс во многом шел вспять, возвращаясь подчас к исходному варианту государственно-общинной системы⁴⁶. Цикличность развития, застойность азиатских обществ были обусловлены неизменностью формы соединения рабочей силы со средствами производства, типа отношений господства и подчинения, которые сдерживали процесс выделения индивида из общины, касты и т. п., освобождение от всеобъемлющего «поголовного рабства». Данные обстоятельства стояли преградой на пути развития частнособственнического начала и товарного обмена, с чем сопряжен переход к более зрелым стадиям исторического процесса. К. Маркс считал ставшими (т. е. достигшими своей определенности, законченности) формами вторичной формации общества, основывающиеся «на рабстве и крепостничестве»⁴⁷.

Постановка вопроса о формационной природе раннеклассовых обществ не могла не затронуть критериев выделения рабовладельческого и феодального способов производства и соответствующих формаций. Дискуссия переросла первоначальные рамки и вылилась в обсуждение большой совокупности проблем, относящихся к общей теории докапиталистических формаций. Наряду с дополнением пятичленной схемы формационного развития стадией

⁴⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 438—439.

⁴⁵ См.: Там же, т. 19, с. 419.

⁴⁶ «Простота производственного механизма этих самодовлеющих общин, которые постоянно воспроизводят себя в одной и той же форме и, будучи разрушены, возникают снова в том же самом месте, под тем же самым именем, объясняет тайну неизменности азиатских обществ, находящейся в столь резком контрасте с постоянным разрушением и новообразованием азиатских государств и быстрой сменой их династий. Структура основных экономических элементов этого общества не затрагивается бурями, происходящими в облачной сфере политики» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 371).

⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 419.

«азиатского способа производства» в ходе дискуссии высказывались и другие гипотезы. Ряд ученых усматривают возможность решения проблемы раннеклассовых обществ в объединении ступени исторического развития всех послепервобытных докапиталистических обществ в единую формацию. Подобное объединение представляет также выход из такой ситуации, когда сложно разграничить принадлежность конкретных обществ к рабовладению или феодализму. Оно снимает и затруднение при определении природы классовых обществ древности и средневековья, в которых в силу неравномерности исторического развития распространены были производные формы, порожденные деформирующим влиянием исторических центров на их периферию.

Прежде чем разобраться в сути выдвинутых гипотез, важно подчеркнуть, что само по себе введение в перечень основных ступеней исторического процесса особой раннеклассовой формации, основанной на азиатском способе производства, или, напротив, объединение всех послепервобытных докапиталистических обществ в единую формацию отнюдь не противоречит марксистско-ленинскому взгляду на исторический процесс как закономерное движение от менее развитой общественно-экономической формации к более развитой. «Подобно тому как в сфере естествознания,— замечает Е. М. Жуков,— каждое новое научное открытие говорит не об исчезновении материи, а о неисчерпаемости ее свойств, в области исторической науки всякие новые данные, какими бы сенсационными они ни казались, расширяют рамки материалистического понимания истории и позволяют дать более точную характеристику исторического процесса»⁴⁸. Все дело заключается в том, насколько строго теоретически аргументированы и конкретно-исторически подтверждены новые концепции.

Основанием для представления рабовладельческих, феодальных, а также раннеклассовых обществ (если они особо выделяются) вариантами единой послепервобытной докапиталистической формации служат господство во всех этих обществах естественно возникших орудий производства, мелкого потребительского хозяйства непосредственного производителя как низового экономического звена, преобладание рентной формы отчуждения прибавочного продукта, осуществляемого с помощью внеэкономического принуждения, т. е. те черты, которые действительно были свойственны докапиталистической фазе вторичной формации.

Большинство сторонников единой послепервобытной формации склоняется к ее характеристике в виде феодальной. Ю. М. Кобищанов, считающий, что в многоукладных обществах древнего Востока, античности и средних веков ведущую роль играл феодальный способ производства, основной упор делает на господство мелконатурального хозяйства и рентную форму эксплуатации⁴⁹. Е. М. Медведев, разделяющий концепцию большой феодальной формации, особо подчеркивает тот факт, что с переходом к производящему хозяйству и вплоть до возобладания индустриальной системы производства наблюдался лишь количественный

рост производительных сил. Даже самые развитые рабовладельческие общества, с его точки зрения, не имели существенной специфической производственной базы и не могли существовать без паразитирования на периферийных обществах⁵⁰. В большей мере многоукладность и динамика внутри послепервобытной стадии развития (азиатские, рабовладельческие и феодальные общества) подчеркиваются Л. С. Васильевым и И. А. Стучевским⁵¹.

С серией обстоятельно аргументированных работ, обнаруживающих сущностное родство классовых обществ древности и средневековья, выступил В. П. Илюшечкин⁵². Основное место в системе его доказательств занимает обоснование наличия единой для данных обществ ступени развития производительных сил, единого технологического способа производства, единой в своей сущности монопольной собственности господствующего класса на землю, так или иначе соединенной с собственностью на непосредственного производителя. В работах этого автора сформулирована заслуживающая внимания проблема различения форм и способа эксплуатации. По способу эксплуатации, считает В. П. Илюшечкин, между рабовладельческими обществами и феодальными разницы нет, ибо речь идет об одном и том же рентном способе отчуждения прибавочного труда (продукта). Различие типов докапиталистических структур связано, по его мнению, с разнообразием форм хозяйственного использования непосредственных производителей (аренда, наемный труд, рабство, крепостничество, невольнический оброк).

Названные выше историки выделяли единую послепервобытную докапиталистическую формацию, исходя из их политэкономического анализа. В последнее время предприняты попытки философского осмысления достигнутых в этой области результатов. Заслуживает внимания предложенная В. Н. Шевченко трактовка переходного периода от первобытности к классовым докапиталистическим обществам как двоякого в своей сущностной основе. Для одних обществ рабовладение оказалось звеном

⁴⁸ Жуков Е. М. Некоторые вопросы теории социально-экономической формации.— В кн.: Проблемы социально-экономических формаций: Историко-типологическое исследование. М., 1975, с. 11.

⁴⁹ См.: Кобищанов Ю. М. Феодализм, рабство и азиатский способ производства.— В кн.: Общее и особенное в историческом развитии стран Востока; Он же. Африканские феодальные общества: воспроизводство и неравномерность развития.— В кн.: Африка: возникновение отсталости и пути развития. М., 1974; Он же. Системы общинного типа.— В кн.: Община в Африке. Проблемы типологии. М., 1978; и др.

⁵⁰ Медведев Е. М. Феодальные отношения в древней и средневековой Индии.— Народы Азии и Африки, 1970, № 3; Он же. Генезис феодальной формации в Индии.— В кн.: Очерки экономической и социальной истории Индии. М., 1973; и др.

⁵¹ Васильев Л. С., Стучевский И. А. Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ.

⁵² Результаты исследований обобщены в монографии: Илюшечкин В. П. Система и структура добуржуазной частнособственнической эксплуатации. М., 1980. Вып. 1, 2.

опосредствования при переходе от первобытности к феодализму, для других такой переход носил непосредственный характер⁵³. Таким образом, рабовладение и феодализм оказываются выделенными исходя из разных принципов.

Предложение рассматривать классовые добуржуазные общества в их связи и единстве имеет несомненное основание в самой исторической действительности. Всем этим обществам свойствен ряд общих черт в экономике, социальной структуре, духовной сфере. Различие между послепервобытными докапиталистическими формациями, в основе которых лежит ряд общих экономических законов, менее существенно, нежели различие между всеми ними и капитализмом. Еще более глубокая грань отделяет их от первичной формации.

Наиболее серьезным аргументом в пользу объединения всех докапиталистических обществ в одну общественно-экономическую формацию выступает постановка вопроса о единой ступени развития производительных сил. Вместе с тем именно данный аргумент требует существенного уточнения, поскольку сторонники большой послепервобытной докапиталистической формации чаще всего обращаются не к системе производительных сил в ее целостности и развитии, а лишь к состоянию техники и технологии. Но ограничивать исследование материальной основы исторического процесса производственной техникой — значит заведомо ставить преграду для выяснения различий докапиталистических способов производства. С таких позиций нельзя, например, провести и принципиальную черту между социализмом и современным капитализмом. Не всегда учитывается также и то, что производительные силы необходимо рассматривать в диалектической взаимосвязи с производственными отношениями, ибо две стороны общественного способа производства всегда функционируют в неразрывном единстве и не могут характеризоваться одна без другой.

Уже в раннеклассовых обществах имелись эффективные орудия ручного труда и даже механизмы, заменяющие мускульную энергию человека, использовалась тяговая сила животных, осуществлялась ирригация и мелиорация, применялись различные системы земледелия, было известно большинство культурных растений и пород животных. С точки зрения технологического способа производства технический уровень развития на докапиталистических стадиях принципиально одинаков, хотя было бы антиисторичным не видеть и прогресса в технических средствах труда. В классических рабовладельческих полисах производство носило по преимуществу экстенсивный характер; развитой и поздний феодализм показывает несравненно более высокие темпы экономического роста и интенсификации производства, получают на этих этапах широкое производственное применение и особые технические устройства, например водяное колесо, использованию которого в Римской империи мешал труд рабов⁵⁴. Уровень развития техники позднефеодального этапа в Европе

прямо подводит к изобретению машины. Решающую роль в этом играет феодальный город, существенно отличавшийся по своему социально-экономическому облику и социально-политическому статусу от города азиатских деспотий и античных рабовладельческих государств.

И при рабовладении и при феодальном строе мелкое семейно-индивидуальное хозяйство — основной вид производства. Однако его положение в системе общественных отношений рабовладельческого и феодального обществ и возможности развития неодинаковы. Песходно по своему социально-экономическому характеру и вырастающее из его разложения крупное землевладение. Оно связано с разными формами разделения и кооперации труда, разными способами соединения рабочей силы с объективными условиями производства. Существенно различно положение в рабовладельческой вилле и феодальном поместье непосредственного производителя — трудящегося как главной производительной силы.

Прогрессивность феодального способа производства по сравнению с рабовладельческим здесь совершенно очевидна. Она проявляет себя в несравненно лучшем положении феодально-зависимого крестьянина по сравнению с положением раба. Раб и феодально-зависимый крестьянин неразличимы в системе технологического способа производства. В социальном же плане работающий раб — только особый инструмент производственного процесса, тогда как неработающий господин выступает его субъективным началом. При феодализме подобные отношения распространяются лишь на сферу поземельной зависимости, в остальном крестьянин — субъект своей деятельности. Разница в положении раба и феодально-зависимого крестьянина самым непосредственным образом отражается на состоянии производительной силы труда. Налицо различное субъективное отношение к производству, заставляющее использовать при рабовладении наиболее грубые, неуклюжие орудия, которые труднее подвергнуть умышленной порче⁵³. В этом наглядно обнаруживается роль производственных отношений, их воздействие на темпы и направление развития производства. Отмеченное различие в положении раба и феодально-зависимого крестьянина объясняет, почему рабовладельческий строй — менее развитая стадия по сравнению с феодальным строем и почему первый имел ограниченное, а второй — более универсальное распространение.

Наличие общих черт в развитии всех послепервобытных докапиталистических обществ позволило К. Марксу отнести их к первой фазе вторичной формации. Однако подобное объединение послепервобытных докапиталистических обществ не исключает

⁵³ См.: *Шевченко В. П.* К характеристике диалектики общественного развития. — *Филос. науки*, 1978, № 4.

⁵⁴ См.: *Лилли С.* Люди, машины и история. М., 1970, с. 62—63.

⁵⁵ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 208, примеч.

существенного различия между ними, возникающего из различия форм «выжимания» прибавочного труда⁵⁶.

Нельзя не вспомнить здесь и известные слова К. Маркса о том, что экономические эпохи общественного строя, соотносящиеся с формационными ступенями исторического процесса, отличаются друг от друга особым характером и способом соединения непосредственных производителей со средствами производства⁵⁷. В этом отношении общественные формы включения в производство раба, лишенного средств производства и низведенного до положения «говорящего орудия», и феодально-зависимого крестьянина, во владении и пользовании которого «находится орудие производства, клочок земли»⁵⁸, — отнюдь не тождественны между собой. Всесторонний учет данного обстоятельства и вытекающих из него следствий, касающихся специфики общественной системы в целом, позволяет, по нашему мнению, со всей определенностью рассматривать рабовладение и феодализм как самостоятельные ступени исторического процесса — особые общественно-экономические формации.

3. Рабовладение и феодализм

Первичным источником сходства общественных структур всех докапиталистических стадий исторического процесса служит господство естественно возникших производительных сил. Именно с этим связано известное родство добуржуазных способов производства и базировавшихся на них общественно-экономических формаций. Не только в эпоху присваивающего хозяйства, на которую приходится чуть ли не вся огромная по своей протяженности первобытнообщинная формация, но и в течение многих тысячелетий, разделяющих начало неолитической революции и промышленный переворот, доминируют факторы труда, непосредственно созданные природой. Преобладание натуральной системы производительных сил предопределяет особенности технологического способа производства, его привязанность к естественному базису и прямую зависимость от природы (приспособление хозяйства к почвенно-климатическим условиям, сезонность работ, подчинение хозяйственных циклов природным и т. п.).

Со времени своего возникновения и вплоть до утверждения капитализма сельское хозяйство, и прежде всего земледелие, представляет собой ведущую отрасль материального производства. Земля в своих химических и биологических действиях являлась своеобразной природной машиной⁵⁹, всеобщим предметом и средством труда. Сам же человеческий труд выступает здесь «скорее лишь как помощник природного процесса, который им не контролируется»⁶⁰. Земледелие подчиняет себе докапиталистическую промышленность, заставляет ее обслуживать свои нужды. Подобно докапиталистическому сельскому хозяйству, ремесло по используемым средствам труда, характеру деятельности и ее

результатам включается в систему производства, технологическим, энергетическим и управленческим звеном которой остается сам человек. И орудия земледельца и инструменты ремесленника приспособлены к физическим данным работника, сращены с ними, по словам К. Маркса, как улитка с раковиной⁶¹.

Естественные факторы производительных сил воздействуют через процесс производства на все стороны общественной жизни, материальную и духовную культуру. Решающим моментом в механизме данного воздействия выступает в докапиталистическую эпоху то, что сельское хозяйство находит возможности для своего воспроизводства в себе самом⁶². Натурально-потребительская направленность экономики предопределяет замкнутость и автаркизм социальных организмов, незначительность их масштабов, господство отношений личной зависимости⁶³. Незрелость общественного разделения труда, преобладание живого труда над овеществленным, привязанность производства к естественным предпосылкам обуславливают значительный удельный вес в развитии общества природной детерминации, ограниченность потребностей в универсальной общественной связи. «Во всех формах общества,— пишет К. Маркс,— где господствует земельная собственность, преобладают еще отношения, определяемые природой»⁶⁴. Они обнаруживают себя не только в семье и общинной организации, но также в сословной системе, для которой происхождение и родство — один из решающих принципов⁶⁵, во всех областях общественной жизни — от экономического базиса до политико-юридической и идеологической (идеальной) надстройки.

Собственность трудящегося индивида на природные условия труда (опосредованная естественно сложившейся или исторически развившейся общностью, к которой он принадлежит) — это «непосредственное, естественно возникшее господство»⁶⁶. Подчинение общественного начала общины частному ведет к возникновению отношений господства и подчинения, закрепляемых соответствующими социально-политическими институтами. Земли и все не отделимые от нее природные предпосылки присваиваются привилегированными сословиями вместе с работающими на земле непосредственными производителями.

⁵⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 229.

⁵⁷ См.: Там же, т. 24, с. 43—44.

⁵⁸ Там же, т. 4, с. 325.

⁵⁹ См.: Там же, т. 46, ч. II, с. 84—85.

⁶⁰ Там же, т. 47, с. 553.

⁶¹ См.: Там же, т. 23, с. 371.

⁶² См.: Там же, т. 26, ч. II, с. 60.

⁶³ См.: Там же, т. 23, с. 89.

⁶⁴ Там же, т. 46, ч. I, с. 44.

⁶⁵ Рассматривая вопрос о системе феодальных сословий, К. Маркс, в частности, отмечал: «В этой системе природа непосредственно производит королей... нэров и т. д., подобно тому как она производит глаза и носы» (Там же, т. 1, с. 342).

⁶⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 65.

Докапиталистическая частная собственность является собственностью на естественно возникшие средства производства и одновременно на самого человека. В системе рабства и крепостничества земельная собственность выступает «составной частью собственности определенных лиц на личность непосредственных производителей...»⁶⁷, отчуждение прибавочного труда реализуется посредством экспроприации личности работника, «внеэкономическим принуждением, какую бы форму ни принимало последнее»⁶⁸. Принуждение к труду превращает трудящихся индивидов в несвободных, приравнивает их к объективным средствам производства.

Специфической чертой докапиталистического классового развития является совпадение экономического господства и политической власти, глубокая интеграция экономической и политической структур. Отношения собственности, облекаясь в юридическую форму, предстают как отношения политические⁶⁹. «Старое гражданское общество,— писал К. Маркс о феодальном обществе,— непосредственно имело политический характер, т. е. элементы гражданской жизни,— например, собственность, семья, способ труда,— были возведены на высоту элементов государственной жизни в форме сеньориальной власти, сословий и корпораций»⁷⁰. В античном обществе юридические отношения собственности также имеют прямое политическое значение: владение земельной собственностью и членство в гражданской общине, т. е. обладание политическими правами, взаимно обусловлены⁷¹.

Нельзя не отметить и такую особенность всех классовых докапиталистических обществ, какой является совпадение господствующего класса с государственным аппаратом. В рабовладельческом полисе слиты воедино гражданская община и государство. При феодализме в качестве политической надстройки выступает вассальная иерархия господствующего класса, основанная на иерархии земельной собственности⁷². В лице феодального сеньора сочетаются земельный собственник и государь-правитель.

Подобному соединению экономической и политической форм соответствует правовая система, зиждущаяся на принципах привилегий, корпоративности, слитности права на действия какого-либо лица с правом на само обязанное лицо.

На докапиталистической фазе исторического процесса классы предстают в виде классов-сословий, положение которых характеризуется не только местом в исторически определенной системе общественного производства и другими общими признаками, но и четко обозначенным социально-политическим статусом, закрепленным обычным правом или государственным законодательством. Развитие частнособственнических отношений не достигает еще такой высоты и зрелости, чтобы однозначно, как при господстве капиталистического способа производства, установить общественное положение отдельных индивидов и социальных слоев⁷³. Известной незавершенностью характеризуется и надстройка общества: отношения политические институционально не отделе-

ны от правовых и религиозных, все они могут быть представлены едиными учреждениями (теократии древневосточных и средневековых обществ, религиозные функции римских цезарей, византийских базиликов, политическая роль Ватикана в средневековой Европе и т. п.). Механизмы социального управления в классовых докапиталистических обществах, как и на предшествующей стадии развития, покоятся на традиции, проникнуты корпоративностью, групповым сознанием.

Вместе с тем общие черты послепервобытного докапиталистического развития обнаруживаются в истории не сами по себе. Они получают своеобразную конкретизацию в зависимости от особого характера и способа соединения непосредственных производителей со средствами производства. Свойственные рабовладельческой общественно-экономической формации формы собственности, зависимости и эксплуатации возникли на той стадии разложения архаической (доклассовой) социальности, когда дуализм коллективного и частного начал в общине предстал в таком виде, что частная собственность уже конституировалась внутри общинной, но еще не могла существовать независимо от нее.

Характеризуя данный этап распада первоначального единства общины и исходной формы собственности, К. Маркс выделяет в качестве его предпосылки сохранение равенства между свободными и самостоятельно обеспечивающими свое существование общинниками. Индивид мог быть частным собственником лишь постольку, поскольку являлся членом общины и имел участие в ее общей собственности⁷⁴. В отличие от архаической подобная община стала кооперацией не в производительном труде, а «в труде для общих интересов (воображаемых и действительных), обеспечивающем сохранность союза вовне и внутри»⁷⁵.

⁶⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 184.

⁶⁸ Там же, т. 25, ч. II, с. 353. Эти же черты докапиталистических форм присвоения неоднократно подчеркивал и В. И. Ленин. Ссылаясь на работы К. Маркса и Ф. Энгельса, он писал, что для феодализма характерна не экспроприация средств производства у непосредственного производителя, а экспроприация самой его личности, выражавшаяся в личной зависимости и внеэкономическом принуждении (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 184).

⁶⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 301, 403; т. 3, с. 63—65; т. 25, ч. II, с. 184, 353—354; т. 26, ч. III, с. 415; и др.

⁷⁰ Там же, т. 1, с. 403.

⁷¹ См.: Там же, т. 3, с. 21; т. 46, ч. I, с. 466—467.

⁷² См.: Там же, т. 3, с. 23.

⁷³ См.: Утченко С. Л., Дьяконов И. М. Социальная стратификация древнего общества. М., 1970.

⁷⁴ К. Маркс писал об античной общине: «Предпосылкой для присвоения земель здесь продолжает оставаться членство в общине, но, как член общины, каждый отдельный человек является частным собственником» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 466).

⁷⁵ Там же, с. 467.

Данная форма общины гарантирует частную собственность. Существование же самой общины гарантировано, в свою очередь, «прибавочным трудом членов общины в форме военной службы и т. д.»⁷⁶. Благодаря сохранению свободы и полноправия своих членов, с одной стороны, и обеспечению возможности имущественной дифференциации и частнособственнических отношений — с другой, подобная община стала отправным пунктом развития рабовладельческого способа производства.

Хорошо изученная на материале Древней Греции и Рима эта община имела распространение также и в странах древнего Востока⁷⁷, где возникли первые в истории рабовладельческие государства. Наиболее высокого уровня развития рабовладельческий способ производства достиг в античных государствах, где сложилось трудовое рабство, т. е. использование труда рабов не только в обслуживании домашнего хозяйства, но и в сельскохозяйственном производстве, ремесле, транспорте, торговле, некоторых видах искусства. Усвоение античными обществами достижений исторического развития древнего Востока обеспечило быстрый прогресс этих обществ, подчинение ими иноэтнического окружения. Проникновение в Средиземноморье усовершенствованной производственной техники (водяная мельница, ткацкий станок и т. д.) способствует появлению уже на ранней стадии (при сохранении общинных уз) парцелляризации производительного труда, его разделению в обществе (античном полисе) — гражданской общине, которая объединяет локальные общины, роды, большие семьи. Земледелие, ремесло и торговля становятся самостоятельными отраслями общественного производства. Средоточием всей общественной жизни выступает город — центр, где селились общинники. Обрабатываемая пашня составляет как бы непосредственное продолжение городской территории. К. Маркс называет классическую древность эпохой «городов, основанных на земельной собственности и на земледелии»⁷⁸.

В рамках античной общины развиваются частная собственность, социальная дифференциация и эксплуататорские формы зависимости. Идущее от архаической эпохи деление на знать и рядовых общинников осложняется делением, связанным с имущественным неравенством и родом занятий (земледельцы, ремесленники и торговцы). Государство закрепляет социальное неравенство, придает ему политико-юридический статус сословий, имеющих различные права и обязанности. Эксплуатация рабского труда и господство над покоренными народами усиливают рост частной собственности. На одном полюсе концентрируются земельная собственность, денежные богатства, увеличивается число рабов и разного рода зависимых людей, на другом идет процесс обезземеливания, превращения мелких земельных собственников в люмпен-пролетариат.

Однако родоплеменные традиции не вдруг и не сразу сдают свои позиции: под влиянием движения демоса, в среде которого еще были живы доклассовые учреждения, проводятся коренные

социальные реформы, уничтожавшие долговую задолженность и долговое рабство, возвращавшие безземельным и малоземельным общинникам их участки (реформы Солона, Клисфена, Сервия Туллия, запрещение рабства-должничества в Риме в конце IV в. до н. э. и т. д.), восстанавливавшие внутреннее единство общины.

Конечно, это не был возврат к социальному равенству, отличавшему архаичную общину. Внутри полиса сохраняются неравноправные сословные группы. Так, Солон, отменивший ипотеку, облегчивший положение неимущих слоев и предотвративший тем самым разложение афинской общины, разделил все население согласно имущественному цензу (по доходу с земли) на четыре группы. Введенный им принцип соотношения прав и обязанностей с величиной земельного надела сохранял позиции верхов общины, открывал дорогу для их дальнейшего конституирования в класс рабовладельцев. Основную тенденцию социально-классовой дифференциации выражает здесь деление на граждан и неграждан, свободных и несвободных.

В условиях поддержания внутриобщинных связей развитие социальных антагонизмов направляется вовне. Главным объектом эксплуатации оказываются рабы-иноплеменники. В Греции и Риме классической поры представление о рабе ассоциировалось с представлением о варваре⁷⁶. Полисная форма собственности и общественной организации в первую очередь была орудием принуждения по отношению к покоренным иноплеменникам. По мере развертывания завоевательной политики (захват новых земель и рабов, приток дани и контрибуций) античный полис перерастает в вооруженную ассоциацию, обеспечивающую господство над эксплуатируемыми и поработоченными, удержание их в повиновении. Таким образом возникает новый фактор общественной интеграции, укрепляющий единство граждан полиса.

В античных обществах рабы не составляли большинства населения. Но все свободные, даже если они не имели рабов в своем частном хозяйстве, в конечном счете жили за счет рабов, пользовались плодами их труда в виде всевозможных бесплатных раздач имущества и продуктов, угощений на празднествах, высоких жалований за несение военной службы и т. д. В ранних античных полисах преобладала коллективная форма эксплуатации рабов (эксплуатация илотов спартиатами, пенестов фессалийцами и т. д.). По отношению к рабам и покоренным, обязанным данью и налогами, полис представлял как ассоциированный эксплуататор и рабовладелец. Внутреннее воспроизводство рабского труда в условиях развитого рабовладельческого общества недостаточ-

⁷⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 467.

⁷⁷ См.: Андреев Ю. В. Античный полис и восточные города-государства.— В кн.: Античный полис. Л., 1979; Кошеленко Г. А. Полис и город: К постановке проблемы.— Вестн. древ. истории, 1980, № 1.

⁷⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 470.

⁷⁹ См.: Доватур А. И. Рабство в Аттике VI—V века до н. э. Л., 1980, с. 128.

но, поэтому полис должен был вести непрерывные войны с целью пополнения числа рабов, поддерживать свое господство с помощью военной мощи. Военная служба, устройство армии и флота ставятся для граждан полиса одним из главных видов трудовой деятельности, постоянным промыслом⁸⁰.

Источником пополнения рабов, помимо войны, выступает и работорговля, с давних пор процветавшая на Ближнем Востоке. Этот источник имел особенно важное значение в Афинах и ряде других греческих полисов, отличавшихся высоким уровнем развития товарно-денежных отношений.

Сказанное объясняет, почему, несмотря на прогрессирующее с ростом рабовладения внутреннее расслоение, неизбежно возникающие и порой достигающие остроты отношения зависимости и эксплуатации в среде свободных, полисная организация в течение веков сохраняет единство, общинную форму собственности⁸¹. В рабовладельческой древности известны и монархия и республика, демократический (Афины) и аристократический (Спарта, Рим) полисы, но во всех случаях перед нами организация правящего сословия, членов которого объединяет потребность в сохранении собственности на рабов, движимое и недвижимое имущество⁸².

Рабы и рабовладельцы — первое крупное деление общества на классы⁸³. Специфической особенностью данной формы социально-классового антагонизма является то, что раб — объект присвоения не только по отношению к своему господину, но и к обществу в целом. Античная форма собственности обрекала рабов на роль «орудий труда»⁸⁴. Раб находился за рамками гражданской общности⁸⁵. В этом коренное отличие рабов от феодально-зависимых крестьян, даже тех, положение которых приближалось к рабскому и которые эксплуатировались самым нещадным образом (например, крепостные в некоторых странах Восточной Европы в позднее средневековье).

Как правило, рабы не имеют собственного хозяйства, а подчас и семьи и работают в доме, на полях, в ремесленных мастерских, торговой лавке и других предприятиях своего господина. Но в тех случаях, когда раб получает пекулий, все его имущество юридически принадлежит господину. С точки зрения господина и общества рабовладельцев нет разницы между рабом, лишенным какой-либо хозяйственной самостоятельности, и рабом, ведущим свое хозяйство. В классических рабовладельческих обществах раб — вещь и только вещь. Рабы не считались людьми и были отстранены от религиозного культа⁸⁶. Раба содержат лишь до тех пор, пока он приносит доход. Обеспечение интересов собственников и принуждение по отношению к рабам — одна из главных функций античного государства.

Фактическое положение рабов зависит от целого ряда местных условий и обстоятельств, оно меняется в ходе исторического развития. Различаются разные категории рабов, некоторые из них пользуются известной правомочностью, фактически обладают

имуществом и даже собственными рабами. В имперском Риме со временем увеличивается число рабов, посаженных на землю, а их реальное положение приближается к положению колонов. В общем можно выделить два основных типа рабства: патриархальное (домашнее) и трудовое⁸⁷. Первое преобладало в древневосточных обществах, второе — в античных. Патриархальное рабство, при котором раб занят в домашнем хозяйстве господина, живет и работает вместе с членами его семьи, не могло составить базу для господства рабовладельческого способа производства. Оно составляет лишь стадию его становления. Поэтому большинством специалистов древневосточные общества оцениваются в настоящее время в качестве раннерабовладельческих.

Низведение одной части общества до роли одушевленного средства производства позволяет другой его части максимально возвысить свои способности. В рабовладельческих государствах, особенно античных, достигает высокого уровня специализация труда свободных, растут товарно-денежные отношения, активно разворачивается процесс отделения умственного труда от физического, развиваются философия, искусство, зарождаются научные знания. Наследие, которое оставил после себя античный мир в области духовной культуры, питало своими соками средневековую европейскую цивилизацию, составило базу Возрождения. Но общественному прогрессу на путях рабовладения раньше или позже воздвигался предел из-за неинициативности и незаинтересованности раба в совершенствовании производства. В рабовладельческом хозяйстве, о чем уже шла речь, использовались лишь самые простые и грубые орудия, поскольку рабы, не мирясь со своим положением, подвергали сельскохозяйственный инвентарь порче. Поля мелких свободных земледельцев, по сведениям римских

⁸⁰ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 118; т. 24, с. 544; и др.

⁸¹ «Граждане государства,— пишет К. Маркс об античной общине,— лишь сообща владеют своими работающими рабами и уже в силу этого связаны формой общинной собственности. Это — совместная частная собственность активных граждан государства, вынужденных перед лицом рабов сохранять эту естественно возникшую форму ассоциации» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 3, с. 21).

⁸² См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 74—75.

⁸³ См.: Там же, с. 68.

⁸⁴ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 86.

⁸⁵ См.: Там же, т. 4, с. 325.

⁸⁶ *Штаерман Е. М.* Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. М., 1961.

⁸⁷ Разграничивая трудовое и домашнее рабство, следует иметь в виду его относительность. Затраты труда и времени на переработку продуктов в натуральном хозяйстве были очень велики. Они в несколько раз превосходили затраты труда и времени на полевые работы. Подробнее об этом см.: *Ильин Г. Ф.* Основные проблемы рабства в Древней Индии.— В кн.: *История и культура Древней Индии.* М., 1963; *Коростовцев М. А.* Рабовладельческая формация в свете исторического материализма.— В кн.: *Проблемы социально-экономической формации: Историко-типологические исследования.* М., 1975.

авторов (Катон, Варрон), обрабатывались несравненно лучше, чем в крупных виллах.

Крупное рабовладельческое хозяйство (как и хозяйство непосредственных производителей) в основе своей остается натурально-потребительским. Товарно-денежные отношения лежат лишь на поверхности экономической жизни. Преобладающая масса продуктов производится для собственного потребления. Прибавочный продукт, извлекаемый из рабского труда с помощью чудовищно жестоких мер, идет на паразитическое потребление господствующих классов⁸⁸. С той же целью импортировались товары из других стран. Рабовладельческие полисы были прежде всего потребляющими центрами. Производство, по словам К. Маркса, меньше всего строится в данном случае на разделении труда, на развитии материальных производительных сил⁸⁹. Кооперация труда внутри крупной ремесленной мастерской и сельской рабовладельческой виллы по существу представляет собой совокупность усилий отдельных работников. Орудия труда в массе своей являлись орудиями индивидуального использования⁹⁰.

Расслоение гражданской общины под воздействием роста частной земельной собственности и товарно-денежных отношений с сопутствующим им ростовщичеством подрывает ее единство, рабовладельческий строй теряет первоизданную почву. В границах рабовладельческой общественно-экономической формации этот процесс ведет либо к распадению рабовладельческих государств и возникновению на их развалинах новых социальных организмов (что неоднократно имело место на древнем Востоке), либо восстановлению, хотя бы частичному, бывшего единства общины (что наблюдалось в рабовладельческих общинах античного мира). Но и последний из названных путей давал гарантию лишь на время. Достаточно вспомнить драматические события, связанные с реформой братьев Гракхов, пытавшихся ограничить крупное частное землевладение и восстановить за его счет земельную собственность разорившегося римского крестьянства. В самой природе рабовладельческого способа производства, держащегося на эксплуатации иноплеменников, заложены причины его гибели. Развитие рабства возможно только до тех пор, пока сохраняется известное единство гражданской общины, не размыто свободное крестьянство — ее социальная опора. Исчезновение свободного общинного крестьянства означает крах и самого рабовладения.

Для уяснения сущности рабовладельческого способа производства важно обратить внимание на то обстоятельство, что при кризисе рабовладельческого общества, разложении отношений, державшихся на сверхэксплуатации рабов и подвластной периферии, явственно проступает исходная социально-экономическая основа, на которой развилось рабство. Так, обозначившийся в III в. кризис рабовладельческого строя в Римской империи проявился в упадке товарно-денежных отношений, в натурализации экономики во всех ее сферах. На историческую арену вновь выш-

ло в качестве всецело господствующей формы мелкое производство непосредственного производителя, разрушенное ранее конкуренцией с крупным рабовладельческим поместьем, с дешевым хлебом, поступавшим из провинции.

Черты возврата к исходной структуре (натурализация общественных отношений, распадение государственного объединения на составляющие его этнические общности, приближение сословного деления к кастовому и т. д.) обнаруживают себя и в функционировании социально-политической системы. Так, общественный строй поздней Римской империи во многом стал походить на древневосточные деспотии. Зависимость массы населения от государства напоминала форму зависимости, характеризующуюся как «поголовное рабство» (всеобщая эксплуатация, прикрепление к месту жительства и профессии, телесные наказания и т. п.).

Рабовладельческие производственные отношения становятся тормозом на пути общественного прогресса. Жизнь требует иных форм общественной интеграции. В позднем Риме в силу конкретных исторических условий была разорвана характерная для древнего Востока цикличность в развитии рабовладельческих отношений. Здесь возникают тенденции (распространение колоната, децентрализация управления, ответственность крупных землевладельцев и декурионов за исправное поступление налогов, зависимость от них низших социальных слоев, присвоение земельными магнатами права суда и т. п.), которые при синтезе разлагавшегося рабовладельческого римского общества с общественным строем германских племен открыли путь феодальным общественным отношениям.

Необходимость для рабовладельческого способа производства известного единства общины господствующего класса и в то же время его разрушающее воздействие на это единство — противоречие, объясняющее, почему закономерно возникающая в определенных исторических условиях рабовладельческая общественно-экономическая формация не могла стать универсальной общественной формой. Историческая ограниченность во временном и пространственном распространении развитых рабовладельческих обществ связана также и с тем, что их существование немыслимо вне отсталой варварской периферии — источника рабов и различного рода материальных ресурсов. Кризис классического афинского полиса, например, где гарантии внутреннего единства сохранялись устойчивее, чем в Риме, связан с невозможностью для него расширять внешнюю экспансию, с распадом созданных им союзов и усиливающимся натиском извне⁹¹.

⁸⁸ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 587.

⁸⁹ См.: Там же.

⁹⁰ См.: *Сказкин С. Д.* Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. — В кн.: Избранные труды по истории. М., 1973.

⁹¹ *Глушкина Л. М.* О специфике греческого полиса в связи с проблемой его кризиса. — Вестн. древ. истории, 1973, № 2.

Фактором, ограничивающим существование рабовладельческих обществ, является и то, что рабский труд ставит препятствия на пути технического прогресса из-за незаинтересованности рабов в повышении производительности труда и невыгодности для рабовладельцев вкладывать средства в интенсификацию производства. В тех обществах, где по природным условиям производство требовало использовать относительно сложные агротехнические приемы и орудия, рабство не могло получить большого развития. Не случайно многие полезные изобретения римского времени (колесный плуг, жатвенная машина и т. д.), как и заимствованное на Востоке водяное колесо, не нашли в рабовладельческом обществе своего производственного применения.

В рабовладельческом обществе нет классов — носителей новых производственных отношений⁹². Рабство оказывает разлагающее влияние на массу непосредственных производителей, их отношение к труду. Побудительный мотив выступлений рабов против своих угнетателей, их восстаний составляет лишь личная свобода. Победившие рабы либо возвращались на родину, либо занимали место своих господ. Класс рабов не являлся революционной силой, преобразующей общество. Все это обрекает борющиеся классы рабовладельческого общества на взаимную гибель. От конкретных же исторических условий зависит, насколько быстро и в каких формах начинаются социальные сдвиги в направлении к феодальной общественно-экономической формации.

Феодальная формация гораздо более универсальна и стабильна по сравнению с рабовладельческой, ибо лежащий в ее основе общественный способ производства обеспечивает внутреннее воспроизводство рабочей силы, дает известный простор для использования в производстве новых средств труда. Производственные отношения феодального общества — наиболее адекватная общественная форма функционирования производительных сил на той их ступени, когда господствующим типом производства выступает семейно-индивидуальное хозяйство. Ведущий самостоятельное хозяйство крестьянин и ремесленник заинтересованы в его улучшении, повышении производительности труда.

При феодализме существование сельской общины и свойственных ей форм общественной интеграции — исходный пункт развития. Феодальная зависимость, как и рабство, является, по К. Марксу, вторичной формой, результатом «собственности, основанной на общинном строе и на труде в условиях этого строя»⁹³. Соседская община в виде организации мелких непосредственных производителей сохраняется на протяжении всей феодальной формации. Однако данная форма общины существенно отличается от предшествующих. Частное начало в ней безусловно превалирует над коллективным. Это — последняя ступень разложения первоначального единства непосредственных производителей. Здесь имеет место максимально возможное в условиях натурально-потребительской экономики хозяйственное обособление индивидуального производства. Общинная (групповая) собст-

венность становится лишь дополнением — хотя и совершенно необходимым — к индивидуально-семейному крестьянскому хозяйству. Объединяя индивидуальных собственников, сама община существует исключительно ради их хозяйственных и иных общих интересов⁹⁴. На подобной стадии разложения общины присущие ей институты управления уже не выполняют роль фактора общественной интеграции. Функционирование общины всецело подчиняется феодальному способу производства.

Феодальное общество возникает при гораздо более высоком уровне общественного производства, нежели тот, с которого начинали свое развитие древневосточные и античные общества. Применение железных орудий в земледелии и разнообразных металлических инструментов в ремесле обеспечивают быстрое и полное вычленение крестьянской парцеллы и ремесленной мастерской как базиса феодального способа производства⁹⁵. В Западной Европе этому способствует доставшийся в наследство от античности город. Большая степень парцелляризации труда вызывает к жизни и соответствующие формы его разделения и кооперации. Натуральный обмен, безраздельно господствовавший в архаической общине, сохраняется теперь только в семье и частично в сельской общине. Между земледелием, скотоводством, ремеслом и сельскими промыслами, ставшими самостоятельными отраслями общественного производства, осуществляется товарообмен. Способствуя углублению имущественного неравенства и социальной дифференциации, появлению новых форм частной собственности, он, однако, не развивается настолько, чтобы иметь определяющее значение для становления и функционирования феодального способа производства.

Феодальное поместье составляет совокупность относительно самостоятельных семейно-индивидуальных хозяйств. Присвоение земли необходимо дополняется присвоением работающего на ней производителя. Как и при рабовладении, отчуждение прибавочного продукта происходит с помощью внеэкономического принуждения. В то же время в отличие от рабовладения само это отчуждение реализуется не прямо и непосредственно, а через монопольную собственность на землю — основное средство производства. Личная и поземельная зависимость неразрывно связаны здесь между собой. Таковы существенные черты феодального способа производства, выражаемых им отношений господства и подчинения.

От монопольной собственности на землю неотделимы при феодализме и функционирование государственных органов, поддер-

⁹² В этой связи в исторической литературе получил распространение взгляд на рабовладельческие общества как своего рода тупиковое развитие (см.: *Штаерман Е. М.* Древний Рим: проблемы экономического развития. М., 1978; и др.).

⁹³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 486.

⁹⁴ См.: Там же, с. 472.

⁹⁵ См.: Там же, т. 23, с. 346, примеч.

живающих организованное состояние общественной жизни, и конституирование представляющих их лиц. Класс крупных земельных собственников присваивает себе исключительное право на управление делами общества. Община же низводится на положение института, регулирующего межкрестьянские отношения в пределах замкнутых сельских миров. Место общины занимает феодальное поместье, на основе которого и вырастает феодальная система общественной интеграции. Сложившаяся на базе крупной земельной собственности иерархическая структура землевладения и порожденная ею система вассалитета и вооруженных дружин обеспечивают целостность социального организма и власть господствующего класса над зависимыми и эксплуатируемыми массами.

«Эта феодальная структура, как и античная общинная собственность,— пишут К. Маркс и Ф. Энгельс,— была ассоциацией, направленной против поработенного, производящего класса; различны были лишь форма ассоциации и отношение к непосредственным производителям, ибо налицо были различные условия производства»⁹⁸.

Вместе с тем по способу классового господства, организации власти феодальное государство — наиболее высокая по сравнению со всем предшествующим ступень развития политической надстройки. При всей социально-классовой неравноправности общественных сословий они определенным образом включаются в общественно-политическую систему. Возникающая на определенном этапе развития феодализма сословно-представительная монархия способствует формированию бюргерства — предшественника классов буржуазного общества. Вассалитет облегчает установление между обособленными территориальными единицами (землями) культурных, этнических, а с развитием товарно-денежных отношений и экономических связей.

Наиболее типичной, выражающей сущность производственных отношений при феодализме выступает частновладельческая зависимость крестьян от отдельных сеньоров, церковных корпораций и т. д., что не исключает возможности существования при развитых феодальных отношениях и особого слоя крестьянства, зависимо от феодального государства. Формы феодальной зависимости широко варьируют от соединенного с барщиной крепостничества до простого оброчного обязательства. Экспроприация личности крестьянина по сравнению с личностью раба частичная: крестьянин обладает имуществом, ведет самостоятельное хозяйство. Подобную самостоятельность имеет и средневековый ремесленник. Принадлежа к самому низшему, неполноправному сословию, крестьянин подчинен своему сеньору; в отношении же с остальным миром и даже в вещном (товарно-денежном) обмене с земельным собственником он пользуется известной свободой. Только при таком изменении в положении непосредственного производителя, создающем условия для прогресса производства и развития товарно-денежных отношений, становится в перспек-

тиве возможным на основе конкурентно-рыночного механизма создание новых форм общественной интеграции — переход к капитализму.

Место каждого сословия в феодальном организме, права и обязанности его членов жестко закреплены обычаем и правом. В документах феодальной эпохи часто выделяются три привилегированных сословия: воины, священнослужители и землевладельцы, разделяющиеся, в свою очередь, на более дробные сословные группы (ранги). Особое сословие представляют горожане. В сословном членении феодальных обществ Европы, начинавших свое развитие с более низкого уровня товарно-денежных отношений, нежели тот, которого достигли в пору расцвета античные общества, имущественный ценз не имел существенного значения. Сословное членение наглядно выявляет в данном случае свою связь с общественным разделением труда, с социально-классовым распределением общественных функций. При всем том феодальная система благодаря особенностям своего экономического базиса открывает большой простор мелкотоварному производству и вещному обмену. В этом обнаруживает себя прогрессивность феодальных производственных отношений по сравнению с рабовладельческими.

Формирование феодального общества означает крупный шаг в развитии города как средоточия ремесла и товарного обмена. В отличие от античного феодальный город социально обособлен от окружающей сельской территории. Это — центр политического властвования, ремесленно-торговой деятельности, разных видов духовного производства. В феодальном городе развивается новый, основанный на труде непосредственного производителя вид собственности⁹⁷. Такая собственность, так же как и феодальное землевладение, тоже носит корпоративный характер (собственность городских коммун, ремесленных цехов, торговых гильдий). Но ее природа существенно отличалась от природы монопольной собственности на землю. Последняя была собственностью на естественные, не воспроизводимые трудом факторы производства. Конституирующим же элементом городской собственности выступает именно труд, орудия производства, созданные трудом. Несмотря на все преграды, воздвигаемые сословно-цеховой замкнутостью, городская корпоративная собственность в условиях роста товарно-денежных отношений и торгового капитала становится в дальнейшем важной предпосылкой развития капиталистической частной собственности. Город породил новый тип социального противоречия: антагонизм мастера и подмастерья⁹⁸, владельца капитала и наемных работников. В период господства феодального способа производства товарно-денежные отношения еще не могли создать адекватную своей социальной природе систему общественных свя-

⁹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 23.

⁹⁸ См.: Там же, т. 3, с. 23; т. 46, ч. 1, с. 491; и др.

⁹⁸ См.: Там же, т. 4, с. 424.

зей. Деревня была «отправной точкой истории»⁹⁹. Она подчиняла себе город. Корпоративно объединенному дворянству город противопоставлял свою организацию ремесла и торговли. В недрах городских коммун «развилась система подмастерьев и учеников, создававшая в городах иерархию, подобную иерархии сельского населения»¹⁰⁰.

Духовная жизнь классовых докапиталистических обществ характеризуется групповым сознанием, традиционализмом, но в отличие от первобытной эпохи это — традиционное групповое сознание не всех членов социального организма, а отдельных классово дифференцированных слоев, социальная психология которых, повседневный опыт, поведение, одежда, формы общения строго регламентированы и различны. Сословно-классовое деление воспринимается как естественное, данное от природы. В зрелых классовых добуржуазных обществах образ жизни сословий предопределяется наряду с традицией и нормами государственной юрисдикции.

В массах непосредственных производителей продолжает господствовать культура, корнями своими уходящая в первобытность. Народная культура, сохранявшая древние традиции, неотделима от этноса и его локальных образований. В условиях аграрной экономики культурные традиции, обеспечивая социальное наследование, фиксируют прежде всего неразрывную связь человеческих общностей с определенной территорией их жизнедеятельности. Поддерживая производство и воспроизводство непосредственной жизни, они выполняют тем самым важную социальную функцию¹⁰¹. Конечно, традиционность культуры не означает ее полной неизменности. С развитием и совершенствованием производства преобразуются и традиции. Особенно ощутимый сдвиг наблюдается здесь при взаимодействии в результате миграций, завоеваний и т. п. с иноэтнической средой.

Поддержанию древних традиций способствует общинная организация, институты и отношения которой служат продолжением, хотя и трансформированным, архаической социальности. По мере усиления социальных антагонизмов в культуре господствующих сословий все отчетливее дают о себе знать нарастающие признаки разрыва с традиционной культурой и противостояния ей. Между культурой народных масс и господствующих сословий пролегает углубляющаяся со временем грань. В рамках одной, с этнической точки зрения, культуры формируются две разные по своему социальному содержанию и внешним проявлениям культуры¹⁰². С развитием социально обособленного феодального города от народной культуры отпочковывается ее специфический вид — городская культура, порожденная особенностями производственной деятельности, социальной структуры и быта города.

Возникновение общественных классов и государства ведет к институционализации духовной жизни, подчинению ее контролю социально-классовых учреждений. Всеобъемлющую роль в этом процессе играет религия. В классовых докапиталистических об-

щества религиозная идеология — главная форма идеологии. В ней в наибольшей мере отражаются результаты общественного развития, приведшие к социальному неравенству, породившие силы, чуждые человеку и неподвластные ему. Вместе с тем общественное разделение труда, его усложнение, специализация, повышение производительности шаг за шагом изменяют потребности людей; накапливаются производственный опыт, научные знания, значительны достижения философии и искусства, зарождается свободомыслие. В смене исторических эпох явно обнаруживает себя тенденция дифференциации общественного и индивидуального сознания.

Если в раннеклассовом обществе, как и в первобытную эпоху, права и обязанности человека, его психология и образ мыслей неотделимы от прав и обязанностей, психологии и образа мыслей общности, к которой он принадлежит, то рабовладельческая формация (античное рабовладельческое общество) впервые создает возможность индивидуального развития человека, точнее, свободного, т. е. представителя господствующего класса. Но и в классическом античном полисе индивидуальность его граждан ограничена общественным целым. Выход индивида за рамки такого целого не имеет корней в экономическом базисе — общинной и обусловленной ею частной собственности. Разрыв слитности индивида и общественного целого разрушает основу, на которой держится полис, его единство и сила и, следовательно, рабство, создавшее условие для выделения индивидуального начала.

При феодализме общественный индивид однозначно соподчинен не с общиной, а с сословием, социальный статус которого определяет все стороны его жизнедеятельности. Сословие выступает здесь и субъектом сознания. В то же время на данной ступени исторического процесса закладываются важные предпосылки универсализации общественных связей, предполагающей относительную независимость человека, его индивидуального сознания.

Само сословно-феодалное членение социальной структуры так или иначе означает обмен деятельностью (управленческой, военной, хозяйственной и др.), дает индивиду больше инициативы и предприимчивости, нежели члену античной общины. Ограничивая зависимость крепостного крестьянина поземельной собственностью, феодальная система создает тем самым новые возможности развития товарных отношений и вместе с ними такой формы

⁹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 470.

¹⁰⁰ Там же, т. 3, с. 23.

¹⁰¹ См.: Рыбаков Б. А. О двух культурах русского феодализма. — В кн.: Ленинские идеи в изучении первобытности, рабовладения и феодализма. М., 1970.

¹⁰² См.: Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973; Маркарян Э. С. Культурная традиция и задача изучения ее общих и локальных проявлений. — В кн.: Методологические проблемы исследования этнических культур. Ереван, 1978; Он же. К проблеме осмысления локального разобразования культуры. — Сов. этнография, 1980, № 3.

частной собственности, где первостепенную производственную роль играет присвоение опредмеченного труда. Социальные антагонизмы феодального способа производства породили наряду с торговым капиталом и известную независимость товаровладельцев, их относительную самостоятельность в системе общественных отношений, включая индивидуализацию сознания и действия. Это в конечном счете и привело к зарождению в недрах феодализма капиталистического общественно-экономического уклада.

4. Капитализм

Капиталистическая общественно-экономическая формация — закономерная ступень исторического процесса развития человечества. Вместе с тем капитализм есть также качественно своеобразный исторический тип организации общественного производства, всех видов и форм деятельности людей, жизни отдельного конкретного общества в целом. В своем историческом движении он проходит два этапа. Первый из них — этап свободной конкуренции — сменяется после завершения промышленного переворота и развития капитализма на адекватной ему материально-технической базе высшей, наиболее зрелой фазой — империализмом. «Если бы,— отмечал В. И. Ленин,— необходимо было дать как можно более короткое определение империализма, то следовало бы сказать, что империализм есть монополистическая стадия капитализма»¹⁰³.

Внутренние противоречия капитализма достигают на этапе империализма предельной остроты, ибо зрелость капитализма есть одновременно и зрелость его противоречий. И если эти противоречия на ранних ступенях способствовали развитию общества, то по мере приближения к точке, обозначающей конец восходящей линии движения, обострение противоречий постепенно, но неуклонно превращается в тормоз, преграду для дальнейшего прогрессивного развития. Возникает историческая необходимость революционного преобразования общества, устранения одной социальной целостности и утверждения другой. Как указывал В. И. Ленин, «империализм есть канун социальной революции пролетариата»¹⁰⁴. Иначе говоря, в естественноисторическом процессе развития человечества наступает новая эпоха, эпоха смены одной, в целом изжившей себя формационной ступени другой, более прогрессивной.

Капиталистический способ производства материальной жизни нуждается в государственном признании и защите неприкосновенности частной собственности. Капитализм характеризуется всеобщим господством товарно-денежных отношений, так или иначе пропизывающим все стороны общественной жизни. В товар превращается сама рабочая сила. Будучи лишенными всяких средств к существованию, непосредственные производители вынуждены продавать свою рабочую силу на рынке. Они экономически принуждаются к труду в отличие от докапиталистических

классовых обществ, где господствовало внеэкономическое принуждение рабов и феодально зависимых крестьян.

Капитал есть исторически определенное общественное отношение производства. Он не может существовать без превращения по крайней мере части прибавочной стоимости вновь в капитал, т. е. без расширения производства и, следовательно, эксплуатации. Процесс неизбежного самовозрастания капитала есть имманентная особенность капиталистической экономики. Непосредственной целью производства становится получение прибыли. Но производство ради производства имеет не только политико-экономический, но и социально-философский смысл. Выходя за рамки экономической теории, К. Маркс трактовал «производство ради производства» «как развитие производительных сил человечества, т. е. *развитие богатства человеческой природы как самоцель*»¹⁰⁵. Такое развитие способности рода «человек», писал он, «вначале совершается за счет большинства человеческих индивидов и даже целых человеческих классов ...»¹⁰⁶.

Вещные элементы производительных сил, адекватные капиталистической формации, выступают в виде машинной техники, которая отличается принципиальным образом от орудий труда, свойственных докапиталистическим обществам. Если инструментальный характер техники предполагает индивидуальное употребление орудий труда непосредственными производителями, то труд при наличии машинной техники, крупной фабрично-заводской промышленности обретает иную природу: он начинает носить непосредственно общественный характер. Определенным образом трансформируя и опосредствуя общеисторическое противоречие между достигнутым уровнем общественного производства и безгранично растущими общественными потребностями, противоречие между общественным характером труда и частной формой присвоения его результатов, или, иначе, противоречие между трудом и капиталом, является основным противоречием капиталистической общественно-экономической формации. Оно непосредственно представляет и выражает основной закон капитализма — закон получения прибавочной стоимости. Буржуазия, подчеркивали в «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс, «не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана»»¹⁰⁷.

Экономическое отчуждение рабочего от средств труда и его результатов дополняется технологическим отчуждением. Наука начинает превращаться в непосредственную производительную силу, а производство становится технологическим воплощением достижений естественнонаучных знаний. Играя решающую роль

¹⁰³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 386.

¹⁰⁴ Там же, с. 308.

¹⁰⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 123.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же, т. 4, с. 426.

в подчинении человека орудиям труда, созданным цивилизацией, наука противостоит здесь рабочему классу, находится на службе буржуазии. Это обнаруживает себя и в том, что само создание машин диктуется экономическими интересами частных собственников средств производства, и в том, что создатели машин, фабрик и заводов, т. е. инженерно-технический персонал, выступают непосредственными выразителями и защитниками интересов буржуазии, по словам К. Маркса, обер- и унтер-офицерами капитала¹⁰⁸. Наряду с противоположностью между людьми умственного и физического труда движение капитала обуславливает собой и противоположность между городом и деревней. Буржуазия подчинила деревню господству города, менее развитые в промышленном отношении страны — более развитым, Восток — Западу.

Социально-классовая структура капиталистического общества характеризуется наличием двух основных классов — пролетариата и буржуазии. Формирование этих классов связывалось основоположниками марксизма-ленинизма с промышленным переворотом. До его развертывания они неоднократно называли эксплуатируемый класс «предпролетариатом». «История рабочего класса в Англии,— отмечал, в частности, Ф. Энгельс,— начинается со второй половины XVIII века, с изобретения паровой машины и машин для обработки хлопка»¹⁰⁹.

Непримиримость экономических интересов основных классов буржуазного общества находит свое концентрированное выражение в их политической борьбе, обнаруживает себя в столкновении их взглядов, идей, чувств, настроений и т. п. В капиталистическом обществе складывается в виде особой социальной группы интеллигенция, имеющая социально неоднородный состав. По замечанию В. И. Ленина, интеллигенция при капитализме примыкает «отчасти к буржуазии по своим связям, воззрениям и проч., отчасти к наемным рабочим, по мере того, как капитализм все более и более отнимает самостоятельное положение у интеллигента, превращает его в зависимого наемника, грозит понизить его жизненный уровень»¹¹⁰. Деление капиталистического общества на два основных класса не исключает также наряду с разорением и воспроизводством мелкобуржуазных слоев населения — некоего «среднего сословия», включая ремесленников, торговцев, крестьян, служащих и др., и даже численного роста его отдельных категорий.

Наивысшее политическое достижение буржуазного строя — всеобщее избирательное право — используется буржуазией как оболочка, скрывающая подлинную диктаторскую сущность буржуазного государства, главной целью которого выступает защита всеми средствами, включая прямое насилие, коренных интересов класса буржуазии. Государство есть комитет, управляющий общими делами класса буржуазии¹¹¹. В качестве формы буржуазного государства демократия позволяет классу буржуазии как бы получать согласие от граждан страны на сохранение существующих социальных порядков. Но всеобщее избирательное право предо-

ставляет определенные возможности и трудящимся массам. Рабочий класс в результате упорных классовых битв добился создания своих легальных политических организаций, органов печати, возможности участвовать в представительных учреждениях и т. д.

По мере развития капитализма демократические формы правления становятся угрозой для существования буржуазного государства. Империализм знаменует собой поворот к реакции, к наступлению на демократические права. Сохранение политического господства буржуазии было и остается первоочередной задачей государственного аппарата, подчиняющей себе в конечном счете все остальные его функции.

Духовная жизнь общества при капитализме характеризуется прежде всего наличием особого отчужденно-фетишистского вида общественного сознания. Причины его распространения коренятся в овеществлении общественных отношений, в персонификации вещей. Социальные функции вещей оказываются с позиций такого сознания нераздельно сплавленными с их естественными природными особенностями. Видимость принимается здесь за сущность, что выступает источником самых фантастических представлений о природе буржуазного строя. Фетишистское сознание утилитарно и обратной своей стороной имеет потребительство. Вещи — единственный стимул и цель жизни. Деньги и соответственно вещи выступают главным показателем достигнутого человеком успеха. Нельзя забывать и о другой стороне буржуазного общественного сознания, в которой находит свое отражение практически преобразующее отношение к природе. Активизм в виде принципа отношения к природе, утверждаемый капиталистическим способом производства, находит свое отражение в сфере духовной жизни общества в геополитической установке буржуазного сознания, идеи безусловного господства над всеми силами природы, подчинения их непосредственным целям производства — получению прибавочной стоимости.

Однако говорить о всеобщем господстве активистского (фаустовского) духа в общественном сознании буржуазного общества, равно как и отчужденно-фетишистское понимание им процессов, происходящих в обществе, во всех сферах его жизни, необходимо с известной оговоркой. Внутренняя противоречивость, раздвоенность капиталистического общества с естественноисторической необходимостью ведут к тому, что оно подготавливает свое собственное отрицание и в духовной сфере. И если на восходящей линии развития духовная и политическая гегемония в обществе принадлежит буржуазии, то по мере приближения капиталистического общества к точке наивысшей зрелости эту гегемонию она постепенно утрачивает. С момента обретения рабочим классом

¹⁰⁸ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 342, 343.

¹⁰⁹ Там же, т. 2, с. 243.

¹¹⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 209.

¹¹¹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 426.

своего теоретического оружия в лице марксизма начинается духовный кризис буржуазного сознания. Духовная гегемония переходит к классу пролетариев задолго до завоевания им политической власти в ходе революционного переустройства общества.

После того как капитализм обретает адекватную себе материально-техническую базу в виде фабрично-заводской промышленности, значительно повышается производительность труда, чрезвычайно быстрыми темпами растут размеры и количество предприятий, их концентрация в руках крупных капиталистов, одним словом, идет обобществление труда и производства. В результате собственность отдельного капиталиста начинает постепенно уступать место их групповой собственности — происходит слияние промышленного и финансового капитала, возникают монополистические объединения — картели, синдикаты, тресты, концерны.

Закономерное перерастание на стадии империализма монополистического капитализма в государственно-монополистический означает сращивание, слияние, разумеется, далеко не полное, государственного аппарата с аппаратом монополий. У капиталистического государства появляется целый ряд новых экономических функций. С одной стороны, оно становится ассоциированным организатором непосредственного процесса эксплуатации лиц наемного труда, но, с другой стороны, в огосударствлении в той или иной форме ряда важнейших отраслей промышленности, включая их национализацию, в резком расширении управленческих функций государства находит свое выражение объективно возникшая необходимость планомерного ведения народного хозяйства¹¹². По мере превращения хозяйства в целостный организм сознательное управление его функционированием становится решающим условием дальнейшего прогрессивного развития общества. В этом и заключается значение государственно-монополистического капитализма (ГМК) как полнейшей материально-организационной предпосылки социализма¹¹³. Но стать органом подлинно планомерного управления народным хозяйством буржуазное государство не может. И на данной стадии развития капиталистического общества определяющей тенденцией выступает, как уже отмечалось в предшествующем разделе, стихийная форма движения, которая порождается сохраняющейся конкуренцией, острейшим соперничеством монополистических группировок.

Государственно-монополистический капитализм — наивысшая степень зрелости капиталистического общества. Поэтому в познавательном плане он становится своеобразной точкой отсчета теоретического объяснения капиталистической общественно-экономической формации в целом. Возникает здесь вопрос и о новом аспекте ее исследования. Это касается и ранних периодов развития капитализма, например исторической обусловленности двух типов капиталистического развития — спонтанного и форсированного — и особенно закономерностей развития капиталистической мировой системы после победы Великой Октябрьской социалистической революции и появления на исторической арене первого в

мире пролетарского государства, т. е. с момента начала общего кризиса капитализма. Проведение такого анализа постоянно требует принятия во внимание неравномерности экономического и политического развития капиталистического общества, которая есть «безусловный закон капитализма»¹¹². Именно действие данного закона стало важным пунктом дальнейшей разработки В. И. Лениным теории социалистической революции. Ход исторического развития показал, что существует различие между объективными, материально-организационными предпосылками социализма и объективными предпосылками социалистической революции, обусловленное как раз неравномерностью развития общества, принимающей в эпоху империализма катастрофический характер¹¹³.

Следовательно, «теоретический портрет» капиталистической формации окажется существенно неполным, если он будет ограничен описанием сущностных черт двух этапов (фаз) в развитии капитализма, в том числе государственно-монополистического, лишь под углом зрения вызревания материально-организационных предпосылок социализма. В этом портрете недоставало бы такого промежуточного теоретического среза, который помог бы связать воедино общее описание сущностных черт капитализма с реальным историческим процессом. Известно, что движение от уходящих в прошлое формационных структур к новым, более прогрессивным, занимает в истории целую эпоху, на протяжении которой сосуществуют и противоборствуют две противоположные социально-экономические системы, два формационных уровня в развитии человеческого общества. Одной из главнейших задач социально-философского анализа выступает в данном случае выявление механизма смены одной формации другой. В частности, требует объяснения обстоятельство, почему передовые капиталистические страны, обладающие наиболее мощным технико-экономическим потенциалом, оказываются далеко не первыми в процессе революционного перехода человеческого общества к социализму. Но такое объяснение может быть получено только в результате теоретического осознания объективной диалектики исторического процесса под углом зрения неравномерности его протекания на всех формационных этапах развития человеческого общества, и прежде всего в условиях капитализма.

Понятно, что и сам капитализм как формация также не сразу утверждается на исторической арене, ведя в течение длительного времени ожесточенную борьбу с феодализмом. Отсюда теоретический портрет капитализма должен включать в себя еще и описание, с одной стороны, закономерностей смены феодализма капи-

¹¹² См.: ГМК: основные черты и особенности. М., 1975.

¹¹³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 192.

¹¹⁴ Там же, т. 26, с. 354.

¹¹⁵ См.: Загладин В. В. Предпосылки социализма и борьба за социализм.— Вопр. философии, 1975, № 10/11.

тализмом, с другой — закономерностей перехода, осуществляемого пыне человечеством, к социализму.

Прежде чем непосредственно приступить к рассмотрению особенностей неравномерного пути становления, развития и отмирания капитализма, важно также отметить и то, что перед нами лежит несколько иной предмет исследования по сравнению с выяснением наиболее общих сущностных черт капитализма. В первом случае — это капиталистическое общество как таковое, во втором — системная совокупность взаимодействующих между собой отдельных социальных организмов, составляющих человеческое общество в данную историческую эпоху. Объективная логика развития капитализма неотделима при таком подходе от его истории. На этой проблеме мы и сосредоточим теперь наше внимание.

В свое время окончательному становлению капиталистического уклада и его дальнейшему бурному развитию способствовала целая совокупность самых разнообразных факторов и в первую очередь географические открытия и последовавшие за ними колониальные завоевания со стороны наиболее могущественных (что не вполне совпадает с понятием наиболее развитых) феодальных государств Западной Европы. Насильственно вовлекая колонизируемые территории в сферу своей постоянно растущей торговой деятельности, ранний капитализм тем самым кладет конец многовековой изолированности отдельных регионов и континентов. Возникает всемирная торговля, экономическая взаимосвязь стран, которая на протяжении всей истории капитализма носила и продолжает носить откровенно неравноправный эксплуататорский характер.

По мере становления капиталистических отношений в Европе колониальные и зависимые страны превращались в поставщиков сырья и сельскохозяйственной продукции и одновременно в потребителей дешевых промышленных товаров. Складывающееся при этом разделение труда на разных этапах существования капиталистической общественно-экономической формации наполняется достаточно различным конкретным содержанием¹¹⁶. В конечном счете капитализм, который прервал самостоятельное развитие стран Азии, Африки и Латинской Америки, обрек народы этих континентов на жизнь в нищете, отсталости и бесправии в течение целого ряда столетий.

Становление капитализма на европейском континенте не могло протекать само по себе в каждой стране. К. Маркс писал, что «различные моменты первоначального накопления распределяются, исторически более или менее последовательно, между различными странами, а именно: между Испанией, Португалией, Голландией, Францией и Англией»¹¹⁷. Раскрывая содержание данного положения, А. Н. Чистозвонов справедливо замечает, что обычно из него берется лишь момент распределения первоначального накопления по странам. «Но мысль К. Маркса глубже: он рассматривает этот процесс как единое общеевропейское явление...»¹¹⁸. В качестве нового общественного строя капитализм

есть совокупный продукт взаимодействия всех тех европейских стран, в каждой из которых (хотя в разной степени интенсивности) начинается процесс первоначального накопления капитала.

В совокупном взаимодействии стран, в ходе которого осуществляется развитие капиталистических отношений, должен был рано или поздно наступить переломный момент. Как только одна из стран первой достигает его, характер их взаимоотношений достаточно быстро меняется. Они становятся отношениями стран, находящихся теперь на различных формационных ступенях общественного развития. Хорошо известно, что именно Англия обрела черты страны классического капитализма, который сначала основывается на мануфактурном производстве, а к 30-м годам XIX в. в результате промышленного переворота создает адекватную себе материально-техническую базу в виде машинной техники, фабрично-заводского производства материальных жизненных средств. После того, как Англия становится на путь бурного капиталистического развития, к ней присоединяются Нидерланды, Франция, ряд других стран, в которых развитие капитализма шло в ту эпоху весьма замедленно, чему в немалой степени способствовало негативное внешнее влияние в первую очередь со стороны Англии. Если для одной части европейских стран процесс зарождения и последующего развития капитализма оказывается необратимым, то для другой (например, Германия, Италия, Испания) — в какой-то мере обратимым, когда торможение общественного прогресса переходит в движение назад, приводит к временной победе феодальной реакции.

В странах, дальше продвинувшихся по пути капиталистического развития, постоянно повышался спрос на сельскохозяйственное сырье, продукты питания и в первую очередь на зерно. Те страны, для которых внешние и внутренние условия развития в своей совокупности оказываются неблагоприятными, постепенно превращаются в поставщиков сельскохозяйственного сырья. При этом каждая из групп стран находит в таком разделении труда свою экономическую выгоду. В условиях, когда взаимосвязи между странами превращаются в межформационные, совпадение их экономических интересов и приводит к тому, что пути этих стран расходятся. И чем глубже идет размежевание, тем больше взаимных выгод (разумеется, до определенного предела) обе группы стран извлекают из торговли, экономических связей друг с другом.

Подобное «раздвоение» исторических судеб европейских стран происходит в известном смысле из двойкой природы торгового капитала, способного сыграть как прогрессивную роль в разложении феодализма и становлении капитализма, так и реакцион-

¹¹⁶ См.: *Тягуненко В. Л.* Международное разделение труда и развивающиеся страны. М., 1976.

¹¹⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 761.

¹¹⁸ *Чистозвонов А. Н.* Некоторые основные теоретические вопросы проблемы генезиса капитализма в европейских странах. — В кн.: *Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма.* М., 1969, с. 38.

ную, выражающуюся в сохранении феодализма, но уже в особой форме — крепостничестве.

«Феодальная реакция» есть вместе с тем специфический путь развития в условиях, когда для известной группы европейских стран не было уже возможностей перейти в дальнейшем к капитализму непосредственно. Поэтому началу процесса первоначального накопления капитала, а вместе с тем и началу кризиса, разложения феодально-крепостнической системы предшествует ее поступательное, восходящее развитие. Многие достижения промышленной революции стали проникать в феодально-крепостнические страны. В этих странах на конфликт между крепостниками-помещиками и набирающей силу буржуазией, еще не имеющей свободы экономической деятельности и доступа к власти, накладывается противоречие, связанное с выступлениями пролетариата как внутри самой страны, остающейся еще в целом феодальной, так и особенно за ее пределами, в развитых капиталистических странах.

В условиях растущего давления «снизу», т. е. начала самостоятельных выступлений пролетариата, и военной и экономической угрозы, исходящей от развитых капиталистических стран Западной Европы, решение неотложных задач по преодолению экономического отставания страны вполне закономерно берет на себя феодально-абсолютистский строй. Как известно, Германия была «классической» страной становления и развития капитализма форсированного типа, т. е. возникающего уже не спонтанно из зрелых феодальных структур, что имело место ранее в XVI—XVIII вв., а под воздействием более развитых капиталистических стран Западной Европы. Во всех странах, которые с запозданием вступили на путь капиталистического развития, непосредственное вмешательство государства в хозяйственную жизнь, прежде всего в промышленность, носило самый разносторонний характер. Государственный капитализм в виде орудия экономической политики преследует цель всемерного ускорения темпов развития.

На рубеже XIX—XX вв. свободная конкуренция сменяется господством монополий, формируется империализм как высшая и последняя стадия развития капитализма¹¹⁹. Хотя возникновение монополий — закономерный результат капиталистического развития, исключительно быстрыми темпами этот процесс развивается в тех странах, которые вступили на капиталистический путь с запозданием, в первую очередь в Германии.

Монополии, складывавшиеся в ту пору в Англии и США, были, как правило, более высокого уровня развития, нежели в Германии. В этой связи В. И. Ленин отмечал: «В стране свободной торговли, Англии, концентрация *тоже* приводит к монополии, хотя несколько позже и в другой, может быть, форме... В Англии монополистические союзы предпринимателей, картели и тресты, возникают большей частью... лишь тогда, когда число главных конкурирующих предприятий сводится к «каким-нибудь

двум дюжинам»»¹²⁰. Для Германии же, напротив, было особенно характерно большое число участников монополистического объединения (порой до нескольких сотен), значительную часть которых составляли средние и мелкие предприниматели.

Острейшая конкурентная борьба, развернувшаяся между двумя группировками стран, во главе которых стояли Англия и Германия (страны, олицетворявшие собой классические формы двух довольно различных путей развития капитализма), явилась главной причиной их военного столкновения в первой мировой войне. Однако узловым пунктом противоречий мирового общественного развития становится к началу XX в. Россия.

Еще позже, чем Германия, Россия в результате целого ряда мер со стороны царизма, направленных на постепенное осуществление социальных перемен сверху, вступает на путь форсированного капиталистического развития. Период 1861—1905 гг. был, по словам В. И. Ленина, в истории России «периодом усиленного роста капитализма снизу и насаждения его сверху»¹²¹. Ранняя концентрация крупного промышленного производства и централизация капитала привели к тому, что Россия вступила в империалистическую стадию практически одновременно с передовыми государствами Западной Европы и Северной Америки. Вместе с тем царизм продолжал проводить аграрную политику, направленную в конечном счете на сохранение помещичьего землевладения. Вплоть до самого свержения монархии царизм имел по существу неограниченную политическую власть и был по своему типу орудием диктатуры крепостников-помещиков, всего помещичьего класса. Россия по-прежнему оставалась аграрной страной с громадным преобладанием сельского населения.

Первая мировая война ускорила перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический. В России сложилась тогда своеобразная система государственно-монополистического капитализма, образовавшаяся в результате слияния воедино государственного аппарата царизма с монополистическими союзами промышленников, был создан целый ряд взаимосвязанных государственно-монополистических учреждений

¹¹⁹ О ленинской концепции империализма и ее значимости для понимания современных процессов, происходящих в капиталистическом мире, подробнее см.: *Леонтьев Л. А.* Ленинская теория империализма. М., 1966; *Василевский Е. Г.* Развитие взглядов В. И. Ленина на империализм (1893—1917 гг.). М., 1969; Ленинское учение об империализме и особенности современного этапа общего кризиса капитализма. Прага, 1976; Ленинская теория империализма и современность. М., 1977; Современный капитализм и углубление его общего кризиса. М., 1979, кн. 1, 2; и др.

¹²⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 314.

¹²¹ Там же, т. 20, с. 38. Об особенностях развития капитализма в России см.: *Дружинин Н. М.* Особенности генезиса капитализма в России в сравнении со странами Западной Европы и США.— Новая и новейшая история, 1972, № 4/5.

по непосредственному регулированию многих отраслей промышленности, главным образом тех, которые работали на войну. Однако военный государственно-монополистический капитализм охватывал в России даже к концу войны лишь незначительную часть всего народнохозяйственного организма страны. Многоукладность экономики, и прежде всего наличие в стране громадного большинства землевладельцев — мелких товарных производителей, означала, что готовых материальных предпосылок для перехода к ведению хозяйства только на социалистических принципах (т. е. для перехода к социализму как всеобъемлющей общественной системе) не было ни сразу после свершения Октябрьской революции, ни тем более после окончания гражданской войны. Вот почему необходимо было теоретически обосновать возможность построения социализма в одной отдельно взятой стране и разработать комплекс политических, экономических и организационных мер применительно к условиям тогдашней ситуации в России. По своей сущности программа деятельности государства диктатуры пролетариата заключалась в том, чтобы через создание, по словам В. И. Ленина, «переходных ступеней, посредствующих звеньев»¹²², перейти затем к непосредственному построению материально-технической основы социализма.

После окончания первой мировой войны развитие государственно-монополистических тенденций во всех капиталистических странах Запада резко замедлилось, многие формы подобного объединения промышленности в условиях военного времени перестали существовать. Резкий скачок в развитии ГМК происходит только в ходе преодоления экономического кризиса конца 20-х — начала 30-х годов. Один тип развития государственно-монополистического капитализма сложился тогда в тех странах мира, в которых к власти пришел фашизм. Там же, где буржуазия смогла использовать для преодоления кризиса и вместе с тем отстаивания своего классового господства традиционные буржуазные институты, оформился иной путь развития ГМК, что нашло тогда свое практическое воплощение прежде всего в «новом курсе» Ф. Рузвельта, а теоретическое осмысление — в работах английского экономиста Д. Кейнса. Лишь после разгрома фашизма и окончания второй мировой войны в развитых капиталистических странах складывается примерно единая госмонополистическая система управления экономической жизнью¹²³.

Образование мировой системы социализма открыло новый этап в историческом противоборстве капитализма и социализма. Мировая социалистическая система превратилась в решающий фактор развития человеческого общества. На развалинах колониальной системы империализма образовались новые, молодые государства, возникла проблема выбора капиталистического или некапиталистического пути их развития.

Еще больше обострила все противоречия капитализма, особенно между трудом и капиталом, научно-техническая революция. Объективный процесс развития производительных сил, тре-

бующий качественно нового уровня обобществления труда и производства, вызвал к жизни стремительный рост транснациональных корпораций, означающих дальнейшее повышение зрелости материально-технических и организационных предпосылок социализма. Вместе с тем чем дальше заходят попытки современного капитализма приспособиться к реалиям наших дней и прежде всего использовать достижения научно-технической революции, тем все более наглядно обнаруживается перерождение производственного потенциала капитализма в разрушительную силу. Современный капитализм начала 80-х годов, и прежде всего американский империализм, характеризуется, как было подчеркнуто на XXVI съезде КПСС¹²⁴, резко возросшей агрессивностью, милитаризацией промышленности, всего социального организма — не только экономики, но и политики, идеологии, науки, культуры.

Значительная часть развивающихся стран все еще связана сейчас с капиталистической системой мирового хозяйства в качестве ее «периферии». Отсталость и зависимость таких стран как два самых фундаментальных их признака представляют собой естественный продукт действия объективных законов, собственных капиталистическому общественному строю. Национальное хозяйство каждой из этих стран есть лишь часть, элемент мировой капиталистической системы хозяйства, присущего ей международного разделения труда. Характер подобной «включенности» таков, что импульсы к своему развитию данные страны получают главным образом извне, в результате изменений, происходящих в производительных силах, в способе производства ведущих капиталистических государств¹²⁵.

Отношения между «метрополией» и «периферией» принципиально неравноправны, разрыв в уровнях развития между ними носит не просто количественный, но качественный характер. По этой причине преодоление отсталости развивающимися странами, пока они остаются экономически связанными с мировой капиталистической системой хозяйства, и теоретически и практически невозможно. И это понятно, поскольку удержание высокоразвитыми капиталистическими странами своего господствующего места и ведущей роли в хозяйственной системе — необходимое условие капиталистического расширенного воспроизводства, а значит, сохранения капитализма как общественного строя на исторической арене.

Неоколониалистская стратегия империализма предполагает замену одного вида отсталости и зависимости, который становится помехой на пути капиталистического воспроизводства, другим,

¹²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 228.

¹²³ См.: ГМК: основные черты и особенности. М., 1975.

¹²⁴ См.: Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 4.

¹²⁵ См.: Тьюлпанов С. И. Очерки политической экономики (развивающиеся страны). М., 1969; Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. М., 1974; и др.

более отвечающим жизненным интересам буржуазных кругов Запада. В настоящее время Запад в отношениях со своей «периферией» прочно удерживает монополию на современные достижения НТР в фундаментальных и прикладных науках, в технике и технологии, что углубляет и расширяет зависимость «периферии» капиталистического хозяйства от центра, увеличивает разрыв между ними, тем самым способствуя обострению кризиса зависимого типа развития. И с этой точки зрения социализм оказывается велением времени, условием дальнейшего общественного прогресса.

5. Первая (низшая) фаза коммунизма

Теория коммунистической общественно-экономической формации возникла из потребностей теоретического осмысления исторической миссии пролетариата. Отражая действительные тенденции исторического процесса и тем самым предвосхищая будущее, она разрабатывалась классиками марксизма-ленинизма на основе исследования реальных противоречий капитализма, законов его функционирования и развития. Поэтому, всегда оставаясь (в отличие от социалистов-утопистов) на позициях науки, К. Маркс, Ф. Энгельс, а затем и В. И. Ленин фиксировали в теоретическом образе коммунизма только наиболее значимые, неотделимые от современной им исторической перспективы черты¹²⁶.

Рассматривая, в частности, пути становления коммунистической формации, они наряду с характеристикой переходного от капитализма к социализму периода выделили лишь самые общие контуры двух ее фаз: первой, или низшей,— социализма и высшей — собственно коммунизма¹²⁷. Что же касается этапов, периодов внутри каждой из этих фаз, то материал для научно обоснованных суждений, отмечали классики марксизма-ленинизма, может дать только практический опыт истории и его теоретическое осмысление с историко-материалистических философских позиций.

Умозрительное конструирование будущих этапов исторического развития при отсутствии реально проступивших тенденций равносильно попыткам «сочинять утопии, по-пустому гадать насчет того, чего знать нельзя»¹²⁸. Не случайно В. И. Ленин при обсуждении в марте 1918 г. проекта новой Программы партии решительно выступил против предложения включить в нее детальную характеристику социализма «в развернутом виде», «законченного социализма». «Дать характеристику социализма,— подчеркнул он,— мы не можем; каков социализм будет, когда достигнет готовых форм,—мы этого не знаем... Нет еще для характеристики социализма материалов»¹²⁹.

Но марксистско-ленинская теория уже тогда раскрыла пути к социализму, позволила точно определить те классы и социальные слои общества, которые способны (и в интернациональном масштабе и в условиях различных стран) идти по нему, преодо-

левая сопротивление реакционных сил. Как это может происходить конкретно, практически покажет, по словам В. И. Ленина, «опыт миллионов, когда они возьмутся за дело»¹³⁰. Ныне такой опыт накоплен рабочим классом и трудящимися Советской страны и других стран социалистического содружества. Его осмысление и обобщение позволили в результате коллективных усилий Коммунистической партии Советского Союза, коммунистических партий стран социалистического содружества разработать важный раздел теории научного коммунизма — учение о социализме как первой фазе коммунистической формации, раскрыть масштабность и сложность задач, которые должны быть решены в исторических рамках социализма, обосновать необходимость относительно длительного этапа зрелого социализма, призванного подготовить всю совокупность производственно-технических, экономических, политических, социальных и духовных предпосылок для непосредственного перехода к высшей фазе коммунизма¹³¹.

Жизнь полностью подтвердила правильность характеристики главных черт коммунизма, неизбежности его двух фаз и их ос-

¹²⁶ «Наши взгляды, — писал Ф. Энгельс, — на черты, отличающие будущее некапиталистическое общество от общества современного, являются точными выводами из исторических фактов и процессов развития и вне связи с этими фактами и процессами не имеют никакой теоретической и практической ценности» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 36, с. 364).

¹²⁷ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19, с. 18—20; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 83—102.

¹²⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 85.

¹²⁹ Там же, т. 36, с. 65, 66.

¹³⁰ Там же, т. 34, с. 116.

¹³¹ «По своему значению разработка концепции развитого социализма может быть поставлена в один ряд с другими фундаментальными открытиями научного коммунизма, ибо благодаря этому учение классиков марксизма-ленинизма о двух фазах нового общества приобретает завершённый вид» (Творческое развитие революционной теории. — Правда, 1982, 28 февр.). Глубокая и всесторонняя разработка проблем социалистической фазы коммунистической формации и особенно концепции развитого социализма содержится в документах и материалах КПСС и других братских партий. Среди вышедших в СССР научных работ см.: *Глезерман Г. Е.* Исторический материализм и развитие социалистического общества. М., 1973; *Сюсюкалов Б. И.* Социалистическое общество: проблемы диалектики развития. М., 1973; *Бутенко А. П.* Социализм как общественный строй. М., 1974; *Марксистско-ленинское учение о социализме и современность.* М., 1975; *Социалистическое общество. Социально-философские проблемы современного советского общества.* М., 1975; *Теория и практика строительства социализма.* М., 1975; *Развитой социализм.* М., 1978; *Косолапов Р. И.* Социализм: К вопросам теории. М., 1979; *Развитое социалистическое общество: сущность, критерии зрелости, критика ревизионистских концепций.* М., 1979; *Диалектика развития социалистического общества.* М., 1980; *Развитой социализм: общее и специфическое в его строительстве.* М., 1980; *Дудель С. П., Козловский В. Е.* Проблемы диалектики зрелого социализма. М., 1981; *Загладин В. В.* Историческая миссия социалистического общества. М., 1981; *Развитой социализм: проблемы теории и практики.* М., 1981; *Сиземская И. И.* Человек и труд: условия гармонии и развития. М., 1981; и др.

повных особенностей, данных К. Марксом, Ф. Энгельсом, В. И. Лениным. Научность сделанных ими выводов была обеспечена применением принципов материалистической диалектики как «наиболее последовательной, полной, продуманной и богатой содержанием»¹³² теории развития. Именно диалектика позволила раскрыть закономерности движения как к капитализму, так и к будущему коммунистическому обществу, которое «исторически развивается из капитализма, является результатом действий такой общественной силы, которая *рождена* капитализмом»¹³³. «Маркс ставит вопрос о коммунизме,— писал В. И. Ленин,— как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется»¹³⁴.

Коммунизм не может появиться на свет сразу в законченном, завершённом виде. Как и все в мире, он необходимо должен пройти, подчиняясь всеобщим законам диалектики, определенные стадии своего вызревания, обретения системной целостности. Исторический опыт в этом отношении показал, что в процессе становления и развития коммунистической формации общественная система должна развиваться в целостность дважды: сперва как социалистическая общественная система, знаменуя начало этапа зрелого социализма, а затем уже как собственно коммунистическая общественная система, завершая переход от социализма к коммунизму. Очевидно также, что процесс развития коммунизма «в направлении целостности» имеет, помимо рамок отдельных стран, еще и международный, всемирный аспект.

В. И. Ленин, с одной стороны, подчеркивал общую с коммунизмом природу социализма¹³⁵, с другой — указывал, что «политически различие между первой или низшей и высшей фазой коммунизма со временем будет, вероятно, громадно...»¹³⁶. По отношению к капитализму социализм — это уже коммунизм, хотя и не полностью развившийся, сохраняющий в экономических, правовых и моральных отношениях некоторые рудименты старого строя, но как бы «интегрированные» уже в целом в качественно иной социальный строй (палитре товарно-денежных форм в механизме хозяйственного управления, применении равной меры к неравным индивидам в распределительных отношениях, материальное стимулирование трудовой деятельности и т. п.). По отношению же к высшей фазе коммунизма социализм — это еще не коммунизм в полном смысле слова, поскольку его производительные силы, социальная структура, управленческие отношения, духовная культура и развитие самого человека не обладают целым рядом качественных и количественных показателей, безусловно необходимых для высшей фазы коммунизма.

Тождество социализма и коммунизма обнаруживает себя прежде всего в характере общественного производства. Социалистическое общественное производство коммунистично, ибо оно базируется на передаче средств производства в общественную собст-

вещность самих производителей материальных жизненных средств и исключает тем самым отношения эксплуатации человека человеком. Оно коммунистично, так как его развитие подчинено общему закону коммунистической общественно-экономической формации — обеспечению «полного благосостояния и свободного всестороннего развития *всех* членов общества»¹³⁷. Коммунистическое качество социализма проявляется также в сознательной, планомерной организации общественного производства, в основанном на научном познании объективных закономерностей управлении всеми сферами общества.

Характерной для коммунистической формации в целом является и неантагонистическая природа общественных противоречий экономической, социальной, политической и духовной жизни, через развертывание и разрешение которых осуществляется ее поступательное развитие. Наконец, общим для социализма и коммунизма выступает господство научной идеологии марксизма-ленинизма с ее мировоззренческим ядром — философией диалектического и исторического материализма. Уже к достижению социализмом зрелой стадии развития марксистско-ленинская идеология, сохраняя все черты идеологии рабочего класса, принимает характер идеологии всего народа. Марксистско-ленинская теория оказывает все большее влияние на общественную психологию, пронизывая постепенно принципиальными установками и идеалами научного коммунизма моральные нормы, ценностные ориентации, эстетические вкусы, словом, — жизненные позиции каждой личности.

Однако социализм, будучи относительно самостоятельной и длительной фазой развития коммунистической формации, имеет и свои специфические качества, черты, закономерности, отличающие его, притом в некоторых отношениях существенно, от высшей фазы коммунизма. Эти отличия (мы имеем в виду общие отличия, характерные для социализма в любой стране) отражают специфические характеристики социализма как неполного коммунизма. Они исторически переходящи, меняются и постепенно исчезают по мере движения общества к высшей фазе коммунизма.

Социализм характеризует еще недостаточно высокий уровень развития производительных сил, связанный с сохранением средств труда и технологических процессов, которые исторически принадлежат к элементам материально-технической базы прошлых формаций. Пока в рамках социалистической фазы каждый трудоемкий технологический процесс не будет превращен «из просто-

¹³² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 84.

¹³³ Там же, с. 85.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ «Поскольку *общей* собственностью становятся средства производства, постольку слово «коммунизм» и тут применимо, если не забывать, что это *не* полный коммунизм» (Там же, с. 98).

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же, т. 6, с. 232.

го процесса труда в научный процесс, ставящий себе на службу силы природы и заставляющий их действовать на службе у человеческих потребностей»¹³⁸, неизбежно сохранение социальной неоднородности труда и существенных различий в творческом содержании труда различных категорий работников. Кроме того, недостаточный уровень развития производительных сил (в том числе и самого человека) не позволяет до создания материально-технической базы коммунизма обеспечить такой уровень производительности труда в общественном масштабе, который позволил бы реализовать коммунистический принцип распределения по потребностям. Принцип всеобщности труда («от каждого по способностям») действует и при социализме, и на высшей фазе коммунизма, но принципы распределения на каждой из фаз различны: по труду — в условиях социализма, по потребностям (всесторонне развитых, культурных и коллективистски воспитанных людей) — в условиях коммунизма.

При социализме, включая начало этапа его зрелости, сохраняется групповая форма общественной собственности. Постепенно (с развитием производительных сил) через различные формы объединения государственных и кооперативных предприятий, создание агропромышленных комплексов на этапе зрелого социализма разворачиваются процессы сближения и слияния в главном и основном двух форм социалистической собственности (общенародная и кооперативно-колхозная) в единую общенародную социалистическую собственность. Решение данной задачи в ходе строительства материально-технической базы коммунизма непосредственно подводит экономику к высшей фазе коммунистической формации. Но пока эта задача не решена, именно две формы социалистической собственности — основа сохранения классовой структуры общества. Наличие двух форм социалистической собственности, фиксирующее более низкий уровень обобществления производства на предприятиях, где часть средств производства является групповой собственностью, порождает известную экономическую обособленность этих предприятий. Они выступают собственниками известной части своей продукции и реализуют ее как товары, продавая государству, органам потребительской кооперации, на рынке.

Функционирование двух форм социалистической собственности предопределяет включенность в структуру социалистических производственных отношений товарно-денежных отношений распределения и обмена. Однако, во-первых, товарно-денежные формы входят в систему отношений коллективного производства и подчинены отношениям планомерного сотрудничества коллективных, обобществившихся, свободных и равноправных производителей. Во-вторых, сами товарно-денежные отношения при социализме суть отношения не частных, а коллективных производителей. Что же касается отношений между государственными предприятиями, основанными на общенародной (государственной) социалистической собственности, отношений между этими предприятиями

(и государством в целом) и включенными в их систему работниками, отношений между работниками внутри социалистических трудовых коллективов (и государственных и кооперативных), то здесь товарно-стоимостные и денежные отношения существуют именно как необходимые в условиях первой фазы коммунизма формы, позволяющие вести учет и контроль над мерами труда и потребления.

Использование товарно-стоимостных форм на определенном этапе развития коммунистической формации предвидел К. Маркс. Он писал: «...По уничтожении капиталистического способа производства, но при сохранении общественного производства определение стоимости остается господствующим в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными группами производства, наконец, охватывающая все это бухгалтерия становятся важнее, чем когда бы то ни было»¹³⁹. Речь в данном случае идет именно о товарно-стоимостных формах, ибо содержание заключенных в них отношений принципиально противоположно содержанию товарно-денежных отношений, возникающих между экономически обособленными частными производителями, отчуждающими производимую ими для обмена продукцию¹⁴⁰.

Из рассматриваемой специфики социализма вытекают такие его принципы, как распределение по труду, материальное стимулирование трудовой активности, удовлетворение большей части потребностей трудящихся через посредство денежной заработной платы (наряду с возрастанием доли удовлетворения потребностей с помощью общественных фондов потребления независимо от трудового вклада работника).

Не только на раннем этапе, но и на большем отрезке этапа зрелого социализма общество сохраняет классовую структуру. Однако эта структура складывается из классов, объединенных общностью коренных интересов, ее ведущей осью выступает рабочий класс. Опыт развития Советской страны все больше доказывает правильность предвидения классиков марксизма-ленинизма о том, что социализм в его завершенном виде, подготовившем материальные и духовные предпосылки непосредственного перерастания в коммунизм, будет обществом без классов. XXVI съезд КПСС (на что мы уже неоднократно обращали внимание) подчеркнул несостоятельность представления о классовой структуре как постоянном признаке социализма на всех стадиях его развития, хотя, по всей видимости, полная социальная однородность

¹³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 208.

¹³⁹ Там же, т. 25, ч. II, с. 421.

¹⁴⁰ Как справедливо отмечает Р. И. Косолапов, если товар в условиях частнособственнических отношений выступает товаром «и по форме и по содержанию», то в условиях социализма товар, равно как и стоимость и деньги, могут становиться и фактически становятся таковыми лишь по форме, «формальными» стоимостью, товаром, деньгами (см.: Косолапов Р. И. Социализм: К вопросам теории. М., 1979, с. 246—256).

общества будет достигнута лишь в рамках высшей фазы коммунизма. Точно так же и быстро прогрессирующий при социализме процесс сближения и взаимопроникновения наций, их языков и культур будет завершен лишь в условиях коммунизма, утвердившегося на всей планете.

Факторы внешнего и внутреннего порядка (военная угроза со стороны агрессивных империалистических кругов, необходимость контроля за мерой труда и мерой потребления всех членов общества, наличие фактов антиобщественного поведения отдельных личностей и др.) обуславливают собой государственно-политическую форму управления социалистическим обществом. Вместе с тем, подчеркнем еще раз, к моменту достижения социализмом стадии зрелости государство диктатуры пролетариата перерастает в общенародное социалистическое государство. Социалистическая демократия, приобщая широкие массы трудящихся к государственным делам, шаг за шагом подготавливает предпосылки для постепенного перехода к коммунистическому самоуправлению. Объективным требованием развития социализма выступает возрастание руководящей и направляющей роли Коммунистической партии.

Исторический опыт реального социализма, построенного в СССР и в ряде других стран, показывает:

а) что это весьма динамичное общество, проходящее в своем движении в направлении к коммунизму общеобязательные этапы развития;

б) строгий научный учет в каждой социалистической стране качественных характеристик этапа, на котором она в данный период находится, — неперемненное условие выработки научно обоснованных, оптимальных программ общественного развития и соответствующих способов их реализации, т. е. условие совершенствования социализма на пути к коммунизму;

в) объем и масштабность экономических, политических, социальных и идеологических задач, которые каждая страна должна решать в рамках социалистической фазы, значительно более велики, нежели это представлялось ранее; сама социалистическая фаза поэтому должна занимать длительный исторический период;

г) международная обстановка развития социализма на пути к коммунизму осложняется наличием капиталистических государств, проводящих классово враждебную, агрессивную, антикоммунистическую политику.

Страны социализма уже достигли такого уровня развития, на котором все более многогранно проявляются исторические преимущества социализма над капитализмом во всех областях общественной жизни — в научно-техническом прогрессе, экономике, социально-политической и идеологической жизни, во внешнеполитической деятельности, в создании военного потенциала, способного сорвать попытки империалистических сил ввергнуть мир в

пропасть термоядерной войны. Они могут поэтому одновременно успешно решать и задачи социалистического созидания и задачи укрепления обороноспособности содружества социалистических стран.

«Мы и впредь будем делать все необходимое для обеспечения безопасности своей страны, наших друзей и союзников, будем повышать боевую мощь Советских Вооруженных Сил — могучего фактора сдерживания агрессивных устремлений империалистической реакции. Но если бы удалось снизить уровень вооружений и военных расходов с обеих сторон, приступить к разоружению, к чему мы активно стремимся, то это было бы великим благом для всех стран и народов»^{141—142}.

Вступление социализма в стадию зрелости, помимо достижения им системной целостности, завершения перестройки всей совокупности общественных отношений на внутренне присущих социализму коллективистских началах, характеризуется также тем, что развитие общества совершается во все большей степени уже на собственной экономической, политической, социальной и идейной основах. В своем развитии социализм ликвидирует коренные недостатки, несоответствия и пороки, оставшиеся в виде следов и традиций буржуазного общества. Вместе с тем и в своем зрелом виде социализм полностью остается в рамках первой фазы коммунизма, когда ни производительные силы, ни сами люди и их трудовые коллективы не получают еще всестороннего развития.

Сейчас ясны те сложнейшие исторические задачи коммунистического строительства, которые должны быть решены в исторических рамках зрелого социализма, необходимого для создания всех материальных и духовных предпосылок высшей фазы. К этим задачам относятся: создание материально-технической базы коммунизма, обеспечение полного достатка предметов народного потребления, сближение и последующее слияние двух форм социалистической собственности на средства производства, стирание классовых граней, постепенное устранение существенных различий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, формирование нового человека.

КПСС не только определила эти задачи, но и конкретизировала пути их решения. Так, обеспечение полного достатка предметов народного потребления может быть достигнуто только через развитие производительных сил сельского хозяйства, преобразование труда во всех сельскохозяйственных отраслях в разнообразность высокопроизводительного индустриального труда, через наращивание мощностей тех отраслей промышленности, которые заняты переработкой сельскохозяйственного сырья, через совершенствование производственных отношений путем выделения

^{141—142} Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 14—15 июня 1983 года. М., 1983, с. 25.

всего агропромышленного комплекса в самостоятельный объект научного управления. Все эти вопросы нашли всестороннее отражение в разработанной Политбюро ЦК КПСС на основе решения XXVI съезда партии и утвержденной на майском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС Продовольственной программе СССР. Реализация Продовольственной программы рассматривается партией — и в хозяйственном и в политическом плане — как центральная проблема 80-х годов. Она связана с генеральным курсом партии на всестороннее удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей человека социалистического общества. Продовольственная программа означает не только коренной поворот в подъеме сельского хозяйства и связанных с ним отраслей. «По своему характеру, масштабности она призвана обеспечить прогресс всего народного хозяйства»¹⁴³.

Из всех социалистических стран Советский Союз, прокладывая народам мира пути к коммунизму, первым построил общество развитого социализма, представляющее собой «сегодня высшее достижение социального прогресса»¹⁴⁴. Еще в 1920 г. В. И. Ленин подчеркивал «не национально-особенное, не русское только, а международное значение», «международную значимость или историческую неизбежность повторения в международном масштабе того, что было у нас», международное значение некоторых основных черт социалистической революции в нашей стране¹⁴⁵. Ни в коем случае не навязывая шаблонов и схем, игнорирующих особенности той или иной страны, Коммунистическая партия Советского Союза исходит из того факта, что путь к социализму и сам социалистический строй характеризуются рядом основных черт и закономерностей, общих для всех стран. Речь идет о сумме признаков, определяющих коренную качественную противоположность социализма капитализму, соответствие социализма интересам трудящихся масс. «Надеяться найти какую-то «модель» социализма, развивающегося вопреки этим закономерностям, ставить под сомнение их интернациональную значимость и актуальность значит перечеркивать неопровержимые выводы из практики реального социализма, заниматься теоретическим и политическим прожектерством, способным лишь увести революционное движение далеко в сторону от социализма, завести его в тупик»¹⁴⁶.

Опыт строительства, развития и совершенствования социализма аккумулирован в разработанной КПСС концепции развитого (зрелого) социализма. Эта концепция позволяет глубоко осмыслить реальный диалектический процесс становления коммунистической общественно-экономической формации, уточнить исторические рамки социалистической фазы и огромные, далеко еще не использованные ее возможности. Она способствовала преодолению имевших хождение неверных взглядов, рассматривавших социализм либо как особую формацию, либо как кратковременный полустанок, который «локомотив, летящий вперед», проска-

кивает на полном ходу, въезжая в коммунизм сразу после построения основ социализма.

Опираясь на концепцию развитого социализма, в которой нашли отражение важнейшие черты современного советского общества, КПСС определила свою стратегию и тактику на ближайшие годы и более отдаленную перспективу, предостерегла от возможных преувеличений в понимании степени приближения страны к высшей фазе коммунизма. Концепция развитого социализма раскрывает диалектическую взаимосвязь и успешно осуществляемых экономических, социальных, политических и духовно-культурных задач первой фазы коммунизма, и крепнущих ростков коммунистического будущего, и еще не решенных проблем, оставшихся нам от вчерашнего дня. Крупные, масштабные задачи, пишет Ю. В. Андропов, встают перед партией и народом «в последних десятилетиях двадцатого века. Взятые в комплексе, эти задачи сводятся к тому, что можно назвать совершенствованием развитого социализма», по мере чего и будет происходить постепенный переход к коммунизму. «Наша страна находится в начале этого длительного исторического этапа, который, в свою очередь, будет знать свои периоды, свои ступени роста»¹⁴⁷. Как долго продлятся они, какие конкретные формы примут, покажут лишь опыт, живая практика.

Социализм как первая фаза коммунистической формации, взятый в своих коренных, значимых характеристиках, является обязательной стадией развития, которую в ходе преобразования классово-антагонистического общества в коммунистическое не могут миновать ни один народ, ни одна страна, хотя конкретные формы перехода к социализму, последовательность и темпы решения экономических, социальных, политических и идеологических задач весьма разнообразны и зависят от исторических и национальных особенностей, в которых осуществляется социалистическое строительство. Процесс перехода человечества от капитализма (и сохранившихся в ряде регионов мира добуржуазных общественных форм) к первой фазе коммунизма — социализму — представляет собой единый по своей общей направленности и основным закономерностям всемирно-исторический процесс.

¹⁴³ Продовольственная программа СССР на период до 1990 года и меры по ее реализации.— Материалы майского Пленума ЦК КПСС 1982 года. М., 1982, с. 23.

¹⁴⁴ О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции: Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 года.— В кн.: Справочник партийного работника. М., 1977, вып. 17, с. 40.

¹⁴⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 3.

¹⁴⁶ Черненко К. У. Авангардная роль партии коммунистов. Важное условие ее возрастания.— Коммунист, 1982, № 6, с. 27—28.

¹⁴⁷ Андропов Ю. В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР.— Коммунист, 1983, № 3, с. 20; см. также: Андропов Ю. В. Ленинизм — неисчерпаемый источник революционной энергии и творчества масс. М., 1982, с. 11.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции в России превращение социализма в мировую систему стало вторым по своей значимости событием всемирной истории. Мировая система социализма — главная антиимпериалистическая сила современной эпохи. Она оказывает революционизирующее воздействие на ход истории уже самим фактом своего существования и развития, своими достижениями во всех сферах общественной жизни во имя коренных интересов трудящихся масс. Это воздействие идет также по линии согласованной политики государств социалистического содружества, направленной на защиту международной безопасности и всеобщего мира, на установление равноправных научно-технических, экономических и культурных связей между государствами с различным общественным строем, на всемерную поддержку и помощь всем развивающимся странам, национально-освободительным движениям, борющимся против империализма, колониализма и расизма. Мировая система социализма в тесном единстве с международным рабочим движением, возглавляемым революционными марксистско-ленинскими партиями, выполняет в мировом революционном процессе те функции гегемона, которые национальные отряды пролетариата выполняют в борьбе за победу социализма в отдельных странах. История убедительно подтвердила правоту ленинского предвидения о неизбежном превращении «диктатуры пролетариата из национальной (т. е. существующей в одной стране и неспособной определять всемирную политику) в интернациональную (т. е. диктатуру пролетариата по крайней мере нескольких передовых стран, способную иметь решающее влияние на всю мировую политику)»¹⁴⁸.

Между социалистическими государствами сложился, упрочивается и развивается основанный на принципах пролетарского, социалистического интернационализма новый тип международных отношений, «по-настоящему справедливых, равноправных, братских»¹⁴⁹.

Утверждение таких отношений наглядно раскрывает интернациональную природу реального социализма, общность его черт как первой фазы коммунистической формации. Всюду и везде реальный социализм представляет собой власть трудящихся при авангардной роли рабочего класса, руководство обществом со стороны марксистско-ленинской партии, общественную собственность на средства производства, плановое ведение народного хозяйства, неуклонное повышение благосостояния трудящихся, воспитание масс в духе дружбы и братского сотрудничества стран социализма и трудящихся всего мира. Подлинное равноправие и уважение независимости, суверенитета друг друга сочетаются в социалистических международных отношениях с товарищеской взаимопомощью, солидарностью, с совместной борьбой за общие цели и идеалы. «...Содружество социалистических государств, — отмечал Ю. В. Андропов на торжествах в Москве, посвященных

60-летию СССР,— это могучий, здоровый организм, который играет огромную и благотворную роль в современном мире»¹⁵⁰.

Принципиальная политика правящих коммунистических партий социалистических государств, направленная на развитие и совершенствование международных социалистических отношений, является необходимым условием укрепления сплоченности и всестороннего сотрудничества стран социализма. Это особенно важно, если учесть упорную, ожесточенную, коварную и изощренную борьбу против социализма со стороны империализма и его агенты, настойчивые попытки дестабилизировать обстановку то в той, то в другой социалистической стране, расколоть единство социалистических стран, сорвать их сотрудничество, без которого немыслимы ни социалистическое развитие, ни обеспечение безопасности мировой системы социализма от происков империалистической реакции — сохранение мира между народами.

¹⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 165.

¹⁴⁹ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 5.

¹⁵⁰ Андропов Ю. В. Шестьдесят лет СССР. М., 1982, с. 18.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ СОЦИАЛЬНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ

1. Социальная революция в эпоху перехода к антагонистической общественно-экономической формации. Смена рабовладельческой формации феодальной

Исследование формационных ступеней исторического процесса выдвигает задачу изучения закономерности их смены, т. е. всего многообразия форм действия в истории людей закона социальной революции. В этом отношении исходным пунктом разложения архаической социальности и возникновения классового общества стал коренной сдвиг в производительных силах, позволивший перейти от присваивающего хозяйства к производящему. Неолитическая революция была подлинным переворотом в жизни первобытного общества, имевшим колоссальные последствия для дальнейшего исторического движения. Человечество поднялось на качественно иную ступень производственной деятельности и общественного развития.

Неолитическая революция как революция в производительных силах поставила человечество в новое отношение с природной средой. С помощью труда, вложенного в землю, окультуривания растений, одомашнивания животных человек смог увеличивать производительные силы природы в соответствии с потребностями общества. Занятие земледелием и животноводством привело к прочной оседлости, связанной с развитием нового типа жилища, хозяйственных построек, коммуникаций, ирригационных и иных сооружений. Возникновение постоянных поселений обеспечивает сохранение достижений материальной культуры и наследование их сменяющимися поколениями. Наличие гарантированных запасов пищи и возможности их увеличения, растущая производительность труда способствовали прогрессирующему увеличению численности населения, высвобождали время для занятий непродуктивными видами деятельности, совершенствования духовной культуры. Тем самым закладывалась база будущей цивилизации.

С появлением производящего хозяйства происходят качественные изменения в кооперации труда внутри общины и между общинами, а вследствие этого усложняется и перестраивается вся внутренняя структура первобытных коллективов, зарождается новый тип отношений между ними. Первобытное общество вступило в позднеродовую фазу своего существования. Внутри общины развиваются, постепенно усиливаясь, тенденции, которые в конце концов приводят к построению общества, основанного на иных принципах социальной интеграции, к возникновению обще-

ственных классов и государства, к новой форме исторической общности людей — народности.

Ведущим фактором, подрывавшим кровнородственные устои общины, является парцелляризация труда, неизбежно влекущая за собой частное присвоение, замену уравнительного принципа распределения трудовым, новые формы производственной кооперации. Создается почва для развития имущественной дифференциации между составлявшими общину семьями. В том же направлении ведет общество и обусловленная развитием производящего хозяйства необходимость планирования, организации и координации усложнявшихся работ, потребность в расширении круга знаний об окружающей природе, в создании земледельческого календаря. При малой производительности труда осуществление всех этих функций возможно было, говоря словами Ф. Энгельса, лишь «при помощи усиленного разделения труда, имевшего своей основой крупное разделение труда между массой, занятой простым физическим трудом, и немногими привилегированными, которые руководят работами»¹.

Важнейшим условием выделения организаторско-управленческих функций в профессиональное занятие с переходом от охотничье-собираательского образа жизни к ведению сельскохозяйственного производства было появление устойчивого избыточного продукта, позволявшего освободить часть членов общины от непосредственного участия в процессе материального производства.

Со способностью человека регулярно производить больше, нежели требуется для его воспроизводства как биологического существа и общественного индивида, нередко прямо связывается возникновение эксплуатации. В связи с этим следует подчеркнуть, что наличие избытка жизненных средств над их потреблением создает лишь потенциальную возможность эксплуатации и само по себе отнюдь не ведет к ней автоматически. Реализация этой возможности осуществится лишь в перспективе, при изменившихся социальных отношениях.

В принципе известный избыточный продукт существует и при присваивающем хозяйстве². Без этого не мог бы происходить рост населения и не было бы гарантировано даже самое существование человека³. Но при сохранении принципов первобытного коммунизма жизненные средства, произведенные сверх традиционных потребностей, служат лишь страховым фондом.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 186.

² См.: Аверкиева Ю. П. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки. М., 1961; Семенов С. А. Изучение первобытной техники методом эксперимента. — В кн.: Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л., 1963.

³ «Каждый взрослый человек может произвести больше, чем он сам потребляет, — пишет Ф. Энгельс, — факт, без которого человечество не могло бы размножаться, более того, не могло бы даже существовать» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 565).

Должно было произойти коренное изменение внутренней структуры первобытных коллективов, чтобы избыточный продукт мог приобрести антагонистическую форму, стать объектом присвоения отдельными социальными слоями, возвысившимися над общиной. Только при институтах, осуществляющих отчуждение общих интересов коллектива, избыток средств потребления, первоначально оставшийся в распоряжении общины или племени в качестве коллективной формы необходимого продукта, страхового фонда, эволюционировал в прибавочный продукт, присваиваемый господствующими сословиями⁴.

Отделение организаторских функций от производительного труда — процесс длительный. На его пути стояли учреждения первобытно-коммунистического строя. На первых порах появление производящего хозяйства ведет не к разложению, а, напротив, к наивысшему расцвету первобытнообщинного строя. Многие специалисты считают, что как раз в это время происходит смена раннеродовых коллективов развитой родоплеменной системой. Именно на переход к производящему хозяйству приходится единодушно отмечаемое археологами и этнографами укрупнение первобытных общин (до нескольких сотен людей) и установление более тесных связей между ними. У ранних земледельцев и скотоводов заметно возрастает роль коллективных работ, трудовой кооперации, т. е. происходит консолидация родоплеменной общины.

Органы управления общими делами, социальная власть на раннем этапе развития производящего хозяйства находятся внутри общины. Организационно-управленческую деятельность на этом этапе осуществляют старшие возрастные группы. Лишь со временем изменения в общественном разделении труда и усложнившийся фронт работ, вызванные земледельческой и животноводческой деятельностью, приведут к конституированию круга лиц, освобожденных от непосредственного участия в производительном труде и сосредоточивающих в своих руках управление жизнью общины, в особый социальный слой. Функции управления станут с этих пор принадлежать наиболее крупным и экономически крепким семьям и родам.

Процессы имущественной и социальной дифференциации начинают усиливать друг друга. Распоряжение избыточным продуктом дает большие преимущества членам общины, занимавшим престижные должности вождей, старейшин, организаторов общественных работ и т. п., способствует обогащению их обладателей и закреплению приобретенного ими социального положения, которое со временем становится наследственным.

Наряду с внутриобщинным расслоением, протекавшим крайне медленно, опережающими темпами шел процесс межобщинной дифференциации, а также выделения из первоначального комплексного хозяйства⁵ земледелия, скотоводства, ремесла, появления специализированных охоты и рыболовства и превращения их в особые сферы общественного производства. Дифференциация

производственной деятельности, связанная на первых порах с различием естественно-географических условий, в которых обитали общины⁶, рождала потребности обмена, а этот последний — новых форм общности.

Расширяющийся обмен между первобытными коллективами, их обострившиеся отношения по поводу распределения территории, приобретшей в связи с земледельческими занятиями и увеличивающейся плотностью населения особо важное значение, выдвигают на первый план роль племени и союзов племен. Последние выступают главным фактором общественной интеграции. В их рамках происходит разрыв замкнутости обособленных родовых общин, становящихся теперь частями более сложной социальной общности, рождаются новые виды разделения и кооперации труда. Общинные старейшины и жрецы, отправляющие организационно-управленческие функции, образуют привилегированный слой родоплеменной знати, возвысившейся над общинами. Организационно-управленческая деятельность превращается в род занятий, социально обособленный от материального производства. Так был сделан шаг по направлению к зарождению антагонистических противоречий и политической надстройки. В конкретных исторических исследованиях приводятся многочисленные данные о зародышевых формах государственности на стадии союза племен⁷.

В условиях возрастающей роли племени и племенных союзов с еще большей силой обнаруживает себя тенденция специализации общественных функций, рост разделения труда и обозначившееся отделение умственного труда от физического. На стадии племенных союзов заметным фактором межэтнических отношений становятся войны, способствовавшие большей подвижности насе-

⁶ К. Маркс подчеркивает, что «прибавочный труд вообще, как труд сверх меры данных потребностей, всегда должен существовать. Но при капиталистической, как и при рабовладельческой системе и т. д., он имеет только антагонистическую форму и дополняется полной праздностью известной части общества» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 385—386*).

⁵ В современной археологии и этнографии пересмотрено распространенное ранее мнение, будто первым крупным общественным разделением труда было выделение скотоводческих племен из общей массы охотников и собирателей. Как теперь доказано, таковым являлся переход наиболее передовых отрядов человечества от присваивающей экономики к производящей, которая на первых порах сочетала в себе и земледелие и скотоводство, органически слитые и обуславливающие друг друга (см.: *Хлопин И. Н. Возникновение скотоводства и общественное разделение труда в первобытном обществе.* — В кн.: *Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970*). Скотоводство как особая хозяйственная система складывается спустя несколько тысячелетий после возникновения производящего хозяйства.

⁶ См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 364*.

⁷ См.: *Корсунский А. Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963; Рыбаков Б. А. Союзы племен и проблема генезиса феодализма на Руси.* — В кн.: *Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969; Он же. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982*.

ления, углублению социальной дифференциации и формированию новой общественной структуры. Из массы общинников выделяют-ся не только старейшины и жрецы, но и особая группа людей, чьим занятием становится война.

Развитие подобных процессов на фоне все углубляющейся социаль-но-экономической дифференциации приводит в конечном счете к тому, что, по словам Ф. Энгельса, «органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в народе, в роде, во фратрии, в племени, а весь родовой строй превращается в свою противоположность: из организации племен для свободного регу-лирования своих собственных дел он превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, а соответственно этому его ор-ганы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собст-венного народа»⁸.

Изменившиеся с появлением производящего хозяйства условия производства и обмена создали почву для зарождения частной собственности⁹, неизбежным спутником и следствием которой выступает имущественная дифференциация, перераставшая в социальную. Революция в производительных силах вела к револю-ции в производственных отношениях. Процесс становления новых производственных отношений осуществлялся в виде противобор-ства социальных сил — новоявленных собственников, с одной стороны, и рядовых общинников — с другой. В соответствии с традициями коллективной собственности и уравнительного рас-пределения общинный коллектив пытался воспрепятствовать имущественному и социальному расслоению общины всеми до-ступными им средствами¹⁰. В свою очередь, зарождающийся класс собственников ищет практические средства защиты своего положения и имущества. Главным социальным итогом конфликта становится возникновение государства.

Процесс дифференциации сфер общественного производства, порожденный технологической революцией на стадии неолита, складывания в связи с этим предпосылок частной собственности и классовых антагонизмов, был весьма длителен. Пройдет не одно тысячелетие со времени первых проблесков производящего хозяй-ства (в передовых регионах мира — это X—IX тыс. до н. э.), прежде чем начнется действительный переход к классовому об-ществу (Передний Восток — IV—III тыс. до н. э., Китай и Ин-дия — III—II тыс. до н. э.)¹¹. Роль катализатора технического прогресса и совершавшихся на его основе роста общественного разделения труда и изменений социальной структуры сыграло появление металлических орудий. Оно кладет начало социально-му обособлению ремесла и впоследствии сосредоточению его в го-роде, что резко ускоряет развитие обмена, а вместе с ним част-ной собственности, усложняет социальное деление. Разложение первобытного общества вступает в завершающий этап. Налицо был скачок в общественном развитии, переход, происходивший в течение многих тысячелетий, количественных изменений в каче-

ственные. Растяннутость этого скачка во времени становится совершенно понятной при учете низких темпов общественного развития на начальных ступенях человеческой истории.

Социальный переворот, истоки которого уходят к неолитической революции, завершился таким расчленением сфер общественной жизни, какое привело к появлению политической надстройки. По своим общественным последствиям возникновение государства как продукта и проявления непримиримости классовых противоречий¹² — событие, превосходящее смену политической власти при переходе от одной классово-антагонистической формации к другой. Здесь был как бы двойной скачок, поскольку грань между первобытно-коммунистическим обществом и обществом классовым неизмеримо более редкая, нежели между классовыми формациями. Становящееся государство способствовало интенсификации процесса классового образования, закрепляло сложившееся классовое деление. Вместе с государством возникают политика как особая область человеческой деятельности, политические отношения и политическое сознание. Политические отношения становятся тем нервным узлом, в котором с наибольшей отчетливостью отражаются коренные социально-экономические противоречия общественной жизни. Сама социально-преобразующая деятельность людей принимает вид прежде всего социально-политической деятельности.

Коренной переворот совершается и в области духовной жизни. Возникновение на основе развития общественного производства классов и соответственно отделение умственного труда от физического становятся непосредственной предпосылкой и объективным условием качественного сдвига в сфере духовного производства. Начинает формироваться политическое и правовое сознание, возникает философия, дифференцируются и принимают классовый характер религия, мораль, искусство. Человечество вступает в эпоху своей писаной истории, что позволяет не только

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 164—165.

⁹ «Частная собственность,— писал Ф. Энгельс,— образуется повсюду в результате изменившихся отношений производства и обмена ... следовательно, по экономическим причинам» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 166).

¹⁰ Аверкиева Ю. П. Рождение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки, с. 3, 4; Первобытное общество. М., 1975, с. 94; и др.

¹¹ Это обстоятельство послужило причиной отождествления некоторыми специалистами, особенно историками, эволюционных и революционных изменений на ранних стадиях общественного развития. Далеко не все исследователи оценивают эпоху смены первобытнообщинного строя классовым обществом как социальную революцию. «Зарождение антагонистических классовых производственных отношений, их становление,— пишет, например, А. И. Першиц,— не было обусловлено социальной революцией, само понятие которой остается предметом споров» (Першиц А. И. Периодизация первобытной истории: (Состояние проблемы).— Вopr. истории, 1980, № 3, с. 77).

¹² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 7.

фиксировать, но и персонифицировать многие события и процессы. Благодаря этому сейчас мы можем с достаточно высокой степенью достоверности говорить о реформах Солона и Клисфена в Атике, Сервия Туллия в Риме и т. д.

Переход от первобытнообщинного строя к классовому может совершаться различными путями: через рабовладение и через феодализм¹³. Наличие такой возможности объясняется родством рабовладельческого и феодального способов производства (на что уже обращалось внимание), в частности фактом существования общинной организации. Община в разной степени и форме разложения ее первоначального единства составляет специфическую характеристику социальной структуры всех докапиталистических классовых обществ. В этом отношении и рабство, и крепостная зависимость, подчеркивает К. Маркс, — «необходимый и последовательный результат собственности, основанной на общинном строе и на труде в условиях этого строя»¹⁴. Большинство народов не знало рабовладения как общественной формации и непосредственно переходило от первобытнообщинного строя к феодализму¹⁵. Первые очаги рабовладения обнаруживаются на древнем Востоке; в высокоразвитом, классическом варианте рабовладельческая формация известна в Древней Греции и Риме. У других народов, даже Средиземноморской зоны, судьбы которых тесно связаны с мировыми рабовладельческими центрами, рабовладение существовало лишь в форме подчиненного социально-экономического уклада, сопутствующей формы эксплуатации.

Непосредственный переход от первобытнообщинного строя к феодализму, наблюдавшийся у многих народов мира, ни в коей мере не подрывает идеи прогрессивного развития — последовательного восхождения человечества с низшей стадии на высшую, — не лишает понятие формации статуса всеобщности. Напротив, речь идет о закономерности исторического процесса, связанной с взаимодействием отдельных обществ и неравномерностью их развития. Степень и форма связей между синхронно существовавшими социальными организациями различны в зависимости от стадии общественного прогресса. Они возрастали и усложнялись в ходе истории. С переходом от архаической социальности к классовому обществу резко усиливается взаимодействие отдельных социальных организмов. На смену локальности развития, присущей первобытности, приходит региональная общность¹⁶. По мнению большинства медиевистов, рождение в отдельных странах феодализма непосредственно из разложения первобытнообщинного строя — результат того, что в соответствующем регионе общественный прогресс подошел к той стадии, когда сложились условия для возобладания этой формации.

Путь, при котором рабство выступает в качестве опосредствующего звена между первобытностью и феодализмом, также предполагает взаимодействие разнотипных общественных систем. Само функционирование рабовладельческой системы немыслимо вне обширной первобытной периферии, поставлявшей метрополию

рабов. Процесс общественного производства в обществах, основанных на рабстве, требует регулярного массового притока рабов извне, ибо рабство соплеменников подрывает сами принципы рабовладельческой системы — ассоциации свободных граждан, обеспечивающей господство над порабощенными.

В научной литературе 30—40-х годов имел хождение тезис о революции рабов как механизме смены рабовладельческой стадии феодальной. Ныне ошибочность данного тезиса очевидна. Восстания рабов рассматриваются специалистами в виде одного из проявлений кризисного состояния общества, одной из движущих сил коренной социальной революции, которая одна только и могла вывести разлагающееся рабовладельческое общество из тупика¹⁷.

Движение рабов безусловно сыграло огромную роль в расшатывании устоев рабовладельческого общества. Но класс рабов не в состоянии был оказать революционизирующее воздействие на общество, поскольку он не был связан с прогрессивной формой производства. Целью рабских восстаний выступало высвобождение из неволи, обретение личной свободы, возврат к «старым добрым» временам¹⁸. Даже такие массовые выступления рабов, как сицилийские восстания (II—I вв. до н. э.), восстание под руководством Спартака (I в. до н. э.), движение багаудов (III в. н. э.), агонистиков (IV—V вв.) и многие другие, внеся свою лепту в крушение рабства, не вносили и не могли внести каких-либо принципиальных перемен в общественную систему.

Если благодаря усилиям рабов историческая ситуация и изменялась ненадолго, то лишь в плане изменения положения ее действующих лиц (рабы занимали место хозяев). Именно поэтому масса рабов рассматривается К. Марксом как своеобразный пьедестал для борющихся свободных граждан¹⁹. Решающую роль в антирабовладельческой социальной революции играли

¹³ Выдвижение рядом исследователей в качестве первой классово-антагонистической формы общества формации, основанной на азиатском способе производства, не изменяет постановки вопроса о соотношении рабовладения и феодализма, так как под азиатским обществом понимается общество, лежащее на грани первичной (доклассовой) и вторичной (классовой) формаций, т. е. общество, предшествующее и рабовладельческому и феодальному обществам.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 485—486.

¹⁵ См.: Мейман М. Н., Скажин С. Д. К вопросу о непосредственном переходе к феодализму на основе разложения первобытнообщинного способа производства.— *Вопр. истории*, 1960, № 1.

¹⁶ См.: Барг М. А., Черняк Е. Б. Регион как категория внутренней типологии классово-антагонистических формаций.— В кн.: *Проблемы социально-экономических формаций: Историко-типологические исследования*. М., 1975.

¹⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 149; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 72.

¹⁸ Подробнее об этом см.: Корсунский А. Р. О социальных революциях в докапиталистических формациях.— В кн.: *Проблемы теории социальной революции*. М., 1976.

¹⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 375.

противоречия между свободными гражданами (плебеями и патрициями, жителями центра и провинций), обострение и разрешение которых приносит те или иные качественные изменения в существующую систему общественных отношений и институтов. Действенным фактором разрешения противоречий рабовладельческого общества стало в античном мире вторжение варварских племен, под ударами которых пали Римская империя и ее экономический строй.

Античное рабовладельческое общество, в течение нескольких веков раздираемое глубочайшими противоречиями, пришло в состояние полного упадка всех своих общественных сил. Ни одна из них не могла взять верх над другой: результатом борьбы оказалась гибель борющихся сторон²⁰. «Рабство,— отмечал Ф. Энгельс,— перестало окупать себя и потому отмерло»²¹. Сложились предпосылки для того, чтобы «мелкое хозяйство снова сделалось единственно выгодной формой земледелия»²². В недрах рабовладельческого строя появляются завязи новых производственных отношений, формируются социальные группы, предвосхищающие будущие классы феодального общества. Ф. Энгельс называл, в частности, колонов предшественниками средневековых крепостных²³.

Существенными факторами разрушения целостности рабовладельческого общества выступает развитие товарно-денежных отношений, выделение торгового и ростовщического капитала, подрывавших бывшее единство гражданской общины. Рабство сделалось невозможным прежде всего экономически, но и труд свободных граждан еще не получил преобладания. «Вывести из этого состояния,— отмечал Ф. Энгельс,— могла только коренная революция»²⁴. Неотделимый от нее технический переворот в значительной мере был связан с преобразованием домашнего промышленного производства, технологическим использованием наряду с физической силой человека и животных природных источников энергии — сил падающей воды и ветра — и соответствующих технических устройств, преобразующих эти силы. Непосредственным выражением революционного характера утверждения новых феодальных общественных отношений стали кризисные процессы, потрясавшие позднюю Римскую империю²⁵.

Развивавшаяся в Европе на развалинах Римской империи феодальная формация родилась из синтеза продуктов разложения рабовладельческого строя и варварских элементов, привнесенных германскими племенами²⁶. На ранних этапах своего существования ее экономика еще в большей мере обладает натурально-потребительскими чертами. С падением Римской империи уже и без того подорванные товарно-денежные отношения приходят в полный упадок. И вместе с тем в общественном развитии был сделан огромный шаг вперед, означавший в конечном счете революционное преобразование в техническом базисе общества, экономических отношениях и политике.

Установившийся в результате социальной революции феодальный строй был более прогрессивным, чем его предшественник — рабовладение. Это обнаруживается прежде всего в утверждении новой более развитой формы собственности, которая дает известный простор росту материальных производительных сил общества, допускает развитие личности непосредственного производителя. Работник производства получает хозяйственную самостоятельность. При всей зависимости и неполноправности он является членом социальной общности. На исходе феодальной формации развитие товарного производства, торговли, денежных капиталов получило гораздо большее развитие, нежели в античных рабовладельческих обществах. Самое же главное в том, что оно обрело прочную базу в экономическом строе общества, в росте общественного разделения труда, социальном обособлении города от деревни и т. д.

Движение народных масс в клонящейся к упадку Римской империи и в феодализирующемся варварском обществе, несмотря на весь его размах, не могло завершиться захватом политической власти. Оно шло под лозунгом возвращения к патриархальной старине²⁷. На этом основании некоторые исследователи отрицают наличие политической революции при смене рабовладения феодализмом²⁸. В данном случае, по-видимому, тяготеет модель политических революций, совершавшихся при переходе к капитализму и установлении социалистического строя.

Как и экономическая революция, политическая революция при смене рабовладения феодализмом растянута во времени, состоит из ряда отдельных политических переворотов, перемен в формах правления и составе и социальном статусе господствующих слоев.

В силу слитности политических отношений с юридическими отношениями собственности изменения в характере и форме собственности неизбежно влекли за собой и изменения в структуре

²⁰ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 146—148.

²¹ Там же, с. 149.

²² Там же, с. 148.

²³ См.: Там же.

²⁴ Там же, с. 149.

²⁵ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 22, с. 482—483; т. 21, с. 146—149; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 58—59; т. 39, с. 75—76.

²⁶ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 154—155. Подробнее о проблеме феодального синтеза см.: *Поршнев Б. Ф.* Феодализм и народные массы. М., 1964. Прилож., с. 507—518.

²⁷ См.: *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953; *Корсунский А. Р.* Образование раннефеодального государства в Западной Европе; *Неусыхин А. И.* Крестьянство и крестьянские движения в Западной Европе раннефеодального периода.— В кн.: Из истории социально-политических идей. М., 1955; *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955; *Поршнев Б. Ф.* Феодализм и народные массы. М., 1964; и др.

²⁸ См.: *Корсунский А. Р.* О социальных революциях в докапиталистических формациях, с. 40—41 и др.

власти. Так, аграрная реформа Меровингов во Франкском государстве была одновременно и актом, устанавливающим феодальную иерархию, разделение власти внутри формировавшегося класса феодалов.

Коренные изменения последовали и в духовной жизни общества. Переход к феодализму знаменуется вытеснением господствовавшего в Риме политеизма, связанного с племенными религиями и отстранявшего от культа массы иноплеменных рабов, единобожием, общей для всех сословий и классов религией. Восторжествовавшее в феодальной Европе христианство, устанавливая независимую от этнических различий вероисповедную связь между людьми, освящало социально-классовое неравенство и эксплуатацию, обещая угнетенным воздаяние в потустороннем мире. Религиозная идеология в феодальном обществе становится главной формой идеологии, глубоко пронизывающей общественный и семейный быт, определяющей политическое сознание, право, искусство, нравственность²⁹. Все это и завершило становление феодальной общественно-экономической формации. Действие закона социальной революции как закона перехода от одной формации к другой специфически обнаруживает себя и в переходе к классовому обществу и в смене рабовладения феодализмом.

2. Буржуазная революция

Первые зачатки капиталистического производства sporadически встречаются в феодальной Западной Европе уже в XIV и XV вв. В XVI в. начинает формироваться капиталистический экономический уклад³⁰. Его становление неотделимо от первоначального капиталистического накопления, которое, по словам К. Маркса, есть «не что иное, как исторический процесс отделения производителя от средств производства»³¹. Этот процесс превращения трудящихся в наемных рабочих выступал, с одной стороны, как «их освобождение от феодальных повинностей и цехового принуждения»³², с другой — связан с тем, что у работников «отняты все их средства производства и все гарантии существования, обеспеченные старинными феодальными учреждениями»³³.

Зарождение буржуазных производственных отношений имело свои особенности в каждой стране. Они были обусловлены конкретными формами феодальной зависимости, взаимоотношениями данной страны с другими странами, путями первоначального капиталистического накопления, выражавшими переплетение интересов поднимающейся буржуазии и обуржуазившегося дворянства. Феодальные отношения собственности шаг за шагом превращались в оковы развития производительных сил. Однако они не могли предотвратить революционных преобразований в области производственных отношений, появления капиталистического способа производства, перспективу развития которого раскрыла промышленная революция, начавшаяся в конце XVIII в.

Но чем шире (особенно на базе машинной технологии) разворачивалась экономическая революция, тем отчетливее обнаруживала себя несовместимость новых производственных отношений с феодальной политической системой. «По политическому положению,— отмечал Ф. Энгельс,— дворянство было всем, буржуа — ничем ...»³⁴. Обладая реальной силой, являясь по существу полновластным хозяином экономической жизни, буржуазия должна была привести в соответствие со своим экономическим положением и свой политический статус. Главное заключалось тогда в том, что сохранение феодальных политических отношений препятствовало росту городов, расширению международной торговли и товарно-денежных отношений вообще. Само капиталистическое производство было не в состоянии функционировать в полную меру своих возможностей, ибо оно «стеснялось бесчисленными цеховыми привилегиями, обратившимися в источник придираков и в путы для производства, стеснялось местными и провинциальными таможенными рогатками»³⁵.

Необходимым условием освобождения нового формационного способа производства от феодальных оков выступала политическая, или, как подчеркивают некоторые авторы, социально-политическая, революция. Без решения вопроса о власти нельзя было завершить саму буржуазную экономическую революцию. Причем обострение классовой борьбы, апофеозом которой становится политическая революция, не «рядоположено» с экономическими противоречиями, а непосредственно обусловлено возрастающим конфликтом между новыми производительными силами и отживающими свой век старыми производственными отношениями. Речь шла о том, чтобы установить политическое господство буржуазии, новую политическую систему и правопорядок, устраняющий все сословные привилегии, и таким путем окончательно покончить с феодальными производственными отношениями. В эпоху поднимающегося капитализма буржуазия являлась гегемоном социальной (общественной) революции. Она была тогда прогрессивным революционным классом, заинтересованным в

²⁹ См.: Токарев С. А. Религии в истории народов мира. М., 1964; Тэнассе А. Культура и религия. М., 1975. Ф. Энгельс писал о роли религии в феодальную эпоху: «Средние века присоединили к теологии и превратили в ее подразделения все прочие формы идеологии: философию, политику, юриспруденцию. Вследствие этого всякое общественное и политическое движение вынуждено было принимать теологическую форму. Чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей; поэтому, чтобы вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этих масс представлять им в религиозной одежде» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 314).

³⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 728.

³¹ Там же, с. 727.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же, т. 20, с. 168.

³⁵ Там же.

развитии промышленности и сельского хозяйства, науки, искусства и просвещения, имела солидный опыт классовой борьбы и политической организации. В решении назревших общественных задач ее интересы в определенной степени совпадали с интересами трудящихся масс — крестьянства и городских «низов».

Подготовка к политической революции против абсолютистской государственной власти начинается задолго до ее финала — с критики официальной, а затем и вообще религиозной идеологии, возрождения и развития материалистического учения. Ф. Энгельс отмечал, что самые ранние буржуазные движения еще имели теологическое облачение, проходили под флагом религиозной реформации. «Но когда в XVIII веке буржуазия достаточно окрепла для того, чтобы создать свою собственную идеологию соответствующую ее классовому положению, она совершила свою великую и законченную революцию — французскую, апеллирующую исключительно к юридическим и политическим идеям и думая о религии лишь постольку, поскольку эта последняя преграждала ей дорогу»³⁶.

Успех отдельных буржуазных революций, полное выполнение ими своих задач зависели от многих причин, и прежде всего от расстановки классовых сил в стране, включая позиции привилегированных сословий. Ни одна из буржуазных революций не смогла разовым выступлением революционных сил расчистить дорогу для беспрепятственного развития капитализма. Свергаемый класс беспощадно сопротивлялся, пытаясь реставрировать разрушаемые порядки. Борьба английской буржуазии за свое господство потребовала 48, а французской буржуазии — 40 лет беспрерывных битв³⁷.

Политическая борьба эпохи буржуазной революции обладает одной существенно важной особенностью, которую нельзя не учитывать при ее характеристике. Такой особенностью выступает противоречивость взаимоотношений буржуазии и трудящихся масс — главной революционной силы. Если трудящиеся массы стремятся избавиться от феодального гнета, рассчитывают приобрести с помощью революции экономическое, социальное, политическое, духовное освобождение, то буржуазия озабочена другим: ей необходимо снести преграды капиталистическому прогрессу.

Поскольку капиталистический прогресс ведет лишь к совершенствованию форм эксплуатации, постольку цели трудящихся и буржуазии в революционной борьбе не только не сходны, но и прямо противоположны. Совпадение интересов трудящихся масс и буржуазии обуславливается здесь лишь тем, что на пути их революционных стремлений оказывается одно и то же препятствие — феодальное дворянство и представляющее его интересы государство. Причем совпадение этих интересов усиливается там, где борьба за общественные преобразования дополняется борьбой за национальное освобождение, что имело место, например, в Нидерландской революции XVI в.

Однако едва «первый акт» буржуазной политической революции — ниспровержение старой государственной власти — оказывается «сыгранным», как тотчас же обнажается противоречие целей буржуазии и трудящихся. Буржуазия теряет революционность, стремится остановить дальнейшее развитие массового движения, ограничить и сократить до минимума решение демократических задач революции³⁸. Благодаря своей политической искренности, высокой по сравнению с трудящимися степенью организованности, она занимает центральные позиции в новом государственном аппарате, оказывает давление на массовые организации народной власти на местах, возникающие в ходе революции³⁹, парализует их деятельность, а затем, укрепившись, добивается их полной ликвидации.

Отмечая данное обстоятельство как характерную черту классической социальной революции буржуазии, В. И. Ленин писал, что в ее истории не бывало «упроченной власти» трудящихся. «...Все в короткое время скатывалось назад ... Так было и в великую французскую революцию, так было в меньшем масштабе и во всех революциях»⁴⁰. Попытки крайне радикальных движений, стоящих на самом левом крыле буржуазной революции (движение Даниела Шейса в Американской революции XVIII в., Гракха Бабефа в Великой французской революции и др.), изменить ход событий, добиться осуществления чаяний трудящихся успеха не имели. Они были обречены на неудачу в силу самих объективных условий общественного развития, еще не созревших для социалистического переворота.

Итогом политической революции, осуществленной преимущественно руками масс, становится полное торжество буржуазии. Это обстоятельство, не раз вызывавшее горькие сетования у представителей буржуазной демократической мысли⁴¹, не может удивлять исследователя-марксиста. Здесь, по замечанию В. И. Ленина, мы видим обычные черты политических революций буржуазии: «Низы борются, верхи пользуются»⁴². Причина подобного результата вполне понятна — к власти приходит класс, в руках которого находится собственность на основные средства производства. В итоге революционной борьбы устанавливается общественный порядок, который соответствует капиталистическим

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 294.

³⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 5.

³⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 270, 271.

³⁹ См.: Манфред А. З. Великая французская буржуазная революция XVIII в. М., 1956, с. 208; Чистозвонов А. Н. Нидерландская буржуазная революция XVI века. М., 1958, с. 80; Собуль А. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1966, с. 286—323; и др.

⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 140, 141.

⁴¹ См.: Фридрих Ц., Слунцкий А. История революционного движения Западной Европы, 1789—1914. М.; Л., 1928, с. 203; Лилльберн Д. Памфлеты. М., 1937, с. 47.

⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 195.

производственным отношениям. Именно в таком плане преобразуется вся надстройка общества.

Буржуазная политическая революция приводит к образованию нового исторического типа государства, более прогрессивного по сравнению с феодальным. Однако природа государства как машины для подавления трудящихся не изменяется. Имея в виду события французской истории первой половины XIX в., К. Маркс писал: «После каждой революции, означающей известный шаг вперед классовой борьбы, чисто угнетательский характер государственной власти выступает наружу все более и более открыто»⁴³. На это обстоятельство обращал внимание и В. И. Ленин, подчеркнувший, что «демократизм» капиталистического государства не только не урезает господства буржуазии, но, напротив, выступает в виде наиболее удобной формы проявления этого господства⁴⁴.

Открывая новые горизонты развитию общественного производства, буржуазная революция дает мощный толчок прогрессу науки, рождает тенденцию неуклонного сближения ее с производством. На новую ступень в своем развитии поднимаются философия и искусство, в лучших своих произведениях отражающие процесс революционного обновления мира. Коренные перемены совершаются в политическом, правовом и моральном сознании. Существенный удар наносит буржуазная революция религии. Хотя религия и продолжает функционировать в системе общественного сознания буржуазного общества и подчас оказывает заметное влияние на отдельные стороны общественно-исторической практики, она лишается статуса всеохватывающей формы общественного сознания, которым обладала в предшествующую феодальную эпоху.

Вместе с тем нельзя не видеть и поворота идеологии победившей буржуазии к апологетике буржуазных общественных отношений. Начинается процесс реставрации и обновления философских, социологических и экономических учений, утверждающих вечность институтов частной собственности, эксплуатации человека человеком. Не устранив социальных антагонизмов, буржуазная революция создает объективные предпосылки их дальнейшего углубления, вызывая тем самым еще более интенсивное разрывание массовой борьбы трудящихся. «Именно с того момента,— писал Ф. Энгельс,— когда утверждается власть буржуазии, и начинается особое, самостоятельное демократическое движение»⁴⁵.

В исторических рамках антифеодальных преобразований наряду с верхушечной революцией развивается и такая ее высшая форма, как революция буржуазно-демократическая. Ее первая и главная особенность заключается в том, что массы народа, самые глубокие, задавленные гнетом и эксплуатацией «низы» активно и самостоятельно выступают со своими собственными политическими и экономическими требованиями, накладыывая на весь ход

революции отпечаток своих стремлений и попыток по-своему сломать старое общество и построить новое⁴⁶.

Важным моментом буржуазно-демократической революции выступает аграрный вопрос. Только путем революционных действий «снизу», со стороны крестьянской массы, буржуазная революция может полностью уничтожить помещичье землевладение и освободить крестьян от феодальных пут. В истории буржуазных революций ни одно буржуазное учредительное собрание по собственной инициативе не разрешало в пользу крестьян аграрный вопрос. Такое решение навязывалось буржуазному учредительному собранию путем постановки его перед фактом «захвата» помещичьих земель.

Ранние буржуазно-демократические революции являлись отдельными звеньями в единой цепи борьбы капитализма и феодализма. Они выражали общий процесс восхождения буржуазии к политической власти. В период ранних буржуазно-демократических революций социальное движение, сломившее сопротивление абсолютистского государства и феодалов-помещиков, было создано буржуазией. Будучи гегемоном, руководителем этого движения, буржуазия формулировала свои требования как требования всего народа, не размежевавшегося еще окончательно в недрах третьего сословия на отдельные классы. Пролетариат не представлял тогда самостоятельной политической силы, выступал классом «внутри себя».

Вследствие неразвитости капиталистических противоречий плебейские «низы», т. е. пролетариат и крестьянство, хотя и выступали в ранних буржуазно-демократических революциях со своими самостоятельными политическими и экономическими требованиями, объективно защищали интересы буржуазии. Партии городских «низов», как, например, французские якобинцы XVIII в., сплошь и рядом становились крайними буржуазными партиями, а их терроризм — плебейским способом разделаться с врагами буржуазии. Пролетариат и крестьянство выступали в этих революциях лишь разрушительным орудием, тараном в руках буржуазии. «Буржуазия,— писал Ф. Энгельс,— класс, в лучшем случае лишенный героизма. Даже наиболее блестящие достижения, в Англии XVII века и во Франции XVIII века, не были ею самой завоеваны для себя, а их завоевали для нее плебейские народные массы, рабочие и крестьяне»⁴⁷.

Середина XIX в. ознаменовалась началом кризиса буржуазных иллюзий свободы, равенства и братства. Под твердой корой буржуазных отношений обнажилась бездонная пропасть классового антагонизма, разделяющего пролетариат и буржуазию.

⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 17, с. 340.

⁴⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 14.

⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 37.

⁴⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 39.

⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 18, с. 288.

В 1848 г. парижский пролетариат впервые в истории буржуазных революций выступил с такими классовыми требованиями, которые не имели ничего общего с интересами буржуазии. Кровь французского пролетариата, пролитая во время июньских событий на улицах Парижа, окончательно разделила интересы и цели борьбы пролетариата и буржуазии, раскрыв тайну нового времени — освобождение рабочего класса. Европейская буржуазия бросилась в объятия монархии и реакционных сословий, превратилась в контрреволюционную силу.

Неравномерность экономического и политического развития отдельных стран ведет к тому, что буржуазные революции созревают в этих странах неодновременно. Задачи антифеодальной революции сохраняются во многих регионах мира и тогда, когда капитализм в целом вступил в высшую монополистическую стадию развития. Данное обстоятельство обусловило собой существенные особенности движущих сил таких революций, формы и перспективы революционной борьбы. В период империализма в странах, в которых все еще сохраняются феодальные и другие подобные пережитки, трудящиеся массы оказываются под двойным гнетом. С одной стороны, они эксплуатируются помещиками, с другой — местной и иностранной буржуазией. В этих условиях трудящиеся более заинтересованы в решительном искоренении феодальных пережитков, чем буржуазия. Руководящей силой буржуазно-демократических революций становится рабочий класс. В эпоху империализма изменяется само историческое место буржуазно-демократической, иначе говоря общедемократической, революции. Она выступает теперь частью мировой пролетарской революции, звеном общей цепи борьбы социализма и империализма.

Первой буржуазно-демократической революцией эпохи империализма была русская революция 1905—1907 гг. Рабочий класс России уже тогда имел свою закаленную в боях революционную марксистскую партию, значительный опыт классовой борьбы, надежного союзника в лице крестьянства. Он широко использовал специфически пролетарскую форму революционного выступления — всеобщую политическую забастовку. Русская революция не была «обычной буржуазно-демократической революцией», революцией «старого шаблона», а имела «особый характер»⁴⁸. Развивая применительно к эпохе империализма марксистское учение о социалистической революции, В. И. Ленин разработал теорию перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Научность и жизненность данной теории подтверждены всем ходом последующего исторического развития не только России, но и других стран мира.

Развитие капиталистических отношений и революция 1905—1907 гг. в России были тем первым мощным толчком, который поднял на революционную борьбу народы колониальных и полуколониальных стран. «Мировой капитализм и русское движение 1905 г., — писал В. И. Ленин, — окончательно разбудили Азию.

Сотни миллионов забытого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию»⁴⁸. В колониальных и полуколониальных слабобразвитых странах начался период буржуазных, буржуазно-демократических революций. Гегемоном этих революций первоначально выступала национальная буржуазия, а сами революции разворачивались как буржуазно-демократические революции старого типа. Именно здесь таилась причина их неизбежных поражений, ибо буржуазия в силу самого своего положения не могла нанести решающего удара по господству империализма, империализм же, в свою очередь, не мог допустить образования в колониальных и полуколониальных странах самостоятельных буржуазных государств.

Так обстояло дело до победы Великой Октябрьской социалистической революции в России, открывшей новую эпоху мировой истории. Общий кризис капитализма завершил кризис буржуазно-демократических революций старого типа. Наступила эра гегемонии пролетариата в национально-освободительных буржуазно-демократических революциях в колониальных и полуколониальных странах, которые претерпели существенные изменения, став неразрывной частью мировой пролетарской революции, демократическими революциями нового типа.

Острые такой антиимпериалистической и антифеодальной по своему содержанию революции обращено как вовне, против иностранного империализма, так и внутрь страны, против «своих» помещиков и крупной компрадорской буржуазии. Причем внешние и внутренние задачи революции неразрывно связаны между собой, ибо нельзя победить международный империализм, не ведя одновременно борьбы против феодализма, и, наоборот, только завоевав национальное освобождение, можно завершить борьбу против компрадорской буржуазии и помещиков.

Разгром фашистской Германии и милитаристской Японии в ходе второй мировой войны, образование мировой системы социализма, кризис и окончательное крушение под ударами национально-освободительного движения колониальной системы империализма создали новые условия для победы антиимпериалистических, антифеодальных национально-освободительных революций. Наряду с перспективой капиталистического развития перед молодыми национальными государствами, возникшими на развалинах колониальной системы империализма, открылись широкие горизонты социалистической ориентации и некапиталистического развития. Число стран социалистической ориентации неуклонно возрастает. И хотя их развитие по прогрессивному пути происходит неодинаково, идет в сложных условиях, основные направления сходны. Как подчеркивалось на XXVI съезде КПСС:

⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 178, 182; т. 17, с. 44; т. 31, с. 155—156.

⁴⁹ Там же, т. 23, с. 146.

«Это — постепенная ликвидация позиций империалистических монополий, местной крупной буржуазии и феодалов, ограждение деятельности иностранного капитала. Это — обеспечение народному государству командных высот в экономике и переход к планоному развитию производительных сил, поощрение кооперативного движения в деревне. Это — повышение роли трудящихся масс в общественной жизни, постепенное укрепление государственного аппарата национальными кадрами, преданными народу. Это — антиимпериалистический характер внешней политики этих стран. В них крепнут революционные партии, выражающие интересы широких масс трудящихся»⁵⁰.

3. Социалистическая революция

Из всех социальных революций, когда-либо происходивших в истории, социалистическая революция оказывает наибольшее воздействие на весь ход общественного развития. Она представляет собой единый мировой процесс преобразования самых глубоких основ человеческой жизни⁵¹. Эту новую эпоху всемирной истории открыла Великая Октябрьская социалистическая революция. Трудно переоценить ее историческое значение для ускорения общественного прогресса. Создание международного коммунистического движения, подъем национально-освободительных революций, разгром немецкого фашизма и японского милитаризма во второй мировой войне, крах колониальной системы империализма, образование мировой системы социализма, развертывание научно-технической революции на основе соединения ее достижений с преимуществами социализма — все это звенья одной цепи, идущей от победоносной революции в России.

В современную эпоху, когда, по образному выражению В. И. Ленина, социализм «смотрит на нас через все окна современного капитализма»⁵², когда нельзя идти вперед, боясь идти к социализму, особое значение приобретает вопрос о соотношении общих закономерностей социалистической революции и многообразия форм, методов, путей ее осуществления. Как отмечалось на XXVI съезде КПСС, ни в одной из ныне существующих социалистических стран подобные формы, методы и пути не были механическим повторением чужого опыта. Они и не могли быть таким повторением, поскольку диктовались соотношением классовых сил внутри каждой из стран, особенностями их исторического развития и внешней обстановкой. «Так что говорить о какой-то «унификации», противопоставлять компартии по признаку признания или непризнания выбираемых ими путей переустройства общества можно... только игнорируя реальные факты»⁵³.

Подчеркивая своеобразие перехода к социализму различных стран, В. И. Ленин всегда обращал внимание на то общее, что присуще этому переходу. Характеризуя Октябрьскую социалистическую революцию в России, он, в частности, писал: «Дело обстоит именно так, что русский образец показывает *всем* странам

кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего»⁵⁴. Диалектика заключается здесь в том, что само многообразие форм социалистической революции не может быть правильно понято без обращения к ее общим закономерностям. Более того, там, где такие закономерности не реализуются, не претворяются в жизнь, еще нет и самой социалистической революции, т. е. действительного коренного преобразования общественной жизни⁵⁵.

Необходимость социалистической революции вытекает из внутренних противоречий развития капиталистического производства. В конечном счете все они сводятся к несовместимости общественного характера производства с его капиталистической экономической оболочкой, капиталистической формой присвоения⁵⁶. Одним из наиболее общих проявлений такой несовместимости выступают экономические кризисы, потрясающие сами основы капиталистического хозяйства. Несовместимость между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения обнаруживается уже на восходящей линии развития капитализма, порождая и углубляя антагонизм между трудом и капиталом, между подлинными интересами трудящихся и узкими, эгоистическими интересами буржуазии. Наивысшую остроту она приобретает при империализме, особенно в условиях современной технологической революции, т. е. революции в производительных силах⁵⁷, все нагляднее обнажая действительные потребности общественного прогресса — замену частной собственности на средства производства общественной.

В установлении общественной собственности на средства производства состоит самое глубокое отличие социалистической экономической революции от всех предыдущих. Но общественная собственность на средства производства не складывается и не может сложиться на почве капиталистических отношений или внутри них. В любых исторических условиях, при любом уровне развития производства между подлинно общественной и капитали-

⁵⁰ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 12.

⁵¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 378.

⁵² Там же, т. 34, с. 193.

⁵³ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 17.

⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 4.

⁵⁵ Специальное исследование данной проблемы см.: Еремин Ю. Е. Классы и демократия. М., 1974; Водолазов Г. Г. Диалектика и революция: Методологические проблемы социальной революции. М., 1975; Красин Ю. А. Теория социалистической революции: ленинское наследие и современность. М., 1977; Федосеев П. Н. Диалектика современной эпохи. М., 1978; Чертков В. П. Диалектика революционного процесса. М., 1978; Ленинская теория социалистической революции и современность. М., 1980; Суслов М. А. Марксизм-ленинизм и современная эпоха. М., 1980; Зародов К. И. Ленинизм и современные проблемы перехода от капитализма к социализму. М., 1981; Экономика и политика в революции. М., 1981; и др.

⁵⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 281—282; т. 23, с. 772—773.

⁵⁷ См.: Там же, т. 47, с. 461.

стической собственностью на средства производства сохраняется принципиальное, качественное различие. Пытаясь доказать обратное, буржуазные идеологи и реформисты всячески поднимают на щит систему государственно-монополистического капитализма, особенно имеющие место в капиталистических странах факты национализации отдельных отраслей промышленности. Однако подобные факты показывают другое: такая национализация, во-первых, крайне неустойчива, во-вторых, сама по себе не изменяет системы капиталистического хозяйства, не устраняет господства монополистической буржуазии.

Национализация средств производства в капиталистическом обществе объективно подготавливает условие перехода к общественной собственности на средства производства, вплотную подводит к нему, вызывая тем самым инстинктивную неприязнь монополистической буржуазии. Поэтому не случайно, что в настоящее время монополистическая буржуазия все чаще ищет пути выхода из экономических потрясений в сужении форм государственно-монополистического капитализма, в предоставлении большей свободы действий транснациональным корпорациям. И теоретически и практически положение дел в области обобществления средств производства может измениться только в результате решительного слома эксплуататорской государственной машины, перехода политической власти в руки рабочего класса, трудящихся, создания ими собственного государства.

Диалектика общественного развития такова, что социалистическая революция непосредственно начинается с политической революции. Социалистические революционные преобразования в политической жизни общества предшествуют всем ее дальнейшим общественным преобразованиям, прежде всего в сфере экономики. Капиталистические экономические и даже в определенной степени политические отношения формировались в недрах феодального строя. Буржуазные политические революции лишь окончательно расчищали почву для господства капиталистического способа производства. Социалистическая же революция с самого начала выступает единым процессом преобразования общества, причем политические преобразования играют здесь первенствующую роль по отношению ко всем другим преобразованиям, в том числе и в экономике. В этом заключается одна из существенных особенностей социалистической революции как исторического типа социальной революции⁵⁸.

Первенствующая роль политических преобразований в социалистической революции непосредственно связана с вопросом о ее классовой сущности. Речь идет о том общественном классе, который по своему объективному положению в системе капиталистического производства противостоит буржуазии в виде социальной силы, способной перестроить все общество на социалистических началах. Выделение и определение данного класса образует центральный пункт научной теории социалистической революции, поскольку никакие противоречия капиталистического общества сами

по себе не могут привести к его уничтожению. Необходимы решительные практические действия революционного класса, который действительно в состоянии потрясти капиталистическое общество до самого его основания и главное — стать на путь последовательных социалистических преобразований.

Хорошо известно, что таким классом выступает пролетариат, т. е. класс наемных рабочих, занятых на капиталистических предприятиях. Пролетариат, во-первых, образует главную производительную силу общества; во-вторых, представляет собой собственный продукт крупной промышленности, выражающий ее общественный характер, а потому и чуждый по самой своей сущности частнособственническим отношениям; в-третьих, не может освободиться от капиталистической эксплуатации и освободить тем самым от нее все общество, стать хозяином своей судьбы без социалистической революции. Всемирно-историческую миссию пролетариата в борьбе за социализм, теоретически обоснованную и раскрытую в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, подтвердила еще Парижская Коммуна. Парижские коммунары, штурмующие небо⁵⁹, совершили подлинно революционный политический переворот, свергнув власть буржуазии и установив власть трудящихся. Парижская Коммуна дала миру прообраз нового общества, какого еще не знала история.

Основоположники марксизма-ленинизма всегда подчеркивали особое значение для социалистической революции, победы социализма в той или иной стране, интернационального единства национальных отрядов рабочего класса. Подлинно национальные (отнюдь не националистические) интересы рабочего класса и трудящихся не противостоят их интернациональным интересам. Они представляют собой исторически сложившуюся форму проявления и реализации интернациональных интересов. Уже в силу этого в борьбе за социализм не только возможен, но и необходим интернациональный союз рабочих, трудящихся всех национальностей. Пролетарский интернационализм есть политическое выражение общности интересов всех национальных отрядов рабочего класса, их международной солидарности в борьбе против общего классового противника.

Самоизоляция, игнорирование международного опыта борьбы за социализм наносят огромный вред делу революции. «...Отказаться от пролетарского интернационализма означало бы лишить компартии и вообще рабочее движение мощного и испытанного оружия. Это была бы хорошая услуга классовому противнику, который, кстати сказать, активно координирует в международном масштабе свои антикоммунистические действия»⁶⁰.

Осуществление на практике принципов пролетарского интернационализма зависит от того, в какой степени национальные

⁵⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 5—6.

⁵⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 33, с. 172.

⁶⁰ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976. с. 31.

отряды рабочего класса выступают в качестве самостоятельной политической силы, осознающей интернациональный характер своих задач. В полной мере учитывая данное обстоятельство, К. Маркс и Ф. Энгельс считали необходимым создание пролетариатом своей классовой партии — партии коммунистов. Только с такой партией, отстаивающей интересы революционного движения в целом, рабочий класс может освободиться от тлетворного влияния реформистской и оппортунистической идеологии, действительно возглавить борьбу за социалистическую революцию. Идеи основоположников марксизма о революционной партии рабочего класса В. И. Ленин превратил в цельное учение. Под его руководством была создана большевистская партия — подлинный авангард пролетариата России.

Характеристика социалистической революции по ее классовому основанию позволяет с достаточной конкретностью анализировать особенности ее подготовки и осуществления. Социалистическая революция может быть только народной, предполагающей все более широкое участие в ней народных масс. В то же время она есть пролетарская революция. Уже из этого следует, что ее развитие как народной революции всегда предполагает установление все более прочного союза рабочего класса со всеми трудящимися. В свою очередь, для того, чтобы широкие массы трудящихся стали на позицию прямой поддержки социалистической революции, они должны быть подведены к этому через собственный политический опыт, через его классовое осознание⁶¹.

В трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина вопрос о подведении масс к социалистической революции всегда рассматривался в единстве объективных и субъективных факторов, взаимодействующих в данном процессе. Особое внимание они уделяли совпадению в социалистической революции демократических устремлений трудового крестьянства, других непролетарских слоев трудящихся города и деревни с последовательно демократическими целями рабочего класса.

В этой связи К. Маркс и Ф. Энгельс выдвинули идею непрерывной (перманентной) революции для тех стран, которые еще не прошли этапа буржуазной революции. По их мнению, рабочий класс должен последовательно добиваться устранения эксплуататорских классов от монопольного владения властью, установления демократической республики с равными политическими правами для всех классов. Таковую республику они рассматривали как наиболее благоприятную политическую форму дальнейшего развития классовой борьбы и перехода к социалистической революции⁶².

В. И. Ленин существенно развил марксистскую идею непрерывной революции. Он показал, что в эпоху империализма глубокий антагонизм между демократическими устремлениями народных масс и политикой монополистической буржуазии может и должен перерасти в борьбу народных масс за социализм. «Надо уметь *соединить*, — подчеркивал В. И. Ленин, — борьбу за

демократию и борьбу за социалистическую революцию, *подчиняя* первую второй»⁶³. Суть такого подчинения он видел в том, чтобы массы на практике осознали всю ложность буржуазного парламентаризма и демократизма, невозможность осуществления подлинно демократических требований без революционного преобразования капиталистического общества. Одновременно В. И. Ленин постоянно обращал внимание на то, что любые демократические преобразования в интересах широких масс трудящихся будут неизбежно наталкиваться на яростное экономическое, политическое и идеологическое сопротивление буржуазии и могут получить свое действительное закрепление только через диктатуру пролетариата.

Положение об исторической необходимости диктатуры пролетариата для проведения в жизнь социалистических преобразований, в том числе установления действительной демократии, есть краеугольный камень всей марксистско-ленинской теории социалистической революции. Оно основывается на всестороннем анализе законов развития классовой борьбы при капитализме⁶⁴. «Кто не понял, читая Маркса,— писал В. И. Ленин,— что в капиталистическом обществе при каждом остром моменте, при каждом серьезном столкновении классов возможна либо диктатура буржуазии, либо диктатура пролетариата, тот ничего не понял ни в экономическом, ни в политическом учении Маркса»⁶⁵.

Внутренняя связь между подлинным демократизмом и политической революцией рабочего класса, т. е. установлением диктатуры пролетариата, выражается также и в их несовместимости с буржуазной демократией. Для подлинной демократии, как и для социализма вообще, необходимо новое государство, на деле представляющее собой орган политической организации трудящихся. В России такие органы — Советы — создавались и утверждались в борьбе с царизмом и со всеми попытками «ввести» революционный процесс в рамки буржуазного парламентаризма, обеспечивающего сохранение политических и экономических позиций буржуазии. В Монголии, где вообще отсутствовала буржуазная демократия, социалистическая демократия выросла из революционно-демократического строя. На Кубе новые органы власти формировались в ходе вооруженной борьбы с проимпериалистической диктатурой без обращения к буржуазному парламентаризму.

В странах с традиционно развитыми институтами буржуазной демократии возможно использование в интересах трудящихся и этих институтов, очищенных от их буржуазного содержания. Та-

⁶¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 78.

⁶² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 261; т. 8, с. 211.

⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 347.

⁶⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 28; т. 28, с. 427; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 71—72.

⁶⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 309; см. также: Там же, т. 37, с. 498.

кое использование имело место в ходе общедемократических (народно-демократических) революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Но подобный процесс разворачивался на новой классовой основе, сопровождался созданием нового по своей сущности государственного аппарата. Там же, где такие изменения не происходят, революционный процесс неизменно ослабляется, буржуазия удешевляет свое сопротивление, используя все средства борьбы. Крайне поучительны в этом отношении уроки временного поражения революционных сил в Чили. Они показывают, что борьба рабочего класса, широких масс трудящихся за подлинную демократизацию общественного строя не может ограничиваться рамками чисто парламентской деятельности. Решающее значение имеет слом эксплуататорской военно-бюрократической государственной машины, создание нового государства, действительно служащего интересам трудящихся. В любом случае диктатура пролетариата означает решимость, готовность самого революционного класса осуществить социалистические преобразования и тем самым обеспечить необходимые условия для действительно демократической организации жизни общества.

Важно подчеркнуть, что главное в диктатуре пролетариата состоит не в насилии, как это пытаются изображать буржуазные идеологи. Конечно, насилие по отношению к тем, кто яростно и любыми средствами отстаивает старые порядки, составляет необходимую сторону диктатуры пролетариата. На контрреволюционное насилие нужно отвечать мерами революционного насилия. Такова аксиома классовой борьбы. Однако главное в диктатуре пролетариата — построение социализма. «В этом суть, — указывал В. И. Ленин. — В этом источник силы и залог неизбежной полной победы коммунизма»⁶⁶.

Уже отмечалось, что социальное насилие никогда не было в истории самоцелью. Оно всегда применялось и применяется для решения определенных общественных задач. Поэтому нужно проводить различие между диктатурой пролетариата как организацией классовой силы и собственно насилием, т. е. прямым применением силы по отношению к классовым противникам.

Конечно, для пролетариата, для трудящихся всегда предпочтительнее мирный путь перехода к социализму, путь без ненужных жертв, без кровопролития. «Рабочий класс, — отмечал В. И. Ленин, — предпочел бы, конечно, *мирно* взять в свои руки власть...»⁶⁷ Все дело состоит, однако, в том, что буржуазия не сдает добровольно своих позиций, если ее не принудить к этому. Поэтому решающим условием перехода к социализму выступает такая организация политической силы, перед лицом которой буржуазия вынуждена отступить, понимая безнадежность вооруженного сопротивления. Диалектика всякой революции заключается в следующем: мирный переход власти в руки революционных классов и дальнейшее развитие революции обеспечиваются их готовностью к любым формам борьбы — способностью подавить любое сопротивление своих классовых противников.

Функции диктатуры пролетариата особенно наглядно раскрывают первенствующую роль в социалистической революции политики по отношению к экономике. Суть дела состоит в том, что на основе диктатуры пролетариата становится возможным переход к построению социализма в странах, значительно различающихся между собой по уровню промышленного развития. Рабочий класс, опираясь на союз с широкими слоями непролетарского трудового населения, прежде всего крестьянства, в состоянии вести экономическую политику, направленную на быстрое развитие крупной промышленности, последовательную перестройку системы общественных отношений на началах социализма. Это не означает игнорирования, а тем более отрицания объективной связи социалистической революции с необходимыми производственными предпосылками. Однако сама данная связь имеет конкретно-историческую природу, т. е. не представляет собой нечто раз и навсегда заданное. В странах, переходящих к социализму, государственная собственность на средства производства может сочетаться с более ограниченными формами кооперативной собственности, принимающими социалистический характер во взаимодействии с нею, в подчинении общему плану развития народного хозяйства. В экономике социалистических стран некоторое время сохраняется и мелкая частная собственность постольку, поскольку ее полное устранение не является пока экономически целесообразным.

Ведущая, первенствующая роль диктатуры пролетариата в построении социализма обусловлена и тем, что оно происходит в условиях ожесточенного сопротивления буржуазии. Будучи отстраненной от политической власти, буржуазия сохраняет еще определенные позиции в обществе, подкрепляемые ее историческими связями со всеми остатками частнособственнических отношений и привычек, в том числе мелкобуржуазной идеологией и психологией. В период революционных преобразований за спиной мелкой буржуазии, отмечал Ф. Энгельс, «окажется вся реакционная масса и усилит ее: все, что было реакционным, наденет тогда демократическую маску»⁶⁶. В. И. Ленин считал соображения Ф. Энгельса чрезвычайно важными, имеющими значение для всех пролетарских революций. Они, отмечал он, в частности, полностью подтвердились в поддержке всеми реакционными силами России меньшевиков и эсеров⁶⁹.

Практически только диктатура пролетариата позволяет массам осуществить решительный разрыв с идеями буржуазного и мелкобуржуазного демократизма. Это достигается прежде всего путем вовлечения масс в социалистическое строительство, убеждения их на деле в целесообразности перехода к новым формам производства и организации общественной жизни, развертывания

⁶⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 13.

⁶⁷ Там же, т. 4, с. 264.

⁶⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 36, с. 217.

⁶⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 10—12.

действительной революции в идеологии и культуре общества. На необходимость проведения такого экономически обоснованного, последовательного и решительного курса важно обратить особое внимание, ибо ошибки и недостатки в данной области всегда используются антисоциалистическими элементами.

Мировой революционный процесс убедительно доказывает, что при всем своем конкретно-историческом многообразии социалистические революции в отдельных странах имеют общие черты, общие закономерности. Но диалектика современной эпохи охватывает собой наряду с непосредственным переходом к социализму от капитализма и переход от докапиталистических стадий общественного развития, минуя капитализм⁷⁰. Здесь также просматриваются некоторые характеристики, близкие с социалистической революцией. В сущности своей социалистическая ориентация и практическое движение по пути некапиталистического развития представляют собой создание объективных и субъективных условий последующего социалистического строительства. Именно отсюда и возникают в данной ситуации некоторые сходные черты с социалистической революцией: упрочение командных высот народного государства в экономике, поощрение кооперативного движения, культурные преобразования в интересах широких масс, повышение политической активности трудящихся, антиимпериалистическая внешняя политика. Сложность и трудность некапиталистического пути развития усугубляются отсутствием необходимых промышленных предпосылок для непосредственного перехода к социалистической экономической революции. В то же время общественно-историческая практика показывает, что эти трудности преодолимы при такой революционно-демократической власти, которая ведет свою экономическую политику с научных, марксистско-ленинских позиций, в полной мере учитывает законы развития классовой борьбы, стремится творчески применять на деле теорию социалистической революции.

В современных условиях сама политика империалистической буржуазии подводит народные массы к осознанию необходимости перехода к социализму. Каждый такой переход вносит новые моменты в теорию социалистической революции, способствует раскрытию ее новых граней и особенностей. В то же время социалистической революции всегда будут свойственны общие закономерности, вытекающие из общих условий современной эпохи, общих условий перехода человечества к коммунистической общественно-экономической формации. Осуществление требований этих закономерностей в развитии мирового революционного процесса опирается на все более возрастающую роль народных масс в истории.

⁷⁰ См.: Федосеев П. Н. Диалектика современной эпохи, с. 634.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И НАРОДНЫЕ МАССЫ

1. Народные массы — решающая сила общественного развития

Поступательное развитие общества неотделимо от трудовой деятельности народных масс и их непосредственного участия в революционной ломке старых и утверждении новых форм общественной жизни. Движение «больших масс людей», «целых народов» Ф. Энгельс по праву называл подлинными движущими силами истории¹. Вместе с тем, пока трудящиеся классы являются эксплуатируемыми и угнетенными, в истории общества существует разрыв между массами как производительной силой, обеспечивающей производство и воспроизводство самих материальных основ общественной жизни, и массами как социально-преобразующей силой. Господствующие эксплуататорские классы всеми средствами, от духовного воздействия до вооруженного насилия, стремились и стремятся свести на нет социально-преобразующую деятельность масс. Но они не могут отменить законы общественного развития. Всемирная история предстает в виде цепи всевозрастающей социально-политической активности народных масс. Коренной перелом знаменует здесь мировой революционный процесс, начало которому положила Великая Октябрьская социалистическая революция.

Сравнивая историческую ситуацию, сложившуюся в ходе победоносной социалистической революции в России, с обстановкой начала XIX столетия, В. И. Ленин писал: «Тогда, сто с лишним лет тому назад, историю творили горстки дворян и кучки буржуазных интеллигентов при сонных и спящих массах рабочих и крестьян. Тогда история могла ползти в силу этого только с ужасающей медленностью. Теперь капитализм поднял много и много выше культуру вообще, культуру масс в частности. Война встряхнула массы, разбудила их неслыханными ужасами и страданиями. Война подтолкнула историю, и она летит теперь с быстротой локомотива. Историю творят теперь самостоятельно миллионы и десятки миллионов людей. Капитализм дорос теперь до социализма»².

Решительно отвергая абстрактные, внеисторические рассуждения о народных массах, основоположники марксизма-ленинизма впервые в истории общественной мысли разработали научную трактовку понятия народа как социально-философской категории.

¹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 307—308.

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 81—82.

В отличие от обычного отождествления понятия народа с понятием пародонаселения или же с понятием социально-этнической общности людей (племя, народность, нация) они связали его с анализом перспектив исторического процесса. Им было показано, что в антагонистическом обществе понятие народа отражает прежде всего такие существенные черты исторической действительности, какими выступает отношение общественных классов к назревшим революционным задачам, общественному прогрессу в целом. Поэтому содержание категории народа не остается неизменным: оно изменяется вместе с изменением исторической действительности.

В специальной литературе, посвященной выяснению роли народных масс в истории, народ часто отождествлялся с трудящимися массами, создателями материальных жизненных средств. Слов нет, в неантагонистическом обществе состав народа совпадает с трудящимися массами. Не вызывает сомнения и то, что в антагонистическом обществе трудящиеся массы, те, кого В. И. Ленин называл первой производительной силой всего человечества³, представляют собой основное, устойчивое ядро народа. В то же время трудящиеся массы на некоторых этапах развития антагонистического общества не исчерпывают собой народа. Наряду с трудящимися классами в народ могут входить и нетрудящиеся классы и слои общества, объективно заинтересованные в прогрессивных общественных преобразованиях⁴. Изменения в составе народных масс, происходившие в разные исторические эпохи, непосредственно обуславливались динамикой движущих сил социальных революций, изменением характера и задач классовой борьбы за утверждение нового общественного строя. «Употребляя слово: «народ», Маркс,— разъяснял В. И. Ленин,— не затушевывал этим словом различия классов, а объединял определенные элементы, способные довести до конца революцию»⁵.

Поскольку народ состоит в антагонистическом обществе из классов, революционный потенциал которых изменчив и различен, постольку выяснение роли народных масс в прогрессивных общественных преобразованиях непременно требует исследования действительных интересов и тенденций развития всех классов, вступающих в качестве составных частей народа. Важно определить здесь и класс, способный взять на себя революционную инициативу, заинтересованный в наиболее последовательной и бескомпромиссной борьбе за революционное обновление общественной жизни. Необходимо различать также объективные возможности каждого класса или слоя, входящего в народ, и их развитие как исторических субъектов, духовно, организационно, политически готовых практически реализовать все возможности.

История, да и современность, изобилует многими примерами, когда известные слои народа (а иногда— и весь народ) оказываются субъективно неподготовленными к выполнению своей миссии и вместо активных общественных действий пребывают, по выражению В. И. Ленина, в исторической спячке⁶. Антинарод-

ное меньшинство (реакционные классы), обладая материальными богатствами, политической властью, военной организацией и средствами духовного воздействия, делают все, чтобы отвлечь народные массы от насущных потребностей общественного развития, втянуть в деятельность (в том числе в военные авантюры), прямо противоречащую их коренным интересам.

В условиях антагонистического развития состав народа всегда определяется объективным положением классов конкретного общества (социального организма), их местом и ролью в системе общественных отношений. Пример четкого научного анализа противостояния и противоборства народа и антинародных сил дал Ф. Энгельс в 1847 г. в статье «Коммунисты и Карл Гейшцен». Подчеркивая, что коммунисты исходят из «невозможности для народа улучшить свое положение, пока он не обладает политической властью»⁷, Ф. Энгельс видел задачи коммунистов, их партийной печати в том, чтобы «выяснить причины того гнета, которому подвергаются пролетарии, мелкие крестьяне и городские мелкие буржуа — ибо они-то и составляют в Германии «народ» — со стороны бюрократии, дворянства и буржуазии ...выяснить, чем обусловлено возникновение не только политического, но прежде всего социального гнета, и при помощи каких средств он может быть устранен»⁸.

Объективным основанием вхождения классов антагонистического общества в состав народа являются те или иные формы угнетения их существующим общественным строем и в связи с этим наличие определенных общих интересов и целей в назревающем социальном перевороте. Следует при этом иметь в виду и то, что понятие угнетения шире понятия эксплуатации. Оно охватывает собой все формы дискриминации в экономической, социальной, политической и духовной жизни. Выработанный марксизмом-ленинизмом критерий определения состава народных масс — важный методологический инструмент познания исторической действительности, исследования классовых сил общественного прогресса.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 359.

⁴ Вопрос о содержании народа как категории исторического материализма активно обсуждался в конце 50-х годов и привел к выработке единого понимания проблемы. См.: Бутенко А. П. О содержании понятия «народ». — *Вопр. истории*, 1955, № 4; *Он же*. Народ как социологическая категория. — *Вопр. философии*, 1957, № 1; Федосеев П. Н. Роль народных масс и личности в истории. М., 1956; *Он же*. Коммунизм и философия. М., 1971; Роль народных масс и личности в истории. Авт. кол.: Глезерман Г. Е., Каммари М. Д., Константинов Ф. В., Степанян Ц. А. М., 1957; Коган Л. Н. О некоторых категориях исторического материализма. — *Уч. зап. Уральского гос. ун-та им. А. М. Горького*, 1957, вып. 21; и др.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 124.

⁶ См.: Там же, т. 36, с. 154.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 271—272.

⁸ Там же.

В период, предшествовавший ранним буржуазным революциям (XVII—XVIII вв.), буржуазия входила в состав народа. В то время она испытывала на себе гнет привилегированных сословий, ее деятельность в значительной степени ограничивалась рамками феодальной регламентации. Понятие «народ» было тогда синонимом понятия «третье сословие», объединявшим буржуазию, городские низы и крестьянство. Их единство, создаваемое общей борьбой против феодальных порядков, рухнуло вместе с победой буржуазных революций и превращением буржуазии в господствующий класс.

Первая половина XIX в. явилась переломным моментом в истории европейской буржуазии. Созданные буржуазией производственные силы начали перерастать капиталистические производственные отношения. На политическую арену выступил пролетариат. Буржуазия потеряла былую революционность и стала все чаще обращать свои взоры к монархии, к землевладельческим и военно-бюрократическим слоям старого общества. Она стала искать для борьбы с пролетариатом союзников среди своих бывших врагов. Интересы буржуазии переплелись с интересами аристократии. Многие помещики становились финансовыми воротилами и фабрикантами, многие же капиталисты — землевладельцами. В этих условиях буржуазию нельзя отнести к угнетенным классам даже в таких странах, как Германия и Австрия, где объективно на очереди все еще были задачи буржуазной революции. В конечном счете при господстве капиталистических отношений свобода для буржуазии определяется не представительными учреждениями и всеобщим избирательным правом, а властью денежного мешка. Во время революции 1848—1849 гг. немецкая и австрийская буржуазия вместе с привилегированными сословиями выступила как контрреволюционная сила. Она уже не была народом.

Монополистическая стадия развития капитализма еще более усилила антинародность буржуазии империалистических стран. Показательна в этом плане русская буржуазия, сформировавшаяся в политическую силу только в эпоху империализма, когда уже сложился фактически союз крупных землевладельцев-помещиков с магнатами финансового капитала, которые получали огромные прибыли и в пользу которых велась грабительская внешняя политика. Русская империалистическая буржуазия в силу своего объективного положения в период буржуазно-демократической революции выступала как антинародная сила. Ее вполне устраивал существующий монархический режим. Единственно чего она добивалась — это узаконить свое экономическое господство более широким доступом к политической власти. В. И. Ленин относил в период общедемократической революции в России к народу пролетариат, крестьянство и мелкую городскую буржуазию. «...Раз речь идет о демократическом перевороте, — писал он, — то перед нами две силы: самодержавие и революционный народ, т. е. пролетариат, как главная борющаяся сила, и крестьянство и всякие мелкобуржуазные элементы»⁹.

Таково классовое содержание народа в период общедемократической революции в империалистической стране, в России. В колониально-зависимых же полуфеодальных странах состав народа применительно к рассматриваемому периоду общественного развития несколько иной. В общедемократической борьбе, которая складывается здесь из двух тесно связанных друг с другом революционных потоков — движений против империализма и против феодальных и других подобных форм зависимости, — способна участвовать и национальная, т. е. в основном средняя, буржуазия. Она объективно заинтересована в общедемократических преобразованиях именно потому, что угнетается, притесняется и сковывается путями империализма, феодализма и родоплеменной зависимости. Господство чужеземного империализма, за- силье компрадорской буржуазии, помещиков и родоплеменной знати выступают тем специфическим моментом общественного развития данных стран, который обуславливает собой известное единство интересов и целей в демократическом перевороте пролетариата, крестьянства, мелкой и средней городской буржуазии. Отсюда и соответствующее классовое содержание понятия «народ».

Комментируя известное положение К. Маркса о том, что революции — локомотивы истории, В. И. Ленин писал: «Революции — праздник угнетенных и эксплуатируемых. Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса...»¹⁰.

Сказанное в особенности относится к революциям современной эпохи — эпохи перехода человечества от капитализма и докапиталистических форм общественной жизни к социализму, когда во главе широчайших народных масс становится рабочий класс — выразитель коренных интересов трудящихся, всех эксплуатируемых и угнетаемых. Только этот класс способен в современную эпоху объединить и возглавить огромные массы, подавляющее большинство людей. А *«исторически побеждает, — учил В. И. Ленин, — тот класс, который может вести за собой массу населения»*¹¹.

Народной в наиболее глубоком, полном и действительном значении этого слова является социалистическая революция. Она призвана уничтожить капиталистический гнет и эксплуатацию, а вместе с ними гнет и эксплуатацию вообще, поэтому народными массами в период социалистической революции объективно могут выступать только трудящиеся классы: пролетариат и трудящиеся непролетарские элементы города и деревни, прежде всего трудящееся крестьянство. По определению В. И. Ленина, народом применительно к периоду социалистической революции

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 128.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 103.

¹¹ Там же, т. 39, с. 351.

в России были рабочие и не эксплуатирующие чужого труда крестьяне¹².

Победа и утверждение социализма, построение зрелого социалистического общества, где не только ликвидированы эксплуататорские классы, но и достигнута общность коренных интересов, социально-политическое и идейное единство рабочего класса, крестьянства и народной интеллигенции, знаменует существенное изменение содержания категории народа, отражающее качественно новые исторические реальности нашего времени. В зрелом социалистическом обществе наряду с классовыми преодолены и национальные антагонизмы. Социально-классовая общность, движение к социальной однородности становятся фундаментом национальной общности и интернационального единства народа.

В многонациональной социалистической стране категория народа охватывает собой все классы, все нации и народности, все население страны. Именно на базе классово-социального и национального равенства, идейно-политического единства и интернационального братства в Советском Союзе, подчеркнем еще раз, на этапе зрелого социализма образовалась новая социальная и интернациональная общность — советский народ. «Народные массы зрелого социалистического общества,— пишет П. Н. Федосеев,— это классы и социальные группы, нации и народности, сплотившиеся в новую историческую общность людей — единый многонациональный советский народ. Высокие и благородные духовные ценности этой новой социальной общности — идеология марксизма-ленинизма, советский патриотизм, социалистический интернационализм — занимают ведущее место в сознании людей различных поколений. Народные массы нашего общества — это единство всех тружеников, одухотворенных светлыми идеалами коммунизма и самоотверженно воплощающих их в жизнь»¹³.

Всемирная история подтверждает вывод марксистско-ленинской теории: народные массы, прежде всего трудящиеся классы, составляют основной субъект общественного развития. Именно их трудовая и социально-преобразующая деятельность движет вперед экономическую, социальную, политическую и духовную жизнь общества. Народные массы выступают подлинными творцами истории. Признание творческой роли народных масс — органическая черта исторического материализма, впервые позволившего «с естественноисторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменения этих условий»¹⁴. Идеологи же эксплуататорских классов, напротив, всегда отрицали или ставили под сомнение созидательную роль народных масс, оправдывали угнетение трудящихся, ограничение их инициативы и революционного порыва. Подводя своеобразный итог таким концепциям, великий американский поэт и мыслитель XIX в. Уолт Уитмен с горечью констатировал: «Я не знаю ничего более редкого, чем правильное научное определение и достойная оценка значения народа, несметных богатств его внутренних сил и способностей»¹⁵.

Марксизму-ленинизму пришлось вести борьбу против двух господствовавших до него взглядов на роль народных масс и личности в истории: субъективно-идеалистического и объективно-идеалистического. Домарковские философы исходили из того (если исключить отдельные догадки), что исторический процесс определяется сознанием и волей отдельных личностей, «героев» или же некоей абсолютной идеей, мировым духом, божественной силой, также обнаруживающих себя в деяниях «великих людей». Все подобные теоретические построения были лишь спекулятивным следствием учения о противоположности духа и материи, логически вытекали из идеалистического решения основного вопроса философии применительно к общественной жизни.

Резко критикуя субъективно-идеалистические взгляды Б. Бауэра и других младегегельянцев (нашедшие позднее свое выражение в «субъективной социологии» российского либерального народничества), К. Маркс писал: *«Открытое г-ном Бруно отношение «духа» и «массы» на самом деле есть не что иное, как критически-карикатурное завершение гегелевского понимания истории, которое, в свою очередь, есть не что иное, как спекулятивное выражение христианско-германской догмы о противоположности духа и материи, бога и мира. В пределах истории, в пределах самого человечества этой противоположности придаётся то выражение, что немногие избранные индивидуумы, в качестве активного духа, противостоят остальному человечеству как неодоухотворённой массе, как материи»*¹².

Традиционные представления идеологов эксплуататорских классов о неспособности народных масс управлять общественными делами, о том, что историю творят лишь избранные, в модернизированных, приспособленных к классовым задачам империалистической буржуазии, вариантах имеют широкое распространение в современной буржуазной философии и социологии¹³.

Конечно, пробуждение масс к активной политической борьбе за свое освобождение, утверждение системы подлинного народо-

¹² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 193.

¹³ Федосеев П. Н. Народные массы — решающая сила социального прогресса. — В кн.: Вопросы теории и жизнь. М., 1976, вып. 3, с. 116.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 57.

¹⁵ Цит. по кн.: Антекер Г. Лауреаты империализма. М., 1955, с. 77.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 93.

¹⁷ Критический анализ современных буржуазных, мелкобуржуазных и ревизионистских концепций о роли народных масс в истории см. в кн.: Денисов В. В. Страх перед народом. Критика современных буржуазных концепций о роли масс в истории. М., 1968; Шабад Б. А. Империализм и буржуазная социально-политическая мысль. М., 1969; Ашин Г. К. Доктрина «массового общества». М., 1971; Он же. Критика современных буржуазных теорий о роли народных масс и личности в истории. М., 1973; Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А. Социология. Политика. Международные отношения. М., 1974; Нарта М. Теория элит и политика. М., 1978; и др.

властия в странах социалистического содружества и расцвет творческой деятельности людей труда во всех сферах общественной жизни заставляют и буржуазных теоретиков как-то осмысливать эти процессы, но осмысливать, разумеется, с позиций классовых интересов монополистического капитала.

В многочисленных концепциях «лидерства», «элиты», «массового общества» настойчиво проводится мысль, будто в современных условиях многопроблемности и сложности общественной жизни заниматься делами общества могут лишь немногие специально подготовленные политики, менеджеры-технократы, интеллектуалы. В модифицированной форме буржуазные теоретики продолжают развивать идеи, выдвигавшиеся еще Платоном, Н. Макиавелли, Т. Карлейлем. Любое общество по-прежнему подразделяется на элиту — высший, привилегированный слой (или слои), призванный управлять обществом, развивать науку и культуру, и на массу — «неисторическую», инертную силу, способную лишь подчиняться руководящей деятельности элиты. Эта элита в их представлении и выступает исключительным субъектом истории.

Элитаристские идеи, оформленные в начале XX в. реакционными итальянскими социологами В. Парето и Г. Моска и подхваченные фашизмом, были открыто враждебны даже буржуазно-демократическим принципам. В конце 30—40-х годов К. Мангейм и Й. Шумпетер создают концепции «демократического лидерства», конкуренции различных элит, плюрализма элит, их «консенсуса» (согласия) и т. д. После второй мировой войны наибольшее распространение концепции элитаризма получили в США («макиавеллиевский» вариант Дж. Берихема, структурно-функциональный Р. Даля и С. Келлера, «неоэлитизм» Т. Дая, Х. Цайглера, Д. Белла и т. д.). Особенно модна в современной буржуазной социологии теория функционального плюрализма элит, выступающая как «утонченная форма апологии социально-политической структуры капитализма»¹⁸.

Социально-политическое развитие трактуется этой теорией в виде соперничества и компромисса «специализированных элит» или «заинтересованных групп». Выполняя функции ограничения и сдерживания по отношению друг к другу, политическая, экономическая, бюрократическая, военная, культурная элиты обеспечивают, согласно концепции элитарного плюрализма, демократические свободы. Разумеется, борьбе народных масс здесь нет места: предполагается ее «незаконность» как якобы источник «анархии» и «смуты». Теория элитарного плюрализма отражает, правда искаженно, некоторые реальные черты механизма функционирования буржуазно-демократических институтов в условиях государственно-монополистического капитализма, наличие определенных группировок внутри господствующего класса, конкуренцию и сделки между ними. В то же время она проходит мимо того факта, что борьба внутри правящей верхушки идет по частным вопросам, что во имя защиты своих основных интересов мо-

нополистическая буржуазия действует единым фронтом, что командные высоты в этой верхушке (по крайней мере в США) занимает военно-промышленный комплекс и др.

Современные буржуазные концепции элиты, особенно их псевдо-демократические, плюралистические варианты, в том числе попытки создать теорию «элиты заслуг» или «меритократии» (Д. Белл, М. Янг), обнажают стремление идеологов отжившего свой век общественного строя подлакировать, подправить неприглядную картину находящейся в глубоком кризисе буржуазной демократии. Одновременно это попытка затушевать глубочайшие социальные конфликты, раздирающие капиталистическое общество, оправдать социальное неравенство, антинародный характер государственно-монополистического капитализма. Острые элитарных концепций направлено против марксистско-ленинской теории классовой борьбы, против революционных движений. Однако сегодня вопрос о народных массах как творцах истории, об их способности к управлению обществом и к созданию высших форм общественной жизни — без эксплуатации и угнетения человека человеком — уже не только теоретическая проблема, но и вопрос живой общественно-исторической практики, на который однозначный ответ дал опыт социалистических стран, опыт мирового революционного процесса.

2. Закон возрастания роли народных масс в истории

Марксизм-ленинизм наряду с научным обоснованием решающей роли народных масс в истории открыл и закон возрастания этой роли в ходе поступательного развития общества. Данный закон был сформулирован К. Марксом еще в 1844 г. в написанной совместно с Ф. Энгельсом книге «Святое семейство». «Вместе с основательностью исторического действия,— подчеркивал он,— будет ... расти и объем массы, делом которой оно является»¹⁸. В полемике с народниками В. И. Ленин назвал закон возрастания роли народных масс в истории одним «из самых глубоких и самых важных положений» марксизма. Он упрекал народников за то, что они смотрели на народные массы как на объект тех или других более или менее разумных мероприятий, как на материал, подлежащий направлению на тот или иной путь, и не понимали главного: народные массы выступают самостоятельными историческими деятелями, существуют условия, «которые могут развивать (или, наоборот, парализовать) самостоятельную и сознательную деятельность этих творцов истории», «по мере расширения и углубления исторического творче-

¹⁸ См.: Ашин Г. К. Послесловие.— В кн.: Нарта М. Теория элит и политика. М., 1978, с. 226.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 90.

ства людей должен возрастать и размер той массы населения, которая является сознательным историческим деятелем»²⁰.

Действительно, каждая новая ступень исторического процесса неуклонно расширяет возможности творчества масс, создает предпосылки для превращения таких возможностей в действительность, обуславливает необходимость увеличения активности движущих сил общественного прогресса²¹. Творчески развивая положения К. Маркса и Ф. Энгельса, применяя их к анализу современной эпохи, В. И. Ленин отмечал, что увеличение объема масс в исторических событиях в то же время качественно меняет содержание и характер этих событий. «Чем больше размах, чем больше широта исторических действий,— говорил он в декабре 1920 г.,— тем больше число людей, которое в этих действиях участвует, и, наоборот, чем глубже преобразование, которое мы хотим произвести, тем больше надо поднять интерес к нему и сознательное отношение, убедить в этой необходимости новые и новые миллионы и десятки миллионов»²². Октябрьская революция смогла осуществить неизмеримо более грандиозные общественные преобразования, чем все предшествовавшие, ибо сумела пробудить общественно-политическую активность и заинтересованность в преобразованиях со стороны десятков миллионов людей, подавляющего большинства трудящегося населения²³.

Действие закона возрастания роли народных масс в истории особенно наглядно обнаруживает себя в ускорении темпов поступательного общественного развития. Важно иметь в виду и другое: марксистско-ленинское положение о роли народных масс в общественном развитии не имеет ничего общего с волюнтаризмом и субъективизмом, как пытаются истолковать его буржуазные и ревизионистские теоретики. Массы играют решающую роль в истории не безотносительно к конкретно-историческим условиям, а в соответствии с ними, в границах объективно существующих возможностей.

Характер творчества масс, его результативность зависят от того, насколько благоприятны для этого материальные предпосылки, каково соотношение классовых сил внутри страны и на международной арене. Только опираясь на всю совокупность законов общественного развития, можно понять, почему в одной исторической ситуации борьба народных масс оканчивалась безрезультатно, в другой же приносила победу. Сами по себе героизм народных масс, их решительность и самоотверженность, талантливость народных вождей, не в состоянии обеспечить победу, если для этого нет необходимых условий. История революций знает примеры, когда трудящиеся массы брали власть в свои руки, но в конечном счете терпели поражение. Объясняя подобные события, К. Маркс писал: «Люди строят для себя новый мир ... из тех исторических благоприобретений, которые имеются в их гибнущем мире. В самом ходе своего развития должны они сперва *произвести материальные условия* нового общества,

и никакие могучие усилия мысли или воли не могут освободить их от этой участи»²⁴.

Историческое творчество масс обусловлено не только способом производства материальной жизни (определяющей детерминантой), но и всей совокупностью наличных экономических, социальных, политических и духовных процессов общественного развития. Возрастание роли народных масс в каждую последующую историческую эпоху имеет, следовательно, в качестве своей объективной основы развитие производительных сил и всей системы общественных, прежде всего производственных, отношений, детерминировано расширением масштабов и усложнением структуры общественно-исторической практики.

Чем многообразнее и шире задачи, стоящие перед обществом, тем большие массы людей должны принимать участие в их решении. Вместе с тем данная объективная основа не действует в историческом процессе автоматически. На характер и направленность исторической деятельности масс, так же как и на их собственное развитие в ходе этой деятельности, огромное воздействие оказывают идеологические и социально-психологические факторы, т. е. формы отражения общественного бытия в сознании людей и степень адекватности такого отражения. Именно поэтому в истории невозможно осуществление никаких коренных преобразований, «не назревших абсолютно и в экономической действительности и в сознании подавляющего большинства народа»²⁵.

Закон возрастания роли народных масс в истории становится своеобразным общим условием общественного развития, действия всех его законов, включая закон социальной революции, ибо только народные массы путем революционной борьбы способны практически разрешить назревшие противоречия между производительными силами и производственными отношениями, обеспечить смену одной общественно-экономической формации другой, более прогрессивной. Не случайно основоположники марксизма-ленинизма придавали исключительное значение такой характеристике субъективного фактора истории, как развитие революционной инициативы и активности масс, детально анализировали конкретную ситуацию, способствующую или тормозящую это развитие. Непрерывно будить и развивать революционную активность масс и сегодня продолжает оставаться одной из главных задач революционной марксистской партии, призванной «работать

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 539—540. «Увеличение глубины захвата исторического действия связано с увеличением численности исторически действенной массы» (Там же, т. 35, с. 189).

²¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 47; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 451.

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 140.

²³ См.: Там же, т. 36, с. 154, 171, 446; т. 37, с. 61, 443, 451; т. 42, с. 140; и др.

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 299.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 163—164.

на пользу революции»²⁶. «...Без пробуждения активности широких масс ... — подчеркивал В. И. Ленин, — ни о каком революционном преобразовании не может быть и речи»²⁷.

Закон возрастания роли народных масс в истории имеет наряду с количественными и качественные показатели, а механизм его действия включает в себя целый ряд объективных и субъективных факторов. Под воздействием объективных условий, в которых протекает историческая деятельность масс, изменяются субъективные условия этой деятельности — степень сознательности и организованности масс. Если под таким углом зрения исследовать формы исторической деятельности масс в различные периоды всемирной истории, то достаточно убедительно обнаруживается диалектическое взаимодействие объективной и субъективной сторон этой деятельности и, следовательно, самого процесса возрастания роли народных масс в общественном развитии. Причем именно основательность исторической деятельности масс обуславливает характер, масштабы и формы их социальной активности, уровень непосредственного воздействия на общественную жизнь.

Как известно, организационные формы социального движения рабов не выходили практически за рамки организации господствующего класса, их восстания носили в основном стихийный и разрушительный характер, не выдвигая никаких исторически прогрессивных альтернатив. Средневековое крестьянство и городские ремесленники, в свою очередь, имели лишь зачатки самостоятельных организационных форм освободительной борьбы, которая в целом оставалась еще в значительной степени разрозненной и зачастую использовалась буржуазией в своих целях. Качественно иной характер приобретает социальное движение пролетариата, который создает высшие политические формы борьбы, руководствуется теорией научного коммунизма, сознательно и целенаправленно формирует новые общественные отношения. «Об уничтожении «сразу» всей и всякой эксплуатации давно уже, много веков, даже много тысячелетий мечтает человечество, — писал В. И. Ленин. — Но эти мечтания оставались мечтаниями до тех пор, пока миллионы эксплуатируемых не стали объединяться во всем мире для выдержанной, стойкой, всесторонней борьбы за изменение капиталистического общества в направлении собственного развития этого общества. Социалистические мечтания превратились в социалистическую борьбу миллионов людей только тогда, когда научный социализм Маркса связал преобразовательные стремления с борьбой определенного класса»²⁸.

Не претендуя на исчерпывающее определение всех характеристик закона возрастания роли народных масс в истории, выделим главное. Таким главным в классовом обществе являются, на наш взгляд, сила и эффективность непосредственного сознательного воздействия масс на сферу его политической жизни и в связи с этим степень соответствия решаемых массами общественных за-

дач прогрессивным тенденциям исторического процесса. Именно данные показатели деятельности масс, как свидетельствует вся прошлая и новейшая история, имеют решающее значение для выяснения, как, почему и какими темпами происходит возрастание роли народных масс в конкретных исторических условиях.

Следует отметить и то, что, хотя большинство авторов традиционно связывают возрастание политического сознания масс со сменой общественно-экономических формаций (против чего, конечно, нельзя возражать), рассматриваемый процесс разворачивается и в рамках каждой отдельной классовой формации. Если провести под этим углом зрения сравнительный анализ, например, различных стадий развития капиталистической общественно-экономической формации, то тенденция роста политической сознательности масс вплоть до высшей ее ступени, когда происходит соединение революционной научной теории с рабочим движением, обнаруживается со всей очевидностью.

Материальное производство — определяющая основа жизни и развития общества, всех происходящих в нем преобразований. Уже поэтому решающая роль народных масс в истории представляет собой такой общественный закон, который имеет непреходящее значение для всех этапов исторического процесса. Народ всегда выступает как творец истории. В то же время при рассмотрении этого закона следует, очевидно, различать два момента: сущность и механизм действия. Если сущность закона применительно к отдельной общественно-экономической формации относительно устойчива, постоянна, стабильна, то механизм его действия — подвижен, текуч, динамичен. Он имеет свои особенности на каждом этапе исторического развития.

Грандиозные социальные изменения, происходящие в современном мире, служат убедительным подтверждением возрастающего воздействия народных масс на ход истории, на ускорение его темпов. Вместе с тем современная эпоха вносит свои специфические черты, свои особенности в действие рассматриваемого закона, в характер и формы его проявления.

В процессе перехода человечества от капитализма к социализму наиболее отчетливо и в полной мере обнаруживается качественно новый уровень социально-преобразующей деятельности народных масс. Становление и развитие коммунистической формации знаменуют собой вовлечение под руководством рабочего класса все более широких слоев трудящихся в сознательное историческое творчество новых форм общественной жизни, включение в это творчество практически всех членов общества. Всемирно-историческое величие и непобедимость Октябрьской социалистической революции в России в том и состоит, подчеркивал В. И. Ленин, что *«первый раз не меньшинство, не одни только*

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 458.

²⁷ Там же, с. 154.

²⁸ Там же, т. 12, с. 45.

богатые, не одни только образованные, а настоящая масса, громадное большинство трудящихся *сами* строят новую жизнь, *своим опытом* решают труднейшие вопросы социалистической организации»²⁹.

Возрастание активности народных масс в ходе поступательного развития истории нельзя считать таким процессом, который обязательно происходит за счет снижения активности классов и других социальных групп, не относящихся к народу, выступающих в качестве его антипода — реакционной и контрреволюционной силы. Одно отнюдь не исключает другого, ибо иначе история человечества была бы тем, чем она никогда быть не может: прямолинейным, бесконфликтным и недиалектическим процессом. Не случайно Ф. Энгельс относил все господствующие эксплуататорские классы к числу «исторически активных»³⁰. Другой, конечно, вопрос, каково классовое содержание и направленность их активности. Здесь также есть свои закономерности. История свидетельствует, что в период нисходящего развития эти классы неизменно выступают как носители регрессивных тенденций исторического процесса, как сила, враждебная его прогрессивным тенденциям.

Поэтому закон возрастания роли народных масс в истории не следует интерпретировать как своего рода процесс взаимопогашения активности одного класса за счет увеличения активности другого. Такое понимание было бы неверным теоретически и опасным практически. Пока существуют антагонистические классы, они неизбежно борются друг против друга, необходимость такой борьбы и предопределяет их социальную активность. Причем активность эксплуататорских классов, в том числе и буржуазии, прямо пропорциональна стремлению этих классов сохранить существующий общественный строй, обеспечить свое экономическое и политическое господство, защитить свои привилегии. И по мере того как поступательный ход истории «вытесняет» тот или иной эксплуататорский класс со своей арены, его активность может не только усиливаться, но и принимать наиболее экстремистские, даже авантюристические формы.

Именно об этом свидетельствует, например, проводимая американским империализмом экстремистско-милитаристская политика внутри страны и на международной арене, открытая ставка на средства физического и духовного насилия, с помощью которых пытаются подавить и скватер революционно-освободительные движения масс, воспрепятствовать прогрессивным общественным процессам. «Авантюризм, готовность ставить на карту жизненные интересы человечества во имя своих узких корыстных целей, — отмечалось на XXVI съезде КПСС, — вот что особенно обнаженно проявляется в политике наиболее агрессивных кругов империализма. Демонстрируя полное пренебрежение к правам и чаяниям народов, они пытаются изобразить освободительную борьбу народных масс как проявление «терроризма». Они поистине задались целью достичь недостижимого — поста-

вить барьер на пути прогрессивных изменений в мире, вернуть себе роль вершителей судеб народов»³¹.

В философской литературе высказано мнение, что, поскольку возрастание роли масс в истории связано с ростом их активности, постольку эти понятия однопорядковы по своей сущности и содержанию. «Рост активности и рост роли народных масс,— пишут, например, Г. К. Ашин и В. Х. Белецкий,— единый объективный процесс»³². На этом основании ими предлагается пересмотреть формулировку «закона возрастания роли народных масс», заменить ее формулировкой «закон возрастания активности и роли народных масс». Целесообразность подобной замены формулировки рассматриваемого закона вызывает сомнение, ибо она не отвечает строго научному, адекватному отражению соответствующей связи самой исторической реальности.

Возрастание роли народных масс в истории действительно сопровождается ростом их активности. Однако нельзя считать, что «активизация» масс сама по себе уже означает повышение их роли в истории, неотделимой от общественного прогресса. Как свидетельствуют факты, различные политические действия массового порядка, выступления тех или иных слоев трудящихся — явления неоднородные с точки зрения реального социально-классового смысла, направленности и значения для общественного развития. Именно вследствие нередко наблюдающегося отсутствия ясного понимания массами целей и средств классовой борьбы, недостаточного осознания своих коренных классовых интересов они часто оказывались в прошлом «пешками» в руках господствующих классов, которые использовали в своих интересах стихийные народные движения.

Даже в современную эпоху при определенных обстоятельствах далеко не всегда уровень классовой сознательности и политической зрелости масс позволяет им правильно ориентироваться в сложной обстановке, выбирать наиболее адекватные конкретным условиям и общим задачам революционно-освободительного движения средства и методы борьбы. Поддавшись временно социальной демагогии и обману со стороны реакции, религиозному дурману или националистическим предрассудкам, массы могут в некоторых случаях выступать и в качестве слепого орудия в руках реакции и контрреволюции, объективно отстаивая чуждые им классовые цели, хотя и тщательно закамуфлированные. В. И. Ленин отмечал, что «масса тоже поддается иногда ... настроениям несколько не передовым»³³.

В определенных исторических условиях массы могут выступать даже в виде негативной силы, отрицательно влияющей на

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 61.

³⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 72.

³¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 20—21.

³² Ашин Г. К., Белецкий В. Х. Народные массы — решающая сила общественного развития. — Филос. науки, 1973, № 5, с. 137.

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 122—123.

общественное развитие. Это всякий раз происходило и происходит тогда, когда их деятельность дезориентирована и использована реакционными классами и социальными слоями в своих корыстных целях. Не случайно, очевидно, сами авторы выдвигаемой формулировки рассматриваемого закона делают целый ряд оговорок, отмечая, в частности, что для «марксизма активность не самоцель», если она «не находит своего логического завершения в повышении прогрессивной роли масс»³⁴.

Принципиально важная особенность возрастающей исторической активности масс в условиях социалистической революции, строительства социализма и коммунизма заключается в том, что их действия из преимущественно негативных, разрушительных, какими они были во всех предшествующих социальных революциях, все в большей степени приобретают позитивный характер, становятся преимущественно созидательно-конструктивными. Социализм, как никакой другой общественный строй в истории, по выражению В. И. Ленина, поднял «жажду строительства и творчества в массах...»³⁵. Он выявил и наглядно показал, какой неисчерпаемый запас творческой энергии имеется в народных массах, органически соединил историческое творчество масс с преимуществами новой общественной системы.

Социализму присуща такая отличительная особенность, как всестороннее возрастание роли народных масс, их активности буквально во всех сферах общественной жизни. Этот процесс определяется прежде всего самим положением трудящихся, тем, что в условиях социализма народ впервые становится единственным и полноправным хозяином общества, ему принадлежит решающая роль не только в создании материальных и духовных ценностей, но и в управлении всеми общественными делами, в государственно-политическом строительстве. Новые горизонты исторического творчества масс открывает и такой принципиальный фактор современности, каким выступает в условиях реального социализма единство научно-технического и социального прогресса. Важная черта возрастающей деятельности масс при социализме связана также с изменениями социальной структуры, движением общества к социальной однородности. На место классового антагонизма и «социальной войны» приходит «социальный мир»³⁶, обогащающий и стимулирующий активность всех трудящихся, тесный союз и братское сотрудничество рабочего класса, крестьянства и народной интеллигенции, всех социалистических наций и народностей.

В условиях строительства социализма и коммунизма созидательно-творческая роль масс осуществляется на качественно новой по сравнению с предшествующим историческим развитием основе. Эту основу составляют социалистический способ производства, социалистические общественные отношения, высший тип демократии. Поэтому социально-творческая деятельность масс приобретает при социализме, особенно на этапе зрелого социализма, не только новые функции, но и новую организационную

форму. С возрастанием роли народных масс при социализме связано повышение значения массовых объединений трудящихся — профсоюзных, молодежных, женских и др. Важнейшим требованием все более эффективного действия закона возрастания роли народных масс по-прежнему выступает руководящая и направляющая деятельность политического авангарда рабочего класса и всех трудящихся — Коммунистической партии.

От уровня активности, сознательности и организованности масс, от степени овладения ими механизмами действия и использования общественных законов во многом зависят сам ход коммунистического строительства, его конкретное содержание и темпы. Именно поэтому усилия КПСС, ее организаторская и идеологическая деятельность направлены сегодня на повышение уровня планирования и управления всеми общественными процессами, на формирование у трудящихся коммунистической сознательности и убежденности, активной жизненной позиции и ответственности. На этапе зрелого социализма больше, чем когда-либо, актуально ленинское положение о том, что государство сильно сознательностью масс, сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно.

Наша эпоха с ее необычайным динамизмом и стремительными темпами развития всех областей общественной жизни выдвигает перед человечеством немало сложных и жгучих проблем, требующих научно обоснованного и неотложного решения. Лидеры капиталистического мира, его идеологи, как правило, высказывают скептические суждения по поводу возможности их решения. Подобный исторический пессимизм, а порой и прямо апокалипсическая трактовка перспектив развития общества и судеб человечества органически связаны с присущим империалистической буржуазии чувством классовой обреченности, традиционным страхом перед народными массами. Коммунисты, напротив, стоят на позициях исторического оптимизма, который имеет отнюдь не субъективно-волевой, а объективно-научный характер, ибо основывается на знании законов общественного развития, решающей роли масс в истории. «...Мы оптимисты,— отмечалось на XXVI съезде КПСС,— потому, что верим в силу труда. Потому, что верим в свою страну, в свой народ. Мы оптимисты потому, что верим в свою партию, знаем — путь, который она указывает,— единственно верный путь!»³⁷.

Выход на арену истории рабочего класса, создание им своей политической партии, в основу теоретической и практической деятельности которой положены идеи и принципы марксизма-ленинизма, победа в ряде стран социалистической революции, пост-

³⁴ Ашин Г. К., Белецкий В. Х. Народные массы — решающая сила общественного развития, с. 137.

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 104.

³⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 537.

³⁷ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 80.

роение реального социализма, возникновение мировой социалистической системы и изменение соотношения классовых сил в мире, общий кризис капитализма, небывалое обострение всех его противоречий, прежде всего классовой борьбы, крушение колониализма и пробуждение народов бывших колоний и полуколоний к самостоятельной жизни и активной борьбе за свое национальное освобождение и некапиталистическое развитие — такова историческая реальность наших дней, обусловившая качественный скачок в возрастании роли народных масс и, следовательно, увеличение воздействия субъективного фактора на развертывание исторического процесса. Именно благодаря гигантскому увеличению численности масс, сознательно творящих историю, как предвидел В. И. Ленин, «человечество перешло теперь к новой, несущей необыкновенно блестящие возможности стадии развития»³⁸.

К. Маркс рассматривал коммунизм не как абстрактный идеал, с которым должна согласовываться действительность. Коммунизм в его понимании есть реальное движение рабочего класса, борьба трудящихся масс, направленная на ликвидацию всех форм угнетения и эксплуатации, на построение бесклассового общества. Марксистское понимание коммунизма претворяется в жизнь повседневным трудом и самоотверженной борьбой масс. Возросший уровень их всестороннего воздействия на историческое развитие ведет к повышению значимости целей и идеалов общественного движения. Соответственно перед политическими организациями и партиями, как никогда остро, встает задача борьбы за массы. Коммунисты, провозглашая и добиваясь практической реализации идеалов мира, демократии и общественного прогресса, опираются на диалектико-материалистическое осмысление объективных и субъективных факторов, закономерностей и особенностей, противоречий и тенденций современного общественного развития, на анализ реальных сил, способных и заинтересованных бороться за торжество этих идеалов, за коммунистическое будущее человечества.

Свидетельством существенных сдвигов, происходящих сегодня в общественном сознании трудящихся всех регионов Земли, в ценностной ориентации широких народных масс, является все настойчивее проявляемая ими непосредственная заинтересованность в осмыслении и решении наиболее острых проблем современности, озабоченность настоящим и будущим человечества, выбором возможных путей и форм общественного развития.

Одним из наиболее знаменательных выражений возрастания роли масс в историческом развитии выступает их увеличивающееся влияние на международные отношения, более активное включение в борьбу против империалистической агрессии и милитаризма, за сохранение и упрочение мира. Еще в Учредительном манифесте международного товарищества рабочих (1864 г.) К. Маркс считал важнейшей задачей рабочего класса «самому овладеть тайнами международной политики, следить за

дипломатической деятельностью своих правительств и в случае необходимости противодействовать ей всеми средствами, имеющимися в его распоряжении»³⁹. В. И. Ленин, выступая в первый день после победы Октябрьской революции на II Всероссийском съезде Советов, говорил о необходимости «помочь народам вмешаться в вопросы войны и мира»⁴⁰. И сегодня можно сказать: то, к чему призывали основоположники марксизма-ленинизма, воплощается в жизнь.

После второй мировой войны возникло и продолжает набирать силу неодолимое движение нашей эпохи — демократическое и антиимпериалистическое по своей сути движение против угрозы мировой термоядерной войны, за мир и дружбу между народами. Движение сторонников мира, переживающее в ответ на откровенно реакционный, милитаристский, воинственно-агрессивный курс, проводимый империалистическими кругами США, блоком НАТО, период нового подъема, — это подлинно народное, всеобщее движение масс, объединяющее в своих рядах сотни миллионов людей различных политических взглядов и религиозных убеждений, социального положения, национального и расового происхождения. Их голос теперь уже никто не может игнорировать.

3. Политическое руководство массами.

Массы, классы, партии, вожди

В истории классового общества любое действительно массовое движение начиналось в виде стихийных неорганизованных выступлений или взрывов. Не говоря уже о движениях рабов или о различных формах движений крестьян и городских «низов» в условиях феодализма, рабочее движение в своей начальной стадии (стадии «зародышевого состояния и детства», как называл ее В. И. Ленин⁴¹) также носило стихийный характер.

Употребляя понятие «стихийность», В. И. Ленин отмечал, что оно наполняется различным содержанием, представляя различные общественные процессы⁴². Так, при характеристике слепой покорности масс существующим эксплуататорским порядкам. отсутствия у них протеста против угнетенного положения, нищеты и несправедливости, В. И. Ленин отождествлял стихийное движение с «бессознательным прилаживанием» масс к существующим общественным отношениям. В сознании масс здесь еще не возникает какого-либо понимания самого существования таких отношений. «Никогда этого не было, да и теперь этого нет,— писал

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 402.

³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 11.

⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 16.

⁴¹ См.: Там же, т. 4, с. 311.

⁴² На это справедливо обратил внимание известный советский историк Б. Ф. Поршнев. См.: Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1979, с. 23.

В. И. Ленин в конце XIX в., — чтобы члены общества представляли себе совокупность тех общественных отношений, при которых они живут, как нечто определенное, целостное, проникнутое таким-то началом; напротив, масса прилагивается бессознательно к этим отношениям и до такой степени не имеет представления о них, как об особых исторических общественных отношениях, что, например, объяснение отношений обмена, при которых люди жили многие столетия, было дано лишь в самое последнее время»⁴³.

Иное дело, когда понятие «стихийность» применяется при рассмотрении движений масс, пробуждающихся от слепой покорности, спячки, пассивности, движений, становящихся их протестом, возмущением или бунтом против тех лиц или учреждений, которые выступают непосредственными источниками зла, страданий людей. Стихийность выражает собой в данном случае, по словам В. И. Ленина, «в сущности, не что иное, как *зачаточную форму сознательности*... некоторое пробуждение сознательности»⁴⁴. Поскольку речь идет о человеческой деятельности, постольку всегда налицо определенные элементы осмысления хотя бы непосредственных, ближайших мотивов и целей индивидуальных действий. Но любые действия, любое движение масс остается стихийным, коль скоро сознание его участников (или их авангарда), на что уже обращалось внимание в предшествующем разделе, не охватывает движения в целом, не возвышается до теоретического понимания его роли и значения в масштабах всего исторического процесса.

Общая тенденция развития массовых народных движений в антагонистических общественно-экономических формациях заключается в нарастании в них элементов сознательности и организованности: от утраты веры их участников в незыблемость существующих порядков и возникновения общего стремления к отпору наиболее нетерпимым формам угнетения и издевательств до таких «проблесков сознательности»⁴⁵, как выработка определенных конкретных требований, выбор более действенных способов протеста или борьбы, предварительный расчет наиболее удобного времени для выступления, сопоставление сложившейся ситуации с аналогичными или похожими примерами в других местах и т. д. Однако само по себе никакое стихийное движение не может выработать теоретического понимания своего места и роли в общем процессе исторического развития общества. Такое понимание, подчеркнем еще раз, может прийти лишь из науки и, стало быть, со стороны специально подготовленных представителей того класса, который в данных условиях способен обеспечивать своим идеологам досуг и средства для теоретической деятельности.

Угнетенные классы докапиталистических формаций — рабы, зависимые крестьяне и ремесленники и т. д. — были экономически не способны стать непосредственными носителями нового, более высокого способа производства. Условия их жизни были

таковы, что совсем или почти совсем не оставляли возможностей для интеллектуального развития. Определенные элементы идеологии рабов, противостоящей идеологии господствующих классов, могли находить выражение не в самостоятельных произведениях научного или художественного творчества самих рабов, а отражались косвенным путем, в произведениях отдельных мыслителей из имущих верхов и отчасти в некоторых религиозных учениях, например раннем христианстве. Трудящиеся массы феодального общества обладали уже значительно большими возможностями для устного (а затем и письменного) литературного творчества, создания музыки и религиозных ересей, в которых находили свое выражение политическое и моральное осуждение существовавших социальных порядков, институтов и господствующей религиозной идеологии, освящавшей феодальную иерархию. В них уже непосредственно проступали идеалы справедливого, с точки зрения угнетенных масс, общественного устройства, своеобразного «крестьянского утопического коммунизма»⁴³.

Однако движения эксплуатируемых масс рабовладельческого и феодального обществ так и не смогли выйти из рамок стихийности. Это отнюдь не означало, что их возникновение не было закономерным. Свою прогрессивную задачу по расшатыванию и разрушению устоев рабовладения или крепостничества они выполняли и в форме стихийной силы, которая не охватывала своим сознанием действительного хода истории. Даже в периоды наивысшего подъема борьбы эксплуатируемых масс против рабовладельцев и крепостников-феодалов, когда их действия приводили к масштабным сдвигам и революционным преобразованиям общественной жизни, оказывали решающее влияние на дальнейшее развитие исторических событий, такие действия не имели программы, выходявшей за рамки общественных отношений, породивших угнетение и несправедливость масс. Не случайно революции прошлого, включая и буржуазные, не приводили к действительному освобождению трудящихся. Они изменяли лишь формы эксплуатации, формы порабощения труда.

До возникновения рабочего революционного движения наибольшую степень нарастания «элементов сознательности» можно найти в народных движениях, возникающих в условиях упадка и разложения феодального строя. Народные движения этой эпохи, будучи в основе своей крестьянскими, характерны также известной связью с наиболее радикальными слоями молодой, полной энергии буржуазии, включая ее идеологов, выступавших в качестве носителей наиболее передовых и развитых для своего времени концепций. Буржуазное просветительство имело то огромное историческое значение, что прямо указывало на те эко-

⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 136—137.

⁴⁴ Там же, т. 6, с. 29—30.

⁴⁵ См.: Там же.

⁴⁶ См.: Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964, с. 309—316.

номические и политические силы и институты, которые более всего мешали общественному прогрессу, были главными инструментами угнетения и подавления широких масс трудящихся. Но даже самые революционные представители буржуазии могли играть роль идейных и политических руководителей народных движений лишь в рамках весьма ограниченного исторического времени, лишь до тех пор, пока стояли задачи разрушения экономических порядков и ниспровержения политической власти феодального класса.

И чем более активно, решительно, революционно действовали крестьянские массы и городские «низы», тем быстрее превращались собственно буржуазные элементы в тормозящую, а зачастую и в прямо контрреволюционную силу. Даже в буржуазной революции 1789—1794 гг. во Франции буржуа, отмечал Ф. Энгельс, «были слишком трусливы, чтобы отстаивать свои собственные интересы», «начиная с Бастилии, плебс должен был выполнять за них всю работу...»⁴⁷. Но и это было бы невозможно без того, чтобы плебеи, продолжает Ф. Энгельс, «не вкладывали в революционные требования буржуазии такой смысл, которого там не было, не делали из равенства и братства крайних выводов, ставивших буржуазный смысл этих лозунгов прямо на голову, ибо этот смысл, доведенный до крайности, обращался в свою противоположность»⁴⁸. События ранних буржуазно-демократических революций убедительно показали огромную творческую силу массовых народных движений и крайне ограниченные возможности даже наиболее революционных представителей буржуазии выступать в роли идейных и политических руководителей трудящихся масс.

Развитие народных движений в докапиталистических формациях всегда сопровождалось процессом классовой дифференциации внутри этих движений. Данный процесс обычно оказывался связанным с сужением социальной базы движения, с отходом от революционной борьбы определенных общественных сил, прежде всего — имущих классов и слоев, приводил к тому, что движение либо терпело поражение, либо же его результаты оказывались резко противоречащими надеждам трудящихся классов — участников движения. Положение существенно изменяется лишь в условиях капитализма, с выходом на историческую сцену пролетариата.

По мере того как рабочее движение обретает все более четкие классовые черты, выражает действительно коренные, общие, перспективные интересы рабочего класса, оно получает и все большую поддержку непролетарских трудящихся масс. Но само рабочее движение должно для этого преодолеть свойственную первоначально и ему стихийность и возвыситься до сознания (сперва его передовыми представителями) своих общеклассовых интересов, своей исторической миссии и путей ее практической реализации. В. И. Ленин еще в середине 90-х годов XIX столетия указывал, что необходимым требованием поддержки борьбы

рабочих крестьянскими массами становится отделение рабочих «от жизни» буржуазного общества «не только в факте, но и в своем сознании». «...Тогда,— писал он,— и трудовое крестьянство, поставленное в отсталые, худшие условия, увидит, «как это делается», и примкнет к своим товарищам по работе «за чужой счет» *»⁴⁷.

Разумеется, основой соединения рабочего движения с движениями других трудящихся классов и слоев общества выступает совпадение интересов рабочего класса с интересами общественного прогресса, историческая роль рабочего класса как передовой силы в борьбе против всех форм эксплуатации и угнетения трудящихся. Особенно явственно необходимость такого соединения — союза всех трудящихся — обнаруживается в эпоху империализма, когда интересы господствующей в развитых капиталистических странах монополистической буржуазии приходят во все более острое противоречие с интересами огромного большинства населения планеты, с интересами сохранения самого человечества.

Помимо осуществления своей основной миссии — социалистического переустройства общества — рабочее движение призвано решить предварительно или попутно и те весьма существенные задачи общедемократической революции (как в политической, так и в экономической областях), которые буржуазия именно потому, что для их решения необходимо было активное участие широких трудящихся масс, оказалась решить не в состоянии. В первую очередь это касается вопросов демократизации общественной жизни, национального равноправия, в экономически же отсталых странах — и полной ликвидации феодальных и дофеодальных форм зависимости.

Обеспечив свое политическое господство, буржуазия более всего боится общественной активности трудящихся, особенно в сфере политических отношений и политической организации общества. Она предпочитает законсервировать старые порядки, прервать развитие даже буржуазной революции, лишь бы создать заслон движению масс, не допустить его перерастания в движение против капиталистической частной собственности. Поэтому непременным условием успехов революционных движений не только социалистического, но и общедемократического характера становится гегемония рабочего класса. Пролетариат, писал В. И. Ленин, «как единственный до конца революционный класс современного общества... должен быть руководителем, гегемоном в борьбе всего народа за полный демократический переворот, в борьбе *всех* трудящихся и эксплуатируемых против угнетателей и эксплуататоров. Пролетариат революционен лишь постоль-

⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 37, с. 126.

⁴⁸ Там же, с. 126—127.

* наемным рабочим.— Авт.

⁴⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 388.

ку, поскольку он сознает и проводит в жизнь эту идею гегемонии»⁵⁰. Пролетарий, не сознающий данной идеи, считал В. И. Ленин, в лучшем случае есть «раб, борющийся за улучшение своего рабского положения, а не за свержение рабства»⁵¹.

В приведенных ленинских словах выражено одно из важнейших открытий марксизма-ленинизма: в отличие от всех прошлых пародных массовых движений массовое рабочее движение может выполнить свою историческую миссию — освободить от угнетения и эксплуатации всех трудящихся, — лишь полностью преодолев стихийность своего развития, научно осмыслив свои задачи, формы организации и способы борьбы. Созидательно-творческая роль движения рабочего класса, способность именно рабочего класса быть носителем высшего типа производственных отношений, основанных на общественной собственности на средства производства, необходимо требуют придания ему планомерного характера.

Превращение рабочего движения (или массового движения под руководством рабочего класса) в планомерный процесс связано прежде всего с разработкой научной теории, раскрывающей на основе исследования законов общественного развития всемирно-историческую роль пролетариата как созидателя социалистического общества⁵². Такая теория, отметим еще раз, не могла возникнуть в недрах самого рабочего движения. Она была выработана представителями передовой интеллигенции, критически переработавшими все достижения научной мысли и прочно ставшими на позиции рабочего класса. Но, чтобы соединить рабочее движение с теорией научного коммунизма (социализма), передовые рабочие, овладевшие идеями коммунизма, должны были объединиться в политическую партию, способную стать коллективным вождем, руководящей, организующей силой движения. Не может быть ни одного народного, классового движения, указывал В. И. Ленин, «которое бы без сознательного вмешательства интеллигентных представителей данного класса принимало организованную форму, создавало политические партии»⁵³.

Одна из важнейших обязанностей революционной партии рабочего класса — быть носителем передовой научной теории, постоянно воспроизводить ее в меняющихся исторических условиях, творчески ее развивать и воплощать в программных документах, в разработках стратегии и тактики революционной борьбы. Без партии, руководствующейся принципами научной теории марксизма-ленинизма и интернациональной пролетарской солидарности, рабочее движение не может обрести сознательного и организованного характера. Практически это доказано опытом международного революционного рабочего движения, опытом рабочего класса России, рабочего класса других стран, ставших на путь социалистического развития.

Еще в «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс выдвинули важнейшее положение, ставшее с тех пор, по выражению В. И. Ленина, азбучной истиной⁵⁴, — «всякая

классовая борьба есть борьба политическая»⁵⁵. Оно означает, что класс выступает как целое, именно как класс тогда, когда осознает свои общеклассовые интересы и возможность их реализации путем завоевания политической власти. Именно под руководством марксистско-ленинской партии, которая в первую очередь является партией политического руководства и политического воспитания рабочего класса, всех трудящихся масс, рабочий класс на деле переходит от экономической борьбы к политической, практически осуществляя организацию пролетариев в класс⁵⁶.

В. И. Ленин еще в начале XX в. подчеркивал, что «рабочее движение только тогда перерастает стадию зародышевого состояния и детства, только тогда становится *классовым* движением, когда переходит к политической борьбе»⁵⁷. Функция политического руководства рабочим движением — важнейшая функция революционной партии рабочего класса, обеспечивающая, в частности, успешное выполнение рабочим классом роли гегемона и всех демократических массовых движений, передового борца за действительные интересы трудящихся.

«Именно для того,— указывал В. И. Ленин,— чтобы масса *определенного класса* могла научиться понимать свои интересы, свое положение, научиться вести свою политику, именно для этого необходима организация передовых элементов класса немедленно и во что бы то ни стало, хотя бы вначале эти элементы составляли ничтожную долю класса. Чтобы обслуживать массу и выражать *ее* правильно осознанные интересы, передовой отряд, организация, должна всю свою деятельность вести в массе, привлекая из нее все без исключения лучшие силы, проверяя на каждом шагу, тщательно и объективно, поддерживается ли связь с массами, жива ли она. Так, и *только* так, передовой отряд воспитывает и просвещает массу, выражая *ее* интересы, уча ее организации, направляя *всю* деятельность массы по пути сознательной *классовой* политики»⁵⁸.

Политическое руководство рабочим классом, трудящимися массами в целом со стороны марксистско-ленинской, коммунистической партии направлено на максимальное развязывание инициативы масс, пробуждение их энергии и творческих сил. Марксизм-ленинизм всегда исходил и исходит из фундаментального вывода о том, что народные массы — подлинные творцы истории. Политический авангард масс может и должен направ-

⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 308.

⁵¹ Там же.

⁵² См.: Там же, т. 23, с. 1.

⁵³ Там же, т. 4, с. 314.

⁵⁴ См.: Там же, с. 311.

⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 433.

⁵⁶ См.: Там же.

⁵⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 311.

⁵⁸ Там же, т. 24, с. 37.

лять и давать ориентацию их деятельности, но он ничего не может сделать сам — без масс или вместо масс.

Особенно важна роль масс в ходе социальных революций, в переломные, критические моменты исторического развития, неуклонно возрастающая вместе с ростом масштабности общественных задач и основательности исторического действия.

«...Самые лучшие авангарды,— писал В. И. Ленин,— выражают сознание, волю, страсть, фантазию десятков тысяч, а революцию осуществляют, в моменты особого подъема и напряжения всех человеческих способностей, сознание, воля, страсть, фантазия десятков миллионов, подхлестываемых самой острой борьбой классов»⁵⁹. Направлять энергию масс в правильное русло, соответствующее действительным интересам самих масс, общественного прогресса,— в этом смысл политического руководства, всей деятельности революционных партий рабочего класса. Особенно важна здесь идейная выдержанность, политическая стойкость и железная организованность самой партии.

История XX столетия дает немало примеров поражений революционных сил, торжества реакции, драматических коллизий, неоправданных жертв как следствия идейной и организационной слабости партии, отхода ее руководителей от принципов марксизма-ленинизма. Весьма остро и злободневно звучат и сегодня ленинские слова, сказанные почти 70 лет назад: «Политику в серьезном смысле слова могут делать только массы, а масса беспартийная и не идущая за крепкой партией есть масса распыленная, бессознательная, не способная к выдержке и превращающаяся в игрушку ловких политиканов, которые являются всегда «вовремя» из господствующих классов для использования «подходящих» случаев»⁶⁰.

Значение политического руководства рабочим классом, трудящимися массами возрастает особенно после победы социалистической революции, когда рабочий класс становится политически господствующим классом и в союзе с трудящимся крестьянством и другими слоями трудящихся города и деревни осуществляет огромные созидательные задачи социалистического строительства. Теперь «без привлечения к общественному строительству новых слоев народа,— указывал В. И. Ленин в начале 1918 г.,— без пробуждения активности широких масс, доселе спавших, ни о каком революционном преобразовании не может быть и речи»⁶¹. Народные массы впервые овладевают опытом работать на себя, во имя интересов самих тружеников, управлять хозяйством и другими сферами общественной жизни, защищать социалистическое отечество. Коммунистическая партия выступает здесь тем политическим авангардом, который объединяет усилия миллионов людей в созидании нового общества, придает всей этой гигантской работе научно обоснованный и планомерный характер.

Успешное решение задач социалистического и коммунистического строительства означает все большее возрастание роли субъективного фактора, т. е. роста сознательности, организован-

ности, трудовой и общественно-политической активности все более широких масс народа, в конечном счете всего народа. С социализма начинается «быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии *большинства* населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни»⁶². Но это, в свою очередь, требует еще большего укрепления самой Коммунистической партии, роста ее воздействия на все стороны общественной жизни, дальнейшего возвышения ее роли в качестве направляющей, руководящей и организующей силы развития социалистического общества.

Опыт Коммунистической партии Советского Союза подтвердил правоту и жизненную силу ленинских идей о партии как коллективном вожде революционных масс, руководящей силе нового общества, ленинских принципов партийного строительства. Ход истории убедительно доказал, что всякое умаление роли партии, отход от ленинских принципов партийного строительства приводят к серьезным неудачам и могут создать угрозу социалистическим завоеваниям народов.

Без обоснованной, научно выверенной, марксистско-ленинской линии партии, ее понимания и практического осуществления всей массой трудящихся нельзя обеспечить успех строительства социализма и коммунизма. «...Мы можем,— отмечал В. И. Ленин,— управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает. Без этого коммунистическая партия не будет вести пролетариата, а пролетариат не будет вести за собою масс...»⁶³

Огромная роль, которую призваны играть марксистско-ленинские партии, ставит во весь рост проблемы руководства организациями самой партии. Бесспорным положением, подтвержденным опытом истории, В. И. Ленин считал то обстоятельство, «что политические партии в виде общего правила управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями»⁶⁴. Для успешного решения стоящих перед революционным рабочим движением исторических задач должна сложиться и определенная система взаимоотношений между массами, входящими в их состав классами, руководящими борьбой классов политическими партиями и партийными руководителями.

⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 80—81.

⁶⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 66. То, что в Европе к концу первой мировой войны не было революционных партий, а были «партии предателей, вроде Шейдемана, Реноделей, Гендерсонов, Веббов и К», или лакейских душ вроде Каутского», В. И. Ленин называл величайшей бедой и опасностью Европы. См.: Там же, т. 37, с. 109—110.

⁶¹ Там же, т. 36, с. 154.

⁶² Там же, т. 33, с. 99—100.

⁶³ Там же, т. 45, с. 112.

⁶⁴ Там же, т. 41, с. 24.

В передовой статье первого номера газеты «Искра» «Насущные задачи нашего движения» В. И. Ленин писал: «Ни один класс в истории не достигал господства, если он не выдвигал своих политических вождей, своих передовых представителей, способных организовать движение и руководить им»⁶⁵. Одной из важнейших особенностей марксизма как подлинно научной социалистической теории В. И. Ленин считал соединение трезвого анализа объективных условий, объективной обстановки, в которых разворачивается движение на каждом его этапе, с признанием огромного значения субъективного фактора, т. е. «революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс,— а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами»⁶⁶.

Придавая принципиальное значение деятельности политических руководителей, партийных вождей в цепи условий реализации исторической необходимости, марксизм-ленинизм исходит из научного решения вопроса о роли личности в истории⁶⁷. История, считал К. Маркс, «носила бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли». Среди прочих случайностей он называл и «характер людей, стоящих вначале во главе движения»⁶⁸. Случайность появления той или иной выдающейся по своим способностям личности в качестве руководителя определенного общественного движения сама выступает как форма проявления и дополнения исторической необходимости, объективной потребности движения в сознательном руководстве и организации⁶⁹. Сила выдающегося исторического деятеля, его авторитет коренятся в той социальной среде, в том классе, который выдвинул и поддерживает его в качестве своего руководителя. Революционное рабочее движение, будучи самым значимым, самым «основательным» по своим историческим задачам общественным движением, втягивающим в себя после победы социалистической революции и построения основ социализма фактически всю массу населения, предъявляет особо высокие требования к своим руководителям, пролетарским вождям, лидерам коммунистических партий, к своим «идеологам», употребляя термин периода формирования большевистской партии.

Рассматривая вопрос о требованиях, предъявляемых к «идеологам», т. е. руководителям революционного рабочего движения, В. И. Ленин подчеркивал: «...«Идеолог» только тогда и заслуживает названия идеолога, когда идет *вперед* стихийного движения, указывая ему путь, когда он умеет раньше других разрешать все теоретические, политические, тактические и организационные вопросы, на которые «материальные элементы» движения стихийно наталкиваются»⁷⁰. Сознательность руководителей, их дальновидность, энергия, организаторский талант, нравственный облик становятся важнейшими моментами взаимодействия объективных и субъективных факторов общественной

жизни, в результате которого определяется конкретный ход событий, их темпы, своевременность преодоления возникающих трудностей. Поэтому коммунистические партии, равно как и все руководимые ими классовые и массовые движения, объективно заинтересованы в выдвижении политических лидеров, интеллектуальные, волевые, моральные и практически-организаторские качества которых в наибольшей степени соответствуют великим целям и размаху решаемых ими исторических задач по революционному преобразованию общества, строительству социализма и коммунизма, а ныне и по обеспечению мира на Земле.

Выдвижение в процессе классовой борьбы пролетариата таких титанов мысли и действия, какими были К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин, плеяды их достойных соратников и продолжателей в различных странах, само по себе становится свидетельством великой исторической прогрессивности и творческой мощи рабочего движения. Индивидуальные качества личности, вставшей во главе движения, партии, приобретают огромное значение, ибо в зависимости от характера таких качеств, в том числе и моральных, выдающаяся личность может оказывать не только положительное, ускоряющее воздействие на ход исторического развития, но и отрицательное, тормозящее. С примерами подобного негативного воздействия история рабочего движения и социалистического строительства встречалась не раз. После раскольнических действий меньшевистских лидеров в конце 1903 г. В. И. Ленин писал: «...Необходимо, чтобы *вся партия* систематически, исподволь и неуклонно *воспитывала* себе подходящих людей в центре, чтобы она видела перед собой, как на ладони, *всю деятельность* каждого кандидата на этот высокий пост, чтобы она ознакомилась даже с их индивидуальными особенностями, с их сильными и слабыми сторонами, с их победами и «поражениями»»⁷¹.

Созданной В. И. Лениным Коммунистической партии Советского Союза присущи чувство высокой ответственности перед народом, глубокая принципиальность, смелая и открытая критика ошибок и недостатков. Неукоснительно следуя ленинским заветам,

⁶⁵ Там же, т. 4, с. 375.

⁶⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 23.

⁶⁷ Одно из лучших изложений этой проблемы, сохраняющее свое значение и поныне, дано Г. В. Плехановым в статье «О роли личности в истории» (1898) (см.: Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. М., 1956, т. 2, с. 300—334).

⁶⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 33, с. 175.

⁶⁹ «То обстоятельство, что такой и именно вот этот великий человек,— писал Ф. Энгельс,— появляется в определенное время в данной стране, конечно, есть чистая случайность. Но если этого человека устранить, то появляется спрос на его замену, и такая замена находится — более или менее удачная, но с течением времени находится» (Там же, т. 39, с. 175).

⁷⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 363.

⁷¹ Там же, т. 8, с. 96.

партия привела рабочий класс и всех трудящихся нашей страны к победе социалистической революции, к социалистическому преобразованию общества, к построению развитого, зрелого социализма. «Именно теперь,— отмечалось на XXVI съезде КПСС,— в свете впечатляющих достижений советского народа, еще глубже воспринимается известная ленинская формула: партия — ум, честь и совесть нашей эпохи»⁷². На всех этапах развития советского общества, в суровые и героические годы гражданской и Великой Отечественной войн, в трудные годы переходного периода, первых пятилеток, послевоенного возрождения, в годы строительства развитого социализма партия всегда была вместе с народом, выражала его коренные интересы, никогда не отрывалась от народа и неуклонно вела его вперед, одновременно и учась у него, вбирая в себя, по выражению В. И. Ленина, ничем не заменимый «опыт миллионов»⁷³.

⁷² Материалы XXVI съезда КПСС, с. 68.

⁷³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 116; т. 36, с. 379—380.

ОТ ПРЕДЫСТОРИИ К ПОДЛИННОЙ ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Глава 1

МЕСТО И РОЛЬ ПРЕДЫСТОРИИ В ОБЩЕСТВЕННОМ РАЗВИТИИ

1. Понятие предыстории в историческом материализме

Мы уже отмечали в трудах основоположников марксизма-ленинизма различные подходы к членению исторического процесса. Определяющим для них всех выступает формационное деление истории соответственно основным типам общественного способа производства. Однако в рамках этого главного подхода возможны более узкое и более широкое членение исторического процесса, конкретизирующее или, наоборот, обобщающее наше представление о нем. Таким предельно обобщенным членением истории выступает ее деление на предысторию и подлинную историю, устанавливающее во всем мыслимом нами развитии человечества наиболее существенный для него рубеж. Этот рубеж отделяет возникновение и существование коммунистической формации от предшествующих общественно-экономических формаций, непосредственно связан с переходом от капитализма к социализму.

Данный переход нельзя отождествлять с любой другой сменой общественно-экономических формаций. Коммунистическая формация не только замыкает ряд открытых К. Марксом ступеней исторического прогресса, но и переводит этот ряд на качественно иной уровень, знаменуя собой высшую форму исторического движения, наиболее универсальный способ общественного бытия людей. Уже в самой ранней и самой общей характеристике коммунизма К. Маркс определял коммунизм как «подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека», как «полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку *общественному*, т. е. *человечному*»¹. В этом понимании коммунизм представляет собой такой этап истории, на котором развитие материального и духовного богатства общества впервые совпадает с развитием само-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 116.

го человека: общественное оказывается здесь синонимом человеческого, а человеческое прямо совпадает с общественным. Коммунизм и есть человеческое (человечное) общество в самом строгом и точном смысле этого слова. «Человеческая сущность» общества, как и «общественная сущность» человека, обнаруживается при коммунизме в наглядной, непосредственной форме.

Разумеется, в истории никогда не было «нечеловеческих» обществ, из которых человек был бы исключен в качестве основной, активно действующей силы. Но «загадка» предшествующей истории заключалась в том, что человеческое начало, способность человека к саморазвитию в процессе собственной деятельности, обнаруживало себя в ней чаще всего в бесчеловечной форме, в форме развития сил, неподвластных человеку и враждебных ему. Человек здесь сам производил те силы, которые угнетали и подчиняли его, ограничивали возможности его духовного роста и совершенствования. С другой стороны, за бесчеловечностью сменявших друг друга общественных отношений скрывалась и огромная положительная историческая работа, направленная на создание подлинно человеческих условий жизни. Историческая миссия коммунизма, по мысли классиков марксизма, и состоит в присвоении индивидами этих условий уже не в качестве сил, противостоящих человеку, а в качестве сил самого человека, в качестве условий его свободного и всестороннего индивидуального развития.

Противники марксизма-ленинизма склонны выдавать выдвинутое им понимание коммунизма за пекий вариант «финалистской» концепции истории, в которой коммунизму отводится роль заключительной, конечной фазы исторического развития. В их интерпретации марксизма-ленинизма коммунизм отождествляется с каким-то окостенелым, лишенным всякого движения состоянием, в котором людям не остается ничего другого, как только пожинать плоды деятельности предшествующих поколений. В действительности марксизм-ленинизм связывает с коммунизмом представление не о заключительном, а о высшем этапе истории, с переходом к которому подлинная история человечества только начинается, становясь и по содержанию и по своей общественной форме историей развития самого человека, всестороннего расцвета его индивидуальности. Подлинность этой истории и состоит в ее человечности, в превращении человека не только в причину, но и главную цель (а значит, и основной результат) общественного развития.

Подобное понимание роли и места коммунизма в историческом процессе служит основой для выявления его действительного отношения к предшествующей истории, для теоретически обобщенного анализа и оценки этой истории с точки зрения коммунистической перспективы. Данное отношение носит диалектически сложный и противоречивый характер. С одной стороны, коммунизм усматривает во всей предшествующей ему истории необходимую основу и причину своего возникновения, объективную

предпосылку своего собственного существования. «Поэтому,— писал К. Маркс,— все движение истории есть, с одной стороны, *действительный* акт порождения этого коммунизма — роды его эмпирического бытия,— а с другой стороны, оно является для мыслящего сознания *постигаемым и познаваемым* движением его становления»².

В рассматриваемом смысле коммунизм есть закономерный результат истории, сохраняющий и вбирающий в себя все то лучшее и ценное, что было создано веками и поколениями людей, переводящий это ценное на качественно иной уровень развития. Свою историческую миссию «возвращения человека к самому себе» коммунизм решает не путем «абстрактного отрицания всего мира культуры и цивилизации», не путем «возврата к *нечеловеческой простоте бедного, грубого и не имеющего потребностей человека*»³ (все это, по характеристике К. Маркса, есть черты «грубого коммунизма»), а путем действительно полного сохранения «всего богатства предшествующего развития», его превращения в достояние самих людей.

За антагонистически противоречивой общественной формой такого богатства коммунизм обнаруживает его человеческий смысл и содержание, превращая его тем самым в условие разрешения противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, индивидом и родом. Поэтому коммунизм и есть «решение загадки истории, и он знает, что он есть это решение»⁴.

Вместе с тем коммунизм не только выявляет положительный смысл предшествующей ему истории, ее *непреодолимое значение* для человека, но и ту негативную по своим социальным и культурным последствиям форму, в которую этот смысл облекался для большинства людей на всех этапах существования классово-антагонистического общества. С этой точки зрения, коммунизм включает в себе исходную позицию для критической оценки предшествующей ему истории, дает возможность рассматривать ее как некоторое целостное и единое по ряду своих существенных параметров образование.

Подобное — обобщенно-критическое — понимание всей докоммунистической истории и нашло свое отражение в ее характеристике как «предыстории». Следует подчеркнуть, что такая характеристика большей части прожитой человечеством истории оправдана и правомерна лишь с точки зрения будущего коммунистического общества, лишь при учете главной тенденции и общей перспективы исторического развития. Она становится возможной лишь тогда, когда под историей человечества понимается наряду с его прошлым и его настоящее и будущее, т. е. при максимально широком, философском охвате исторического процесса.

Поскольку вопрос о «предыстории» есть вопрос о том, чем была и является история до того, как она становится историей

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 116.

³ Там же, с. 115.

⁴ Там же, с. 116.

самоцельного развития человека, т. е. до установления и утверждения коммунистических отношений, постольку постановка такого вопроса, преодолевающего внеисторический подход к исторической действительности по принципу «так было, так будет всегда», служит средством уяснения исторической конечности и ограниченности многих, казалось бы, привычных и «естественных» параметров человеческого существования. Критическая оценка докоммунистической истории, заложенная в самом понятии «предыстории», расшатывает представление о незыблемости тех порядков и институтов, которые не только свойственны отдельным формациям, например феодальной или капиталистической, но и сохраняются на протяжении всех или большинства докоммунистических этапов исторического процесса.

Так, сменявшие друг друга в истории формации не отменяли социального неравенства людей, господства одних людей над другими, их этнической и культурной разобщенности, ограниченности индивидуального развития и т. д. Отсюда и «привычка» думать о неустранимости этих и подобных им установлений общественной жизни, приписывать им значение фундаментальных, «вековых» устоев человеческого существования. Привычное становится в глазах людей вечным. Понятие «предыстория» и бьет прежде всего по этим устоявшимся представлениям, обретающим часто характер прочного предрассудка. Вместе с тем данное понятие не отбрасывает предшествующую историю в качестве «ложной», «ошибочной», не противопоставляет ее некому «истинному», «идеальному» состоянию, лишенному якобы всяких противоречий и потому совершенно неподвижному, а характеризует ее как сложный и длительный подготовительный этап создания условий и предпосылок подлинно человеческой жизни.

В этом смысле следует понимать известное положение основоположников марксизма о том, что коммунизм — «не *состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым должна сообразоваться действительность», а «*действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние», причем «условия этого движения порождены имеющейся теперь налицо предпосылкой»⁵. Создание такой предпосылки является главным результатом предшествующей истории, ее объективно-всеобщим и резюмирующим весь пройденный путь итогом. В составе социально-философской теории марксизма-ленинизма понятие «предыстория», имеющее, казалось бы, чисто оценочный смысл, фиксирует весьма важный и объективный результат предшествующей истории, который оказывается одновременно и исходной предпосылкой всей последующей истории. Лишь по отношению к будущему развитию, с точки зрения того, что имеет для него решающее значение, можно выявить и определить главный результат прошлого развития.

Усматривая в коммунизме действительное присвоение человеком своей «человеческой» (т. е. всегда и во всем общественной) сущности, марксизм-ленинизм исходит из того, что подобная

«сущность» может быть присвоена человеком лишь после того, как она предварительно возникла, исторически развилась, получила определенное — хотя бы только и внешнее по отношению к большинству индивидов — существование. Присвоению любой общественно существующей вещи всегда предшествует акт ее создания, причем оба эти процесса — созидание и присвоение — имеют в истории разные временные рубежи.

Вне присвоения человеком созданного и создаваемого им общественного богатства нет его действительного развития, его подлинной истории, поэтому создание такого богатства выступает первоначально лишь в виде предпосылки действительного развития, в виде его предыстории. «Предыстория человеческого общества» и есть растянувшийся на многие века акт создания «общественной сущности» человека, т. е. самого общества как необходимого условия и предпосылки подлинно человеческого существования. Предыстория представляет собой акт рождения общества в качестве общей и универсальной формы человеческого общежития.

Разумеется, человек с самого начала истории выступает как общественное существо, его жизнь на всех этапах носит общественный характер, протекает в рамках того или иного конкретного общества. Однако история есть не просто смена одного общества другим, но и процесс развития общества, усложнения и расширения общественных связей между людьми. Факт возникновения общества на ранних ступенях истории нельзя отождествлять поэтому с фактом его последующего развития на всем этапе предыстории (подобно тому как физическое рождение человека не отменяет его последующей биографии, его социального и духовного созревания).

Само существование предыстории свидетельствует о том, что люди не просто жили в обществе, они одновременно и создавали условия своей общественной жизни, расширяли и развивали рамки своего социального общения. «История людей» в границах предыстории есть история становящегося общества, хотя и принимающего в каждый конкретный отрезок времени форму вполне определенного социального образования. Эмпирическое многообразие общественных форм, наблюдаемое нами в истории, соотносится между собой, таким образом, как этапы становления целостной и всеобщей системы общественных связей, получающей свое полное развитие не в начальной, а в заключительной фазе предыстории.

Первобытное общество, рабовладение, феодализм и капитализм — это, конечно, различные типы обществ, но вместе с тем это звенья общего, последовательно осуществляемого процесса создания, производства людьми своих общественных отношений, их общественного роста. Лишь на заключительной — капитали-

стической — фазе предистории такие отношения обретают всеобщий, универсальный характер, приходя на смену локальным, местным, узкотерриториальным формам общности и объединения людей. Недаром К. Маркс называл эту фазу эпохой «наиболее развитых общественных (с этой точки зрения всеобщих) отношений»⁶.

С другой стороны, именно данной эпохе соответствует точка зрения обособленного одиночки⁷ изолированного индивида, для которого общественные связи выступают как «внешняя необходимость», как средство для достижения частных целей. Развитие общественных отношений в рамках предистории постоянно сопровождалось, стало быть, все большим социальным разъединением индивидов, их обособлением, изоляцией друг от друга. Параллельно общественному развитию шло и становление человеческой индивидуальности, высвобождение индивидуального начала от прямой, непосредственной, «личной» зависимости от социального целого. «Человек обособляется как индивид лишь в результате исторического процесса. Первоначально он выступает как родовое существо, племенное существо, стадное животное...»⁸.

Самим индивидам такое состояние может показаться — и до определенного времени казалось — состоянием их полной «личной свободы», что нашло, например, отражение в индивидуалистической идеологии раннего Просвещения. Однако в действительности эпоха, породившая точку зрения обособленного индивида, как раз и является эпохой наиболее всеобщей, развитой формы зависимости людей друг от друга, правда зависимости, утратившей непосредственно личностный характер и получившей характер обезличенной и господствующей над человеком силы.

Здесь мы сталкиваемся с двумя основными полюсами исторического процесса на этапе предистории. Один полюс представлен развитием всеобщей, универсальной системы общественных отношений между людьми, другой — обособлением индивидов, постепенно утрачивающих какую-либо непосредственную, личностную связь с общественным целым. Это не два разных процесса, а один, связанный с созданием такой системы социальных связей, из которой индивид исключен как личность, как самостоятельно чувствующее, мыслящее, действующее существо. Если предистория и есть история общественного развития человека, то такого развития, в котором большинство индивидов представлено не как цель, а как средство развития, как обезличенная в своей массе сила. В этом смысле общественное развитие предстает здесь в виде неявной, скрытой, овеществленной и, можно сказать, отчужденной формы индивидуального развития, где общественной силой и мощью наделяются вещи, сам же человек сводится к чисто природной силе.

Таков главный результат предистории, заключающий в себе исторически положительный смысл проделанного развития (универсализация общественного бытия человека) и негативную —

обезличенную, деперсонализированную, чуждую и враждебную отдельному индивиду — форму этого развития.

В наиболее отчетливом виде этот результат обнаруживается на заключительном этапе предыстории — на этапе капитализма. При капитализме универсально развившаяся общественная связь индивидов (как реальная основа их собственного всестороннего развития) получает в то же время независимый от индивидов, отчужденный, вещный характер. Наличие такой связи вещной зависимости людей (меновой стоимости, денег, всеобщего товарного обмена) свидетельствует, во-первых, о том, что «индивиды производят только для общества и в обществе», т. е. что их отношения в производстве, форма их деятельности и продуктов их труда приобрели полностью общественный характер, а, во-вторых, о том, что «их производство не является непосредственно общественным, не представляет собой продукт ассоциации, распределяющей труд среди своих членов»⁹. Производство, по словам К. Маркса, существует здесь «на подобие некоего рока», оно подчиняет себе индивидов, а не подчинено им в качестве их общественного достояния. Обмен, опосредуемый меновой стоимостью и деньгами, хотя и предполагает всестороннюю зависимость производителей друг от друга, предполагает одновременно «и полную изоляцию их частных интересов и такое разделение общественного труда, при котором единство различных видов труда и их взаимная дополняемость существуют вне индивидов и независимо от них, как если бы это единство и эта взаимная дополняемость были каким-то природным отношением»¹⁰.

Внимание К. Маркса привлечено в данном случае к основному факту всей происходившей до сих пор истории — к становлению всесторонней общественной связи индивидов, к созданию общественно-универсальных условий их труда и общения. Поскольку эта связь получает всеобщий характер на этапе капитализма, постольку последний оказывается высшим этапом всего предшествующего исторического развития. Но поскольку она формируется здесь в условиях социального антагонизма и обособления людей, в условиях их классовой розни и угнетения, эксплуатации одного человека другим, постольку капитализм предстает как заключительный этап предыстории человеческого общества.

Можно сказать, что капитализм в предельной (также универсальной) форме выражает логику существования классового общества, выявляя до конца присущие ему противоречия и зависимости. Буржуазные производственные отношения — последняя антагонистическая форма общественного процесса производства, последняя, ибо развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают материальные условия

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 18.

⁷ Там же.

⁸ Там же, с. 486.

⁹ Там же, с. 101.

¹⁰ Там же.

разрешения этого антагонизма. «Поэтому буржуазной общественной формацией,— подчеркивал К. Маркс,— завершается предыстория человеческого общества»¹¹.

Мы начали характеристику предыстории с капитализма потому, что именно последним представлен конечный результат всего предшествующего развития, позволяющий понять и общую логику такого развития, его основные этапы. Научный анализ предыстории, практически охватывающий всю известную нам человеческую историю, также должен исходить «из готовых результатов» процесса развития, заключающих в себе одновременно и предпосылку будущего развития.

Усматривая главный результат предыстории в создании общественной связи, образуемой взаимной и всесторонней зависимостью безразличных по отношению друг к другу индивидов (эта общественная связь выражена в меновой стоимости, деньгах, системе товарного обмена, вырастающей постепенно до размеров мирового рынка), К. Маркс вместе с тем отмечает, что данная связь отнюдь не является изначальным, исходным условием человеческого существования: она представляет собой продукт длительного, сложного исторического развития. «...Нелепо понимать эту всего лишь *вещную связь* как естественную, неотделимую от природы индивидуальности (в противоположность рефлексированному знанию и воле) и имманентную ей. Эта связь — продукт индивидов. Она — исторический продукт. Она принадлежит определенной фазе развития индивидов. Отчужденность и самостоятельность, в которой эта связь еще существует по отношению к индивидам, доказывают лишь то, что люди еще находятся в процессе созидания условий своей социальной жизни, а не живут уже социальной жизнью, отправляясь от этих условий»¹².

В противоположность буржуазной политической экономии (в лице, например, Адама Смита), относившей возникновение общественных отношений, опосредованных системой обмена и денег к доисторической эпохе, К. Маркс исходит из принципиальной противоположности между изначальными условиями общественно-го развития людей и его конечным результатом на заключительной фазе предыстории. Результат развития на данной фазе является закономерным отрицанием его исходных предпосылок (тогда как следующая ступень — отрицание отрицания — принадлежит уже фазе подлинной истории). Если бы это было иначе, то тогда нельзя было бы говорить ни о какой истории, ни о каком развитии в предысторическую эпоху.

Суть общественного развития и состоит здесь в последовательной смене одного состояния принципиально иным, новым, не-сущим в себе отрицание первого.

К. Маркс обозначает эти два состояния, что уже неоднократно подчеркивалось в нашем исследовании, со всей возможной четкостью: «Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные) — таковы те первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в незначительном

объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на *вещной* зависимости,— такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций»¹³.

Соответственно следующей ступенью, имеющей уже отношение к подлинной истории, выступает, как известно, состояние, исключаящее всякую форму зависимости людей (как личную, так и вещную) друг от друга. «Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние,— такова третья ступень. Вторая ступень создает условия для третьей»¹⁴. В свою очередь, вторая ступень является результатом разложения и преодоления первой. «Поэтому патриархальный, как и античный строй (а также феодальный) приходят в упадок по мере развития торговли, роскоши, *денег, меновой стоимости*, в то время как современный общественный строй* вырастает и развивается одновременно с ростом этих последних»¹⁵.

Переход от первой ступени ко второй образует, согласно данной периодизации, центральную «ось» общественного развития на этапе предистории. Однако сколь радикален ни был этот переход, он не отменял главного — самого факта отношений зависимости людей. Изменялась лишь форма такой зависимости. Поэтому при всем своем историческом значении данный переход целиком остается в рамках предистории. Из этого следовал и другой вывод: наиболее характерной и общей чертой предистории выступает классовое разделение общества, наличие противоположных общественных классов, ведущих борьбу между собой. «История всех до сих пор существовавших обществ,— говорится в «Манифесте Коммунистической партии»,— была историей борьбы классов»¹⁶.

К словам «история всех до сих пор существовавших обществ» Ф. Энгельс сделал в 1888 г. следующее примечание: «То есть вся история, дошедшая до нас в *письменных* источниках». В 1847 г. ** предистория общества¹⁷, общественная организация,

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 8.

¹² Там же, т. 46, ч. I, с. 105.

¹³ Там же, с. 100—101.

¹⁴ Там же, с. 101.

* имеется в виду капитализм.— Авт.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, т. 4, с. 424.

** когда писался «Манифест». — Авт.

¹⁷ Здесь термин «предистория» употребляется в более узком, чисто историческом смысле, охватывая собой лишь период доклассового, первобытнообщинного строя. Подобное использование данного термина встречается и у К. Маркса (см., напр.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 99). Узкое толкование термина «предистория» следует отличать от его широкого, социально-философского понимания, включающего в себя и весь период существования классового общества.

предшествовавшая всей писаной истории, почти совсем еще не была известна. За истекшее с тех пор время Гакстгаузен открыл общинную собственность на землю в России, Маурер доказал, что она была общественной основой, послужившей исходным пунктом исторического развития всех германских племен, и постепенно выяснилось, что сельская община с общим владением землей является или являлась в прошлом повсюду первобытной формой общества, от Индии до Ирландии. Внутренняя организация этого первобытного коммунистического общества, в ее типической форме, была выяснена Морганом, увенчавшим дело своим открытием истинной сущности *рода* и его положения в *племени*. С разложением этой первобытной общины начинается расслоение общества на особые и в конце концов антагонистические классы»¹⁸.

Открытие общинно-родового строя послужило К. Марксу основанием для выделения его в особую — так называемую первичную (или архаическую) — общественную формацию, которую он отличал от «вторичной» общественной формации, включавшей в себя основные ступени развития классового общества (рабовладение, феодализм и капитализм)¹⁹. Тем самым картина «предыстории человеческого общества» (в широком смысле этого слова) несколько усложнилась. Она охватывала собой существование как «первичной формации» (т. е. предыстории в узком смысле этого слова), так и «вторичной формации» с ее двумя основными ступенями (или формами) зависимости людей, о которых мы говорили выше. В целом эту картину можно представить следующим образом:

(I. Первичная общественная формация (предыстория в узком смысле) — общинно-родовой строй	
II. Вторичная общественная формация —	
рабовладение	форма личной зависимости (пер-
феодализм	вая ступень)
капитализм	форма вещной зависимости (вто-
	рая ступень)

По другой классификации, воспринятой Ф. Энгельсом у Л. Моргана, первичной формации соответствует ступень дикости и варварства, вторичной — ступень цивилизации.

В принципе можно говорить о наличии четырех общественно-экономических формаций, охватываемых понятием предыстории, — первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной и капиталистической²⁰. Все они содержатся в приведенной выше схеме и образуют ее исходную основу. Однако введение в данную схему более широких исторических подразделений (первичная и вторичная формации), не отменяя исходного деления, позволяет выявить наиболее важные и существенные для понимания предыстории моменты ее становления. Так, различение первичной и вторичной формаций дает возможность специально выделить такой важный рубеж в истории человечества, как переход от до-

классового к классовому обществу и связанное с этим переходом «происхождение семьи, частной собственности и государства».

Очевидно, что при простом перечислении общественно-экономических формаций принципиальное отличие первобытной формации от всех остальных следующих за ней формаций, основанных на отношениях господства и подчинения, утрачивается, не получает соответствующего выражения в терминологическом аппарате исследования. Столь же важным для понимания логики развития классового общества является подчеркивание принципиального отличия капиталистической формации от предшествующих ей рабовладельческой и феодальной формаций, связанное с переходом от форм личной зависимости к форме вещной зависимости. Вот почему античный строй и феодализм К. Маркс относит к первой ступени общественного развития (на этапе существования классового общества), а капитализм — ко второй. В целом все движение можно представить как процесс перехода от доклассового общества к классовому, а внутри последнего — к такой форме зависимости, опосредованной вещными отношениями, при которой создаются условия для ликвидации классов и перехода к бесклассовому обществу.

Согласно приведенной выше схеме, наиболее существенными моментами в общем ходе предисторического развития оказываются следующие два: во-первых, возникновение классового общества в результате разложения «первичной формации» и, во-вторых, становление капиталистической, вещной формы зависимости в результате постепенного преодоления всех форм непосредственно личной зависимости. Оба эти момента взаимосвязаны, поскольку переход к классовому обществу означает одновременно и начало того движения, которое приведет в конечном счете к появлению капитализма. Последний как бы завершает собой тот процесс, который начинается с момента образования первого классового общества. В этом смысле К. Маркс и писал о том, что «азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»²¹.

Подводя итоги теоретического рассмотрения истории, нет необходимости возвращаться к анализу процесса возникновения и последующего развития классового общества. Однако в социально-философском плане весьма важно подчеркнуть действительное значение всей эпохи существования классового общества для общепристорического развития человечества, сформулировать важнейшие черты происходящих в эту эпоху исторических преобразований.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 424, примеч.

¹⁹ См.: Там же, т. 19, с. 419.

²⁰ Мы не затрагиваем здесь дискуссии об азиатском способе производства. Связанные с этой дискуссией концепции рассмотрены в третьем разделе книги.

²¹ Там же, т. 13, с. 7.

2. Сущность и особенности общественного развития на этапе предистории

Эпоха предистории связана прежде всего с существенными изменениями в области материального производства, с особым характером развития производительных сил общества. Хорошо известны основные вехи такого развития, представляющие собой одновременно и важнейшие этапы хозяйственной истории всего докоммунистического общества. Напомним, что к ним относятся первые и самые ранние формы собирательной деятельности людей, появление скотоводства и земледелия (неолитическая революция) и их последующее отделение друг от друга (первое крупное общественное разделение труда), отделение ремесла от земледелия (второе крупное общественное разделение труда), разделение физического и умственного труда, промышленная революция, приведшая к созданию крупной индустрии, основанной на системе машин и применении науки к производству. Венчает эту картину предистории научно-техническая революция, разворачивающаяся на фоне общего кризиса капиталистического общества. В целом данный процесс можно рассматривать как рост производительной силы труда, обусловленный в первую очередь совершенствованием и развитием средств производства. Определенные исторические пределы, в которых осуществляется этот процесс на этапе предистории, и служит в марксизме-ленинизме главным основанием для его выделения в особую форму развития.

Производительными силами труда могут быть вначале только силы самой природы — как внешней, так и той, которая естественным образом присуща каждому индивиду. В процессе труда человек прежде всего «приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы»²². «Веществу природы он сам противостоит как сила природы»²³. Причем, несмотря на все различия между отдельными видами труда, «с физиологической стороны это — функции человеческого организма... затрата человеческого мозга, нервов, мускулов, органов чувств и т. д.»²⁴. Действуя в процессе труда, как действует сама природа, человек в то же время «постоянно опирается на содействие сил природы»²⁵. В отличие от субъективных производительных сил самого человека они служат основой для развития его объективных производительных сил. Природа, следовательно, есть естественный источник всех производительных сил общества — субъективных и объективных, всей производительной силы человеческого труда.

Силы природы — внешней и собственно человеческой — становятся силами труда либо в своем непосредственном, либо в преобразованном виде. Процесс преобразования первых во вторые и есть развитие производительной силы труда. В качестве производительной силы труда природная сила обретает иную форму существования и иную функцию: она становится средством про-

изводства того, чего нет в природе. Потенциально все силы природы — механические, физические, химические, биологические — могут стать производительными силами, реально же ими становятся только те, которые определенным образом преобразованы человеком, присвоены им в качестве сил собственного труда.

Прежде всего такое преобразование затрагивает самого человека как «силу природы», участвующую в труде. Элементарной формой этого преобразования становится простая кооперация труда, суммирование усилий отдельных индивидов. Кооперированный труд есть производительная сила, данная самим фактом совместного существования людей. Недаром К. Маркс в качестве первой великой производительной силы называл общину²⁶. Более сложной формой данного преобразования выступает разделение труда, вначале совершенно естественное (половозрастное и территориальное), ведущее к дифференциации и совершенствованию производительных способностей и умений человека, к развитию рабочей силы. Разделение труда, в свою очередь, приводит к новым формам кооперации и общественного комбинирования труда.

Но производительной силой труда служат и силы внешней природы. Они включаются в процесс труда в виде конкретного результата труда, используемого затем в качестве средства производства нового продукта. Человек «пользуется механическими, физическими, химическими свойствами вещей для того, чтобы в соответствии со своей целью применить их как орудия воздействия на другие вещи»²⁷. В виде орудия труда данная вещь должна быть предварительно вырвана из своей естественной связи с окружающей природой, определенным образом обработана. Будучи продуктом одного труда, она оказывается средством производства для другого продукта. Специфически характерная черта человеческого труда и состоит в том, что его продукт служит здесь не только предметом непроеизводственного потребления — личного и группового (коллективного), — но и средством производства для другого труда, производительной силой труда.

Развитие объективной производительной силы в форме использования природных свойств создаваемой трудом отдельной вещи носит, однако, ограниченный характер. Ведь сила природы находит в данной вещи только частичное выражение и поэтому не может быть использована в полном объеме. Даже механическая сила не исчерпывается теми орудиями труда, которыми пользуются люди. Универсальное присвоение природных сил в качестве сил труда требует и универсального продукта труда, в котором эта

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 188.

²³ Там же.

²⁴ Там же, с. 81.

²⁵ Там же, с. 52.

²⁶ См.: Там же, т. 46, ч. I, с. 485.

²⁷ Там же, т. 23, с. 190.

сила была бы представлена более или менее исчерпывающим образом. Таким универсальным, всеобщим продуктом является знание — вначале эмпирическое, а затем и научное. В конечном счете именно наука оказывается всеобщей силой труда — универсальной производительной силой. Производительные силы в форме знания, а также в форме овеществленного знания — системы машин, техники — есть способ универсального присвоения человеком сил природы в качестве сил общественного труда.

Возникновение науки и основанной на ней системы машин завершает собой общую тенденцию развития производительных сил общества на этапе предистории. Суть этой тенденции состоит в замене естественных сил человека (прежде всего его физической, мускульной силы) силами природы, что соответствует общему росту производительной силы труда. В качестве машины средство труда приобретает такую материальную форму существования, которая, как известно, обуславливает замену человеческой силы силами природы и эмпирических рутинных приемов — сознательным применением естествознания²⁸. Конкретно это выражается в сокращении непосредственного (живого) труда в процессе производства и соответственно возрастании удельного веса овеществленного труда, овеществленной силы знаний.

Последствия данного процесса для самого человека, образующие собой главный итог предистории, будут рассмотрены нами ниже. Сейчас же важно выявить лишь общую направленность развития производительных сил общества, определяющую собой и характер всех остальных социальных изменений, происходящих на этом этапе. Замена человеческих сил силами природы есть результат предисторического развития, но отнюдь не его исходный пункт. Первоначальная картина носит прямо обратный характер; она обусловлена не просто низким уровнем развития производительных сил, но и их еще во многом социально не преобразованной формой существования.

На ранних ступенях истории человек использует силы природы в качестве производительных сил еще в малоизмененном виде. Примером может служить тягловая сила животных, плодородная сила земли и т. д. Главным объективным условием труда здесь, по словам К. Маркса, выступает не продукт труда, а находящая трудом природа. «С одной стороны, имеется налицо живой индивид, с другой — земля как объективное условие его воспроизводства»²⁹. Эти условия не созданы трудом, существуют до и независимо от него, являются его природной предпосылкой. «Иными словами: первоначальные условия производства выступают как природные предпосылки, как *природные условия существования производителя*; точно так же как его живое тело, воспроизводимое и развиваемое им, первоначально создано не им самим, а является *предпосылкой* его самого; существование (телесное) его самого есть такая природная предпосылка, которая не им создана»³⁰. Человек, таким образом, вынужден первоначально действовать в обстоятельствах, которые созданы не им

самим, обстоятельствах, данных ему в виде природной предпосылки его собственной деятельности.

Рассматриваемое положение нелезя, конечно, упрощать. Уже первобытный человек, используя силы природы в качестве сил труда, должен был определенным образом изменять и преобразовывать их. «Даже там,— отмечал К. Маркс,— где готовые предметы надо всего лишь *найти, открыть*, это очень скоро начинает требовать от индивида напряжения сил, труда (как при охоте, рыболовстве, пастушестве) и производства (т. е. развития) у субъекта известных способностей»³¹.

Вообще необходимость создания орудий труда в виде особых продуктов труда, предназначенных для производства новых продуктов, сопровождает всю историю человечества. К. Маркс подчеркивает, что «состояние, при котором люди могут брать то, что имеется, не прибегая ни к каким орудиям (т. е. уже к продуктам труда, предназначенным для производства), не изменяя формы того, что имеется в наличии (а такого рода изменение осуществляется даже при пастушестве), и т. д.,— такое состояние очень быстро проходит и нигде не может считаться нормальным положением вещей даже при первобытном состоянии»³².

Создание орудий труда есть основное условие присвоения сил природы в качестве объективной производительной силы труда. Однако на разных этапах истории необходимость такого присвоения реализуется по-разному. Первоначально главным объективным условием труда выступает такая сила природы, которая не требует своего предварительного преобразования. Отсюда и разделение орудий труда на естественно возникшие и созданные цивилизацией. «В первом случае, при естественно возникших орудиях производства, индивиды подчиняются природе, во втором же случае они подчиняются продукту труда»³³.

Природная ограниченность труда на ранних ступенях истории, т. е. его ограниченность такими условиями и обстоятельствами, которые созданы не самим трудом, а являются его естественными предпосылками, обнаруживается, следовательно, как в субъективной, так и объективной форме. Труд и с объективной и с субъективной стороны предопределен здесь чисто природными условиями. Как субъект деятельности человек зависит в первую очередь от естественно сложившегося коллектива (род, племя), являющегося не столько результатом, сколько еще чисто природной предпосылкой его трудовой деятельности, одним из природных условий производства.

Именно совместное существование людей в рамках первобытной общины, их, по словам К. Маркса, «природная общность» де-

²⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 397.

²⁹ Там же, т. 46, ч. I, с. 473.

³⁰ Там же, с. 478.

³¹ Там же, с. 481—482.

³² Там же, с. 482.

³³ Там же, т. 3, с. 65.

ляет возможной их производственную деятельность (а не наоборот, когда труд становится главным условием и включения людей в социальную связь, и существования самой этой социальной связи). «Одним из природных условий производства для живого индивида является его принадлежность к какому-либо *естественно сложившемуся коллективу*: племени и т. п.»³⁴

Из принадлежности индивида естественно возникшему коллективу вытекает и другое отношение, которое К. Маркс также рассматривал в виде еще природного условия производства. Речь шла об отношении коллектива (каждого его члена) к природным предпосылкам своего труда как к своим собственным, непосредственно принадлежащим ему в качестве его неорганического тела. Первобытнообщинная собственность на средства производства — естественное следствие того, что сами эти средства производства носят еще во многом характер природно созданных условий труда. Это и есть непосредственное (по опосредствованному трудом) единство человека с неорганическими условиями своей деятельности, или, по выражению К. Маркса, «природное единство труда с его вещными предпосылками»³⁵. Так, присвоение людьми земли, их совместная собственность на землю не является здесь результатом труда: она предшествует труду в виде его предпосылки. В качестве члена племени индивид относится к земле так же, как он относится в качестве индивида к своей собственной коже, органам чувств, волосам и т. д., данным ему от природы³⁶.

Состояние природной сращенности индивида с естественными (объективными и субъективными) предпосылками своего труда — исходный пункт истории. Вместе с тем К. Маркс обнаруживает признаки такого состояния (в той или иной его модификации) на огромном историческом отрезке времени — вплоть до окончательного утверждения капиталистического способа производства. Существование людей в этих условиях зависит, с одной стороны, от земли и других природных факторов или, иначе, «естественно возникших орудий производства», с другой — от естественно сложившихся коллективов, включая общину (родовую, сельскую), которая выступает наиболее характерной для докапиталистических обществ формой человеческой жизнедеятельности.

Эпоха, связанная с присвоением готовых продуктов природы, следовательно, с господством присваивающего труда (собирательство, охота, рыболовство и т. д.), есть эпоха еще прямой, непосредственной зависимости человека от сил природы. На этом этапе природа «противостоит людям как совершенно чуждая, всемогущая и непреступная сила, к которой люди относятся совершенно по-животному и власти которой они подчиняются, как скот»³⁷. Данный период Ф. Энгельс называл «предысторией культуры», а К. Маркс — «начальной» ступенью ее развития.

На стадии развития и широкого распространения земледелия, этой самой первой формы производства³⁸ (к ней К. Маркс отнесит азиатское, античное и феодальное общества), естественный

элемент в условиях труда занимает ведущее место. «Во всех формах общества, где господствует земельная собственность, преобладают еще отношения, определяемые природой»³⁹. Данный элемент выступает здесь и в виде непосредственного тождества трудящихся индивидов с естественно сложившимся коллективом (общиной) и в виде общинной собственности на землю, выражающей «природное единство» производителя с объективными условиями его труда. Такая «непосредственная сращенность» производителя с природными условиями производства выражается и дополняется отношениями личной зависимости и подчинения, которое фактически сводит производителя к неорганическим (тоже по существу природным) условиям производства. «...Работник, и в форме раба и в форме крепостного, ставится в качестве *неорганического условия* производства в один ряд с прочими существами природы, рядом со скотом, или является придатком к земле»⁴⁰. В отличие от промышленного работника капиталистического предприятия, являющегося придатком к машине, земледельческий работник в условиях общинного хозяйства оказывается придатком к земле, чисто природным элементом производства. В этом сказывается природная ограниченность материально-технической базы общественного производства на всем докапиталистическом и доиндустриальном этапе истории.

Данная ограниченность находит свое выражение и в характере господствующих общественных отношений. Общей (свойственной всем рассматриваемым эпохам) чертой этих отношений выступает, во-первых, их локальный (ограниченный в пространстве) характер. Способом объединения людей в процессе труда служит местная, территориальная, племенная или даже семейная связь, система поземельных отношений при отсутствии общественно развитой и всеобщей системы обмена результатами труда.

Всем таким отношениям присущ ярко выраженный традиционализм. Поскольку главными объективными условиями производства являются природные (еще не созданные трудом) предпосылки — прежде всего земля, постольку труд обладает свойством простого воспроизводства, повторения на прежней основе. Отношения людей к природе, как и их отношения между собой, обретают в этих условиях застойный, постоянно повторяющий себя характер. «Законом докапиталистических способов производства,— писал В. И. Ленин,— является повторение процесса производства в прежних размерах, на прежнем техническом основании: таково

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 481.

³⁵ Там же, с. 461.

³⁶ См.: Там же, с. 473.

³⁷ Там же, т. 3, с. 29.

³⁸ См.: Там же, т. 46, ч. I, с. 43.

³⁹ Там же, с. 44.

⁴⁰ Там же, с. 478.

барщинное хозяйство помещиков, натуральное хозяйство крестьян, ремесленное производство промышленников... При старых способах производства хозяйственные единицы могли существовать веками, не изменяясь ни по характеру, ни по величине...»⁴¹. Важно подчеркнуть, что традиционализм как специфическая черта всего общественного уклада в докапиталистических формациях выступает как прямое следствие преобладающего значения природного элемента в жизнедеятельности людей. «Во всех этих формах основой развития является *воспроизводство заранее данных* (в той или иной степени естественно сложившихся или же исторически возникших, но ставших традиционными) отношений отдельного человека к его общине и *определенное, для него предопределенное, объективное* существование как в его отношении к условиям труда, так и в его отношении к своим товарищам по труду, соплеменникам и т. д., — в силу чего эта основа с самого начала имеет *ограниченный* характер...»⁴².

В-третьих, для всех докапиталистических отношений характерно отсутствие развитого индивидуального начала. «Древние общественно-производственные организмы, — отмечал К. Маркс, — ...покоятся или на незрелости индивидуального человека, еще не оторвавшегося от пуповины естественнородовых связей с другими людьми, или на непосредственных отношениях господства и подчинения»⁴³. Отсутствие четко выраженного индивидуально-личностного начала в структуре межчеловеческих связей и отношений объясняется также наличием природной ограниченности человеческой деятельности и прежде всего материального производства. «Здесь, в пределах определенного круга, может иметь место значительное развитие. Возможно появление крупных личностей. Но здесь немислимо свободное и полное развитие ни индивида, ни общества, так как такое развитие находится в противоречии с первоначальным отношением [между индивидом и обществом]»⁴⁴.

Естественная ограниченность отношения людей к природе и друг к другу находит идеальное выражение и в их сознании, в представлениях и взглядах. «Эта действительная ограниченность отражается идеально в древних религиях, обожествляющих природу, и народных верованиях»⁴⁵. В мифологическом, религиозном, художественном и философском сознании этих эпох природная ограниченность человека предстает в виде господства общего, родового, внеличного начала над отдельным, частным, индивидуальным. Индивид оказывается всего лишь орудием в руках мировых «космических» сил, персонафицированных в образах богов и мифологических героев. Идея раз и навсегда установленного мирового порядка, в котором действует неотвратимая судьба, рок, фатально предопределяющий ход событий, получает как образно-пластическую, так и рациональную форму выражения. Над всем господствует жесткая, не знающая никаких отклонений необходимость, прокладывающая себе путь среди всех превратностей человеческой жизни.

Таким образом, во всех добуржуазных формах общества общественное производство покоится на «непосредственном единстве» производителя с условиями — объективными и субъективными — своего труда, т. е. на единстве, опосредованном не трудом, а естественно возникшей связью индивида с этими условиями. Это, разумеется, не отменяет общественного характера производства на данном этапе. Речь идет лишь о том, что сама общественная форма производства ограничена здесь теми природными обстоятельствами, которые еще до конца не преобразованы человеком и потому сохраняют свои непосредственные естественно возникшие связи. На данной ступени общественного развития человек находит эти обстоятельства в их первоначальном виде и относится к ним, как к предпосылкам, данным ему до труда, естественным образом.

Подобное непосредственное единство человека с природой, в чем К. Маркс видел главную черту всей докапиталистической истории, ограничивая масштабы и характер общественного развития (архаизм, отсутствие индивидуальности, пространственная локализация), не отменяет общественного развития — рост производительных сил и связанное с ним изменение производственных отношений. Хотя темпы исторического развития на данном этапе еще очень медленны и интервалы времени, в которых осуществляются социальные изменения, слишком велики (отсюда порой и рождается представление о его полной неподвижности), тем не менее и он характеризуется существенными, коренными переменами в общественной жизни. Достаточно вспомнить, что именно на этот период падает такое важное событие в истории человечества, каким было возникновение цивилизации, основанной на частной собственности, эксплуатации одного класса другим и превращении общественного самоуправления в органы государственного классового насилия.

Появление противоположных классов, как уже отмечалось, — главное событие докапиталистической истории. Именно оно находится в центре внимания творцов марксизма при обсуждении всех проблем общественного развития в эпоху, предшествующую возникновению капиталистического способа производства. При этом особо они отмечают то, что первые формы классового господства (рабство, крепостничество) полностью не подрывают основу земледельческого производства — непосредственное единство производителя с объективными условиями труда, падают над этим единством, своеобразным образом сохраняя формы (пережитки форм) общинного владения землей.

⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 57.

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 475.

⁴³ Там же, т. 23, с. 89.

⁴⁴ Там же, т. 46, ч. I, с. 475.

⁴⁵ Там же, т. 23, с. 89, 90.

«Во всех этих формах, в которых земельная собственность и земледельцы образуют базис экономического строя, в силу чего экономической целью является производство потребительных стоимостей, *воспроизводство индивида* в тех определенных отношениях его к общине, в которых он образует ее базис — во всех этих формах налицо имеются следующие моменты:

1) Присвоение природного условия труда (*земли* как самого первоначального орудия труда, лаборатории и хранилища сырья) происходит не при посредстве труда, а предшествует труду в качестве его предпосылки...

2) Однако это *отношение* к земле как к собственности трудящегося индивида... сразу же опосредствовано естественно сложившимся, в той или иной мере исторически развитым и видоизмененным существованием индивида как *члена какой-либо общины*, его естественно сложившимся существованием как члена племени и т. д.»⁴⁶.

Поскольку индивид еще сохраняет непосредственную связь с условиями своего труда (в силу его существования как члена общины), постольку его зависимость от господствующего класса получает чисто личный характер, при котором он принадлежит господину не только как рабочая сила, но и как лицо — живое существо во всей его природной определенности. Формы личной зависимости есть еще общественно неразвитые и потому более жестокие, более варварские формы господства одних людей над другими. Они порождают прямое насилие над личностью человека, его душой и телом, над всеми проявлениями его индивидуальной жизни. Легче всего приписать это прирожденной склонности людей к господству и насилию. Столь же просто объяснить его жаждой наживы и обогащения. И хотя несомненно, что экономической основой любой формы классового господства выступает присвоение чужого труда, как раз и вызывающее к жизни чувства алчности и личного превосходства, вовсе не в таких чувствах следует искать действительную причину классового расслоения общества. Здесь действует более глубокая объективная логика исторического процесса, направляемая и определяемая фундаментальными потребностями общественного развития.

В своем анализе рассматриваемой проблемы марксизм-ленинизм отнюдь не ограничивается одним лишь моральным изобличением и осуждением господствующих классов, — он стремится вскрыть прежде всего историческую неизбежность их появления, объективную необходимость классового деления общества на определенной ступени его развития. Складывающиеся в истории отношения господства и подчинения оказываются для человечества, как это ни парадоксально, шагом вперед на пути к свободе, выражением постоянно действующей тенденции к освобождению людей из-под власти природной необходимости.

Рабство — самая бесчеловечная форма угнетения людей, но только оно создало условия для расцвета греческой культуры. «Без рабства, — писал Ф. Энгельс, — не было бы греческого го-

сударства, греческого искусства и греческой науки; без рабства не было бы и Римской империи. А без того фундамента, который был заложен Грецией и Римом, не было бы и современной Европы. Нам никогда не следовало бы забывать, что все наше экономическое, политическое и интеллектуальное развитие имеет своей предпосылкой такой строй, в котором рабство было в той же мере необходимо, в какой и общепризнано. В этом смысле мы вправе сказать: без античного рабства не было бы и современного социализма»⁴⁷.

«Нет ничего легче,— продолжает далее Ф. Энгельс,— как раздражаться целым потоком общих фраз по поводу рабства и т. п., изливая свой высоконравственный гнев на такие позорные явления... Но при этом мы ровным счетом ничего не узнаем относительно того, как возникли эти учреждения, почему они существовали и какую роль они сыграли в истории. И раз мы уже заговорили об этом, то должны сказать,— каким бы противоречием и ересью это ни казалось,— что введение рабства при тогдашних условиях было большим шагом вперед. Ведь нельзя отрицать того факта, что человек, бывший вначале зверем, нуждался для своего развития в варварских, почти зверских средствах, чтобы вырваться из варварского состояния»⁴⁸.

Поверхностный взгляд на историю обычно усматривает конечную причину человеческой несвободы в самом по себе факте насилия одних людей над другими, сильных над слабыми, обремененного в соответствующие политические институты. В действительности же причиной отсутствия свободы для большинства людей в классовом обществе является производительная слабость труда, заставляющая одних жертвовать своей свободой, чтобы выжить, а других пользоваться результатами чужого труда, чтобы быть свободными»⁴⁹.

Разумеется, никакое общество, в том числе и коммунистическое, не может освободить человека от необходимости трудиться с тем, чтобы сохранять и воспроизводить свою действительную жизнь. Подобную необходимость К. Маркс называл вечной естественной необходимостью человеческого существования. «С раз-

⁴⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 472—473.

⁴⁷ Там же, т. 20, с. 185—186.

⁴⁸ Там же, с. 186.

⁴⁹ «...Все до сих пор существовавшие в истории противоположности между эксплуатирующими и эксплуатируемыми, господствующими и угнетенными классами находят свое объяснение в той же относительно неразвитой производительности человеческого труда. До тех пор, пока действительно трудящееся население настолько поглощено своим необходимым трудом, что у него не остается времени для имеющих общее значение общественных дел — для руководства работами, ведения государственных дел, для отправления правосудия, занятия искусством, наукой и т. д., — до тех пор неизбежно было существование особого класса, который, будучи свободным от действительного труда, заведовал указанными делами...» (Там же, с. 187).

витием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности...»⁵⁰. Но, с другой стороны (об этом также писал К. Маркс), «царство свободы» начинается по ту сторону естественной необходимости, за ее пределами. Хотя «царство свободы» может быть основано лишь на базе естественной необходимости, предполагает ее, оно вместе с тем представляет собой как бы отвоєванную у необходимостн территории — то измеряемое свободным временем пространство, которое служит развитию самого человека в виде свободного и целостного существа.

История свидетельствует, что на протяжении многих веков своего существования люди боролись с природой, совершенствовали свои производительные силы не только для того, чтобы лучше есть, пить и одеваться: одновременно они боролись и против необходимости подчинять всю свою энергию, ум и дарования (а значит, и все свое время) тем видам труда, которые имели своей единственной целью удовлетворение этих, в общем-то еще весьма элементарных, потребностей, обусловленных их физической природой. Смыслом и целью их борьбы было отвоєвание права на свободу, на свободное развитие, обеспечиваемое, в частности, свободой от материальной нужды и необходимости трудиться во имя «хлеба насущного». Ибо только там, где труд есть средство материальной жизни, условие физического выживания, возникает ситуация, при которой человеческая свобода приносится в жертву естественной необходимости.

В ситуации, когда производительность труда еще неразвита, большинство же людей приковано к средствам своего труда, выступая их простым придатком, свобода оказывается привилегией небольшой части общества, достоянием и монополией господствующего класса. «В существовавших до сих пор суррогатах коллективности — в государстве и т. д. — личная свобода существовала только для индивидов, развившихся в рамках господствующего класса, и лишь постольку, поскольку они были индивидами этого класса»⁵¹. Личная свобода меньшинства достигалась ценой отрицания личности у большинства, их личного подчинения, осуществляемого, наряду с экономическими, и внеэкономическими средствами принуждения. Подобную организацию общества с его деспотическим строем В. И. Ленин образно называл «дисциплиной палки»⁵². Здесь важно отметить, что форма личной зависимости людей друг от друга является прямым, непосредственным выражением их зависимости от природы, их еще преимущественно естественно возникшими связями с условиями труда.

Лишь на ступени промышленного развития, постепенно подчиняющего себе земледелие, на первый план выходит зависимость человека в процессе труда от исторически возникших условий, от орудий производства, созданных цивилизацией, т. е. от результатов прошлого труда. В этой ситуации «исторически созданный элемент» получает значение всеобщего условия производства.

Соединяясь с таким элементом в процессе трудовой деятельности, человек оказывается непосредственно связанным с другими людьми не посредством естественно возникшей общности, а через прямой обмен деятельностью и ее результатами, прямое использование «чужой» деятельности в качестве вещественного элемента собственной деятельности.

Отношения между людьми в процессе производства, освобождаясь от связей личной зависимости, выступают тем самым исключительно в виде непосредственного следствия процесса труда, опосредуются трудом, являются его результатом. Но это означает, что и сам труд полностью преодолевает на данном этапе свою былую природную ограниченность, свою скованность чисто природными условиями.

В структуре материального производства, где исторически созданный элемент получает преобладающее значение, связь производящего индивида с природой обретает характер не естественного единства (непосредственной сращенности), а деятельного единства, обусловленного его трудовой деятельностью. Сама природа дана здесь человеку в виде совокупного результата человеческой деятельности, т. е. в общественно преобразованном виде. Поэтому и отношение между людьми по поводу природы предстает от начала и до конца как общественная связь. Вместе с тем особенность капитализма в качестве заключительной фазы предыстории состоит в том, что, до предела расширяя и развивая производительную силу труда, он в то же время превращает эту силу в средства универсального господства капитала над непосредственными производителями, в способ их тотального экономического подчинения интересам и целям собственников средств производства.

Необходимой предпосылкой возникновения капиталистического производства, как известно, выступает отделение производителя от средств производства, разрыв между объективными и субъективными условиями труда, до того находившимися в состоянии непосредственного единства. Субъективная способность к труду и объективные условия его осуществления (средства производства) оказываются полностью разъединенными между собой, разъединенными между двумя противостоящими друг другу классами — капиталистами и пролетариями. Противоположность между трудом и частной собственностью достигает классической простоты и ясности выражения.

В этой ситуации соединение труда со своими объективно-вещными предпосылками осуществляется путем купли и продажи рабочей силы, ее превращения в особого рода товар. Будучи куплена капиталистом на рынке, рабочая сила функционирует в про-

⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 387.

⁵¹ Там же, т. 3, с. 75.

⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 13.

цессе производства в качестве вещи, независимой от личности рабочего, т. е. в качестве производительной силы не рабочего, а капитала. Хотя рабочий в процессе труда и расходует собственную рабочую силу, он расходует ее так, как если бы она принадлежала не ему лично, являлась чужой силой. Иными словами, рабочий участвует в процессе производства не в виде личности, а в виде вещи; сама его деятельная субъективность предстает как чисто вещное условие производства. В этом и состоит «противоречие между личностью отдельного пролетария и трудом, этим навязанным ему жизненным условием...»⁵³.

Включая человека в процесс производства лишь в качестве вещи, капитализм придает человеческой деятельности и складывающимся на ее основе общественным отношениям характер вещной зависимости: общественные отношения предстают «не непосредственно общественными отношениями самих лиц в их труде, а, напротив, вещными отношениями лиц и общественными отношениями вещей»⁵⁴. Можно сказать, что и сам человек представлен при капитализме на всех уровнях своей общественной жизни в качестве извне манипулируемой вещи, т. е. не как самостоятельная и свободная личность. «Общественный характер деятельности, как и общественная форма продукта, как и участие индивида в производстве, выступает здесь как нечто чуждое индивидам, как нечто вещное; не как отношение индивидов друг к другу, а как их подчинение отношениям, существующим независимо от них и возникающим из столкновения безразличных индивидов друг с другом. Всеобщий обмен деятельностью и продуктами, ставший жизненным условием для каждого отдельного индивида, их взаимная связь представляются им самим как нечто чуждое, от них независимое, как некая вещь»⁵⁵.

Осуществляемый капитализмом полный и окончательный разрыв между трудом и его собственными объективными условиями, противопоставление их в виде наемной рабочей силы и капитала, являясь, с одной стороны, разложением всех прежних ограниченных форм соединения труда со средствами производства, с другой,— оказывается необходимой предпосылкой перехода к качественно новой и высшей форме их соединения, основанной уже на универсальном присвоении индивидами всей совокупности производительных сил. Это и есть тот пункт, где главный результат всего предысторического развития оказывается одновременно предпосылкой будущего развития, исходной основой подлинной истории. «Та крайняя форма отчуждения [*Entfremdung*], в которой, в рамках отношения между капиталом и наемным трудом, труд, производственная деятельность, выступает по отношению к своим собственным условиям и к своему собственному продукту, представляет собой необходимую промежуточную стадию и потому *an sich*, но только еще в превратной, поставленной на голову форме, уже содержит в себе разложение всех ограниченных предпосылок производства и даже больше того — создает и устанавливает безусловные предпосылки производства, а значит

и всю полноту материальных условий для целостного, универсального развития производительных сил индивида»⁵⁶.

С точки зрения перехода от предыстории к подлинной истории методологически важным оказывается такой анализ капитализма, который позволяет понять его именно как необходимую промежуточную стадию, завершающую всю предшествующую историю и заключающую в себе основу последующей истории. Подобный подход к анализу капитализма составляет суть исторического метода К. Маркса, примененного им к исследованию категорий политической экономии. Он позволяет раскрыть особый и преходящий характер настоящего (в данном случае — капиталистической экономики), характер прошлого, содержащего в себе предпосылки настоящего, и характер будущего, предпосылки которого зреют в настоящем. «...Наш метод,— писал К. Маркс, разъясняя особенность своего подхода к анализу капиталистической экономики,— показывает те пункты, где должно быть включено историческое рассмотрение предмета, т. е. те пункты, где буржуазная экономика, являющаяся всего лишь исторической формой процесса производства, содержит выходящие за ее пределы указания на более ранние исторические способы производства... Эти указания наряду с правильным пониманием современности дадут в таком случае также и ключ к пониманию прошлого... С другой стороны, это правильное рассмотрение приводит к пунктам, где намечается уничтожение современной формы производственных отношений и в результате этого вырисовываются первые шаги преобразующего движения по направлению к будущему. Если, с одной стороны, добуржуазные фазы являются *только лишь историческими*, т. е. уже устраненными предпосылками, то современные условия производства выступают как *устраняющие самих себя*, а потому — как такие условия производства, которые полагают *исторические предпосылки* для нового общественного строя»⁵⁷.

Итак, капитализм — устранение всех предпосылок предшествующего (добуржуазного) развития, которое осуществляется путем полного и окончательного разрыва между непосредственными производителями и объективными условиями их труда, между трудом и частной собственностью. В этих условиях производительные силы, освобожденные от своей непосредственной сращенности с производителями, как бы вырываются на простор и получают возможность дальнейшего развития. Именно на стадии капитализма впервые создаются условия для универсального обмена деятельностью между людьми в процессе производства, универсального присвоения ими сил природы в качестве сил чело-

⁵³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 78.

⁵⁴ Там же, т. 23, с. 83.

⁵⁵ Там же, т. 46, ч. I, с. 100.

⁵⁶ Там же, с. 508.

⁵⁷ Там же, с. 449.

веческого труда. Подчиняя себе процесс производства, капитал оказывает революционизирующее воздействие на весь старый образ жизни и образ мысли людей, взрывает традиционный, архаический и локальный характер предшествующих способов производства.

Испытываемая капиталом потребность в постоянном расширении своих собственных границ, предполагающая всестороннее развитие общественного производства, распределения, обмена и потребления жизненных средств, оказывается в конечном счете проявлением более общей исторической тенденции — тенденции к универсализации общественного бытия человека и, следовательно, самого человека. Именно при капитализме впервые создаются объективные предпосылки для формирования человека с богатыми и развитыми общественными свойствами, способного вступать в многообразные связи с окружающей природой и другими людьми. С этой стороны капитализм и выступает в качестве такого экономического строя, который создает одновременно и предпосылки для будущего развития.

Вместе с тем отмеченная тенденция отнюдь не укладывается в рамки капиталистического развития и не исчерпывается этим развитием; она лишь впервые дает о себе знать в эпоху капитализма, причем выступает здесь скорее в виде идеально полагаемой нормы, чем в виде реального состояния. Стремление капитала к универсализации, к преодолению всех и всяческих границ, накладываемых на человека старыми ограниченными условиями производства, наталкивается на препятствия, порожденные самой же природой капитала. В результате «капиталистическое производство движется в противоречиях, которые постоянно преодолеваются, но столь же постоянно полагаются»⁵⁸.

Можно сказать, что процесс универсализации человеческих сил и отношений выступает при капитализме в виде лишь идеальной и никогда до конца не реализуемой тенденции. Главным препятствием на пути полного осуществления этой тенденции оказывается отрыв общественно развившихся условий труда от самого человека, от массы непосредственных производителей, наемных рабочих, лишаящий их возможности (при наличии уже имеющихся предпосылок) сколько-нибудь целостного и всестороннего развития. «...Все успехи цивилизации, или, другими словами, всякое увеличение общественных производительных сил, если угодно, *производительных сил самого труда*... обогащают не рабочего, а *капитал*; следовательно, только еще более увеличивают ту силу, которая господствует над трудом; лишь умножают производительную силу капитала»⁵⁹. Вот почему последовательное и полное осуществление отмеченной тенденции предполагает в конечном счете устранение и ниспровержение капиталистической системы отношений. «Та универсальность, к которой неудержимо стремится капитал, находит в его собственной природе такие границы, которые на определенной ступени капиталистического развития заставят осознать, что самым большим пределом для этой

тенденции является сам капитал, и которые поэтому будут влечь людей к уничтожению капитала посредством самого капитала»⁶⁰.

Всеобщий, универсальный характер общественных производительных сил и отношений между людьми, создаваемый на базе капитализма, и является необходимой материальной предпосылкой для перехода к подлинно человеческой форме существования людей в обществе, для создания бесклассового общества. То, что на стадии предистории, на стадии капитализма, выступает как универсальное развитие отношений вещной зависимости, на стадии коммунизма предстает как универсальное развитие самого человека, подлинно человеческих отношений.

В реальном историческом движении подобный переход осуществляется, конечно, не в виде простой логической смены принципов. Он принимает характер революционного процесса смены одного общественного устройства другим. Реальным субъектом этого процесса, субъектом коммунистической революции, выступает рабочий класс. Осуществляя в своей революционной деятельности переход к подлинной человеческой истории, рабочий класс с самого начала выступает общественной силой, имеющей не узко ограниченное (местное или национальное), а общечеловеческое, всемирно-историческое значение. Всемирные масштабы истории, в условиях которых возникает и действует рабочий класс, определяют в конечном счете и масштабы его собственной революционно-преобразовательной деятельности.

3. Всемирность исторического процесса как предпосылка перехода к подлинной истории

Анализ капитализма в виде заключительной ступени предистории позволил основоположникам марксизма-ленинизма сделать вывод, что именно на этой ступени история превращается во всемирную историю и что подобное превращение становится необходимой предпосылкой перехода человечества к подлинной истории. Всемирность истории и ее подлинность оказываются, таким образом, внутренне взаимосвязанными и последовательно выявляющими себя сторонами исторического движения.

Уже в «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс констатировали, что «история становится всемирной историей»⁶¹ в результате всего предшествующего развития. Согласно их определению, всемирность истории означает «уничтожение первоначальной замкнутости отдельных национальностей», расширение их общения вплоть до разделения труда между различными нациями⁶². Всемирность — это всесторонняя зависимость народов и

⁵⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 387.

⁵⁹ Там же, с. 261.

⁶⁰ Там же, с. 387.

⁶¹ Там же, т. 3, с. 45.

⁶² См.: Там же.

стран друг от друга, благодаря которой люди различных наций «вступают в практическую связь с производством (также и духовным) всего мира и для них становится возможным приобрести способность пользоваться этим всесторонним производством всего земного шара (всем тем, что создано людьми)»⁶³. Основой такого превращения истории во всемирную является развитие материального производства, производительных сил общества. Не «самосознание», а крупная промышленность сделала конкуренцию универсальной, «создала средства сообщения и современный мировой рынок»⁶⁴, «она впервые создала всемирную историю, поскольку поставила удовлетворение потребностей каждой цивилизованной страны и каждого индивида в ней в зависимость от всего мира и поскольку уничтожила прежнюю, естественно сложившуюся обособленность отдельных стран»⁶⁵.

Наиболее четкое выражение идея всемирности исторического процесса получила в «Манифесте Коммунистической партии». «Национальная обособленность и противоположности народов,— говорится в нем,— все более и более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком, с единообразием промышленного производства и соответствующих ему условий жизни»⁶⁶. «Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим. К великому огорчению реакционеров она вырвала из-под ног промышленности национальную почву»⁶⁷. В результате «на смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга»⁶⁸.

Анализ всемирности истории осуществляется в трудах основоположников марксизма-ленинизма в двух тесно связанных между собой направлениях. С одной стороны, они ставят своей задачей раскрыть общетеоретическое содержание самого явления всемирности в человеческой истории, с другой — выявить и исследовать конкретные формы ее проявления и осуществления на отдельных этапах истории. Вместе с тем понятие всемирности истории служит для них важнейшим средством объяснения сущности капитализма, его роли и исторической ограниченности в общемировом процессе. Без использования данного понятия невозможно выяснить главное — необходимость и неизбежность преобразования капиталистического общества в коммунистическое, закономерности перехода от предыстории к подлинной истории.

К. Маркс обращал внимание на то, что наиболее развитой формой буржуазных производственных отношений является «форма мирового рынка» и что «дисгармонии мирового рынка являются лишь последним адекватным выражением тех дисгармоний, которые фиксируются, как абстрактные отношения, в экономических категориях и которые в своем минимальном масштабе обладают тем или иным локальным существованием»⁶⁹. Лишь на мировом рынке «экономические отношения предстают... в их

истине»⁷⁰. Поэтому для К. Маркса буржуазное общество — это всемирное, универсальное явление, а национальные экономические хозяйственные системы — «национально обособленные составные части буржуазного общества»⁷¹. В создании рынка это общество находит свое завершение, свою адекватную форму, именно здесь наиболее ярко раскрывается подлинная природа капитализма.

Отсюда понятна и намечаемая К. Марксом во «Введении» к первому черновому наброску будущего «Капитала» логика исследования капиталистических производственных отношений: анализ меновой стоимости, денег, цены — первый раздел; внутренняя структура производства — второй раздел; концентрированное выражение буржуазного общества в государстве — третий раздел; международные экономические отношения — четвертый; мировой рынок — заключение, «в котором производство, а также и каждый из его моментов, положено как совокупное целое, но в котором вместе с тем разворачиваются все противоречия»⁷². Мировой рынок, таким образом, не внешняя, не случайная для капитала форма, а необходимый результат разворачивания противоречий, изначально присущих капиталу. «Тенденция к созданию *мирового рынка*, — подчеркивал К. Маркс, — дана непосредственно в самом понятии капитала»⁷³.

Необходимость выхода за национальные рамки коренится уже в наиболее простой и исторически первой форме прибавочной стоимости — абсолютной прибавочной стоимости. «Создание капиталом *абсолютной прибавочной стоимости* — создание большего количества овеществленного труда — имеет своим условием то, что круг обращения расширяется, и притом расширяется постоянно. Созданная в одном пункте *прибавочная стоимость* требует, чтобы в *другом* пункте была создана другая прибавочная стоимость, на которую могла бы быть обменена первая... Поэтому условием производства, основанного на капитале, является *создание все расширяющегося круга обращения*...»⁷⁴, что «au fond* ...означает тенденцию повсюду распространять основанное на капитале производство, или соответствующий капиталу способ производства»⁷⁵.

⁶³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 36.

⁶⁴ Там же, с. 60.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же, т. 4, с. 444.

⁶⁷ Там же, с. 427.

⁶⁸ Там же, с. 428.

⁶⁹ Там же, т. 46, ч. I, с. 7.

⁷⁰ Там же, с. 8.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же, с. 173.

⁷³ Там же, с. 385.

⁷⁴ Там же, с. 384.

* по существу. — *Ред.*

⁷⁵ Там же, с. 384—385.

Создание абсолютной прибавочной стоимости характеризует процесс расширения круга обращения преимущественно с количественной стороны. Но у данного процесса есть и качественная сторона: она связана с производством относительной прибавочной стоимости. Ясно, что продукты, производимые на вновь открытых пунктах производства, должны быть как-то потреблены. Следовательно, круг потребления должен расширяться. В первом случае (при производстве абсолютной прибавочной стоимости) такое расширение происходит за счет увеличения числа потребителей (капиталистов, открывающих новые предприятия, и рабочих, работающих на этих предприятиях). Во втором же случае (при производстве относительной прибавочной стоимости) круг потребителей количественно не растет. Его расширение происходит путем создания «новых потребностей», — отмечает К. Маркс, — путем распространения уже существующих потребностей в более широком кругу», для чего, в свою очередь, необходимо «производство *новых* потребностей, открытие и создание новых потребительных стоимостей» ⁷⁶.

В открытии и создании новых потребительных стоимостей содержится важнейшая предпосылка перехода человечества к универсальности и всесторонности своего развития. «Иными словами, — резюмирует К. Маркс, — это означает, что полученный прибавочный труд не остается всего лишь количественной добавкой, но что тут вместе с тем постоянно увеличивается круг качественно различных видов труда (тем самым и прибавочного труда), что этот круг делается все многообразнее и становится все более дифференцированным внутри самого себя» ⁷⁷. И дальше: «Стало быть, [предполагается] исследование всей природы с тем, чтобы открыть новые полезные свойства вещей; универсальный обмен продуктами всех чужих друг для друга климатов и стран; новые виды обработки (искусственной) природных предметов, посредством которой им придается новая потребительная стоимость... всестороннее исследование земных недр, имеющее целью как открытие новых полезных ископаемых, так и выявление новых полезных свойств старых ископаемых, например новых их свойств как источников сырья и т. д.; отсюда развитие естествознания до наивысшей точки; точно так же открытие, создание и удовлетворение новых потребностей, порождаемых самим обществом» ⁷⁸.

Создаваемая капитализмом всемирность исторического развития есть важнейшая предпосылка перехода от капиталистического типа общества к коммунистическому, основанному на всестороннем и универсальном развитии человеческой личности. Отсюда цивилизирующее влияние капитала, создание им такой исторической ступени, по сравнению с которой все прежние выступают всего лишь «как *локальное развитие* человечества» ⁷⁹. Соответственно данной тенденции капитал преодолевает национальную ограниченность и национальные предрассудки, обожествление природы, традиционное, замкнутое в определенных границах удовлетворение существующих потребностей и воспроизводство

старого образа жизни. «Капитал разрушителен по отношению ко всему этому, он постоянно все это революционизирует, сокрушает все преграды, которые тормозят развитие производительных сил, расширение потребностей, многообразие производства, эксплуатацию природных и духовных сил и обмен ими»⁸⁰.

Развитие тенденций, связанных с процессом «космополитизации» капитала, сталкивается, однако, с существующими во многих странах докапиталистическими производственными отношениями. В результате рождаются своеобразные и изменчивые формы мировых хозяйственных связей, ставшие предметом пристального внимания К. Маркса на протяжении всей его деятельности. Остановимся на некоторых узловых моментах данной проблемы, концентрированно выражающей одну из принципиальных предпосылок превращения предистории в подлинную историю.

Еще накануне революции 1848 г. К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали развитие капитализма как его неуклонно нарастающее, неудержимое распространение на все без исключения страны мира. «Под страхом гибели заставляет она **** все нации** принять буржуазный способ производства, заставляет их вводить у себя так называемую цивилизацию, т. е. становиться буржуа»⁸¹. Буржуазия создавала себе мир по своему образу и подобию. Она превращала его как бы в единую капиталистическую «нацию», состоящую из тесно связанных между собой, похожих друг на друга частей. Такое представление господствовало во всех предреволюционных (до 1848 г.) работах К. Маркса и Ф. Энгельса. Оно лежит в основе сделанного ими накануне революции вывода: «...коммунистическая революция будет не только национальной, но произойдет одновременно во всех цивилизованных странах...»⁸².

Революция 1848 г. подтвердила важнейшие положения «Манифеста Коммунистической партии» о сущности исторического процесса, о главных противоречиях буржуазного общества, об исто-

⁷⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 385.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же, с. 386.

⁷⁹ Там же, с. 387.

⁸⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 387. Здесь мы видим развитие той мысли, которая была высказана К. Марксом и Ф. Энгельсом еще в «Немецкой идеологии»: «...освобождение каждого отдельного индивида совершится в той же самой мере, в какой история полностью превратится во всемирную историю». И далее: «Всесторонняя зависимость, эта стихийно * сложившаяся форма всемирно-исторической совместной деятельности индивидов, превращается благодаря коммунистической революции в контроль и сознательное господство над силами, которые, будучи порождены воздействием людей друг на друга, до сих пор казались им совершенно чуждыми силами и в качестве таковых господствовали над ними» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 36).

* при капитализме. — Авт.

** буржуазия. — Авт.

⁸¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 428.

⁸² Там же, с. 334.

рической миссии рабочего класса и др. Революция показала также, что капитализм действительно захватывает все большее число стран, порождая в них сходные социальные конфликты. Но одновременно она показала и другое: мировое распространение капитализма — процесс длительный и сложный, вызывающий в различных странах специфические экономические и политические проблемы. Реально существующие различия между странами — даже в масштабе европейского региона, — которые капитализм связывает в единую систему мирового рынка, накладывает существенный отпечаток на весь ход и характер мирового революционного процесса.

В конце 1848 г. механизм осуществления социальной революции представлялся К. Марксу более сложным, нежели одновременная победа пролетариата во всех цивилизованных странах. Вот как в этот момент он прогнозировал ее ступени и возможную последовательность: 1. Революцию начнет рабочий класс Франции. 2. Капиталистическая Англия попытается сокрушить победоносное восстание французского рабочего класса, используя не только свою мировую промышленную и торговую гегемонию, но и свои вооруженные силы. 3. В результате начнется европейская война. На стороне Франции будут все угнетенные народы и прогрессивные классы Европы, на стороне Англии — контрреволюционные армии. Но всякая европейская война, в которой замешана Англия, есть мировая война. Она будет «вестись в Канаде и Италии, в Ост-Индии и Пруссии, в Африке и на Дунае». Ее наиболее вероятный исход, считал К. Маркс, в том, что «старая Англия будет сокрушена... *мировой войной*, которая одна только может предоставить чартистской партии, организованной английской рабочей партии, условия для победоносного восстания против своих могущественных угнетателей»⁸³.

Это уже не просто «одновременно» и «сразу». Революционный процесс трактуется здесь в виде чрезвычайно сложной системы взаимодействия весьма различных по своему содержанию движений. В его разворачивании вырастает значение угнетенных наций, которые благодаря глубине и остроте своих социальных противоречий могут сыграть роль искры во всеевропейском пожаре. «В конечностях буржуазного организма * насильственные потрясения естественно должны происходить раньше, чем в его сердце, где возможностей компенсирования больше. С другой стороны, степень воздействия континентальных революций на Англию вместе с тем является барометром, показывающим, в какой мере эти революции действительно ставят под вопрос условия существования буржуазного строя и в какой мере они касаются только его политических образований»⁸⁴.

Хотя конфликты в «конечностях буржуазного организма» и «его сердце» в большей или меньшей степени различны, разрешение их тем не менее взаимообусловлено. Отныне, как отмечает К. Маркс, судьба национальных революций в Польше, Италии, Венгрии «поставлена в зависимость от судьбы пролетарской рево-

люции, исчезла их кажущаяся самостоятельность и независимость от великого социального переворота». И далее: «Ни венгр, ни поляк, ни итальянец не будут свободны, пока рабочий ** остается рабом!»⁸⁵.

Понятие «всемирности» исторического процесса получило дальнейшую разработку в исследованиях К. Маркса и Ф. Энгельса 50—60-х годов. Анализируя обстоятельства спада революционной напряженности в Европе в 50-е годы, они среди главных его причин называли расширение всемирных экономических связей. Новые большие рынки, железные дороги, океанские пароходы, Индия, Китай, Калифорния, Австралия — вот новые факторы общественного развития мира. Мир становится шире! — подчеркивал К. Маркс. В результате острая внутренняя напряженность «малого» мира, назревшие и готовые вот-вот разрешиться социальные конфликты несколько смягчаются, отодвигаются вглубь. Должно пройти время, пока включившиеся в единый всемирно-исторический процесс страны и материки дорастут до уровня конфликтов современности, пока будут исчерпаны новые источники расширения и процветания промышленного капиталистического производства.

Перед марксистской теорией встали новые вопросы, связанные с выяснением механизма взаимодействия стран, стоящих на разных уровнях экономического развития (например, Англия — Индия), в частности проблема своеобразия развития стран, позже других выходящих на арену исторического действия в условиях растущего единства мирового рынка и крепнущих мировых связей. Наиболее полно эта проблема рассматривается в статьях К. Маркса об Индии, написанных в 1853 г.: «Британское владычество в Индии», «Ост-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности», «Будущие результаты британского владычества в Индии», а также в письме Ф. Энгельса к К. Марксу от 6 июля 1853 г.

Для К. Маркса становится очевидным, что человечество не сможет «выполнить свое назначение без коренной революции в социальных условиях Азии»⁸⁶. Мощные внешние силы, приводимые в движение капиталом, врываются в медленно плетущуюся ткань национального бытия азиатских народов. Характер данного воздействия, порождаемые им перспективы общественного развития становятся объектом его пристального изучения. Первое, что констатирует К. Маркс, — это «отрицательная» работа европейского (английского) капитализма, разрушающего все формировавшиеся веками внутренние связи, на которых держалась система общественной жизни в Индии. К таким связям следует

⁸³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 160.

* т. е. периферии Европы. — *Авт.*

⁸⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 100.

** развитых стран Европы. — *Авт.*

⁸⁵ Там же, с. 31.

⁸⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 9, с. 136.

отнести, во-первых, связи между центральным правительством, ведающим общими, в первую очередь ирригационными, работами и общиной и, во-вторых, между земледельческим и ремесленным трудом, замкнутым в отдельных общинах, рассеянных по всей территории огромной страны, и не выходящим за пределы этих маленьких социальных образований. Оба указанных вида связей были уничтожены британским капитализмом. Было ликвидировано «ведомство общественных работ» и тем самым разорваны главные связи сферы экономической жизни общества: «правительство — община». А затем, в результате вытеснения английскими хлопчатобумажными товарами индийских, были разрушены патриархальные связи внутри индийской общины и тем самым взорвана ее замкнутость.

С одной стороны, указанный процесс носил несомненно прогрессивный характер. Однако, с другой стороны, разрушив вековые устои индийского общества, британское владычество не смогло утвердить здесь новую структуру, новое направление развития, новую жизнь. Старое разрушено, нового нет. В этом состояла трагедия индийского народа. Ведь как ни застойно было старое, оно — функционирующая живая система: уровень производительных сил соответствовал типу работника, его развитости, характеру общественных отношений общины. Теперь же община не могла функционировать, ибо оказалось заброшенным ведомство «общественных работ», нарушено водоснабжение и, следовательно, земледелие, разорены кустарни и разрушена местная промышленность.

Введение сильнодействующего средства — высокоразвитой техники — в ткань отсталой национальной экономики может, таким образом, не только не ускорить развитие отсталой страны, но и в силу социальной несовместимости поставить ее на грань распада. Чрезмерная лекарственная доза, разрушающая организм! Эту острую историческую ситуацию фиксирует К. Маркс в известном афоризме: «Потеря старого мира без приобретения нового...»⁸⁷. Суть проблемы, поставленной К. Марксом, состоит в том, как соединить два полюса исторического развития — национальный и мировой, при условии, что оба они разного уровня, что они не соединяются сами между собой, а могут быть объединены лишь посредством целенаправленной и планомерной человеческой деятельности. В ходе такого соединения (в силу огромной разности потенциалов полюсов) возникает гигантское напряжение. И если процесс соединения происходит в условиях, когда никто из власть имущих не заботится о смягчении, уменьшении социального напряжения через цель глубоко продуманных переходов, то тогда он неминуемо оплачивается страданием и гибелью огромных масс людей, втянутых в него.

Так и было в Индии. Соединение полюсов — национального и мирового — происходило здесь не путем продуманных, последовательных и постепенных мер, а варварским, бесчеловечным образом. «Опустошительное действие английской промышленности на Индию... совершенно очевидно, и оно ужасно»⁸⁸. Этот путь —

органическое следствие буржуазного способа производства, буржуазного отношения к миру: к миру природы и миру людей. «Разве она * когда-нибудь достигала прогресса, не заставляя как отдельных людей, так и целые народы идти тяжким путем крови и грязи, нищеты и унижений?»⁸⁹.

Свое исследование соотношения национального и мирового на заключительном этапе предыстории К. Маркс заканчивает следующим выводом: история стала всемирной историей, всемирность — важнейший показатель зрелости общественных отношений, важнейшее условие гибели старого и рождения нового мира. «Буржуазный период истории призван создать материальный базис нового мира: с одной стороны, развить мировые сношения, основанные на взаимной зависимости всего человечества, а также и средства этих сношений; с другой стороны — развить производительные силы человека и обеспечить превращение материального производства в господство при помощи науки над силами природы»⁹⁰. И знаменательный финал: «Лишь после того как великая социальная революция овладеет достижениями буржуазной эпохи, мировым рынком и современными производительными силами и подчинит их общему контролю наиболее передовых народов, — лишь тогда человеческий прогресс перестанет уподобляться тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых»⁹¹.

Если характер развития домонополистического капитализма дал возможность К. Марксу и Ф. Энгельсу сформулировать положения о всемирности исторического процесса лишь в самой общей форме, то практика капиталистического развития на этапе империализма позволила раскрыть данную тенденцию в наиболее полном и всестороннем виде. Эту задачу выполнил В. И. Ленин. В своем классическом труде «Империализм, как высшая стадия капитализма» В. И. Ленин с самого начала включил в анализ современного ему капитализма факторы, от которых К. Маркс в первых томах «Капитала» вынужден был абстрагироваться, а именно международную торговлю, мировой рынок, международное разделение труда и т. д. Монополии, быстро освоив и разделив между собой внутренний рынок, выходят за национальные рамки, образуя международные корпорации. Создается «новая ступень всемирной концентрации капитала и производства, несравненно более высокая, чем предыдущие»⁹².

Всемирность — это существенный, атрибутивный признак империализма, от которого нельзя абстрагироваться, не потеряв сам объект исследования. В условиях империализма становится

⁸⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 9, с. 132.

⁸⁸ Там же, с. 229.

* буржуазия. — Авт.

⁸⁹ Там же, с. 228.

⁹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 9, с. 230.

⁹¹ Там же.

⁹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 364—365.

особенно очевидным, что капитализм развивается не путем превращения всех в «единую капиталистическую нацию», а путем подчинения слабых наций сильным, путем национального угнетения и подавления слаборазвитых народов. Существенным признаком империализма является деление мира на принципиально «разные» нации — нации угнетающие и угнетенные. Империализм означает выделение немногих государств, обладающих финансовой мощью. Разделение наций на угнетающие и угнетенные «составляет *суть* империализма», потому что он есть «эксплуатация все большего числа маленьких или слабых наций»⁹³.

Налицо — новая и чрезвычайно важная особенность мирового исторического развития на заключительном этапе предыстории. Здесь источник многих характерных для «новейшей стадии капитализма» противоречий. Главное — мир становится все более единым («весь мир сливается в один хозяйственный организм») ⁹⁴ и вместе с тем — все более противоречивым. Внутренние конфликты отдельных стран можно понять теперь лишь в контексте мировой системы экономического, социального, политического и духовного развития.

Если попытаться представить экономическое лицо мира в целом, то, очевидно (применительно к завершению предыстории), о нем можно сказать примерно то же, что В. И. Ленин говорил о России: «...новейший капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических»⁹⁵. Причем «оплетенность» эта столь тесная, что вне взаимовлияния новейшего капитализма и докапиталистических форм невозможно понять ни то, ни другое. Само центральное противоречие эпохи — противоречие наемного труда и капитала — не может быть в полной мере понято вне учета противоречий, возникающих на границе взаимодействия новейших капиталистических и докапиталистических отношений.

Факт усиления в эпоху империализма взаимозависимости общественных процессов, происходящих в разных странах, выдвигает перед марксистско-ленинской теорией ряд новых, чрезвычайно важных проблем, а также требует осмысления прежних проблем в более широком и сложном контексте. Возьмем, к примеру, центральный конфликт эпохи — противоречие наемного труда и капитала. В XIX в. этот конфликт в развитых капиталистических странах имел довольно прозрачные и ясные формы: общество распадалось на два класса — буржуа и рабочих, капиталу противостоял наемный труд, капиталисту — пролетарий. В XX в., в условиях империализма, происходит усложнение фронта, противостоящего капиталу, усложнение системы классовых отношений и противоречий. В частности, здесь несколько иначе придется охарактеризовать социальную значимость, историческую роль и перспективу борьбы ряда непролетарских классов и социальных слоев.

Трудность задачи, стоящей перед марксистско-ленинской теорией и революционной практикой, и состоит в осознании и об-

общении того ценного, прогрессивного, что есть во всех этих движениях, в соединении всех типов социальных протестов в один протест, всех типов социальных движений, стремящихся к разным целям и совпадающих лишь частично, в одно движение, имеющее единую цель — освобождение человека от угнетения и эксплуатации. В этом — одна из главных проблем и одна из главных трудностей развертывания мирового революционного движения XX в.

В новых исторических условиях изменился сам подход к вопросу о социальной революции пролетариата, изменилась сама ее схема. Исходя из закона неравномерности экономического и политического развития капитализма в эпоху империализма, В. И. Ленин сделал выдающееся научное открытие: обосновал и сформулировал вывод о возможности прорыва цепи мирового империализма в ее наиболее слабом, уязвимом звене, вывод о возможности победы «социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране»⁹⁶ и невозможности победы социализма «одновременно во всех странах»⁹⁷. Вряд ли можно переоценить историческое значение этого вывода. Великая Октябрьская социалистическая революция в России стала самым знаменательным событием XX в. В развитии человечества возникла новая историческая точка отсчета.

В современных условиях глобального противостояния двух противоположных общественных систем значение фактора всемирности исторического процесса неизмеримо возросло. «Человечество, — говорится в Документе международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 года, — вступило в последнюю треть нашего столетия в обстановке обострения исторического противоборства сил прогресса и реакции, социализма и империализма. Ареной этого противоборства является весь мир, все основ-

⁹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 422, 63.

⁹⁴ Там же, т. 26, с. 282.

⁹⁵ Там же, т. 27, с. 378. Давно уже подмечено нашими историками и экономистами, что Россия в силу своего «срединного» положения между цивилизованной Европой и слабо развитой Азией была своего рода моделью всего мирового хозяйства. Это, кстати, еще одна, нередко упускаемая из виду, причина того, что разрешение многих российских социально-революционных проблем имело прямое международное, всемирное, а не только специфически российское значение. Именно поэтому анализ русских общественных отношений, осуществленный В. И. Лениным в произведениях 1890—1900-х годов, был прологом грандиозной работы по анализу мировых производственных отношений, проведенной В. И. Лениным в 1914—1917 гг. Вот почему для глубокого и всестороннего уяснения таких важнейших проблем революционной теории XX в., как отношения демократии и социалистических движений, необходимо в полной мере учитывать все работы В. И. Ленина, посвященные вопросам соединения пролетарской борьбы с крестьянским движением, социалистической борьбы промышленных центров России с демократическими движениями национальных окраин.

⁹⁶ Там же, т. 26, с. 354.

⁹⁷ Там же, т. 30, с. 133.

ные области общественной жизни — экономика, политика, идеология, культура»⁹⁸.

В силу этого, какую бы страну или систему стран современного мира мы ни взяли, нельзя понять перспектив их развития, если в полном объеме не учитывать фактор всемирности. Причем важно подчеркнуть, что речь идет отнюдь не о том, чтобы рассматривать мировое развитие как некий внешний фактор, корректирующий и лишь несколько модифицирующий национальные проблемы. В современных условиях мировое развитие выступает по отношению к национальному не в виде лишь своеобразного внешнего фона, оно в полной мере стало внутренней всепроникающей «материей». Всемирное органически входит в сам фундамент национальных коллизий и противоречий и движется и развивается вместе с ними. Национальные и региональные проблемы могут быть до конца поняты сейчас только в виде части более общих проблем всемирного развития. В наши дни, как никогда раньше, звучат слова В. И. Ленина: «...мы живем не только в отдельных государствах, но и в известной *системе* государств...»⁹⁹

Сложная система мировых общественных противоречий обуславливает и сложную картину классовых битв. Революционное движение современности становится одновременно и более разнообразным и более целостным. Разнообразным, ибо родились десятки новых государств, революционные силы которых ведут напряженную борьбу за социалистическую ориентацию, некапиталистический путь развития, настоятельно ищут свои специфические формы ускорения общественного прогресса. Целостным, ибо возрастает всесторонняя зависимость стран и народов друг от друга и соответственно — взаимообусловленность форм и методов решения ими социальных проблем. Вместе с тем рубеж исторических эпох уже пройден человечеством. Используя образное выражение К. Маркса, можно сказать: пробил час капиталистической всемирности исторического процесса. Современная эпоха — эпоха начала подлинной истории.

⁹⁸ Международное Совецание коммунистических и рабочих партий: Документы и материалы. М., 1969, с. 286.

⁹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 370.

КОММУНИЗМ — ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

1. Начало подлинной истории

Переход человечества от предыстории к подлинной истории¹ означает глубочайшее изменение в самом характере общественного развития. Прежде всего, подчеркнем еще раз, кладется конец такому состоянию, когда поступательное развитие общества могло осуществляться «только ценой величайшего ущерба, наносимого развитию каждого индивида»², шло «за счет большинства человеческих индивидов и даже целых человеческих классов»³. В отличие от всех предшествующих этапов исторического процесса подлинная история должна обеспечивать такое развитие всего человечества, которое «в конце концов... совпадет с развитием каждого отдельного индивида»⁴. От антагонистических форм общественного производства, антагонистических производственных отношений, связанных с частной собственностью на средства производства, осуществляется переход к отношениям, основанным на общественной собственности, устраняющей все виды эксплуатации и порабощения человека человеком.

Начало подлинной истории знаменуется также и тем, что прекращается отчуждение человеческого труда, его опредмеченных результатов и самих общественных отношений от их создателей и носителей, превращение их в господствующие над ними чуждые силы. Уничтожаются не только различные формы личной зависимости, но и специфичной для капитализма вещной зависимости, открывается простор свободной индивидуальности, основанной «на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние»⁵.

Хотя единичные и даже групповые трудовые акты на всех ступенях развития общества контролировались сознанием и носили целесообразный характер, процесс общественного производст-

¹ «Буржуазный период истории, — писал К. Маркс, — призван создать материальный базис нового мира: с одной стороны, развить мировые сношения, основанные на взаимной зависимости всего человечества, а также и средства этих сношений; с другой стороны — развить производительные силы человека и обеспечить превращение материального производства в господство при помощи науки над силами природы» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 9, с. 230).

² Там же, т. 47, с. 186; см. также: т. 25, ч. I, с. 101.

³ Там же, т. 26, ч. II, с. 123; см. также: т. 3, с. 433.

⁴ Там же.

⁵ Там же, т. 46, ч. I, с. 101.

ва в целом, законы, им управляющие, осуществлялись в рамках предыстории человечества стихийно. Планомерная регуляция производства в масштабах общества была принципиально невозможной и в силу подавленности человека природной стихией и затем — в еще большей мере — в силу антагонизма классовых интересов. Необходимость развития общественного производства и общества в целом господствовала над людьми как слепая сила. Это было, по выражению К. Маркса и Ф. Энгельса, «царством необходимости», где человек не был свободен. Ибо свобода, если употреблять это понятие в его социальном и в то же время универсальном (не только гносеологическом) смысле, означает «господство человека над природными и социальными условиями своей жизнедеятельности в главнейших сферах ее проявления»⁶. Переход к подлинной истории — это и есть «скачок человечества из царства необходимости в царство свободы»⁷.

Разъясняя научное понимание коммунистического «царства свободы», К. Маркс подчеркивал, что его неперменным базисом будет оставаться «царство необходимости», т. е. процесс производства материальных средств жизни. Но если в докоммунистических формациях материальное производство осуществляется в антагонистических общественных формах, «диктуемых пущдой и внешней целесообразностью», то в условиях коммунистической формации оно освобождается от антагонистических форм. Здесь «коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей»⁸. Истинное царство свободы, расцветающее на царстве необходимости, как на своем базисе, начинается «по ту сторону его» и представляет собой «развитие человеческих сил, которое является самоцелью»⁹.

Выделяя самое существенное, можно сказать, что переход от предыстории человечества к его подлинной истории есть переход от стихийных и антагонистических общественных форм исторического процесса к планомерному производству свободными от эксплуатации и угнетения людьми своей общественной жизни. «То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей»¹⁰. Общество становится ассоциацией «сознательных и объединенных работников, не знающих над собой никакого ига и никакой власти, кроме власти их собственно-го объединения»¹¹.

Весьма важным выводом марксизма-ленинизма, полностью подтвержденным последующей общественно-исторической практикой, стал вывод о том, что сам переход от предыстории к истории, от стихийного развития к развитию планомерному представляет

собой, по выражению К. Маркса, сознательное переустройство человеческого общества¹². Такое переустройство и есть социалистическая революция. Еще К. Маркс и Ф. Энгельс, учитывая тенденцию все более тесного переплетения экономических и политических связей между капиталистическими странами во всемирном масштабе, предвидели, что социалистическая революция независимо от того, где она начнется, разовьется в общеевропейский, а затем и в мировой революционный процесс. «...Ни французам, ни немцам, ни англичанам, никому из них в отдельности, не будет принадлежать слава уничтожения капитализма,— писал Ф. Энгельс.— ...Освобождение пролетариата может быть только международным делом»¹³. В этом отношении социалистическая революция, отмечал В. И. Ленин, «не один акт, не одна битва по одному фронту, а целая эпоха обостренных классовых конфликтов, длинный ряд битв по всем фронтам, т. е. по всем вопросам экономики и политики, битв, которые могут завершиться лишь экспроприацией буржуазии»¹⁴.

Социалистическая революция как мировой революционный процесс началась Великой Октябрьской социалистической революцией 1917 г. в России. Великий Октябрь открыл новую всемирно-историческую эпоху, содержанием которой стало «уничтожение капитализма и его следов, введение основ коммунистического порядка»¹⁵. В. И. Ленин не уставал повторять: движение и революция российского пролетариата «составляют лишь часть всемирного революционного пролетарского движения»¹⁶. Естественно, что перед революцией, первой прокладывающей путь к социализму и коммунизму, возникли особенно трудные испытания. Задачей невероятной сложности называл В. И. Ленин вставшую перед русской революцией величайшую историческую проблему — «необходимость решить задачи международные ... проделать ... переход от нашей революции, как узконациональной, к мировой»¹⁷. Под руководством В. И. Ленина партия большевиков выработала (в борьбе против правых оппортунистов и «левых» доктринеров) единственно верную, интернационалистскую тактику: проводить «максимум осуществимого в одной стране *для* развития, поддержки, пробуждения революции *во всех странах*»¹⁸.

⁶ Косолапов Р. И. Социализм: К вопросам теории. М., 1979, с. 306.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 228; см. также: т. 20, с. 295.

⁸ Там же, т. 25, ч. II, с. 387.

⁹ Там же, т. 25, ч. II, с. 387; см. также: т. 46, ч. I, с. 476.

¹⁰ Там же, т. 19, с. 227; см. также: т. 20, с. 295.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 17.

¹² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. I, с. 101.

¹³ Там же, т. 39, с. 76.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 253.

¹⁵ Там же, с. 41, с. 425.

¹⁶ Там же, с. 31, с. 341.

¹⁷ Там же, т. 36, с. 8.

¹⁸ Там же, т. 37, с. 304.

Империалистическая стадия развития капитализма характеризуется резким обострением неравномерности экономического и политического развития различных стран. Оно обусловило собой и разновременность вызревания в них объективных и субъективных предпосылок социалистической революции, возможность победы социалистической революции первоначально в одной или нескольких отдельно взятых странах и невозможность ее одновременной победы во всех странах. Далее, общая зрелость капиталистической общественной системы в целом создала условия, при которых прорыв цепи международного империализма мог произойти не в наиболее развитых в экономическом отношении буржуазных странах, а в странах среднезажитого капитализма, оказавшихся в силу целого комплекса причин самым слабым звеном этой цепи. Реально таким звеном и стала в 1917 г. Россия. После октября 1917 г., подчеркивал В. И. Ленин, «все события мировой политики сосредоточиваются неизбежно вокруг одного центрального пункта, именно: борьбы всемирной буржуазии против Советской Российской республики, которая группирует вокруг себя неминуемо, с одной стороны, советские движения передовых рабочих всех стран, с другой стороны, все национально-освободительные движения колоний и угнетенных народностей...»¹⁹.

В результате упрочения первого в мире социалистического государства (а затем формирования мировой социалистической системы) открылись возможности осуществления социалистических преобразований и в тех странах, где капиталистический способ производства не стал господствующим и преобладают докапиталистические общественные отношения. В. И. Ленин наметил четкую перспективу возможного развития экономически отсталых стран по некапиталистическому пути, т. е. в направлении социализма, минуя капиталистическую стадию. Этот ленинский прогноз полностью подтвердился дальнейшим развитием мирового революционного процесса.

Всеобщий путь движения человечества от предыстории к подлинной истории, от капиталистической общественно-экономической формации к коммунистической складывается из множества революционных процессов, разновременно вызревающих в различных странах и своеобразно протекающих в зависимости от конкретных особенностей их национального развития, внутренних и международных условий, но, однако, подчиненных определенным общим закономерностям и так или иначе решающих общие задачи переустройства старого мира. В своеобразных формах каждая страна должна пройти в рамках скачка из царства необходимости в царство свободы определенные общеобязательные периоды развития. С научной точностью эти периоды предвидели К. Маркс и В. И. Ленин, которые подходили к становлению и развитию коммунистического общества с позиций материалистической диалектики, принципа историзма, требующего всегда изучать, как «явление в истории возникло»²⁰, «строго различать этапы, различные

по своей природе, трезво исследовать условия их прохождения»²¹.

Хорошо известно, что такими периодами являются переходный период от капитализма к социализму (или более сложный и многоступенчатый переходный период от докапиталистических отношений к социализму); первая (низшая) фаза коммунизма — социализм; высшая фаза — коммунизм. История реального социализма убедительно доказала и необходимость его двух этапов: ранний социализм (социализм, построенный в основном) и зрелый социализм (социализм, развивающийся на собственной основе). Созданная совместными условиями братских коммунистических партий концепция развитого социализма составила новые яркие страницы теоретического достояния марксизма-ленинизма.

Характеризуя социализм, В. И. Ленин отмечал, что, «поскольку *общей* собственностью становятся средства производства, постольку слово «коммунизм» и тут применимо, если не забывать, что это *не* полный коммунизм»²². Отличаясь от всех прошлых формаций принципиально, социализм (как еще не полный, не развившийся коммунизм), однако, имеет ряд существенных отличий и от собственно коммунизма. В этом отношении движение общества к коммунизму начинается с самой победы социалистической революции и утверждения диктатуры пролетариата, охватывает всю фазу социализма. Но лишь тогда, когда социализм достигнет стадии зрелости, начнется процесс непосредственного перерастания социализма в коммунизм. И, естественно, что главное требование перехода к высшей фазе коммунистической формации есть становление коммунистических производственных отношений, создание экономического базиса коммунизма.

Хотя социалистические экономические отношения — отношения коммунистического типа, ибо основаны они на общественной собственности на средства производства, им присущи свои специфические черты. Такими чертами выступают групповая форма общественной собственности, преодоление которой в исторических рамках зрелого социализма связано с его развитием на собственной основе, а главное стоимостно-товарная форма продуктов предприятий (при принципиально ином социально-экономическом содержании этих продуктов как продуктов свободного труда работников, являющихся совместными собственниками средств производства). Указанные черты экономических отношений социализма наряду с отношениями производства, обнаруживают себя и в отношениях распределения, обмена и потребления — наличие системы финансов, хозрасчета, использование денежного обращения, ценообразования, кредитной системы, принципа распределения по труду.

¹⁹ Там же, т. 41, с. 163.

²⁰ Там же, т. 39, с. 67.

²¹ Там же, т. 9, с. 131.

²² Там же, т. 33, с. 98.

Основная причина, определяющая специфику всей системы экономических отношений социализма, коренится в том, что в условиях первой фазы коммунизма материально-техническая база, технологический способ производства по своему характеру и степени развития недостаточны для создания изобилия жизненных средств и соответственно устранения стоимостно-денежных, товарных форм распределения и обмена результатов труда.

Как известно, в условиях первой фазы коммунизма необходимость принципа распределения жизненных средств, апалогичного обмену товарных эквивалентов, К. Маркс предсказал еще в «Критике Готской программы»²³. Весьма важно учитывать здесь и вывод о природе продукта государственных социалистических предприятий, сделанный В. И. Лениным. Этот продукт, считал он, даже обмениваемый на продовольственные товары мелкособственных крестьянских хозяйств, «не есть товар в политико-экономическом смысле, во всяком случае не только товар, уже не товар, перестает быть товаром»²⁴.

Суть проблемы заключается, по нашему мнению, в том, что сохраняющиеся при социализме товарно-денежные формы выступают формами принципиально иного содержания. Оно определяется теперь не отношениями продавцов и покупателей товара (рабочей силы) — эксплуататоров и эксплуатируемых, а отношениями ассоциированных производителей, коллективно владеющих средствами производства, свободных от эксплуатации.

Соображения В. И. Ленина, высказанные еще в первые годы Советской власти, когда социалистический уклад утвердился лишь в ведущих отраслях промышленности, тем более важны в условиях зрелого социализма. В конечном счете полное преодоление товарно-денежных форм в функционировании экономики социалистического общества связано с преодолением того специфического технологического способа производства, который унаследован от капитализма. Сложившаяся в процессе перехода от формального к реальному подчинению труда капиталом фабричная организация производства, основанная на машинной технике с ручным управлением (особенно на конвейеро-поточных линиях), массовом использовании сравнительно простых, механически повторяющихся трудовых операциях, и стала технологическим фундаментом, наиболее соответствующим товарной форме общественного производства. Капиталистическое товарное производство «представляет собой, — по словам К. Маркса, — последнюю ступень развития *стоимостного отношения* и основанного на стоимости производства. Предпосылкой этой последней ступени является и продолжает оставаться масса непосредственного рабочего времени, количество затраченного труда как решающий фактор производства богатства»²⁵. Но поскольку уже в условиях капитализма производство вещественного богатства все больше начинает зависеть от применения науки к производству²⁶, постольку капитализм неумолимо создает предпосылки размывания адекватной товарному производству технологической организации и тем са-

мым разрушения производства, предполагающего меновую стоимость. «...Меновая стоимость перестает быть мерой потребительной стоимости»²⁷.

Однако полная перестройка технологического способа производства в систему комплексного автоматизированного производства, превращенного в «технологическое применение науки»²⁸, когда работник помещает между собой и предметом труда природный процесс, превращенный в индустриальный, под силу лишь развитому социализму. И задача эта как задача соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социализма — сложнейшая, требующая опромных организационных усилий и длительного времени. Ее решение, осуществляемое в зависимости от всей совокупности внутренних и международных условий коммунистического строительства через целый ряд этапов, в ходе которых проводятся необходимые меры по развитию производительных сил и совершенствованию всей системы производственных отношений, — неперемнная предпосылка достижения высшего уровня производительности труда, создания изобилия жизненных средств и перехода к коммунистическому принципу их распределения²⁹.

При социализме в полной мере обнаруживает себя раскрытая К. Марксом в процессе анализа капитализма общая закономерность превращения общественной системы в ходе ее развития и созревания в органичную целостность. Дает о себе знать и другая общая закономерность, тоже выявленная при исследовании генезиса и развития капиталистических отношений. Речь идет об утверждении технологической определенности общественного спо-

²³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19, с. 18—19.

²⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 276.

²⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 212—213.

²⁶ См.: Там же, с. 214, 215.

²⁷ Там же, с. 214.

²⁸ Там же, с. 206.

²⁹ Общетеоретические проблемы социалистической экономики и ее перерастания в коммунистическую рассматриваются в ряде монографий, созданных советскими экономистами и философами в последние годы. См.: *Медведев В. А.* Социалистическое производство: политико-экономическое исследование. М., 1976; 2-е изд., перераб. и доп. М., 1981; *Экономика развитого социалистического общества: основные черты, закономерности развития.* М., 1977; *Косолапов Р. И.* Социализм: К вопросам теории. М., 1979; *Рогачев С. В.* Диалектика объективного и субъективного в экономике развитого социализма. М., 1979; *Маневич Е. Л.* Вопросы труда в СССР. М., 1980; *Развитие общественного труда в условиях зрелого социализма.* М., 1980; *Смолдырев Д. А.* Роль стоимостных форм в развитии социалистической экономики. М., 1980; *Федоренко Н. П.* Вопросы оптимального функционирования экономики. М., 1980; *Абалкин Л. И.* Диалектика социалистической экономики. М., 1981; *Цакунов В. В.* Экономические основы социальной однородности общества. М., 1982; *Кушлин В. И.* Производственный аппарат будущего: (Проблемы эффективности). М., 1981; *Сиземская И. Н.* Человек и труд: условия гармонии и развития. М., 1981; *Черковец В. Н.* Социализм как экономическая система. М., 1982.

соба производства под воздействием новых экономических отношений.

Вот что писал К. Маркс о данной закономерности применительно к развитию капитализма: «Исторически в действительности имеет место то, что капитал в начале своего образования берет под свой контроль (подчиняет себе) не только процесс труда вообще, но и особые действительные процессы труда, в той степени технологической завершенности, в какой он их находит и в какой они развились на основе некапиталистических производственных отношений. Действительный процесс производства, определенный способ производства капитал находит и подчиняет себе вначале только *формально*, ничего не меняя в его технологической определенности. Только в ходе своего развития капитал подчиняет себе процесс труда не только *формально*, но и *преобразует* его, придает новую форму самому способу производства и таким образом впервые создает свойственный ему способ производства»³⁰.

Для такого преобразования общественного способа производства капиталу потребовалось несколько столетий. Опыт Советского Союза и других стран социалистического содружества позволяет считать, что социализм, используя достижения научно-технической революции и огромные возможности экономической системы социализма, обеспечит технологическую определенность общественного способа производства в значительно более короткие сроки. Но, так или иначе, — это дело относительно длительного исторического периода уже потому, что переход от машинного производства с ручным управлением к автоматизированному в национальном и региональном, а в перспективе и в глобальном масштабах, к производству, где работник будет освобожден от непосредственного выполнения функций в самом процессе производства, является более глубоким скачком, чем от мануфактурного производства к машинному.

Осуществив технологическую перестройку общественного способа производства, т. е. подготовив материально-техническую базу коммунизма и обеспечив таким путем перерастание экономических отношений производства, распределения, обмена и потребления в коммунистические, социализм создаст все необходимые условия для образования коммунистической социально однородной структуры общества, системы коммунистического самоуправления, расцвета и невиданно быстрого прогресса науки, искусства, всей духовной культуры, для всестороннего удовлетворения потребностей каждого человека для воспитания, обучения и подготовки *«всесторонне развитых и всесторонне подготовленных людей, людей, которые умеют все делать»*³¹. Этим социализм выполнит свою историческую миссию — положить начало подлинной истории человечества.

Жизнь показала, что ряд существенных характеристик подлинной истории обнаруживают себя на самом начальном этапе развития социализма, а в период зрелого социализма приобретают

не только определенность, но и играют роль все более активной силы, способствующей движению к коммунизму.

Уже отмечалось, что социализм утверждает планомерность как определяющую форму исторического процесса. Именно планомерность общественного развития обеспечивает достижение такого положения вещей, когда, по словам Ф. Энгельса, приводимые людьми «в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают»³². В этом существо скачка человечества из царства необходимости в царство свободы. В условиях социализма экономические, социальные, политические и духовно-культурные преобразования осуществляются по заранее намеченному плану, координация деятельности людей сознательно регулируется и направляется руководящими и управляющими органами общества в соответствии с целями, вырабатываемыми на основе познания общественных законов, их действия в конкретных условиях.

Конечно, планомерность при социализме, даже и развитом, не достигает еще той степени всеобщности, какую он будет иметь на высшей фазе коммунистической формации. Этому препятствует (наряду с недостаточным развитием субъективной стороны самой планомерности — процесса планирования, его научного всестороннего обоснования) и ряд объективных факторов. Среди них — наличие в системе социалистических производственных отношений товарно-денежных форм. Социалистический труд, будучи по сути уже трудом коммунистическим, трудом «ассоциированных производителей», есть вместе с тем не вполне зрелый коммунистический труд. Он остается еще преимущественно средством к жизни, требует вследствие недостаточного развития производительных сил прямого материального стимулирования. Хотя в целом товарно-денежные отношения охватываются планомерной формой движения, подчинены ей, в определенной ситуации они могут отрицательно сказываться в поведении, дисциплине и психологии отдельных членов общества.

Уровень развития производительных сил в течение длительного времени, как показывает практика, не позволяет преодолеть социально-экономические различия в характере труда не только между промышленностью и сельским хозяйством, но и между различными отраслями самой промышленности и даже между предприятиями одной и той же отрасли. Решение такой важнейшей социальной задачи, как ликвидация ручного, малоквалифицированного и тяжелого ручного труда, требует огромных усилий, затрат и немалого времени. На XXVI съезде КПСС отмечалось, что это не только экономическая, но и серьезная социальная проблема. «Решить ее — значит устранить существенные прегра-

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 98.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 33.

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 295.

ды на пути превращения труда в первую жизненную потребность каждого человека»³³.

Новые черты исторического процесса обнаруживают себя и в преобразовании форм коренных качественных изменений, революционных скачков. Сбывается предвидение К. Маркса о том, что «когда не будет больше классов и классового антагонизма, *социальные эволюции* перестанут быть *политическими революциями*»³⁴. Отсутствие классовых антагонизмов, превращение субъективного фактора, направляемого марксистско-ленинской партией, в органичный компонент целостной общественной системы, способный познать законы ее функционирования и развития и действовать в соответствии с их требованиями, приводит к тому, что скачки в условиях зрелого социализма происходят без социальных столкновений и конфликтов, разрушительных ломок и «взрывов».

Характерный для скачка «перерыв постепенности» сам происходит более или менее «постепенно». Это связано с тем, что неантагонистические противоречия, вытекающие из самой природы общественных отношений социализма и служащие источником восходящего развития общества и всех его сфер, не порождают при их своевременном разрешении конфликтов, застоев и тем более попятного движения. Разрешение неантагонистических противоречий есть в то же время условие их воспроизведения на более высоком уровне общественного развития³⁵.

Если для всех досоциалистических формаций характерна неравномерность общественного развития, достигающая при империализме особой остроты и динамизма, то для социализма, напротив, характерна все усиливающаяся тенденция к подтягиванию отстающих регионов и стран до уровня передовых. Яркий пример действия данной тенденции — всестороннее развитие и расцвет каждой из национальных республик, входящих в состав Советского Союза^{35а}. Аналогичные процессы разворачиваются и в рамках стран социалистического содружества. Возникает все больше элементов общности в их политике, экономике, социальной и духовной жизни, происходит постепенное выравнивание уровней развития. «Этот процесс постепенного сближения стран социализма,— подчеркнул XXV съезд КПСС,— вполне определенно проявляется ныне как закономерность»³⁶.

Социализм создает принципиально новое отношение между обществом и личностью. Отдельные производители, являясь ассоциированными совладельцами средств производства, имеют общий интерес в развитии всей системы общественного производства — материальной основы могущества социалистического общества и благосостояния его народа. Объективной же целью социалистического общества, ориентиром его развития выступает курс на удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей людей, всестороннее и гармоничное развитие личности. Все больше утверждается провозглашенный еще в «Манифесте Коммунистической партии» принцип коммунистического содружества: «Сво-

бодное развитие каждого является условием свободного развития всех»³⁷.

Социализм обеспечивает единство интересов общества и личности в сохранении и развитии экономических, социальных, политических и идеологических устоев социализма. Но при социализме связь интересов общества и личности, общества и трудового коллектива, коллектива и личности осуществляется далеко не всегда прямо, непосредственно. Еще существует известная экономическая обособленность предприятий, отраслей производства, социальные и профессиональные различия в уровне образования и подготовке работников и т. д. Все это порождает и будет порождать до полного преодоления классовой структуры общества специфические интересы классов и других социальных групп, а также отраслей производства и предприятий, организаций и коллективов и соответственно отдельных личностей.

Интересы общества и личности опосредуются на первой фазе коммунизма целой гаммой специфических интересов, которые могут в определенных отношениях противоречить ведущим общенародным, общегосударственным интересам. Задача партии как руководящей силы социалистического общества заключается в том, чтобы находить пути и средства сочетания интересов и прав каждого человека с интересами и правами коллектива, общества, государства. Это, безусловно, одна из самых сложных задач. Она должна решаться применительно к каждой сфере общественной жизнедеятельности, причем первостепенное значение имеет здесь сфера экономическая. Строительство материально-технической базы коммунизма, формирование коммунистических общественных отношений, воспитание личности коммунистического типа шаг за шагом подводят общественный прогресс к полному ком-

³³ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 57.

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 185.

³⁵ «В теоретическом плане этот вопрос, опираясь на учение Маркса, прояснил Ленин. «Антагонизм и противоречие,— писал он,— совсем не одно и то же. Первое исчезнет, второе останется при социализме» (Ленинский сборник, XI, с. 357). Теперь это положение подтверждено практикой. Отсюда, однако, не следует, что можно пренебрегать неантагонистическими противоречиями, игнорировать их в политике. Жизнь учит, что при подобном невнимании и противоречия, не являющиеся по своей природе антагонистическими, могут порождать серьезные коллизии. Другая — и важная — сторона дела состоит в том, чтобы правильно использовать противоречия социализма в качестве источника и стимула его поступательного развития» (Андронов Ю. В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР.— Коммунист, 1983, № 3, с. 21.).

^{35a} «Мы вправе гордиться тем, что в общем строю с трудящимися всех наций страны народы бывших национальных окраин, обреченные прежде на вековую отсталость, уверенно шагнули в социалистическое будущее, минуя капитализм, и достигли высот социального прогресса» (О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик: Постановление ЦК КПСС от 19 февраля 1982 года. М., 1982, с. 7).

³⁶ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 6.

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 447.

мунизму, к обществу, «в котором,— по словам Ф. Энгельса,— общность интересов возведена в основной принцип, в котором общественный интерес уже не отличается от интереса каждого отдельного лица»³⁸.

Реальный социализм, упрочиваясь и развиваясь как мировая система, утверждает такую общественную структуру, где нет места классам и другим социальным группам, заинтересованным в войне как средстве политики, выступает мощным оплотом мира между народами, создает условия для решения в интересах существования человечества самой острой проблемы современности — проблемы войны и мира. Он неотделим от исторической перспективы общественного прогресса — становления и развития новой коммунистической цивилизации.

2. Становление коммунистической цивилизации

Социализм как начало подлинной истории можно анализировать с разных сторон. Можно, например, сравнивать и сопоставлять две прогностические ныне общественные системы — капитализм и социализм или преимущества нового общества с тем, которое существовало до победы социалистической революции в странах, где оно утвердилось. Можно, наконец, рассматривать социализм с точки зрения общечеловеческого достоинства, того, что человечество, все народы нашей планеты смогли добиться своим трудом, талантом, интеллектом в разных областях материальной и духовной культуры, в совершенствовании условий общественной жизни, т. е. с точки зрения соотношения с мировой цивилизацией. Именно такой анализ был проведен в докладе Л. И. Брежнева «Великий Октябрь и прогресс человечества» на торжественном заседании, посвященном 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. В этом выступлении подчеркивалось: «Октябрьская революция, естественно, решала прежде всего проблемы нашей страны, проблемы, поставленные ее историей, ее конкретными условиями. Однако в своей основе это были проблемы не локальные, а общие, выдвинутые ходом общественного развития перед всем человечеством. И всемирно-историческое значение Октябрьской революции как раз в том и состоит, что она открыла путь к решению этих проблем и тем самым — к созданию на земле нового типа цивилизации»³⁹.

Выявление особенностей нового исторического типа цивилизации, роли этой цивилизации в прогрессе человечества предполагает в первую очередь раскрытие ее общечеловеческого потенциала и всемирно-исторического значения. Такой подход позволяет увидеть в последовательной реализации коммунистических идеалов сохранение, наследование и непрерывное развитие общечеловеческих культурных ценностей, всех достижений человечества. Правильно понятые и принципиально реализуемые классовые интересы рабочего класса неизменно совпадают с общечеловеческими интересами, с перспективой общественного прогресса.

Проблема общечеловеческого особенно остро встает всякий раз, когда общество, вступая в переломный момент своей истории, оказывается перед необходимостью выбора между старым, отживающим и новым, нарождающимся общественным строем, между различными альтернативными направлениями своего дальнейшего развития. Успех развертывающейся в этой ситуации борьбы за сознание широких масс в немалой степени зависит от того, насколько та или иная идейная позиция, выражающая сущность определенного направления общественного развития, оказывается в состоянии показать общечеловеческую значимость и ценность защищаемых ею интересов и принципов, соответствие их интересам развития человечества.

История показывает, что уходящие с общественной арены господствующие классы, пытаясь удержать под своим контролем сознание масс, неизменно отождествляют свои специфические ценности с общечеловеческими, свои эгоистические интересы с судьбами всей человеческой цивилизации. Стоило, например, буржуазной системе дать первые серьезные трещины, как появились многочисленные идеологические построения, предвещающие в духе О. Шпенглера «закат Европы», пророчества о «гибели цивилизации» и т. д. И хотя на деле угроза нависает лишь над капиталистической формой общественной жизни и человечество может только выиграть от быстрее преодоления этой общественной формы, сознание, поработанное буржуазной системой ценностей, воспринимает кризис капитализма в виде кризиса всей мировой цивилизации — угрозы человеческому обществу вообще.

В свою очередь, сильнейшим оружием в руках прогрессивных классов всегда было разоблачение лицемерия идеологов отживающей свой век общественной системы, показ враждебности утверждаемых ею норм и отношений интересам большинства человечества. Так, в период своего становления буржуазия боролась против феодализма как строя, искажающего, извращающего истинные человеческие отношения, противоречащего идеям разума и справедливости. Буржуазия противопоставила феодально-сословным нормам и привилегиям свою систему ценностей в качестве системы, соответствующей «естественной» природе человека. Очень скоро эти идеи наглядно обнаружили свою узкоклассовую природу, полностью раскрылась их подчиненная эгоистическим устремлениям буржуазии сущность. Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» с полным основанием писал: «Мы знаем теперь, что это царство разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии, что вечная справедливость нашла свое осуществление в буржуазной юстиции, что равенство свелось к гражданскому равенству перед законом, а одним из самых существенных прав человека провозглашена была ... буржуазная собственность»⁴⁰.

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 538.

³⁹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1978, т. 6, с. 579.

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 17.

Проблема общечеловеческих и формационных ценностей особенно остро встает при утверждении принципиально новой цивилизации, свободной от классовых антагонизмов, критически переосматривающей все ценности эксплуататорского общества. Она формируется и выступает здесь в виде проблемы соотношения общечеловеческого и коммунистического.

Марксизму-ленинизму приходится бороться с двоякого рода искажениями в постановке проблемы соотношения коммунистического (социалистического) и общечеловеческого, искажениями на первый взгляд диаметрально противоположного характера, но корящимися в сходной методологической позиции. Это, с одной стороны, «левачество», отвергающее любую преемственность между социализмом и предшествующими этапами развития общества, порой даже и в сфере материального производства. Подобные ревнители «чистоты» социализма отрицают всякое общечеловеческое содержание в культуре прошлого как якобы насквозь реакционной и антисоциалистической. С другой — это сторонники идеологического и политического примиренчества, которые, отталкиваясь от реальных общечеловеческих ценностей, игнорируют классовую интерпретацию и классовое использование этих ценностей. Такой порок свойствен правым ревизионистам.

Обе указанные позиции предполагают сугубо метафизическое истолкование самой проблемы общечеловеческого, которая становится у них проблемой соотношения ценностей, возникающих в тех или иных обществах, с неким эталоном, «заданным» человеческой истории. Общечеловеческое в данном случае лишь то, что соответствует этому эталону — некой «естественной» внеисторической сущности человека. При таком подходе есть лишь два пути утверждения единства коммунистического и общечеловеческого: либо выделять в социализме то, что повторяется, имеет аналоги и в иных исторических состояниях (такой путь ведет к сглаживанию формационных различий, к вольному или невольному игнорированию того, что отличает коммунизм от предшествующих формаций), либо же, напротив, объявлять социализм наконец-то найденной реализацией этой сущности человека, что неизбежно ведет к отрицанию ценности ранее созданного человеческого обществa (если созданное не имеет открыто выраженного коммунистического характера), к истолкованию коммунизма как некоего неизменного состояния человеческого общества.

Иной возможности соотношения формационного и общечеловеческого рассматриваемый подход не дает, но именно отказом от него и отличается марксизм-ленинизм от других социально-философских учений. Исторический материализм противостоит всем разновидностям телеологической концепции истории, согласно которой природа, бог и т. п. задают человеку изначально его сущность и вся история человека поэтому оказывается историей поиска — путем проб и ошибок — этой не открытой ему, но предзаданной сущности. Исторический материализм научно объяснил историю как естественноисторический процесс развития, сущность

же человека — как исторически конкретную совокупность общественных отношений. Общечеловеческое не существует вне и помимо человеческой истории. Отсюда его критерием выступает не соответственность с неким внеисторическим, равным самому себе на протяжении всей истории эталоном человека, а соотносительность с реально достигнутым уровнем всемирно-исторического процесса.

Общечеловеческое не есть нечто надисторическое, оно создается в ходе истории самим человечеством. Его носителем выступают прогрессивные силы, передовые классы. Поэтому общечеловеческое всегда представляет собой и достигнутый результат общественного прогресса. Оно складывается из постепенных, нарастающих успехов поступательного движения человечества. В каждый исторический период общечеловеческое пополняется новыми ценностями, его содержание изменяется и обогащается. Вместе с тем оно не совпадает и далеко не всегда может непосредственно совпадать с эмпирическим единством человеческого общества, с тем «среднестатистическим», что в настоящее время присуще всем и становится ценностью для всех. Общечеловеческое — это те ценности, которые действительно служат общественному прогрессу независимо от того, имеют или не имеют они общее признание. Именно поэтому неправомерно метафизическое противопоставление общечеловеческого и классового, общеисторического и специфически формационного. Именно поэтому диалектическое единство общечеловеческого и коммунистического обнаруживается не только в том, что является общим для первой фазы коммунизма и предшествующих (и сосуществующих) формаций, т. е. всей предыстории, но и в том, что является ее особенным, включая и такое, которое будет превзойдено в ходе последующего развития человечества, однако сегодня больше всего и лучше всего выражает перспективы этого развития.

В реальной жизни нет абстрактных — существующих вне времени и пространства — общечеловеческих ценностей, иначе говоря, общечеловеческие ценности не изолированы от классовых отношений. Представляя действительные потребности общественно-го прогресса, они по-разному воспринимаются, осознаются различными классами, выразителями интересов противоположных общественных систем. Напомним в этой связи мысль К. Маркса о том, что совесть у республиканца отлична от совести роялиста, она иная у человека имущего и неимущего, мыслящего и немыслящего⁴¹.

Изложенные выше методологические позиции надежно ориентируют исследование специфики взаимодействия общечеловеческого и классового, общеисторического и коммунистического (социалистического) в различных сферах общественной жизни, предостерегая и против механического полного отождествления, и против противопоставления общечеловеческого и коммунистического. Круг рассматриваемых вопросов приобретает особое зна-

⁴¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 140.

чение в условиях сосуществования различных исторических типов цивилизации, ибо по существу вопрос ставится о том, что способна привести и на деле приносит в сокровищницу общечеловеческого достояния каждая из них, какая из них в состоянии доказать общечеловеческую значимость и ценность защищаемых ею принципов, соответствие этих принципов общественному прогрессу.

В нашу задачу не входит специальный анализ антигуманной сущности дряхлеющего, раздираемого острыми экономическими и политическими противоречиями частнособственнического типа цивилизации, который, все резче выявляя свою социальную ущербность, противостоит самой человеческой природе, анализ того, как сужаются его возможности вносить свою «ленту» в мировую цивилизацию»⁴², как все больше капитализм ставит под угрозу само ее существование. Речь здесь идет о другом: практика коллективистских форм социального общежития во все большей степени соответствует перспективным потребностям развития человеческого общества, мировой цивилизации, совершенствованию общественно полезных способностей людей, сохранению, обогащению и совершенствованию человечества.

Все большее совпадение целей реального социализма (в противоположность капитализму) с интересами человечества, т. е. подавляющего большинства населения Земли, в решающей мере объясняется адекватностью выражения в этих целях направленности общественного прогресса. На базе современных общественных производительных сил стало возможным и необходимым подлинное развитие сущностных сил каждой отдельной личности. Человечество объективно заинтересовано теперь в социальных условиях, достойных человека, условиях, позволяющих реализовать призвание, назначение человека. Современный прогресс человечества неотделим от совершенствования творческих дарований личности, «развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу»⁴³.

Последовательное осуществление этих ключевых идей научного коммунизма, выражающих совпадение интересов рабочего класса как творца новых форм общественной жизни с интересами человечества в целом, характеризует весь процесс становления и развития коммунистической общественно-экономической формации и базирующейся на ней коммунистической цивилизации. Сами возможности решения общечеловеческих проблем, ориентированность на создание и распространение общечеловеческих ценностей неодинаковы в разных типах цивилизации — частнособственнической и коммунистической, что наглядно прослеживается в отношении народных масс к имеющимся в обществе материальным и духовным богатствам.

В частнособственническом обществе ценности цивилизации ориентированы на обслуживание сравнительно узкого круга социально привилегированных групп, в результате народные массы

оказываются отделенными от общественного богатства, более того, многие достижения цивилизации используются против них. Между тем важнейшим показателем состояния цивилизации выступает не только количество ее материальных и духовных завоеваний: самое главное заключается здесь в том, как общественное богатство влияет на положение каждого человека, способствует раскрытию и развитию его интеллектуальных и физических способностей, в какой мере человек может быть сопричастным к организации форм общественной жизни.

Рассмотрим в этой связи одну из кардинальных проблем общественной жизни — проблему участия народных масс в делах общества. Известно, что в условиях эксплуататорского общества привилегированные классы намеренно препятствуют развитию самосознания масс, фактическому привлечению их к управлению обществом. При господстве антагонистических общественных отношений массы отлучены от целых областей деятельности, от многих ценностей цивилизации. Выясняя вопрос о контрастах и противоречивом характере цивилизации на стадии монополистического капитализма, В. И. Ленин в письме к американским рабочим писал: «Буржуазная цивилизация принесла все свои роскошные плоды. Америка заняла первое место среди свободных и образованных стран по высоте развития производительных сил человеческого объединенного труда, по применению машин и всех чудес новейшей техники. Америка стала вместе с тем одной из первых стран по глубине пропасти между горсткой обнаглевших, захлебывающихся в грязи и в роскоши миллиардеров, с одной стороны, и миллионами трудящихся, вечно живущих на границе нищеты, с другой»⁴².

В результате социалистического развития, т. е. формирования нового типа цивилизации, изменяются не только возможности доступа к исторически достигнутым благам цивилизации, но и создаются новые, имманентно присущие социализму ценности, соответствующие действительным интересам народных масс, человечества в целом и принципиально недостижимые для буржуазной цивилизации. Взять ту же проблему раскрытия творческих потенций, инициативы масс, их непосредственного участия в разнообразных делах общества. Новые экономические и политические условия, весь новый социальный климат включают, втягивают массы в историческое творчество, обуславливают необычайный размах — в том числе и в невиданных ранее направлениях производственных, социально-преобразующих и культурных действий народа. В. И. Ленин, характеризуя новое общество,

⁴² Усугубление социальной ущербности капиталистической цивилизации, разумеется, не исключает, что и в ее рамках трудом и разумом рабочих и интеллигенции, народных масс создаются многие общечеловеческие ценности в различных сферах — науке, технике, производстве, архитектуре, литературе и т. д.

⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 476.

⁴⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 49.

специально отмечал, что при социализме «впервые в истории цивилизованных обществ масса населения поднимется до *самостоятельного* участия не только в голосованиях и выборах, но и в *повседневном управлении*»⁴⁵.

Подобные всемирно-исторические достижения, неотделимые в наши дни от практики реального социализма, имеют для человечества огромное, жизненное значение, ибо утверждение принципиально новых ценностей, превращение народных масс в активного сознательного творца истории раскрывают новые перспективы, новые грани в направленности, содержании, размахе деятельности всего населения Земли.

Исторические типы цивилизации различаются по своим основным характеристикам, тенденциям развития, знание которых позволяет понять природу данного типа, объем, характер, существо его вклада в сокровищницу общечеловеческих ценностей, в обеспечении интересов народов мира. Именно эта соотнесенность исторически достигнутых общечеловеческих материальных и духовных ценностей с социально-классовыми, формационными факторами и обуславливает потребность в дифференцированном подходе к понятию «цивилизация», потребность, ставшую особенно актуальной сегодня, в принципиальном разграничении частнособственнической (буржуазной) и коммунистической цивилизации.

Уже получившее права гражданства в советской и зарубежной марксистской литературе⁴⁶ понятие «коммунистическая цивилизация» (учитывая достигнутую ступень развития, называемую иногда социалистической цивилизацией) отличается по своему объему и аспекту отражения исторической реальности от понятия «коммунистическая формация», имеет свои смысловые оттенки (так же как соответственно буржуазная цивилизация и капиталистическая формация). Понятие «коммунистическая (социалистическая) цивилизация» неизменно выдвигает на первый план в качестве основополагающей характеристики тип общественного прогресса, уровень материальной и духовной культуры, достигнутый в новом обществе, способ использования общественного богатства и в соответствии с этим фиксирует результаты общественной деятельности, соотнося их с общечеловеческими ценностями. Оно раскрывает место и роль специфических коммунистических (социалистических) ценностей в судьбах человечества, во всей совокупности его позитивных результатов и тенденций развития.

Превосходство новой цивилизации над буржуазной обнаруживает себя все более ощутимо вместе со становлением мировой социалистической системы, динамичным развитием мира социализма, утверждением и совершенствованием его принципов, противоположных буржуазным. Разумеется, страны социалистического содружества имеют свои национальные, исторические, культурные особенности и традиции, но основные, фундаментальные качества нового типа цивилизации свойственны им всем. Раскрывая черты этой новой цивилизации, следует подчеркнуть, что

если в рамках каждой предшествующей формации существовал довольно пестрый ряд социальных организмов, порою значительно отличающихся особенностями своей общественной организации, технико-экономическими характеристиками, степенью развития науки и культуры, то коммунистическая формация благодаря качественно новому уровню интернационализации и интеграции основных областей материальной и духовной деятельности отдельных социалистических обществ обеспечивает широкое приобщение всех народов к достижениям мировой культуры, всестороннему ускоренному прогрессу, способствует сближению и общности их развития. Разумеется, в данном процессе сказывается и колоссальное развитие средств связи, транспорта, интенсификация обмена достижениями науки, техники, технологии и т. д. Все это — благоприятные предпосылки, создаваемые современным мировым научно-техническим прогрессом.

Тенденция в мировой истории к интернационализации, универсализации производительных сил, превращению в общее достояние плодов, по выражению К. Маркса и Ф. Энгельса, «духовной деятельности отдельных наций»⁴⁵ была глубоко охарактеризована В. И. Лениным. «...Вся хозяйственная, политическая и духовная жизнь человечества, — писал он, — все более интернационализируется уже при капитализме. Социализм целиком интернационализирует ее»⁴⁶. Главным, определяющим в этом процессе, как известно, выступает природа нового общественного строя. Соответственно региональные и национальные проблемы, взаимосвязанные с общим развитием цивилизации, решаются в данном случае на новой общественной основе. Для утверждения единой сути, интернационального характера коммунистической цивилизации очень важен и тот факт, что в многостороннем процессе расширения сотрудничества и сближения стран социалистического содружества возрастающее значение приобретает культурный аспект. Взаимодействие национальных культур братских стран развивается на прочном фундаменте единого мировоззрения, общности в идейно-политической и социально-экономической областях.

Сотрудничество и сближение социалистических стран в области культуры самым тесным образом связаны с успехами национальных культур, с процессами быстрого расцвета каждой из них. Вместе с ускоренным повышением общего уровня образова-

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 116.

⁴⁶ Об этом подробно см.: Мчедлов М. П. Понятие цивилизации в марксистско-ленинской теории. М., 1979; Он же. Социализм — становление нового типа цивилизации. М., 1980.

⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 428.

⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 318. Кстати, эти начавшиеся при капитализме тенденции к интернационализации обусловили известную целостность буржуазного типа цивилизации, уменьшение возможности существования здесь характерных для рабовладельческого строя и феодализма сугубо «локальных» цивилизаций.

ния и культуры, обогащением духовной жизни социалистических стран развивается готовность и способность каждой из них перенимать и применять у себя в интересах развития национальной культуры самые ценные достижения и опыт братских стран, а также прогрессивные элементы культуры всех народов мира. Благодаря этому творческие силы каждой социалистической страны быстрее достигают полного расцвета, наиболее значительные из создаваемых в ходе такого развития ценности в свою очередь обогащают братские национальные культуры. Рассматриваемые процессы обуславливают постоянное наращивание материального и духовного потенциала в социалистическом содружестве, достижение все более широкого и гармоничного многообразия, единого по своей социальной сути и направленности.

При постепенном сближении братских стран и новый, становящийся тип цивилизации все больше и полнее интегрирует достижения мировой системы социализма, соотнося их со всем культурным фондом человечества, тенденциями его развития. Важно иметь в виду и то, что при всех принципиальных различиях между буржуазной и коммунистической цивилизациями, поскольку в каждой из них присутствуют общечеловеческие ценности, имеются и черты сходства (например, в области материальной культуры, достижений научно-технического прогресса и т. п.), наблюдается совпадение определенных задач (экологических, материально-сырьевых, энергетических и др.). Для любого конкретного общества сейчас, как никогда раньше, естественны преемственность, обмен научными, техническими, художественными достижениями.

В марксистской литературе довольно детально разработана проблема диалектической связи теории и практики коммунистической цивилизации со всем предшествующим прогрессивным достоянием человечества. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что учение марксизма возникло не в стороне от столбовой дороги мировой цивилизации, что оно дало ответ на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила⁴⁹. После Октября, приступая к решению задач социалистического строительства, В. И. Ленин, Коммунистическая партия вели последовательную борьбу против наивного пуританства тех, кто отвергал любую преемственность между социализмом и прошлым общественным развитием, ставил под сомнение общечеловеческое содержание материальной и духовной культуры прошлого. Реальная проблема для марксистов-ленинцев заключается не в том, чтобы признавать или не признавать наследование всего позитивного, достигнутого предшествующими поколениями, а в том, чтобы всесторонне учесть особенности диалектического отрицания — процесса **спя-тия**, удержания, восприятия социализмом всех общечеловеческих ценностей.

Наряду с проблемой вертикального (временного) взаимоотношения цивилизаций требует внимательного, дифференцированного подхода и проблема их горизонтального (пространственного)

взаимоотношения. Если общечеловеческое — результат совокупных усилий всех народов, то их вклад в те или иные сферы, разумеется, различен, в первую очередь в зависимости от того, в рамках какой цивилизации — частнособственнической или коммунистической — они живут и действуют. Так, в социально-политической области завоевания социализма вообще недостижимы для буржуазной цивилизации. Однако, обитая на одной планете, представляя части человечества как целого, все народы вносят свой вклад в общечеловеческую сокровищницу, способствуют дальнейшему развитию общества, завоеванию общественного прогресса. Именно эту диалектику целого и части видел В. И. Ленин, подчеркивая в «Философских тетрадах»: «Всемирная история как целое и отдельные народы — ее „органы“»⁴⁹.

Вся совокупность общечеловеческих достояний обычно обозначается более общим понятием — «мировая цивилизация»⁵¹, которое обобщает и фиксирует достижения в любой сфере жизнедеятельности, затрагивающие и обеспечивающие интересы всего человечества, всех людей, безотносительно к их национальным и расовым, региональным, континентальным и классовым различиям⁵². Будучи результатом разнообразной и многовековой деятельности человеческого рода, современная мировая цивилизация выступает необходимым условием самого существования человечества — наших современников. Ее единство и различие наглядно проявляются сегодня в том, что, во-первых, она вбирает в себя ценности, необходимые для общественного развития, безотносительно к тому, где они созданы, и, во-вторых, в ее рамках существует два исторических типа цивилизации — буржуазный и коммунистический.

Именно поэтому при ее конкретном анализе важно четко видеть диалектику классового и общечеловеческого. Только классовая борьба, организованные действия широких народных масс под руководством рабочего класса, его революционной марксистской партии в состоянии устранить антигуманные основы частнособ-

⁴⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 40—43.

⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 285.

⁵¹ В прямом смысле слова цивилизация становится мировой лишь после «объединения, собирания человечества из состояния раздробленности и разъединения» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 598), когда благодаря объединяющей силе капиталистического развития, столь ярко раскрытой классиками марксизма, интернационализации различных сфер деятельности стран, регионов, континентов прекращается «локальное развитие человечества».

⁵² Понятие мировой цивилизации синонимично в приведенной характеристике понятию мировой культуры. В настоящее время разграничение данных понятий связывается с тем, что в отличие от культуры цивилизация имеет дело не только с материальными и духовными ценностями как человеческим способом овладения действительностью, но и с социальной (общественной) организацией и институализацией этих ценностей, возможностями их использования людьми (см.: Новикова Л. И. Цивилизация и культура в историческом процессе. — Вopr. философии, 1982, № 10).

веннической цивилизации, в которой подлинно человеческому противостоят неподвластные человеку, враждебные ему силы. Только последовательное развертывание классово-пролетарского начала, всесторонняя защита, утверждение и углубление социалистических принципов редут к преодолению противоречий между классовым и общечеловеческим. Наконец, в современных условиях только благодаря развитию и упрочению реального социализма, мировой социалистической системы — главного детища международного рабочего класса — и становящейся на этом фундаменте коммунистической цивилизации возможно сохранение и дальнейший прогресс мировой цивилизации, защита ее от безрассудных, преступных действий империалистических сил.

Связывая установление на Земле подлинно всечеловеческой цивилизации с полным воплощением в жизнь принципов научного мировоззрения рабочего класса, классового и вместе с тем интернационального характера его идеологии, марксизм-ленинизм исходит из объективных законов общественного развития, из реально складывающихся экономических, социальных, политических и духовных его предпосылок. Уже в капиталистическом обществе рабочий класс, выступая как «самый сильный и самый передовой класс цивилизованных обществ»⁵³, одновременно выражает и защищает интересы всех трудящихся, широких народных масс. Именно индустриально организованный труд позволяет рабочему классу быть тем классом, который, согласно мысли В. И. Ленина, «усвоил себе всю городскую, промышленную, крупнокапиталистическую культуру, имеет решимость и способность отстоять ее, сохранить и развить дальше все ее завоевания, сделать их доступными всему народу, всем трудящимся»⁵⁴. Как главная производительная сила общества, самый могучий и по мере развития науки и техники растущий класс, он, по словам В. И. Ленина, выступает «интеллектуальным и моральным двигателем, физическим исполнителем» революционного ниспровержения эксплуататорских и установления социалистических отношений⁵⁵.

Эта генеральная тенденция исторического процесса укрепляется с утверждением социализма, политической власти рабочего класса. Ее питает ряд факторов. Так, впервые в истории цивилизации общественный прогресс осуществляется теперь не за счет трудящихся, а ради них; впервые вся трудовая масса населения, все члены общества получают в равной мере доступ к достижениям общественного производства, просвещения, культуры. Впервые правящий класс не устанавливает для себя каких бы то ни было преимуществ, а берет на свои плечи значительную часть трудностей и лишений, встречающихся при строительстве нового общества. Впервые партия правящего класса считает благом для всего общества то, что является в то же время благом для каждого трудящегося. Подобные экономические, социальные, политические и духовно-идеологические факторы, которым суждено расширяться и крепнуть, наглядно раскрывают всемирно-историческую миссию рабочего класса — передовой общественной

силы современности, носителя новых коллективистских общественных отношений.

Преодоление различий между общеисторическим и формационным возможно только в будущем всемирном бесклассовом обществе. Эта собственно коммунистическая (стало быть, бесклассовая, всечеловеческая) цивилизация, органически включив в себя все лучшие завоевания предшествующего развития, станет полностью тождественна мировой цивилизации. Как через укрепление общепародного социалистического государства, развитие его функций, всемерное развертывание социалистической демократии постепенно подготавливаются условия отмирания государственности, а через всесторонний расцвет наций в коммунистической перспективе происходит преодоление национальных различий, так и последовательное воплощение в жизнь принципов коммунистической идеологии — научной идеологии рабочего класса — создает предпосылки утверждения на Земле подлинно общечеловеческой, коммунистической цивилизации. Поэтому коммунизм «является делом не одних только рабочих, а всего человечества»⁵⁶.

Когда В. И. Ленин писал, что с точки зрения основных идей марксизма интересы общественного развития выше интересов пролетариата⁵⁷, он подчеркивал исторически преходящий момент в реальном положении пролетариата в его интересах, порожденных конкретной исторической ситуацией. Коммунистическая природа новой цивилизации, ее способность разрешать глобальные проблемы современности предопределены фундаментальным совпадением коренных интересов рабочего класса с интересами общественного развития. Единство пролетарско-классового и общечеловеческого и позволяет становящейся коммунистической цивилизации выступать действительной наследницей всего богатства человечества, накопленного всеми предшествующими поколениями. Подлинная история окончательно утверждает на Земле Мир, Труд, Свободу, Равенство, Братство и Счастье всех народов.

⁵³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 16.

⁵⁴ Там же, т. 38, с. 387.

⁵⁵ Там же, т. 26, с. 73.

⁵⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 516.

⁵⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 220.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Всемирность исторического процесса

- диалектика национального и интернационального — 485—488, 491, 492, 494, 496
- и империализм — 493—495
- и капитализм — 384—389, 485—489, 491—493
- и предыстория — 485
- и развитие производительных сил — 486, 488, 492, 493
- и социализм — 399—401, 495, 496, 506, 512—518
- и социальная революция — 489—491, 493—496, 499, 500
- как предпосылка перехода к подлинной истории (коммунистической формации) — 485, 488, 489, 493, 496
- как понятие исторического материализма — 485, 491—493, 496
- как форма производственных отношений — 486—488, 492, 494
- мировые общественные противоречия — 486, 491, 492, 494, 496
- современная эпоха — 326—333, 495, 496

Война

- буржуазные концепции — 316, 317, 320—323
- военная деятельность — 318—320
- военная техника — 318, 319, 329—333
- исторический процесс — 310, 316, 318, 320, 322—333
- и классы — 310, 316—330
- и капитализм — 323
- и милитаризм — 329, 330, 332
- и мир — 316, 320, 328, 329, 331—333
- и общественный прогресс — 324—331
- и политика — 317, 320—325, 329—331
- и современная эпоха — 320—323, 325, 326, 330—333
- и социализм — 323, 330—332, 396, 397
- историческая сущность, содержа-

ние, характер — 316—318, 321—324

- исторические типы войн — 310, 316, 324—326
- экономика (экономические отношения) — 318, 319, 322, 326, 330, 331

Классы — 35—43, 71, 74, 77, 78, 94—100, 289—293, 413—419

- и бесклассовая структура общества — 41—44, 68, 78, 395
- и буржуазные концепции социальной структуры — 75—77
- и классовая борьба — 67, 74, 75, 273—284, 288, 310—313, 315, 409, 410, 430—434, 449—452
- и классовые отношения — 74, 75, 77
- и общественное производство — 67—72, 74
- и общественное разделение труда — 68
- и общественные индивиды — 69, 73, 141—145
- и отношение к средствам производства — 70—72
- и прибавочный труд (продукт) — 72
- исторический процесс классообразования (разделение общества на классы) — 68, 69, 345—348, 350—357, 403—406
- как категория исторического материализма — 67, 69—74
- как форма дифференциации и консолидации общественного развития — 67—72, 74, 77, 78, 477—479
- классовая структура общества — 55—62, 69, 70, 72, 73, 364—372, 374—377, 380—382
- социальный облик — 73, 74, 207—213, 219
- См.: первобытная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, коммунистическая общественно-экономические формации, раннеклассовое общество, соци-

альная революция, общественная структура, культура, образ жизни, социализм, война, сферы общественной жизни, личность, народные массы, насилие социальное

Коллектив

- естественно сложившийся коллектив — 102, 103, 334—344
- и производственные отношения — 102, 104—106, 112
- и человек — 106, 108—111, 180—190, 459—467
- иллюзорная (мнимая коллективность) — 102—104, 217—219, 480
- исторические типы коллективности — 102—106
- как форма дифференциации и консолидации общественного развития — 102, 105, 107—109, 112
- как форма совместной деятельности (труда) людей — 104, 107—111
- коммунистическая коллективность — 102, 105, 112, 220—224, 498
- социалистический коллективизм — 102, 104—109
- трудовой коллектив — 43, 105—112, 247, 306, 307
- факторы зрелости коллектива — 107, 109, 111

Культура — 191, 203, 220—223, 340—342, 369, 376—377, 381, 382

- буржуазная культура — 180, 183—187
- и буржуазная социальная наука, культурология — 166—171, 178
- и деятельность — 164—166, 171, 172, 175, 179
- и история — 163, 166—168, 170—174, 179—190
- и классы — 185, 186
- и материалистическое понимание истории — 166, 172, 174
- и общество — 163—173, 176, 178—190
- и общественное производство — 177—179, 189
- и общественные отношения — 164, 165
- и отчужденная (превращенная) форма социальной связи — 183—185, 187, 464—466, 482
- и природа — 163, 164, 167, 180, 182, 183, 188
- и труд — 171, 172, 175, 176, 189
- и человек (личность) — 129—137, 143, 163, 165, 167, 174—181, 183—189, 459—467, 476, 484, 485
- и цивилизация — 180, 182, 183, 185, 510

- источник происхождения — 172, 175, 176
- как социально-философская категория — 163—167, 172—174, 179, 181, 182, 184, 190
- как сфера производства и воспроизводства человека как общественного индивида — 174, 175, 177—181, 183, 188, 189
- культурная миссия социализма — 180, 185—190
- личностная форма развития культуры — 187—189
- общественное и индивидуальное — 180, 188, 189
- свободная, всесторонне развитая индивидуальность — 131, 180, 181, 184, 185, 187—189, 220, 224, 255—257, 267—270, 459—467
- социальная функция культуры — 176, 179—181, 183, 186, 188
- и подлинная история (коммунизм) — 185—190, 459—467, 476, 479, 480

Личность — 58, 161, 162, 339—342, 455—457

- активность Л. — 136, 140, 143, 144
- и диалектика общественного и индивидуального развития человека — 133, 140—146, 147—153, 154—161
- и диалектика объективного и субъективного — 140, 144—146
- и диалектика природного (биологического) и общественного развития человека — 128—138
- и духовный и нравственный облик — 128, 137
- и классы — 69, 73, 141, 142, 144, 145
- и культура — 129—137, 143, 163—167, 174—181, 183—189, 459—467
- и образ жизни — 199—223
- и общение — 128, 145, 148
- и общественные отношения — 127—132, 138, 140—145, 147—153, 154—161
- и поколение людей — 129, 130, 137, 138, 147, 148
- и производство и воспроизводство непосредственной жизни — 125—128, 131, 137, 138
- и производство и воспроизводство человека — 125—128, 130—133, 136—138, 142
- и семья — 126, 127, 131, 137, 138
- и социальное наследование — 128—132, 134—136, 147—154
- и труд — 142
- коммунизм (подлинная история) — 459—467, 476, 484, 497—507

- социализация индивида — 129, 130, 134, 145, 146
- социализм — 130, 131, 143
- социальные типы личности — 141, 142, 146, 202, 339—346
- социальная среда человека — 144—146
- социальная эволюция — 131, 132
- сущность человека — 133—136, 138—141, 144
- универсальная, свободная индивидуальность — 131, 152, 153, 255—257, 267—270

Мир

- и борьба за мир — 326, 331, 332
- и война — 320, 327—329, 332, 333
- и исторический процесс — 320, 326—328
- и классы — 320, 326, 327
- и мирное сосуществование капиталистической и социалистической систем — 327, 333
- и общественный прогресс — 326, 327, 331, 332
- и социализм — 327, 332, 333
- и социальная революция — 332, 333

Насилие социальное

- буржуазные концепции насилия — 313, 314
- виды Н. с. — 311, 312, 314, 315
- и война — 310, 311
- и государство — 310
- и исторический процесс — 310—316
- и классы, классовая борьба — 310—313, 315
- и социальная революция — 313—316
- исторический характер Н. с. — 310, 311, 316
- идеологическое — 312
- как род человеческой деятельности — 310, 313, 314, 316
- политическое — 312, 314
- сущность — 310, 311
- формы Н. с. 313, 314
- экономическое — 311, 312, 314

Народные массы

- буржуазные концепции о роли масс и личности в истории — 435—437
- взаимосвязь творческой активности масс и конкретно-исторических условий — 438—446, 449
- закон возрастания роли народных масс в истории — 429, 437—449, 454, 455
- и классы — 430—434, 440, 442, 449—452

- и коммунистическая партия рабочего класса — 452—458
- и личность — 455—457
- и социальная революция — 430—432, 433, 439, 445—451, 454
- как движущие силы и творцы истории — 429—434, 453
- народные массы при социализме — 434, 444—446
- понятие народа — 429—431, 434, 453
- рабочий класс как выразитель интересов трудящихся масс, его всемирно-историческая миссия — 432, 433, 440—445, 450—453, 499
- стихийность и сознательность в народных движениях — 440—443, 446—453
- субъективный фактор истории — 439
- См.: Советский народ, социальная революция

Нормы социальные

- исторические типы нормативного регулирования 155—162
- и взаимодействие общества и личности — 154—161
- как понятие — 154, 155
- классовый характер — 157—161
- нормативные отношения — 154
- мораль — 158—161
- общественные отношения — 154—157
- политика, право — 157—162
- социализм — 161, 162
- социально-исторические общности людей — 157—161

Образ жизни

- диалектика субъективного и объективного — 191, 202
- и деятельность общественных индивидов — 192, 199, 202, 217—220
- и исторический процесс 191, 193, 196, 202
- и исторические формы зависимости (социальной связи) индивидов — 203—218, 220, 224
- и классы — 191, 207—213, 219
- и культура — 191, 203, 220—223
- и личность (индивидуальность) — 191, 199—223, 224
- и мнимая коллективность — 217—219
- и общественно-экономическая формация — 191, 193, 196, 197—203, 207, 208, 215
- и общественные отношения — 192, 197, 201—207
- и подлинный коллективизм — 220—224

- и рабовладение — 207—210
- и способ общественного производства — 196, 197, 210—217
- и труд — 209, 216—222
- и феодализм — 207—215
- исторические формы образа жизни людей — 204—224
- как непосредственная (повседневная) жизнь общественных индивидов — 191, 192, 195, 199—203, 222—224
- как производство и воспроизводство непосредственной жизни — 196
- как социально-философское понятие — 191—202
- как способ (форма) проявления социального в индивидуальном — 199—202, 214—223
- как формы жизни и деятельности людей — 191, 193, 197—203, 219—221
- качество жизни — 193, 200
- капиталистический (буржуазный) образ жизни — 193, 215—219
- коммунистический образ жизни — 220, 222, 224
- образ жизни первобытных народов (племен) — 204—207
- самодеятельность — 218—223
- социалистический образ жизни — 221—224, 269, 270
- стиль жизни — 200
- традиционно-общинный образ жизни — 205
- уровень жизни — 200

Общности социально-этнические (национальные)

- и национальность, этническая общность людей — 79—84, 90—92, 96
- и общественно-экономическая формация — 78—88, 90
- и общественные (социальные) связи людей — 81, 82, 91, 92
- как социально-исторические общности людей — 36, 40, 57, 78, 88
- как форма дифференциации и консолидации общественного развития — 78—91, 96, 201
- народность — 41, 44, 78, 82, 86, 87
- нация буржуазная — 41, 78, 82, 88—90
- нация социалистическая — 44, 78, 82, 90—92, 96
- племя (союз племен) — 41, 78, 82, 83—87, 204, 337, 338, 343
(см.: советский народ, всемирность исторического процесса)

Планомерность

- гармонизация общественного развития — 299, 307, 308
- и идеологические отношения 294, 297, 298
- и классы — 290, 293, 297
- и капитализм — 294, 295
- и неравномерность и равномерность общественного развития — 299—302, 506
- и неантагонистические общественные противоречия — 301—308, 506
- и общественная практика — 292—299, 302—309
- и общественно-экономическая формация 293—295, 298, 308
- и общественная собственность на средства производства — 296, 297
- и пропорциональность — 296, 299—301
- и сознательность, организованность — 290—300, 306, 307
- и социализм — 292, 294—308, 505
- и социальное управление 302—307
- и стихийность — 290—297, 302—309
- и субъективный фактор — 298—308
- как диалектика субъективного и объективного — 290—306
- как закон развития и функционирования коммунистической формации — 293, 296—298, 308, 497, 498, 505
- как понятие исторического материализма — 292, 293, 298
- как форма исторического процесса — 292, 293, 296—309
- политическое руководство — 297, 298, 307

Поколение

- исторические типы поколений — 147, 151—153
- исторические типы традиционной ориентации личности 147—152
- как социально-философское понятие — 146—148
- общество и личность — 147—153
- социальное наследование 147—154
- социальное и биологическое в смене поколений — 146, 147, 153, 154
- социализм — 151—153
- традиция — 148—153

Предыстория

- и докапиталистические формации — 475—479

- и исторические формы общественной зависимости людей — 464—469, 473—483
- и капитализм — 465, 466, 481—485
- и классы — 467, 477—479
- и коммунистическая формация (подлинная история) — 459—463, 497, 498, 500, 502
- и общественная свобода — 479, 480
- и развитие производительных сил — 470—475, 480, 483
- и формационное членение — 459—463, 468, 469
- и цивилизация — 468, 477, 480
- и человек — 459—467, 476, 484, 485
- как отчужденная форма общественного развития — 464—467, 484
- как понятие исторического материализма — 460—462
- как процесс производства всесторонних общественных отношений (связей) людей — 464—466, 475, 477, 483—485
- как «царство необходимости» — 479—480
- общественный прогресс — 459, 463, 464, 469
- община — 471—475, 478
- первичная и вторичная общественные формации — 468, 469
- предпосылки перехода к подлинной истории — 464—467, 484—496
См.: Всемирность исторического процесса

Прогресс общественный

- и антагонистическое общество — 261—266, 268
- и буржуазная философия истории, футурология — 248—250, 262—269
- и диалектика потребностей и средств удовлетворения их — 260—262
- и единство и многообразие исторического процесса — 262—264
- и коммунизм — 255, 256, 265
- и НТР — 254, 257, 266, 267
- и общественное производство — 254, 257—261
- и предыстория — 256, 264, 266, 459—464, 469
- и производительные силы; производительность труда — 250—259
- и развитие человека — 255—257, 267—270, 459—464, 469, 484, 485
- и смена общественно-экономических формаций — 251—256, 262, 265

- и современная эпоха — 264, 266, 268—270
- и социализм — 259, 269
- и социальная революция — 269—272
- идея П. о. — 248—250, 267
- историческая необходимость П. о. — 260—264, 272
- исторические типы П. о. — 265—268
- как направленность исторического процесса — 248, 251—257, 260—270
- как социально-философское понятие — 80, 248—251, 262
- критерии П. о. — 250—259

Производство и воспроизводство непосредственной жизни

- и материалистическое понимание истории — 125—128, 131, 137, 138, 191—199, 200—203, 339, 340
- и общество (общественные отношения) — 126—128, 130, 131
- и производство средств к жизни (способ производства материальной жизни) — 125—128, 131
- и производство человека — 113—116, 121—128, 130—133, 136—138, 459—485
- и семья — 113, 116, 121—124, 126—128
- и труд — 126, 128

Раннеклассовое общество

- азиатская деспотия — 352, 353, 357, 361
- и азиатский способ производства — 10, 11, 15, 16, 30, 348—351, 354, 355
- и первобытнообщинная формация — 350—355
- и процесс классообразования — 350—357
- и рабовладение — 349—362
- и феодализм — 349—362
- и формационное членение исторического процесса — 10, 11, 15, 16, 30, 348—350, 351—362
- как переходный этап общественного развития — 348, 351—362
- община — 349—356

Семья

- и диалектика естественного и социального — 114, 115
- и диалектика общественного и индивидуального — 114, 119
- и первобытнообщинная формация — 116, 339—346
- и производство и воспроизводство человека — 413, 116, 121—124
- и человек (личность) — 113—115, 120—124

- и экономические (производственные) отношения — 116—119
- исторические формы моногамной семьи — 116—118
- как элемент социальной структуры общества, социальная ячейка — 35—43, 113—116
- семейно-брачные, семейно-бытовые отношения — 113—123
- современные проблемы — 120—124
- социализм — 44, 113, 118, 119

Социальная (общественная) революция

- и диалектика производительных сил и производственных отношений — 279, 280, 287
- и диалектика субъективного и объективного — 282, 284, 286, 287, 289
- и диалектика общего и особенного — 284—288
- и классовая борьба, классы — 273—282, 284, 287, 288
- и капитализм — 275—278
- и общественный прогресс — 271, 272, 279—288
- и общественный регресс — 271, 272
- и общественные противоречия — 280—284, 288
- и преемственность исторического процесса — 279, 280
- и производительные силы — 274—277
- и политическая революция — 276, 278, 281, 282, 288
- и современная эпоха — 282, 288
- и социализм — 276—278
- и социальная эволюция — 271—275, 282, 286
- и экономическая революция — 274—278
- исторические типы социальной революции — 279—288, 402—428
- как закон смены общественно-экономических формаций — 279—288, 402
- как понятие — 271, 273, 283—287
- как форма исторического процесса — 271
- стихийное и сознательное — 274, 289, 292
- социология буржуазная — 272, 286
- эпоха социальной революции — 279, 282

Социальная революция в эпоху перехода к антагонистической общественно-экономической формации

- и возникновение классов — 403—406

- и неолитическая революция — 402, 406
- и общественное разделение труда — 404—407
- и политическая надстройка — 407
- и переход к рабовладению — 408, 409
- и переход к феодализму — 408
- и процесс разложения первобытнообщинной формации — 344—348, 402—408

Социальная революция в эпоху смены рабовладельческой формации феодальной

- и исторический генезис феодальной формации — 410—412
- и классовая борьба — 409, 410
- и народные массы — 411
- и общественные противоречия, кризис рабовладельческой формации — 409, 410
- как исторический тип социальной революции — 409—412

Социальная революция буржуазная

- буржуазная социально-политическая революция — 276, 286, 413—416
- буржуазная экономическая революция — 275, 276, 413
- буржуазно-демократические революции — 416—419
- и класс буржуазии — 413—419
- и рабочий класс — 417—419
- и роль народных масс, трудящихся — 414—417, 420
- и становление буржуазных производственных отношений — 412—418
- и феодализм — 412—418
- национально-освободительное движение — 414—420
- общественный прогресс — 286, 416

Социалистическая революция

- и всемирно-историческая миссия рабочего класса — 422—424, 485
- и всемирность исторического процесса — 420, 489—491, 493—496
- и демократия — 222, 223, 424—427
- и диктатура пролетариата — 425—427
- и народные массы — 424
- и общественная собственность на средства производства — 421, 422, 427
- и общественные противоречия капитализма — 421, 422
- и общественный прогресс — 420, 421
- и социальное насилие — 426

- как исторический тип социальной революции — 276—278, 420, 421
- мировой революционный процесс — 420, 423, 428, 489—496
- многообразие форм, методов, путей осуществления — 420, 421, 426, 428
- некапиталистический путь общественного развития — 428
- общие закономерности — 420—425

Социализм

- и мировой революционный процесс — 398—400, 420, 423, 428
- и общественное производство — 392, 393
- и политическая сфера общественной жизни — 396, 501
- и предпосылки высшей фазы коммунизма — 393, 397, 399, 503, 504
- и производительные силы — 393, 394, 397, 502—504
- и производственные отношения — 392—395, 421, 422, 427, 501—504
- и социальная структура — 41, 42, 43, 394—397
- как первая (низшая) фаза коммунизма — 43, 390—399, 501, 502
- мировая система социализма — 399—401, 508, 515—518
- этап зрелого, развитого социализма — 43, 390—393, 397—399, 501—504
- См.: классы, коллектив, коммунистическая формация, культура, личность, война, мир, народные массы, образ жизни, общественный прогресс, плановость, социалистическая революция, социальное управление, советский народ, стихийность, сферы общественной жизни

Советский народ

- и диалектика национального и интернационального — 95—102
- и диалектика социального и интернационального — 93, 94, 97—100
- и диалектика социального и этнического — 96, 100, 101
- и классы — 94, 97—100
- и нации — 93—101
- и социалистическая коллективность — 97, 98, 102
- и социальная структура — 95, 100, 101
- и социалистическое общество — 93—95, 98, 99
- как историческая общность людей — 44, 92—94, 97—101, 434

- как форма консолидации социалистического общественного развития — 93—95, 101
- образование, диалектика развития — 95—102

Стихийность общественного развития

- и бессознательность — 290, 291
- и капитализм — 295—299, 301
- и классы — 289—293, 297
- и общественные интересы — 289, 290
- и общественные противоречия — 290, 303, 304
- и плановость — 292—297, 302, 304
- и сознательность — 289—293, 297
- и социализм — 297, 301—306, 505
- и социальная революция — 274, 289, 440—443, 446—453
- как понятие исторического материализма — 289—292
- как форма исторического процесса — 274, 289, 292, 293, 301
- исторические причины — 289—296
- неравномерность общественного развития — 299

Структура общественная

- и общественно-экономическая формация — 34, 38, 41
- и общественные отношения — 34—40
- и социально-исторические общности людей — 35—40, 44, 45, 54, 201—202
- и социальные отношения — 36—44, 54, 55, 57, 60
- и социальные ячейки — 35, 38—43, 54
- и субъекты общественной жизни — 34
- и сферы общественной жизни — 34, 35, 37, 38, 49
- классы — 35, 37—44
- социальная однородность — 41—44
- социальная структура — 39—43, 54, 57, 66
- социальная сфера общественной жизни — 48—60, 66
- трудовой коллектив — 43

Сферы общественной жизни

- базис и надстройка — 56, 59, 60, 64
- взаимосвязь, взаимопереход сфер общественной жизни — 51, 52, 55—62, 64
- духовная — 49—52, 62—66
- зрелый социализм — 52, 66

- и социально-исторические общности людей — 54—58, 66
- как понятие — 46—51, 66
- классификация — 47, 50
- классы — 51—62, 65
- материальная — 49—52
- общественная структура — 49
- общественное сознание — 58—66
- политическая — 49—52, 59—65
- социальная — 48—60, 66
- социальная структура — 54, 57, 60
- способ производства — 49, 55, 56
- экономическая — 48—64
- элементы сфер общественной жизни — 46—49

Социальное управление

- государство, политика — 232, 233, 239—243, 247
- и капитализм — 226, 227, 233—239
- и классы — 232, 233, 240, 244
- и общественно-экономическая формация — 225—229, 236—239, 241
- и сознательность — 235, 236, 239—241, 245
- исторические типы социального управления — 225—227, 232—238, 241, 246
- как отношения в обществе — 233, 237, 246, 247
- как социально-философская категория — 226, 235
- как труд, деятельность — 229—234, 237, 245—247
- механизм управления — 225, 226, 229, 232—241, 243—247
- общественная система — 225—227, 228—232, 236, 240—246
- общественное самоуправление — 247
- объективное и субъективное — 233, 235, 236, 245, 246
- планомерность — 240, 242
- социализм — 226, 227, 233, 241—247
- стихийность — 226, 235, 236, 239, 240
- трудовые коллективы — 247
- функции социального управления — 232, 237—239, 242, 245

Формация общественно-экономическая

- базис и надстройка общества — 15, 16, 33
- вторичная — 11, 12
- естественно-исторический процесс развития и смены ОЭФ — 5, 13, 14, 20, 23, 27, 32, 33

- и буржуазная философия истории, социология — 6—9, 14, 20, 26, 27
 - и историческая эпоха — 24, 25, 32
 - и критерии членения исторического процесса (основные ступени всемирной истории, ее периодизация) — 6—13
 - и материалистическое понимание истории — 5, 10, 13, 14, 18, 19, 26—32
 - и общественная структура — 34—45
 - и общественный прогресс — 6, 23, 251—256, 262, 265
 - и общественный способ производства — 10—16, 21, 31
 - и общество — 8—13, 20, 22, 25—30
 - и производственные отношения (типы (формы) собственности) — 10—21, 27, 28, 30, 33, 54
 - и социальный (общественный) организм — 20, 24
 - и сферы общественной жизни — 17, 33, 46—50, 52, 54, 56
 - исторические типы социальности людей (исторические формы зависимости людей) — 11, 203—220, 464—469, 473—483
 - как исторически определенная ступень всемирной истории — 5, 8, 10—13, 19—24
 - как исторически развивающаяся общественная система (системно-исторический подход) — 12, 14, 19, 23—28, 31—33
 - как исторический тип общества (формационная типология) — 5, 6, 11—13, 20—24, 27, 30, 31
 - методологическое значение — 5, 12—22, 25—30
 - определение (как социально-философская категория) — 5, 8, 12—24, 27
 - первичная (архаическая) — 11, 12
 - подлинная история (коммунизм) — 12, 185—190, 459—463, 467, 497, 498, 504, 506, 508
 - предыстория — 12, 459—485
 - формационная теория и реальный исторический процесс — 6, 13, 14, 20—23, 25—30, 32
- См.: образ жизни, общности социально-этнические, планомерность, раннеклассовое общество, социализм, социальная революция, социальное управление, цивилизация, формации первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, коммунистическая

Формация капиталистическая

- законы капитализма — 379, 382, 383, 388, 389
- и всемирность исторического процесса — 384, 385, 388, 389, 485—489, 491—493
- и материально-технические и организационные предпосылки социализма — 383, 384, 388, 389, 464, 466, 467, 484, 485—496
- и предыстория — 465, 466, 481—485
- и феодализм — 384—387
- и цивилизация — 380, 468, 477, 480, 509—516, 519
- империализм — 378, 382, 386—389, 493—495
- исторические этапы — 378, 382, 383, 386, 387
- исторический генезис, становление — 378, 382—387
- как стихийная форма общественного развития — 295—299, 301, 382
- как ступень исторического процесса — 18, 22, 378, 379, 383—387
- политика — 380, 381
- производительные силы — 379—385, 388, 389
- производственные отношения — 378—382, 388, 389
- социальная революция — 412—420, 489—491, 493—496
- социально-классовая структура — 380—382
- способ производства — 378—382

Формация коммунистическая

- и диалектика интернационального и национального в общественном развитии — 95—102, 506
- и коммунистическая цивилизация — 508, 509, 512—519
- и предыстория — 459—463, 467, 497, 498, 500, 502, 506
- и процесс преодоления классовых различий — 41—44, 68, 78, 395
- и социализм — 43, 390—399, 500—505, 508
- исторические этапы — 501
- как подлинная история — 11, 459—463, 467, 497, 498, 504, 506, 508
- как «царство свободы» — 498, 505
- социалистическая революция — 420—428, 489—491, 493—496
- См.: коллектив, культура, личность, образ жизни, общественный прогресс, планомерность, социализм, социальное управление, социалистическая революция

Формация первобытнообщинная —

- и земледельческая, сельская, соседская общины — 344—348
- и человек — 339—342, 346
- исторический генезис, становление — 334, 342, 343
- культура — 304—342
- неолитическая революция — 334, 337, 340—343
- общественное сознание — 340—342
- первобытнообщинная коллективность — 102, 334, 336, 338, 340—344
- производительные силы — 334—340, 343, 344, 346
- производственные отношения — 334, 336—340, 344, 346, 348
- производство и воспроизводство непосредственной жизни — 339, 340, 341
- процесс разложения, распада первобытнообщинной формации, процесс классовобразования — 344—348, 402—408
- родовая (первобытная) община — 83, 102, 103, 334, 336—338, 341—345, 404
- родоплеменной строй (родовые связи, структура) — 83—87, 336—344, 346, 404
- семейно-брачные отношения — 339, 340
- семья — 344, 346
- способ производства — 335—346
- труд — 335—338, 340, 343, 346, 347

Формация рабовладельческая

- и община — 363—368
- и первобытнообщинная формация — 362, 366—368
- и феодализм — 361, 362, 372
- и членение исторического процесса — 30, 31, 361—365
- кризис формации рабовладельческой и переход к феодализму — 370—372, 409, 410
- материальное и духовное производство — 369
- общественные отношения — 363—377
- производительные силы — 362
- производственные отношения — 363—369, 371
- раннеклассовое общество — 349—362, 371
- социально-классовая структура — 364, 366—372
- способ производства — 361—366, 370—372

Формация феодальная

- духовная жизнь — 376, 377, 412
- и капитализм — 377, 378, 384—387
- и община — 363—366, 372—374
- и рабовладение — 361, 362, 372, 373, 375, 377
- и членение исторического процесса — 30, 31, 361—365
- общественные отношения — 363—365, 373, 374, 377
- производительные силы — 362, 373, 375
- производственные отношения — 363—366, 372—375
- социально-классовая структура — 361, 374, 375—377
- способ производства — 361—365, 372—375

Цивилизация —

- и буржуазная философия истории — 14, 509—511
- и культура — 180—185, 510
- и подлинная история — 509—519
- и предыстория — 380, 468, 477, 480, 509, 512—519

- исторические типы цивилизации — 215, 216, 509, 511—514, 517
- как характеристика исторического процесса — 508—511
- мировая цивилизация — 512, 515—518

Эволюция общественная (социальная)

- и капитализм — 272, 273, 275, 276
- и классовая борьба — 273, 274, 276
- и производительные силы — 274—276
- и социализм — 276—278
- и социальная революция — 271—275, 277, 278
- и экономическая эволюция — 274—276
- как социально-философское понятие — 271—273
- как форма исторического процесса — 271—274, 278
- эволюционизм (неоэволюционизм) в буржуазной социологии — 272

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абалкин Л. И.— 292, 293, 503
Абишев К.— 139
Абульханова-Славская К. А.— 139
Аверкиева Ю. П.— 85, 263, 403, 407
Адо А. В.— 287
Азаров Н. И.— 59
Алексеев А. Н.— 191
Алексеев В. В.— 83
Амвросов А. А.— 41
Ананьев Б. Г.— 139
Ангелов Ст.— 139
Андреев И. Л.— 25
Андреев В. В.— 367
Андреева Г. М.— 147
Андреева И. С.— 321
Андропов Ю. В.— 92, 93, 333, 399, 400, 401, 507
Анисимов С. Ф.— 155, 157
Анненков П. В.— 53
Антигона — 208
Ануфриев Е. А.— 139, 195
Антекер Г.— 435
Араб-Оглы Э. А.— 261
Арендт Х.— 271
Аристотель — 209
Арутюнов С. А.— 85
Архангельский А. И.— 83
Архангельский Л. М.— 139, 155
Асланян Г. Г.— 261
Афанасьев В. Г.— 25, 28, 29, 33, 35, 47, 225, 227, 230, 231, 234, 235, 296, 297, 299
Афанасьев О. А.— 353
Ашин Г. К.— 75, 435, 437, 443, 445
- Бабеф Г.— 413
Багатурян Г. А.— 50, 51
Баграмов Э. А.— 83
Бакунин М.— 315
Бакштановский В. Н.— 155
Банкрофт Х. Х.— 11
Барг М. А.— 23, 25, 409
Барулин В. С.— 35, 63
Батенин С. С.— 133, 139
Бaudиссин В.— 323
Бауэр Б.— 435
Бахта В. М.— 341
Бачешкина Т. И.— 127
Бебель А.— 314
Беленький В. Х.— 443, 445
Белкинд Л. Д.— 335
Белл Дж.— 15, 436, 437
Белов Г. А.— 59
Белых А. К.— 59
Беляев Д. К.— 137
Берин Л.— 349
Бернал Дж.— 259
Бернхем Дж.— 436
- Бестужев-Лада И. В.— 195, 261
Бёниш А.— 75, 77
Блауберг И. В.— 25
Блюм Р. Н.— 281
Боас Ф.— 168
Бобнева М. И.— 161
Боголюбова Е. В.— 163
Бодалев А. А.— 147
Бородин Е. Т.— 127
Брежнев Л. И.— 509
Бромлей Ю. В.— 9, 81, 83, 169, 171, 377
Бруно Д.— 435
Бугреев А. Н.— 293
Буева Л. П.— 107, 139, 147, 149
Булгакова Е.— 211
Бурдина А. И.— 63
Бурлацкий Ф. М.— 59, 435
Бурмистрова Т. Ю.— 83
Буслов К. П.— 139
Бутенко А. П.— 195, 199, 251, 255, 391, 431
Бутынов Н. А.— 341
Бэкон — 248
- Ванслов В. В.— 259
Варга Е. С.— 353
Варрон — 370
Василевский Е. Г.— 387
Васильев Л. С.— 149, 351, 353, 359
Вебер М.— 20, 168
Вейзенгрюн П.— 125
Вернадский В. И.— 229
Веселовский О. Н.— 335
Вико Дж.— 167
Винер Н.— 234, 235
Вишневский Ю. Р.— 166, 167, 195
Вишняков А. С.— 59
Власова В. Б.— 149
Водолазов Г. Г.— 421
Волгин В. П.— 213
Волков Г. Н.— 63, 259, 335
Вольтер — 248
Выготский Л. С.— 128
- Гайденко П. П.— 151
Гак Г. М.— 203
Галиссо Р.— 17
Галкин А. А.— 435
Гамаюнов Л. С.— 353
Гарушкин С. М.— 19
Гарушанц Ю. М.— 353
Гвишиани Д. М.— 297
Гегель Г.— 7, 55, 128, 321
Гердер И. Г.— 167, 248
Гесиод — 209
Гиро П.— 209
Глезерман Г. Е.— 109, 253, 291, 391, 431
Глускина Л. М.— 371
Годелье М.— 353
- Гордон Л. А.— 195
Гракхи — 370
Греков Б. Д.— 411
Григорьян Б. Т.— 139
Гришин А. В.— 332, 333
Гуревич А. Я.— 209
Гуревич П. С.— 63
Гусейнов А. А.— 159
Гутман Д.— 115
Гэлбрейт Дж.— 269, 296, 297
- Давидович В. Е.— 164, 165
Давыдовский И. В.— 133
Дай Т.— 436
Даль Р.— 436
Данилевский Н. Я.— 171
Даниленко Д. И.— 283
Данилова Л. В.— 353
Дарский Л. Е.— 123
Дашамянов А. Ф.— 83, 93—97
Демидов А. И.— 291
Демин М. В.— 139
Денисов А. И.— 283
Денисов В. В.— 213, 435
Денисюк Н. П.— 149
Джунусов М. С.— 17, 83
Дмитриева Н. А.— 259
Добров Г. М.— 259
Добрынина В. И.— 141
Доватур А. И.— 367
Дорошина Н. И.— 323
Дридзе Г. М.— 195
Дробницкий О. Г.— 155, 157
Дроздов А. В.— 39, 49
Дружинин Н. М.— 387
Дубинин Н. П.— 133, 135
Дубровский Д. И.— 135
Лудченко В. С.— 191
Дюринг Э.— 260, 313, 319
Дюркгейм Э.— 168
- Ежов В. А.— 75
Ельмеев В. Я.— 259
Еневич Ф. Ф.— 25
Еремеев Д. Е.— 99
Еремин Ю. Е.— 420
Ефимов А.— 15
Ефимов Ю. И.— 83
- Жданко Т. А.— 87
Жданов Е.— 327
Жданов Ю. А.— 164, 165
Жуков Е. М.— 283, 358, 359
- Загладин В. В.— 383, 391
Замошкин Ю. А.— 153
Зародов К. И.— 421
Зворыкин А. А.— 259, 335
Здравомыслов А. Г.— 195
Злобин П. С.— 163, 165
Золотарев А. М.— 83
- Иванов В. Г.— 105, 107

Игнатов И. И. — 117
Иконникова С. Н. — 147
Ильин Г. Ф. — 369
Ильиных Э. В. — 135
Илющечкин В. П. — 7, 359
Ион Э. — 164
Прибаджаков Н. — 55

Кабо В. Р. — 341
Каган М. С. — 164, 165
Казаков А. П. — 261
Какабадзе З. М. — 139
Калиновская К. П. — 339
Калтахан С. Т. — 79, 83
Каммари М. Д. — 431
Камынин И. И. — 291
Каналь Ж.-С. — 353
Кант И. — 6, 167
Карапетян Л. М. — 225
Кареев Н. И. — 125
Карлейль Т. — 436
Карпов М. М. — 259
Карсаевская Т. В. — 135
Катон — 370
Каутский К. — 125, 283
Качановский Ю. В. — 351
Квасов Г. Г. — 307
Кейнс Д. — 388
Келле В. Ж. — 199, 201, 353
Келлер С. — 436
Кемеров В. А. — 139
Керимов Д. А. — 157
Керимова Т. В. — 225
Киселев В. П. — 195, 199
Клаузевиц К. — 320, 321
Клифен — 367, 408
Клопов Э. В. — 195
Князев Б. В. — 103, 105
Кобищанов Ю. М. — 358, 359

Ковалев А. М. — 127, 283
Ковалев С. М. — 139
Ковальзон М. Я. — 199, 201
Коган Л. Н. — 147, 166, 167, 195, 431
Козинг А. — 79, 83, 91, 93
Козлов В. И. — 83, 85
Козловский В. Е. — 391
Кон И. С. — 139, 141, 147
Кондорез Ж. А. — 248, 249
Константинов Ф. В. — 431
Конт О. — 167, 168, 249
Конфедератов И. Я. — 335
Королев А. И. — 353
Коростовцев М. А. — 369
Корсунский А. Р. — 405, 409, 411, 499
Косолапов В. В. — 261
Косолапов Р. И. — 43, 391, 395, 503
Коселенко Г. А. — 367
Крапивенский С. Э. — 127, 283
Красин Ю. А. — 279, 285, 421
Краснов В. М. — 27
Кребер А. — 168, 169
Крупская Н. К. — 331, 333
Кугель С. А. — 39
Кудрявцев М. К. — 353, 355
Кузин А. А. — 273
Кузьмин В. П. — 25—27, 53, 55
Кузьминов И. И. — 107
Куликова И. И. — 259
Куличенко М. И. — 83, 99
Кулишер И. М. — 205, 213
Кущенко В. И. — 305
Кушлин В. И. — 503

Ласки М. — 271
Лашина М. В. — 49, 59
Лащук Л. П. — 87

Левин-Строс К. — 149
Левыкин И. Т. — 195
Леваш И. Я. — 251
Ленин В. И. — 10, 13—15, 17—27, 38, 41, 42, 44, 45, 55, 59, 60, 62, 69, 70, 72, 73, 75, 77, 79, 80, 88, 90, 93, 102—104, 106, 115, 118, 119, 123, 125, 141, 161, 162, 184, 193, 198, 222, 237, 239, 240, 242, 244, 246, 250—252, 262—264, 267—270, 272, 274, 275, 277, 279—282, 284, 286, 288, 290, 292, 295, 300, 305, 307, 308, 312, 315, 316, 321, 322, 324—327, 331, 332, 348, 349, 378, 380, 383, 386—388, 390—392, 398, 415, 416, 418, 420, 424—427, 429, 430, 432, 433, 437, 438, 440, 441, 443, 444, 446—448, 450—458, 475, 480, 493—496, 499, 500—502, 513, 515—519
Леонтьев А. Н. — 129, 139
Леонтьев Л. А. — 387
Лилли С. — 361
Лилльберн Д. — 415
Лисицкий В. И. — 261
Ломов Б. Ф. — 135
Лукеренко В. Л. — 195
Лысманкин Е. Н. — 285
Льюис Дж. — 131

Макаровский А. А. — 251
Макнавелли Н. — 436
Макгейм К. — 436
Маневич Е. Л. — 503
Манфред А. З. — 415
Маретин В. В. — 341
Маркарин Э. С. — 25, 163—166, 171, 377
Марков В. С. — 195
Марков Г. Е. — 85, 87
Марков М. — 226, 227
Маркс К. — 5, 8—13, 15—18, 22—31, 36, 37, 49, 53, 56, 67—69, 71, 73, 77, 79, 84, 109, 104, 106, 112, 115, 119, 120, 125, 127, 141, 148, 162, 171, 172, 174, 176, 179, 180, 182, 184, 189, 196—198, 204, 205, 207, 209, 211, 215, 216, 218, 220, 223, 226, 230, 233, 240, 250—252, 254, 267, 274, 277, 279, 281, 284, 285, 288—290, 308, 311, 312, 336, 337, 339, 345, 346, 348, 349, 352, 356, 357, 361—366, 370, 372, 374, 379, 384, 390, 392, 395, 408, 409, 416, 423—425, 430, 433, 435, 437, 438, 446, 452, 457, 461, 464—466, 468, 469, 471—474, 476, 477, 479, 480, 483, 485—493, 496, 498—500, 502—504, 506, 511, 515

Маркузе Г. — 152
Массон В. М. — 343
Маурер Л. Г. — 11
Медведев В. А. — 503
Медведев Е. М. — 358, 359
Мейн Г. — 319
Мейман М. Н. — 409
Меликшвили Г. А. — 351, 353
Мелле Ж. — 213
Мельникова Н. М. — 147
Мельничков А. С. — 327
Михайловский Н. К. — 125
Миппин В. И. — 251

Мокроусов Н. Н. — 155
Момов В. — 139
Морган Л. — 11, 84, 468
Москва Г. — 436
Мотрошилова Н. В. — 153
Мульченко В. М. — 259
Мушкин А. Е. — 353
Мчедлов М. П. — 515
Мшвениерадзе В. В. — 59
Мысливченко А. Г. — 133, 139
Мюллер Г. — 314

Налимов В. В. — 259
Нарта М. — 435
Неусыхин А. И. — 352, 353
Никифоров В. Н. — 13, 17, 351
Никитюк Б. А. — 135
Николаев Н. — 195
Никольский Н. М. — 332, 333
Новикова Л. И. — 517

Оконская Н. Б. — 137
Омаров А. М. — 225
Орлов В. В. — 139
Орлова Э. А. — 195
Ортега-и-Гассет Х. — 147
Осипов Г. В. — 259
Осымова Н. И. — 259, 335

Павловская А. И. — 353
Панов В. Г. — 127
Парето В. — 436
Парсонс Т. — 168, 169
Пеньков Е. М. — 154, 155
Периц А. И. — 87, 407
Петропавловский Р. В. — 259

Печенев А. — 268, 269
Пичугин П. В. — 59
Платон 208, 210, 211, 436
Плетников Ю. К. — 9, 127, 319

Плеханов Г. В. — 125, 132, 205, 217, 255, 311, 457
Плимак Е. Г. — 353
Плиний-младший — 211
Плотников В. И. — 134, 135
Подмарков В. Г. — 109
Попов В. Г. — 9, 353
Попов Ст. — 147
Попов С. И. — 75
Попова А. Л. — 127
Поппер К. — 14, 15, 262, 263

Поршнев Б. Ф. — 81, 411, 447, 449
Потопкин В. А. — 277
Правдин Д. П. — 225
Прудон П.-Ж. — 29

Разин В. И. — 59
Райт Д. — 115
Райхельт Д. — 75, 77
Ратников В. П. — 102, 103
Ребин В. А. — 49
Рейзема Я. В. — 195
Риккерт Г. — 167, 171
Рогачев П. М. — 83, 93
Рогачев С. В. — 503
Рожин В. П. — 35
Розенталь М. М. — 23
Роман В. — 266, 267
Ростоу У. — 15
Рузвельт Ф. — 388
Румянцев А. М. — 335
Руткевич М. Н. — 37, 73, 195

Рыбаков Б. А.—349, 377, 405
Рыбкин В. И.—317

Сатыбалов А. А.—83
Салов В. И.—271
Сарсенбаев Н. С.—149
Сервлин М. А.—83, 93
Свердлов Я. М.—315
Селезнев М. А.—273, 281
Семенов В. С.—35, 71, 75, 95

Семенов С. А.—335, 403
Семенов Ю. И.—9, 83, 117, 127, 351, 353
Семенов Ю. Н.—15, 261
Сен-Симон К. А.—7, 8
Сервий Туллий—367, 408
Сиземская И. Н.—391, 503
Симуш П. И.—75
Синицын В. Г.—195
Сирин А. Д.—291

Сказкин С. Д.—371, 409
Слудский А.—415
Смирнов Г. Л.—139, 141, 147, 203, 270
Смит А.—29, 252, 466
Смолдырев Л. А.—503
Соболев А. И.—327, 328, 329

Собуль А.—425
Соковин В. М.—147
Соколов Э. В.—165, 166
Солон—209, 367, 408
Сольц И.—15
Сорокин П. А.—171
Софокл—211
Спартак—409
Спенсер Г.—168, 249

Спиркин А. Г.—139
Степанян Ц. А.—99, 431
Струве В. В.—353
Струмилин Г. Е.—253
Стучевский И. А.—351, 353, 359
Суханов И. В.—153
Сычев Ю. В.—147
Сюсюкалов Б. И.—391

Тарасенко Н. И.—93
Тейлор Э.—168
Тейяр де Шарден П.—133
Текеи Ф.—353
Тер-Акопян Н. Б.—339, 353
Титаренко А. И.—159, 259
Тихомиров М. Н.—411
Тодоров Ст.—147

Тойнби А.—14, 15, 171, 268
Токарев С. А.—83, 413
Толстых В. И.—63, 137, 199, 201, 221
Тоффлер О.—15, 268, 269
Тощенко Ж. Т.—53
Трофимов П. С.—259
Тугаринов В. П.—49, 133, 141
Танасе А.—413
Тюльпанов С. И.—239, 389
Тюрго А.—248
Тягуненко В. Л.—385

Уайт Л.—170
Уитмен У.—434
Уледов А. К.—35, 47, 51, 62, 63, 155, 166, 167
Уолтер Г.—133
Усенок В. Г.—15
Утченко С. Л.—365

Файнберг Л. А.—83
Файнбург З. И.—164, 165
Федосеев П. Н.—98, 99, 241, 254, 333, 421, 428, 431, 434, 435

Федоренко Н. П.—503
Федорова А. Т.—17
Филиппов Ф. Р.—75
Фихте И. Г.—7
Фишер К.—7
Форман Д.—271
Фридлендер Л.—211
Фридлянд Ц.—415
Фролов И. Т.—139

Хаан Э.—75
Хаммурапи—117
Хайчев А. Г.—117
Харাপинский Я. Л.—149
Херманн А.—269, 270
Херст П.—32, 33
Херц Х.—155
Херц Э.—155
Хиндесс Б.—32, 33
Хлопин И. Н.—85, 405
Хорошилов В. А.—141

Цаголов Н. А.—277
Цайглер Х.—436
Цакунов В. В.—503
Цамерян И. П.—83
Цекко Д.—63
Ципко А. С.—195, 199
Цицерон—209, 211
Черковец В. Н.—503

Черненко К. У.—399
Чернышев В. И.—259, 335
Черняк Е. Б.—409
Чертков В. П.—421
Чесноков Г. Д.—261
Чистозвонов А. Н.—287, 384, 385, 415

Шабад Б. А.—435
Шаронов В. В.—73, 75
Шевченко В. Н.—359, 361
Шевченко Ю. Г.—133
Шейнис В. Л.—239
Шейс Д.—414
Шекспир В.—211
Шелике В. Ф.—277
Шибутани Т.—129
Шишкин В. Ф.—259
Шкаратан О. И.—39, 81, 109
Шпенглер О.—171, 249, 509

Штаерман Е. М.—369, 373
Штейнберг Я. А.—335
Штракс Г. М.—309
Шумпетер И.—436
Шухардин С. В.—259, 273, 335

Щепаньский Я.—164, 165

Энгельс Ф.—10, 16, 17, 21, 24, 37, 67—69, 78, 79, 84, 89, 90, 102, 104, 106, 116, 119, 120, 125—128, 148, 160, 182, 196, 197, 206, 207, 219, 220, 223, 247, 252, 260, 266, 267, 275, 277, 278, 284, 287, 289, 290, 292, 296, 314, 318, 319, 329, 330, 335, 339, 348, 349, 374, 379, 380, 390, 392, 403, 406, 410, 413, 414, 416, 417, 423, 424, 427, 429, 431, 437, 438, 450, 452, 457, 467, 468, 474, 478, 479, 485, 489, 491, 493, 498, 499, 505, 508, 509, 515

Энгст Я.—161
Эфронсон В. П.—135
Юдин Э. Г.—25

Ядов В. А.—141
Якушевский И. Т.—283
Янг М.—437
Яницкий Н. О.—75
Ярошевский Т.—139

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Раздел первый ЦЕЛОСТНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ	
Глава 1. Общественно-экономическая формация	5
1. Категория общественно-экономической формации. Критерии членения исторического процесса	5
2. Формационная теория и реальный исторический процесс	15
3. Формация как исторически развивающаяся система . . .	25
4. Общественная структура	34
Глава 2. Экономическая, социальная, политическая и духовная сферы общества	46
1. Разработка категории «сфера общества». Ее сущностная характеристика	46
2. Диалектика экономической, социальной, политической и духовной сфер общества	52
Глава 3. Социально-исторические общности людей и социальные ячейки общества	67
1. Общественные классы	67
2. Племя, народность, нация	78
3. Советский парод	93
4. Коллектив	102
5. Семья	113
Глава 4. Общество и личность	125
1. Проблема человека как проблема производства и воспроизводства непосредственной жизни	125
2. Диалектика общественного и индивидуального развития человека	138
3. Смена человеческих поколений	146
4. Социальные нормы	154
Глава 5. Культура	163
1. Проблема культуры в современном обществознании . . .	163
2. Культура и развитие человека	173
3. Взаимосвязь культуры и общества	181

Глава 6. Образ жизни	191
1. Образ жизни: понятие и историческая действительность . . .	191
2. Формы образа жизни в условиях докапиталистического развития	203
3. Коренная противоположность буржуазного и социалистического образа жизни	215
Глава 7. Социальное управление	225
1. Основные характеристики социального управления	225
2. Исторический процесс и развитие механизмов социального управления	236

Раздел второй

ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ ФОРМ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Глава 1. Общественный прогресс	248
1. Идея общественного прогресса. Его критерии	248
2. Историческая необходимость общественного прогресса . .	259
3. Коммунизм как направление современного общественного прогресса	265
Глава 2. Социальная (общественная) эволюция и революция	271
1. Эволюционная и революционная формы исторического процесса	271
2. Социальная революция как закон смены общественно-экономических формаций	279
Глава 3. Стихийность и планомерность	289
1. Стихийная и планомерная формы исторического процесса	289
2. Способы реализации планомерности в развитии социалистического общества	299
Глава 4. Война и мир	310
1. Социальное (общественное) насилие и его роль в истории	310
2. Война как общественное явление. Диалектика войны и мира	316
3. Война, мир и общественный прогресс	327

Раздел третий

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС — ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ И СМЕНЫ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЙ

Глава 1. Формационные ступени исторического процесса	334
1. Первобытнообщинный строй	334
2. Проблема формационной природы раннеклассовых обществ	348
3. Рабовладение и феодализм	362
4. Капитализм	378
5. Первая (низшая) фаза коммунизма	390
Глава 2. Исторические типы социальных революций	402
1. Социальная революция в эпоху перехода к антагонистической общественно-экономической формации. Смена рабовладельческой формации феодальной	402

	2. Буржуазная революция	412
	3. Социалистическая революция	420
Глава 3. Исторический процесс и народные массы		429
	1. Народные массы — решающая сила общественного развития	429
	2. Закон возрастания роли народных масс в истории	437
	3. Политическое руководство массами. Массы, классы, партии, вожди	447

Раздел четвертый

ОТ ПРЕДЫСТОРИИ

К ПОДЛИННОЙ ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Глава 1. Место и роль предистории в общественном развитии		459
	1. Понятие предистории в историческом материализме	459
	2. Сущность и особенности общественного развития на этапе предистории	470
	3. Всемирность исторического процесса как предпосылка перехода к подлинной истории	485
Глава 2. Коммунизм — подлинная история человечества		497
	1. Начало подлинной истории	497
	2. Становление коммунистической цивилизации	508
Предметный указатель		520
Именной указатель		530

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Утверждено к печати Институтом философии Академии наук СССР

**Редактор издательства Т. Б. Чернышова. Художник В. Г. Виноградов
Художественный редактор С. А. Литвак. Технический редактор Н. П. Кузнецова
Корректор Г. Г. Петропавловская**

ИБ № 26884

Сдано в набор 15.04.83. Подписано к печати 30.06.83. Т-03999

Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная

Печать высокая. Усл. печ. л. 33,5. Усл. кр.-отт. 34,5. Уч.-изд. л. 40,0. Тираж 5700 экз.

Тип. зак. 2717. Цена 2 р. 80 к.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10